НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИИ

КОМИССИЯ ПО ИСТОЧНИКАМ ИСТОРИИ ГРУЗИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ИСТОРИКОВ ГРУЗИИ

КАРТЛИС ЦХОВРЕБА

ИСТОРИЯ ГРУЗИИ

Издательство АРТАНУДЖИ
Тбилиси 2008

Сочинения, входящие в летописный свод

«КАРТЛИС ЦХОВРЕБА»
(История Грузии),

перевели и комментариями снабдили

Леонтий Мровели. Жизнь грузинских царей. Обращение Грузии святой Нино	*докт. ист. н. В. Г. Ахвледиани*
Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала	*докт. ист. н. Г. В. Цулая*
Леонтий Мровели. Мученичество святого великомученика царя Грузии Арчила	*канд. ист. н. М. Д. Абашидзе*
Летопись Картли	*академик М. Д. Лордкипанидзе*
Жизнь царя царей Давида	*чл.-корр. НАНГ М. А. Шанидзе*
Летопись времен Лаша Георгия	*канд. ист. н. М. Д. Абашидзе*
Сумбат Давитисдзе. История и повествование о Багратионах	*академик М. Д. Лордкипанидзе*
История и восхваление венценосцев	*академик К. К. Кекелидзе*
Басилий Эзосмодзгвари. Жизнь царицы цариц Тамар	*докт. ист. н. В. Д. Дондуа, докт. ист. н. М. М. Бердзнишвили*
Столетняя летопись (Анонимный хронограф XIV в.)	*докт. ист. н. Г. В. Цулая*

Иллюстрационный материал подготовил к изданию
канд. ист. н. Б. К. Кудава

საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

საქართველოს ისტორიის წყაროების კომისია

საქართველოს ისტორიკოსთა ეროვნული კომიტეტი

ქართლის ცხოვრება

გამომცემლობა **არტანუჯი**

თბილისი 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Грузии и грузин занимает значительное место в контексте всемирной истории. На территории Грузии издревле существовало человеческое общество, которое прошло долгий путь культурного и исторического развития. Результаты исторических исследований (археологические открытия, этнографический материал) со всей очевидностью подтверждают, что Грузия – древнейшая в мире страна развитого земледелия и животноводства, где еще с древних времен использовали пахотное орудие, были знакомы с принципом колеса, осваивали культуру виноградной лозы. Первые государства на территории Грузии возникли три тысячи лет тому назад и на протяжении этих тысячелетий грузины создали самобытную, высокоразвитую культуру, изначально же заняв свое место в мировой цивилизации.

Цивилизация – это культурное единство высочайшего ранга, наивысший уровень культурной идентичности человека. Она определяется общими объективными показателями, какими являются язык, история, религия, традиции, а также самоидентификация людей.

Жизнь, движение, причем движение зачастую непрогнозируемое, являются сущностью истории. Процесс создания истории обусловлен существованием человека и человечества. Историк же, который постигает глубины истории, сам становится соучастником этого творческого процесса.

В нашу задачу входит предложить русскоязычному читателю важнейший нарративный памятник истории Грузии – «Картлис цховреба» («История Грузии»), – представив и историю страны, и сам памятник в общем – историческом и источниковедческом – контексте. Грузинская цивилизация занимает свою нишу в общих цивилизационных процессах, поэтому-то и «Картлис цховреба», являясь памятником высокого уровня, относится к источникам первостепенного значения.

Грузинская история характеризуется, с одной стороны, различного рода жестокими войнами, предельной напряженностью физических и нравственных сил, глубоким драматизмом, а, с другой, – значительными успехами, а в определенные периоды – политическим и территориальным объединением страны, развитием городов и городской жизни, науки, образования и культуры вообще. Жизнь предков грузин, их борьба, труд и творчество нашли свое отражение в фольклоре (поэзия, сказания, легенды и т. д.). Из поколения в поколение передавались сказание об Амирани, миф об аргонавтах, легенда об основании Тбилиси и др. О прошлом Грузии повествуют памятники материальной культуры (церкви, монастыри, крепости, руины дворцов, селища, городища и т. д.), однако возможность полноценного воссоздания истории страны дают в основном письменные источники.

Первые сочинения исторического характера на грузинском языке восходят к V в. н. э. Сборник исторических сочинений «Картлис цховреба», представляющий собой единственный связный письменный источник истории Грузии и, вместе с тем, официальную историю страны, является блестящим памятником грузинской исторической письменности. «Библия», «Витязь в тигровой шкуре» и «Картлис цховреба» представляли собой идейно-политическую опору средневекового Грузинского государства. «Картлис цховреба» издавна считалась «честной» и «святой» книгой и вместе с «Витязем в тигровой шкуре» составляла непременный атрибут приданого невесты.

В «Картлис цховреба» в хронологической последовательности внесены исторические сочинения различных авторов, что дает возможность создания единой, цельной истории Грузии. Памятник значителен еще и тем, что, помимо истории Грузии и грузин, содержит сведения о прошлом различных стран и народов (азербайджанцев, армян, осетин, лезгин и других народностей Дагестана, греков, римлян, персов, арабов, византийцев, турок, монголов и др.).

Большая заслуга в изучении «Картлис цховреба» принадлежит царю Картли Вахтангу VI (1675-1737 гг.), создавшему специальную группу (комиссию) «ученых мужей», которая провела значительную работу по установлению и продолжению текста памятника. Списки «Картлис цховреба» неоднократно были переписаны (в основном списки вахтанговской редакции), благодаря чему до нас дошло около двадцати рукописей. В 1849 г. Российская Академия наук издала «Картлис цховреба», которая была подготовлена по спискам поствахтанговского периода французским ориенталистом и грузиноведом академиком М. Броссе. Ученый сам перевел текст на французский язык и издал его, практически сделав этот источник по истории Грузии доступным для мировой общественности. М. Броссе пользовался тремя рукописями XVIII в., которые были переработаны и дополнены группой т. н. «ученых мужей» Вахтанга VI.

В дальнейшем были найдены новые списки XVIII в., а главное – пять рукописей, относящихся к XV-XVII вв., т. е. к довахтанговскому периоду.

В 1884 г. известный грузинский историк Д. Бакрадзе обнаружил копию списка, предназначенного для царицы Мариам (супруги царя Картли Ростома (1633-1648)), относящуюся к XVII в. Рукопись хранится в Национальном Центре Рукописей (S-30). В 1906 г. список был опубликован Э. Такаишвили.

В список царицы Мариам внесены «Кладезь сокровищ», который, как полагают (Ж.-П. Маэ и Ц. Курцикидзе), должен быть переведен с арабского; «Жизнь царей» Леонтия Мровели, «Жизнь Вахтанга Горгасала» Джуаншера, «Летопись Картли», «Жизнь царя царей Давида», «Хроника» Сумбата Давитисдзе (краткая история Багратионов V-XI вв.), сочинение первого историка царицы Тамар «История и восхваление венценосцев» и сочинение неизвестного летописца, условно называемое «Столетней летописью».

В 1913 г. известный грузинский исследователь Иване Джавахишвили в с. Ламискана, в доме А. Джамбакур-Орбелиани обнаружил список «Картлис цховреба», предназначенный, судя по колофону писца, для супруги царя Кахети Александра (1476-1511 гг.) Анны, но в действительности представляющий собою позднюю копию (XVII в.) этого списка. Рукопись, изданная в 1942 г. С. Каухчишвили, хранится в Национальном Центре Рукописей (Q-795).

Список царицы Анны содержит сочинения Леонтия Мровели и Джуаншера, «Летопись Картли», историю Давида Строителя («Жизнь царя царей Давида») и летопись времен Лаша-Георгия.

В 1923 г. И. Джавахишвили обнаружил еще одну рукопись – т. н. чалашвилевский список. В нем различаются две части; ранняя переписана в начале XVII в., недостающиеся же части (в начале и конце) писаны в 1731 г. рукою Эраджа Чалашвили, который восполнил текст по списку вахтанговской редакции. Рукопись ныне хранится в Национальном Центре Рукописей (под номером Q-207).

В список Эраджа Чалашвили внесены: сочинения Леонтия Мровели и Джуаншера, «Летопись Картли», история Давида Строителя, вторая история царицы Тамар (отличная от «Истории и восхваления венценосцев»). И. Джавахишвили автором второй истории Тамар считал Басилия Эзосмодзгвари*, само же сочинение было названо «Жизнью царицы цариц Тамар». В конце рукописи (новая часть) представлено продолжение «Картлис цховреба» (XIV-XVIII вв.), составленное «учеными мужами» Вахтанга VI.

В 1942 г. С. Каухчишвили исследовал т. н. мачабелевский список, переписанный Георгием Мачабели в 1736 г. Оригиналом для него послужил список «Картлис цховреба», некогда принадлежавший царю Арчилу, как об этом сообщает сам писец. Как доподлинно установлено, недостающие части оригинала – начало и конец – были восполнены им из чалашвилевского списка. Ныне рукопись хранится в Национальном Центре Рукописей (H-2135).

В мачабелевский список внесены: вступление, которое предваряло составленную комиссией «ученых мужей» «Картлис цховреба»; начальная часть хронографии Псевдодорофея (XVI-XVII вв.) с начала до истории Ноя; «Жизнь царей», «Обращение Картли святой Нино», «Жизнь Вахтанга Горгасала», «Мученичество Арчила», «Летопись Картли», история Давида Строителя, «История и восхваление венценосцев», «Столетняя летопись». Список завершает продолжение «Картлис цховреба» (XIV-XVIII вв.).

В 1959 г. Акакий Климиашвили обнаружил в Верхней Имерети (Зап. Грузия), в семье Ольги Мачавариани список «Картлис цховреба», переписанный в 1697 г. Эта дата указана в послесловии писца. Здесь же им назван и оригинал, с которого он сделал свою копию: рукопись, хранившаяся в Мцхета, в кафедральном соборе Светицховели (Животворящего столпа). Предположительно, это та самая рукопись, которая упоминается в Мцхетской жалованной грамоте 1546 г. В послесловии также назван и заказчик рукописи – Самебский епископ Николоз Самебели [Самебский (Троицкий) храм находится в Кахети, недалеко от с. Уджарма]. Список хранится в Национальном Центре Рукописей (Q-1219).

В список, обнаруженный А. Климиашвили, внесены: «Жизнь царей», «Обращение Картли святой Нино», «Жизнь Вахтанга Горгасала», «Мученичество Арчила», «Летопись Картли», «Жизнь и повествование о Багратионах», «Жизнь царя царей Давида», «История и восхваление венценосцев», «Столетняя летопись».

---

* Эзосмодзгвари – управитель царского двора.

Вышеприведенные пять списков «Картлис цховреба» содержат сочинения «древнего цикла». Как было отмечено, по инициативе Вахтанга VI группа «ученых мужей», опираясь на различные списки, отредактировала и дополнила «Картлис цховреба», причем было написано и продолжение её – «Новая Картлис цховреба». Помимо этого труда, в «новый цикл» «Картлис цховреба» условно внесены сочинения Вахушти Багратиони (С. Каухчишвили поместил этот труд в IV томе «Картлис цховреба»), Сехнии Чхеидзе, Папуны Орбелиани, Омана Херхеулидзе (вместе с сочинением Вахушти) и изданы в 1854 г. в Петербурге в виде II книги «Картлис цховреба» Давидом Чубинашвили.

В своем первоначальном виде «Картлис цховреба» была составлена в XI-XII вв. Очевидно, политическое объединение страны, её экономическое и культурное развитие требовали единого и полного описания прошлого Грузии. Сборник этот был призван не просто описать историю страны, но и идеологически обосновать политическое единство Грузии и царствование династии Багратионов. До этого же времени записи летописи Грузии велись, как об этом говорит в своем сочинении «Мученичество святого великомученика Арчила» Леонтий Мровели, «время от времени».

И. Джавахишвили доказал, что изначально в «Картлис цховреба» были внесены хроники, содержащие историю Грузии с древнейших времен до VIII в. В последующие же века «время от времени» добавлялась история сначала VIII-XII вв., а затем XIII-XIV вв., а именно: «Жизнь грузинских царей, праотцов грузин и их потомства» и «Обращение Картли святой Нино» Леонтия Мровели, «Жизнь Вахтанга Горгасала» Джуаншера, «Мученичество святого великомученика царя Грузии Арчила» Леонтия Мровели, «Летопись Картли», «Жизнь царя царей Давида», «Жизнь и повествование о Багратионах» Сумбата Давитисдзе, летопись времен Лаша-Георгия (жизнь царя Деметре, жизнь царя Георгия, жизнь великой царицы цариц Тамар, жизнь царя Георгия, сына Тамар), сочинение первого историка Тамар «История и восхваление венценосцев», сочинение Басилия Эзосмодзгвари «Жизнь царицы цариц Тамар», «Столетняя летопись» (название условное). Последнее сочинение заканчивается воцарением Георгия Блистательного (начало XIV в.). Летописец описывает первые шаги царя, но что было дальше, «язык не в состоянии передать столь удивительное и страшное». На этом повествование заканчивается; остается загадкой, что же было это «удивительное и страшное»... «Столетняя летопись» завершает т. н. «древний цикл» «Картлис цховреба».

По-видимому, в силу обстоятельств, некоторые рукописи «Картлис цховреба» были утеряны, а продолжить начатое не довелось, хотя записи о некоторых событиях той эпохи имеются. Таким образом, связной истории XIV-XVII вв. не существует. «Новый цикл» «Картлис цховреба», как мы уже знаем, создали «ученые мужи» комиссии Вахтанга VI, собрав различный исторический материал и написав историю XIV-XVII вв. «Новая Картлис цховреба» создавалась в течение двадцати лет. Списки времен Вахтанга VI (румянцевский, теймуразовский, джанашвилевский, схвиторский) с очевидностью свидетельствуют о той кропотливой работе, которую провели «ученые мужи». Следует отметить, что «Картлис цховреба» привлекала внимание грузинской общественности того времени. Появились заказчики и переписчики текста. Вахушти Багратиони особо указывал на многочисленность списков «Картлис цховреба».

«Ученые мужи» использовали для создания «Новой Картлис цховреба» различные источники. Они сокрушались по поводу того, что в определенный период история Грузии «не была писана».

Поэтому заимствовать исторический материал им приходилось из «древних книг», истории персов и армян, хрониконов и жалованных грамот, рассказов очевидцев событий, о чем, кстати, говорится и во вступлении к «Новой Картлис цховреба».

Таким образом, Вахтанг VI и созданная им комиссия «ученых мужей» внесла значительный вклад в дело изучения, дополнения, редактирования, словом, создания по возможности полноценной «Картлис цховреба». Как указывалось выше, первое издание «Картлис цховреба», осуществленное М. Броссе, содержало текст именно вахтанговской редакции.

В 1955-59 годах акад. Симон Каухчишвили издал критически установленный по всем известным к тому времени рукописям текст «Картлис цховреба». Публикация сыграла большую роль в деле исследования истории Грузии вообще, а также текстологического и источниковедческого изучения собственно памятника, завершив длительный этап изучения известных списков и установления их текста, суммировав результаты колоссальной работы, выполненной И. Джавахишвили и другими грузинскими учеными. На протяжении последних пятидесяти лет «Картлис цховреба», как важнейший источник истории Грузии, находится в центре внимания ученых. В Грузии и за ее пределами были опубликованы многие специальные исследования. На иностранные языки переведены отдельные сочинения, вошедшие в памятник еще во второй половине XII в. «Картлис цховреба» была переведена на древнеармянский язык (в 1953 г. перевод с комментариями издал Илья Абуладзе); отдельные сочинения на русский язык перевели Э. Такаишвили, В. Ахвледиани, Г. Цулая, М. Лордкипанидзе, К. Кекелидзе, В. Дондуа, М. Шанидзе; на французский – М. Броссе, на немецкий – Г. Печ, на английский – К. Вивьен.

Как уже отмечалось, в 1959 году была выявлена датированная 1697 годом выполненная «нусхури» (один из видов древнегрузинского письма) рукопись т. н. «древнего цикла». Этот факт и, в особенности, рост научного интереса к «Картлис цховреба» вызвали необходимость нового издания критического текста этого уникального памятника. Комиссия по источникам истории Грузии при АН Грузии приступила к этой работе к концу прошлого столетия. В текстологическом исследовании и критическом установлении текста «Картлис цховреба» приняли участие ученые – историки и филологи – Института рукописей им. К. Кекелидзе, Института истории и этнологии им. И. Джавахишвили и Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили.

Подбор списков для публикации текста «Картлис цховреба» в различных изданиях неодинаков, в зависимости от цели издателей (а также от доступности материала). Так, публикация М. Броссе, а также монументальное двухтомное издание С. Каухчишвили (1955-1959 гг.) основываются на нескольких известных ко времени издания списках. Публикации отдельных списков, осуществленные Э. Такаишвили в 1906 г. (список царицы Мариам) и С. Каухчишвили в 1942 г. (список царицы Анны), ставили своей целью введение в научный оборот текстов ранней, довахтанговской редакции. Также неодинаков и подбор публикуемых списков в изданиях отдельных частей «Картлис цховреба» (И. Джавахишвили, К. Кекелидзе, М. Лордкипанидзе, М. Шанидзе, Ц. Курцикидзе, Р. Кикнадзе, Г. Арахамия).

В основе представленного русскоязычного издания лежат списки, содержащие сочинения «древнего цикла» (списки царицы Мариам, царицы Анны, чалашвилевский, мачабелевский, список, обнаруженный А. Климиашвили, условно – мцхетский). В издании учтены особенности

каждого списка, а в отдельных случаях – и результаты редакторской работы эпохи Вахтанга VI и последующих времен.

Что касается объема отдельных составных частей «Картлис цховреба», их озаглавления и авторства, здесь мы целиком разделяем мнение И. Джавахишвили. В настоящей публикации соблюдены традиционные принципы, касающиеся состава (структуры) памятника, выработанные в свое время И. Джавахишвили и осуществленные впоследствии С. Каухчишвили, но с некоторыми уточнениями, основанными на исследованиях последнего времени. В частности, «Жизнь грузинских царей» Леонтия Мровели признана историей языческих царей включительно царствования Мириана и повествования об обращении Картли Ниной Каппадокийской; под сочинением Джуаншера разумеется собственно жизнь и деятельность Вахтанга Горгасала; история поствахтанговского времени признана псевдоджуаншеровской до начала истории царя Арчила (до повествования о набегах арабов); история жизни и мученичества Арчила выделена отдельным отрезком (автор – Леонтий Мровели); оставлены условные заголовки: «Летопись Картли», «Жизнь царя царей Давида»; «Жизнь и повествование о Багратионах» Сумбата Давитисдзе; «История и восхваление венценосцев»; «Столетняя летопись».

«Жизнь грузинских царей. Обращение Грузии святой Нино» Леонтия Мровели перевел проф. Владимир Ахвледиани. Перевод публикуется впервые.

«Жизнь Вахтанга Горгасала» перевел докт. ист. наук Гиви Цулая.

«Летопись Картли» и «Жизнь и повествование о Багратионах» Сумбата Давитисдзе даны в переводе акад. Мариам Лордкипанидзе (переводчик учитывает ранние переводы этих сочинений, существующую о них литературу, а также соображения, высказанные после первого их издания в 1955 г.). В тексты внесены некоторые изменения, уточнены отдельные вопросы.

Одним из значительных сочинений «Картлис цховреба» является «Жизнь царя царей Давида». Текст сочинения исследовала чл.-корр. АН Грузии Мзекала Шанидзе, ею же специально для настоящего издания выполнен перевод памятника на русский язык.

Сочинение, условное название которого «Жизнь царицы цариц Тамар», перевел проф. Варлам Дондуа; затем доктор исторических наук Мамиса Бердзнишвили издала перевод, исследовав и внеся в него некоторые изменения. Мы предлагаем именно этот перевод русскоязычному читателю. Сочинение это в виде отдельной, независимой части сохранилось в единственной рукописи. Это т. н. чалашвилевский список, обнаруженный И. Джавахишвили в 1923 г. В древней части рукописи, которая переписана в начале XVII в., сохранилась лишь первая часть истории царицы Тамар. Остальные части имеются в списках вахтанговской редакции, но не в отдельности, а уже в переработанном комиссией «ученых мужей» виде, т. е. слившиеся с т. н. первой историей царицы Тамар («История и восхваление венценосцев»). В русском переводе во второй части представлен лишь тот текст, который И. Джавахишвили считал сочинением Басилия.

«История и восхваление венценосцев» более полувека назад была переведена акад. Корнелием Кекелидзе. Именно этот перевод, с некоторыми уточнениями, мы предлагаем в настоящем издании.

«Мученичество святого великомученика царя Грузии Арчила» и сочинение историка эпохи царя Лаша-Георгия даны в переводе канд. ист. наук. Медеи Абашидзе.

«Столетнюю летопись» неизвестного летописца на русский язык перевел докт. ист. наук. Гиви Цулая (Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века, М., 2005 г.).

Каждое сочинение переводчики снабдили примечаниями; отметим здесь же, что в настоящем издании «Картлис цховреба» по мере возможности учтены изменения, которые были внесены в последнюю публикацию (2008 г.) этого памятника на грузинском языке.

* * *

Обычно, как правило, успех описываемых «историй» («жизней») зависит от стройного повествования и толкования их летописцем. Для достижения лучшего эффекта он использует различные средства: старается реалистически передать событие, интересно построить сюжет, представить доказательства, умело использовать идеологический подтекст.

И. Джавахишвили, высоко оценивая сочинения, вошедшие в «Картлис цховреба», заслуживающими доверия считал: «Летопись Картли», сочинение историка Давида Строителя, «Историю и восхваление венценосцев», сочинение Басилия эзосмодзгвари «Жизнь царицы цариц Тамар», сочинения летописца эпохи Лаша-Георгия и Сумбата Давитисдзе, «Столетнюю историю» неизвестного летописца. Ученый высказывал критические замечания по поводу сочинений Леонтия Мровели и Джуаншера, хотя полагал, что их издание, с соответствующими комментариями, необходимо.

Среди авторов «Картлис цховреба» самым достоверным и основательно знающим свое дело считается историк Давида Строителя – личность высокопросвещенная, тонкий знаток западной и восточной культур. Считая летописание весьма ответственным делом, он полагал, что для полноценного отображения происшедших событий или деятельности того или иного лица необходимо искусство ритора, т. е. способность стройного, последовательного и достоверного изложения. В то же время историк требовал от летописца не преувеличивать и не искажать явлений, считая достойными порицания Гомера и Аристовула – первого за то, что воспел героев Троянской войны, второго – за восславление Александра Македонского. Он полагал, что за неимением достаточного фактического материала Гомер и Аристовул были вынуждены восполнить повествование «риторическими отступлениями».

Сочинение историка Давида Строителя отличается изысканностью языка и стиля, художественностью и глубокой искренностью, достоверность хронологии событий подтверждается сопоставлением с другими источниками. Все это позволяет считать летопись безусловно первостепенным историческим источником.

Не останавливаясь подробно на других сочинениях «Картлис цховреба», отметим лишь, что все они весьма ценны и их следует учитывать в процессе изучения истории Кавказа.

Магистральная линия грузинского исторического мышления развивалась в соответствии с политическим развитием средневековой Грузии. В пору политического усиления и культурного возрождения Грузии грузинская историография как составная часть грузинской культуры так же возрождалась и развивалась.

Достижения грузинской исторической письменности в значительной степени были определены традиционно высоким уровнем развития филологической (особенно агиографической) и историко-филологической школ. Именно на этом фоне и была создана «Картлис цховреба».

Полагаем, что издание «Картлис цховреба» на русском языке исключительно важно: уникальный исторический памятник становится доступным для широких кругов общественности – ведь несколько сот миллионов человек говорит и читает на этом языке.

И еще: предлагаемое издание, вероятно, не может быть полностью застраховано от погрешностей, поэтому редакционная коллегия с благодарностью примет все добрые пожелания и замечания.

Академик **Роин Метревели**

Леонтий Мровели

ЖИЗНЬ ГРУЗИНСКИХ ЦАРЕЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начну я повествовать
о жизни царей грузинских, праотцов
грузин и их потомства

Глава первая

Повесть о восьми братьях

Сперва упомянем о том, что у армян, картвелов, ранов, моваканцев, эров, леков, мегрелов и кавкасианов, у всех этих сородичей, был один отец по имени Таргамос[1]. Сей Таргамос был сыном Тарша, внуком Яфета, сына Ноя. И был Таргамос богатырем. После разделения языков, – когда потомки Ноя построили башню в Вавилоне и разделились там языки, а строители башни рассеялись оттуда по всей земле, – удалился сей Таргамос вместе со своим племенем и поселился между двумя недоступными для человека горами – Араратом и Масисом[2]. Его племя было велико и неисчислимо, потому что были у него сыновья со множеством жен, и дочери, дети и внуки от сыновей и дочерей своих, а прожил он шестьсот лет. И не вмещала их земля Арарата и Масиса.

Страна, которая досталась в удел Таргамосу, имела такие пределы: на Востоке – море Гурганское, на Западе – море Понтийское, на юге – горы Орети[3], а на севере – гора Кавказ.

Среди сыновей Таргамоса выдвинулись восемь человек, богатыри могучие и славные, чьи имена суть следующие: первого звали Хаос, второго – Картлос, третьего – Бардос, четвертого – Мовакан, пятого – Лек, шестого – Эрос, седьмого – Кавкас, восьмого – Эгрос. Все восемь были богатырями, но Хаос был богатырем, превосходящим всех братьев, потому что ему подобного не было ни до Потопа, ни после, будь то по богатырскому его телосложению, силе или же доблести.

Так как страна Арарата и Масиса более не вмещала всё племя, то разделил Таргамос страну и племя свое между теми восьмью богатырями: половину племени и лучшую половину страны своей он дал Хаосу, а прочим семерым дал каждому в отдельности свой удел: привел он их, семерых, на Север, и разделил между ними земли соразмерно с их достоинством. Дал Картлосу

часть, определив её границы: на востоке – Эрети и река Бердуджи; на западе – море Понтийское; на юге – гора, которая тянется вдоль верховьев реки Бердуджи, и еще гора, которая тянется далее, к западу, и с которой вытекает в северном направлении река, сливающаяся с Курой, и тянется та гора между Кларджети и Тао до моря. На севере граница – Гадо и гора небольшая, которая идет отрогом от Кавказа, упираясь концом в край горы Гадо и которая ныне называется Лихи. В этих-то пределах лежащую всю землю дал Таргамос Картлосу.

Бардосу дал он землю по южную сторону Куры, от реки Бердуджи и места, где сливаются Кура и Аракс. Сей Бардос построил город Барду и поселился там.

Мовакану дал землю по северную сторону Куры от устья Малой Алазани до моря. Мовакан построил город Мовакнети и обосновался там.

Эросу дал он землю по северную сторону Куры, от устья Малой Алазани и до Ткетба, ныне называемой Гулгула. Сей Эрос построил впервые город в междуречье у места слияния обеих Алазани и назвал он этот город своим именем – Эрети. Потому и называется эта земля Эрети. Ныне то место в междуречье называется Хоранта.

Эгросу дал землю приморскую, определив ей границы: на востоке – гора небольшая, которая ныне называется Лихи; на западе – море; на севере – река Малая Хазария, куда упирается своим краем Кавказ. Сей Эгрос построил город и назвал он своим именем – Эгриси. Ныне то место называется Бедиа. На севере, за Кавказом, у Таргамоса не было уделов, не было там и обитателей; безлюдна была земля, начиная от Кавказа до великой реки, которая впадает в море Дербентское. Поэтому Таргамос выделил из множества богатырей двух – Лека и Кавкаса, и дал Леку землю, с границами от моря Дербентского до реки Ломеки; на севере же – до великой реки Хазарии. Кавкасу дал он землю от реки Ломеки и до конца Кавказа на западе.

Хаос поселился на земле отца своего, Таргамоса, завладел также страной, лежавшей к северу, как об этом я уже писал: именно – от горы Орети на юге до моря Гурганского на востоке и до моря Понтийского на западе. Над всеми этими семью героями управителем и господином стал Хаос. Все они семеро были покорны Хаосу, а все восемь вместе покорялись герою Неброту, который был первым царем над всем миром.

После этого, по истечении немногих лет, призвал к себе Хаос тех семерых богатырей, собрал их и сказал им: «Дал бог всевышний нашему племени могущество и множество сородичей. Ныне с помощью Творца нашего постановляем не оставаться нам более в порабощении ни у кого и не служить никому, кроме как богу – Творцу». Выразили свое согласие с Хаосом те семь богатырей и скрепили его решение. Отложились они от Неброта и прекратили платить дань. Вместе с тем, они сговорились и с некоторыми другими племенами, и эти другие племена тоже изменили ему (Неброту).

Тогда разгневался на них Неброт, собрал своих богатырей и все покорные ему войска, и двинулся на Таргамосидов. Хаос тоже созвал всех семерых богатырей и всё Таргамосово племя. Ему оказали помощь и некоторые другие сородичи с запада. Собрал Хаос всех их и расположился у подножия Масиса. Когда же Неброт подступил к земле Адарбадагана и расположился там, он двинул шестьдесят богатырей и с ними сильные свои войска, чтобы сразиться с Таргамосидами.

Когда подошли войска Неброта, то встретили их те семь богатырей, братья Хаоса, со своими сильными войсками, а Хаос с еще более сильным войском стал позади них, в тылу. Завязался

между ними жаркий бой, напоминающий по своей жестокости смерч. Пыль, поднятая их ногами, – как густое облако; отблеск их доспехов – как молнии в небе; возгласы, раздававшиеся из их уст, – как грохот грома; множество стрел и метание камней – как частый град; кровь, пролитая ими, – как потоки от града. Усилился бой между ними, и погибло с обеих сторон бесчисленное множество воинов.

Хаос стоял в тылу своих богатырей, подкрепляя их и ободряя их своим ужасающим голосом, который был подобен раскатам грома. Наконец, взяли верх Таргамосиды, истребив тех шестьдесят богатырей Неброта и их войска. А семь героев Таргамосидов – Картлос, Бардос, Мовакан, Эрос, Лек, Кавкас, Эгрос – остались живы и невредимы, и они, победоносные, благодарили бога.

Когда об этом узнал Неброт, то он разгневался и двинулся против них со всеми своими войсками. А у Хаоса не было войск, по численности равных войскам Неброта, и поэтому он укрепился в лощинах Масиса. Подступил к нему Неброт снизу, закованный в железо и сталь с ног до головы. Поднялся он на одну гору, чтобы переговорить с Хаосом и предложить ему покориться снова, коли желает, чтобы он (Неброт) отступил. Но Хаос сказал своим богатырям: «Подкрепите меня с тыла и я приближусь к Неброту».

Выступил он и стал против Неброта, поближе к нему, пустил в него стрелу и попал в грудь Неброту – в нагрудник стальной, и стрела прошла насквозь. Тогда упал Неброт, а его войска обратились в бегство и освободилось племя Таргамоса. Тогда Хаос объявил себя царем над своими братьями, а также и над другими племенами, обитавшими около границ его царства. А все семь братьев отправились каждый в свой удел, пребывая в подчинении у Хаоса. До сего места мы писали повесть о всех восьми братьях.

Глава вторая

Повествование о Картли

А отсюда начнем и расскажем повесть о Картли, о племенах её и о жизни их вплоть до наших дней.

После того, как разделил Таргамос страну между племенами своими, между восьмью своими сыновьями, и дал Картлосу страну, которую мы выше описали, то сей Картлос сначала прибыл в то место, где Арагви сливается с Курой, поднялся он на гору, которая называется Армази, и сперва возвел укрепления на ней, там же построил себе дом и назвал ту гору своим именем – Картли. До воздвижения там, на вершине, идола Армаза, та гора называлась Картли. Поэтому и была вся страна, протяженностью от Хунани и до моря Спери, названа Картли.

После этого Картлос построил крепость Орби, которая ныне называется Самшвилде. Затем построил крепость Мтуери, которая ныне называется Хунани. Жил он долгие годы, отчего сильно размножилось и его потомство.

А среди его сыновей выделились пять героев: Мцхетос, Гардабос, Кахос, Кухос, Гачиос. Все пятеро были богатырями, но Мцхетос, как богатырь, превосходил всех братьев.

Умер Картлос, и погребли его на вершине Картли, которая ныне называется Армази. После этого жена его построила Деда-цихе. Она же построила Бостан-калаки, который теперь называется Рустави. И совершила жена Картлоса раздел между пятью богатырями, сыновьями своими.

Гардабосу она отдала Хунани и определила границы: на востоке – реку Бердуджи, на западе – город Гачиани, на юге – гору, упомянутую выше, и на севере – Куру.

Гачиосу она отдала Орбис-цихе – землю от реки Сквирети до границ Абоци. Сей Гачиос построил город Гачиани, который в то время назывался «Охотным городом».

Кухосу она отдала Бостан-калаки, который ныне называется Рустави, а также землю от Арагви до Эрети, до края Кахетской горы, между Алазани и Курой.

Кахосу отдала землю между Кавказом и горами Кахети, от Арагви и до Ткетба, которая является границей Эрети. Сей Кахос построил Челети, а Кухос оказал ему помощь в деле застройки Челети; поэтому хоть Деда-цихе и была уделом Кахоса, последний отдал её Кухосу в знак благодарности в деле застройки Челети, который, будучи первым в Кахети, назывался Бер.

А Мцхетос, превосходивший как богатырь своих братьев, остался жить на земле своего отца Картлоса, которая и называется ныне Армази. Он же построил город в междуречье, у слияния Куры и Арагви, и назвал город своим именем – Мцхета. Оттуда он завладел страною от Тбилиси и Арагви до моря Спери на западе.

Мцхетос был управителем и господином над всеми своими четырьмя братьями, и все они четверо были покорны ему. Такой раздел произошел между сыновьями Картлоса и таковы были те, которых разделила мать после смерти Картлоса. Долгие годы жил Мцхетос; размножилось племя его, как и остальных сыновей Картлоса.

А среди сыновей Мцхетоса выделились три именитых богатыря: Уплос, Одзрхос, Джавахос. Мцхетос разделил между ними страну и всё их племя.

Одзрхосу отдал скалистую страну от Тасис-кари до моря Спери. Сей Одзрхос построил два укрепленных города: Одзрхе и Тухариси.

Джавахосу отдал землю от Панавари до верховьев Куры. Сей Джавахос построил два города с крепостью при каждом: город Цунда и город Артани, который в то время назывался Каджта-калаки, ныне же называется Хури.

Уплос остался жить на земле своего отца Мцхетоса – в Мцхета. Он владел землёю от Арагви и Тбилиси до Тасис-кари и Панавари. Построил Уплис-цихе, Урбниси, Каспи и землю эту от Арагви и Армази до Тасис-кари назвал Зена-сопели, которая ныне называется Шида Картли.

До смерти Мцхетоса все эти Таргамосовы племена пребывали во взаимной любви; они питали страх перед Небротидами, полагая, что Небротиды ищут крови убитого Неброта. Именно из-за страха перед Небротидами Таргамосовы племена стремились укреплять свои города-крепости.

Но когда умер Мцхетос, сын Картлоса, возникла вражда между отдельными сыновьями Картлоса. Начались у них междоусобия и взаимные вторжения, потому что Уплосу, сыну Мцхетоса, не стали подчиняться братья, не величали его господином, хотя Уплос и был оставлен на престоле Картлосом – от отца досталась ему власть над Картлосидами. Междоусобия продолжались без конца. Когда двое из сородичей поднимались, бывало, против третьего, а прочие оказывали помощь, то другие поднимались один против другого, а иные помогали им. Иногда водворялся мир между ними, но скоро снова вступали они в раздоры и междоусобия.

Так оно и продолжалось, и не находилось среди них никого, кто бы был более знатным и более именитым; и лишь там и тут люди сами избирали себе своих вождей. Только тот, кто сидел в Мцхета, считался как бы главой над всеми теми вождями. Причем они не назывались ни царями и ни эриставами, а назывались мамасахлисами. Тот из мамасахлисов, который сидел в Мцхета, был примирителем враждующих и судьей по отношению ко всем Картлосидам, поскольку город Мцхета возвысился над всеми прочими городами (Картли) и назвали его стольным городом[*].

В то время (в Картли) люди забыли бога, их творца, и стали служить Солнцу и Луне и пяти звездам: нерушимой и главной клятвой у них была клятва во имя могилы Картлоса[4].

Выход хазар[5]

В то время усилились хазары. Они стали воевать с племенами Лека и Кавкаса. А Таргамосиды пребывали в то время в мире и взаимной любви.

Над сыновьями Кавкаса господином был Дурдзук, сын Тирета. Они вступили в переговоры со всеми шестью потомками Таргамосидов, просили оказать им помощь в борьбе против хазар. Тогда собрались все племена Таргамосидов, и, совершив переход через гору Кавказ, произвели погромы и пленение по всем рубежам Хазарии. Они построили город у границ Хазарии и ушли назад.

После этого хазары избрали себе царя, и все подчинились ему. Выступив в поход, они взяли с собой царя, вышли сюда, на юг, через Морские ворота, ныне называемые Дербентом. Таргамосиды не смогли оказать им сопротивления, потому что хазар было бесчисленное множество; хазары полонили всю страну Таргамосидов, сокрушили города Арарата и Масиса и города северные. Остались у них неопустошенными лишь города крепости Тухариси, Самшвилде и Мтуерис-цихе, который и есть Хунани; уцелели также Шида Картли и Эгриси.

Изучили хазары оба пути, ведущие через Морские ворота, или Дербент, и Арагвские ворота, т. е. Дарьял. В дальнейшем умножили хазары свои походы, погромы и пленения в стране Таргамосидов. Таргамосиды не смогли оказать им сопротивления и с тех пор стали данниками хазар.

Когда впервые хазарский царь полонил страны, о которых я писал выше, и совершил переход через гору Кавказ, то был у него сын по имени Уобос. Отдал он своему сыну пленных из Армении и Картли; дал ему, кроме того, землю – часть удела Кавкаса, простиравшуюся к западу от реки Ломеки и до западного края горы Кавказ.

Поселился там Уобос. Его потомство – овсы[6], а страна та есть Осетия, что прежде была уделом Кавкаса. А Дурдзук, который был знатнее других сыновей Кавкаса, пошел и сел в расселине горы и назвал ту землю своим именем – Дурдзукети. Он платил дань хазарскому царю.

---

* В оригинале «деда-калаки» (букв. – «мать-город»), что означает столицу.

В то же время хазарский царь отдал сыну брата отца своего удел Лека от моря Дербентского на востоке до реки Ломеки; дал ему, кроме того, пленных из Рана и Мовакана. Тот и поселился там, на земле, которая составляла удел Лека.

А Хозаних, будучи знатнее остальных потомков Лека, пошел и сел в расселине горы, построил там город и нарек его своим именем – Хозанихети.

С тех пор прошло много времени; все эти племена оставались данниками хазар.

После этого усилились персы, со стороны восхода солнца, – потомство Неброта. А среди этих потомков Неброта выдвинулся один человек – богатырь, имя которого Апридон, «тот, кто связал цепями Бевраспа, повелителя змей, и привязал к горе, которая недоступна для человека».

Об этом написано в «Истории персов». Апридон стал господином над всей персидской землей, причем в некоторые другие страны заслал правителей, ему подручных, и некоторые из этих стран стали его данниками. Так, он послал с большим войском одного своего правителя, сына потомков Неброта, имя которого было Ардам. Этот правитель прибыл в Картли и сокрушил все города и крепости Картли, истребив всех хазар, каких только нашел в Картли.

Ардам построил город у Морских ворот и назвал его Дербентом, что переводится как «запер ворота». Он же окружил город Мцхета оградой из камня на извести. До тех пор в Картли не было случая использования в деле камня на извести. От него научились здесь применять камень на извести. Тот же Ардам обвел оградой из камня на извести крепость Армази, спустив отсюда ограду до выступа Армази вниз до берега Куры. И был Ардам правителем многие годы. Когда Апридон разделил всю свою страну между тремя своими сыновьями, то тому же сыну, которому он дал тогда в качестве дома Персию, досталась в удел и Картли, – имя того сына было Яред. После Ардама умерли четыре правителя. С тех пор сыновья Апридона лишились покоя, потому что возникли у них междоусобия. Двое из братьев убили Яреда, брата своего. Тогда нашли удобное время Картлосиды. Они вступили в переговоры с овсами, побудив их выступить из-за гор. Затем нашли правителя персидского среди поля. Он вредил словом и делом. И они убили его. И вообще, как только обнаруживали персов, всех истребляли овсы и грузины, и добились грузины своего освобождения. Только Ран и Эрети остались за персами.

После этого, по истечении многих лет, снова усилились персы. Возвысился царь персов, которого звали Кекапос.

В то время в Лекети жил чародей из потомков Хозаниха; он своими чарами лишил зрения царя Кекапоса и все его войско. Не смог он, Кекапос, вступить в пределы Лекети, повернул назад и только тогда прозрел. Сей Кекапос снова сделал грузин своими данниками, после чего удалился.

Спустя несколько лет после этого пришла весть, что Моисей перешел море Израильское, и что его люди питаются, передвигаясь по пустыне, манною. Удивлялись все и все язычники восславили бога израильтян.

Спустя несколько лет после этого Кекапос, царь персидский, лишился покоя, потому что начал войну с турками[7]. Нашли удобное время армяне и грузины и отложились от персов, укрепили крепости и города. Объединился и весь род Таргамосидов.

Спустя несколько лет после этого прислал Кекапос, царь персидский, своего сына, по имени Парборот, с великим войском против армян и грузин и всех прочих Таргамосидов. Тогда все

Таргамосиды, объединившись, выступили навстречу персам и дали им сражение в Адарбадагане, обратив Парборота в бегство и истребив его войско.

Спустя несколько лет после этого, послал сюда тот же Кекапос внука своего, сына Шиоша Счастливого, – этот последний был убит в стране турок, как о том написано в книге «История персов».

Направился сюда этот сын Шиоша, по имени Кайхосро. Не смогли армяне и грузины оказать ему сопротивления, потому что велика была его сила. Он прошел через всю Армению и всю Картли, производя погромы и пленение, грабя все крепости и города. Он оставил в разоренных землях правителей, построил в Адарбадагане молитвенный дом для последователей их веры и ушел.

Спустя несколько лет после этого царь Кайхосро опять лишился покоя, потому что начал воевать против турок, – он искал крови отца своего. Нашли тогда удобное время армяне и грузины, отложились от персов, истребили правителей персидских и добились освобождения.

В то же время пришли турки, обращенные в бегство самим Кайхосро. Они перешли Гурганское море и, двигаясь вдоль Куры вверх, достигли Мцхета, в составе двадцати восьми домов. Они вступили в переговоры с мамасахлисом Мхцета, обещали ему военную помощь против персов. Мцхетский мамасахлис известил об этом всех грузин. Грузины выразили желание вступить в дружбу с турками, так как питали страх перед персами. Ради обещанной помощи они вступили в дружбу с этими изгнанными турками и расселили их по всем городам.

Большинство из них пришли и нашли одну глубокую лощину к западу от Мцхета, окруженную скалами, и стали выпрашивать у мцхетского мамасахлиса то место. Мамасахлис отдал им его. Они застроили его, обнесли крепкой стеной, и то место стало называться Саркине.

С той поры турки эти и грузины жили во взаимном согласии; находясь в ожидании нашествия персов, укрепляли города-крепости. В те времена, кто бы откуда ни являлся (в Картли), совершив злодеяние и будучи изгнан из Греции[*] или Сирии или Хазарии, со всеми грузины вступали в дружбу ради получения помощи против персов.

По истечении долгого времени царь Навуходоносор совершил нашествие на Иерусалим[8]. Бежавшие оттуда евреи пришли в Картли; они стали просить у мцхетского мамасахлиса уступить им землю с возложением на них дани (харки). Мамасахлис дал им её, поселил их в ущелье Арагви у родника, который называется Занави. А земля, которую они держали на условии выплаты дани (харки), ныне называется Херки – от «харки» (дань). До той поры разговорным языком Картлосидов был армянский[9]. Когда же в Картли, где образовался грузинский язык[10], собралось такое бесчисленное множество племен, то и грузины оставили армянский язык.

И приняли они веру, отвратительнее всякой другой, какой только держались эти племена: при заключении брачных уз они не считались с наличием родства.

Спустя несколько лет после этого, поднялся сын персидского царя Вашташаба по имени Спандиат Рвали, великан, муж именитый. Не смогли оказать ему сопротивления армяне и грузины, зато привели в исправность крепости, укрепили города и стали выжидать нападения противника. Но когда Спандиат пришел в Адарбадаган, его настигла весть от персов, что дед

* Здесь – Византия.

его убит турками и что турки вторглись в пределы Персии. Тогда Спандиат бросил воевать с армянами и грузинами, направился против турок в поисках крови деда своего. Таким образом армяне и грузины избавились от него.

Спустя несколько лет после этого в Персии воцарился сын Спандиата по имени Барам[11], который известен как Ардашир. Он возвысился более, чем все другие персидские цари. Он завоевал Вавилон и Ассирию, сделал своими данниками греков и римлян. В то же время и грузины были его данниками. И так в Картли были смешаны все эти племена, а разговорных языков в Картли было шесть: армянский, грузинский, хазарский, сирийский, еврейский и греческий. Эти языки знали все цари Картли, и все население, мужчины и женщины[12].

Глава третья

Приход Александра и цари Парнавазиды

Сей Александр появился в Греции, в стране, называемой Македония. Он был сыном Никтанибы, египтянина, как написано о нем в книге греков. Александр завоевал все четыре края света. Он вышел с запада и проник на юг; пришел сюда на север, перешел Кавказ и вступил к нам в Картли. Он нашел веру грузин поганой по сравнению с верой всех прочих народов. Потому что в деле бракосочетаний и прелюбодеяний родство у них пренебрегалось. Говорить об их нравах непристойно. Увидевши этот свирепый языческий народ, которого мы называем бунтурками и кипчаками, Александр, осевший у реки (Куры) вдоль её изгиба, удивился, потому что никакой другой народ не делал этого[13]. Александр пожелал истребить его (этот народ) во всех городах, но тогда он не смог, потому что крепости были прочные, а города мощные. Кроме того, вышел с юга ещё народ – халдейцы, и они также поселились в Картли.

Впоследствии, усилившись, Александр завоевал весь мир и снова вступил в Картли. Здесь он нашел следующие мощные города с крепостью при каждом: в Шида Картли – Цунда, Хертвиси на Куре, Одзрхе, упиравшийся в скалы Гадо, Тухариси на реке, протекающей в Спери и называемой Чорохи, Урбниси, Каспи и Уплис-цихе; великий город Мцхета и его слободы, Саркине и Цихе-диди; Занави – слободу иудеев; Рустави, Деда-цихе, Самшвилде и Мтуерис-цихе, то есть Хунани; и города Кахети. Во всех этих городах-крепостях Александр нашел людей воинственных. Он разделил свое войско и окружил все эти города-крепости. Сам стал в Мцхета, а войско расположил по ту и сию стороны города, а также поверх и ниже его. После этого сам избрал себе стоянку на возвышении над Ксани, место которое называется Настакиси.

Он не воевал против Мтуерис-цихе и Тухариси, потому что не смог бы завладеть ими. Зато все другие названные крепости и города он завоевал в течение шести месяцев. Когда некоторые из саркинских бунтурков стали поносить Александра, он разгневался на них и уже не пожелал принять от них мир и внять их просьбам. Он сказал им: «Так как вы меня стали поносить, мзда ваша за это – быть перебитыми мною». Он окружил Саркине и ни один человек не мог уйти. Саркинцам стало трудно, потому что Александр вел войну с ними целых одиннадцать месяцев.

Тогда они стали тайком прорубать в скалах проход и прорубили его: скала была рыхлая, легко поддающаяся прорубке. Саркинцы ночью выбрались из города через прорубленный ход и бежали в ущелья Кавказа, оставив опустевший город.

Так завоевал Александр всю Картли, истребил все племена, находящиеся в Картли и смешавшиеся с местным населением, истребил он эти инородные племена и полонил женщин и детей невинных, моложе пятнадцати лет. Оставил он только племя Картлосидов. Управлять ими оставил патрика по имени Азон, сына Яредоса, своего сородича из страны Македония. И дал ему сто тысяч человек из страны Римской, называемой Протатос. Сии протатосцы были люди сильные, они вели упорную борьбу против страны Римской. Александр привел их с собой в Картли, сдал их патрику Азону и оставил в качестве правителя Картли того же Азона, а с ним вместе войска, чтобы с помощью их держать в руках Картли.

Велел Александр Азону блюсти почитание Солнца и Луны и пяти звезд, чтобы все служили богу невидимому, творцу всего. Так как в ту пору не было пророка, учителя истинной веры, который мог бы поучать и обличать (язычников), то Александр сам придумал эту веру. В годы своего царствования он эту веру дал всему миру. После этого Александр ушел.

Азон срыл стены города Мцхета до основания и оставил нетронутыми те четыре крепости, которые стояли по краю Картли: главную крепость, т. е. Армази; одну крепость у края Армази; одну на горе, возвышающейся над Мцхета; четвертую крепость – к западу от Мцхета на Куре.

Он укрепил эти крепости и ввел в них войско. Срыл (Азон) стены и всех других городов Картли, овладел всеми рубежами Картли от Эрети и реки Бердуджи до моря Спери, овладел также и Эгриси; сделал данниками овсов, леков и хазар.

После того, как Александр предпринял поход на Египет, он там построил город Александрию. За двенадцать лет он обошел весь мир. За двенадцать лет завоевал он все края света, а на четырнадцатом году этот несравненный, великий царь умер в Александрии. До своей смерти, он отпустил всех знатных людей, которые были у него в неволе и в порабощении. Они ушли каждый в свою страну, согласно повелению.

Затем призвал к себе четырех своих соплеменников, чьи имена были: Антиохоз, Ромос, Византиос и Платон.

Антиохозу отдал в удел Асурастан и Армению, отведя ему восточную часть своего государства; Антиохоз построил своего же имени город – Антиохию.

Ромосу отдал Тримикос и отвел ему западную сторону; и тот построил город Рим.

Византиосу дал Грецию и Картли и отвел ему северную сторону. Написал он письмо – завещание патрику Азону, эриставу Картли, предписывая ему служить Византиосу. Византиос построил город Византию, который ныне называется Константинополем.

А Платона оставил в Александрии. И умер Александр.

Но Азон отступил от веры, данной Александром, стал служить идолам. Он создал двух идолов из серебра: Гаци и Гайм. Он был покорен Византиосу, царю Греции. Азон был человеком тяжелым, кровожадным. Он постановил и довел до сведения своих войск: «Всякого грузина, у которого будет обнаружено оружие, умертвите». И римляне именно так поступали в отношении грузин: если кто оказывался среди грузин стройным и рослым, того убивали. Великое горе тяготело над грузинами. Сей Азон был кровожаден и по отношению к римлянам, так что многих из них он так же истребил[14].

Жизнь Парнаваза,
который был первым царем Картли из Картлосидов

В то время жил в Мцхета один юноша по имени Парнаваз. Сей Парнаваз по происхождению был из Картли, сородичем Уплоса, сына Мцхетоса, а по матери – персом из Исфахана. Он был сыном брата Самара, того самого, который во время прихода Александра (в Картли) являлся мцхетским мамасахлисом.

Самар и брат его, отец Парнаваза, были убиты Александром, а мать взяла с собой Парнаваза, тогда трехлетнего ребенка, и бежала в горы Кавказа. Уже взрослым он явился в Мцхета, свою вотчину.

Пранаваз был человеком умным, воином предприимчивым и охотником искусным. Но он скрывал свои добродетели из страха перед Азоном. Однажды, как охотник, часто бродивший по горам и долам, он познакомился с Азоном. Азон полюбил его за искусство охотиться. Между тем, мать умоляла Парнаваза: «Сын мой, остерегайся Азона, не обнаруживай никакой своей добродетели! Как бы не убили они тебя».

Страх и треперт овладели ею и она сказала Парнавазу: «Сын мой, покинь страну, вотчину своих отцов, возьми меня в вотчину мою, в Исфахан, к моим братьям. Спаси ты свою жизнь от руки Азона».

Так мать и сын приняли решение отправиться в Исфахан. Для Парнаваза это было великим горем, но из-за страха перед Азоном он решил все-таки отправиться.

После этого Парнавазу приснился сон: будто он находился в безлюдном доме, откуда ему хотелось выйти, но выйти не мог. Тогда к нему через оконце проник солнечный луч, охвативший его за пояс, потянул и вынес его вон через оконце. Выйдя таким образом в поле, он увидел солнце, повисшее низко, протянул к нему руку, оттер росу с лица солнца и смочил ею свое лицо. Проснувшись, Парнаваз испытал чувство удивления: «Этот сон означает, – сказал он, – что я отправлюсь в Исфахан и там обрету счастье».

В тот же день он вышел охотиться и стал преследовать стадо оленей в Дигомском поле. Олени убежали по теснинам Тбилиси. Парнаваз преследовал их, пустил стрелу и попал в оленя; раненый олень еще немного пробежал и упал у подножия скалы. Парнаваз подошел к оленю; день уже клонился к вечеру, и он уселся около оленя, чтобы там же переночевать и утром уйти.

У подножия той скалы была пещера, вход в которую издавна был забит камнями, – заметно было, что постройка от времени начала рушиться. В это время полил сильный дождь. Парнаваз достал обух, пробил вход в пещеру, чтобы укрыться от дождя и обсохнуть. Он вошел в пещеру и обнаружил там клад бесценный, золото и серебро, неоценимую золотую и серебряную утварь.

Парнаваз поразился, радость наполнила его, вспомнился ему и сон. Забил он снова вход в пещеру и спешно отправился домой. Он осведомил мать и двух сестер своих о находке. Той же ночью все трое отправились к пещере на ослах с разной посудой. Они стали извлекать клад из пещеры и зарывать в удобном для себя месте. С рассветом они снова забили вход в пещеру. Таким путем они извлекли весь клад за пять ночей и перезахоронили его.

Затем Парнаваз послал своего раба к Куджи и сообщил ему: «Я – потомок Уплоса, сына Мцхетоса, сын брата мамасахлиса Самара, у меня огромное состояние. Изъяви же желание,

чтобы я прибыл к тебе, захватив с собой все это имущество, чтобы нам быть братьями и вдвоем распорядиться моим состоянием. Поднимемся мы открыто против правителя Азона. Да дарует нам судьба благую победу».

Куджи возрадовался тогда радостью великою. Он отвечал: «Встань и приходи ко мне, не щади своего состояния! И твоим состоянием я умножу твои войска, прежде чем нам в открытую подняться против Азона. Тогда-то возрадуются все грузины, побитые и забитые Азоном. Думаю, что и из римлян многие присоединятся к нам, потому что стараниями Азона их тоже побито без учета».

Тогда Парнаваз тайно отправился к Куджи в Эгриси, захватив с собою все, что было возможно из клада, а также взяв с собой мать и сестер своих. Он прибыл к Куджи. Куджи сказал ему: «Ты – сын и потомок верховных правителей Картли; тебе надлежит быть господином надо мной. Не щади своего состояния, чтобы я мог умножить твои войска. Если нам достанется победа, то тогда ты – нам господин, а я – раб тебе».

После этого они объединились и вступили в переговоры с овсами и леками, а те обрадовались, потому что не желали платить дани Азону. Овсы и леки последовали за ними, и умножили Куджи и Парнаваз свои войска. Потом из Эгриси стало стекаться несметное войско, и все они направились против Азона. Азон же призвал свои войска, собрав их вокруг себя.

Тогда тысяча отборных римских воинов, которым Азон причинил зло, отложились от него и явились к Парнавазу. Затем и все грузины отложились от Азона. А на войска, которые еще оставались у Азона, он не мог полагаться, поскольку Азон со всеми обращался как злодей. Удалился Азон из Мцхета, прибыл в Кларджети и засел в укреплениях Кларджети.

А Парнаваз вступил в Мцхета и завладел всеми четырьмя крепостями. В тот же год он овладел всей Картли, исключая Кларджети.

Затем Парнаваз направил гонцов к царю Антиоху Асурастанскому, послав ему множество даров и обещая служить ему. Взамен просил помощи против греков. Антиох благосклонно принял его дары, в своем ответе назвал Парнаваза своим сыном, прислал ему корону, дав вместе с тем повеление правителям армянским оказать помощь Парнавазу.

На втором году после этого Азон присоединил к себе войска из Греции и, весьма усилившись, двинулся против Парнаваза. А Парнаваз еще до того умножил воинство грузинское. Призвав его, он, вместе с тем, обратился с призывом к Куджи, а также к овсам. Собрались все. К Парнавазу присоединились и правители Антиоха из Армении. Собрал Парнаваз все эти войска и встретил противника около городища Артани, тогда называющегося Каджта-калаки, т. е. Хури, и там сразился с ним. Произошел великий бой, с обеих сторон погибло людей без счета. Но греки потерпели поражение и обратились в бегство, а Азон был убит; бесчисленные его войска были истреблены, частью полонены.

Двинулся Парнаваз далее и произвел погромы и пленение на рубежах Греции, в Андзиандзоре, а из Эклеци, повернув обратно, вступил в Кларджети, завладел им и направился обратно в Мцхета, испытывая великую радость. К нему перешло и все состояние Азона, что составило несметное богатство[15].

Земля, лежавшая ниже Эгрис-цхали, осталась за греками, поскольку жители тех мест не захотели отложиться от греков. Тогда Парнаваз выдал свою сестру замуж за царя овсов, а другую

свою сестру – за Куджи. Отдал он Куджи земли в границах между Эгрис-цхали и Риони, от моря и до горы, между которыми (границами) расположены Эгриси и Суанети, и утвердил он его тут эриставом, а Куджи здесь построил город-крепость – Цихе-годжи[16].

И тогда Парнаваз обезопасил себя от любых врагов: он стал царем над всей Картли и Эгури, умножил он воинов из Картлосидов и назначил в царстве восемь эриставов и одного спаспета.

Одного отправил он в Маргви в качестве эристава и дал ему (область) от малой горы, т. е. Лихи, до границы Эгриси, выше Риони. Тот же Парнаваз построил две крепости – Шорапани и Димна.

Второго отправил эриставом в Кахети; отдал ему область от Арагви до Эрети, т. е. Кахети и Кухети.

Третьего отправил эриставом в Хунани, отдал ему область от реки Бердуджи до Тбилиси и Гачиани, т. е. Гардабани.

Четвертого отправил он эриставом в Самшвилде и отдал ему область от реки Сквирети до горы, т. е. Таширии и Абоци.

Пятого отправил он эриставом в Цунда и отдал ему область от Панавари до верховьев Куры, т.е. Джавахети, Кола и Артани.

Шестого отправил эриставом в Одзрхе, дал ему землю от Тасис-кари до горы Арсиани, от начала Носте до моря, т. е. Самцхе и Аджара.

Седьмого отправил эриставом в Кларджети и дал ему область от Арсиани до моря. А восьмой – Куджи, был эриставом Эгриси.

Одного назначил спаспетом и отдал ему область от Тбилиси и Арагви до Тасис-кари и Панавари, т. е. Шида Картли. Спаспет всегда находился при царе; он, как первейший при дворе, управлял всеми эриставами; в разных местах он назначил спасаларов и тысяченачальников, подвластных эриставам. Через них поступала дань царская и дань эриставская.

Такой распорядок дал Парнаваз царству, по подобию распорядка царства Персидского.

Он избрал себе жену из племени дурдзуков, потомков Кавкаса.

Парнаваз окружил город Мцхета крепкой оградой. Все города и крепости Картли, опустошенные Александром, он построил заново.

Греки не смогли отомстить Парнавазу, поскольку были заняты войной против римлян[17].

Парнаваз же создал идола и посвятил его своему имени: это Армаз. Парнаваз по-персидски именовался Армазом. Он воздвиг статую Армаза на вершине горы Картли и устроил в его честь большой праздник. С тех пор это место стало называться Армази.

Воцарился он двадцати семи лет от роду и процарствовал безмятежно шестьдесят пять лет. Он служил Антиоху, царю Асурастана. Все дни своей жизни, со дня восшествия на престол, он провел в мире, строил и наполнял Картли всеми благами.

Месяцы весны и сборов урожая проводил в Мцхета, царском городе, зимние месяцы проводил в Гачиани, а летние месяцы – в Цунда. Время от времени прибывал в Эгриси и Кларджети, наведывался к мегрелам и кларджам, приводил в порядок все расстроенные дела.

А тех римских всадников, которые присоединились к Парнавазу, отложившись от Азона, Парнаваз разделил по хеви и областям, заботился о них, потому что они в войне против Азона выказали мужество; дал он также им звание – «азнауры».

С тех пор, как ушел Александр, царили покой и радость по всей Картли благодаря царствованию Парнаваза; и все говорили так: «Благодарим мы судьбу свою, потому что она дала нам царя из рода наших отцов и освободила нас от дани и горя, наложенных чужеродными племенами». Все эти подвиги Парнаваз совершал благодаря мудрости, доблести, мужеству и богатству.

У него был сын, которому дал имя Саурмаг.

Парнаваз был первым царем Картли из рода Картлоса. Он распространил язык грузинский. И не говорили более в Картли на ином языке, кроме грузинского. Он создал письменность грузинскую.

Умер Парнаваз, и его погребли перед идолом – Армазом.

Второй царь – Саурмаг

После Парнаваза воцарился сын его – Саурмаг.

В то время сговорились грузинские эриставы, сказавши: «Нехорошо нам служить нашему же родичу. Объединимся и убьем Саурмага, будем свободны, как и были прежде. Будем платить дань любому, кто будет победителем. Ибо в подобной жизни найдем мы покой». Приняли они решение об убийстве Саурмага.

Но Саурмаг, почуяв опасность, тайно бежал, взяв с собой свою мать. Он прибыл в страну дурдзуков к братьям своей матери.

Тогда за ним последовали азнауры-римляне, которые также прибыли в Дурдзукети. Сказали они Саурмагу: «Великое добро сделано было для нас отцом твоим. Поэтому твердо храним мы верность тебе».

И Саурмаг договорился с овсским царем, сыном сестры своего отца, попросил у него помощи. Тот с радостью пришел к нему на помощь. Саурмаг собрал вокруг себя всю Дурдзукети, после чего направился против грузин. Никто не смог противостоять ему и он завладел Картли, истребив всех отложившихся от него, некоторых же он простил. Он урезал в правах Картлосидов, и сделал знатными азнауров. Он содействовал росту численности дурдзуков, потомков Кавказа. В пору погромов и пленения, производимых хазарами, население Дурдзукети осталось невредимым благодаря укреплению страны. И Дурдзукети не умещала возросшего населения.

Тогда Саурмаг привел половину всего потомства Кавказа и некоторых из них сделал знатными, а других поселил в горах, выделив им землю от Дидоети до Эгриси, которая есть Суанети. И эту родню по матери сделал своей опорой.

Воссел Саурмаг на царский престол в Мцхета. Он умножил укрепления в Мцхета и по всей Картли. Он создал идолов по имени Аинина и Далала, и воздвиг их на дороге в Мцхета.

Служил Саурмаг царю Асурастана. Он женился на персиянке, дочери бардавского правителя. От неё у него были две дочери, но не было сына. Поэтому он вызвал из Персии потомка Неброта, из родни своей жены, сына сестры её матери, и усыновил его; и было его имя Мирван. Саурмаг дал ему в жены дочь свою, и в приданое – город Гачиани и эриставство Самшвилде. Другую дочь выдал за сына Куджи, сына сестры своего отца.

Саурмаг процарствовал счастливо много лет. После смерти Саурмага воцарился его приемный сын – Мирван[18].

Третий царь – Мирван, Небротид

Мирван был телосложения совершенного, прекрасен, могуч, мужествен и доблестен. В его царствование дурдзуки забыли про верность свою к Парнавазу и Саурмагу. Перешли они из Дурдзукети, попутно присоединили к себе кавкасианов, населявших Чарталети, произвели погромы и пленение в Кахети и Базалети.

Тогда царь Мирван призвал всех эриставов Картли, собрал вокруг себя все войска, конные и пешие. К тому же все кавкасианы, переселенные царем Саурмагом, были у него в прочном подчинении, за исключением чартальцев. Мирван собрал вокруг себя всех их и двинулся в Дурдзукети. Собрались дурдзуки и засели по пути в укреплениях, построенных на перевалах.

Тогда Мирван сошел с коня, подошел к своим пешим воинам и выдвинул их вперед, позади пешего войска построил конницу. Подступил он к вражеским воротам свирепый, как барс, неустрашимый, как тигр, рычащий, как лев. Завязался между ними жаркий бой. Но дурдзукское оружие не брало Мирвана, как скалу голую. Стоял он неподвижно, как башня крепкая. Продолжался бой между ними, и пало бесчисленное множество с обеих сторон. Наконец, дурдзуки потерпели поражение и обратились в бегство. Грузины, преследуя, истребляли и брали их в плен. Мирван вступил в Дурдзукети. Опустошил он Дурдзукети и Чартали. Соорудил ворота, употребив камень на извести, и назвал её Дарубал. После этого воссел Мирван на престол в Мцхета и царствовал он спокойно, не страшась врагов.

Был он человеком, умевшим щедро одаривать людей, и полюбили его все жители Картли. И служил он царю асурастанцев.

При нем завершилось царствование Антиоха в Вавилоне. В то же время воцарился в Армении муж, чье имя был Аршак[19]. Сговорился Мирван с Аршаком и выдал свою дочь за сына Аршака – (тоже) Аршака. После смерти Мирвана воцарился сын его – Парнаджом.

Четвертый царь – Парнаджом, Небротид

Царь Парнаджом умножил строительные работы во всех городах-крепостях. Он построил крепость Задени и создал идола по имени Заден, воздвигнув его в Задени. Он же начал строить в Кахети город Нелкари, который есть Некреси.

После этого он возлюбил веру персидскую, огнепоклонство, вызвал из Персии огнеслужителей и магов, поселил их в Мцхета, в том месте, которое ныне называется Могвта, и открыто стал хулить идолов[20]. Поэтому жители Картли его возненавидели, так как они молились идолам. Тогда большинство грузинских эриставов устроили заговор, направили посланца к армянскому царю с

прошением: «Царь наш отступил от веры отцов наших, более не служит богам, владыкам Картли, ввел в Картли веру отцовскую и отрекся от веры материнской. Он более не достоин быть нашим царем. Дай нам своего сына Аршака, за которым замужем женщина из рода Парнавазидов, наших царей. Дай нам в помощь свое войско и мы вынудим обратиться в бегство Парнаджома, введшего в Картли новую веру. Пусть будут царем нашим сын твой Аршак, а царицей нашей – жена его, дочь наших царей».

Это решение пришлось по душе армянскому царю. Он отослал назад их посланца с положительным ответом, в котором было сказано: «Если вы истинно от чистого сердца желаете иметь у себя царем моего сына, то выдайте мне заложников, и я отдам вам в цари моего сына и осыплю вас всякими дарами».

Тогда большинство картлийских эриставов выдали ему заложников, объявив о своем отречении от Парнаджома, а армянский царь со всем своим войском двинулся на Картли. Царь Парнаджом, со своей стороны, призвал в помощь себе персов и ввел в Картли мощное персидское войско. Собрал он вокруг себя также и грузин, оставшихся ему верными. Отложившиеся от него грузинские эриставы встретили армянского царя в Ташире. И там собралось множество армян и грузин. Парнаджом встретил противника там же, в Ташире.

Между ними завязался жаркий бой, и бесчисленное множество пало с обеих сторон. Парнаджом потерпел поражение от армян и грузин. Парнаджом был убит, а его войско истреблено. Сына Парнаджома, Мирвана, годовалого ребенка, взял с собой его пестун, который бежал в Персию. Армянский царь дал в цари грузинам своего сына Аршака.

Пятый царь – Аршак, Аршакид

Воссел на царский престол Аршак и завладел всей Картли и царствовал он спокойно. Он умножил все укрепления Картли и, главным образом, – ограды в Джавахети, в городе Цунда.

Умер Аршак и воцарился его сын Артаг.

Шестой царь – Артаг, Аршакид

Царь Артаг царствовал лишь два года. Во второй год его царствования пришли персидские эриставы с большим войском, чтобы отомстить за кровь Парнаджома и за войско персов, которое было истреблено вместе с Парнаджомом. Не смог противостоять им Артаг, царь грузин, поскольку силы персов были велики, но он укрепил крепости и города. Обошли персы всю Картли и опустошили долины, но ни одной крепости они взять не смогли и ушли.

Умер Артаг и сел на престол вместо него Бартом.

Седьмой царь – Бартом, Аршакид

Царь Бартом усилил ограды Мцхета и всех крепостей Картли. А персы воспитали сына Парнаджома Мирвана, которого со смертью Парнаджома взял к себе его приемный отец, упомянутый нами выше. Сей Мирван был человеком доблестным, мужественным воином и многократно был испытан в битвах с турками и арабами.

Мирван собрал сильное войско в Персии, направился в Картли, прислал послов к эриставам Картли и сказал им: «Вспомните любовь деда моего Мирвана и добро, содеянное им для вас. И хотя отец мой установил для вас чужую веру, но и от него помните вы хорошее. Справедливо был убит отец мой, ибо не держался он веры отцов ваших. И теперь пусть не будет в сердцах ваших ни заботы, ни страха по поводу смерти отца моего, ибо из-за вероотступничества убивают отцы сыновей, а братья братьев и не ищут крови убитых за оставление веры. Я – потомок царей ваших Парнавазидов, и хотя воспитан среди персов, но исповедую веру отцов ваших. Уповаю я на богов, владык Картли, и, уповая на них, я направился добывать отечество мое. А теперь примите от меня славу и добро».

Эриставы Картли не вняли Мирвану и примкнули к Бартому, лишь малое число грузин, людей неродовитых, присоединились к Мирвану.

А царь Бартом собрал вокруг себя все войска грузин, воспользовался помощью из Армении и встретил Мирвана у Хунани, оставив в тылу у себя город. Пришел Мирван и стал у реки Бердуджи, и началось сражение. Выступили с обеих сторон богатыри и в течение одного месяца ежедневно происходили их битвы и одерживала верх то одна, то другая сторона. В течение этого месяца Мирван самолично убил тринадцать богатырей из грузин и армян. И никого среди грузин и армян не оказалось способного победить Мирвана. А сам царь Бартом не был в состоянии сразиться с ним, ибо не был Бартом исполином.

Тогда царь Бартом построил свои войска и двинулся всем своим войском на Мирвана. Выступил навстречу ему и Мирван со всем своим войском, и произошла между ними битва жестокая. С обеих сторон пало бесчисленное множество, и потерпели поражение грузины и армяне от персов. И был убит Бартом, царь грузин.

У Бартома не было сына, а была лишь одна дочь, и при жизни же своей привел он из Эгриси внука Куджи, по имени Картам, который был Парнавазидом, поскольку происходил от сестры Парнаваза, жены Куджи, и от матери своей, дочери Саурмага и жены сына Куджи. И этому Картаму из Эгриси царь Бартом дал в жены дочь свою и усыновил его. Сделал это Бартом по желанию грузин, ибо они очень любили Парнавазидов и не желали царствования того рода, который не происходил от Парнавазидов.

Сей Картам же, усыновленный царем Бартомом, был убит в том же сражении вместе с Бартомом, а жена его – дочь Бартома, осталась беременной, бежала в Армению и там родила сына. Нарекла она его Адерком, и воспитывался он там.

Когда Мирван убил Бартома, вступил в Картли и завладел всей страной, то эриставам Картли, которые еще оставались в крепостях, дал он клятву и обещание, побудив их всех выйти из крепостей. Насильно вывел он из Самшвилде жену Бартома, которая также происходила от Аршакидов, женился на ней и сел царем в Мцхета.

Восьмой царь – Мирван

Он спокойно царствовал короткое время. После его смерти на престол взошел его сын Аршак.

Девятый царь – Аршак II, сын Мирвана, Небротид

Царь Аршак был по матери Аршакидом, а по отцу – Небротидом и Парнавазидом. Аршак завершил строительство Нелкариси, города в Кахети, т. е. Некреси, и усилил крепость Уплисцихе. И был он сильным и огромного роста.

А Адерки, сына Картама и дочери царя Бартома, которого мы упомянули выше, воспитали в Армении. Был он телосложением прекрасен, ростом огромен. Многократно был он испытан в боях армян и ассирийцев. Убил он множество исполинов, и был увенчан славой.

Адерки попросил помощи у царя армян. Дал царь армян ему войско. Направился Адерки против Аршака, царя грузин, брата матери своей. Аршак собрал всех эриставов Картли, присоединил к себе войско персов и двинулся ему навстречу. Собрались оба враждующих войска в Триалети и расположились станом вблизи друг друга. Вызвал Аршак на единоборство Адерки. Адерки с радостью надел превосходные доспехи, сел на коня и сказал войску своему: «Поддержите меня с тыла и не страшитесь». Вооружившись, выступил также Аршак, и вышел перед строем войска.

Издали оба клич страшный и бросились друг на друга, и стали наносить удары копьями, но не смогли они пробить латы друг у друга. Во время боя изломали они копья свои; тогда достали они обухи и начали биться обухами. Когда они наносили удары обухом по латам, то грохот был подобен удару молота, падающего на наковальню, а клич их походил на гром небесный.

Тогда они не смогли одолеть друг друга, утомились и отступили в разные стороны. Стемнело, и оба они предались отдыху. Утром они вновь вышли, взяли в руки луки и стали метать стрелы друг в друга.

Попал Адерки стрелой в грудь Аршаку. Не смогли защитить крепкие латы его. Прошла стрела насквозь, и упал Аршак с коня.

Повернулся Адерки тотчас, подошел к армянскому войску и сказал им: «Заклинаю вас вашими богами, не поднимайте оружия вашего против грузин, ибо родичи они мои и теперь я – царь их силою и помощью вашей». Вняли армяне мольбам его и остались стоять на месте.

Повернул Адерки назад, подошел близко к грузинскому войску и воззвал к нему громким голосом: «Я – сын царей ваших и судьба моя даровала царство мне, теперь примите от меня блага и радости. Вот, видите, не допускаю я до вас армянское войско».

Тогда ответили ему грузины: «Ты оказался лучшим из всех потомков Парнаваза. Поскольку умер наш царь, то будешь ты отныне царем над нами и благодарим мы судьбу нашу, ибо дарован нам взамен царя нашего потомок же наших царей, прославленный и богатырь».

И спешились все грузины, пали ниц и поклонились Адерки, и взяли его с собой.

Десятый царь – Адерки, сын Бартома, Аршакид

И сей Адерки завладел всей Картли и Эгриси. Царь армян выдал дочь свою замуж за него, и сел он в Мцхета. Царствовал он благополучно: тридцати лет стал он царем и процарствовал пятьдесят семь лет.

В первый же год его царствования родился господь наш Иисус Христос в Вифлееме Иудейском. И прибыли к нему волхвы для поднесения даров. В дни пришествия волхвов в Иерусалим пришло известие в Мцхета, что «персы полонили и Иерусалим». И среди евреев, бывших в Мцхета, раздавались плач и рыдания. В следующем году пришла иная весть: «Персы пришли не для пленения Иерусалима, а имели при себе дары для некоего новорожденного отрока». Тогда возрадовались мцхетские иудеи.

После этого, по прошествии тридцати лет, пришли посланцы иудеев из Иерусалима к иудеям мцхетским с вестью, что «тот, к кому пришли волхвы и поднесли дары, вырос и называет себя сыном божьим. И теперь направили мы посланцев ко всем иудеям, чтобы пришли знатоки вероучения, дабы учинить над ним суд и вынести приговор ему. И теперь пусть и от вас прибудут знатоки веры к нам».

И направились в Иерусалим Элиоз из Мцхета и Лонгиноз из Карсани, и присутствовали при распятии господа. И они, Элиоз из Мцхета и Лонгиноз из Карсани, привезли с собой оттуда хитон господен, как об этом написано в «Обращении Картли».

А царь Адерки умножил укрепления Грузии, города и крепости и сильнее укрепил стены города Мцхета по обеим сторонам реки. Во время же царствования Адерки пришли в Абхазию и Эгриси двое из двенадцати святых апостолов – Андрей и Симеон Кананит. Тут же в городе Никопсия, у границы греков, умер святой Симеон Кананит, а Андрей обратил в христианство мегрелов и отправился в Кларджети.

Но когда Адерки узнал об оступлении мегрелов от веры, разгневался на них и отправил к ним своих эриставов, и снова насильно обратил мегрелов. Попрятали они иконы и кресты, и обрушился гневом царь Адерки на эристава Кларджети, который с миром отпустил апостола Андрея. При царствовании того же Адерки было восстановлено царство Персидское[21]. Ибо с тех пор, как в Персию вторгся Александр и привел её в упадок, не было царя в Персии и лишь в некоторых местах были правители.

Тогда собрались правители Персии и возвели на престол царем Ажгалана Мудрого. В то время армяне и грузины были покорны Ажгалану, царю персов. Включительно до царствования Адерки, как бы многочисленны ни были бы сыновья царей, лишь один из них занимал престол Картли. У Адерки же было два сына, одного из которых звали Бартом, а другого – Картам. Поделил Адерки между ними всю страну свою. И город Мцхета по течению Куры: внутренний город, Мцхета в сторону Мухнари и всю Картли севернее Куры, начиная с Эрети до конца Картли и Эгриси, дал Бартому, сыну своему, а город в сторону Армази, Картли южнее Куры от Хунани до верховьев Куры и всю Кларджети отдал Картаму, сыну своему; и умер Адерки[22].

Одиннадцатые цари – Бартом и Картам, Аршакиды

Царствовали после него (Адерки) сыновья его. Во время их царствования Веспасиан, римский кесарь, предал разрушению Иерусалим и бежавшие оттуда иудеи пришли в Мцхета и осели рядом с иудеями, жившими тут издревле, и были с ними сыновья Барабы, которого во время распятия иудеи отпустили взамен господа нашего Иисуса.

Царствовали Бартом и Картам мирно и во взаимной любви. Был у Бартома сын, которого звали Хаос, а у Картама был сын по имени Парсман. Умерли Бартом и Картам и после них остались царями их сыновья: в Армази – Парсман, а во внутреннем граде – Каос.

Двенадцатые цари – Парсман и Каос, сыновья Картама и Бартома, Аршакиды

Начиная от Адерки цари грузин находились в подчинении армянского царя, особенно армазские цари, которые оказывали помощь армянам против любых их врагов. Когда царем в Армении сделался великий царь Ерванд, предал он забвению добро, содеянное для них грузинами. Он совершил насилие над Парсманом Армазским и отнял у него у границ Картли Цунду и Артани и земли вплоть до Куры. Поселил он в Цунде людей звероподобных из племени дэвов и назвал Цунду Каджатуном, что в переводе означает «дом дэвов». Не смогли восстановить свои границы цари Картли и умерли в великом горе Парсман и Каос.

И воссели царями после них их сыновья. В Армази – Азорк, а во внутреннем граде – Армазел.

Тринадцатые цари – Азорк и Армазел, сыновья Парсмана и Каоса, Аршакиды

Цари эти, Армазел и Азорк, были людьми мужественными и предприимчивыми. Сговорились они и решили восстановить границы Картли. В то время Сумбат Бивритиан убил Ерванда, царя армян, и посадил царем брата Ерванда по имени Арташан. Тогда цари Картли Азорк и Армазел призвали овсов и леков и привели царей овсов, двух братьев-великанов по имени Базук и Анбазук, с войском осетинским. Они привели с собой печенегов и джиков, а царь леков привел с собой дурдзуков и дидойцев. А они, цари картлийские, собрали свои войска. Собрались все они в несметном количестве. Собрались они ловко, скрытно, до того, пока бы собрались армянские войска. Вторглись они в Армению и внезапно предали разгрому Ширакун, Вананд вплоть до Багреванда и Басиани. Повернув назад, разорили они Дашт до Нахчевана, забрали бесчисленное множество пленных и добычу, вдоволь захватив всякое имущество, и прошли через дорогу Парисоса.

Тогда Сумбат Бивритиан призвал армянские войска, и собрались они без промедления. Начал он преследовать их, а все эти северные племена уже переправились через Куру, подошли к Камбечовани и стояли лагерем у берегов Иори, деля между собой пленных и добычу. Тогда направил Сумбат к ним гонца и сказал им: «Оставляю вам всю добычу, взятую вами из Армении: скот, золото, серебро и ткани, кровь армян, пролитую вами также оставляю без возмездия, но пленников, которые теперь находятся у вас, отпустите и идите себе с миром, обогащенные и наполненные всем». А те ответили: «Мы пришли в Армению не для чего-либо другого, а чтобы разыскать тебя, но не смогли найти. Теперь приходи к нам и получай долю свою; если нет, то мы придем к тебе, где бы ты не находился, и не спастись тебе от нас живым».

Тогда Сумбат Бивритиан переправился через Куру, и Базук, царь овсов, потребовал сразиться с ним, послал к нему гонца и вызвал его на поединок. Сумбат вооружился, сел на своего гривастого коня и вышел перед строем, откуда выскочил Базук. Издали оба клич и кинулись друг на друга. Нанес Сумбат удар копьем в пояс и вышло копье через спину на целый локоть, поднял Базука с коня и бросил наземь. Тогда бросился Анбазук на помощь своему брату, но Сумбат поднял копье, двинулся навстречу, нанес и ему удар и пронзил его. Поднял его (Анбазука), бросил на землю и сказал: «Это за женщин, мужей и младенцев армянских, которых вы истребили». Тогда все войска овсов, леков, грузин и всех племен северных издали клич в один голос и сказали: «Поскольку убили этих двух братьев, зачинателей всякой доблести, смерть нашу не следует ставить ни во что». Сильнее ожесточились и собрались все под началом царей картлийских Азорка и Армазела и напали на Сумбата и войска армянские. Тогда произошла битва великая между ними и продолжалась она с трех до девяти часов, и пало с обеих сторон бесчисленное множество, и от поднявшейся пыли день померк и превратился в ночь. Смешались противники меж собой и не могли распознавать друг друга из-за пыли.

Тогда потерпел поражение стан северных от армян, бежали они и рассеялись все. Стал Сумбат, получивший многочисленные ранения, преследовать их и гнался он за ними до ночи. Истребил он всех овсов и леков, из которых остались в живых лишь немногие. Грузин спаслось больше благодаря знанию им дорог для бегства. И укрылись оба картлийских царя, получившие ранения, в Мцхета.

Тогда Сумбат победоносно вступил в Картли и опустошил её, а также уничтожил все, что нашел вне крепостей и городов. С крепостями и укрепленными городами он не воевал, ввиду того, что не был готов к этому из-за поспешности выступления. Он построил крепость на горе Гадо в области Одзрхеви, которая называется Самцхе, в местности, именуемой Демоти. Оставил он в ней (крепости) войска в помощь жителям Цунды и для ведения борьбы с одзрхевцами, и ушел. Но цари Картли, Азорк и Армазел, благодаря стойкости своей не поддались страху, а укрепили крепости и города свои. Пожертвовав равниной Картли, они не прекращали борьбу с армянами. И начали овсы мстить армянам за кровь. Вышли они из-за гор в Картли, вступили в дружбу с грузинами. Смешались друг с другом овсы и грузины и беспрерывно воевали с армянами.

Жил в городе Одзрхе эристав царя Армазела, из азнауров, и был он истинно предан Армазелу. Помогали ему мегрелы, а цундийцы и демотинцы помогали друг другу; так беспрерывно шла война. Главное сражение между ними произошло у реки, именуемой Носте.

В Кларджети жил другой эристав, царя Азорка, из азнауров, который так же наносил ущерб границам армян, области Пархали, т. е. Тао. В Кларджети не мог проникнуть никто из врагов, поскольку была Кларджети крепкой и недоступной благодаря лесам и скалам, а жители ее были как пешими воинами, так и всадниками.

А сами цари Картли неоднократно направлялись в Армению из Мцхета, по дороге в Абоци. Грузины постоянно вели борьбу, тогда двинулся со всеми своими силами Арташан, царь армян, и спаспет его Сумбат Бивритиан. Грузины укрепили крепости и города и присоединили силы из Осетии, которые заполнили города и крепости. Пришли армяне и стали у Мцхета, и сражались они в течение пяти месяцев, и ежедневно происходила борьба между богатырями.

Тогда грузины и овсы стали испытывать затруднения. Попросили они мира и обещали армянам быть в покорности и не искать крови и восстановления границ. Царь армян внял их просьбам. Скрепили клятву и дали зарок. Поработил армянский царь грузин и овсов и удалился.

Прошло несколько лет и вновь обустроилась Картли, разоренная армянами. Тогда армяне были заняты, ибо началась война между персами и греками. В этих условиях грузины и овсы, найдя удобное время, стали устраивать набеги на армян, поскольку все войска армянские, двое царских сыновей и Сумбат воевали с персами. Но когда грузины и овсы стали сильнее вредить армянам, тогда царь Арташан собрал войска, оставшиеся внутри страны, поручил их сыну своему Зарену и двинул их на грузин.

Грузины и овсы объединились, встретились с армянами в области Джавахети и сразились с ними. Грузины и овсы одержали победу, обратили в бегство Зарена, сына царя армян, и истребили все его войско. Преследовали их до границ Армении, догнали Зарена, сына царя, и, захватив его у берегов озера Цели, вернули обратно.

Овсы пожелали убить Зарена в отместку за кровь своих царей, но грузины сохранили ему жизнь, имея целью восстановление своих границ. Заключили они его в крепость Дариалан. Армяне не смогли заступиться за него, поскольку были заняты персами. На третьем году этого события пришли Сумбат Бивритиан и двое сыновей царских, Артаваз и Тигран, со всем войском армянским. Тогда цари Картли повелели всей стране укрыться в крепостях, городах и в горах. А армяне расположились в Триалети. Но посланцы с обеих сторон заключили мир. Вернули грузины им (армянам) плененного царевича и обещали помощь на следующих условиях: «Если кто-либо из ваших врагов поднимется на вас и будет воевать с вами, мы оба царя лично с войском нашим будем с вами заодно и окажем помощь. Но в случае, если вы будете воевать с кем-либо, то каждый царь в помощь вам выставит по тысяче вооруженных всадников». Грузины обещали также, что будут чеканить монеты с изображением царя Арташена.

Взамен этого армяне вернули им пограничные области Грузии – город Цунду, крепость Демоти, Джавахети и Артани. С этих пор пребывали армяне, грузины и овсы во взаимной любви и все вместе боролись против врагов.

Затем умерли Азорк и Армазел, испытавшие великое утешение, ибо благодаря своему мужеству вернули они себе рубежи Картли.

После них царствовали их сыновья: в Армази – Амазасп, а во внутреннем городе – Дерок.

Четырнадцатые цари – Амазасп и Дерок, сыновья Азорка и Армазела, Аршакиды

После них царствовали их сыновья; в Армази – Парсман Доблестный, а во внутреннем городе – Мирдат.

Пятнадцатые цари – Парсман Доблестный и Мирдат, сыновья Амазаспа и Дерока, Аршакиды

До тех пор все цари, царствовавшие одновременно, пребывали во взаимной любви и сообща проявляли любовь и вражду по отношению к другим. К тому времени Мирдат, царь Картли, привел себе жену – персиянку из царского рода, и по внушению персов сделались они врагами Парсмана Доблестного Армазского. Задумал он (Мирдат) вероломно убить Парсмана Доблестного. Пригласил Мирдат Парсмана Доблестного в свой дом якобы на пир и для услады. Но об этом кто-то сообщил Парсману и предостерег его, и тот не пошел к нему (Мирдату).

С тех пор они стали врагами. Мирдата поддерживали персы, а Парсмана – армяне. Мирдат был человеком суетным и кровожадным, а Парсман Доблестный – добрым, щедрым, снисходительным, прекрасной наружности, рослым, могучим, смелым и отважным в бою, бесстрашным, как существо бесплотное. И был он во всех отношениях превосходящим всех царей Картли, правящих до него. Его любили и грузины из стана Мирдата, ненавидя последнего за его кровожадность и вероломство. И присоединилось большинство сторонников Мирдата к нему. Одержал верх Парсман Доблестный, обратил в бегство царя Мирдата, вынудив его бежать в Персию.

В то время спаспетом Парсмана Доблестного был муж, такой же доблестный и могучий – Парнаваз. Парнаваз был молочным братом Парсмана, человеком надежным, верным и преданным. Его и возвел Парсман вместо Мирдата в Шида Картли. Был Парнаваз также спаспетом всей Картли, а царь Парсман Доблестный разъезжал и управлял своим царством.

Тогда Мирдат вывел войска персов и направился против Парсмана. Парсман собрал вокруг себя войско грузинское, присоединил к себе силы из Армении и встретил врага в теснинах Ркинис-хеви. Стали биться исполины в течение многих дней. И если среди персов появлялся исполин, с которым не в состоянии были сражаться богатыри грузинские и армянские, то против них выходил сам царь Парсман или же его спаспет Парнаваз. Таким образом брали они верх и побеждали. И в этой битве убил царь Парсман семнадцать богатырей персидских, а спаспет его Парнаваз – двадцать три.

В то время среди персов был один исполин по имени Джумбер, который голыми руками мог изловить льва. Он и предложил царю Парсману сразиться с ним один на один. Парсман Доблестный вооружился и выступил. Издали оба страшный клич и ринулись друг на друга. Стали биться они на мечах. Шум битвы их походил на раскаты грома. Одолел Парсман его, сбросил с

коня и убил. Тогда повернулся он в сторону своих войск, воззвал громким голосом, сказав: «О львы свирепые, вот овцы, побитые градом!».

Ринулись грузины и армяне на персов, обратили их в бегство, истребили и полонили из них бесчисленное множество. И бежал Мирдат назад в Персию. На второй год Мирдат снова пришел с более сильным войском. А Парсман собрал свои войска, пеших и конных, и расположился в городе Мцхета, поскольку не было у него войск, равных по количеству войскам Мирдата. Прибыл Мирдат и стал у Джачви. Снова ежедневно происходили схватки богатырей, в которых сам Парсман убил двенадцать исполинов, а спаспет Парнаваз – шестнадцать.

Тогда царь Парсман, по пылкости своего сердца, не стал разведывать численность персов и выступил на рассвете со своим войском. Даровала ему судьба победу: обратил в бегство их лагерь и истребил бесчисленное множество врагов. Бежал опять Мирдат в Персию. С тех пор прославились имена Парсмана Доблестного и спаспета его Парнаваза. Стал Парсман предводителем грузинских и армянских войск и начал воевать с персами. И более никто не мог противостоять Парсману Доблестному.

Тогда персы пошли на такую уловку: привели они одного повара и, пообещав ему великие блага, сказали ему: «Иди и вступи под покровительство Парсмана Доблестного, возьми с собой яд смертоносный, примешай его в пищу Парсмана и дай ему съесть её». Этот повар и сделал все, что ему сказали персы. Так убил он доблестного царя.

И тогда поднялись плач, рыдания и вопль среди грузин, начиная от знатных и кончая нищими. Били все себя по голове в городах и селах. Собирались все, вспоминали мужество, доблесть, красоту и милосердие Парсмана Доблестного, причитая: «Горе нам, ибо нашла на нас злая судьба. И царь наш, благодаря которому были мы избавлены от рабства, убит людьми-чародеями. И теперь отданы мы на пленение чужеродным племенам».

Тогда выступили персы, взяв с собой Мирдата, и завоевали Картли. Дали Мирдату часть его страны, а часть Парсмана заняли сами и оставили в Армази правителя. Спаспет Парнаваз же с женой и сыном Парсмана Доблестного бежал в Армению, так как жена Парсмана была дочерью царя армян. Мирдат и персидский правитель завладели Картли, но мегрелы остались верными сыну Парсмана.

В то время армяне и греки находились в добрых отношениях, и царь армян присоединил силы греков и направился воевать с персами и грузинами. К ним присоединились мегрелы, и собралось их несметное количество. Тогда Мирдат и персидский правитель привлекли новые силы из Персии.

Армяне, греки и мегрелы пришли в Шида Картли: там их встретили персы и грузины у реки, которая называется Лиахви, и там же, в местности, именуемой Реха, произошло между ними сражение. Пало с обеих сторон бесчисленное множество, персы и грузины потерпели поражение, погибли Мирдат и правитель персидский, а их войска были истреблены.

Шестнадцатый царь – Адам[23], сын Парсмана Доблестного, Аршакид

Посадили царем сына Парсмана Доблестного, имя которого было Адам. Царствовал он лишь три года и умер. Остался у него сын, годовалый ребенок. Пока ребенок рос, царствовала мать Адама, жена Парсмана Доблестного по имени Гадана.

Когда же вырос внук Парсмана Доблестного, которого звали также Парсманом, стал царствовать он.

Семнадцатый царь – Парсман, сын Адама, Аршакид

Царствовал сей Парсман во всей Картли и был у него сын, которого звали Амазасп. После смерти Парсмана царствовал сын его – Амазасп.

Восемнадцатый царь – Амазасп, сын Парсмана, Аршакид

Царь Амазасп был человеком могучим, богатырем, подобным Парсману Доблестному. Во время его царствования против него выступило большое войско овсов. Они шли по дороге к Двалети и Амазасп не заметил их выступления, пока овсы не перешли через горы. Овсы стали у реки Лиахви, отдыхая тут в течение восьми дней. Они не рассылали отрядов для набегов, ибо пришли разгромить город Мцхета.

Тогда Амазасп призвал всех эриставов Картли. Прибыли все восточные эриставы: эристав Кахети, эристав Хунани, эристав Самшвилде. Собрались также всадники спаспета, но до прихода западного эристава, подошли овсы с северной стороны города, т. е. Мухнари. Тогда царь Амазасп собрал в крепостях и у их врат войска. Собралось также множество пеших мцхетцев, защищавших ворота и стены. Помимо этих пеших воинов вне стен города стояло ещё тридцать тысяч. Кроме того, у царя было под рукой десять тысяч всадников. Выступил Амазасп и расположил пешие войска по обеим сторонам реки Арагви, в крепостях у ворот, а с конницей выступил в местности, именуемой Сапурцле, обеспечив тыл свой городом и пешими войсками, которых расставил он внутри города у ворот.

Начали биться богатыри. Выступил Амазасп с луком и стал метать стрелы могучей рукой. Он метал стрелу так далеко, что овсы, стоящие напротив, не могли увидеть по дальности, был ли вообще у него лук. Царь метал стрелу так, что прочность лат не могла ему противостоять. В тот день Амазасп самолично убил пятнадцать богатырей и множество коней, а другие богатыри Амазаспа перебили множество богатырей овсов, причинив им большой урон.

В тот день вошел Амазасп с конным войском в город, а пешие оставались на своих местах у ворот. Ночью присоединились те конные войска, которых эриставы не смогли привести с собой из-за поспешности.

Когда рассвело, снова выступил Амазасп, вскинув копье. Вышел от овсов человек, по имени Хуанхуа. Издали оба клич и ринулись друг на друга. При первом же подходе нанес ему Амазасп удар копьем, пронзил насквозь и убил его. Обнажив меч, ринулся он на других богатырей, убил двух из них, и вернулся в город с конницей. Пешие же оставались там же, у ворот. В ту ночь снова присоединились к нему конные войска.

Овсы решили напасть на него, но на рассвете выступил сам Амазасп и напал на овсов со всеми своими конными и пешими войсками, победил их и обратил в бегство весь их стан. Царь осов был убит, а войско его истреблено.

В следующем году, присоединив к себе силы из Армении и собрав все свои войска, перешел он в Осетию, и никто не смог противостоять ему. Опустошил он Осетию и вернулся домой победителем.

После этого возгордился он, став мстительным. Истребил множество знатных людей, из-за чего возненавидел его народ грузинский. Стал он испытывать вражду к армянам и возлюбил персов и персидскую религию.

Тогда отложились от него пять западных эриставов: два эристава Эгриси и эриставы Одзрхе, Кларджети и Цунды. Договорились они с царем армянским и попросили у него сына царем, ибо был он племянником, сыном сестры Амазаспа. Тогда царь армян с многочисленным войском направился в Картли, присоединив к себе силы из Греции. Вошли в соглашение они и с овсами. Овсы выступили с радостью, поскольку жаждали отомстить Амазаспу. Прошли они дорогу Таквери и прибыли к эриставам Эгриси. Тогда Амазасп призвал персов, и пришли войска сильные. Собрал он также грузин, оставшихся верными ему. Овсы и мегрелы перешли малый хребет Лихи, соединились с отложившимися эриставами Картли и предстали перед армянским царем.

Амазасп встретил их у Гутис-хеви и не нашлось никого в многочисленном войске греков, армян, овсов, мегрелов и грузин, способного вступить в единоборство с Амазаспом. Поэтому сразились между собой войска, и произошла между ними битва. Амазасп потерпел поражение, и обратилось его войско в бегство. Убили Амазаспа, истребили его войско и завладели Картли[24]. Оставил царь армянский царем Картли сына своего – племянника Амазаспа по имени Рев.

Девятнадцатый царь – Рев, Аршакид

Рев привел жену себе из Греции, дочь Логофета, по имени Сефелия, а она, Сефелия, привезла с собой идола по имени Афродита и воздвигла его над Мцхета.

Царь Рев, хотя и был язычником, но был милостив и подателем помощи всем нуждающимся. Ему было известно кое-что из Евангелия господа нашего Иисуса Христа, и он даже питал некоторую любовь к Христу. В течение своего царствования он никому не позволял убивать детей, в то время как до него их приносили в жертву идолам. И пока он был царем, никто не убивал детей для идолов. Взамен он установил правило приносить в жертву овцу или корову. Поэтому был прозван он Ревом Праведным. Царствовал Рев благополучно до самой своей смерти.

Двадцатый царь – Ваче, сын Рева, Аршакид

И после него царствовал сын его Ваче.

Двадцать первый царь – Бакур, сын Ваче, Аршакид

После Ваче царствовал сын Ваче – Бакур.

Двадцать второй – царь Мирдат, сын Бакура, Аршакид

После Бакура царствовал сын Бакура – Мирдат.

Двадцать третий царь – Аспагур, сын Мирдата, Аршакид

После Мирдата царствовал сын его Аспагур. Аспагур выстроил город-крепость Уджарму. После вторжения Александра все цари, которые царствовали в Картли, были идолопоклонниками. Аспагур был последним царем, потомком Парнавазидов. В это время царем Персии был Хосров Ануширван Сасанид, известный под именем Ардашир, который истребил царей Ажгаланидов, как об этом написано в истории персов[25]. А в Армении царствовал Косаро, который начал воевать с персидским царем Хосровом. Аспагур, царь грузин, помогал ему. Сей Аспагур не раз открывал врата племенам Кавказа и выводил овсов, леков и хазар, и шел вместе с Косаро, царем армян, воевать с персами.

При первом же вторжении в Персию персидский царь Хосров сразился с ним, но его обратили в бегство, истребив его войско. С тех пор персидский царь не мог оказывать сопротивления. Тогда участили они вторжения, опустошая Персию. На этом прекратилось царствование в Картли Парнавазидов.

Глава четвертая

Приход персов в Картли и царствование Мириана, сына Хосрова

Когда армяне, грузины и северные племена обратили в бегство царя персов и участили вторжения и опустошение Персии, а персидский царь ни разу не смог противостоять им, тогда царь персов, полный горя, призвал правителей и питиахшей других стран, устроил совещание и начал изыскивать средства против зла, надвинувшегося на них. Он обещал награды и почести тому, кто оказался бы в состоянии найти средство для мщения.

Среди собравшихся был один знатный правитель, по имени Анак, из родственников армянского царя Косаро. Встал он и сказал: «Обращены в бегство войска наши царем армян Косаро, истреблены воины наши и страхом и трепетом охвачены персы. Усилились они (враги) и не в состоянии мы оказывать им сопротивление. Мнение мое теперь таково: миром, просьбами и данью успокоить царя Косаро». Но Анак не говорил от чистого сердца, так как скрывал он от множества собравшихся затаенную в душе мысль. Приблизился он к царю и сказал доверительно: «Ведай, что не является мнением моим то, что я сказал, но удостой меня дать тебе совет наедине и тогда сообщу твоему царскому величеству помыслы мои». Тогда вельможи, по-одному посовещавшись с царем, удалились. После этого царь тайно призвал Анака, и сказал царю Анак: «Царь, живи во веки веков, я добуду тебе средство отомстить Косаро. Поеду я к нему с семейством моим и доверится он мне из-за родственных уз. Да снизошлет судьба тебе счастье, убью я царя сего и сложу голову свою ради тебя».

Понравилось царю персов это решение и через несколько дней направились Анак и брат его со своими семьями, будто бы отложившись от персидского царя, и пришли в пределы Армении, в город, название которому Хилахила, в зимнюю резиденцию царей армян. Царь Косаро принял его с большими почестями, ибо Анак постарался представить свой приход заслуживающим доверия. Увидел царь, что Анак пришел к нему со всем своим семейством, и оказал ему почести, возвел его в ранг второго лица после себя, с радостью и со спокойствием проведя тут зимние дни. Наступили дни летнего сезона, и поднялись воды в реках. Ушел царь оттуда и прибыл в город Арат. Царь Косаро был готов вновь вторгнуться в Персию. Однажды царь Косаро отправился на охоту. Анак со своим братом сопровождали его. Взяли они с собой тайно, под шерстяными дождевыми плащами, отточенные мечи, улучшили время, убили царя и сбежали. Но армянская знать снарядила за ними погоню, которая и догнала их у какого-то моста. Некоторые из преследователей настигли их у брода и заперли в теснине, и никто не смог уйти от них. Убили они братьев и истребили всех их родичей. Осталось лишь двое их детей, которых взяли с собой их воспитатели, и один из них бежал в пределы Греции, а другой – в пределы Персии.

Как только персидский царь Хосров Сасанид услышал эту весть, преисполнился он радости. Сначала направился он со всеми своими силами в Армению и завоевал её, истребив и пленив всех сородичей царя армян. Однако один сын царя Косаро – отрок малый, которого звали Трдат, бежал в пределы Греции и воспитывался там. Завладев Арменией, царь персидский вторгся в

Картли. Тогда отправился Аспагур, царь грузин, в Осетию, чтобы присоединить к себе войска из Осетии и укрепить города и крепости. Но Аспагура в Осетии настигла смерть.

У Аспагура не было сына, была у него лишь одна дочь. Тогда собрались все эриставы Картли в городе Мцхета, у спаспета по имени Маэжан. Полные горя, решили они единогласно: «Не будем предаваться горю, чтобы не терять нам рассудка, а будем изыскивать средства, чтобы избавиться от бед и опасностей наших». Тогда сказал спаспет Маэжан: «Если у нас были бы силы, равные трети сил персов, сложили бы мы головы свои и воспротивились бы им. И если бы остался наследник у царя нашего или же потомок царей наших, достойный царствовать, укрепились бы мы в городах и крепостях, не пощадили бы себя, даже если пришлось бы нам есть плоть человеческую, как делали это праотцы наши. Но наступившие недобрые времена явили нам то, что убит персами великий царь Армении, захвачена Армения, с которой царство наше находилось в союзе[26]. Раскрыта пасть у царя персов, чтобы поглотить весь мир. Нет никого с нами, способного противостоять ему, и остались мы сиротами подобно овцам без пастыря. Теперь решение мое таково: встретим его с покорностью, попросим оказать милость и посадить царем нашим сына своего. Будем молить его, чтобы он женил сына своего на дочери царя нашего Аспагура. Сообщим ему о происхождении этой женщины от Картлосидов и Небротидов, славных Аршакидов и царей наших Парнавазидов. Попросим его также придерживаться веры отцов наших, не смешивая с нами персов, и владеть нами по достоинству. Может быть, уважит он просьбу нашу и поступит с нами таким образом. Но если он лишит нас веры отцов наших, возвеличит над нами персов и истребит родственников царей наших, тогда лучше умереть, чем увидеть подобное. Тогда засядем мы в крепостях и городах и погибнем все». Согласились все эриставы со спаспетом, направили послов к царю персидскому и доложили ему все, что было решено ими.

Расспросил персидский царь вначале о городе Мцхета, и сообщили ему о размерах и о степени укрепленности его, о близости хазар и овсов. Еще раз спросил царь о родословной дочери Аспагура. Сказали ему о происхождении её от Небротидов, Аршакидов и Парнавазидов. Понравилось царю персов все это и уважил он просьбу грузин, ибо и сам он счел лучшим посадить царем сына своего в Мцхета, так как считал, что Мцхета обширнее и крепче всех городов Армении, Картли и Рана, а также ближе к северным врагам своим – оттуда удобнее воевать и владеть всеми племенами Кавказа. Согласился он с просьбой грузин, дал он им клятву и обет, и прибыл в Мцхета. Встретили его спаспет Маэжан и все эриставы Картли. Тогда привели из Самшвилде дочь царя Аспагура, по имени Абешуру. Выдал её замуж царь персов за сына своего, которому в то время было семь лет. Был он рожден от наложницы и было ему имя по-персидски Михран, а по-грузински – Мириан. Это и есть тот самый Мириан, который в старости познал бога-творца, принял от святой Нино Евангелие Апостолов и стал исповедовать святую троицу и поклоняться кресту честному.

Глава пятая

Двадцать четвертый царь – Мириан, сын царя персов, Хосровид

Теперь расскажем о жизни Мириана, сына Хосрова Ардашира Сасанида[27].

Когда царь Хосров внял просьбе грузин, выдал замуж за своего сына Мириана дочь картлийского царя, дал в цари грузинам сына своего и посадил его в Мцхета, то передал ему во владение Картли, Армению, Ран, Мовакан и Эрети. В то время Мириану было семь лет. Мать Мириана также была с царем Хосровом в Картли, но не оставил он её с Мирианом, так как любил он мать Мириана, как самого себя. Зато оставил он при Мириане пестуном и правителем одного знатного человека по имени Мирваноз. Оставил он ему также сорок тысяч отборных персидских всадников. Но согласно клятве, данной им грузинам, расположил он их не в пределах Картли, а в Эрети, Мовакане и Армении. Он же повелел Мирванозу взять из этих персов семь тысяч отборных всадников и держать их всех в городе в качестве охраны своего сына. Заключил он мир с грузинами на том условии, чтобы лишь ворота крепости были заняты персидским войском и более не было бы в стране Картли иных персов, которые смешались бы с местным населением. «И пусть сын мой исповедует обе религии: отцов наших – огнепоклонство и идолов ваших». Поступил он так, исходя из клятвы, данной им вначале же.

Отправился царь персов и занял все хеви племен Кавказа, назначив повсюду мтаваров и повелев им быть в подчинении у сына своего Мириана. Повелел он также сыну своему Мириану и пестуну его воевать с хазарами, и вернулся царь в Персию. А Мирваноз еще более укрепил крепости Картли и особенно стены города Некреси. Вырос Мириан в служении семи идолам и огню. Полюбил он грузин, предал забвению персидский язык и изучил грузинский. Прибавил он украшения идолам и капищам, милостиво обращался с жрецами идолов и прилежнее всех царей Картли исполнял обряды служения идолам. Украсил он также могилу Парнаваза. И все это совершил он из любви к грузинам. Обходился он с грузинами милостиво, всячески возвеличивая их и одаривая добром. Полюбили его грузины сильнее других царей Картли. И царствовал таким образом Мириан в Мцхета над Картли, Арменией, Раном, Эрети, Моваканом и Эгриси.

Но когда Мириану исполнилось пятнадцать лет, умерла его жена – дочь грузинского царя, и на этом пресеклось царствование царей и цариц из рода Парнавазидов. Опечалились грузины по поводу смерти своей царицы, но сохранили верность Мириану, ибо не оставалось никого из потомков Парнавазидов, достойного царствовать над ними. По этой причине и приняли они с любовью царствование Мириана.

А царь Мириан, продолжая творить добро по отношению к грузинам, привел себе в жены гречанку из Понта, дочь Олиготоса, по имени Нана. Мириан непрерывно воевал с хазарами. Когда, бывало, отступали от Мириана леки и призывали хазар к себе на помощь, то встречал их Мириан в Эрети или Мовакане и там вступал с ними в сражение, а когда дзурдзуки и дидойцы выходили вместе с хазарами – и тогда сражался он с ними. И ни разу не смогли одолеть Мириана хазары – он всегда одерживал над ними верх.

Крупнейшими его походами были походы на Дербент, так как хазары часто подступали к Дербенту, имея целью захватить его и оттуда устраивать набеги на персов. Но когда хазары приходили в Дербент, тогда выступал Мириан в помощь Дербенту. Иногда хазары без боя убегали от Мириана, а, бывало, он с боем обращал их в бегство.

Когда Мириану исполнилось сорок лет, умер его отец, царь персов, и сел после него царем в Персии младший брат Мириана – Бартам. Узнав об этом, Мириан призвал все свои войска, и направился в Багдад с целью занять отцовский престол.

Тогда брат его собрал неисчислимое войско и, готовый к битве, встретил его у ущелья Насибина. Но старейшины и марзапаны Персии, опасаясь, что меч может поразить обоих, снарядили посольство и взяли на себя посредничество между ними. Согласились оба царя и когда все собрались на совет, Мириан высказал свою жалобу: «Являюсь я первенцем своего отца, даровал он мне в наследство чужие земли, завоеванные благодаря своему могуществу, и проводил я все дни моей жизни там в борьбе с хазарами и не раз защищал я Персию от хазар ценой своей крови. Поэтому мне принадлежит трон отца моего».

Бартам на это отвечал: «Хотя Мириан является первенцем, но он рожден от наложницы, и рожденному от наложницы вполне достаточны для счастья царства, доставшиеся ему в удел. Я же рожден от дочери индийского царя, царицы персов. Ведь известно завещание отца моего и видели вы, как он десницей своей возложил корону на мою голову».

Рассудили и дали царство над Персией Бартаму, а Мириану, для его успокоения, из владений Бартама передали Джазиру, половину Шама и Адарбадаган[28]. Все это присовокупили к Картли, Армении, Рану и Мовакану. Тогда отправился Мириан к себе, но пока Мириан находился в Персии, овсы во главе с Перошем и Кавтиа разорили Картли. Мириан тотчас же перешел в Осетию, разорил её, достиг Хазарии, и через Двалети вернулся обратно в Картли.

По прошествии нескольких лет, как обычно, пришли хазары воевать с Дербентом. Мириан снова отправился на помощь Дербенту, и пока он воевал с хазарами, царь го́тов с неисчислимым войском вторгся в Грецию. Греческий царь, собрав большое войско, выступил против него. Тогда царь готов вызвал на поединок кесаря, но кесарь был не в состоянии биться с ним. В то время в греческих войсках находился сын армянского царя Косаро по имени Трдат, о котором мы упомянули выше: он был воспитан в Греции и был настоящим исполином. Греческие войска единодушно выбрали его и надели на него платье и доспехи кесаря, послав его в облачении кесаря биться с царем готов. Выступил с противной стороны царь готов и ринулись они друг на друга. В поединке победил Трдат и обратился вспять стан готов. А кесарь дал войска Трдату и послал его в Армению, свою вотчину. Вступили они в Армению и изгнали оттуда персидских эриставов Мириана.

Тогда Мириан вернулся с войны с хазарами и призвал из Персии своего родственника, потомка царей, по имени Пероз, который привел с собой большое войско. Дал Мириан Перозу в жены свою дочь, а также земли от Хунани до Барды, по обеим сторонам Куры, назначив его эриставом. Он присоединил к себе и другие силы из Персии, и начал воевать с Трдатом. Но когда Трдат привлекал на помощь силы из Греции и двигался на Мириана, то Мириан был не в силах сопротивляться ему, а лишь укреплял крепости и города, а Трдат вторгался в его страну. Когда же усиливался Мириан с помощью Персии, тогда уже Трдат не мог оказывать ему сопротивления

и Мириан вторгался в Армению. И так продолжалась вражда между ними в течение многих лет, и не нашлось среди персов способного противоборствовать Трдату. Победил он всех своих противников и прославился по всему свету, как об этом написано в «Истории армян».

Затем царем в Персии стал третий брат Мириана и Бартама, который прислал к Мириану посла со следующим предложением: «Объединимся, пройдем через Армению и вторгнемся в Грецию». Выступил царь персов и встретил его Мириан, и собралось неисчислимое войско, подобно траве полевой и листьям на деревьях. Прошли они через Армению, и не смог им воспротивиться Трдат, а только укрепил он города и крепости. Полонили они Армению и вторглись в Грецию. Не смог им противостоять и царь греческий – Константин, и предался он горю великому[29].

Когда начали разорять Грецию, тогда некоторые служители бога обратились к Константину, сказав ему: «Видели мы чудеса Христовы и победу уповающих на него над врагами своими и как все уповающие на Христа под предводительством Креста повергают врагов своих». И тогда, как это написано в «Обращении греков», принял Константин крещение, двинулся, предводительствуемый образом Креста, и с войском малочисленным сразился с врагами (персами) бесчисленными. И с помощью веры в Христа обратил в бегство их стан и истребил многих из них.

Бежали оба царя в сопровождении малочисленной конницы, а Константин преследовал их и вторгся в пределы страны. Персидский царь вернулся в Персию, а Мириан расположился в Картли и укрепил города и крепости. Мириан полностью утратил силы и опасался полного изгнания из Картли, ибо была истреблена в этом сражении вся знать его, как персы, так и грузины. Поэтому он направил послов к царю Константину, попросил у него мира, обещая отложиться от персов, служить ему и стать его союзником. Понравилось это Константину, ибо продолжал он питать страх перед царем персидским, и заключил мир с Мирианом. Взял он в заложники сына Мириана, которого звали Бакар. Скрепил он отношения между Мирианом и Трдатом родственными узами, сделав их свояками: Трдат выдал дочь свою, по имени Саломе, замуж за сына Мириана, которого звали Рев. Определил Константин границы Мириану и Трдату следующим образом: земли, реки которых текут с юга и сливаются с Араксом, оставил Трдату, а земли, реки которых текут на север и сливаются с Курой, оставил Мириану.

Царь Константин, будучи посредником между ними, упорядочил их дела и отбыл в свое царство[30].

Царствовал Мириан в Картли, Ране, Эрети и Мовакане, принадлежала ему и Эгриси до реки Эгрис-цкали. Дал он сыну своему вотчиной Кахети и Кухети и посадил его в Уджарме. Рев и супруга его Саломе, дочь Трдата, жили в Уджарме.

А Перозу, зятю Мириана принадлежала страна от Хунани до Барды, которую выделил для него Мириан. И был Пероз там эриставом.

К тому времени святая и блаженная матерь и купель наша Нино находилась в Мцхета уже три года и прославляла веру Христову, совершая исцеления без лекарств. И начала она с того времени открыто восхвалять истинную веру господа нашего Христа.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОБРАЩЕНИЕ КАРТЛИ СВЯТОЙ НИНО

Обращение царя Мириана и с ним всея Картли святой и блаженной матерью нашей апостолом Нино

Вначале помянем мы житие святой и блаженной матери нашей, просветительницы всея Картли апостола Нино, о котором поведала нам сама блаженная в час своего преставления и которое описала верующая царица Саломе из Уджармы – супруга сына царя Мириана, дочь Трдата, царя армян.

В те времена, когда святой Георгий Каппадокийский принял мученический венец во имя Христа, жил человек в Каппадокии, равный владетельным особам, раб божий по имени Завилон. Отправился он в Рим служить кесарю. В то же время жил в Коластре некий человек и было у него двое детей – сын и дочь. Имя сына его – Ювенал, а дочери – Сосана. Умерли эти супруги и остались брат с сестрой сиротами. Тогда, на радость всех христиан, на святое Воскресение направились они в град святой Иерусалим и нашли себе там приют. Ювенал был посвящен в сан девталара, а сестра его Сосана служила у ниафоры Сары Вифлеемской.

Упомянутый нами юноша из Каппадокии, по имени Завилон, прибыл в Рим и предстал пред кесарем. В то время на римлян шли войной бранджи[1], и стояли они на полях Паталана[2]. Даровал бог Завилону, юноше из Каппадокии, силу столь неодолимую, что выступил он против врагов бесчисленных, обратил в бегство бранджей, пленил их царя и всех предводителей и привел их к кесарю. А кесарь решил предать их смерти. Тогда подняли плач бранджи и стали умолять Завилона: «Сначала дай нам веру вашу и введи нас в храм бога вашего, а потом уже сверши над нами казнь. Раз ты пленил нас, ты же сделай это для нас, и будешь неповинен в пролитии крови нашей, богатырь»

Услышав это, Завилон тотчас же сообщил об этом кесарю и патриарху. И крестили они их при рукоположении Завилона, ввели их в храм божий и причастили к святым таинствам, к плоти и крови Христа, явив им величие деяний апостолов.

А наутро бранджи надели на себя одежды смертников и вышли на лобное место; молились и благодарили бога за крещение, говоря: «Мы и в смерти бессмертны, ибо удостоил нас бог подобным величием, снабдив нас дорожной снедью неиссякаемой – плотью и кровью Христа, сына бога бессмертного, кто превыше всех вершин и глубже всех бездн и кто благословен во веки веков. Но горе порожденным нами – плодам горечи, обитателям тьмы». И взывали они: «Да придет палач и примет головы наши».

Видя это, растрогался Завилон, прослезившись, ибо преклонили они головы свои подобно овцам, предавая себя на убиение, и жалобно, как агнцев, оплакивали они детей своих.

И тогда, сжалившись над ними, вошел к кесарю Завилон и испросил их, готовых к смерти, у него.

Смилостивился кесарь и сказал ему: «Дарую тебе их и делай с ними, что угодно». И отпустил всех.

А бранджи умоляли Завилона пойти с ними в их страну, дабы дать веру Христову и крещение водой всему народу. Тогда внял он их мольбам, потребовал священника у патриарха, получил повеление от кесаря, и отправились они с радостью.

Когда они приблизились к стране бранджей на расстояние одного дня пути, то весть о том, что «царь жив и идет вместе со всеми предводителями», опередила их. Тогда поднялись княжества Хозама, Хоза, Гаахалиджа, Тенебага, Хингараг, Зиджа, Зага, Зада, Зарма и царство Тмонид и встретили их у великой и глубокой реки.

Царь разделил народ и расположил его по обоим берегам реки. Тогда освятили воду священники и весь народ вошел в реку. Совершив омовение, выходили они на берег в том месте, где возлагал на них руку свою Завилон. Пробыв с ними десять дней, причастил Завилон народ к таинствам христовым, оставил священников и установил им полный христианский распорядок.

После этого он простился со всеми и отправился в Рим с богатыми дарами, решив про себя: «Пойду в Иерусалим и посвящу богатство свое местам божьим». И направился он в Иерусалим.

Прибыв в Иерусалим, разделил он, по заповеди божьей, свое добро нищим. Здесь он узнал, что упомянутый ранее девталар стал патриархом. Завилон и патриарх крепко подружились меж собой.

Тогда ниафора Сара сказала патриарху: «Сей Завилон, отец и креститель бранджей, является человеком совершенным по мудрости и благочестию, отдай ему в жены сестру свою Сосану». Поскольку понравилось святому патриарху предложение ниафоры Сары, отдал он Сосану в жены Завилону, и ушел Завилон в город свой Коластру.

Родилась у них одна-единственная дочь – Нино. И Сосана воспитала её в служении нищим.

Когда Нино исполнилось двенадцать лет, распродали её родители все свое имущество, пошли в Иерусалим и поделили добро между нищими.

Когда они пришли в Иерусалим, принял Завилон благословение от патриарха, расстался со своей женой и прижал к груди дочь свою и, горько заплакав, сказал ей: «Дочь ты моя единственная, вот оставляю тебя сиротой и поручаю отцу небесному, богу, воспитателю всех, ибо он – отец сиротам и судья вдовам. Не страшись, дочь моя, но отомсти за Марию Магдалину, пострадавшую из-за любви к Христу и сестрам Лазаря. И если возлюбишь его так же, как любили его они, то дарует он тебе все, что ни попросишь у него». Сказав это, поцеловал он ее в последний раз и направился к людям диким за Иордан, и пребывание его там известно богу, творцу всего, всеведущему. Мать святой Нино патриарх определил прислужницей у нищих и немощных женщин, а святая Нино служила в течение двух лет у ниафоры – армянки из Двина и расспрашивала ее досконально о страстях христовых, о распятии, погребении и воскресении; о хитоне его, пеленах, саване и кресте. И обо всем другом допытывалась она последовательно, ибо не было другой в Иерусалиме равной ей (ниафоре) по совершенству в познаниях законов веры как старой, так и новой.

Начала она повествование и сказала ей: «Вижу, дочь моя, силу твою, равную силе львицы, которая взывает громче всех четвероногих, или же подобно орлице, которая поднимается ввысь выше самца и объемлет зрачком своим всю сушу словно жемчуг малый, ищет и как огонь находит

пищу себе, а увидев ее (пищу), подбирает крылья и бросается на нее. Да будет подобной жизнь твоя, ведомая духом святым!

А теперь поведаю тебе обо всем. Когда люди смертные узрели на земле бога бессмертного, явившегося призвать язычников и пожелавшего самому спасти мир этот, то начал он вершить благие дела для иудеев, воскрешая умерших, делая зрячими слепых и исцеляя недужных. А те (иудеи) преисполнились зависти, договорились меж собой и разослали стратиоти по всему свету, призывая иудеев прибыть поспешно к ним. И говорили они: «Вот, гибнем мы, идите и соберитесь все!». Тогда прибыло со всего света бесчисленное множество людей, ученых в вере Моисеевой, восстали они против духа святого и что было предначертано Христу, свершили над ним: распяли его и бросили жребий по его одеждам. И достался по жребию хитон его нешитый северным горожанам мцхетским. Погребли Христа, иудеи приставили к нему стражу и приложили печать к могиле его. Но он воскрес, как и сказал сам об этом ранее, а пелены нашли в могиле. Когда рассвело, то выяснилось все это.

Пришли Пилат и жена Пилата к могиле Христа и когда нашли пелены, взяла их жена Пилата с собой, тотчас же направилась в Понт, в дом свой, и уверовала в Христа.

По прошествии некоторого времени попали они (пелены) в руки евангелиста Луки и сложил он их на место лишь ему одному известное, но савана не смогли доискаться, хотя некоторые говорили о Петре, будто бы «смог он взять его, и находится он у него». Но ясно нам ничего не говорили, как то бывало при других событиях.

Крест захоронен в этом же городе Иерусалиме, но места того не ведает никто и если того захочет бог, то обнаружится и он».

Услышав все это от ниафоры Сары, святая Нино вознесла благодарение богу, благословила ниафору и спросила снова: «Где находится та северная страна, прибывшие из которой иудеи взяли в собой доставшиеся им по жребию одежды господа нашего Христа?».

В ответ ниафора Сара сказала ей, что «есть на востоке город, который называется Мцхета, страна Картли и Сомхити – горная область язычников, но в настоящее время стала она достоянием ужиков».

В те дни из Эфеса пришла некая женщина поклониться святому воскресению, и спросила эту женщину ниафора Сара: «Продолжает ли царица Елена пребывать в том же заблуждении и темноте?». А та сказала ей: «Я являюсь ее служанкой и знаю все ее помыслы явные и тайные, и знаю, что есть у нее большое желание веры христовой и крещения».

Услышав об этом, святая Нино сказала ниафоре: «Пошли меня и я приду к царице Елене и предстану пред ней со словом о Христе». Ниафора сообщила патриарху о желании Нино. Тогда дядя призвал Нино, племянницу свою, поставил ее у средних врат алтаря, возложил на ее плечи свои святые руки, исторг к небу вздох из глубины сердца своего и сказал: «Господь, бог вечности, поручаю длани твоей сироту эту, дочь сестры моей, и посылаю ее проповедовать божественность твою, дабы благовещать воскресение твое. И где будет желанным шествие ее, будь, Христос, господь наш, ей спутником, гаванью, наставником и разумеющим язык ее, подобно предшествующим ей людям, убоявшимся имени твоего».

Разлучил он ее с матерью поцелуем прощальным, осенил ее знамением креста и отпустил с молитвами, обращенными к богу, и благословением.

Отправилась святая Нино вместе с этой женщиной, пришедшей из Эфеса, и когда они прибыли в царство римское, в дом женщины, спутницей которой она стала, то нашли там, в девичьем монастыре, некую царицу, потомка царей, по имени Рипсиме, и воспитательницу ее Гаяне, которые, возымев желание причаститься к Христу, ждали крещения из Иерусалима.

Тогда та женщина передала святую Нино святой Рипсиме, поведав ей о деяниях ее. Увидев ее, христолюбица Рипсиме с радостью обняла святую Нино и приняла ее в свой дом.

Во время пребывания с ней святой Нино Рипсиме приняла желаемое ею крещение, а вместе с ней приняли крещение воспитательница ее Гаяне и другие домочадцы, всего пятьдесят душ. И большинство из них приняло крещение при рукоположении святой Нино. Тогда ушли все они в монастырь свой, и пробыла с ними святая Нино два года.

В те дни разослал кесарь людей искать женщину благородную и прекрасную, дабы найти для себя достойную жену[3].

Когда ищущие достигли девичьего монастыря, то увидели Рипсиме и, узрев лик ее, расспросили об ее происхождении, ибо не было никого подобной Рипсиме по красоте. Изобразили они лик ее на доске и послали ее кесарю.

Понравилась она кесарю, преисполнился он радости и распорядился справить свадьбу, для чего тотчас же разослал посланцев и распорядителей во все свои владения, призывая всех с дарами и ликованием прибыть на свадьбу.

Но святые, поняв скрытые ухищрения врага, начали горевать, ибо знали, что кесарь, подобен змию, обернувшемуся в раю чародеем, что он, этот неверующий, преклонялся в нечестии своем пред гнусными, презренными идолами.

Увидев опасность, надвигавшуюся на них, блаженная Рипсиме, Гаяне и другие святые и во всем достойные женщины помянули обет непорочности и достойную хвалы жизнь в уединении, которой они были научены, и плакали они и причитали из-за того, что познал кесарь безбожный прелесть святой Рипсиме по изображению, которое нарисовали и послали ему. Молились они неустанно и предали себя строжайшим канонам, и по единодушному решению тайно оставили эту страну пятьдесят три души.

И пришли они в края Армении, в местность, называемую Новым городом – Валарсабад, то есть Двин, являвшийся местопребыванием царя армян. Вошли они в давильни для винограда, которые были выстроены в северной и восточной частях города, и питались они, торгуя предметами рукоделия.

А кесарь преисполнился горя и разослал людей повсеместно разыскать их. Тогда прибыли посланцы кесаря к Трдату, царю армян, и передали ему послание кесаря, в котором было написано следующее:

«Я, кесарь, самодержец, приветствую любимого брата, друга и соправителя своего Трдата. Да будут известны братство и спомоществование твое в том, в чем ущербляемы мы от заблудшего сего рода христиан, ибо во всем оскорбляема власть наша от их сообщества и отвергаемо ими царствие наше, поскольку служат они некоему распятому, поклоняясь древу и чтя кости людей. И считают величием смерть свою во имя господа своего. Не страшатся они иудеев, но боятся они распятого иудеями, пребывая тем самым в заблуждении. Поносят они царей и оскорбляют богов, ни во что не ставят силу света, солнца, луны и звезд, а считают их творениями того распятого. И

настолько привлекли они на свою сторону страну, что разлучили живых мужей от жен, а жен от мужей, и хотя истребили мы их угрозами и жестокими истязаниями, но они вновь размножились более прежнего. А ныне мне случилось видеть одну молодую девушку из их рода и решил я взять ее себе в жены. Но она не только не пожелала меня, кесаря, но сочли они (христиане) меня ненавистным и нечестивым, сбежали они от меня тайно и направились в твою страну. Да будет это известно тебе, брат мой: сыщи их и, найдя им подобных, умертви их. Но ту, которую они ввели в заблуждение, прекрасную ликом, по имени Рипсиме, отошли ко мне. Если же она понравится тебе, то почитай ее своей, ибо не найти другой, подобной ей в стране ионийцев. Пребывай во здравии служением богам».

Когда Трдат прочитал приказ кесаря, тотчас же начал поиски и обнаружил их в вышеупомянутых давильнях.

Увидев Рипсиме, Трдат преисполнился желания, возрадовался великой радостью и решил взять ее в жены. Но не покорилась Рипсиме, и тогда она была предана мучению, а вместе с ней и воспитательница её Гаяне и многие другие из них. Их мученичество и чудеса описаны в «Обращении армян» (ибо по милости божьей превратился Трдат в вепря). Некоторые же из святых скрылись и бежали.

Святая Нино в терниях розового куста, который к тому времени еще не успел расцвести, в тот миг, когда исторглись души святых мучениц, узрела дьякона, подобного Стефану, снисходящего с епитрахилью светозарною; в руках держал он кадило, из которого исходил дым благовония, покрывавший небеса. Было с ним многочисленное воинство небесное и соединились души мучениц с ними.

Увидев это, святая Нино взмолилась: «Господи, господи! Для чего оставил ты меня средь змей и ехидн?»

И тогда услышала она глас свыше, который сказал ей: «Таким же будет прием твой, когда тернии, окружающие тебя, превратятся в лепестки роз благоухающих. Встань и иди на север, где имеется жатва обильная, а тружеников нет».

И пошла святая Нино и достигла Орбанту, на границе Армении, и там перезимовала, терпя множество лишений. И в месяц четвертый, который называется июнь, направилась она и достигла гор Джавахети, где она встретила большое сточное озеро, называемое Паравна. Когда же она взглянула на север, то увидела горы, которые даже в те летние дни были покрыты снегом и воздухом суровым. Поддалась тогда святая Нино испугу и сказала: «Господи, господи, прими душу мою от меня».

Оставалась она там два дня и просила пищу у рыбаков, охотящихся на этом озере. Были в тех местностях и пастухи. Стерегли они паству свою по ночам и, взывая к богам своим, – Армазу и Задену, давали им обет жертвоприношения, если вернутся с миром (домой).

Святая Нино была немного сведуща в армянском языке, ибо она раньше училась ему у ниафоры. Нашла она среди пастухов говорящего по-армянски и спросила его: «Из каких вы краев?», а тот ответил ей, что они «из селений Эларбини, Сапурцле, Киндзара, из рабатов, великого града Мцхета, где владычествуют боги и царствуют цари». Тогда спросила она: «А где находится Мцхета?». Пастух сообщил ей, что река, берущая начало из этого озера, течет в Мцхета.

Святая Нино, положив камень у изголовья, легла и заснула у стока того озера. И явилось ей видение во образе некоего человека среднего роста с полудлинными волосами. Передал он святой Нино послание запечатанное и сказал: «Преподнеси это царю язычников в Мцхета». Святая Нино начала плакать и умолять его: «Господи, я чужестранка и не знаю языка, как же мне идти в неизвестную мне страну и к чужому племени?»

Тогда этот человек раскрыл пред ней послание и дал ей читать его. И было писано на языке римлян, с печатью Иисуса. И было написано в том послании десять заповедей:

а. Где ни будет проповедано Евангелие сие, да будет там упомянута женщина сия.

б. Нет мужского пола, ни женского; ибо вы одно во Христе Иисусе.

в. Идите и научите всех язычников, крестя их во имя отца и сына и святого духа.

г. Свет воссиял над язычниками во славу народа твоего Израиля.

д. Где ни будет проповедано Евангелие сие царствия, там же сказано будет в целом мире.

е. Кто слушает и принимает вас, принимает меня; а кто принимает меня, принимает пославшего меня.

ж. Ибо сильно любил Марию господь, ибо всегда слушал её слова истинные.

з. И не бойтесь убивающих тело (ваше), души же не могущих убить.

и. Сказал Иисус Марии Магдалине: «Иди, женщина, и благовести сестрам и братьям моим».

к. Где бы вы ни проповедовали именем отца, сына и святого духа[4].

Когда святая Нино прочитала эти слова, начала молить бога и уразумела, что видение это было ниспослано с небес, и подняла глаза к небу, прося его помощи на утро.

После этого направилась она вдоль той реки озерной, текущей на запад. Шла она по дорогам трудным и жестким, претерпела множество бед из-за дорог и натерпелась страху великому от зверей, пока достигла места, откуда течение реки повернуло на восток. И с этой поры наступила для нее радость, ибо нашла она путников, вместе с которыми достигла она уделов Картли, города, именуемого Урбниси, где она увидела народ чужеродный – служителей богов, ибо поклонялись они, как богу, огню, камням и деревьям. Опечалилась душа святой. Вошла она в молельню иудеев и пробыла там месяц. И наблюдала она за мощью этой страны.

Тогда, однажды двинулось множество народа с того города к граду великому престольному Мцхета для торговли и свершения жертвоприношений богу своему – Армазу. Последовала за ними святая. Когда они достигли Мцхета, моста за Могвта, остановились там. Увидела святая Нино служителей огня, огнепоклонство народа и заблуждение его. И оплакивала святая Нино гибель их душ и горевала о том, что она чужая для них.

И вот, на другой день раздались звуки труб и вышел бесчисленный народ подобно цветам полевым, и слышался гул страшный, а царь пока не выходил. И когда настало время, побежали люди, и прятались все, спеша в свои укрытия. Вскоре вышла царица Нана, и медленно подходил народ, украсив улицы разноцветными одеждами и листьями. Начал народ славословить царя. Тогда вышел царь Мириан, взглядом страшным и ослепляющим.

И спросила святая Нино женщину, некую иудейку: «Что это такое?». А та ответила: «Бог богов – Армаз и нет идола кроме него». Тогда направилась святая Нино взглянуть на Армаза, и заполнились горы знаменами и народом, подобно полям, покрытым цветами.

Святая Нино успела войти в крепость Армази и села неподалеку от идола у расселины стены. И увидела она непостижимое и неописуемое языком: каким великим был страх царя, вельмож и всего народа пред идолами, возвышающимися над ними. И увидела святая Нино человека из меди и была надета на нем золотая кольчуга, а на голове – шлем крепкий. Был он (идол) украшен драгоценными каменьями – изумрудами и бериллами, а в руках держал меч, сверкающий подобно молнии, и вращался он в его руках. Если же кто-либо прикасался к нему, то обрекал себя на смерть, говоря: «Горе мне, ужель я чем-либо ущемил славу бога великого Армаза или же ошибся в чем-либо в разговоре с иудеями, или слушая жрецов огнепоклонников, или же иных несведуших, говорящих о некоем неизвестном боге? Может быть найдет он какой-либо проступок малый и поразит меня мечом своим, которого страшатся все». И со страхом поклонялись ему.

Справа от него стояло также изваяние человека из золота, по имени Гаци, а слева – из серебра, по имени Гайм, и почитал их народ Картли божествами.

И тогда заплакала блаженная Нино из-за страны той северной, сокрытия от них света и власти тьмы над ними, ибо увидела она царя всесильного и всех мтаваров, которые живыми были поглощены адом, ибо, покинув творца, поклонялись как богу камням, деревьям, меди и железу кованому.

Тогда вспомнила она слова, сказанные ей святым отцом, патриархом Ювеналом: «Мужчиной направляю я тебя, чтоб прибыть в страну чужую к племени *дарагевел зепел бакадул*, что на языке бранджей значит «людей, борющихся с богом»[5].

Тогда подняла она глаза к небу и сказала: «Господи, взываю к силе твоей великой и великодушию твоему всеобъемлещему, не оставляй их без внимания, ибо человек есть образ твой, для которого ты, один из святой троицы, стал человеком и спас всю вселенную. Воззри ты благосклонно на это племя и ниспошли гнев на владык душ мира непокорного и господ тьмы. И помоги мне, господи, рабе твоей, показать им все стороны света, и чтобы Север радовался вместе с Югом, и чтобы всякий язык поклонялся тебе, богу единственному, во имя Христа, сына твоего, которому подобает благодарение и восславление».

И как только святая Нино закончила молитву свою, в мгновение ока поднялся с запада ветер, раздался удар грома страшный и показались облака, несшиеся стремительно со знамением страшным. И принес с собой ветер западный запах смрадной горечи и желчи зловонной. Когда же люди увидели надвигавшуюся на них бурю, бежали все в город и села. И было дано им время, чтобы укрыться в своих жилищах. Стремительно налетело то облако гнева, беспощадно жестокое, и обрушило град весом в литру на место, где пребывали идолы, превративший их в мелкую пыль. Ветер же ужасный разрушил стены крепости и разметал их по расселинам скал, а святая Нино осталась спокойно стоять на том же месте, куда она пришла вначале.

На другой день вышли царь Мириан и весь народ, искали богов своих, но не находили их. И напал на них страх, и скорбел этот жестокосердный народ, говоря: «Итруджан, бог халдейцев, и бог наш Армаз издавна враждовали меж собой – Армаз некогда напустил на него море, а теперь отомстил Итруджан и все случилось из-за него». Но некоторые говорили: «Силой бога, превратившего царя Трдата в вепря, который силой того же бога был вновь превращен в человека, сотворено это. Ибо другой бог не в состоянии свершить подобное». Говорили так, ибо был царь

Трдат превращен в вепря по воле Христа и по воле же Христа вновь был превращен в человека. С тех пор в Картли открыто восхваляли Христа, ибо милость божья начала осенять Восток.

И в тот день гнева, когда прекратился град и улегся ветер, вышла святая Нино из расселины скалы, нашла камень берилла и направилась к переднему краю выступа скалы, где стояла старинная крепость, у которой росла акация, высокая, красивая и ветвистая, бывшая раньше местом отдыха и сенью для царя Бартама. Пришла она к дереву, изобразила знамение креста Христова и молилась тут шесть дней, благодаря бога и моля его о милости к заблудшему этому народу и спасении его от дьявола. Когда происходило все это, был час шестой и день шестой того месяца, когда Эммануил явил лик своего отца на горе Фавор своим ученикам и пророкам.

В это время одна придворная женщина по имени Шрошана нашла её под деревом. Удивилась она, привела женщину, говорящую по-гречески, и расспросила о том, кто она и что здесь делает. Святая Нино рассказала ей о всех делах своих, не сообщила она ей лишь о личности своих родных и выдала себя за пленницу. Пожалела её Шрошана, плакала и настаивала, чтобы она пошла с ней в царский дом. Но святая Нино не пожелала идти с ней, и Шрошана ушла.

По прошествии трех дней святая Нино спустилась в город, переправилась через Куру и направилась к царскому саду, где в настоящее время стоит столп, воздвигнутый богом, и церковь католикоса. Подойдя к воротам сада, увидела она маленький домик сторожа. Вошла святая Нино и увидела там женщину по имени Анасто. Увидев св. Нино, женщина встала, обласкала её, помыла ей руки, смазав их маслом, подала ей хлеб, вино. Осталась святая Нино у неё девять месяцев.

Анасто и её муж были бездетными, и сильно горевали по этому поводу. Тогда у святой Нино было видение: пришел человек лучезарный и сказал ей: «Войди в сад этот, есть там под кедрами лоза малая, готовая расцвести цветами благоухающими. Возьми землю с этого места, дай съесть её тем людям и будет у них сын». Так она и поступила, сказав им: «Волею Христа, сына Бога вечного, который является соуправителем отца своего и духа святого и который для спасения нашего принял образ человека, был распят и воскрес на третий день, вознесся на небо и воссел одесную от Бога. Вновь придет он во славе судить живых и мертвых и даст вам разумение». И сообщила им все пути истинные.

Тогда Анасто и ее муж признали Христа и тайно стали её учениками, а святая Нино нашла за стенами города колючую купину, где в настоящее время находится алтарь верхней церкви епископской, и сделала его своим пристанищем. Сделав крест из лозы, она воздвигла его под кустом. И молилась она беспрестанно днем и ночью. Муж с женой прислуживали ей, удивляясь подвигу её, посту, молитвам и бдению.

Многократно наведывалась Нино в иудейский квартал для розысков хитона Христова, про который она слышала в Иерусалиме от ниафоры, сообщившей, что «хитон господень взяли с собой мцхетские иудеи». Поэтому допытывалась она у местных иудеев, желая узнать что-либо о хитоне. Встретила она одного священника, иудея по имени Абиатар, и проповедовала ему и дочери его Сидонии Евангелие господа нашего Иисуса Христа. Те уверовали и стали её учениками, а вместе с ними и шесть других женщин-иудеек. Возложили они на себя бремя учения святой Нино без крещения, ибо не было здесь священника, который бы крестил их, и стали они её учениками тайно. Исцеляла святая Нино и творила чудеса по воле Христа: исцелила

она множество прокаженных, но как бы с помощью лекарств. И так пребывала она в городе Мцхета три года. В то время произошло вторжение царя Мириана и его племянника, великого царя персов, в Грецию, но Константин, царь греков, с помощью веры Христовой и креста обратил в бегство царей и истребил их бесчисленное войско.

Глава шестая

Рассказ священника Абиатара, который стал учеником святой и блаженной Нино

Я, Абиатар, был священником по жребию над приходом в том году, когда святая и блаженная Нино пришла в Мцхета. В то же время дошло до меня письмо иудейских священников из Антиохии, в котором было написано: «На три части расколол бог царство Израильское. Вот и пророки наши умолкли и кого призвала душа, преставились все, и рассеялись мы по всему свету. Римляне покорили страну нашу. Плакали мы с народом вместе, ибо разгневали бога-творца. Теперь рассмотрите книги Моисея и слово, которое написал он нам, что «кто на свете объявляет себя сыном божьим, убить его». Неужели ошиблись мы, убив и Иисуса Назаретянина? Ибо видим, когда раньше предки наши грешили перед богом и полностью забывали его, то предавал он их пленению и под господство тяжелое. Но когда они обращались и взывали к нему, то сразу же избавлял он их от беды. Семижды известно нам это из писания. Но теперь, с тех пор, как предки наши коснулись рукой сына той женщины убогой и убили его, отказал нам бог в милости своей и расколол царство наше, удалил нас от храма своего священного и забыл полностью наш род. С тех пор прошло триста и более лет, и не внял он мольбам нашим и не избавил нас от бед. Поэтому и думаем мы, что, может быть, с небес исходил промысл подобный». И участились письма ко мне.

А я, как только услыхал все это, начал расспрашивать у Нино о Христе, откуда был он или же по какой причине превратился в человека сын божий. Тогда отверзла уста свои святая Нино, как колодец источающий, и начала говорить с глубины веков. Читала она книги наши наизусть и поясняла их мне. Будила она меня, как спящего, и приводила в себя, как потерявшего разум, заставляла жалеть предков наших и уверяла меня сменить веру, пока не уверовал я в её слова: Иисус Христос – сын божий, страсти и воскресение его, пришествие второе его страшное, и что он является надеждой язычников. Я и дочь моя удостоились принять окропление, очищающее от грехов, водой из купели, которое так желал Давид, но не смог достичь этого. И услышал я глас веры новой, звуки песнопений, о которых мечтал Давид, и удостоились мы причащения к плоти и крови Христа, сына божьего, и агнцу, принесенному в жертву ради грехов мира сего, вкус которого сладок. И на этом, господи, изведи меня из плоти моей! И еще множество чудес, свершенных святой Нино, видели глаза мои во Мцхета за дни мои.

Рассказ его же, священника Абиатара, о хитоне господа нашего Иисуса Христа

Я, Абиатар, повествую вам о событиях, которые сообщены мне от отца и матери моих и о которых они знали также по рассказам предков и родителей своих, а именно: «Когда в Иерусалиме царствовал Ирод, прослышали мы, что Иерусалим покорили персы. Из-за этого поднялся плач и было горе среди иудеев грузинских – жителей Мцхета, бодийских священников, кодисцкаройских книжников и толкователей канонов из Собы. И все они поднялись на помощь жителям Иерусалима, но по прошествии нескольких дней достиг нас глас утешения, что персы пришли не для завоевания Иерусалима, а вместо оружия имели они царское золото и миро, вмиг исцеляющее раны, и фимиам благовонный. И искали они некоего новорожденного младенца, сына Давидова, и как будто бы нашли они убогого младенца, рожденного странницей в неурочное время и неподходящем месте. И они пришли поклониться младенцу и преподнесли ему эти дары. И царила радость великая среди всех иудеев грузинских.

А после этого, когда прошло тридцать лет, написал священник Анна письмо из Иерусалима деду моему Элиозу: «Тот, ради кого цари персидские пришли с дарами, вырос и достиг зрелого возраста и называет себя сыном божьим. Идите все на смерть его, дабы исполнить завет Моисея». И поехал Элиоз, отец отца моего, человек старый. Была у него мать из рода священника Ильи и одна сестра. Молила Элиоза мать его: «Иди, сын, на зов владыки и согласно закону веры, но к тому, что они задумали, не будь причастен, нет, сын мой, ибо это есть слово пророков и притча мудрецов». Отбыли Элиоз Мцхетский и Лонгиноз Карсанский и присутствовали они при распятии господа.

Но когда распяли господа и распорядитель молотом железным ударил по гвоздям, мать Элиоза услышала здесь это и закричала: «Прощай царство Иудейское, ибо убили вы спасителя страны вашей и сделались убийцами творца. О горе мне, которая не умерла ранее, дабы не слышать все это своими ушами». И на этом отдала душу свою.

А хитон господень достался по жребию мцхетцам. Взял Элиоз и достатвил его во Мцхета. Тогда встретила его сестра и, обливаясь слезами, обняла за шею брата своего, взяла у него одежды Иисуса и, прижав к груди своей, тотчас испустила дух из-за боли троекратной: смерти Христа и матери своей и из-за брата своего, который стал причастен к крови господней.

Тогда царили удивление великое и тревога во Мцхета, ибо были поражены сам царь великий Адерки, все множество народа и мтаваров. Желал Адерки иметь эти одежды, но, будучи потрясен и устрашен этим чудом, не захотел брать их из рук умершей, которая крепко прижала их к груди. Элиоз похоронил свою сестру, а в руках держала она одежды господни. И место то известно одному богу.

По прошествии многих лет правнук царя Адерки, царь Армазел, разыскивал одежды эти среди иудеев, но не нашел их, хотя сообщили ему о происшедшем, но никто не знал о том месте, кроме того, что «находится оно вблизи от кедра, завезенного из Ливана, посаженного в Мцхета и выросшего здесь». Хотя многократно велела нам мать наша святая Нино разыскать одежды эти, но и ей было сообщено лишь то, что «место сие – то, где не смолкнут уста людей, вознося песнопения богу». А дом Элиоза стоял на западной стороне города за Могвта, у моста.

В те дни многократно являлось видение святой Нино, когда она дремала, будучи коленопреклоненной: будто бы прилетели птицы небесные, черного цвета и, окунувшись в реку, омылись и стали белыми, поднялись они в сад, срывали лозу и поедали цветы. Подходили они к святой Нино с желанием и любовью, как будто сад этот принаддежал ей, и окружали её пением чудесным.

Рассказала все это святая Нино ученице своей – Сидонии, дочери Абиатара. А Сидония сказала святой Нино: «Чужестранка и не рожденная здесь пленница, спасительница пленников, ведаю, что чрез тебя наступило новое время и волей твоей слышится повесть старая о содеянном отцами нашими над человеком тем небесным, о противозаконном пролитии крови его невинной, принесшем стыд иудеям. Рассеялись они во все концы света, пало царство их, отобрали у них храм святой, нарекли их народом безродным, присвоив себе славу их. Иерусалим, Иерурсалим, как расправишь ты крылья свои и соберешь со всех концов света племя твое под сенью крыльев твоих. Вот и сюда пришла женщина сия и она изменит все законы этой страны». Обратилась она вновь к святой Нино и сказала ей: «Видение твое означает, что места эти ты превратишь в сад».

Еще до того, как царь Мириан, обращенный в бегство царем Константином, вернулся из Греции, святая Нино начала проповедовать веру Христову открыто, ибо говорила она громогласно: «Нашла я жителей Севера пребывающими в заблуждении». Явила она всем крест из лозы и творила им чудеса великие, ибо исцеляла она прокаженных без лекарств, прикосновением креста, и вместе с ней проповедовали её ученики, которые ранее тайно стали её последователями: семь женщин из племени иудеев – Сидония, дочь Абиатара, и шестеро других, сторожа сада – муж с женой и священник Абиатар – новый Павел, который неустанно и бесстрашно проповедовал веру Христову и был весьма сведущ в старой вере, а новую веру изучил у святой Нино и усерднее неё поучал он людей вере истинной.

Тогда восстали иудеи против Абиатара, дабы побить его камнями, но царь Мириан послал к ним слуг и избавил Абиатара от смерти, ибо было у царя Мириана желание веры Христовой, так как слышал он из Греции и Армении о чудесах Христовой веры и поэтому не препятствовал он проповеди святой Нино и её учеников. Но боролся с ним дьявол, враг незримый, и не решался он исповедовать Христа, а царица Нана была чрезмерно жестокосердной и поносила проповедь эту.

Святая Нино молилась неустанно в обители своей под купиной. Удивлялись язычники молитвам и бодрствованию её, и необычным казалось им дело это; начали они расспрашивать её, а она рассказывала им о старых и новых книгах, превращала глупцов и непонимающих в мудрецов и заронила им в сердца любовь к Христу.

И прошло три года с тех пор, как святая Нино проповедовала Христа открыто, и обрела она множество учеников[6]. Был в то время некий отрок, охваченный тяжким недугом. Водила его мать повсюду, чтоб найти кого-либо сведущего в врачевании, способного помочь ему. Изучили его все, но никак не могли найти средство для исцеления отрока, и сказали лекари той женщине, что «не поможет ничего этому отроку». А та женщина была язычницей жестокосердной, постоянно поносила она веру христиан и мешала другим посещать и расспрашивать святую Нино. Но когда она впала в отчаяние от слов лекарей, пришла и пала ниц пред святой Нино и умоляла

её исцелить ребенка. Тогда сказала ей святая Нино: «Исцеление, которое исходит от людей, я не принесу ему, но пусть бог мой Христос дарует исцеление отроку обреченному». И велела она положить отрока на волосяную подстилку, на которой постоянно молилась святая Нино, и начала она молить бога; сразу же исцелился отрок и передала она матери ожившего. И мать отрока признала Христа, сказав: «Нет бога, кроме Христа, которого проповедует Нино». Стала она ученицей святой Нино и последовала за ней, прославляя бога.

В то время охватил царицу Нану недуг тяжкий и острый, исцелить от которого не смог никто, хотя все искусные лекари израсходовали свои лекарства, но так и не смогли вылечить её, впав в отчаяние. Тогда некоторые сообщили царице, что «от молитв женщины, пленницы из Рима, которую зовут Нино, исцеляется множество больных». И повелела царица слугам своим привести Нино к ней.

Пришли слуги царицы и нашли святую Нино под кустом ежевики, молящуюся шестой час, и сообщили ей повеление царицы. Но святая Нино сказала им: «Не велено мне идти туда, где нет для нас отрады; пусть придет царица в обиталище мое и воистину будет исцелена она волею Христа». Слуги передали царице сказанное им святой Нино. Тогда сказала им царица утвердительно: «Приготовьте мне ложе и поведите меня к ней». Взяли её слуги на ложе и были с ней сын её Рев и множество народу.

Когда пришли они в обиталище святой Нино и положили царицу на власяницу её, начала молиться святая Нино и молила бога долго; взяла крест, который был у неё, приложила его к голове, ногам и к плечам наподобие креста, и тотчас исцелилась царица и встала ожившая. И уверовала она в Христа, сказав: «Нет иного бога, кроме Христа, которого проповедует пленница эта». И с того для стала она её подругой, родной и близкой, и постоянно расспрашивала её подробно о вере Христа, и учили её святая Нино, Абиатар – новый Павел и дочь его Сидония. Стала царица верующей и познала она истинного бога.

Спросил царь царицу о том, как она исцелилась мгновенно; и рассказала царица все, что произошло с ней, как она исцелилась без лекарств – молитвами и прикосновением креста; а множество народа, которое видело все это, подтвердило слова царицы.

И тогда удивился царь Мириан и начал допытываться о вере Христовой, многократно расспрашивал бывшего иудея Абиатара о старых и новых книгах, а тот сообщал ему обо всем и о книге Неброта, которая имелась у царя Мириана. В этой книге прочел он, что во время воздвижения столпа был Неброту глас с неба, который говорил ему: «Я, Михаил, который поставлен богом повелителем Востока. Изыди из града сего, ибо бог покровительствует этому городу и в день последний придет владыка небес, узреть которого желаешь ты среди народа презираемого, страх перед ним развеет сладости мира сего. Цари оставят царствование и будут искать нищету. Увидит он тебя в беде и избавит от неё». Тогда понял царь Мириан, что старые и новые книги совпадали меж собой и книга Неброта подтвердила это.

И возникло у него желание веры Христовой, но противоборствовал ему враг незримый, заронив в сердце его благоговение перед идолами и огнем. Но неустанно молила его царица исповедовать Христа. Пребывал царь в колебании целый год после обращения царицы. А святая Нино поучала неустанно весь народ и никому не сообщала о том, кто она или откуда пришла, выдавая себя за пленницу.

Спустя некоторое время, главный жрец – перс, по имени Хуара, заболел, жестоко страдал он душой нечестивой и был близок к смерти. И приходился тот вельможа родственником царю Мириану.

Тогда царица Нана и царь Мириан умоляли святую Нино, но царь смотрел на её дело все еще с некоторым недоверием: «Волею какого бога исцеляешь ты? Или ты дочь Армаза или же дочь Задена? Пришла с чужбины, приняла их покровительство, ниспослали они на тебя милость свою, даровав тебе силу исцеляющую, дабы тем самым жить в чужой стране? Да пребудет величие их во веки веков. Ты же будь пред нами как кормилица детей наших и уважаемой в городе этом, но не говори слова чужие, не проповедуй веру римлян заблудших и вовсе не имей желание говорить про это. Ибо боги великие – владыки мира, излучающие солнце, дарующие дождь и взрастающие порожденных землей – это боги Картли Армаз и Заден, ведающие всем сокровенным, древние боги отцов наших Гаци и Гайм – да пребудут они для веры людей. Если исцелишь ты вельможу этого, сделаю тебя богатой и коренной жительницей Мцхета – слугой Армаза. И хотя воздухом и градом надвинулось над ними истребление, но место сие непобедимо. Бог Картли Армаз и Итруджан, бог халдейцев, вовсе являются врагами. Этот напустил на него море, а тот сотворил с ним такую беду. Таков обычай владык вселенной. Да будет повеление это мое достаточным для тебя».

Ответила блаженная Нино: «Ты, царь, благословен уже именем Христа, молитвами матери его и с нею всех святых. Бог, творец небес и земли, творец всех тварей, явил тебе из его великих, славных и неисчислимых милостей, как из огня, искру одну милости своей, чтобы познать тебе и понять высоту небес, свет солнца, глубину моря, простор земли и основание ее. Да будет известно тебе, царь, кто одевает небеса облаками, по чьей воле гремит воздух, по чьей силе движется земля и мечутся громы; по чьему следу возгорается огонь от гнева его. Сообщила я тебе все, чтобы постиг ты это, ибо бог – на небеси. И незрим он сам для сотворенных им, помимо сына своего, который вышел из него и явился на землю как человек, и который свершил все, из-за чего пришедшим был. Вознесся он ввысь к отцу своему и он один узрел извечного, который высоко, но видит низших и издалека распознает высоких. О, царь, близок час, чтоб узреть тебе бога, ибо в городе этом есть чудо одно: одежды божьего сына находятся здесь. Некоторые же говорят и о наличии здесь власяницы Ильи. И существует множество чудес, которые являет бог. А теперь исцелю я вельможу твоего волею Христа – бога моего и крестом страстей его, подобно тому, как исцелила я царицу от недуга великого. И когда сообщила я ей про это, старается она, дабы озарить душу свою и приблизить народ свой к богу».

И привели они к ней того вельможу и пришла царица в сад под кедрами. Поставила его лицом на восток и указала ему воздеть руки, заставив его трижды произнести: «Отрекаюсь от тебя, дьявол, и следую за Христом, сыном бога». Плакала Нино, воздыхая, и просила у бога помощи для этого человека, а ученики ее оставались тут день и две ночи. Вскоре вельможу покинул дух зла и стал он учеником Нино со всей своей семьей и народом, и прославляли они бога.

Глава седьмая

Рассказ женщины Сидонии, которая был ученицей Нино и которая видела и описала обращение царя Мириана чудом, и мольбы Нино о признании Христа, воздвижении креста, строительстве церквей и сотворении в них чудес. Господи благослови!

И было. В один из летних дней, двадцатого числа июля месяца, в день субботний, направился царь поохотиться в сторону Мухнари. И напал на него враг незримый – дьявол и заронил в сердце ему любовь к идолам и огню. И задумал он всевозможное служение им и полное истребление всех христиан. Тогда сказал царь четырем своим единомышленникам: «Достойны мы зла от богов наших, ибо нерадивыми стали мы в служении им и попустительствуем вещим христианам в проповеди их веры в стране нашей: ибо колдовством творят они чудеса эти. А теперь решение моё: истребить всех уповающих на распятого и еще более ревностно служить богам – владыкам Картли. И объявим Нане, жене моей, чтобы раскаялась она и отреклась от веры распятого, и если она не послушается меня, забуду я любовь её и уничтожу её вместе с другими». И поддержали его решение единомышленники, ибо горячо были преданы они этому делу и с начала же желали его, но не смели они говорить об этом явно.

А царь обошел все окрестности Мухнари и поднялся на гору Шхоти осмотреть Каспи и Уплисцихе. Поднялся на самый гребень горы, и вот, в полдень потемнело солнце, стало как ночью темно и непроглядно. Охватила тьма места эти и рассеялись люди от беды и горя.

Остался царь один, бродя по горам и чащам леса, испуганный и потрясенный. Изнемогая, остановился царь, потеряв надежду остаться в живых. Но когда он пришел в себя, то сказал себе: «Вот призывал я богов моих, но не нашел счастья для себя. Теперь же, не в силах ли избавить меня от этой беды те, кого проповедует Нино – крест и распятый, уповая на которых исцеляет она? Ибо пребываю я в аду живым и не ведаю, всю ли вселенную постигла погибель эта, или же только меня. Если же лишь для меня беда эта, ты, бог Нино, просвети мне тьму, укажи местопребывание мое, и признаю имя твое, воздвигну древо креста и поклонюсь ему; построю дом для молитвы моей и буду покорным вере Нино и римлян». Как только он произнес все это, рассвело и засверкало солнце. Сошел царь с коня, став на то самое место, простер руки к востоку и к небесам и сказал: «Ты – бог над всеми богами и владыка над всеми владыками, бог, о котором говорит Нино. Достойно имя твое хвалы от всякой твари, живущей под небесами и на земле, ибо ты избавил меня и осветил тьму мне. И понял я, что желаешь ты избавления моего и счастья мне и близости моей к тебе, господь благословенный. На месте этом воздвигну я древо креста, которым будет прославляться имя твое и упоминаться сие чудо во веки веков». Запомнил он то место и направился к себе. Узрев свет, присоединился к нему народ рассеявшийся, а царь призывал: «Воздайте славу богу Нино, ибо он – бог вечный и ему одному подобает слава во веки веков».

А царица Нана и весь народ вышли навстречу царю, ибо сперва ходили слухи о гибели его, а потом о возвращении его с миром. И встретили они его у Киндзары и Гарта. В то время святая Нино по своему обычаю совершала вечернюю молитву под купиной в положенное время и мы, пятьдесят душ, были с ней. Когда пришел царь, сотрясался весь город и взывал царь голосом громким: «Где та женщина-чужестранка, которая является матерью моей, а бог её – спасителем моим». А когда ему сказали, что «она здесь, под купиной и молится», пришли к ней сам царь и вся рать его; сошел царь с коня и сказал Нино: «Теперь достоин я называть имя бога твоего и избавителя моего». А святая Нино велела ему тотчас поклониться востоку и помолиться Христу, сыну бога.

И тогда раздавался гром и плач людей, видящих и царицу в слезах. На следующий день направил царь Мириан послов к греческому царю Константину с письмом святой Нино к царице Елене. Сообщили послы им о чудесах Христовых, свершившихся в Мцхета и над царем Мирианом, и просили у них срочно священников для крещения. А святая Нино и ученики её неустанно проповедовали народу и указывали ему пути истинного царства.

Рассказ её же о строительстве церкви

Когда царь и весь народ с рвением обратились в христианство еще до прибытия священников, сказал царь святой Нино: «Спешу построить дом божий, но где же построить мне его?». Ответила ему святая Нино: «Там, где решишь, царь». Тогда сказал ей царь: «Люблю я купину твою и задумал я здесь построить его. Я не остановлюсь пред садом этим царским, перед высотой кедров, плодоносностью лоз и благоуханием цветов, ибо узрела ты видение, как птицы черные с крыльями непристойными омылись водой и стали белыми, расселись на деревьях и пели сладким голосом. Воистину, сад этот плотский пагубный, да заменится он садом вечным, и построим там дом бога для свершения молитв до прибытия священников из Греции».

Тотчас же стал он поучать плотников; срезали кедр и из этого кедра изготовили семь столпов для церкви. Когда же построили стены из дерева и воздвигли шесть столпов каждый в отдельности, то наибольший столп, который был удивительным на вид, изготовленный для установки в середине церкви, не смогли воздвигнуть. И сообщили царю это весьма странное явление – невозможность сдвинуть с места этот столп.

Тогда пришел царь со множеством народа, принесли они мощные машины и с помощью силы и множества людей пытались они воздвигнуть его, но не смогли; и были удивлены царь и народ, вопрошая: «Что же это такое?». И когда наступил вечер, ушел царь в свой дом сильно опечаленный, а святая Нино и двенадцать её учениц остались у столпа, и причитала она, блаженная, над столпом и проливала слезы свои.

Как только наступила полночь, пали обе горы – Армаз и Заден, как будто обрушились они и запрудили обе реки. Прорвалась Кура и сносила город. Раздавались голоса страшные плача и воя, а Арагви ринулась на крепость, и гремели громы ужасающие.

Испугались женщины и бежали, а блаженная Нино взывала: «Не бойтесь, сестры мои, горы стоят на месте, а воды текут там же и спит весь народ, а то, что будто обрушились горы, это только кажется вам, ибо обрушились лишь горы неверия в Картли, а воды, которые запрудились, – это кровь младенцев, принесенных в жертву идолам, и голоса эти воющие – от дьяволов, ибо оплакивают они себя, изгнанных с сих мест волей всевышнего и крестом Христовым. Обратитесь и молитесь богу!». И многовенно стихли эти голоса и наступила тишина.

Встала святая Нино, воздела руки и молила бога об успешном завершении дела, исполнение которого решил царь. И пока бы успел петух пропеть снова, у всех трех ворот города ударил набат, войско сильное взломало ворота и наполнился город персами, раздавались рев устрашающий, вопль и клич, и началась бойня. Кровью обагрилась земля, и таяла плоть, иссякал дух, и оплакивали родных своих.

Вдруг раздался громкий клич: «Царь персов, царь царей Хуаран-Хуара повелевает спасти всех иудеев от острия меча». Услышав это и придя в себя, заколебались я и десять бывших со мной женщин, а воины с мечами находились уже близко, разили они и убивали.

И раздался голос: «Схватили царя Мириана». Огляделась вокруг неустрашимая подвижница и сказала: «Ведаю, кто взывает так, тот сейчас находится в затруднении великом, и благодарю бога, что это является признаком их гибели, спасения Картли и величия сих мест». Ободряла она нас как наставница искусная и посланница Христа.

Обратилась она к войску опустошителей: «Где же цари персидские Хуара и Хуаран-Хуара; вчера направились вы из Сабастана, следовательно, быстро прибыли вы сюда и, видно, войско ваше большое, сильно разрушили вы город этот и поразили его мечом и по ветру пустили в сторону северных гор. Вот пришел тот, от которого бежите вы прочь». И распростерла Нино руки наподобие креста. Мгновенно исчезли все и наступила полная тишина, а женщины стали прославлять бога.

Когда забрезжил рассвет, задремали женщины, но я, Сидония, бодрствовала, а она все стояла, воздев руки. И вот подошел к блаженной некий юноша, озаренный светом и закутанный в огненное покрывало. И сказал он ей какие-то три слова, и пала она ниц, а юноша тот коснулся рукой столпа, поднял его и вознес ввысь. Удивленная, приблизилась я к ней и спросила: «Владычица, что это такое?». А она ответила мне: «Преклони голову свою до земли!». И заплакала, задрожав.

Встав по прошествии некоторого времени, подняла она меня на ноги и удалились мы с того места. Женщины, находящиеся здесь, также видели как огненный столп снисходил к корню срубленного кедра.

Как только занялась заря, встал царь, измученный горем, оглядел сад, начатое строительство церкви, и увидел свет, поднимавшийся из сада, как молния, к небу. Царь вмиг пришел туда и вместе с ним все множество домочадцев его и все горожане. Когда узрели это чудо, как озаренный светом столп словно снисходил с небес на место свое и утверждался без прикосновения рук человеческих, воцарилось великое блаженство, ибо когда свершилось это, наполнился град Мцхета страхом и радостью, текли реки слез у царя, мтаваров и всего народа, и прославляли они бога и завидовали святой Нино. И это был день свершения великих чудес.

Вначале пришел некий иудей, слепой от рождения, приблизился к столпу и тотчас же прозрел, и стал прославлять бога. Вторым был отрок из царского дома, по имени Амазаспан,

восемь лет пролежавший больным. Привезла его мать с верой и положила его перед столпом света, подлинного света, и умоляла Нино: «Воззри, владычица, на сына моего, близкого к смерти, ибо знаю я, бог богов есть тот, кому служишь ты и кого проповедуешь нам». Тогда святая Нино коснулась столпа рукой, возложила её на отрока и сказала ему: «Веруй в Иисуса Христа, сына бога, явившегося во плоти для спасения мира сего. Исцелись отсель и прославляй того, волей которого ты исцелился!». И встал отрок тотчас, как будто и не болел вовсе. Тогда поразил великий страх царя и весь народ. Приходили разные люди, охваченные недугом и исцелялись, пока царь не построил деревянное укрытие вокруг этого столпа и скрыл его от взора, но народ все же приходил, прикасался к укрытию и исцелялся. И царь спешно начал и завершил церковь в саду.

Когда же прибыли посланники царя Мириана к Константину, царю греков, и рассказали ему обо всем происшедшем, тогда преисполнились царь и мать его, царица Елена, радости: во-первых, потому, что милость божья снисходила повсеместно и при их рукоположении принимала вся Картли крещение, а, во-вторых, возрадовались они потому, что получили заверение от царя Мириана в полном уничтожении персов и нерушимой любви к ним. Прославляли и благодарили они бога. И послали священника истинного – епископа Иоанна и вместе с ним двух священников и трех дьяконов. Написал царь Константин царю Мириану послание с молитвами, благословением и благодарением богу, послал ему крест и образ спасителя и вместе с этим дары великие, а царица Елена написала ему письмо, восхваляя его и ободряя.

Прибыл епископ Иоанн и с ним вместе – дьяконы и посланцы в Мцхета. Преисполнились радости царь, царица и весь народ их, ибо желали все принять крещение. Тогда, не мешкая, разослал царь Мириан приказ эриставам, спасаларам и всем лицам государственным прибыть пред ним, и тотчас прибыли они в город.

Тогда принял крещение царь при рукоположении святой Нино, а потом царица и сыновья его – при рукоположении священников и дьяконов. После этого освятили они реку Куру и епископ подготовил одно место у самих ворот Могвта, у моста, где раньше находился дом священника Элиоза, и тут крестил знатных (каждого в отдельности). И было названо это место «Мтаварта санатло», т. е. место крещения мтаваров, а ниже этого места, на берегу реки, два священника и дьяконы крестили народ, и люди спешили, опережая друг друга и упрашивая священников именно их крестить первыми. И такое сильное желание принять крещение было у народа потому, что слышали они проповедь святой Нино, которая говорила: «Каждый, кто не примет крещения, не найдет света вечного». Таким образом был крещен весь народ Картли. Но не приняли крещения кавказские горцы, которые не явились на крещение, оставаясь некоторое время во тьме. Не приняли крещения и мцхетские иудеи, кроме таковых из рода Барабы, числом сорок домов, ставших истинными христианами. После этого они были возвеличены царем и даровал он им город Цихе-диди. Не принял крещения и Пероз, зять царя Мириана, которому был дан от царя Ран до Барды, а также и народ его не принял крещения – служил он царю Мириану только плотью.

Тогда послал царь Мириан епископа Иоанна и с ним одно знатное лицо к царю Константину и просил у него части древа животворящего, которое в то время обнаружила боголюбица царица Елена. Попросил он также множество священников, чтобы разослать их по всем городам и

местностям крестить народ, дабы приняла каждая душа в Картли крещение, просил он также строителей-каменщиков для строительства церквей.

Когда они прибыли к кесарю Константину, с радостью даровал он им части древа животворящего, доски, к которым были пригвождены ноги господни, и гвозди от рук.

И направил он в Картли священников и строителей великое множество, ибо во времена своего царствования царь Константин построил пятьсот святых церквей и храмов божьих. Даровал он клад великий епископу Иоанну и велел ему: «Там, где ты выберешь места, построй церкви на мое имя и дары эти утверди в городах Картли».

И отбыл епископ, а вместе с ним и посол. Когда прибыли они в местность, именуемую Эрушети, оставил епископ строителей для постройки церкви, а также клад и гвозди господни, и уехал. Оставил он также строителей и клад в Цунде и как только приступили к строительству церкви, отбыл. Пришел он в Манглиси, приступил к строительству церкви и оставил там доски господни.

Тогда опечалился царь Мириан из-за того, что они пришли не в стольный град, а начали строить церкви в других городах и оставили там части. Но святая Нино пришла к царю и сказала: «Не печалься, царь, ибо так положено, куда придут, там и посеют имя бога, а в городе этом имеется хитон господень чудесный».

Тогда призвал царь священника Абиатара и с ним множество иудеев, и расспрашивал царь их о хитоне том, а те поведали ему обо всем, что было написано выше. Тогда воздел руки царь Мириан и сказал: «Благословен ты, господь Иисус Христос, сын бога бессмертного, ибо сначала же захотел ты избавления нашего от дьявола и от места сего темного. Потому одежду твою священную прислал ты из святого города Иерусалима этим евреям, отчужденным от божественности твоей и даровал нам ее из рук племени чужого».

Стали царь и весь город твердо на путь христианства. Начали строители возводить церковь за оградой, над купиной, над обителью святой Нино. И сказала тогда святая Нино: «Благословен господь бог Иисус Христос и отец господа нашего Иисуса Христа, ниспославший слово святое с высот небесных со снизошедшим с трона всесильного вниз на землю. Рожден он, несомненно, от семени Давидова, женщиной святой и непорочной; рожден он единственным, и стал любимцем отца своего по причине спасения нашего. Родился как человек, и как служитель истинной веры принял крещение водой и духом, был распят и погребен, воскрес на третий день и вознесся до высот отца своего. Но вновь придет во славе он, которому подобают и слава, и почести, и поклонение вместе с отцом и святым духом».

О воздвижении честного креста

В то время росло дерево на недоступной вершине скалы. Было дерево это красивым и благоухающим. И исходило от него чудо такое: если раненный стрелой зверь поедал его листву или же семена, то он спасался от смерти, даже будучи смертельно раненным. Это казалось весьма удивительным бывшим язычникам и поведали они епископу Иоанну об этом дереве. А

епископ сказал: «Воистину хранил бог изначально же землю эту для служения себе, ибо взрастил он дерево сие, хранимое для этого часа. Коли теперь милость божья озарила Картли, следует соорудить из этого дерева крест честной, чтобы поклоняться ему всему населению Картли».

И Рев – сын царя, епископ и множество людей пошли и срубили дерево и принесли вместе со своими ветвями в город. Собрался народ поглядеть на зелень его и листву в пору зимнюю, когда все другие деревья стояли высохшими, а оно цвело и благоухало. Воздвигли дерево у ворот церкви, где с юга дул нежный ветерок, развевал листву и ветви его и, как слышал я, было отрадно смотреть на это стройное дерево.

Срубили дерево двадцать пятого марта, в день пятницы, и оставалось дерево так тридцать семь дней и не изменила цвета его листва, будто бы стояло оно корнем над ключом, пока не покрылись все деревья лесов листвой, а плодоносные деревья – цветами.

Тогда, первого числа мая месяца соорудили они крест и седьмого числа воздвигли его при рукоположении царя и к радости всего населения городского. Видел весь люд городской в те дни: спускается с небес крест огненный, а вокруг него подобие венца из звезд, и стоял он над церковью до рассвета, а на заре отделялись от него две звезды и направлялась одна на восток, а другая – на запад. Сам крест такой же лучезарный медленно уходил в сторону Арагви и останавливался над вершиной скалы у верхней стороны, вблизи ручья, возникшего от слез святой Нино, и с того места возносился на небеса. И так многократно видел весь народ спасение от господа нашего. Тогда спросили у блаженной Нино: «Что же означают лучезарные звезды, которые направляются одна на восток, а другая на запад?». Она же сказала: «Направьте людей на восток до гор Кахети и на запад до окрестностей сего города и пусть увидят, где остановятся светила эти и да будут воздвигнуты там кресты Христовы». Тогда царь распорядился занять вершины гор. Был день пятницы и в утро субботы свершилось то же самое чудо.

На другой день пришли наблюдатели с запада, которые стояли на горе Куабта-тави, и рассказали царю, что «взошла звезда, поднялась и достигла вершины горы Тхоти, на перевале Каспи, остановилась на одном месте и потом исчезла».

Пришли наблюдатели с гор Кахети и сказали: «Видели мы звезду, идущую отсюда, и остановилась она над селением Боди из Кухети». Тогда повелела им блаженная Нино: «Возьмите с собой два креста и воздвигните одну на Тхоти, где явил вам бог силу свою, а другую дайте Саломе, рабе Христа, и пусть воздвигнет она его в городе Уджарма, дабы Боди, селение Кухети, не противостояло граду царей – Уджарме, ибо множество народу пребывает в нем, а селение Боди, место милое богу, пусть потом навестит она сама». И поступили так, как повелела владычица.

По указанию чуда небесного подняли люди во Мцхета на руки крест честной и подошли к подножию горы, провели ночь над ручьем в молитвах, а блаженная Нино слезами разбавляла ручей, и свершались исцеления и чудеса великие.

А назавтра поднялись они на скалу, и пришла она, блаженная, на вершину, пала ниц на камни, плача, и с ней вместе плакали царь и мтавары и все множество народа так, что вторили им горы.

Возложив руку на камень один, она сказала епископу: «Иди сюда, ибо следует тебе, и осени крестным знамением камень этот». И тот исполнил указание. Тогда был воздвигнут на том месте

крест, и преклонили колени бесчисленное множество народа, поклоняясь кресту и признавая распятого истинным сыном бога бессмертного.

А великие мтавары не отходили от святой церкви, столпа света и креста животворящего, ибо видели они чудеса поразительные и исцеления, языком неописуемые. В день воскресный праздника святой Пасхи царь Мириан и вся Мцхета совершили жертвоприношение, и вся Картли ритуал этот соблюдает по сегодняшний день.

По прошествии нескольких дней после дня Мученика, в день среды увидели они чудо устрашающее: столп света в образе креста стал над крестом и двенадцать звезд, подобно венцу, окружили его, а вершина эта курилась, благоухая. И видели чудо это все, и многие из безбожников обратились в тот день, приняв крещение, а христиане стали более верующими и прославляли бога. Потом вновь увидели другое чудо креста, будто бы огонь стоял над ним семижды ярче солнца. И, как искры огненные, поднимались и опускались над ним ангелы господни, а вершина та сильно сотрясалась. Когда же это чудо свершалось, прекращалось и содрогание земли. Видя чудо это, люди еще усерднее прославляли бога. И когда чудеса эти свершались ежегодно, весь народ смотрел на них со страхом и трепетом и приходил поклоняться кресту с радением.

В то время у Рева, сына царя, был сын малолетний, и был он охвачен недугом и близок к смерти. Поскольку он был единственным у них , привез его Рев и положил перед крестом, говоря со слезами: «Если даруешь ты мне младенца этого живым, то построю я укрытие для пребывания твоего». Тотчас же исцелился младенец, и увез Рев его исцеленного и ожившего. Затем Рев, сын царя, пришел исполнить обет и содеял благо с великой радостью и прилежанием: построил укрытие для мцхетского креста. И приходил он ежегодно исполнять обет жертвоприношения. И с этой поры все недужные и немощные исцелялись и с радостью прославляли святой крест Христов.

Был некий юноша, слепой на оба глаза. Сидел он перед крестом Христовым и по истечении семи дней прозрел и прославлял крест честной.

Была также некая женщина, постоянно мучимая злым духом до того, что лишилась она силы и разума с восьми лет и рвала одежду на себе. Когда же привели ее и поставили перед крестом честным, то исцелилась она через двенадцать дней и пошла сама, прославляя бога и поклоняясь честному кресту.

Был также отрок малый, внезапно умерший. Мать положила его перед крестом и с утра до вечера, плача, молилась. Говорили ей: «Возьми его, женщина, и похорони, ибо он мертв, не беспокой его». Но она не предалась отчаянию, усерднее молилась и жалобнее плакала. К вечеру возвратилась к отроку жизнь и он открыл глаза. По истечении семи дней совсем исцелился он; а мать отрока ожившего благодарила и прославляла бога.

Видя чудеса и исцеления, приходило множество бездетных, просили детей и становились многодетными; совершали они жертвоприношения и возносили благодарения. Исцелялись не только те, которые приходили, но и те, которые издали молилась святому кресту и получали его милость, побеждали врагов и спешили к нему, дабы возблагодарить его.

Многие безбожники, попадая в беду, как только взывали к святому кресту, тотчас же избавлялись от беды, и приходили они предстать перед крестом честным, поспешно принимая крещение и прославляя крест честной. Стремятся к нему с мольбой по сей день все недужные,

немощные и бедствующие, и, получая божью милость, прославляют они Отца, Сына и Святого Духа.

Послание, написанное патриархом римским и царем бранджей к Нино и царю Мириану и ко всему народу Картли

В те дни пришло послание из Рима от святого патриарха к Нино и царю и ко всему народу Картли. Прислал он также дьякона из бранджей для восхваления и благословения, принятия молитв и причащения к милости от блаженной Нино. И было у него письмо царя бранджей к Нино, ибо приняла крещение страна бранджей от отца ее. И было известно ему из Иерусалима и Константинополя, что озарило солнце правды Картли. Поэтому написал он ей письмо с просьбой сообщить о чудесах здешних, исходящих от древа и купины, и о силе исцеляющей. И узнал обо всем этом дьякон из бранджей и увидел чудеса, свершившиеся в Мцхета, и, пораженный, прославлял бога. Взял он с собой послания и отбыл.

Тогда сказал царь святой Нино и епископу: «Таково желание мое: силой оружия обратить горцев и зятя моего Пероза, дабы сделать их рабами сына божьего и заставить их преклониться пред честным крестом». Но те сказали ему: «Не велено богом поднимать меч, а укажем им путь истины, ведущий к вечной жизни, Евангелием и крестом честным, и да просветит тьму в сердцах их милость божья».

Ушли святая Нино и епископ Иоанн, и послал с ними царь эристава. Пришли они в Цобени, призвали горцев, людей, подобных бессловесным тварям, – чаргальцев, пховцев, цилканцев и гудамакарцев, проповедовали им веру Христову истинную, ведущую к вечной жизни, но те не пожелали принять крещения. Тогда эристав, слегка приподняв над ними меч, победоносно истребил их идолов. Перешли они оттуда в Жалети и проповедовали эрцо-тианетцам. Те приняли проповеди и крещение, а пховцы оставили страну свою и переселились в Тушети, и большинство других горцев не обратилось. И поскольку они не пожелали принять крещения, то увеличил им царь подати. Поэтому бежали они, оставаясь в заблуждении. Многих из них лишь в последнее время обратил Абибос, епископ Некресский, но некоторые остались язычниками до наших дней[7].

А святая Нино направилась в Ран, дабы обратить Пероза, и, прибыв в Кухети, в село Боди, остановилась там на несколько дней. Множество народа прибывало к ней, расспрашивало о ее учении и признавало его. Тогда же занемогла она тут. Когда об этом узнали Рев, сын царя, и Саломе, супруга его, которые пребывали в Уджарме, прибыли они к ней и сообщили эту весть царю и царице, а те послали епископа Иоанна привезти Нино, но святая Нино не подчинилась им. Тогда сам царь со множеством народа пошел к ней, ибо смотрел весь народ на лик ее как на лик ангела небесного. Срывали они подолы ее одежд, брали их и прикладывались к ним. Молились царицы, сидящие вокруг нее, и горько плакали при расставании с наставницей своей, подвижницей и искусной врачевательницей недужных. Саломе из Уджармы и Перожавр из Сивниети и вместе с ними эриставы и мтавары спрашивали святую Нино: «Кто ты и откуда ты пришла в эту страну спасительницей нашей или где росла ты, владычица? Сообщи нам о делах твоих. Почему

говоришь, что пленница ты, избавительница наша и желанная, когда от тебя узнали мы, что были пророки и до сына божьего, а после – двенадцать апостолов и еще семьдесят других, но не являл нам бог никого, кроме тебя? И как же ты говоришь, что пленница ты или чужая?».

Тогда начала говорить святая Нино: «Дочери веры, близкие мои царицы, вижу вас утвердившихся в вере Христовой, как те первейшие женщины. Пожелали вы узнать пути мои, слуги недостойной. Теперь сообщу вам, ибо подступила душа моя к горлу моему и усну я сном матери моей навеки. Но принесите письменные принадлежности и запишите недостойную и нерадивую жизнь мою, дабы узнали потомки ваши о вере вашей, приеме, оказанном мне, и чудесах божьих, которые вы видели». Тогда Саломе из Уджармы и Перожавр из Сивниети принесли письменные принадлежности. Начала говорить святая Нино, а те записывали. И рассказала она все в том виде, как описали мы выше жизнь ее, святой и блаженной. Поручила она царю определить священника Иакова епископом после Иоанна. Тогда епископ Иоанн отслужил молебен и причастил святую Нино к плоти и крови Христа. Отдала она душу свою владыке небесному на четырнадцатом году по пришествии в Картли, в году триста тридцать восьмом после вознесения Христова, и в году пять тысяч восемьсот тридать восьмом с сотворения мира (338-5838 гг.). И тогда смерть Нино потрясла оба города – Мцхета и Уджарму, и всю Картли. Похоронили святые останки ее в Кухети, в селе Боди, ибо сама она упросила царя предать ее земле именно здесь, согласно указанию бога. Но сделала это Нино по скромности своей, ибо ничем не была примечательной эта местность. Горевали царь и вся знать по поводу ее похорон на этом месте, и лишь во исполнение заповеди и завещания ее похоронили прах святой Нино тут. И когда свершил все это умудренный богом царь Мириан, утвердил всю Картли и Эрети в вере в святую троицу и единосущного бога, творца всего. И укрепились они в полной вере.

Тогда кесарь Константин, у которого был заложником сын Мириана Бакар, отпустил его с богатыми дарами и написал Мириану следующее: «Я, Константин, царь самодержец, новый раб владыки небес, ранее плененный дьяволом, а после вызволенный творцом, пишу тебе, умудренному богом, и подобно мне новообращенному царю Мириану. Да будет тебе мир и радость! Поскольку познал ты троицу единосущную, бога извечного, творца всего, не нужно мне от тебя заложника, а достаточно между нами и посредничества Христа, сына бога, рожденного в старое время и воплотившегося в человека ради спасения нашего, и креста его честного, дарованного предводителем нам, сердцем уповающим на него. И посредничеством бога-творца будем мы пребывать в братской любви. Сына твоего отдаю я тебе; узри его и возрадуйся! Да пребудет с тобой вечно ангел мира, посланный богом, да изгонит бог-творец дьявола-обольстителя из границ твоих!».

Прибыли Бакар, сын царя Мириана, и посланец царя Константина в Мцхета. Преисполнились радости царь Мириан и царица Нана и благодарили бога, дарующего полное богатство.

Тогда царь Мириан завершил епископскую церковь и с большой пышностью справил освящение ее. По прошествии двадцати пяти лет после обращения царя Мириана умер сын его Рев, зять Трдата, царя армян, которому Мириан дал царство еще при своей жизни. Погребли его в склепе, выстроенном самим Ревом.

В том же году занемог царь Мириан и перед своей кончиной призвал сына своего Бакара и жену свою Нану и сказал Нане: «Вот я ухожу туда, откуда пришел, и благодарю всемилостивого

бога, творца неба и земли, который избавил меня, плененного дьяволом, от пасти ада и удостоил меня одесной своей. А ты, Нана, если будет дано жить тебе после меня, раздели царский клад наш пополам и отнеси его к могиле Нино, просветительницы нашей, чтоб с течением времени не поколебалось значение места этого, ибо оно не место царского трона, а место убогое». Попросил он также епископов прославлять ту местность, «ибо достойна она уважения».

А сыну своему сказал: «Сын мой, сменилась тьма светом для меня и смерть жизнью. Тебе отдаю венец свой царский. Да укрепит тебя бог, творец неба и земли, в полной вере. Учись всем заповедям сына божьего и уповай полностью на них. Да покажется тебе смерть во имя Христа жизнью, которой обретешь ты жизнь вечную. И где только найдешь вредоносных сих идолов огня,сожги их и напои пеплом тех, кто уповает на них, и сообщи все это потомкам своим. Ибо знаю я, что это верование исчезнет и среди племен Кавказа. Приступай ты к этому делу с сердцем и поручи себя сыну божьему, рожденному в древние времена, ставшему человеком, принявшему мучение во имя спасения нашего. И под водительством честного креста одержишь верх над врагами своими, как это в обычае у любящих сердцем его. Уважай ты древо животворящее, воздвигнутое богом. Да будет упование твое на него, стремись к вечному покою, пребывая в веру в троицу».

И заставил он принести крест святой Нино, бывший у нее прежде, и повесил венец царский на него. Привел сына своего Бакара, осенил его крестным знамением, снял венец с креста и возложил его на голову сына своего. Почил царь Мириан и был похоронен в верхней церкви у среднего южного столпа, с северной стороны, и в столпе том имеется частица столпа, богом воздвигнутого. На второй год умерла царица Нана и похоронена она у того же столпа, где был похоронен царь Мириан, с западной стороны.

Двадцать пятый царь – Бакар, сын Мириана, Хосровид

И сел царем Бакар, сын его, и был он верующим подобно отцу своему. Он обратил большинство кавказских племен, которых не смог обратить отец его. И возникла вражда между ним и армянами, ибо армяне стремились посадить в Картли царем племянника Бакара, сына Рева, сына дочери царя армян Трдата.

Бакар сговорился с царем персов, двоюродным братом своим, породнился с ним и обменял страну зятю своему Перозу, которому был пожалован от Мириана Ран до Барды, дав ему взамен страну за Самшвилде вплоть до начала Абоци. Тогда приняли крещение Пероз и народ его. После этого присоединили они силы (войско) от Хуасро и сразились в Джавахети с армянами. Победили их и обратили в бегство армян.

Тогда царь Бакар при посредничестве царя греков и царя персов написал расписку от имени племянников своих и их матери Саломе в том, что пока будут существовать потомки Бакара, которые в состоянии царствовать, им будет принадлежать царство, и чтобы никогда не домогались царствования потомки Рева.

Привел Бакар племянников своих и дал им Кухети, а одного посадил эрисмтаваром в Рустави. Бакар провел дни своей жизни в вере великой, умножил священников и дьяконов для службы в церквах в Картли и Ране, построил церковь в Цилкани. Похоронен рядом со своим братом.

Двадцать шестой царь – Мирдат, сын Бакара, Хосровид

И сел царем сын его Мирдат и царствовал он, пребывая в вере великой. Построил он церковь в крепости Тухариси, ибо не было церкви в ущелье Кларджети, и поставил священников пастырями кларджей. Прибавил украшения и строения церквам Эрушети и Цунды.

При царствовании Мирдата грузины начали из частей древа животворящего создавать кресты, поскольку свершались великие чудеса и исцеления там, где находились части столпа животворящего. Царь Мирдат не запрещал брать части, ибо и епископ Иаков дал согласие: «Дарован он богом и следует создать из столпа, воздвигнутого богом, образ креста». И распространились в Картли повсеместно части столпа животворящего. Тогда царь Мирдат создал из столпа большой крест и вокруг того, что осталось от столпа, возвел каменную кладку на извести высотой первоначального размера столпа, а на вершине столпа воздвиг крест этот животворящий. И все дни свои провел он без тревог в вере великой. При нем умер епископ Иаков и сел Иов, армянин, дьякон католикоса Нерсе.

Двадцать седьмой царь – Вараз-Бакар[9], сын Мирдата, Хосровид

После Мирдата сел царем Вараз-Бакар, сын его, и привел двух жен: одну – дочь Трдата, сына Рева, внука Мириана, а другую – дочь Пероза, сына дочери Мириана. Родила внучка Рева ему двух сыновей, имена которых Мирдат и Трдат, а одного родила ему внучка Пероза, и назвали его Парсманом.

Царь Вараз-Бакар был человеком неверующим и ненавистником веры, но не смел открывать народу ненависть свою к вере, ибо Картли была обращена и азнауры и весь народ пребывали в великой вере. Из страха к ним не смел Вараз-Бакар объявить об оставлении веры. Не строил нигде церквей и не прибавлял ничего к ранее построенным. И вел себя во всем как неверующий.

При нем прислал персидский царь военачальника с большим войском для обложения данью армян и грузин. Тогда армяне направили к Вараз-Бакару посла и предложили объединиться и, присоединив силы греков, открыть врата Кавказа, привести овсов и леков, и противостоять персам. И знать советовала ему сопротивляться персам. Но не внял он ни словам армян, ни знати своей, ибо был он боязливым и трусом. Засел он в ущелье Кахети и построил крепость в Хидари, укрепил города-крепости и приказал всем попрятать кресты.

Двинулись персы сперва в Армению, разорили ее и вошли в Картли. Военачальник персов построил между воротами Тбилиси крепость, намереваясь взять Мцхета. Тогда Вараз-Бакар

обратился к ним с мольбой и попросил мира, но военачальник сказал ему: «Сперва дай мне Ран и Мовакан, ибо они из уделов Персии и принадлежат тем, которые истинно являются потомками царей персов и восседают на тронах отцов своих, а вам, рожденным от наложницы, достаточно и Картли. Пусть будет у вас Картли и платите дань царям Хосровидам».

Вараз-Бакар со страху великого не смог ответить ничего, отдал ему Ран и Мовакан и определил ему дань, а персидский военачальник передал ему крепость Тбилиси и ушел. С тех пор грузины и армяне стали данниками персов.

После этого отложились от Вараз-Бакара кларджи, примкнув к грекам. Завоевали греки Тухариси и всю Кларджети от моря до Арсиани и осталась у Вараз-Бакара Картли без Кларджети, а также Эрети и Эгриси. Он же, военачальник персов, забрал в плен сыновей Пероза – внуков Мириана, царя верующего. Умер Вараз-Бакар, оставив после себя малолетних детей, которые не могли царствовать.

Двадцать восьмой царь – Трдат, тесть Вараз-Бакара, Хосровид

Тогда знать Картли, посовещавшись между собой, посадила царем тестя Вараз-Бакара, сына Рева, внука Мириана, человека старого летами по имени Трдат. Отдали ему на воспитание внуков его, сыновей Вараз-Бакара. А третьего сына Вараз-Бакара, по имени Парсман, воспитывал Самшвилдский эристав. И царствовал сей старец Трдат счастливо. Был он человеком верующим, мудрым и разумным. Мудростью своей успокоил он персов, извлек кресты и украсил церкви. При нем умер епископ Иов, и посадил он вместо него Элию. Выплачивал он дань царю персов. Взял Рустави и построил церковь в Некреси. Царствовал без тревог и умер в вере великой.

Двадцать девятый царь – Парсман, сын Вараз-Бакара, Хосровид

И сел царем сын Вараз-Бакара, внук Пероза по имени Парсман, так как он был старшим среди своих братьев. Умер епископ Элиа и сменил его Свимон. Парсман был человеком верующим, воином храбрым. Договорился с царем греков, попросив у него помощи. Исполнил просьбу его кесарь. И тогда отложился Парсман от персов, не давал им дани, умножил кресты, обновил церкви во всей Картли и построил церковь в Болниси. Но царствование его было кратковременным.

Тридцатый царь – Мирдат, брат царя Парсмана, Хосровид

И сел царем брат его Мирдат, внук Трдата, сын Вараз-Бакара, по отцу – Бакарид, а по матери – Ревид, потомок обоих сыновей Мириана. И был Мирдат человеком бесстрашным и

воином храбрым, но неверующим и неблагочестивым, беспечным и заносчивым. Положившись на свою воинскую доблесть, не служил он богу, не строил церквей и ничего не прибавлял к построенным. По беспечности своей стал он врагом греков и персов. Требовал от греков удел Картли – Кларджети, персам же не выплачивал дани. Тогда царь персов прислал против Мирдата военачальника, которого звали Упроб[10], с войском. Мирдат опять же по беспечности своей пренебрег многочисленностью персов, встретил их с малым войском у Гардабани и сразился с ними. Обратили персы грузин в бегство и захватили его (Мирдата). Завоевали персы Картли, осквернили церкви. А родня царя осталась в ущелье Кахети и с ней – и епископ Свимон. А Мирдата отвезли в Багдад, где он и умер.

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть первая

1 Таргамос (Торгом) как праотец армян фигурирует у Моисея Хоренского (История Армении, перевод Г. Эмина, с. 43) и у автора I половины III в. Ипполита Портского.

2 Арарат и Масис в настоящее время названия одной и той же горы, но в тексте Леонтия Мровели под этими названиями предполагаются две горы: «Удалился сей Таргамос вместе со своим племенем и поселился между двумя недоступными для человека горами – Араратом и Масисом» («И не вмещала их земля Арарата и Масиса»).

В связи с этим не лишено интереса сообщение Страбона, согласно которому Тигран I построил город Тигранокерт у горной цепи Масиос (совр. Телл-Армен). Тигранокерт находился на территории современной Сирии, на р. Тигр (совр. Фаркин).

Возможно, сообщение Страбона было известно древнегрузинским летописцам, чем и объясняется вышеприведенная трактовка Мровели.

3 Может быть, разгадке этого названия поможет сообщение Плиния Секунда, который, описывая систему Тавра, говорит, что эта горная система весьма велика и различные ее части называются по-разному. Два из названий в южной части этой системы звучат как Орег (Oreges) и Ороанд (Oroandes).

4 Мровели тут проводит мысль о том, что грузины изначально были единобожниками и лишь впоследствии стали поклоняться небесным светилам, что вполне соответствует идеологии духовного лица, но, конечно, не исторической правде.

5 Как это неоднократно отмечается в грузинской историографии, упоминание хазар для данной эпохи является анахронизмом (о хазарах можно говорить лишь в VI-VIII вв., когда они создали свой каганат и достигли определенного могущества). Но дальнейшее упоминание хазар показывает, что под ними следует подразумевать скифов, нашествие которых вместе с киммерийцами действительно имело место в VIII в. до н. э.

6 Упоминание сына хазарского царя Уобоса как родоначальника осетин кажется весьма интересным, поскольку осетины, они же аланы, являются ветвью североиранских племен – скифов и сарматов, что вполне достоверно доказывается лингвистическими данными. Выше уже отмечалось, что под хазарами следует разуметь именно скифско-сарматские племена, так что в данном контексте, вероятно, мы имеем дело с отголоском родства аланов-осетин со скифско-сарматскими племенами.

7 Для данной эпохи название «турки», вероятно, означает туранцев.

8 Завоевание Навуходоносором Иерусалима имело место в 597 году до н. э., а полное его разрушение – в 586 г. до н. э.

[9] В грузинской историографии по этому вопросу существуют разные мнения. Мы склонны предполагать, что в то время существовали многочисленные племена, проживающие на территории Картли, которые говорили на грузинском языке, но с соседними странами, где не знали грузинского языка, а таковой являлась Армения, общались на их языке.

[10] В Румянцевской рукописи на полях имеется приписка: «здесь появился грузинский язык».

[11] В действительности, согласно источникам, сыном Спандиата (Исфандир) был не Барам (Bahram), а Бааман (Bahman, ср. n.Vohuman).

[12] Известие о распространении в Грузии шести языков находит определенное подтверждение данными археологических раскопок. В частности, в древней столице Грузии Мцхета-Армази найдены надписи на греческом, арамейском, древнееврейском и пехлевийском языках (см. об этом Г. Церетели, Армазская билингва, двуязычная надпись, найденная при археологических раскопках в Мцхета-Армази, Тбилиси, 1941, с. 70).

[13] Рассказ о бунтурках имеется и в «Обращении Картли». В настоящее время в научной литературе имеется несколько попыток объяснения слова «бун», но окончательного решения данного вопроса пока еще нет. В «Картлис цховреба» бунтурки названы «свирепым языческим народом». Создается впечатление, что для Мровели термин «бунтурки» наполнен довольно конкретным содержанием и предполагает народ тюркского происхождения, проживающий на севере, поскольку кипчаки и их местонахождение, конечно, были хорошо известны Мровели.

[14] Относительно завоевания Грузии Александром в научной литературе высказываются различные мнения. Некоторые ученые отрицают факт завоевания Грузии Александром Македонским. В связи с этой проблемой не лишено интереса мнение, высказанное Л. Чилашвили в своей монографии о городах античной Грузии (см Л. Чилашвили, Города феодальной Грузии, I, Тбилиси, 1968, с. 36-37).

[15] Весь этот рассказ, в котором на первый план выступают взаимоотношения вновь созданного Восточногрузинского государства с двумя могущественными государственными образованиями на Ближнем Востоке, – с одной стороны, с государством Селевкидов, и, с другой, с «Грецией», т. е. Понтийским царством, и что Селевкиды поддерживали Парнаваза против Язона, поддерживаемого Понтом, должен отражать реальную обстановку. Поскольку, как известно, между вышеуказанными двумя государствами, образовавшимися в результате распада империи Александра Македонского, шла ожесточенная борьба, которая завершилась лишь во II веке до нашей эры, когда на смену им на историческом поприще в данном регионе выступили Парфия и Рим.

[16] Парнаваз выступает в данном случае как царь почти всей Грузии; в частности, помимо других территорий, в его государство входят эриставство Куджи, которое охватывает территорию между реками Риони и Эгрисцкали, а также Сванети. Лишь «земля, лежавшая ниже Эгрис-цкали, осталась за греками, поскольку жители тех мест не захотели отложиться от греков».

Здесь же следует остановиться на имени эристава Куджи. В сочинении Мровели говорится, что он построил город-крепость у Цихе-годжи; кстати сказать, это название в настоящее время на основе археологических раскопок идентифицируется с Нокалакеви (др. греч. Археополис) (Н. Ломоури, Раскопки в Нокалакеви, «Дзеглис мегобари», №3, 1975). Эту местность в настоящее время местное население по-мегрельски называет Джиха-Куджи, т. е. крепость Куджи. Вероятно, то же самое имя – Куджи – должно фигурировать в другом топониме Западной Грузии – Гоча-Джихаиши. Вторая часть этого названия – отгенитивная часть именительного падежа, столь обычная в образовании топонимов в картвельских языках с основой «джиха» (груз. «цихе») – крепость.

[17] Стремление Рима осуществить экспансию на Востоке проявилось в середине III в. до н. э.

[18] Мирван царствовал в то время, когда государство Селевкидов под ударами римлян постепенно теряло свои позиции на Ближнем Востоке. Поражение, нанесенное римлянами Селевкидам при Магнесии (190 г. до н. э.), окончательно решило судьбу их государства. Распад государства Селевкидов начался еще до сражения при Магнесии. Многие области, подчиненные Селевкидами, постепенно отпадали и становились самостоятельными. Так образовалось два армянских государства – одно в Софене, а другое – в северных областях.

[19] Царь Аршак, упоминаемый у Мровели, в действительности есть Арташес I (189-161 гг. до н. э.), бывший правитель Селевкидов, известный по греческим источникам как Артаксий. Он же построил город Арташат и объявил его столицей вновь созданного армянского царства.

[20] В середине III в. до н. э. возникло Парфянское царство, в котором утвердилась династия Аршакидов. Первый царь из этой династии – Аршак I Великий (сел на престол в 247 г. до н. э.) начал борьбу за расширение пределов своего царства и уже к середине II века Парфия превратилась в могущественную державу. Видимо, в рассказе Мровели отразилось изменение ориентации грузинских царей в эту эпоху. Армения, которая сильно теснит Иберийское царство во II в. до н. э. и отторгает от него ряд южных областей, стремилась, видимо, распространить свою гегемонию и на остальную часть Иберии.Тогда цари Грузии вошли в сговор с Парфией и с ее помощью старались отразить натиск Армении. Подобная ситуация прослеживается и при последующих царях (см. Г. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, с. 298-301).

[21] Это сообщение Мровели, если считать правильной его хронологию, не соответствует действительности, поскольку, как было отмечено выше, Парфянское царство было создано в середине III в. до н. э. Весь последующий рассказ о возникновении «Персидского царства» отражает положение вещей гораздо ранней эпохи.

[22] Согласно древнегрузинским источникам «Обращение Картли» и «Картлис цховреба» Восточногрузинское царство вступает в период двоецарствия после Адерки. О причинах этого явления в источниках ничего не говорится. Трудно сказать, насколько упоминание о двоецарствии вообще соответствует действительности. Кстати сказать, об этом явлении ничего не сообщают и иноязычные источники – ни греко-римские, ни армянские.

По мнению Г. Меликишвили, так называемые «армазские цари» «Картлис цховреба» могли быть не действительными царями, а спаспетами царя («второе лицо после царя»), которые в определенное время могли настолько усилиться, что проводили свою самостоятельную политику, проявляя этим свои сепаратистские тенденции. (Г. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, с. 347-348).

Хотя в «Картлис цховреба» всегда подчеркивается, что оба грузинских царя всегда пребывали в согласии и любви друг к другу, однако, двоецарствие закончилось конфликтом между Парсманом и Мирдатом, и Парсман окончательно закрепил за собой и вторую половину Восточногрузинского царства.

[23] «Картлис цховреба» называет 16-ым царем Адама, но нам кажется, что это имя должно быть искажено, поскольку появление в это время библейского имени «Адам» довольно неожиданно. Правильнее должно быть в данном случае свидетельство «Обращения Картли», согласно которому имя этого царя «Гадам» (Gadam). Мнение это поддерживается и тем, что имя матери Гадама – Гадана (Gadana). Имена эти аланского происхождения.

[24] К концу первой четверти III в. на Ближнем Востоке произошли большие изменения в расстановке враждующих сил. Рим постепенно утрачивает свою былую мощь, а Иран начинает вновь усиливаться. В 226 году во главе государства становится династия Сасанидов. Парфянская династия Аршакидов свергнута и Ардашир, сын Папака, принимает царский титул. Государство Ардашира включало почти всю территорию бывшего Парфянского царства. Мощь Сасанидского Ирана еще больше возросла при преемнике Ардашира – Шапуре I, который наносит сокрушительные удары войскам Рима. По свидетельству иранских эпиграфических памятников, царь Иберии Амазасп числился среди союзников Шапура (см. Г. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, с. 391-395). Сведение «Картлис цховреба» о том, что Амазасп возлюбил персов и персидскую религию, вероятно, следует понимать, как изменение ориентации Восточногрузинского государства ввиду успеха Шапура I в войнах против римлян.

Концовка этого рассказа показывает, что персы вновь терпят поражение и вместе с ними – их союзник Амазасп. Под греками тут, вероятно, следует понимать римлян.

Как известно, императору Диоклетиану (284-305) удалось нанести ряд тяжелых поражений преемникам Шапура I и в 287 году возвести на армянский престол Трдата, который и процарствовал до 330 года.

[25] Упоминание при Аспагуре Хосрова Ануширвана или же Ардашира, основателя династии Сасанидов, является явным анахронизмом. Но описание событий при Аспагуре соответствует периоду, когда мощь Ирана значительно ослабла. Наряду с Аспагуром упоминается армянский царь Хосров (Косаро), который у Моисея Хоренского является современником Ардашира I. Хосров как будто был убит Анаком, подосланным

Ардаширом. Упоминание императора Валериана при царствовании Хосрова Армянского показывает, что события, описываемые Хоренским, происходят уже при Шапуре I, когда в Грузии царствует Амазасп. Создается впечатление, что рассказ о Хосрове, взятый из сочинения Агафангела, приурочен в «Картлис цховреба» ко времени царствования Аспагура.

26 Относительно этого вопроса существуют разногласия. После того, как Армения потеряла государственную независимость и находилась под господством Византии, а затем сельджуков, большая часть Армении, освобожденная Грузией, вошла в её состав. Феодальная аристократия Армении приблизилась к грузинскому царскому двору и всецело старалась укрепить своё правовое положение, в связи с чем историки не исключают вероятности внесения изменений в древние рукописи «Картлис цховреба» под её влиянием, что впоследствие вызвало критику (втор. пол. 12 в.) по поводу тенденциозности изложения некоторых фактов, освещающих историю грузино-армянских взаимоотношений (М. Лордкипанидзе, Что такое «Картлис цховреба», Тб., 1989, стр. 77-79).

27 Как правильно отмечено в специальной литературе, сведения «Картлис цховреба» о происхождении Мириана должны быть вымышленными. Эти сведения могут быть опровергнуты следующим двумя фактами: разумеется, Мириан по времени не мог быть сыном ни Ардашира Сасанида, ни Хосрова Ануширвана. С другой стороны, хроника «Обращение Картли» после Аспагура называет царем Лева (вероятно, искаженный Рев), отца Мириана. К тому же в последнем двадцатилетии III в. подобный натиск Ирана на Закавказье, в частности на Грузию, вряд ли можно предположить (см. об этом Г. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, с. 61-62).

28 Границы владений Мириана явно преувеличены. Источники нигде не указывают, что половина Сирии (Шам), Месопотамия (Джазира) и Южный Азербайджан (Адарбадаган) когда-нибудь входили бы в состав Восточногрузинского царства.

29 Согласно этому сообщению, Иберия еще придерживается иранской ориентации. Императором при этих событиях назван Константин (306-337). Но, вероятно, тут нарушена хронологическая последовательность, и эти события в жизни Иберии следует отнести к более раннему периоду (296-297), ко времени ирано-римских войн (Очерки по истории Грузии, том II, Грузия в IV-X веках, Тбилиси, 1973, с. 62).

30 Весь этот рассказ вполне соответствует действительности, поскольку усиление могущества Византии поставило Грузию перед новыми проблемами и, видимо, в опеределнный период Мириан изменил политическую ориентацию и вместе с Арменией оказался в одном лагере с Византией. Логическим завершением этого поворота в политике Грузии было утверждение христианства государственной религией еще при жизни Константина (ум. в 337 г.).

Часть вторая

1 Трудно понять, кого имеет в виду автор данного сочинения. По внешней форме это слово в арабской традиции означает франков, но дальнейшее (см. ниже) перечисление областей этой страны не поддается идентификации.

2 Паталан – это Каталаун (Каталаунские поля) в Шампани близ г. Труа во Франции. На этих полях римляне одержали решительную победу над Аттилой 15 июня 451 года. Может быть, тут имеем отголосок этой битвы с нарушением хронологической последовательности.

3 Весь последующий рассказ Леонтий Мровели берет из сочинения Агафангела. У Агафангела указано и имя кесаря – Диоклетиан.

4 Указанные заповеди, за исключением двух (ж, к), взяты из Евангелия, но с некоторыми изменениями: а) Матвей 26, 13; Марк 14, 19; б) Галат 3, 28; в) Матвей 28, 19; г) Лука 2, 32; д) Матвей 26, 3; Марк 14, 19; е) Матвей 10, 40; з) Матвей 10, 28; и) Марк 16, 9.

5 Фраза «дарагевел зепел бакадул», которая в тексте трактуется как изречение на языке бранджей, в действительности является соединением трех сирийских выражений, которые восстановлены Н. Марром следующим образом: dargul-el, zekop-el, bar-radol-el «противник бога, распинатель бога, сын убийцы бога». Произношение k как g и t как d Н. Марр объясняет особенностями народного произношения, а также считает,

что в данном случае «дело имеем, очевидно, с эпитетами евреев в христианских памятниках» (Н. Марр, Боги языческой Грузии, с. 20-21, ЗВОИРАО, т. XIV, вып.I-IV, СПб., 1909).

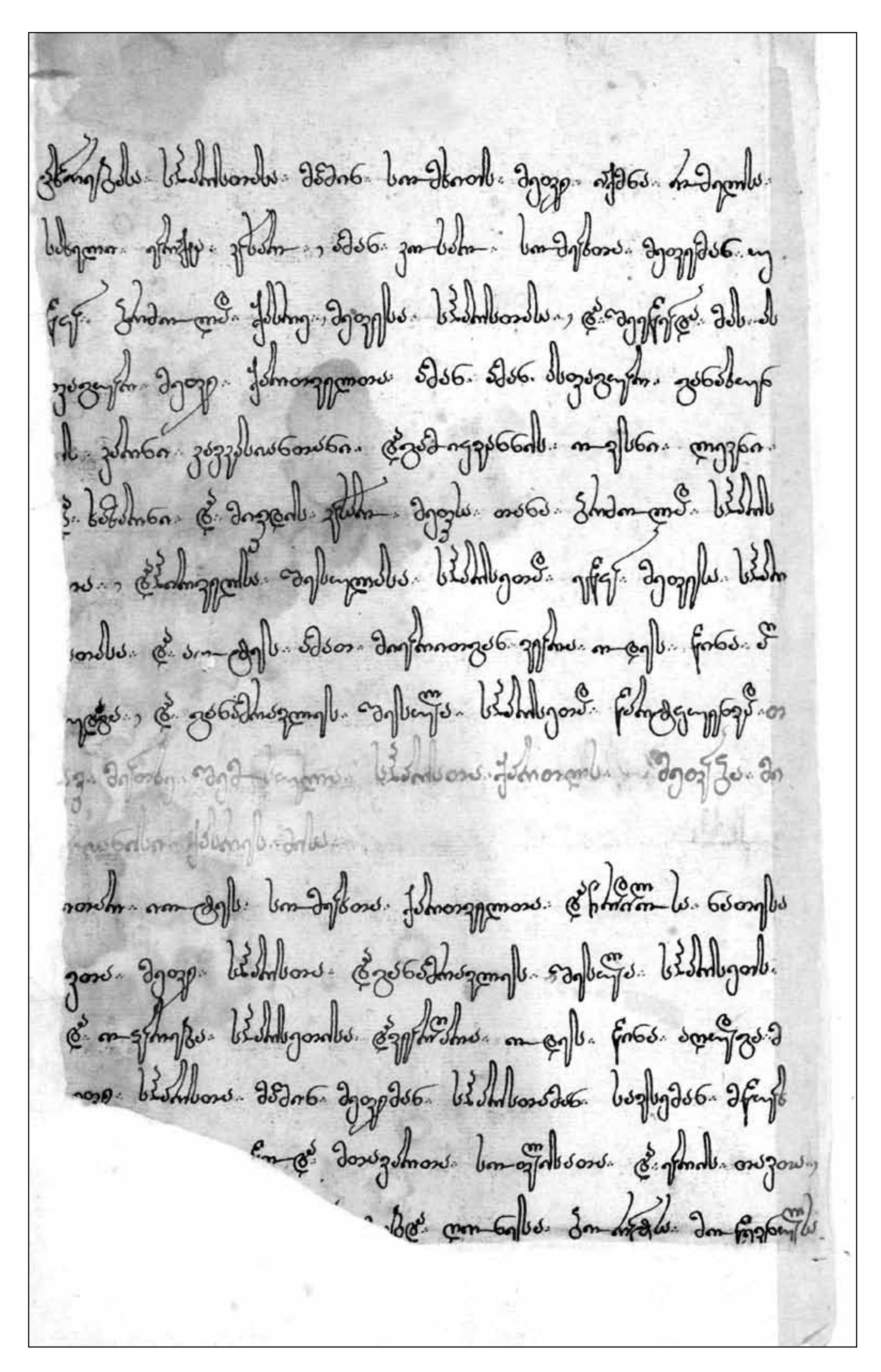
6 Рассказ, следующий после этих слов, включительно до построения церкви в Мцхета, в сокращенном виде имеется у греко-римских авторов конца IV и первой половины V вв.

7 Сведения о распространении христианства среди горцев показывают, что в Грузии новую религию не всегда встречали доброжелательно, и царской власти приходилось силой оружия насаждать ее, особенно в тех местах, где общинный строй сохранял свою силу.

8 Определенную сложность составляет датировка царствования Мириана. Если исходить из принятой в грузинской историографии даты утверждения христианства в Грузии в качестве государственной религии – 337 г. (кстати сказать, последний год жизни императора Константина), то Мириан умер в 362 г. (337+25). Эту дату как будто подтверждает сведение латинского автора Аммиана Марцеллина, согласно которому в 361 году в Армении царствует Аршак, а в Иберии – Мерибан (об этом см. Сведения византийских писателей о Грузии (Georgia), том I, тексты с грузинским переводом издали и примечаниями снабдили А. Гамкрелидзе и С. Каухчишвили, с. 80-81б 101, 146). К тому же следует отметить, что Мириан участвует в войне персов с римлянами. Это могло произойти в 296-297 гг. По всему видно, что он стал царем раньше Трдата, царя Армении (по распространенному мнению Трдат стал царем в 287 г., хотя, согласно данным изданной в 1963 г. истории армянского народа, учебника для высших школ, эта дата передвинута на 298 год и, следовательно, совпадает с датой заключения Низибинского мирного договора между Ираном и Римом). Конечно, если Мириан принимал участие в войне 296-297 гг., то к этому времени он должен был бытъ взрослым мужчиной. Если даже принять во внимание, что он стал царем в возрасте семи лет, как об этом говорится в «Картлис цховреба», то ему должно было быть где-то около девяноста лет в год смерти. С этими исчислениями согласуется и другое сообщение «Картлис цховреба», сообщающее, что он принял христианство, будучи уже старым человеком.

9 Согласно сообщению «Картлис цховреба» период царствования Вараз-Бакара, Трдата, Парсмана и Мирдата характеризуется серьезным изменением внешнеполитического положения Иберии. Сасанидский Иран переходит в открытое наступление с целью завоевания Грузии, а также насаждения зороастрийской религии. С другой стороны, и Византия, которая ведет войну с Ираном, старается заполучить как можно больше территорий. Поскольку ни Армения, ни Грузия уже не в состоянии были защитить свою целостность, они были поделены между Ираном и Византией. Сообщение «Картлис цховреба», что после нашествия персов, во время Вараз-Бакара, Кларджети отложилась от Иберии и Византия заняла Кларджети и Эгриси, является иллюстрацией сложившегося положения. Последний из перечисленных царей – Мирдат – борется как с Ираном, так и с Византией, желая вернуть утраченные области. Предприятие Мирдата закончилось злосчастно для него. Персы оккупировали Картли, а самого Мирдата увезли пленником. События эти имели место в двадцатые годы V века.

10 Имя персидского военачальника – Упроб, – судя по различным спискам «Картлис цховреба», должно быть сильно искажено. Для него не находится соответствующей этимологии на иранской почве. И другие варианты этого имени не дают этой возможности. Правильнее должна быть форма этого имени, засвидетельствованная в «Обращении Картли» – Вараш, что без труда можно увязать с именем, распространенным в иранской действительности того времени, – Вларш.



Леонтий Мровели, Жизнь грузинских царей. Обращение Грузии святой Нино. Картлис Цховреба, список царицы Анны (XVII в.), Национальный Центр Рукописей, Тбилиси, Q-795, 20v.

Джуаншер Джуаншериани

ЖИЗНЬ ВАХТАНГА ГОРГАСАЛА

I

Как только полонили царя картлийского Мирдата[1] в войне с персами, забрали его в Багдад[2], где он и помер. И захватили персы Картли и осквернили церкви, но грузины спрятали кресты. И во всех храмах картлийских огнеслужители персидские развели огонь.

А родичи царей картлийских остались в долинах Кахетских[3]. Спустя же три года, царю персидскому стало недосуг, потому как поднялись враги на востоке[4].

Тут и сговорились азнауры картлийские[5], привели и посадили царем в Мцхета сына Трдата – племянника[*] полоненного царя Мирдата, именуемого Арчилом[6].

Арчил сей привел из Греции супругу по имени Мария, из рода царя Иовиана, и объявил вражду персам. Извлек кресты и украсил церкви, перебил и изгнал из пределов картлийских огнеслужителей, призвал силы из Греции и, водительствуемый крестом, приступил к боям против персов.

В ту пору Картли пребывала в ведении эристава персидского царя[7], еще до царствования Арчила, и под его же властью были Ран и Мовакан[8]. Он собрал рать в Ране, Мовакане и Адарбадагане[9] и выступил против Арчила. Арчил же в надежде и в уповании на господа встретил его у рубежей Картли и Рана[10], расположился у берегов реки Бердуджи и силой пречистого креста сокрушил и полонил (неприятеля), вступил в Ран, отвоевал его и победно вернулся в собственную страну. Разослал по всей Картли вестников, дабы возвестить всем: «Не мощью своею, не бодростью духа нашего, не силой мудрости нашей, не множеством рати одолели мы, но крестом господа нашего Иисуса Христа, сына божьего, что дал нам оружием пречистый крест свой. Да возвеличит отныне всякий грузин троицу единосущную, бога изначального, творца всего сущего. Приносите ему благодарение, и да пребудут сердца ваши незыблемы в вере в святую троицу». Так принесли картлийцы благодарение господу и обновили церкви.

В ту же пору Арчил построил церковь святого Стефана[11] во Мцхета над Воротами Арагви, где им же были воздвигнуты незыблемые боевые башни.

Родился у Арчила сын и нарекли его Мирдатом[12]. Возрос Мирдат, вступил он в пору зрелости. Был он верующим и боголюбивым, подобно отцу своему, был храбр и отважен. Он расширил

---

* Дословно: сын брата.

войну с персами, вторгался и разорял Ран и Мовакан, ибо недосуг было в ту пору царю персов, так как воевал он против индов, синдов и абашей и невмочь было ему выставить против (Мирдата) обширное войско. А воинов Рана, Мовакана и Адарбадагана картлийцы одолевали. Мирдат предводительствовал воинством своего отца и не единожды опустошал Ран и Мовакан.

В ту пору эриставом в Ране был Борзабод[13]. Не будучи в силах противостоять картлийцам, он стал крепить крепости и города. Когда же картлийцы вторгались в Ран, где бы ни сражались персы с остатками своего войска против разорявших их картлийцев, персы постоянно терпели урон.

Была у эристава Рана Борзабода дочь, благолепная и прекрасноликая, по имени Сагдухт[14]. Молва о красоте ее разожгла в сыне Арчила Мирдате страсть. Заявил он отцу: «Взываю к величию твоему, жени меня на дочери Борзабода Сагдухт и установи меж нами мир, ибо хотя поспешением Христа мы и одолеваем их, но невмочь нам овладеть крепостями и городами Рана. Ежели царь персов обретет время, то приступит он к отмщению нам и станет разорять наши церкви и все пределы страны нашей. Пусть отныне наступит конец вражде меж нами, и тогда царь персидский уважит наши требования. Тем самым мы надежно укрепим рубежи Картли и не вкрадутся в сердца картлийцев сомнения и хула на веру Христову от произвола персов». Все это высказал Мирдат из любви к деве.

И Арчил исполнил желание его. Отправил посланника к Борзaбоду с просьбой выдать дочь его в супруги своему сыну. Борзабод же возликовал в великой радости, ибо край[15] его был разорен, а сам он стеснен: просил клятвенного обещания мира. И поклялись ему. И выдал он дочь свою с большим приданым. Привели ее во Мцхета и справили свадьбу, и в течение многих дней веселились и ликовали весьма. И поднес царь сыну своему Самшвилде[16] со всем его эриставством и в нем поселились Мирдат и Сагдухт.

А сия царица Сагдухт проявила желание познать веру Христову. И потому супруг ее собрал мужей, наученных в вере, и стали переводить ей благовествование господа нашего Иисуса Христа. И показали ей, что истинный бог – это Христос, принесший в жертву себя во спасение наше. Когда Сагдухт вразумилась и познала веру истинную, оставила огнеслужение и крестилась и обратилась. Она же воздвигла Самшвилдский Сион[17].

В пору сего Арчила преставились три епископа: Иона, Григол и Басилий. После Басилия тот же Арчил посадил епископа, коего звали Мобидан[18]. Был он родом перс и внешне соблюдал православие. Однако был он не кто иной, как жрец безверный и возмутитель нравов. Но не сразу же распознали безверие Мобидана царь Арчил и сын его и видели в нем верующего. И не проповедовал он веру свою открыто из страха перед царем и народом, но тайно писал одни лишь возмутительные книги, кои после него, как и все его писания, полностью сжег истинный епископ Микаэл, затем отстраненный ввиду дерзости своей перед царем Вахтангом.

А сей царь Арчил дни своей жизни завершил в вере в святую троицу, создал церкви и приумножил по всей Картли священников, диаконов и церковнослужителей, и помер.

И вместо него царем воссел сын его Мирдат. И подобно отцу своему царствовал он в великой вере. Народила царица Сагдухт ему дочь и дали ей имя Хуарандзе[19]. И снова царь Мирдат и царица Сагдухт молили господа о ниспослании им сына. И спустя четыре года Сагдухт родила сына и нарекла его персидским именем Варан-Хосро-Танг, а по-грузински именовался (он) Вахтанг.

Рождение младенца Вахтанга преисполнило радости родителей его, и разослали благовестников ко всем эриставам. И извлекли сокровища превеликие, золото и серебро, и поделили его между бедными и нищими, и вознесли благодарение богу в многодневных молитвах и ночных бдениях.

Затем царь созвал в город всех знатных и многие дни справлял пиршество и веселие, и все молили господа о здравии младенца Вахтанга. Спаспет[20] Саурмаг с великой мольбой выпросил Вахтанга на воспитание. И царь поручил* спаспету Саурмагу воспитание Вахтанга и отдал ему своего сына. Ибо был обычай, по которому дети царские росли в домах вельмож[21]. На шестой год после этого Сагдухт родила еще дочь и нарекла ее именем Мирандухт. И выпросил ее на воспитание спасалар из Каспи[22], и царь отдал ее ему; тот увез ее в город Каспи, где она и выросла. На второй год после этого скончался царь Мирдат; и остался Вахтанг отроком семи лет.

И вот царица Сагдухт, растревожила воображение свое мыслями об отце своем, вдруг возомнила следующее: «А что, ежели отец начнет мстить за зло, содеянное ему моим свекром и мужем, да к тому же станет мстить и мне за вероотступничество и погубит сына моего, разорит Картли и истребит веру Христову». Представя все это, она впала в великую печаль. Моля бога, она порешила предстать пред отцом и взывать к нему о пощаде. Созвала всех эриставов к спаспету и со слезами поручила им своего сына.

Затем отправилась к отцу в Бардав[23]. Представ пред ним, она обнажила главу, пала на колени и, обнажив груди и коснувшись его стоп и орошая слезами ноги его, молила о пощаде. Молила не понуждать ее отречься от веры Христовой, ибо Он есть бог истинный. Молила оставить сына в вотчине его и признать его под покровительством персидского царя.

Тогда Борзабод, уже готовый совершить зло грузинам, смилостивился над дочерью своей: не понудил ее оставить веру и уважил все просьбы. Однако о вере сказал так: «Мы силой не принудим грузин отречься от веры Христовой, но пришлем в ваш город огнеслужителей и пусть будут там и епископы веры нашей. Да вы не запрещайте избирать веру нашу тем из грузин, кто к этому проявит добрую волю». Тогда Сагдухт из великого страха пред отцом покорилась ему, заклиная божьей милостью, и вернулась в Картли.

Борзабод тут же отправил во Мцхета огнеслужителей во главе с епископом Шинкараном[24], и осели они в Могвта[25]. Царица Сагдухт правила своим царством силой и пособничеством своего отца. И помер Борзабод, отец Сагдухт, а преемником его персидский царь сделал сына его Вараз-Бакура, брата царицы Сагдухт. Помер спаспет Саурмаг, воспитатель[26] Вахтанга.

Тогда царь персидский поставил другого спаспета, коего именовали Джуаншер. А Бинкаран, епископ огнепоклонников, проповедовал среди грузин веру свою. Но никто из знатных ему не поддался; обратили в огнепоклонство лишь множество мелкого люда[27].

И вкралось в мелкий люд Картли огнепоклонство. Царица Сагдухт была удручена этим, но от засилия персов не смела дерзать. Призвала она из Греции священника праведного по имени Микаэл и посадила его епископом в Верхней церкви[28], потому как преставился епископ Мобидан. И сей епископ Микаэл выступил против совратителя Бинкарана и научал вере истинной всякого

* В оригинале – «мианича» – дословно: одарил.

картлийца. Он вернул к вере всех знатных и большинство народа, но малая часть простого люда осталась в огнепоклонстве.

В пору, когда Вахтангу исполнилось десять лет, явились бесчисленные войска осетин и полонили Картли от начала Куры до Хунани[29], разорили просторы, но укрепленные города не тронули, за исключением Каспи. Город же Каспи захватили и сокрушили, увели сестру Вахтанга Мирандухт – девочку трех лет. Не овладев долинами картлийскими, (а также) Кахети, Кларджети и Эгриси, вторглись в Ран и Мовакан, полонили их, прошли Ворота Дербенда, ибо сами дербендцы указали им этот путь, и затем победно вернулись в Осетию.

В ту же пору явились греки из Абхазии[30], ибо владели они землями в низовьях Эгрис-цкали[31], затем захватили земли от низовий Эгрис-цкали и до (крепости) Цихе-Годжи[32]. И тут обуяла грузин всеобщая печаль и говорили они, сокрушаясь: «Мы умножили грехи наши пред богом, мы не праведно блюли веру Христову и каноны заповедей Иоанна. Поделом господь ниспослал на нас гнев свой и отдал нас в полон чуждому роду[33], и похитили греки у нас земли, как похитили они у царя Вараз-Бакара Кларджети[34]. А постигло то Вараз-Бакара из-за греховности его, ибо неладно держался он веры Христовой. И свершилось то не по греховности царей наших, но по греховности люда нашего[35]. Ныне царь наш юн и нет у нас предводителя, чтобы в уповании на Христа и ведомый крестом возглавил бы нас. Да отомстим мы спервоначала осетинам, а затем взыщем земли грузинские с греков»[36]. Говорили об этом все грузины, пребывая в великой печали.

Вахтанг рос и научался у епископа Микаэла всей премудрости божией и с отроческих лет своих возлюбил веру Христову более, чем прочие цари картлийские. И пребывал он в скорби, ибо развелось в Картли огнепоклонство по причине засилия захватчиков в стране. Но скорбел за веру он более в разуме своем, однако, видя мощь Персии, не решался открыть помыслы свои.

В пору, когда Вахтангу исполнилось пятнадцать лет, созвал он знатных картлийцев и собрал их всех в городе. И устроившись в одном из зданий, воссел на высоком престоле. На престоле же восседали спаспет Джуаншер и оба епископа, а все прочие эриставы расселись по креслам, а тысячники и сотники и прочие воины тут же стояли навытяжку.

И вот царь, словно премудрый старец и воспитанный в среде философов, начал зычно говорить и сказал: «Над царями[37] и людом нашим нависла беда и постигло испытание божие за грехи их: когда верующие убавляют ревность к господу и предают заветы, то таковым бог и ниспосылает подобную напасть и тем самым, словно отец добрый, любовно воспитует сына, наставляя его на добрые дела. Но ежели нерадиво следует сын науке отца своего, то отец наказует побоями и наставлением, дабы научать его всякому благу и сделать его благонравным. Так назидает нас господь – творец неба и земли. Посему мы и призваны благодарить его за милость». Тут все воздали благодарение господу.

Вновь выступил Вахтанг пред вельможами Картли и сказал: «Услышьте слово мое! Пусть я юн[38] и не ведали вы блага от меня, но от предков моих вы познали великие милости, вы, – стоящие на вершине правления. Но коль господь ниспошлет нам жизнь, я одарю вас добром и знатностью, каких не ведали вы от предков своих. Я говорю вам: постигшее равно нас всех общее испытание примите так, словно постигло оно не вас, но одного лишь меня. Но ежели кто возьмет на себя эти тяготы, то не скажу я в сердце моем, будто поступает он так из собственной мести, но приму я это как служение мне и воздам добром. Невмоготу мне более насмешки осетин, но

в надежде и в уповании на бога и единосущную троицу беспредельную, данным знаменем и оружием, уповающим на него, отомстим осетинам. Если бы этими бедами обязаны были мы царю Персии, либо царю Греции, мы бы их претерпели. Но тяготит нас поругание осетин, и лучше нам умереть, нежели терпеть его».

Тут поднялся спаспет Джуаншер и сказал: «Здравствуй, государь, во веки веков в величии и свершении воли твоей над супостатами твоими. Истину изволил ты изречь. За грехи наши постигло нас это испытание и справедливо взыскует с нас господь, ибо умножили мы прегрешения наши пред ним. И надобно нам благодарить бога, потому как мы заслужили больших, нежели эти, выпавшие нам страдания. Однако многомилостивый ниспослал нам тяготы, несоразмерные нашим грехам, но наставил нас столь малым испытанием. И потому-то нам, подлинным картлийцам[39], надлежит премного благодарить господа. Ибо тебя – лучшего среди всех царей грузинских и превзошедшего предков твоих, совершенного во всем, подобного исполину Неброту[40], явил нам предводителем, и богом поручено тебе рассеять беды наши – и застарелые и недавние. И если прегрешения наши умножатся, то лишь от тебя мы ждем расточения всех бед и большого преуспеяния в пределах страны нашей на все времена, ибо не было от пращуров наших равного тебе. Здравствуй, государь, во веки веков! С той поры, как попрали нас осетины, мы вот уже пять лет пребываем в великой печали, потому как ты был юн и не по силам тебе было воевать и предводительствовать воинством и наводить порядок в царстве твоем. Ныне же, государь, исполнен ты мудрости, силы, отваги и стати, хотя недостает тебе покуда полноты лет для дел ратных. Но вижу я премудрость твою: пусть юн ты летами, ты уж в силах править царством; время же для дел ратных и предводительства воинством тебе не приспело. Таково мнение мое: по разумению твоему и по совету матери твоей избери из нас предводителя войска нашего и вручи нас тому, кому да будем послушны, как отцу твоему, и силой троицы, бога единосущного мы двинемся мстить. Ты же будь в доме твоем и правь царством. Ежели по греховности нашей мы понесем поражение от осетин, то царству твоему не убудет. Но ежели ты сложишь голову свою за грехи наши – сокрушится страна наша сполна, ибо на земле этой некому тебя заменить». Так говорил спаспет Джуаншер и все знатные и эриставы поддержали речь его.

Тогда сказал царь: «Джуаншер! Ты говорил, как подобает тому, кто предан и преисполнен мудрости, но я не последую речам твоим, ибо с тех пор как постигло нас такое испытание, все дни мои я провожу в скорби, словно заточенный в темницу. И жалость к сестре моей пронзает сердце мое, будто огненный меч, и смерть мне становится желанней жизни. И препоручив себя господу и ведомый крестом его пречистым, я отправляюсь самолично, в уповании на его многомилостивость, что не оставит он меня и одарит победой».

И не сумев отговорить его, все бывшие там вельможи согласились и сказали: «Будь благословен, государь, во веки! Да сбудутся намерения твои, да явит господь в помощь тебе ангелов своих и да падут все неприятели твои и утвердится царство твое».

Постановили поход в Осетию и разошлись по своим домам для сборов. А царь Вахтанг отправил гонца к своему дяде Вараз-Бакуру – эриставу Рана – с тем, чтобы сообщить ему о походе в Осетию и просить помощи. Тот же радостно откликнулся, ибо страна его также разорялась осетинами. Вахтанг созвал все воинство картлийское. Собрались сполна и разбили лагерь в Мухнари[41] и Херки[42], по сю и по ту сторону Арагви: было сто тысяч всадников[43] и

шестьдесят тысяч пеших, и Вараз-Бакур выслал ополчение в двенадцать тысяч всадников. Царь Вахтанг выступил из города Мцхета, пополнил рать и двинулся. Ликовал он при виде множества и воинственности доброконного своего войска, бодрости духа бойцов, с радостью готовых к отмщению осетинам. Преисполнился радости и благодарствовал богу. Вернулся в город[44] и провел неделю в молитвах, посте и ночных бдениях и щедро раздавал богатства нищим. Оставил управительницами в царстве своем мать Сагдухт и сестру Хварандзе и начертал им следующее завещание: «Ежели не вернусь живым, пусть на сестре моей Хварандзе женится Мириан из рода Рева, сына Мириана, бывшего зятем армянского царя Трдата[45], и который приходится Вахтангу двоюродным братом по отцу. И пусть он станет царем». И начертав это, вручил матери своей, не поведав о том никому, а Мириана – двоюродного брата – оставил во Мцхета.

И двинулся Вахтанг и стал в Тианети[46]. Там к нему примкнули все цари кавкасианов – пятьдесят тысяч конников. Сопутствуемый именем божьим, прошел он Врата Дариалана[47]. В пору вступления в Осетию Вахтангу было шестнадцать лет.

Тут цари осетинские собрали своих воинов, призвали силы из Хазарии и встретили (грузин) у реки, что проходит сквозь Дариалан и разливается по осетинской равнине[48]. Эту реку также именуют Арагви, ибо с одной горы берут начало Арагви Картлийская и Арагви Осетинская[49].

Оба войска расположились станом по обе стороны реки, крутые и скалистые берега которой покрыты были редким лесом и пересекались долинами. Обособились, заградили горные проходы и стояли так семь дней. В течение этих семи дней над рекой вели поединки лишь бумберазы[50]. Среди хазар, что были сообщниками осетин, был некий голиаф по имени Тархан. Выступил этот хазарин Тархан и зычным голосом возвестил: «Говорю каждому из воинов Вахтанга: кто среди вас многомощный – сойдись в единоборстве со мною».

Среди персидских союзников Вахтанга находился некий воин по имени Фарсман-Фарух. В поединке с ним еще никому не удавалось устоять, ибо львов голыми руками он ловил. Он и вступил в схватку с Тарханом. С зычным кличем на устах они сцепились в единоборстве. В первой же схватке ударом меча по шлему рассек он Фарсман-Фаруху голову до плеч. Предались скорби Вахтанг и воины его, не было среди них равного Фарсман-Фаруху. Потрясенные этим воины преисполнились печали.

Наступила ночь. Вахтанг уединился в своем шатре. Стал в слезах творить молитву, взывал к богу и до рассвета молил его о помощи. И с помощью господней решил он сам вступить в поединок с Тарханом, исполнившись веры в бога и в собственные силы, ибо был бесстрашен, словно бестелесный.

На рассвете вновь явился Тархан у берега реки и глумливо требовал поединщика, но не нашлось никого среди воинов Вахтанга, готового сразиться с ним.

Тогда Вахтанг обратился к своему воинству: «Не в надежде на силу мою и отвагу, но уповая на бога беспредельного и троицу единосущную всетворящую вступлю я в единоборство с Тарханом». Дались диву вельможи и стали всячески отговаривать Вахтанга, стремясь отвратить его от поединка, ибо был он юн, но не ведали об опыте его.

Не послушал Вахтанг, решил сразиться; спешился, пал ниц, помолился богу и, воздев руки, произнес: «О, владыко! Творец! Умножающий добро и подъемлющий уповающих на тебя! Будь опорой мне, яви мне ангела твоего в помощь и порази неверного того и посрами хулителей

твоих. Я же уверовал не в силы мои, но в милость твою». Встал, воссел на своего коня[51] и говорил воинам своим: «Молитесь господу и не сомневайтесь». Отправился Вахтанг, и воины его остались позади; потрясенные и полные волнений всяк из них молился своему богу[52].

Вслед за этим Вахтанг верхом спустился с косогора и приблизился к реке и стал у берега. Оба вооружены были копьями. Глянул Тархан и сказал: «Я – воитель с многоопытными голиафами и исполинами, а не с юнцами, но и перед тобой – так уж и быть – склоню голову свою». С кличем на устах они ринулись друг на друга и в первой же схватке поразил Вахтанг (Тархана) копьем в чресла. Не спасла прочность доспехов, пронзило копье его насквозь и умертвило его.

Преисполнились радости грузины и возликовали, стали неистово голосить и приносить богу благодарение. И сам Вахтанг тут же спешился, пал наземь и, молясь господу, говорил: «Благословен ты, господи, который явил мне ангела и поразил врага моего; ты возвышаешь уповающих на тебя; ты подъемлешь поверженных и униженных возносишь из гноища». Отсек Вахтанг голову Тархану, сел на коня и вернулся к своему войску. Воздали воины радостными возгласами славу Вахтангу и возблагодарили бога.

На следующий день выступил из осетин другой исполин по имени Бакатар[53]. Это был голиаф. Когда он седлал коня, никто не мог противостоять ему в поединке. Истреблял он всех единоборствовавших с ним, ибо орудовал луком длиною в двенадцать пядей и стрелою в шесть пядей. Подступил сей Бакатар к берегу реки и зычным голосом воззвал: «Царь Вахтанг! Не кичись победой над Тарханом: не был он причастен к голиафам и потому был сражен юнцом. Ежели нынче в поединок ты вступишь со мною – не избегнуть тебе жестокой схватки и не будет тебе спасения, а ежели нет, то я готов сразиться с любым из твоих воинов».

Но отвечал Вахтанг Бакатару: «Не мощью моею одолел я Тархана, но силой бога моего. И страшусь я тебя не больше, чем пса, ибо сила Христа со мною, и крест его пречистый служит мне оружием». Вахтанг приготовил к бою свое воинство, сел на облаченного в панцирь коня своего и, прикрываясь щитом из драконовой шкуры[54], коего и меч не рассекал, спустился верхом по косогору и подступил к реке. Вызвал Бакатара и сказал ему: «Не перейду я через реку, ибо я – царь. Не приближусь я к рати осетинской, ибо от погибели моей сгинет все воинство мое. Ты же – холоп[55] и от твоего сокрушения войску осетинскому не убудет, словно от смерти какого-либо пса. Ступай ко мне через реку». Осетин Бакатар исполнил требование его, но сказал: «Я тот, кто победит тебя, и я переправлюсь через реку, но ты отступи от берега на три утевана»[56].

Вахтанг исполнил это условие: Бакатар переправился через реку и начал метать стрелы. Но Вахтанг ловко от них уклонялся, ибо велики были зоркость его глаз и острота ума, а также сноровка коня его, уже издали замечал он выпущенную из лука стрелу и проворно от нее уклонялся. По сю и по ту стороны реки войска трубили в горны и били в тимпаны. От неистовых криков воинов обоих войск – грузин и осетин – содрогались горы и холмы. Лишь дважды угодил Бакатар стрелою в щит Вахтанга, но не пробил его. Метнул он еще раз стрелу и сразил коня Вахтанга. Но прежде чем пал конь Вахтанга, набросился тот на Бакатара, поразил мечом в плечо и рассек его до сердца.

Только после этого пал конь Вахтанга, но царь ловко схватил коня Бакатара. Спервоначала Вахтанг припал к земле и сотворил молитву усерднее, чем прежде. Затем воссел на коня Бакатара, примчался к своему воинству и громко возгласил: «Воспряньте и мужайтесь, ибо с нами бог».

Готовые к бою двинулись войска: тяжеловооруженные всадники, одетые в панцири и железные шлемы, – впереди, а за ними – пешие, а за пешими снова множество конников. И так грянули они на осетин. Осетины же заняли вершины скалистых гор и оттуда обрушили стрелы, словно потоки дождя.

Вахтанг с отборными всадниками находился позади своего войска, укреплял и воодушевлял воинов. Тяжеловооруженные конники, одолев скалистую дорогу, вступили на равнину. Вслед за ними двинулись и пешие и множество всадников. И произошла жестокая сеча. От разящих ударов Вахтанга справа – содрогались враги слева, от ударов слева – содрогались справа. И в этом сонме сражавшихся войск был слышен клич Вахтанга, подобный львиному рыку. В бою Вахтанга сопровождали два всадника: молочный брат[57] Артаваз, сын спаспета Саурмага, и царевич Бивритиан[58]. Они также сражались отважно.

Одолели тогда осетин и обратили в бегство лагерь их. Сокрушили и полонили. Большую часть бежавших осетин схватили заживо для обмена их на прежде полоненных осетинами грузин. Как только вернулись из погони, собрались в собственном лагере. Передохнув три дня и вознеся богу благодарение, вторглись в Осетию, сокрушили там города, захватили огромную добычу и увели большой полон.

И вступили в Пачаникети[59], так как Пачаникети граничила в ту пору с Осетией по ту сторону реки Осетинской, и Джикети[60] была там же. Спустя много времени, турки[61] потеснили пачаников и джиков. Пачаники ушли на запад, а джики осели у пределов Абхазии[62]. Вахтанг разорил Пачаникети и Джикети и на обратном пути вновь подступил к Осетии. Цари осетинские бежали и скрылись в крепостях Кавказа[63]. Вышли оттуда послы и заключили мир. Просили осетины в обмен на сестру Вахтанга тридцать тысяч осетин, наиболее отборных, названных осетинами поименно. Вахтанг отдал им тридцать тысяч пленников в обмен на свою сестру и вернул ее себе.

Тех же пленников-грузин, что были захвачены осетинами за шесть лет, (Вахтанг) обменял на равное количество. (Кроме того), он вытребовал у осетин заложника и отдал за него еще тридцать тысяч пленников. Пленных, выкупленных в Картли, было числом шестьсот тысяч, не считая пачаников и джиков. Все это совершено было за четыре месяца[64].

Тогда же царь отпустил своих союзников – персов и царей кавкасианов – с великими дарами; отправил сестру свою Мирандухт и пленников по Дарьяльскому пути, а сам во главе большого войска картлийского двинулся по Абхазской дороге[65]. Неустрашимо и стойко начал завоевывать он крепости Абхазии, ибо царь греков – великий Леон[66] – в ту пору был занят в войне с персами, потому и не мог он отправить в Абхазию войско (против Вахтанга). За три года (Вахтанг) забрал все крепости Абхазии вплоть до самого Цихе-Годжи. Наконец, вернулся он в царственный свой град Мцхета. Приветствовали его мать и сестры его и множество горожан – мужчин и женщин – и склонялись пред ним и стелили к стопам его полотнища и осыпали главу его драхмами и драхканами[68] и возвышенными голосами воздавали славу ему, ибо никому из царей не случалась столь жестокая битва.

Тут царь Вахтанг возблагодарил бога многочисленными молитвами и ночными бдениями и одариванием нищих. И роздал дары народу своему, сделал знатными всадников многоопытных, отважно сражавшихся против осетин. Да отправил подношения из собственной добычи брату своей матери Вараз-Бакуру: рабов – тысячу, коней вьючных – тысячу, кобыл – тысячу. Затем

отправил персидскому царю: рабов – десять тысяч, коней вьючных – десять тысяч, кобыл – десять тысяч. Все это поднес он царю Персии руками епископа Бинкарана[69] и просил у персидского царя дочь его в жены себе; царь же персидский выдал ему в жены дочь свою по имени Балендухт[70]. И в приданое поднес Сомхити[71] и всех царей кавкасианов, и отправил ему послание, в начале которого было начертано следующее: «Вахтангу, Варан-Хосро-тангу – великому царю десяти царей, от Урмизда – царя всех царей». И писал он о нужде в помощи в войне против кесаря, ибо кесарь выступил в поход на Персию.

И известил об этом Вахтанг все воинство свое и всех царей Кавказа. Собралось до двухсот тысяч воинов и расположились по обе стороны Куры. По велению персидского царя примкнул к нему дядя по матери – Вараз-Бакур, эристав Рана, с войском Адарбадагана, Рана и Мовакана числом около двухсот тысяч всадников.

В ту пору было Вахтангу двадцать два года[72]. И был он превыше всех людей своего времени и прекраснолик и столь обилен мощью, что пеший с оружием настигал оленя и ловил его за рога; коня оседланного взваливал на себя и из Мцхета мог тащить его до крепости Армази. И был он единородным сыном своего отца, и сестра его Хуарандзе также была мощью сильна и прекрасна[73]. И из колена благочестивого царя Мириана остались только Вахтанг и сестры его: восходили они к Бакару[74], сыну Мириана.

А Мириан и Григол происходили из колена Рева, сына того же Мириана, и во владении их была Кухети и проживали они в городе-крепости Рустави, ибо были ущерблены усобицей.

От царя Мириана до царя Вахтанга прошло восемь колен и десять царей, а лет – сто пятьдесят семь, а присноправедных епископов истинной веры преставилось восемь, а прочие были возмутителями канонов[75].

Отправился Вахтанг походом в Грецию. И достигли они Армении, и в Перож-Кафе[76], где прежде упомянутым Перозом была выстроена крепость, примкнули к нему правители армянские: сюнийский Арев, аспураганский Джуаншер, таронский Амазасп – из воздвигнутого Григорием города, Трдат – из рода великого Трдата. И подступили к городу-крепости, который именовали Карахпол, а ныне именуют Карну-калак[77]. И стали против него воевать, но не сумели захватить, ибо был он трижды опоясан высокими стенами. И оставил для осады двух правителей с двенадцатью тысячами воинов.

Вахтанг же отправился в Понт и попутно разорил три города: Андзорети[78], Эклеци[79] и Стери[80]. И приступили воины его к великому прибрежному граду Понтийскому[81]; и воевали три месяца, и достигла рать его града Константина. А персы истребяли всех церковнослужителей, каких только настигали. Но царь Вахтанг уведомил воинов армянских и всех персов, чтобы не убивали никого из монахов, но брали их в полон, и затем сказал им: «Когда отец отца моего Мириан выступил совместно с царем персидским, племянником своим*, в поход против греков, они так же обходились с монахами и церковнослужителями и потому были люто побиты неисчислимые их рати силой немногочисленного ополчения. Тогда же и отторгли греки от нас, грузин, эти пределы к востоку от моря. А битва первых царей произошла в Андиадзоре, где ныне находится могила

* Дословно: «сын брата».

великого учителя Григория[82]. И бежали оттуда цари наши. Мы же, пройдя десятидневный путь, обращены на север. И мы также пребываем в исповедании веры греческой в Христа, который есть единственно истинный из богов.

Неужто неведомо вам о чудесах, свершенных царем Константином водительством креста[83], либо о тех чудесах, которые имели место в стране греческой с царем-язычником Юлианом? Как поразило его копье небесное и собрались воины греческие и поставили царем Иовиана[84], а он не принял этого, покуда не сокрушили идолов и не воздвигли кресты, и лишь после этого возложили на него царский венец. То ангел небесный вознес венец и возложил его на главу Иовиана – истинного государя. И звучал глас небесный, который вещал царю персидскому Хосро-Тангу[85]: «Прекратите войну против Иовиана, ибо мощью креста он неодолим»[86]. И с тех пор стали друзьями царь и Хосро до скончания дней их.

Или не памятны вам, наследникам оных Аршакунианов армянских, питиахшей Биврітианов, деяния Григория Парфянина и супротивника его Трдата Аршакуниана[87] – как пал он от гордыни своей и превратился в вепря? Однако Григорий обратил его и с той поры сделался он тружеником церкви. И потому как был Трдат герой, плечами своими воздвиг он великую церковь[88]. Вы же исконные жители Картли – родичи царей картлийских, ныне поставленные правителями от нас, царей, в родстве восходящих к Неброту, что явился на эту землю прежде других царей и мощью своею укрощал льва, словно агнца, и на бегу ловил онагров и диких козлов. И потому как возросла мощь его – покорились ему все колена Ноевы, доколе не воздвиг он град, камень коего он сделал камнем золотым и основой серебро и оградил его кирпичом и известью, а перемычки врат и окон создал из яхонта и изумруда, и от света их в бессилии отступала ночь. А внутри воздвиг он храмы и башни, кои трудно вам представить, да и немыслимо припомнить всю премудрость его, которая далась ему, прежде чем воздвиг он лестницу в трехдневный путь и которую он водрузил на стене для восшествия ввысь. И пожелал он вознестись в небеса и узреть обитателей небесных. Но как только преступил рубежи воздушные и вступил в пределы звездные, – не выдержало строение его, ибо плавились золото и серебро, потому что с тех пор и поныне сила огня в эфире мощно разгорается от вращения мира сего. И послышался ему оттуда зов семи сонмов небесных, от коего смутились люди. И стал человек в племени своем говорить всяк на своем языке и не стал человек внимать устам ближнего своего, и разбрелись.

А Неброту на языке персидском говорил: «Я есть архангел Михаил, что поставлен от господа владыкой Востока. Изыди из града сего, ибо господь покровительствует этому городу до наступления рая, что стоит подле строений твоих, между коими расположена гора, из-за которой восходит солнце и вытекают две реки: Нил и Геон[89]. А Геон несет из рая древо благовонное и травы, которые смешивают с мускусом[90]. А теперь ступай и поселись между двумя реками – Ефратом и Джилой[91] и отпусти племена те, кому куда заблагорассудится, ибо отпущены они богом. А царствие твое да будет над всякими царями, а в грядущие времена явится владыка небесный, узреть которого ты желаешь и который был отринут народами, и страх пред ним рассеет наслаждения мирские, цари покинут царства свои и обратятся в бедность. Тогда господь разыщет тебя в беде твоей и спасет».

И все покинули город и удалились. И оставил говорящих по-индски – в Индии, синдов – в Синде, римлян – в Риме, греков – в Греции, агов и магогов – в Магугии, персов – в Персии;

но главным языком остался сирийский. Это и есть семь языков, на коих говорили до Неброта. Поведал я об этом потому, что отцы наши втайне держали то писание, а меня говорить о том вынудила ревность божия. После этого отец наш Мириан[92] воспринял благовествование Христово от Нины[93].

Или до пришествия Христова не платили пращуры наши дани, а с той поры, как греки воюют в иной стороне, не от этого ли мы ослабли? И он узрел Неброта в аду и спас его. Он и есть первый среди царей и (даже) Даниил[94] ему послушен, потому как Михаил[95] поставлен силой персов. И вы, о грузины[96], взгляните на чудеса эти, которые сотворила Нино. Или мнится вам, что господь предал греков? Большинство земель персидских они сокрушили и присовокупили себе, а нынче уже шестой месяц, как они узнали о походе нашем, и выступил кесарь, ибо оповестили его о нашем приходе и уж неподалеку от нас он, чтобы сразиться. И ныне всякий род да послужит богу и утешит страдания свои в церквах».

Высказав все это, разослал глашатаев, чтобы вывести всех монахов из убежищ, отпустить пленных, чтобы отправились, кому куда благоугодно. И вышло множество священников и диаконов, монахов и энкратитов[97] из пещер и скал, а более – из города Понтийского[98], ибо осаждали тот город почти четыре месяца.

И было среди них два человека: священник Петр, из учеников Григория Богослова, ибо он священствовал на могиле его, и монах Самуил. И предстали пред Вахтангом – благодарить его за волю полоненным и освобождение церквей и священников. И по завершении молитвы царь смилостивился и проведал их и велел привести всех пленников и монахов, освобожденных им немощных, ибо все эти убогие пребывали за городом. Выдал он тем убогим мулов, а отрокам по три драхкана и отпустил. А священника Петра и монаха Самуила оставил при себе.

А когда воины разошлись по своим шатрам и царь отправился вечерять, говорил царь Петру: «Богу было угодно это дело мое, ибо защитил я церкви и дал свободу пленникам».

Сказал Петр: «Говорить ли рабу твоему пред тобой дерзновенно или воздать хвалу ложную?».

Говорил ему царь: «Говори, ибо не ищу я ничего, кроме обличения, дабы избегнуть лжи».

Сказал Петр: «Пред господом церкви телесные – превыше храмов каменных. Церковь каменная когда-либо да рухнет, но ее вновь воздвигнут из того же камня. Но уж коли рухнут церкви телесные – тут исцеление никому не под силу: ни врачевателю, ни царю. Так, какое множество людей живых ты поверг? Сказано о крови Авеля: всякая кровь смыта ноевым потопом, а за кровь Захарии, сына Баруха, было воздано полным позором евреям; об этом говорит Исаия: возьми и истреби всех детей его через Тита и Веспасиана. Или не читал ты книг Моисеевых: когда израильтянин стал прелюбодействовать с чуждым семенем, сколько душ было истреблено за одно это прелюбодеяние?[99]. Так, сколько поругано девственниц и храмов божьих твоими воинами?».

И сказал царь: «Но видишь ли, ведь Иовиан, радетель о защите церквей, одновременно состоял при нечестивом Юлиане? И ежели человек оступился, то пусть дальше падет».

Сказал Петр: «Не подтолкну споткнувшегося, но тебя падшего подъемлю, словно Давида от соблазна Урии. И не желаю я, чтобы уподобился ты человеку, который правою рукой созидает, а левою – разрушает, ни тому, что устами своими благословляет, а сердцем проклинает и

поносит, но быть тебе подобным блаженной памяти царям, которые овладели этим миром и не отдалились от царствия небесного: Давиду, Соломону и Константину, Иовиану[100] и прочим, им же подобным. Но в чем подобие твое Иовиану и кто владыка над тобою, меч которого висел бы над выей твоею, как над Иовианом (меч) Юлиана? И страдал ли ты, подобно тому, как Иовиан через Юлиана? Или кого избрал господь сделать владыкою твоим, чтобы держал он ответ о правоте твоей пред господом? Нет уж, тебя он поставил владыкой над всеми этими и тебе отдал всех. Отныне господь спросит с тебя всякое зло и воздастся тебе, коли не раскаешься».

Сказал царь: «Я желаю оправдания своего, но ты справедливо порицал меня за неправедность».

Сказал Петр: «Поскольку ты стал на стезю признания, грехи твои отступили от тебя. Но теперь я выскажу слово сердца твоего: не по невежеству восстал ты на борьбу против детей божьих, но чтобы пособить родне твоей персидской. И не ведомо тебе, что греки суть племя господне по обету и по нему нарек он их детьми божьими и вручил им печать, что сокрушила ад, сие же есть крест?»

Сказал царь: «Чего же теперь тебе надобно?»

Сказал ему Петр: «Желаю, чтобы тобою же зажженное пламя ты же сам погасил и стал другом кесаря, как до того был другом персов».

Ответствовал царь: «Желательно мне, чтобы вашими молитвами сей же ночью сошелся я с кесарем и чтобы стала меж нами любовь, да познаю я волю Христа согласно твоему призыву».

Сказал Петр: «Озадачила меня эта просьба твоя, ибо то по силам лишь людям избранным, подобным ангелам и исполненным совершенства, что обитают среди этих скал, лишь им дано (свершить) дело, о котором ты просишь. Дай мне срок, чтобы отправиться к ним и поведать им о воле твоей и молитвами их исполнить волю твою. Как бы не посрамиться нам, ибо мы – люди грешные, и быть может, господь сочтет за дерзость».

Разгневался на него монах Самуил и сказал: «Священник! О делах господних, словно о делах людских глаголешь. Или не читал ты, как господь говорил Поликарпосу[101]: «Ежели бы ангелы захотели того ради блага людского, то был бы готов я распять себя в любом городе ради блаженства каждого». Или же превыше царя христианского Ахав – царь Израиля, коему говорил Исаия – требуй чуда в выси и глуби, сказав ему: забеременела девственница? Или ты забыл, кто сказал израильтянину – чего потребуешь от имени моего – дастся тебе? Исо сказал миру небесному – «обратись» – и тот обратился на три поприща. И отныне добродетельно слово кротости твоей, Петр, и преграда для людей маловерных. Ты же, государь, пособи нам несколько верою, дабы молитва убогих града сего исполнила волю твою». И удалились святые в жилища свои.

Царь же долго молился и затем лег. И как только стал засыпать – явилась ему женщина, которая был святая Нино, и сказала: «Восстань, о царь, на сретение предупредительно, ибо оба царя – небесный и земной – прибудут к тебе». И как только глянул – мгновенно узрел видение и было оно в (граде) Константина. Приблизился он спешно и увидел два престола: с вооруженным венценосным юношей, восседавшим на одном, и на другом престоле восседавшего старца в белой хламиде, и на главе его был возложен венец светящийся, но не из золота, и у ног его сидела Нино. И десницу Вахтанга держал священник Петр, а шуйцу – монах Самуил. И

говорил Самуил: «Пади прежде к ногам великого владыки небесного Григория»[102]. Подступил он и поклонился. И сказал Григорий: «Какое ты зло натворил, человече, столь разорив лагерь мой, и зверям отдал на съедение ведомых мною. И ежели бы не оба этих, что стоят рядом с тобою, и не женщина сия угодница, которая неустанно равно Марии трудится за вас, – отомстил бы я тебе, как (некогда) пращурам твоим, что славили огонь палящий, а не светоносного освятителя всех». И протянул руку и тот облобызал ее. И словно коснулся рукой венца сияющего, равный венец вручил Вахтангу и сказал: «Возложи его на Петра». А Петр взял венец несколько проще и возложил его на монаха Самуила. И говорила Нино Вахтангу: «Ну, а теперь подойди к царю и прими дары свои». Предстал он пред царем и облобызались они взаимно, и (царь) указал ему место на престоле своем и посадил его рядом. И дал ему перстень со своей руки с ярко сверкающим камнем, и сказал кесарь: «Коли желаешь получить от меня венец, дай обещание тому, кто вознесся над нами, что будешь воевать против его врагов и возьми у него венец». Взглянул Вахтанг и узрел крест, на раменах которого был венец, и вид креста ввергает его в особый трепет, ибо страшен был ужас его, и замолк. Но восстала Нино и глянула на Петра и Самуила, и они в один голос сказали: «Мы ручаемся, о Крест победоносный, что паче всех он преуспеет». И кесарь вытянул руку, снял с креста венец и возложил тот венец на главу Вахтанга.

И стали выходить, а епископ возвестил трижды и произнес: «Вахтанг, Вахтанг, Вахтанг! Быть тебе верующим паче всех сородичей персидских». Второй раз: «Тобою будут возведены церкви и поставлены епископы и архиепископы». И в третий раз: «И получишь венец мученичества». И во сне же, будто проснувшись, призвал Петра и Самуила и поведал им о сновидении, а они толковали: «Тот, которого видел ты на престоле в венце сияющем, – это великий учитель Григорий, а тот, что вручил мне венец от него, – дал мне главенство над епископами, а я, дав венец от себя ближнему моему, – сделал его епископом, а виденный тобой украшенный золотым венцом – это кесарь; а тот, что поднес тебе перстень, – он выдаст тебе дочь свою в супружество и вернет тебе же все отторгнутые пределы картлийские; а венец с креста, данный тебе, – потрудишься обильно споспешением кресту; а учитель наш, что трижды возвестил, – выпросил для тебя три дара, дабы с помощью твоей была установлена в Картли католикосами и епископами истина и одолевал бы неприятелей до скончания дней твоих. А к концу дней твоих ты получишь венец мученичества в бою, чтобы не впасть в руки неприятеля. Все это исполнится прежде дряхлости твоей и старости».

Когда же проснулся царь Вахтанг, возблагодарил бога, явившего все это, спешно призвал Петра и Самуила и спросил: «Что вы видели?». Они же ответствовали: «Ведай, государь: один из нас одесную, а другой – ошую стояли, когда ты предстал пред восседавшими на тронах кесарем и Богословом; затем также и царица наша утешала разгневанного на тебя учителя и поручила тебя руке его».

И говорил им царь: «Замолкните святые, ибо вам привиделось, равно как и мне. Ну, чего бы пожелали граду этому, столь близкому к падению? Что же нам делать с этими пленниками, число которых превышает тьму[103] и которые сейчас в руках наших? Так пусть спешно от нас выйдет глашатай и возвестит, что царь персидский направляется в страну Джазирскую[104], и прошли персы Филистим вслед за кесарем, разорившим страну Персидскую, чему царь персидский не сумел противостоять. А кесарь, узнавши, что мы вторглись в страну его, спешит войной на нас.

И видим мы, как войско персидское стремится к нам на помощь; и ясно нам, что войска персов превосходят воинства Армении и Картли, и нет среди нас никого истинно верующего[105]. Все, что насадил отец наш Мириан или Трдат – родич мой по матери, – ныне вера их всех нам ясна, ибо полна она соблазнов. Ну, а быть может, когда дела мои станут явными, разгневается дядя мой* и нам придется сразиться друг против друга и превратимся в посмешище для всех неприятелей наших. Но я все же поступлю так: как только выступят воины наши и сообщат нам о прибытии кесаря – мы отступим. Прежде мы сообщим о том кесарю, когда он прибудет и сблизится с нами, затем да будет так, как к тому призовет святость твоя. Да будет так, чтобы никто из пленников их не пострадал».

И отправился Петр к кесарю, а Самуил остался при царе. Назавтра явился якобы посланец и оповестил царя, что войска греческие выступили из Константинополя. И призвал царь Вахтанг брата своей матери и всех царей и сказал: «Что вы скажете, ибо ведома многочисленность войска греческого и коварство их в бою и проворность их морских кораблей. Ведь вступили они в Персию – страну витязей и голиафов – и не выдержали они боя с ними. Нынче я опасаюсь, а вдруг ежели войска явятся на кораблях, и перехватят наши пути и перебьют нас, как в загоне. Однако снимемся отсюда и разобьем лагерь к югу от моря, чтобы обеспечить себе путь на случай удач и неудач».

Снялись войска из окрестностей города, прошли пятидневный путь на юг и стали подле Спери[106]. И вышли из города жители, обреченные было на погибель, и воздали Вахтангу благодарность и поднесли ему в дар тысячу литр золота и пятьсот штук драгоценных тканей и приступили те люди к мирной торговле и ремеслам[107].

Когда же Петр предстал пред кесарем и поведал обо всем том, кесарь возрадовался весьма и признал за Вахтангом все, что обещал тому в сновидении. И отправил священника Петра и твердо и клятвенно уверял (Вахтанга) быть достойным своего правления. А когда соединяться он с Вахтангом, они повергнут персов, бывших при Вахтанге, дабы те не стали их властелинами. Покуда Петр и посланники возвращались к Вахтангу, кесарь вступил в Константинополь и отправил пятьсот дромонов[108], в которых размещалось по пятьсот человек, и повелел им прибыть к Вахтангу, не принимая боя. Сам же кесарь выступил по Понтийскому пути[109] с восьмьюстами тысячами воинов. И когда то морское воинство приблизилось, персы замыслили вступить с ними в схватку, но царь сдерживал их и не допустил сражения.

Когда же послы кесаря и Петр передали (Вахтангу) дары, он узнал тайные, а затем и явные слова (кесаря). А публично он сообщил вот что: «Не отступай, но стой до прихода моего, чтобы тех персов, что находятся при тебе и которые остались неистребленными в пору нашего вторжения в Персию, перебить их также».

А тайно[110] передал ему и залог – крест и венец, одеяние, а также слова: «Как только сойдемся, отдам тебе крепость Тухариси[111] и пределы Картлийские». Царь Вахтанг же явно дал ответ: «Не по иной причине мы явились сюда, кроме как для войны с тобой. Ступай же на нас, но коли нет, то мы сами явимся в Константинополь». А тайно же уведомил и сказал: «Что не

* Дословно: «брат матери».

украсит твоего боголюбия, чего бы не сделал ты сам – не заставляй других, ибо вероломство не пристойно людям честным. Так, ежели предам персов, то не обесчестится ли имя мое? Да и у многих из них любовь ко Христу более, нежели у нас, но страха ради скрывают они это[112]. Так, повели завершить благополучно это дело, по примеру Иовиана и персов. А после того, как только завершится наше дело успешно, мне будет сподручнее отдать их тебе в руки, и пусть не будет это неблагопристойно и тревожно для вас, чтобы не пали ваши люди от меча, ибо ваши воины зазнались из-за побед над персами. Но персы не то, чтобы оробели, но из мести идут на бой: либо погибнуть, либо отмстить за кровь свою. Но ежели твои воины начнут биться с ними, то я умываю руки».

И отправились к кесарю Вараз-Михр[113] – брат его (Вахтанга) воспитателя и монах Самуил. А кесарь же подступил к городу Понтийскому, и понтийцы вышли встречать его и воздавать ему славу и (выразили) благодарность Вахтангу, ибо защитил он их и не обрек на погибель. Когда же посланники царя Вахтанга достигли города – поднесли им дары: тысячу мешочков мускуса, пятьсот амбры и тысячу литр благовоний. И разошлись воины Вахтанга на добычу, но напустились на них пешие воины греков и заодно с ними до трехсот тысяч сброда, всадников из местностей и городов[114].

Царь же Вахтанг силой сдерживал этих грабителей, покуда не явился брат его матери, эристав персидский, и гневно не сказал ему: «О, змей и потомок аспида! Разве неведомо (было), что матерь отца твоего была гречанкой из рода Иовиана? И одолела в тебе природа матери отца и привилась тебе любовь к распятому тому смертному человеку, и замыслил предать нас в руки грекам». Вахтанг же говорил: «Вот – ты и вот – греки, и узришь силу того смертного и живого человека, на коего ты уповаешь». И загремели трубы, и выступили отовсюду армяне, персы и царь Дербенда. А царь Вахтанг и грузины вышли на смотр и стали. И воссел царь на слона белого, у лесистого берега того моря, на полуострове[115]. А до появления войска персидского греки побили из них до двадцати семи тысяч. И ожесточилась битва, и убили брата матери Вахтанга – эристава. И убили царя леков Ипаджаджа и множество эрисмтаваров, и был осилен лагерь восточный. Был у греков военачальник Поликарпос Логофет, племянник* их царя. Был он мощен и побил отважных воинов персидских и он же справился с их эриставом.

Тут соскочил Вахтанг с колесницы и сказал: «Мы вовсе не помышляли об этом, но на то была господня воля, ибо мы желали мира, но дерзость персов разнгевала господа и бог отплатил им и умертвил эристава Рана, и вся Персия будет скорбеть о нем, словно о собственной погибели. Ныне спесь персов посрамлена, выносите крест и понесем его пред собой, ибо за что преследовали нас, тем и победили их и будем детьми могущества и не вступайте в междоусобицу по наущению кого-либо, и не терпите пред собой преимущества врагов; да будут руки ваши руками моими, чтобы не обречь себя на полную погибель. И будем гнать их не только здесь, но и погоним (вплоть) до Адарбадагана, как воронов, гонимых собственными же птенцами».

И священник Петр явил крест, и говорил царь: «Стань пред лицом вражеским и воинами нашими и вели всем – «Поклонитесь кресту и одолеем врагов», – а тех, кто не поклонится –

* Дословно: «сын сестры».

умертвите». И повелел Деметре – эриставу своему, и спаспету Джуаншеру следовать за крестом. И прозвучал мощный призыв глашатая: «Не поклонившийся кресту – да умри!». И подходили все воины и поклонялись и становились пред крестом. И Борзо[116] – царь Мованский – сказал: «Не отрекусь я от огня палящего и не поклонюсь древу трухлявому, разукрашенному золотом и драгоценными каменьями»[117]. Сразил его спаспет Джуаншер, и пал он трупом. Отныне никто не дерзал порочить крест, и клятвенно заверяли воины царя Вахтанга: «Ежели вспомоществует нам крест, то не знать нам бога иного, опричь Распятого».

И спешился царь и поклонился ему, а заодно с ним все ополчение его. И говорил царь: «Владыко господи, яви мощь твою сему люду твоему неверному, дабы приобщить его к вере уповающих на тебя; пусть и падшие они, но остались жить, и живые твои чрез жизнь твою суть мощны». А те войска греческие явились, словно молнии. И Поликарпос, подобно волку, вывалявшемуся в крови, и словно лев разъяренный рычал и посрамлял воинов этих. Но царь сказал: «Есть ли среди вас воин, готовый схватиться с ним и стать равноцарственным мне?». Прошелся глашатай дважды, но никто не посмел отозваться на эти слова.

Тогда говорил Вахтанг: «Не своей силой велик человек, но мощью, ниспосылаемой ему господом. И уповая на мощь твою, я, подобно Давиду, выступлю со знаменем креста; дай мне силу, как Давиду против Голиафа, ибо и этот явился для унижения и посрамления креста твоего; когда он узрел крест, воздвигнутый в помощь нам, он не бежал прочь, но в уповании на силу свою вступил с ним в единоборство». И сказал: «Воззри, господи, на возгордившихся и посрами их; затем виждь страждущих и спаси их. Этого я считаю недостойным, и не боязно мне, ибо данная тобою сила велика, ею я и одолею, но робею я пред тобою и потому услышь глас смиренного и пособи мне».

Обнажил меч, коснулся им креста и пред выстроившимися воинами сказал: «Лев быку не чета[118], ибо я – царь, ты же – холоп, однако я готов сложить смиренно голову за народ, дабы уверовал он в силу креста». И пошел на него Поликарпос. Вахтанг ступал ему навстречу степенно и уверенно. Выстроенные по обе стороны воины возопили голосами устрашающими и был вопль их подобен раскатам грома, от которого сотрясалась земля. И ударил Поликарпос по щиту Вахтанга, скроенному из шкуры дракона, и вонзил в него на локоть копье, а толщина копья равнялась человеческой руке. И оставив щит на копье, царь сошелся лицом к лицу (с Поликарпосом) и поразил его мечом по шлему и раскроил ему голову и рассек до плеча. И протянув руку, поднял половину головы его, положил ее пред крестом и сказал: «Такова будет участь всякого, отступившего от тебя».

И нагрянули воины вахтанговы на воинов греческих и обратили вспять, и, разделившись на отряды, потеснили их к берегу моря. И никто из них не спасся, кроме тех, кто успел выйти в море и бежать на судах[119]. В тот день пало из воинов вахтанговых сорок три тысячи, а воинов греческих погибло семьдесят две тысячи да полонили сто двадцать пять тысяч.

Когда же возвратились воины вахтанговы и пришли к праху Вараз-Бакура – брата матери Вахтанга – предались трауру, умастили его алоэ и смирной и отправили в Барду.

А царь Вахтанг созвал свое воинство и велел привести всех пленников. И привели их до единого: было их общим числом – мужчин и женщин – семьсот восемьдесят тысяч. И отправили их всех к кесарю в сопровождении своих эриставов Насре и Адарнасе. И начертал письмо, а

именно: «Непостижна мудрость божия; ум и волю людскую побеждает воля господня. Ведомо мне, что не было твоего благоволения в деле, которое натворил Поликарпос, равно как не было и благожелания моего в поступке брата матери моей и (потому) обоих силы злонамеренные зло и отловило. Потому-то и сделал господь так, чтобы этих новообращенных ввести во страх пред верой его, и как блудным детям своим сотворил дело радостное. Вы же – первородцы божии и во веки пребудете ими. Ныне скорбь мою о брате матери моей я утешил, отомстил убийцам сына сестры вашей. Вас же я утешаю теми семьюстами восемьдесятью тысячами воинов, коих спас господь. И ежели соблаговолишь встретиться со мною – поспеши, а ежели нет – уладь дела наши через послов, а нам тягостно пребывание здесь из-за разора страны этой».

А до прибытия посланников кесарь был погружен в большое уныние. Но когда ему сообщили, что плененных вначале и пленников из бежавших и (захваченных) в ходе их преследования (Вахтанг) отпустил в полном числе, он возрадовался весьма и покинули его все печали. Кесарь сел в корабль налегке и с тремястами дромонов подплыл к морскому берегу и призвал Вахтанга. И обменялись клятвенными обещаниями и обоюдно уладили дела[120]. И кесарь вернул Вахтангу пределы Картлийские, крепость Тухариси и всю Кларждети – от моря до Арсианских гор[121], и долины, что прилегают к горе Гадо.

И расспросил кесарь о пограничной с Грецией приморской стране, которая есть Абхазия, и сказал так: «От Эгрис-цкали и до реки Малой Хазарии – это суть рубежи Греции со времен Александра[122], их ныне ты руками своими отобрал у нас. Теперь же верни их нам и когда в жены себе возьмешь дочь мою, тогда я и отдам тебе ту страну». И отписал земли между Эгрис-цкали и Клисурой[123] (в качестве) приданого, а прочую Абхазию[124] Вахтанг вернул грекам.

И двинулся Вахтанг по дороге Кларджетской, а воинов своих отправил по дороге Сомхитской. И когда достиг Тухариси, глянул и возлюбил эту крепость да сказал: «Ты ли эта крепость?». И как только отправился далее, обнаружил скалу в центре Кларджети, а там и деревню, называемую Артануджи[125]. И позвал молочного брата своего Артаваза и поставил его эриставом, и повелел ему воздвигнуть крепость Артануджи и затем велел ему же разыскать в том ущелье место для монастыря и построить церковь и монастырь по образцу виденного ими в Греции. И сказал Артавазу: «Ежели персы превзойдут нас мощью, то тут будет уготовано нам убежище».

И Артаваз возвел крепость Артануджи и монастырь, который есть Опиза[126], и три церкви: в местечке Мери, Шиндоба и Ахиза. И обновил крепость Ахизскую и создал в ней вертеп.

Когда же вернулся Вахтанг и вступил в свой город Мцхета, возникла радость великая и были вознесены господу благодарения по случаю благополучного его возвращения. И одарил он обильно людей своих.

Персидский же царь, узнав, что Вахтанг примкнул к грекам, вернулся в Персию и помер. А вместо него царем стал сын его, но прежде чем он вступил в возраст, прошло три года.

А царю Вахтангу супруга его родила близнецов – сына и дочь – и во время родов скончалась царица Балендухт – дочь царя персидского. А Вахтанг нарек сына своего персидским именем Дарчил[127], а по-грузински – Дачи. В ту пору царь Вахтанг не улучил времени, чтобы взять в супруги дочь царя греческого, а также католикосов и епископов, ибо пребывал в ожидании вторжения персидского царя: укреплял крепости и города, снаряжал конников и готовился к войне против

персов. Тогда же заточил он в темницу совратителя Бинкарана – епископа огнеслужителей – и сокрушил и изгнал всех огнепоклонников из пределов Картлийских.

Спустя три года, царь персидский выступил против Вахтанга, подступил к Индабриану[128], где и стал лагерем. А Вахтанг отправил к греческому царю (посланника) и уведомил его, а именно: «Так вот и настал тот день, который я обещал – предаю персов в твои руки; ну вот – пропустил я их до середины пределов Картли, а числом они в целом – около трехсот тысяч человек. Он помышлял также о приумножении ополчения своего в Армении и (с помощью) царей кавкасианов, но они не позволили себе единения с ним, ибо некоторые их них уверовали в распятие; но прочие – одоленные дьяволом цари дербендские[129] – примкнули. Ныне я исполнил данный мною обет: так, ежели где обнаружил дом огнепоклонников – залил его мочой, жрецов и их соглядатаев предал жестокому истязанию, а совратителя Бинкарана заточил в темницу, но он избежал смерти. Он же привел персов в Картли. Я поставил епископом человека верного Микаэла. А Бинкаран, как только он достиг рубежей Картли, помер. Теперь пусть воинство твое спешно направится сюда, дабы пали здесь все неприятели креста и освободился ты от супостатов твоих; а ежели одолеют нас, то усилятся персы и вступят в пределы твои по дороге Шимшатской»[130].

Но прежде чем посланцы царя Вахтанга достигли (кесаря), кесарь отправился в направлении страны Хазарской, из-за чего ему и стало недосуг идти в Картли. Тогда Вахтанг усилил крепости городские и отборных бойцов своих, бывших при нем, около ста тысяч всадников и ста тысяч пеших, расположил лагерем в Дигоми[131] и до врат Картли, а персы стали книзу от Цхенисцерпи[132].

А Вахтанг расширил Могветский мост до шестидесяти мхари[133], чтобы войска могли разминуться на нем. А царь и спаспет Джуаншер стояли во Мцхета, а Насра и Мирдата поставили над войсками Сомхити (Армении) и Картли, что стояли в окрестностях Армази. Когда персы сражались подле Армази, (воины Вахтанга) покидали Мцхета. Когда же войска направлялись в сторону Мцхета, вступали в схватку с ними на реке Арагви. Иногда переправлялись через Куру вброд – вступали в бой у Тбилисского брода. В иные дни одолевали те, в иные – эти.

А Вахтанг соорудил себе шлем из золота и изобразил спереди Волка, а на обратной стороне – Льва. И устремлялся он туда, где сдавали силы грузин, и под его натиском падали воины персидские, словно онагры под натиском львов. Впредь персам стало невмочь противостоять ему, ибо запомнили того, у кого выведены (на шлеме) Волк и Лев и при виде Вахтанга восклицали: «Дур аз Горгасал», что значит «Остерегайтесь головы Волчьей». После этого и нарекли царя Вахтанга Горгасалом.

Война меж ними продлилась до четырех месяцев. Тут прибыл гонец от кесаря и поднес дары Вахтангу и привел к нему до восьмидесяти тысяч конных воинов греческих и написал Вахтангу следующее: «Вернулся я из войны с хаканом и посылаю тебе восемьдесят тысяч всадников, а Леону я написал: «Ежели призовет тебя воинство – пред тобой раскинулись (земли) от Милитины[134] до Ламида и далее до Карну-калака», и повелел я Леону быть с тобою».

И дошла рать греческая до Джавахети. Когда же персидский царь узнал о приходе греков на помощь им (грузинам), то вступил в переговоры с Вахтангом. Отправил к нему посланника и сказал: «К чему мы истребляем друг друга? Мы же братья, дети Неброта! Коли огонь – это бог, то

да поможет он нам; мы же останемся в любви к пращурам нашим. И всякий из нас да благоволит служить по приязни духа своего».

Когда же явился этот посланник и поведал царю Вахтангу все порученное ему персидским царем – оно пришлось по душе Вахтангу и всему его воинству. Выдал царь Вахтанг дары, вернул посланника того и сказал: «Узрел ты силу креста, ибо до явления Распятого все цари приносили дань тебе. С явлением же его – победят тебя все уверовавшие в него, и данники твои греки воюют по сю сторону и развеяли очаги огнепоклонников. Отныне же, коли вступишь в борьбу с нами, чтобы отторгнуть нас от веры – помрем мы за нее, как помер Он за нас, и Он воскресит нас. Но ежели исполнишь ты слово свое и огонь перестанет быть тебе богом, но будет нам единым господом Христос, я сделаю тебя отцом и владыкой моим[135]. И хотя я первородный, но на престоле отцов наших восседаете вы».

После того, как высказали ему слова Вахтанга, тот уважил его и выдал Горгасалу богатые подношения, и среди них венец с анфраксовыми каменьями, и условились о поре встречи. Снялся царь персидский, отступил к Рустави; выступили они за заре, стали в долине Кала, ибо местность Тбилиси, как и крепость Кала, была разорена. А царь Вахтанг стал в Джачви, и сошлись в той долине оба царя. Поприветствовали друг друга и признали незыблемость каждого в своей вере. И пригласил в тот день Горгасал царя персидского с воинством его в Тбилиси и поднес ему тысячу рабынь, пятьсот рабов, драгоценных полотен златотканых – пятьсот, шелкотканых – пятьсот, кобыл – десять тысяч, лошадей вьючных – пятьсот, мулов – триста, волов[136] – четыре тысячи, овец – десять тысяч. На третий день Горгасал явился к нему, взяв с собой Леона – антипата кесаря, и имели совместные суждения. И просил антипат Горгасала о мире между кесарем и Хосро, ибо робели греки – а вдруг персы вторгнутся в Грецию и разорят ее, потому как все войска греческие полностью были в Хазарии.

И говорил Хосро Горгасалу: «Требуй от меня, что бы тебе ни заблагорассудилось, либо что бы ты захотел дать другому». А Горгасал ответил: «Желаю мира между тобой и кесарем». Сказал Хосро: «Огорчила меня просьба твоя, ибо греки, улучив время, обратятся с нами немилосердно. А я потому возлюбил тебя, чтобы вторгнуться в Грецию и отмстить им. А вот и посланник хазарского царя, уже десятый день как явился он к нам, но неведомо тебе о причинах вражды нашей. Нынче же я поведаю тебе о дерзости их в отношении нас, а затем я исполню волю твою, потому как обещал твердой клятвой, что не поступлю против воли твоей». И сказал следующее: «Ведомо тебе, что по сю сторону моря суть владения наши, выделенные нам со времен Ноя, а он ныне отвоевывает у нас Джазиру и Шам[137], да разорены города, а Шам – это наше царство. Но ведь половина Джазиры, определенная отцами нашими, является твоим уделом, а греки присвоили ее, и вот я хотел выступить, чтобы вернуть ее. Ну, а теперь удел предков твоих дели ты сам, это дело твое и греков. Но прочую часть Джазиры пусть греки вернут нам, этого я требую от тебя».

Когда же антипат Леон услышал все это, возрадовался весьма и, поклонившись обоим царям, сказал: «Пять городов Джазиры пусть достанутся тебе в собственность, ибо половину Сикилии[138], которую мы отобрали у тебя, – возвращаем, и пусть во дни наши установится мир меж тобой и им».

И сказал царь: «Кто знает, признает ли царь греческий дела наши». Но Леон сказал: «Когда царь отправлял меня в качестве уполномоченного своего, то некий богомудрый монах говорил

ему, что господь желает мира между тремя этими царями. И стало же так. А кесарь повелел книжнику составить письмо о мире. И вот оно – составленное то послание».

И сказав об этом, прочитали то послание, написанное клятвенно: «Я не востребую от вас ничего, кроме того, что дал царь Персии Иовиану». Призвал персидский царь посланника царя хазарского, а тот подстрекал персов против греков. Тут персидский царь принес свиток и собственноручно написал любезное послание греческому царю с признанием (государственных) рубежей и о возвращении Сикилии. Признал за ним Филистим с Иерусалимом. И сказал так: «Градом веры вашей является Иерусалим». И выдал Горгасалу дары: благовоний – три тысячи литр, амбры – пятьсот литр, мускуса – пятьсот литр, меринов – три тысячи, одеяний царских – тысячу и соболей – три тысячи.

И удалился Вахтанг восвояси; назавтра царь (персов) отправил Вахтангу Барзабана, личного мобидана, и уведомил Горгасала следующим образом: «Чего возжелаешь от меня – впредь я обещаю выполнять. Правь государством своим, как тебе заблагорассудится: разошли уполномоченных своих и получи города свои, кои я дал тебе (так же, как) и кесарю. А Барзабану я повелеваю отправиться к кесарю с целью получения им областей и городов ваших. Ты же ведай, что из-за всего этого дела разгневались на нас старейшины персидские, ибо они полагали, что я разорю Грецию, но я ныне пожаловал им два царства у рубежей моих. Теперь же у меня к тебе просьба: выдай сестру твою мне в жены и посети страну нашу отчинную, дабы повидать тебе родню твою и быть тебе самолично мне пособником против неприятелей моих – абашей и эламитов, хиндов и синдов, ибо пошли они на тяжкое злодеяние: унизили царствование мое. И теперь, когда ты явишься ко мне, – заявил бы я старейшинам и марзапанам моим: «Утвердил я любовь с моими друзьями, ибо так соблаговолил брат мой царь Вахтанг. Некоторые страны мы им отдали, но при их содействии мы сделали данниками неприятелей своих». Тем самым утихомирим гнев старцев на греков. Ты же самолично будь мне опорой, но рати твои пусть останутся на местах своих».

Тогда Вахтанг созвал своих советников, и антипат Леон говорил следующее: «Велико благо, отпущенное тобою грекам, более (заслуг) их царей, восседающих на престолах своих, ибо спас ты город Понтийский от погибели и выдал ты ему семьсот восемьдесят тысяч душ и ныне тобой будут даны ему Джазира и Филистим, коими ни один из греческих царей не овладевал мирно. И прав Хосро, ежели ты не уважишь его – никчемным сочтет его свой народ. Хотя он и не говорил тебе: «Вторгнемся в ту сторону», – ибо в этом и выражается полное согласие. Я дам тебе из моего войска десять тысяч вооруженных воинов, а сам отправлюсь совместно с твоими посланниками к кесарю, а оттуда примкну к тебе в Джазире с сильным войском».

Так советовал антипат Леон. И отнеслись благосклонно к его совету и царь Вахтанг, и все вельможи его. И выдал Вахтанг за царя персидского сестру свою, которую звали Мирандухт и которая некогда была пленена осетинами и которую выручил Вахтанг. А Хуарандзе он не выдал, потому что она была суженой питиахша армянского. И вывел Вахтанг сына своего, коего именовали по-персидски Дарчил, а по-грузински Дачи. Было ему пять лет; возложил на него венец и поставил царем и приставил к нему вельмож своих: начальный – спаспет Джуаншер, владетель Внутренней Картли и владыка всех эриставов; затем Деметре – эристав Кахети и Кухети; и Григол

– эристав Эрети; и Нерсаран – эристав Хунана; и Адарнасе – эристав Самшвилде; и Самнагир – эристав Внутренней Эгриси и Сванети[139]; и Бакур – эристав Маргви и Таквери[140].

И препоручил им сына своего Дачи и повелел возвести Уджарму[141] и воспитывать в ней царя Дачи, ибо счел эту местность удобной для охоты и овцеводства. И забрал с собой четырех вельмож своих: Артаваза – эристава Кларджети, Насара – эристава Цунды, Бивритиана – эристава Одзрхе и Саурмага – главного своего эджиба[142], и с ними заодно десять тысяч всадников, отобранных из его рати.

А Леон антипат оставил ему десять тысяч греков из собственного войска, а сам отправился к кесарю. А царь Вахтанг отрядил с ними посланником эристава Кларджетского Артаваза и отправил кесарю сполна все полученные от Хосро дары; только дорогие ткани и коней он оставил себе, а прочее все отослал и повелел Артавазу (вместе) с Леоном антипатом соединиться с ним в Джазире.

А мать и сестра Вахтанга Хуарандзе взмолились взять и их собой, чтобы помолиться в Иерусалиме. Забрал он их с собой и пошли царь Вахтанг и Хосро по Адарбадаганскому пути; а оттуда Вахтанг, его мать и сестра отправились в Иерусалим, а Хосро дожидался их в Антиохии. Вступили (в Иерусалим) и помолились в святое воскресение и поклонились всем святым местам, сотворили молитву в святое Вознесение, принесли жертвы обильные и вернулись в Антиохию[143].

А Леон, антипат кесаря, и Артаваз, эристав Вахтанга, явились с двадцатью тысячами отборных конников и поднесли Хосро неисчислимые дары от кесаря, и Вахтангу подношения необъятные. И передал кесарь через посланников радость и благодарение богу, и Вахтангу воздал хвалу и благодарения безмерные. И уведомил Вахтанга: «Повелеваю я Леону следующее: да будет он в страхе и в повиновении у тебя, равно как и у меня». И собралось под началом Вахтанга греков, грузин и армян пятьдесят тысяч отборных всадников.

Тогда царь персидский повелел Вахтангу: «Потому как матерь твоя и сестра премного утруждены, пусть они также прибудут в царство мое, чтобы совместно справить нам радость нашу. Затем, ежели они пожелают вернуться в Картли – пусть возвращаются по Ранской дороге[144]. А ежели пожелают дождаться тебя – пусть ждут тебя в городе Урха»[145].

Повеление Хосро пришлось Вахтангу по душе. И собравшись, совместно отправились. И разослал персидский царь всем вельможам своим вестников и уведомил их всех об этом. Они же возрадовались великой радостью, ибо, словно огнем, были охвачены (желанием) бороться против хиндов, синдов, абашей и джорджанов[146]. И прибыли в Багдад, и вышла им навстречу с великой радостью знать персидская. И справили свадьбу царскую, длившуюся шесть месяцев в неизбывной радости и увеселении. А по завершении свадьбы сделал богатые подношения матери и сестре Вахтанга, и те ушли в Урху. И все население персидское чтило Вахтанга наравне с царем своим Хосро. Затем отправились против врагов.

Спервоначала пришли в Джорджанети и захватили Джорджанети и разгромили все население, а на место их поселили племена персидские. И впредь джорджаны стали крестьянами и ныне являются данниками персов.

И вступили оттуда в Индию и совершили там бои и поединки мощные. А было там в обычае: перед тем, кто одолевал в поединке, бежал весь лагерь (побежденного). И поразил царь Вахтанг

пятнадцать бумберазов, которые повергли множество великанов персидских. И провели в боях в Индии три года, и захватили большинство земель Индии, однако укрепленных городов и крепостей не одолели, ибо были они опоясаны стенами. И взяли дань с царя персидского: мускуса – тысячу литр, столько же амбры, благовоний – десять кораблей; каменьев яхонтовых и изумрудных – целый корабль и вместе с ними сапфиров различных; золота – сто верблюдов, серебра – пятьсот верблюдов[147].

Оттуда вступили в Синдию. Тут царь синдов распределил ополчение свое по крепостям и городам. И в какую сторону ни направлялись персы, чтобы захватить синдов, эти выходили из крепостей и наносили персам жестокие удары. И пало бесчисленное обилие воинства персидского[148]. Однако воины вахтанговы силой Христа оставались невредимы и одолевали врагов повсеместно, но особым мужеством выделялись упомянутые четыре знатных (воина)[149] Вахтанга и грек Леон, ибо они уложили множество отважно сражавшихся витязей синдских. А царь синдов пребывал в городе Синдии. Тогда со всеми своими силами пришли в Синдию и там произошли жестокие битвы. И каждодневно самолично бился царь синдов, ибо был он мощный и отважный исполин; он выводил всадников синдских и происходили единоборства витязей. В иные дни побеждали эти, в иные – те. А царь синдов лично одолел всех витязей, сразившихся с ним, однако в продолжение многих дней сражений он не сходился с Вахтангом.

И тогда в том же поле, у ворот городских синдский царь за ночь вырыл глубокий ров для укрытия своих всадников, искусно проведя выходы из него, расположил в нем десяток отборных всадников. Рано утром выставил некоего витязя. А в тот же день быть у ворот стражем полагалось Вахтангу. Выступил сей витязь и вызвал его на бой, замыслив заманить его и предать тем упомянутым всадникам. Тогда Саурмаг, привратник* Вахтанга, выступил и сказал: «Ты не достоин единоборства с царем, в схватку с тобой вступлю я – холоп с холопом»[150], и ринулся на него. Но синд бежал, а Саурмаг, как это положено, стал его преследовать, ибо неоднократно приходилось ему сражаться в том поле. Когда же он проскочил мимо скрывшихся в засаде вышеупомянутых всадников, тут-то они и кинулись за ним в погоню. А бежавший внезапно повернулся к нему. Саурмаг насмерть поразил его копьем, однако десять остальных убили Саурмага.

Тут ринулся лично Вахтанг и трое тех знатных: Артаваз, Бивритиан и Насар, а заодно с ними и грек Леон. А синды те бежали и преследовал их Вахтанг с соратниками своими до самых городских ворот, но синды скрылись в городе. Вахтанг, исполненный печали, вернулся и горевал над прахом Саурмага, как над братом своим возлюбленным. Ибо и росли-то они вместе, (потому как тот) был племянником воспитателя его, отца Артаваза, преданный, благонадежный и доблестный.

Тогда царь синдов выступил из ворот городских и начал зычно голосить и сказал: «О, царь Вахтанг, подобен ты той вороне неразумной, что повстречалась раненому ястребу, коего побил орел; не в силах летать, был он обречен на погибель. Но ворона поступила наперекор принятым вороньим правилам. Ибо когда обычная ворона видит ястреба – начинает каркать во всеуслышание, оповещая прочих ворон и на ястреба налетает воронья стая, чтобы прогнать его из гнездовья его и устроить дни свои в благополучии, ибо и животным понятно своекорыстие.

---

* В оригинале «эджиб».

Ворона же не поступила подобным образом, но благодетельно сжалилась над тем ястребом. Перестала она растить птенцов своих и стала усердно собирать акрид и змей для ястреба, потому как добывать прочее несподручно вороне. Тем и содержала она ястреба. Когда же раны на крыльях ястреба зажили, сказал он в разуме своем: «Вот уж много дней питаюсь я акридами и змеями, но не вернулась мне мощь предков моих, ибо не дадут мне сил акриды. Ежели бы я мог нагонять птиц, то напитался бы ими; но схвачу-ка я покамест ворону эту – благодетельницу мою, съем ее и отдохну пару дней: прибудут мне силы и начну по обыкновению предков моих выходить на охоту». Потому и исполнил это: схватил ворону ту и съел ее. Затем начал охотиться на больших и быстрокрылых птиц. А вороне не воздалась слава за благодеяние ее, но говорят о ней, как о неразумном самоубийце. И не воздалась хула ястребу тому за неблагодарность его и немилосердие, ибо так оно и заведено в роду и обычае ястребов: исхудал бы и помер он от акрид и потому поступил он по правилам и спасся от погибели. Ворона же та поступила не по обычаю своему, потому-то и погибла.

Так вот персы, что изначально и поднесь и присно вовеки суть враги служителей креста, ныне являют им любовь в бессильном лицемерии. Но как грядет время, то не будет от них пощады и доброй памяти. Это не единожды случалось и познано нами из книг. И когда ты узрел обессиленных мною персов, не поступил так, как положено тебе было – ликовать и воздавать хвалу богу твоему и призывать прочие племена и звать врагов на персов и пособлять супостатам Персии. Не поступил ты так, но оставил дом отцов твоих и обратился в предводителя великого христианского войска греков и, пройдя двухгодичный путь, стал опорой персов. Но как только соберутся – обрекут тебя и страну твою на погибель и истребят сполна почитателей креста. Это ты воистину навлекаешь на себя и на головы служителей креста. Так, к чему привел я тебе притчу о вороне? К тому, что ты, государь самодержавный и отважный, доброхотно отдал себя в рабство врагам твоим. Так почему мне не назвать тебя неразумным?».

Тогда Вахтанг сказал: «Мнилось тебе, что говорил ты, убежденный оком мудрости. Однако лживы слова твои. Я выскажу и поведаю тебе истину. Безумный! Подобен ты кроту, лишенному глаз и жилищем коему служит подземелье; и неведомы ему сияние светила и прелести просторов, и доволен он существованием своим, поскольку считает, что все живое существует таким образом. И не желает он видеть света и прелестей неба и земли.

Таков и ты – слеп очами разума твоего и глух разумом ушей твоих, не видишь и не слышишь и не ведаешь жизни духовной, и не жаждешь войти в жизнь непреходящую, светозарную и беспредельную, в величие несказанное и непостижное. И неведом тебе господь – создатель всего сущего, которым и было сотворено все сполна.

В сей мир я пришел не за славой его, не ради службы персидскому царю, но ради служения создателю непостижному, троице единосущной, творцу мира, ради славы присно и по веки веков. Ибо появлением своим здесь я спервоначала спас Иерусалим – град святый, по которому ступала нога господа нашего Иисуса Христа и где творил он во спасение душ наших. Да затем спас я христианство от разора, ибо царю персов стало бы впору полонить все христианство.

И хотя страна моя была защищена мощью Христа и отвагой рати моей, но грекам было недосуг и не сумели бы им противостать. И так заведено у нас, уповающих на Христа, что за ближнего своего кладем душу собственную. А при сем душ спасено – тьма тьмущая, и вершил

я это, дабы господь создатель принял службу мою ему и отпустил мои прегрешения. И то, что говорил ты, мол, когда «персы соберутся, то станут врагами христиан», – я мощью и споспешением Христовым ныне спас христиан от великих бед, а затем творец ниспошлет милость уповающим на него.

Потому как не было нужды в спасении христиан, я лично явился сюда пособником персов. Так и должно было быть прежде всего ввиду родства моего с ними, а затем потому, что хотя персы не стоят за истинную веру, но научены в создателе и веруют в бытие духовное. Вы же совершенные невежды и неразумны и божественном, словно лошади и мулы, коих творец не сподобил быть служителями Его.

И разум твой – одно из отвратительных дел мира сего, потому как восхваляешь предательский поступок того ястреба, что сожрал его выходившую ворону. А природа наша в том и есть, чтобы положить души наши за благодетелей наших и удостоиться милости господней, и обрести жизнь присносущую и в мире этом добиться славы человеческой. И коли помрем мы во имя божие и заповедей его, войдем в бессмертие и жизнь обретем чрез смерть».

Тогда царь синдский сказал: «Велеречивы и пусты разглагольствования наши, но то, что говоришь ты, мол, «померев во имя господа моего, жизнь обрету чрез смерть», следовательно, ежели человеку ведомы грядущие величие его и блага, то в таком случае ему бы надлежало стремиться к удалению в потустороннее царство. Отныне мне понятно стремление твое к отбытию в потусторонний мир. Выходи на единоборство со мною, чтобы сраженному тебе обрести жизнь чрез смерть, ибо вельможа твой уже стал твоим предтечей и готовит тебе там пристанище».

Сказал Вахтанг: «Ныне смерть моя не зачтется мне во благо, ибо грешен я и не исполнил сполна заповедей господних и не вполне загладил грехи мои покаяниями, но мощен Христос, и не страшит меня смерть от руки твоей, ибо Он есть покровитель мой, коим огражден я надежно. Многомилостивый господь мощью своею самовластною чрез меня, раба своего, умертвит хулителя Его, и душа твоя отойдет во тьму кромешную, в геену огненную».

Тут и выступил царь синдский, а Вахтанг обратился к соратникам своим: «Уповайте на господа и крепите тыл мой». И Вахтанг выступил. Оба сжимали копья. И стали носиться по ристалищу и каждый из них стремился пронзить другого острием копья. Наконец синдский царь улучил миг и, готовый вонзить в Вахтанга копье, бросился, чтобы сразить его. Но по отваге, ловкости и стати своей Вахтанг увернулся и избег удара, обошел его, словно вихрь, и поразил синдского царя в левое плечо. Не спасла его твердость доспехов, и получил глубокую рану, потому как пронзил его на глубину с локоть. И пал царь синдский, и подошел к нему Вахтанг, протянул руку, схватил его за ногу и приволок к персидскому царю.

Тут все воинство гласом зычным воздало хвалу Вахтангу, и преисполнились радости царь персидский и весь лагерь его. И подходили все знатные к царю Вахтангу с приношениями и подносили дары. Затем персидский царь вызвал искусного врачевателя и приставил его к синдскому царю, чтобы исцелить его от ран и получить от него всю (страну) Синд. А синды в отсутствие своего царя имели (царем) сына его.

Тут царь Вахтанг дал совет царю персидскому отпустить синдского царя, взять с него дань и заложников, потому как покорить Синд было бы не по силам. Царю персидскому пришелся по душе совет Вахтанга: отпустил царя синдского, взял с него дань вдвое больше той, которую

взял в Индии, да двух сыновей в заложники, и всю эту синдскую дань персидский царь даровал Вахтангу.

Тогда же царь синдский в великой любви подружился с Вахтангом; прежде всего потому, что как попал он в руки Вахтанга, тот не умертвил его, а живым доставил персидскому царю; затем потому, что благодаря Вахтангу же был освобожден из полона. И поднес он Вахтангу дары превеликие и несравненные. И ушли из Синда на четвертый год по вступлении в него, и остались в целости города синдские: Синдила, Топори, Кимраи[151].

А оттуда вступили в Абашети. Абаши же населяли страну, окруженную водами и камышами, тут не ходили корабли, не бродили звери, и были они порубежны с Персией, и находились (в состоянии) затяжной войны. Однако течение вод изменили, камыши спалили огнем и полонили всю Абашети. И разделил царь персидский абашей надвое: одну половину оставил на месте, а другую – около тысячи домов – забрал с собой и расселил их по разным местам. Это и есть курды, потомки полоненных тогда абашей[152].

На восьмой год своего вступления в Персию Вахтанг вернулся в Антиохию и явился в Урху. А царь персидский предложил Вахтангу в супруги одну из своих родственниц царственных. Но Вахтанг сказал: «Не должно мне обладать двумя женами, ибо у меня в супругах уже есть дочь кесаря»[153]. Тягостно стало от этого царю Хосро, но не обмолвился о том, а Вахтанг встретил в мире мать свою и сестру, и отправились к рубежам между греками и армянами.

Грек Леон и воины его направились в Шимшат. А Вахтанг отправил гонца с поручением забрать супругу свою да католикоса Петра и епископа Самуила. Повернул Вахтанг в Картли, (здесь) вышли ему навстречу сын его Дачи, а заодно с ним и все спасалары, а вместе с ними и епископы. Но как проведал епископ, что царь отправил посланника, чтобы привести католикоса и епископов – огорчился и даже стал протестовать и сопротивляться, отправил (гонца) к царю со словами, а именно: «Ты, видать, отрекся от Христа и начал уповать на огонь»[154]. Но Вахтанг отправил к нему гонца со словами, а именно: «Мощью Христа вступил и по праву мощи Христа же выступил я, и, ведает бог, нет на мне вины. Но я отправил посланника, чтобы вызвать католикоса и епископов».

И как только услышал об этом епископ, поверил и решил смятением оттянуть то дело – прибытие их; и проклял царя и всю рать его. Но царь сказал: «Потому как мы не в чем не повинны, надлежит нам быть смиренными». Прибыл царь и спешился, чтобы приложиться к стопам епископа, но тот брыкнул ногой и каблуком обуви ударил государю в уста и выбил ему зуб. Но царь ответил: «Сия наглость и гордыня твоя – козни дьявольские. Ежели тебя возмутило обилие грехов моих, ты не вправе озлобяться, но прощать, как глаголит Евангелие, а именно: «Не гаси светильник чуткий, не попирай тростник растоптанный»[155]. Тебе же мнится, будто своими кознями ты прервешь в нас любовь ко Христу, и особенно стало очевидным коварство твое, когда узнал ты, что в Картли приведен (человек), которому будет поручено стоять над тобой, и загорелся ты злою завистью, словно Иуда к Петру, ибо подобен ты Иуде, а церковь подобна Петру. Ты – сребролюбец и казначей Христов[156]. Ныне я отсылаю тебя к патриарху в Константинополь и да рассудит он тебя по праву».

И отправил его с посланниками и с ним зуб свой, просил патриарха спешно выслать католикоса и двенадцать епископов. А из них (просил) католикосом Петра и епископом – Самуила, а прочих –

кого бы заблагорассудили. И как достиг епископ Микаэл (Константинополя), говорил ему патриарх: «Потому как из-за тебя пролилась на землю кровь – ты не достоин быть епископом, к тому же за дерзость в отношении царя ты заслуживаешь казни, ибо сказано: «Повинуйтесь царям вашим, ибо не беспричинно вооружены они мечом, но от бога властвуют, словно львы среди овец». И заточили епископа Микаэла в монастырь Бдящих.

И отправили священника Петра и монаха Самуила в Антиохию. И написали патриарху антиохийскому кесарь и патриарх константинопольский следующее, а именно: «Спервоначала у истоков обращения Картли женщиной-римлянкой был направлен туда епископ, ибо между персами и греками происходила смута и потому не довели до всех законов веры: поскольку ведомо вам, что Картли и Восток и Север принадлежат святому престолу, как о том установлено в благовествованиях апостолов, и им-то и предоставлены преимущества». И сообщили о всех делах великого царя Вахтанга, а именно: «Того епископа, что был ими поставлен, мы выдворили, и отныне Картли воистину новообращенная. Ныне благослови этих двух, требуемых ими, а из прочих двенадцати благослови тех, коих тебе заблагорассудится. Пусть отправятся к нам, дабы отпустили мы их с дарами и (всем) необходимым». И патриарх антиохийский благословил двенадцать епископов[157] и Петра в католикосы.

И прибыли они в Константинополь. Царь поднес им многочисленные дары, и дочь свою именем Елена отдал в супруги Вахтангу и отрядил ей в сопровождение великую рать до рубежей Армении. Здесь их встретил царь Вахтанг, после чего и вернулись воины греческие. И отправились грузины во Мцхета.

А во Мцхета царь Вахтанг воздвиг церковь апостолов Светицховели, которая является великим Сионом, и воздвиг Столп[158] к югу от места, на коем стояла разрушенная прежде церковь. И посадил в ней католикосом Петра, и в епископстве же Мцхетском епископом – Самуила.

И посадил одного епископа в Кларджети, в церкви Ахизы; одного – в Артани Эрушетской; одного – в Цунде Джавахетской; одного – в Манглиси; одного – в Болниси; одного – в Рустави; одного – в Ниноцминда у подступов построенной Горгасалом Уджармы; одного – в им же отстроенном Череми и там же выстроил город между двумя церквами, которые сам же воздвиг; одного – в церкви Челети, которую выстроил он в центре деревни; одного – в Хорнабуджи и одного – в Агараки, что расположена напротив Хунани[159].

Вслед за этим воздвиг Никозскую церковь[160], в том самом месте, где был алтарь огнепоклонников, и посадил епископа; тут же хранились мощи святого Раждена[161], что был замучен персами во время похода Вахтанга.

Сей Ражден был воспитателем супруги Вахтанга – дочери персидского царя, на которой он был женат первым браком; и обратился он в христианство и стал зело верующим. И был он мощен в том сражении. Схватили его персы и понуждали его отречься от Христа, но святой сей избрал себе непреходящую славу и был замучен за Христа.

И было у Вахтанга от жены-гречанки три сына и две дочери. А первородному сыну от первой же супруги – Дачи – дал он город Череми и Некреси, и город Камбечовани, который есть Хорнабуджи; и все земли восточнее Куры. Сам же Вахтанг расположился в Уджарме и свыше меры застроил ее. А сестру свою Хварандзе отдал в супруги питиахшу Сомхити Бакуру.

И как прошло после этого некоторое время, помер Хосро – царь персидский, вместо него сел сын его Хосро. И были усилены персы, потому как со вступлением в союз с ними Вахтанга враги их полностью покорились им. (Царь Персии) двинулся на войну против греков и отправил Горгасалу посланника со словами: «Опочил отец мой, и весь народ его посадил меня на престол его. И повелели мне старейшины мои предстать пред тобой и повиноваться воле твоей и чтобы ты, о царь, возглавил нас, предводительствовал нами в этом нашем вторжении в Грецию. И выдай мне в супруги дочь твою, дабы быть мне равным сыновьям твоим». А когда явился посланник к царю Вахтангу, Вахтанг воздвигал Тбилиси: начинал закладывать его основы[162].

И как передал посланник поручение царя Хосро, царь (Вахтанг) ответствовал: «В таком случае говорят: «Кузнец, закали меч твой, чтобы скорей пронзить им члены твои». В ту пору дни Вахтанга подступали к шестидесяти годам и потому ответил так: «Скажите царю Хосро: прежде готовься к войне с нами и (лишь) через нас вторгайся в Грецию, ибо всякая сила созидается мощью Креста. Отныне жизнь наша в уповании на Распятого».

И разослал вестников, чтобы (народ) покинул маломощные деревни и города и бежал к кавкасианам и в Кахети, ибо Кахети была сплошным лесом и неприступной для врагов. А царь Дачи и племянник* его (Вахтанга) удалились в Кахети и вступили в долину Лопоти[163] – землю, опоясанную скалами; и жили там люди, поклонявшиеся огню и воде, и долина та была переполнена людьми до самого Носори[164], а супруга и дети Горгасала скрывались в долине Уджармы. Сам же стал в передовой крепости и вместе с ним были Джуаншер и Адарнасе. А во Мцхета оставил он Деметре, Нерсе и Бивритиана и отправил к кесарю посланника с вестями.

Пришел царь Хосро и сокрушил город Камбечовани, крепость Череми и Велисцихе, и как вступил в Кахети, разбили лагерь на берегу Иори. А воины вахтанговы стали на равнине вокруг укрепленного города, который именуют Дарпака[165].

И схватились на берегах Иори и сряду три дня сражались, и пало с обеих сторон множество воинов. И подозвал Вахтанг католикоса Петра и сказал ему: «Ведай, что не ради наложения на нас дани воюют они против нас, но из стремления отринуть нас от Христа. Ныне мною решено так: жизни моей я предпочту погибель во имя Христа, дабы обрести царство божие, заповеданное тем, которым сказано: «Кто положит голову во имя мое – тот обретет Его».

Ответствовал ему католикос Петр: «Ты явил дела, каковых не являл никто из рода твоего в помощь пособникам Христа. Ибо мудрости твоей ведомо, как сей супостат, испытывающий нас, стремится отвести нас от господа, подобно Иову. Ибо господь предаст погибели невзлюбивших его, а возлюбленных своих сподобит господу. Живи по завету господнему, дабы не погибнуть нам». И этими словами он предрек ему смерть в том побоище, и говорил: «И не одна только Картли будет предана разорению, но и Иерусалим, что явлен матерью всех детей крещения».

И сказал царь: «Стань в церкви святого Раждена, возведенной мною в пределах пригорода Уджармы, и я не верю, чтобы были осилены все города в окрестностях Уджармы, ибо нами воздвигнуты ограды твердые и мощные». И католикос поступил, как положено. И собрались там все святые епископы.

* Дословно: «сын сестры».

И была рать Вахтанга в двести тысяч, а персов – семьсот сорок тысяч. И разделил Вахтанг свое войско на три чести: к скале направил он пеших; в другую сторону – отправил питиахша и спаспета, а туда, где располагался царь персидский, отправился самолично с воинством около ста тысяч.

На рассвете, когда рассеялся ночной туман, Вахтанг прибыл к войску и обратился ко всем воинам своим: «Всякий, кто избежит смерти, не принеся головы или руки врагов наших, будет умерщвлен нами». И как только разверзлись врата небесные, ринулся и прорвался до покоев (персидского) царя. Ворвался в шатер царский, однако царь успел вскочить на коня, но (Вахтанг) поразил сына его Бартама и отсек ему голову. И здесь же некий перс вонзил Вахтангу в грудь стрелу, а побоище длилось до полудня. Одолел Вахтанг персов тех и побил их до ста тридцати тысяч, а из воинов вахтанговых погибло около двадцати восьми тысяч. И забрали добычи около ста тысяч лошадей, но по причине их множества не сумели пригнать их сполна. Отступил отсюда царь Персии и стал в Рустави. И усугубилась рана Вахтанга, ибо стрела прорвала ему легкие. Ушел он в Уджарму, а спасаларам картлийским велел оставаться на местах.

Проведали персы о тяжелой ране Вахтанга, разорили Тбилиси и город Армази[166], однако Мцхета захватить не сумели, но все, что было за пределами ее стен, разорили сполна, все – от Мухнари до заводей арагвских.

А греческий царь, тесть Вахтанга, помер, и царем воссел сын его Зенон[167]. Выступил он в Спери, (чтобы) войти в Картли. Но, узнав о тяжелом (состоянии) Вахтанга, стал в Карну-калаке. Явился туда Хосро, и схватились Хосро и кесарь в Карнифоре[168]. И погибло с обеих сторон столько воинства, что образовалась кровавая река; оттого-то и стала именоваться местность та Карнифорой, то есть кровавым чревом. И не одолели друг друга, ибо пали войска обоих и вернулся Хосро по дороге Картлийской[169].

А Вахтанг, почуяв приближение кончины своей, призвал католикоса, супругу свою, сыновей да всех знатных и говорил им: «Ну, вот, ухожу я к господу моему и благословляю имя его, ибо не отринул он меня от лона избранных своих угодников. Ныне же заповедую вам стоять твердо в вере и искать смерти во имя Христа, дабы обрести непреходящую славу его».

И говорил всем знатным: «Вы, исконные жители Картли, поминайте добродеяния мои, ибо в доме моем вы изначально сподобились вечному крещению, и я воплощенным величием моим восславил вас в роде моем. Не презрите дом наш и не оставляйте любви к грекам».

И сказал сыну своему Дачи: «Ты – первородный сын мой, и тебе я поручаю венец царский мой, а братьям твоим отдаю в удел (территорию) от Тасискари[170] и Цунды до Сомхити и Греции; пограничная с Абхазией (область) между Эгрис-цкали и Клисурой принадлежит собственно братьям матери твоей, пусть тем и владеют они и останутся эриставами потомству твоему».

И призвал Насара – эристава Цунды, Артаваза – эристава Кларджети да Бивритиана – эристава из Одзрхе и поручил им супругу свою Елену и сыновей своих, коих звали Леон и Мирдат, и в слезах вверил их троих тем эриставам и божьему призрению.

Итак, для вельмож и всего люда наступил час испытаний, воплей и рыданий, посыпали головы свои пеплом и мечтали о собственной смерти. И содрогалась земля от звуков стенаний, верующий люд молился за душу желанного царя, во славу Христа убиенного. И преставился

Вахтанг и был погребен во Мцхета, в соборной церкви Светицховели, в коей он упокоен под сенью богозданного Столпа[171].

II

И воссел на престол его сын Дачи. А супругу и двух (прочих) сыновей Вахтанга увели трое тех эриставов и завладели западной Картли, которую (им) дал Вахтанг. И проживали летом они в Цунде, а зиму проводили в Одзрхе. И не именовались они царями, но главами эриставов и пребывали в повиновении брату своему – царю Дачи.

А сей царь Дачи начал застраивать Картли[1], ибо были разорены все земли грузинские, за исключением Кахетских, Кларджетских и Эгрисских. И завершил он ограды Тбилиси, и как было повелено о том Вахтангом, превратил его в дом царский.

И помер католикос Петр и заменил его Самуил. И царь предложил ему Мцхета, ибо на то была воля Вахтанга. Этот же царь Дачи призвал горцев Кахети признать Христа. Однако те не выказали желания; отступились полностью и нухпатийцы[2].

А из тех двух сыновей Вахтанга, рожденных от супруги-гречанки, помер тот, коего звали Леон, и остался лишь один Мирдат. С этим Мирдатом договорился брат его Дачи: царь поменялся с ним владениями и забрал у Мирдата (области) между Эгрис-цкали и Клисурой[3] – пограничную с греками округу матери Мирдата, а взамен отдал Джавахети от Паравана до Куры. Овладел сын Вахтанга Мирдат (землями) от Паравана и Тасискари до моря Сперского[4] и эриставствовал там, оставаясь в повиновении брату своему – царю Дачи. Он воздвиг в Джавахети церковь Цкароставскую. И помер царь Дачи.

И сел царем сын его Бакур. И помер Бакур.

И сел царем сын его Фарсман. И помер католикос Самуил, и сел католикосом Тавпечаг. И помер Тавпечаг, и сел католикосом Чермаг.

И со (времени) Вахтанга по сю пору эти цари пребывали в мире и дети Мирдата повиновались детям Дачи.

В пору царствования этого Фарсмана пришли персы и разорили Картли и Ран. А царь грузин Фарсман просил персидского царя не разорять церквей и держать Картли в вере Христовой. И потому как в ту пору грекам было недосуг: на востоке восстали неприятели и оттого невмочь им было пособлять грузинам и противостоять персам, (Фарсман – царь картлийцев – просил царя персов не разорять церкви и оставить Картли в лоне веры Христовой). Тогда царь персов внял мольбе его и уберег церкви. И Фарсман начертал за собой покорность ему и службу, и удалился царь персов.

Отныне разделились потомки царя Вахтанга, так как дети Дачи повиновались персам, а дети Мирдата остались в подчинении грекам[5].

Помер Фарсман и сел царем племянник[*] его, коего именовали также Фарсманом.

И был он веролюбив, как и дядя его. И приумножил красу всем церквам.

И помер католикос Чермаг, и тот же царь Фарсман посадил вместо него Савву. От сей поры уже не приводили католикосов из Греции, но назначали их из знатных родов грузинских. И помер католикос Савва и тот же царь посадил католикосом Евлавтия.

В пору того же Фарсмана явился из Междуречья Иован, коего именовали Зедазаднели, просветитель Картли и очиститель веры, строитель церквей, который совместно с учениками своими явил множество чудес, коими они изумили всех грузин. И были написаны книги о чудотворствах, и были (эти книги) оставлены в церквах картлийских.

А[6] от царствования царя Мириана до второго Фарсмана прошло двести пятьдесят лет. Царей преставилось четырнадцать. А со времен Вахтанга католикосов преставилось восемь. И помер Фарсман. И сел царем сын его Бакур.

Сей Бакур был веролюбив и созидатель церквей. Он умножил число церквей и священников в царстве своем. И очистил Картли от всякого неверия[7].

И помер католикос Евлавтий и тот же царь посадил католикосом Макария.

В ту же пору в Персии царствовал (правитель), коего звали Урмизд.

И в ту же пору в Сомхити был некто по имени Васкен, сын мтавара. За ним в супружестве состояла дочь Вардана – (также) мтавара[8] – и звали ее Шушаник. Однако этим Васкеном завладел дьявол и решил он обратиться в огнеслужителя: отправился к царю персов для отрешения от веры Христовой, и сделался огнепоклонником. А царь персидский с великими дарами сделал его эриставом Рана. Когда же он явился и жена его Шушаник узнала о том, что он покинул веру Христову, отказала ему в супружестве. И забыла она любовь к супругу своему и всем сердцем прилепилась к заповедям Христовым.

Тогда Васкен прибег к многим мерам, вначале к лицемерию и увещаниям и подношениям даров; затем подверг ее жестоким истязаниям, по обилию которых мне невмоготу (обстоятельно) описать подвиг святой Шушаник. И умертвил ее супруг ее Васкен, правитель Рана.

Тогда Бакур, царь грузин, созвал всех эриставов своих, негласно собрал ополчение и скрытно пошел на Васкена. Васкен же пребывал за пределами долины, на берегу Куры, где впадает в нее река Анакерт; и нагрянул и схватил (Бакур) Васкена, расчленили его и развесили по древу. А прах святой Шушаник с великими почестями забрали и погребли в Цортаве.

Этот царь Бакур отправил посланника к царю персов и уведомил его обо всем происшедшем и просил у него прощения. Тогда царь персов, поразмыслив в уме своем, произнес: «Ежели разгневаюсь на грузин, они примкнут к грекам», и решил пощадить, вернул посланника Бакура с добрым ответом, ибо всю хулу и вину возложил на истребленного Васкена и оправдал Бакура в убийстве его. И отправил в Ран и Мовакан другого эристава, коего звала Дарел, и заповедал ему быть в добре и дружбе с грузинами.

И помер католикос Макарий, и тот же царь посадил католикосом Свимона. И помер Бакур, оставив малолетних детей, которые не могли удерживать царство.

---

* Дословно: «сын его брата».

Тогда царь персов Урмизд отдал Ран и Мовакан сыну своему, коего звали Касре Амбарвез. Пришел тот и сел в Барде, и стал сзывать эриставов картлийских: обещал им обильные добродеяния и утвердил их владения в наследственность их грядущим поколениям и таковым лицемерием сманил их к себе. И отложились эриставы и каждый сам приносил дань Касре Амбарвезу.

А дети Бакура остались в горной Кахети. Дети же Мирдата – сына Вахтанга, которые правили в Кларджети и Джавахети, те остались в горах Кларджетских. Всей остальной Картли, Арменией и Аспураганом завладели персы и боролись с греками.

Вслед за этим, спустя немного лет, в Персии случилась великая смута, ибо вторгся в нее царь турок; пришли греки, схватились с персами в Междуречье, обратили их в бегство и вступили в Персию и приступили к ее завоеванию. Тогда Касре Амбарвез покинул Ран и Картли и двинулся на подмогу отцу своему.

И вот, как только стало недосуг персам, сговорились эриставы Верхней и Нижней Картли[9] – и отправили посланника к греческому царю, и просили его определить им в цари кого-либо из рода царей картлийских и чтобы каждый из эриставов этих неизменно оставался в эриставстве своем.

Тогда кесарь уважил просьбу их и дал им в цари племянника[*] Мирдата – сына Вахтанга от супруги-гречанки, – коего звали Гуарам и который правил в Кларджети и Джавахети.

Этому Гуараму кесарь пожаловал сан куропалата и отправил в Мцхета.

А дети царя Бакура, из рода Дачи, сына Вахтанга, коему царствование было пожаловано царем Вахтангом, – остались в Кахети. И овладели Кухети и Эрети от Иори и сели в Уджарме и были в повиновении у куропалата Гуарама[10].

Тогда кесарь выслал куропалату Гуараму великие сокровища и повелел ему на те сокровища собрать и вывести с севера ополчение и, присовокупив к нему воинов картлийских, отправить их в Персию. Гуарам же поступил так: вывел осетин, дурдзуков и дидойцев и дал им в предводители эриставов картлийских. Вступил в Адарбадаган и приступил к захвату. И таковые беды и неурядицы свалились на персов.

Тогда появился в Персии некий человек по имени Барам Чубин. Он воевал с турками, вторгшимися в Персию, как о том доподлинно писано в истории персов, убил Савву – царя турок и обратил в бегство лагерь их. А то войско греков, что вторглось в Персию, повернуло и удалилось восвояси. И северяне, присланные куропалатом Гуарамом, также вернулись к себе, ибо как только персы разделались с турками, картлийцы оробели и напал на них страх и трепет перед персами.

И начал сей куропалат Гуарам укреплять крепости и города.

И вновь ниспослал господь милость христианам – в Персии возникли новые раздоры, ибо тот же Барам Чубин отложился от персидского царя и выжгли глаза царю Урмизду братья его жены, и вступили в междоусобицу Чубин и Касре. Касре был изгнан Чубином и бежал в Грецию. Кесарь

* Дословно: «сына сестры».

Маврикий дал Касре в супруги дочь свою, дал ему также войско свое и отправил против Чубина. Бежал Чубин из Персии, и Касре овладел ею.

Тогда Маврикий позаботился о грузинах перед Касре и сказал: «С той поры, как грузины оставили идолопоклонство, они находятся в повиновении у греков. Потому как в пору вашего засилия Картли была разорена, у вас нет права на нее. Ныне же, когда я и ты по божьей воле пребываем в полной взаимной любви, пусть Картли останется свободной от нас и в покое: я пособник и попечитель всех грузин и всех христиан».

Тогда персидский царь подчинился кесарю, и грузины обрели свободу. И сей куропалат Гуарам стал у греков в повиновении.

Был он человеком веролюбивым и созидателем церквей. Он заложил честную церковь Джвари[11]. До сей поры Джвари находилась на равнине, а возвел он церковь лишь до половины.

И правил он благодетельно и безмятежно. Однако эриставов картлийских не сместил с владений их, ибо те имели на свои эриставства наследственные грамоты от персидского царя и от царя греческого. Но были в повиновении у куропалата Гуарама.

И помер католикос Свимон и заменил его Самуил. И помер католикос Самуил и посадили (другого), также Самуила.

Этот же куропалат Гуарам обновил основы Тбилисского Сиона, ибо потомки благоверного царя Мириана были все строителями церквей.

И помер куропалат Гуарам.

И сел сын его Стефаноз. Однако из страха перед персами и греками не дерзнул (присвоить) себе звания царя, но признали его главой[12] эриставов. И помер католикос Самуил и этот Стефаноз посадил католикосом Варфоломея. А сей Стефаноз, безверный и небогобоязненный, не послужил он господу и не прибавил он вере и церкви.

В пору его в Греции произошел великий мятеж: от кесаря Маврикия отложился полководец Фока и истребил он кесаря Маврикия и детей его. И полководец Фока завладел Грецией. Тогда зять кесаря, персидский царь Касре, начал мстить за кровь тестя и братьев жены своей вторжением и захватом Греции. Осилил он греков, не мог кесарь Фока ему противостоять, а Стефаноз, мтавар картлийский, испугался царя персов, отложился от греков и примкнул к персам.

В ту же пору царь Касре полонил Иерусалим и увез Древо Жизни[13]. Но после этого господь отвел от Касре руку милосердия: схватил его собственный сын, заточил в темницу и помер тот от злого недуга.

А в период этого Стефаноза Мцхета мельчала, а Тбилиси расширялся, Армази разорялась, Кала[14] же возводилась. А брат Стефаноза – по имени Деметре – строил честную церковь Джвари, и хотя была в нем болезнь злая, не в силах ему было отлучиться от врат церковных. А Стефаноз правил над всей Картли, и сел в Тбилиси, и повиновался он персам.

Спустя несколько лет после этого в Греции появился некий человек, сородич кесаря Маврикия, по имени Эракл[15]. Он убил кесаря Фоку и захватил Грецию. Усилился он и привел с запада турок, собрал войско бесчисленное и двинулся на Персию на розыски Древа Жизни, и прежде вступил в Картли.

Этот Стефаноз не изъявил воли отложиться от персов и укрепил города и крепости и стал в Тбилиси. Прибыл царь Эракл и подступил к Тбилиси. Но Стефаноз был всадник смелый и

отважный; каждодневно он выходил за городские ворота и вступал в схватки с греками. Тогда, в том же сражении, одолели Стефаноза и убили его. И захватил кесарь Тбилиси.

Но в крепости Кала остались люди и не покорились царю; из крепости глава ее стал поносить царя и сказал: «Борода на тебе козлиная и козлиная выя твоя». Тогда царь повелел: «Поелику сей человек надругался надо мной, назвав меня козлом, слова его не должны быть бессмысленны». И взял книгу пророка Даниила и разыскал в ней следующие строки: «Выступит козел с Запада и сокрушит он рога овна Востока»[16]. И возрадовался тот царь и убедился, что непременно одержит победу над персами.

Тогда кесарь призвал сына царя грузин Бакура из рода сына Вахтанга Дачи, который был эриставом Кахети и коего звали Адарнасе[17], поручил ему Тбилиси и обязал главенствовать в Картли. И приставил к нему эристава, коего звали Джибга, и повелел им завоевать Кала, а сам отправился на войну с персами.

И через немного дней забрали Кала и схватили того начальника крепости. Эристав (Джибга) вначале набил ему драканами рот, речением которого, мол, был приведен в восторг кесарь. После этого содрал с него кожу и отослал ее кесарю в Гардабани, за то, что тот поступил дерзко по отношению к царю.

Вот какой смерти были подвергнуты Стефаноз и прислужники его. Потому-то и причинил господь все это мтавару тому Стефанозу, что не в уповании на господа здравствовал он, но преследовал верующих и был в дружбе с безверными.

Тогда вновь захватили греки пределы Грузии: Спери и приморские окраины Кларджети. А дети Стефаноза остались в горах Кларджетских; всей остальной Картли силой овладел сын Бакура, будучи мтаваром не дерзнул он именовать себя царем. А эриставы те порознь пребывали каждый в своем эриставстве неизменно и повиновались мтавару Адарнасе.

А царь Эракл вторгся в Персию и убил царя Хосро, захватил Багдад и увез Древо Жизни. И по Картлийскому же пути вернулся к себе, спустя семь лет после того, как прошел (на восток). А честную церковь Джвари и Тбилисский Сион завершил мтавар картлийский Адарнасе.

Тогда царь Эракл забрал из Манглиси и Эрушети подножные доски и гвозди господа нашего Иисуса Христа, что были даны Мириану Константином.

Раздосадовался Адарнасе, мтавар картлийский, и молил кесаря не забирать тех богоданных даров. Не внял кесарь мольбам его и забрал.

А в пору (правления) этого Адарнасе преставились три католикоса: Иован, Бабила и Табор.

Помер Адарнасе и правителем стал сын его Стефаноз.

Этот Стефаноз был более всех царей и мтаваров картлийских веролюбивым и очистителем веры[18], строителем церквей. Это он обнес оградой честную церковь Джвари и возвел дворцы и установил пятничные сходы, на которые собираются все епископы и с ними заодно священники тех мест и окрестностей пред честным Джвари, славят пятницу, как подобает то великой пятнице. А в католикосате же собираются каждый четверг и восславляют святой Сион, как в великий четверг, в таинстве плотью и кровью Христа. А во Мцхетском епископате каждый вторник собираются и творят поминание первомученика Стефана[19] и всех мучеников, что были закланы в пору великого засилия персов, и епископа Некресского Абибо, что обратил (в христианство) большинство горцев к востоку от Арагви. А честной прах его упокоили в Мцхета, в епископате, в

погребальнице епископской. И в день поминовения его более, чем в прочие дни поминовений, сходятся и восславляют господа[20].

В ту пору явился Мухаммад из рода Исмаила, проповедник веры сарацинской, и завладел он всей Аравией и Иеменом. И помер он, а место его занял Абу Бакр, и вторгся он в Персию, потому что в Персию же вторгся Эракл и разорил ее. И не было в Персии никого, кто бы противостал. Агарянин сей Абу Бакр завоевал Персию, вступил в Багдад и силой сей вынудил большинство покинуть огнепоклонство и обратиться в сарацины. И помер он и был вместо него Омар, и усилился он пуще.

Сказали царю Эраклу, что агаряне вторглись в Шам и Джазиру, что являет собой Междуречье. И выступил Эракл в сторону Палестины, чтобы воевать там. Но там оказался некий монах, божий человек, и он говорил царю: «Бегите, ибо господь отдал Восток и Юг сарацинам, что в переводе значит псы Сары»[21]. Слова этого монаха подтвердили царю Эраклу и звездочеты, и все прорицатели. Царь Эракл воздвиг столп и начертал на нем: «Прощайте, Междуречье и Филистим, покуда не пройдут седмь седмиц». О пределах этого срока философы узнали из книг Гермеса Трисмечистона, и (срок этот) равен двумстам пятидесяти годам.

Тогда все из знатных родов греческих стали зарывать в землю сокровища свои, чтобы по возвращении разыскать их и не знать трудностей в их розыске.

И прошествовал кесарь Эракл по дороге Рана и во второй раз вступил в Картли. И говорил природным персам, что скрывались здесь от сарацин: «Наконец-то поняли вы, что завершилось царствование ваше; бросьте север и переходите к нам». И они оставили страну эту, запрятав (здесь) сокровища свои; некоторые пошли за (Эраклом), а некоторые остались и составили грамоты, указали (в них) роды свои и земли, чтобы по возвращении греки по тем грамотам могли разыскать родичей и каждому вернуть земли их и сокровища.

А у Стефаноза было два сына – Арчил и Михр. И поделил он между ними все состояние царства своего, золотую и серебряную казну и каменья драгоценные: и половину забрал в страну Эгрисскую и взял с собой сына своего первородного Михра; а половину состояния отдал Арчилу – младшему сыну своему. А Арчил большую (часть) казны зарыл в ущелье Кахетском; а утварь золотую и серебряную – в ущелье Уджармском; казну картлийскую и джавахетскую оставил в Гори, который тот же Эракл определил хранилищем для той части их казны, которую не сумел забрать с собой. Название Гори есть Тонтио, что переводится как «Золотая гора». И оставил на нем оберег, чтобы никому не удалось разыскать. И сокровища всех картлийских церквей скрыл под сенью великого Сиона Мцхетского. И спустя немного времени Арчил также вступил в Эгриси[22].

Ибо подступил к Картли агарянин амир, коего звали Мурван Глухой, сын Мухаммада и коего отправил (в Картли) Эшим[23] амир ал-му'менин Багдадский, сын Абдал-Мелика Багдадского[24] из того же племени. Потому было дано ему второе имя Глухой, что не считался он со словом рассудительным[25].

И все мтавары и питиахши, потомки эриставов и вельмож бежали в горы Кавказа и скрылись в лесах и пещерах. Обошел Глухой все земли Кавказа, захватил Врата Дариала и Дербенда и сокрушил все города и большинство крепостей в пределах Картли.

И узнавши, что цари картлийские со всей родней ушли в Эгриси, а оттуда скрылись в Абхазии, стал преследовать их по пятам и сокрушил все города и крепости страны Эгрисской. Разрушил трехстенную крепость Цихе-Годжи, разгромил и прошел порубежную стену Клисуры[26]. А (в пору) нашествия его католикосом был Табор.

И как только прошел Глухой Клисуру, которая была в ту пору рубежом между Грецией и Грузией, разгромил город Апшилети Цхуми и подступил к крепости Анакопия, в которой пребывает нерукотворный, свыше ниспосланный образ пресвятой Богородицы и о котором неведомо, кто явил его на вершину той горы, граничащей на юге с морем, а на севере – с лесом болотистым. В ней (Анакопии) пребывали тогда цари картлийские Михр и Арчил. Отец же их помер и был погребен в Эгриси. А эристав кесаря Леон находился в крепости Собгиси[27], расположенной на Осетинском перевале. И никто не мог противостоять Глухому, ибо были войска его многочисленнее лесов Эгриси.

Говорил тогда Арчил брату своему Михру: «Обречен сей город-крепость на погибель. И уж коли схватят они нас, разведают о сокрытых в земле нашей сокровищах, кои стяжали богомудрые цари Мириан, а затем Вахтанг и все дети их, что породили нас. Да потребуют и то, что сокрыл царь Эракл, полную опись чего положили мы заодно с обоими венцами с изумрудным и червленым яхонтом, которые отец наш великий царь Вахтанг вывез из Индии и Синдии; зарыли мы их в Уджарме, близ двух незащищенных башен. И все то запечатлено в памяти моей. И забери ты оба те венца, золотой и анфраксовый: один – царя Мириана, другой – Вахтанга, что пожаловал ему персидский царь заодно со златом и серебром, которыми он навьючил пятьсот животных и две тысячи пеших (людей). Ты и отец наш положили все это в Кутаиси и Цихе-Годжи. Я же те венцы мои и грамоты, скрепленные свинцовыми (печатями)[28], положил отдельно. И если мы ныне помрем, то все те сокровища останутся неведомыми, и с приходом греков да разыщет их кесарь в пользу рода нашего и даст ему царство и сокровища те. И не станем мы отныне причиной разорения Картли и Греции, но уйдем и будем сражаться на этой стороне приморья. Да ежели будет воля господня, один прогонит тысячу, а двое – десяток тысяч».

И пришли пред святой образ пресвятой Богородицы, поверглись пред ним и говорили: «Уходим в уповании на сына твоего и господа нашего, что рожден тобою, будь представительницей пред ним за нас и яви нам милость твою». И было при них немногое число придворных[29] и родни эриставов и питиахшей, около тысячи (человек), а из бойцов абхазских – две тысячи. И еще до рассвета навел господь на сарацин жестокий знойный ветер юга и поразил их кровавым поносом. И явился Арчилу в ту ночь ангел божий, который и сказал ему: «Идите и нагряньте на агарян, ибо наслал я на людей тех и твари их недуг изничтожающе жестокий. И как выступите, услышите исходящие из лагеря их скорбные звуки плача и стенаний. Вы же будьте отважны и обретайте мощь в уповании на господа». И с наступлением рассвета стали исходить из лагеря их гласы рыданий и причитания.

И уповая на бога, вышли на битву с ними. Сразились, и послал господь мощь малому люду христианскому; погибло от недуга тридцать пять тысяч сарацин, от меча же – три тысячи. И был ранен Михр копьем в пах. Христиан в день тот было убито человек шестьдесят, а кони сарацин падали во множестве, словно леса, и выбросили их всех в море.

Тогда явился некоему агарянину призрак, который якобы вещал словно пророк их: «Ниспослал господь победу над нами до скончания десяти царей, как пророчествовал господь Аврааму и Агари; вы же берегитесь святых церквей и людей богослужителей, как о том научал я в Коране моем»[30]. Спешно снялись и бежали вспять по своим же следам. Минуя Цихе-Годжи, разбили лагерь между двумя смежными реками. И пал дождь обильный и поднялись реки безмерно; и полилась меньшая из рек на войска абашей и утопила из них тридцать три тысячи пеших; большая из рек хлынула на всадников, лагерь которых был разбит в лесистой местности, и иные из них разбежались в разные стороны, иные спаслись, взобравшись на деревья, и забрала река тридцать тысяч лошадей и с тех пор стали именоваться одна из рек Цхенис-цкали, а другая – Абаша[31]. И двинулись отселе и прошли дорогу Гурийскую, прошли дорогу Сперскую, а на численности их не было видно убыли. Но прежде подрубили они хвосты коням своим, потому как тяжело было тащить их от прилипшей грязи[32].

И стали в ту пору опустошенным земли Грузии[33], Армении и Рана, и нельзя было сыскать нигде ни строения, ни пропитания для людей и животных. И отправили Михр, Арчил и Леон[34], эристав Абхазии, посланника к царю греческому и поведали ему обо всем, что сотворили они по воле господней и своими руками. А тот передал им два венца и грамоту Михру и Арчилу, где начертал им, а именно: «И царствование в Картли, и отвага, и мудрость пребывали с вами. А ныне хотя заодно с нами вы преследуемы за служение кресту и из-за ревности нашей (христианству), как заповедал нам господь, с нами заодно будете возвеличены. Но вместе с тем оставайтесь в твердынях ваших до истечения трехсот лет; ибо на двухсот пятидесятом году расчленится царство их, а по истечении трехсот лет обретет силу царство наше, и сокрушим мы агарян, и падут все возвышенные ими, и вознесутся славившие нас».

А Леону написал следующим образом: «Мы нанесли урон всем пределам Картли, а от царей ее мы познали содействие и пользу. Ныне же они сослужили третью службу и помощь нашему престолу царскому: спервоначала они приняли крещение из рук наших; затем спасли от сокрушения великий град Понтийский и сотворили мир между нами и персами[35]. Потому как тот же царь Вахтанг стал посредником и мечом своим вернул царству этому Палестину и обе части Джазиры. И если бы ныне господь с помощью их не воспрепятствовал этим злостным супостатам, достигли бы они самого Константинополя; и между потомками Неброта господь сделал славными этих, ибо не убавилось в роду их мудрецов истинных и бойцов, как о том повествует начертанная нами грамота, в которой описаны цари, знатные своими племенем и землями. А тебе же я повелеваю быть эриставом Абхазии, тебе и детям твоим и твоему потомству во веки веков. Но почти добром царей и народ Картли и не посягай отныне на них и на пределы их эгрисские, покуда пребудут они там или когда отбудут оттуда»[36].

А Михр был отягчен смертельными ранами и говорил брату своему Арчилу: «Ну вот, брат, я и отхожу к пращурам нашим; забери ты меня и погреби среди могил праотцов наших. И поведаю я тебе о местах, в которых сокрыты сокровища наши. И не наследует мне сын, ибо народилось у меня семеро дочерей, и потому отныне ты и есть наследник царский из дома нашего царя Мириана. И тебе самому ведомо, что деву, дитя наше, мы не выдавали в супруги (кому-либо) из эриставов наших. Но выдавали или за царя, или если кто явится из рода персидских царей, подобно тому, как царь Мириан дал Перозу[37] в супруги дочь свою. А мы ущерблены, ибо ты не

женат, а я без сына (наследника). Ну а поскольку отцы наши приводили себе в супруги дочерей эриставов наших, выдадим им дочерей моих и поделим им земли картлийские: половину тебе, да половину им. Однако бывшую у меня долю главы рода я отдаю тебе, да пребудет она у тебя в качестве доли главы рода нашего: Эгриси, Сванети, Таквери, Аргвети и Гуриа. А Кларджети и среднюю Мтиулети отдай дочерям моим, дабы пребывали в них во все это злое время. И отец наш помер в пору смуты, и мы не смогли перенести его в Мцхета, забери останки его и погреби в церкви Кутатисской, чтобы свидетельствовал он о наследии нашем. А ты оставайся тут и дружи с греками, покуда не рассеется тьма сущая».

И помер Михр, отнесли (прах) его в Мцхета и погребли в верхней церкви, у входа, на пороге.

Арчил же призвал эриставов картлийских и выдал за них (в супруги) племянниц своих*: одну выдал за племянника отца своего, сына Гуарама куропалата, что владел Кларджети и Джавахети: вторую – за питиахша из рода Пероза и который господствовал в Триалети, Ташири и Абоци; третью – за Нерсе Нерсиана из рода знатных вельмож царя Вахтанга; четвертую – за Адарнасе Адарнасиана и обоих их наделил Верхней Землей, которая есть Картли; пятую выдал за Варзмана и отдал (во владение) область от Котмана до Курдис-хеви; сей Варзман был из рода персидского правителя Барды, что был отцом матери царя Вахтанга; шестую – за Джуаншера Джуаншериани, что был из рода царя Мириана, одного из потомков Рева, и отдал им Джвари и Херки и всю Мтиулети, Манглисское ущелье и Тбилиси[38].

Доля Арчила представляла собой половину всех этих хеви[39]. Когда же те узрели, что Джуаншеру выдал он наиболее (значительную) часть, остались несколько удрученными. И отпустили мтаваров этих совместно со своими супругами по своим местам.

Арчил же призвал Леона и сказал: «Будь же благословен господом, ибо проявил доброе радение (за время) гостевания нашего и защитил нас миром на земле твоей. Но ныне известно, что восстановлены владения наши выше от Клисуры. Пойду и устроюсь в Цихе-Годжи и Кутатиси. Теперь же требуй, чего тебе угодно в награду за добрую службу твою».

На что Леон ответствовал: «Дал мне кесарь страну сию в наследственную (собственность) по славной отваге вашей. Отныне же дана она мне в вечное владение от Клисуры до Великой реки Хазарии, к которой примыкают отроги Кавказа. Присовокупи меня к числу рабов твоих, к тем, коих удостоил ты быть сыновьями и братьями твоими. Не нужен мне удел твой, но пусть и мой пребудет твоим».

Тогда выдал он Леону в жены Гурандухт – племянницу свою от брата, и венец, что был дан греческим царем Мирху. И дали друг другу обещание и клятву твердую, дабы не быть вражде меж ними, и повиновался Леон Арчилу во все дни свои[40].

Пришел Арчил и утвердился в Эгриси (вплоть) до Шорапани. Управил все крепости и города и построил крепость на рубеже Гурии и Греции. Истекло с тех пор двенадцать лет, и начала строиться Картли[41]. Мцхета же стала непригодной для пребывания (в ней). Пришел Арчил из Эгриси и сел в бывшей крепости Хидари.

---

* Дословно: «детей брата своего».

Тогда же явился к нему князь некий из потомков пророка Давида[42], по имени Адарнасе, племянник Адарнасе Слепого по брату, отец которого был породнен с Багратионами, а греками посажен правителем в области Армении. В пору пленения (Картли) эмиром Глухим ушел он к сыновьям Гуарама куропалата в Кларджети и оставался там. Просил он Арчила и сказал: «Коли изволишь и сделаешь меня преемником твоим, дай мне земли». И дал (тот) ему Шулавери и Артани.

Вслед за этим пришел Арчил в Кахети и всем придворным[43] своим даровал он Кахети, сделал их азнаурами, воздвиг церковь в Садзмори. Женился на дочери Гуарама куропалата, что был потомком одного из детей царя Вахтанга, рожденных женой-гречанкой. И осел в Цукети, построил замок[44], а в ущелье Лакуасти воздвиг крепость. И застал в Цукети правителей[45], которым Цукети был дарован царем Вахтангом, а тушами, хунзами и всеми язычниками тех мест правил эристав Абухосро, и не изъявил (Арчил) желания изъять у него Цукети[46]. И построил (Арчил) в междуречье город-крепость Нухпати. Нухпатийцы же были язычниками и природы хищной, но Глухой посек их множество. И силой крестил их Арчил.

Усилились сарацины на земле Рана. Завоевали Газир[47] и Армению. А Маслама воевал с греками. Племянники же Адарнасе Слепого, трое братьев, что выжгли глаза брату отца своего, прибыли из Тарона в Шаких и обосновались там по велению Арчила, ибо все пределы Кавказа до Рана были обезлюдены. Эрети же и Кахети спаслись из-за обилия лесов. И утвердились трое братьев там до самой Гулгулы.

В ту же пору некоторых питиахшей не впустили в Кларджети, (тогда) половина их ушла и они завладели скальной местностью в Тао, которая называлась Калмахи, и построили там крепость.

(Другая же) половина явилась в Кахети к Арчилу. За одного выдал замуж (женщину) из рода Абухосро, потому как была та вдовой и не имела мужа, и даровал им Цукети заодно с крепостью и замком. В ту пору, на пятидесятом году после ухода Глухого, пытались сарацины вторгуться в Картли. До сей поры они не вторгались, но получали дань от эриставов.

И было у Арчила двое сыновей: Джуаншер и Иован, да четверо дочерей: Гурандухт, Мария, Мирандухт и Шушан[48].

ПРИМЕЧАНИЯ

I

1 Мирдат – согласно списку царей древней Грузии, составленному в виде заглавий в «вахтанговской редакции» (начало XVIII в.), Мирдат – «второй» потомок «тридцать седьмого» царя Вараз-Бакара. Генеалогия Мирдата (II) прослеживается из включенного в КЦ «летописного» варианта «Жизни св. Нины» (КЦ, I, с. 72 и сл.). Реальная генеалогия Вахтанга Горгасала не поддается точному воспроизведению, и в грузинской историографии на этот счет имеются различные суждения.

2 Так в грузинских источниках именуется Вавилон. Один из часто комментировавшихся анахронизмов в КЦ.

3 Сообщение о том, что «родичи картлийских царей» после разорения их вотчины «остались в долинах Кахетских» должно свидетельствовать о слабости политической жизни в Кахети в V в. Примечательно, что Кахети в течение всего повествования Джуаншера не играет сколько-нибудь важной политической роли.

4 Отголоски борьбы сасанидского Ирана с восточными кочевниками, которые еще в 20-х. гг. V в. вторглись в Иран и затем держали эту страну в постоянном напряжении (см. М. М. Дьяконов. Очерки истории Древнего Ирана, с. 269-270). Азнауры (мн. ч.) – одна из прослоек господствующего класса в феодальной Грузии, термин иноземного происхождения, на грузинской почве получивший свое специфическое значение (Очерки, II, с. 138 и сл.).

5 Свидетельство о бесцарствии в Картли. В отличие от описанного в «Исторической хронике» Псевдо-Джуаншера стремления к автономному правлению азнауров, в данном случае, наоборот, видна тенденция к единоначалию. Возможно, имел место какой-нибудь сговор об объединении определенных кругов феодалов, стремившихся противостоять иноземному наступлению.

6 Арчил – согласно приводимой в КЦ генеалогии – дед Вахтанга. Упоминается также в сочинении армянского автора V в. Корюна в форме «Ардзюл» (Корюн. Житие Маштоца. Ереван, 1980, древнеарм. текст, с. 120, русск. пер., с. 213). Лаконично об Арчиле говорится также в «Обращении Картли» (см. Шатбердский сборник, с. 325, на груз. яз.). Примечательно, что в данном случае отражена преемственность грузинских царей не «от отца к сыну» – Арчил назван «племянником» Мирдата. Это может свидетельствовать не столько о лабильности наследственных прав в династии Фарнавазидов, сколько о сложности политической ситуации, в которой приходилось действовать правителям древней Картли. Кроме того, некоторые исследователи не без основания считают, что ни Мирдат, ни Арчил не были царями в прямом смысле этого слова, так как политика Персии в отношении стран Закавказья была столь жестокой, что до Вахтанга Горгасала царство если и не было вовсе упразднено, то, по крайней мере, подавлено (см. А. А. Богверадзе. Политическое и социально-экономическое развитие Картли, с. 38-39).

7 Обычный прием средневековых писателей и хронистов переносить собственную их социальную терминологию на другие народы. В действительности персидские наместники в Закавказье (как и везде) именовались марзапанами – «начальниками края» (см. Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, с. 222), а в грузинских источниках – питиахшами.

8 Ран и Мовакан – по грузинским источникам названия двух основных частей Кавказской Албании.

9 Средневековое название Азербайджана. Сохранившаяся в ЖВГ форма восходит к арабскому наименованию древней Атропатены – Адербейдаган – и не может быть древнее середины VII в.

10 Речь идет об одном из военных столкновений между грузинами и вооруженными силами сасанидского наместничества в Кавказской Албании; река Бердуджи, упомянутая в связи с «рубежами Картли и Рана», представляла собой границу между закавказскими владениями Сасанидов и Картли.

11 В «Обращении Картли» сохранились более обстоятельные сведения о строительстве церкви св. Стефана («Стефан-цмида») (Шатбердский сборник, с. 325). Образ полуисторического святого Стефана (Деяния, 22, 20) был особенно популярным в раннесредневековой Грузии, о чем должны свидетельствовать факты как изобразительного искусства, так и письменной традиции (см. Ш. Я. Амиранашвили, История грузинской монументальной живописи, т. I, Тбилиси, 1957, с. 138, 143 и др.; его же. История грузинского искусства. М., 1963, с. 105, табл. 34; Синайский Многоглав, с. 58-62; Н. Я. Марр. Агиографические материалы по грузинским рукописям Ивера, I, с. 48-49; С. Н. Джанашиа, Труды, II, с. 291).

12 В «Обращении Картли» указание на родство Арчила и Мирдата – отца Вахтанга Горгасала – отсутствует, что должно быть вызвано лаконичным стилем названного источника.

13 Указанное имя встречается и в «Обращении Картли» и назван он питиахшем, в связи с чем говорится, что после Арчила «царствовал Мирдат. Архиепископом был Глонокор. И этот архиепископ был также поставлен питиахшем Борзабодом в Картли и Эрети» (Шатбердский сборник, с. 325). Н. А. Бердзенишвили полагал, что грузинским соответствием термина «питиахш» был «эристав» (Н. А. Бердзенишвили. ВИГ, IX, Тбилиси, с. 30-31, на груз. яз.; см. также: А. П. Новосельцев. Генезис феодализма в странах Закавказья, с. 199 и сл.).

14 Сагдухт – составной антропоним, образован из ветхозаветного имени Исаак (груз. Cahak) и древнеиранского имеобразовательного слова «духт» – «дочь» (см. М. К. Андроникашвили. Очерки из истории иранско-грузинских языковых взаимоотношений, т. I, с. 493-494, на груз. яз.). В семейном именнике ближайших предков Вахтанга, судя по источникам, не только превалировали имена иранского происхождения, но имели место также структурные закономерности их образования по нормам иранского языка. На популярность этого

имени в средневековой Грузии указывает существование на грузинском языке агиографического сочинения «Мученичество св. Сагдухт» (Н. Я. Марр. Указ. соч., с. 66).

15 В оригинале «куекана», термин исключительно картвельский, полисемантичный, в современном грузинском значащий преимущественно «страна». В древнегрузинском были живы более многочисленные синонимы и, сообразуясь с контекстом, обычно переводят: «страна», «земля», «обширный край», «владение» и даже «почва» (см. И. А. Джавахишвили. Соч., т. VI, с. 184-186, на груз. яз.; Н. А. Бердзенишвили. ВИГ, VIII, с. 85-109, 140 и сл.; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 120 и др.). В нашем переводе мы использовали слово «край», так как иные понятия к наместничеству («эриставству») Борзабода сочли неприемлемыми.

16 Одна из древних областей исторической Грузии с одноименным городом и стольной крепостью; одно из средоточий ремесленного производства, торговли и сельского хозяйства (Очерки, II, с. 136, 342-343; анализ ранних сведений см.: Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 138 и сл.). Исследователи считают, что в период правления Вахтанга Горгасала город Самшвилде, наряду с Манглиси и Цуртави, представлял собой один из центров Нижней (Квемо) Картли, которая, по арабским источникам, в целом была определенной этно-политической единицей с центром в Манглиси (см. Д. Л. Мусхелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии, II, с. 49-51 и др.). Наш текст указывает на то, что Самшвилде – это административный центр целого эриставства (см. Н. А. Бердзенишвили. ВИГ, VIII, с. 145 и сл.). Будучи пограничной с Арменией зоной, население Самшвилде было смешанным – грузино-армянским.

Самшвилде – один из центров древнегрузинской письменной культуры. (Лит., кроме уже указанной, см.: Л. Н. Джанашиа. Сведения Лазара Фарпеци о Грузии, с. 174 и др.; Яков Цуртавели. Мученичество Шушаник (изд. И. Абуладзе). Тбилиси, 1978; Л. М. Меликсет-Бек. К изучению памятников культуры и топонимии Триалети-Цалки. – Сб.: За марксистское языкознание. Тбилиси, 1934, с. 41-43. на груз. яз.; С. Т. Еремян. Армения по «Ашхаруцуйц»-у. Ереван, 1963, с. 87, на арм. яз.; Книга посланий. Изд. З. Н. Алексидзе; Ухтанес. История отделения грузин от армян. Армянский текст с грузинским переводом и исследованием изд. З. Н. Алексидзе. Тбилиси, 1975).

17 Самшвилдский Сион – один из образцовых памятников древнегрузинского зодчества; имеются надписи, относящиеся к 759-777 гг., очевидно, к периоду перестройки памятника (Л. В. Мусхелишвили. Надписи Самшвилдского Сиона и дата его перестройки. – Вестник ИЯИМК, т. XIII. Тбилиси, 1943, с. 95-106; Н. Чубинашвили. Самшвилдский Сион. Тбилиси, 1969; Очерки, II, с. 637).

18 Мобидан – восходит к титулу главы жречества зороастрийской религии в Сасанидском Иране (М. М. Дьяконов. Указ. соч., с. 291, 298, 300 и др.). В. В. Болотов в свое время первым указал, что упомянутый в ЖВГ Мобидан непосредственно связан с титулом главы огнепоклонников (см. В. В. Болотов. Христианские чтения. М., 1896-1897, с. 262). Точное наименование – мобидан-мобед. М. И. Броссе предполагал, что под Мобиданом следует подразумевать идеолога несторианства в Грузии (M. Brosset. Histoire de la Géorgie, I, p. 174). Это мнение не оправдалось из-за хронологической несопоставимости (см. И. А. Джавахишвили. ИГН, I, с. 305). Наличие указанного титула отражает особое влияние зороастризма в Закавказье и в устах местных христиан он носил пейоративный характер (К. С. Кекелидзе. Кто такой Глонокор «Обращения Картли». – Этюды, т. III, Тбилиси, 1955, с. 38, на груз. яз.). И. А. Джавахишвили, установил, что рассказ о Мобидане, очевидно, заимствованный Джуаншером из какого-то источника, свидетельствует о распространении манихейства в Грузии в первой половине V в. (И. А. Джавахишвили. ИГН, I, с. 304-305). Именно манихейство было тем течением в христианстве, в котором тесно соприкасались христианские и маздеистские воззрения (см. В. В. Бартольд. Соч., V, с. 27-28 и др.; И. А. Джавахишвили. ИГН, I, с. 306).

19 Искаженное имя, должно быть: Хуаранзан – «Солнце-дева», ср. грузинское женское имя «Мзе-кала» с тем же значением (М. К. Андроникашвили. Указ. соч., с. 511-512).

20 Спаспет – «главнокомандующий», термин заимствован из среднеперсидского (М. К. Андроникашвили. Указ. соч., с. 371-372). Источники, в том числе и ЖВГ, свидетельствуют о высокой роли, которую играли занимавшие эту должность лица. Есть мнение, что в Картли существовал институт «второго (после царя) лица»: глава государственной администрации. Страбон (География, с. 475) рассказывает, что в Иберии «второе (после царя) лицо являлось верховным судьей и полководцем» (подробнее см.: Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 347, 455 и др.). Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, IX, с. 25) отмечал, что из слов Джуаншера видно, что этот историк уже

не понимал, что спаспет – это главнокомандующий, предводитель всех эриставов, и считал его носителем почетного звания царского воспитателя (см. также: А. И. Болтунова. Описание Иберии в «Географии» Страбона. – ВДИ, № 4, 1947).

21 Свидетельство о пережитках так называемого аталычества в Грузии, имевшего широкое распространение также на всем Кавказе (см. В. К. Гарданов. Аталычество, М., 1973).

22 Очевидно, соответствует современному г. Каспи (ок. 50 км к сев.-зап. от Тбилиси). Упоминается также в «Обращении Картли», в котором приурочивается к градостроительным мероприятиям картлийцев в I в. до н. э. (Шатбердский сборник, с. 321). З. И. Ямпольский писал, что археолог Г. А. Ломтатидзе рекомендовал ему обратить внимание на этноним древнего населения каспиев Мильской степи, а сам город «Каспи Грузии в античное время был связан с Мильской степью, сравнительно небольшой частью великой сухопутно-водной дороги, пролегавшей по трассе Индия – Закавказье – Черное море», и далее автор проводит мысль об отложении в топониме «Каспи» этнонима каспиев, носители которого «жили (появились или сохранились) в окружении носителей другого этнонима и составляли абсолютное меньшинство населения зоны данного этно-топонима» (З. И. Ямпольский. Каспи Грузии и этно-топонимические закономерности. – Археологические памятники феодальной Грузии, т. II, Тбилиси, 1974, с. 273-274).

23 Барда – древнее название – Берда, груз. Бардав-и, арм. Партав. Один из центров Кавказской Албании. В V в. являлся центром сасанидского наместничества в Албании. Именно этот статус названного города и зафиксирован в ЖВГ. С 789 г. город стал резиденцией одного из арабских правителей, а местное население вступило в полосу этнического вырождения.

24 В ряде списков, а также в составленном С. Г. Каухчишвили сводном тексте КЦ – «Бинкаран». В отличие от мобидана (см. примеч. 18) «Шинкаран» должен быть антропонимом в тесном смысле этого термина. В «Обращении Картли» он зафиксирован в основательно искаженной форме – «Глонокор» (Шатбердский сборник, с. 325; Э. С. Такаишвили. Описание, II, с. 721; К. С. Кекелидзе. Этюды, III, с. 38-39). В «Списке царицы Анны» свода КЦ (изд. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1942, с. 93, 94, 104, 120-121, на груз. яз.) зафиксирована форма «Шинкаран», которая и должна быть исходной (замена сходных графем Б и Ш в древнегрузинском), восходящей к иранскому «шинкар» – «строитель» (М. К. Андроникашвили. Указ. соч., с. 451).

25 Очевидно, центр маздеистской пропаганды в Картли. Собственно термин «мог-ви», получивший широкое распространение в языках различных систем, в грузинском заимствован непосредственно из иранского, вопреки мнению Гр. Ачаряна (см. его: Этимологический коренной словарь армянского языка, т. III. Ереван, 1977, с. 337, на арм. яз.).

26 В оригинале «мамамдзудзе», термин на русский язык непереводимый, но значащий «отец, вскормивший грудью». Параллельно бытовал термин «дедамдзудзе» – «женщина-мать, вскормившая грудью» (Шатбердский сборник, с. 322; И. В. Абуладзе. Словарь древнегрузинского языка. Тбилиси, 1973, с. 139; С.-С. Орбелиани. Соч., т. 4, ч. I, 1965, с. 219); соответствует «кормилице» русских переводов Библии (4, Црст., II, 2). По толкованию Н. Д. Чубинашвили (см. его Словарь грузинского языка с русским переводом. Тбилиси, 1961, с. 203) – «кормилица или нянька, а мужчина называется мамамдзудзе или лала». Последний восходит к греческому lalas и в грузинском практически не встречается. Существование этого института в Грузии известно по наиболее ранним источникам («Мученичество Шушаник», «Мученичество Раждена»). В ЖВГ засвидетельствован факт наслоения на мамамдзудзеоба-аталычество в условиях еще нарождавшихся феодальных отношений черт сословно-классового порядка (см. С. Г. Чантуришвили. Об аталычестве («мамамдзудзеоба») в Грузии V-XI вв. – Сообщения АН Груз. ССР, т. 105, № 3, 1982, с. 657-659, на груз. яз.). Мамамдзудзеоба-аталычество служило одним из факторов, связывавших высшее феодальное общество Картли и Армении. (Лит. кроме указанных см.: И. А. Джавахишвили. Соч., т. VI, с. 150-151; М. О. Косвен. Аталычество. – В его кн.: Этнография и история Кавказа. М., 1961; А. Н. Генко. Задача этнографического изучения Кавказа. – СЭ, № 4, 1936, с. 15-16; Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 455-456).

27 Для более полного представления соответствующего тексту источника нами дан дословный перевод груз. «цврили эри», хотя в русском языке это соответствовало бы слову «простонародье». Сложность, многозначность и историческая эволюция данного понятия дана И. А. Джавахишвили (ДГИЛ, с. 193, 205). В ЖВГ «цврили эри» – «мелкий люд» засвидетельствован как независимая категория одной части картлийского населения, стоящей на социально низкой ступени. Н. А. Бердзенишвили считает это «свободным крестьянством» (ВИГ,

II, с. 20, примеч. 27; ВИГ, VII, 1974, с. 70-73 и др., на груз. яз.; см. также: С. Н. Джанашиа. Труды, I, с. 161 и др.). В эту категорию могла входить и часть городского ремесленного населения. (Подробный анализ термина см.: Э. В. Хоштария-Броссе. Взаимоотношения низинных и горных регионов феодальной Грузии. Тбилиси, 1984, с. 40-50, на груз. яз.).

28 В оригинале «Земо эклесия». В контексте производит впечатление ложного наименования. В действительности же речь должна идти, очевидно, о таком важном событии в церковной жизни Картлийского царства, как падение «епископа» Мобидана и назначение на его место подлинно христианского епископа греко-византийской ориентации Микаэла. Сам термин «земо» – «верхняя», «вышняя» – должен указывать на первостепенное значение занимаемой должности.

29 Хунани – город, центр исторической области Гардабани, известен также по армянским и арабским источникам (См. Д. Л. Мусхелишвили. К вопросу о локализации Хунана-Хнаракерта. – Археологические памятники феодальной Грузии. II, Тбилиси, 1974, с. 275; на груз. яз.). В описанном нашествии осетин, по всей вероятности, надо видеть один из походов гуннов, имевший место до 448 г.

30 Собственно Абхазия в ее узко этно-территориальном значении. Автор ЖВГ свидетельствует, что господство в пределах коренной Абхазии давало византийцам возможность осуществлять экспансию в масштабах всей Грузии, а, следовательно, и Закавказья в целом. Неслучайно, что процесс объединения Грузии в единое феодальное царство начался именно с выступления Абхазского княжества против Византии и вступления его на путь борьбы за гегемонию в общегрузинских масштабах.

31 Эгрис-цкали – дословно «Эгрисская река», современное название – Гализга (П. И. Ингороква. Георгий Мерчуле, с. 175, 176), что по-мегрельски значит «пограничная река». Мнение С. Т. Еремяна (Армения по «Ашхаруцуйц»-у, с. 50), считающего Эгрис-цкали названием среднего течения р. Чорохи, необосновано. Неслучайно, что к бассейну Эгрис-цкали был приурочен «удел Эгроса», в котором был построен город «Эгриси, ныне именуемый Бедиа» (КЦ, I, с. 5).

32 Центр Лазики – Эгриси. Дословный перевод: «крепость (цихе) Годжи». Однако первая часть – «цихе» – приняла настолько устойчивый характер, что обратила данное название в сложный и устойчивый топоним (это обстоятельство учтено и нами в переводе ЖВГ). Просуществовал до известного нашествия арабов, предводительствуемых Мерваном ибн Мухаммадом, в 30-х гг. VIII в. Именно с указанным событием связано современное название Годжи – Нокалакеви (букв.: «место бывшего города»). Последнее не корреспондирует с другим названием этого города – Археополис – «древний город», известного по труду Прокопия Кесарийского.

33 Яркое свидетельство об уровне этнического самосознания грузин, в котором не нашлось места какой-либо религиозной общности с византийцами.

34 Вараз-Бакар (70-е гг. IV в.) упоминается в заключительной части труда Леонтия Мровели, в котором говорится, но в иной интерпретации, о добровольном отходе кларджей к Византии, в то время как в ЖВГ указывается на захват ромеями Кларджети (КЦ, I, с. 136). Описанные события произошли в процессе установления иранского господства в Картли и Тбилиси, что отмечено и Аммианом Марцеллином (С. Г. Каухчишвили. Георгика, I, с. 140; Очерки, II, с. 80-81), а в грузинских источниках при этом раскрывается сам характер событий – Вараз-Бакар не оказал сопротивления персам и потому заслужил дурную славу «нечестивца».

35 Словом «люд» мы перевели груз. «эри» – термин многозначный, отличающийся своеобразными нюансами, в которых отражены различные социальные грани («войско», «собрание феодалов», «народ» и т. д. Подробнее см.: И. А Джавахишвили, Соч., т. VI, с. 192-193 и др.).

36 Указание на тактический прием: борьба грузин против наступления из Передней и Малой Азии могла принести успех лишь в случае обеспечения надежного тыла на Северном Кавказе. Византийцы, персы и арабы в народах этого региона всегда видели не только своих соперников в делах Закавказья, но и потенциальных союзников за господство в нем. Особая «ненависть» Вахтанга и его окружения к осетинам носит чисто субъективный характер; основную причину такой направленности надо искать в той роли, которую играли кочевники Северного Кавказа в политических и военных событиях Закавказья и сопредельных с ним регионах.

37 Так в оригинале. Дело в том, что груз. «мепе» – «царь» при всей своей определенности – термин многозначный. В условиях политической раздробленности, исторические реалии которой пережиточно

сохранились и впоследствии, каждая феодальная единица («куекана») могла считаться «царством» (ср. Н. А. Бердзенишвили, ВИГ, VIII, с. 98). Ср.: «все цари кавкасианов» (КЦ, I, с. 151), хотя оснований для такого понятия применительно к Северному Кавказу, строго говоря, не было.

[38] Мотив «юного героя» в данном случае вряд ли является фольклорного характера или продуктом авторского вымысла. Хотя в ЖВГ и этот элемент присутствует. Жизнеописатель Вахтанга хорошо разбирался в возрастных категориях лиц, вступавших на поприще государственной деятельности (особенно в военной сфере!) в раннесредневековой Грузии. (Ср. древнерусскую былину о Даниле Игнатьевиче. – Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 115-116).

[39] В оригинале чисто грузинский термин «мквидри», дословно непереводимый, но по смыслу значащий «лично (кому-либо) принадлежащий», «собственный», «подлинный», а в отношении населения, племени и т. п. – «аборигенный», «туземный» (ср. русск., уст. «присный»). О социальной характеристике термина «мквидри» см. А. П. Новосельцев. Генезис феодализма..., с. 190 и сл. (там же библиография).

[40] Неброт, точнее Нимврод – библейский герой (Быт., 10, 8-10). В отличие от трудов Леонтия Мровели (КЦ, I, с. 6, 7, 10, 12, 13, 105 и др.), в которых ему уделено важное место и даже указывается на существование в Грузии «Книги Неброта», в ЖВГ этому герою отведена роль скромнее, хотя ассоциации с его апокрифическим образом еще имеются.

[41] Мухнари – дословно: «дубовый лес», «дубрава»; С. Г Каухчишвили истолковал как топоним; однако Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, с. 337) справедливо отверг указанное издателем КЦ мнение, указав, что «мухнари» – это северная окраина города Мцхета.

[42] Херки – топоним. Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, с. 338), анализируя данный контекст, установил, что Херки – «потусторонняя (от Арагви) область» (см. также: Дж. Г. Гвасалиа. Очерки исторической географии Восточной Грузии. Тбилиси, 1983, с. 101 и др.; Летопись Картли, изд. Г. В. Цулая, с. 89, примеч. 59).

[43] Обычное в раннем цикле КЦ фантастическое преувеличение ратного состава воюющих сторон является не только признаком эпической манеры Джуаншера. Имеются более реальные основания и главным образом то, что военная добыча и прежде всего захват живой силы противника были одним из источников подневольного труда.

[44] Имеется в виду город Мцхета.

[45] Трдат – первый христианский царь Армении Трдат III (298-330). Все указанные родственные узы отмечены только в ЖВГ (они отсутствуют в «Обращении Картли») и отражены также в сочинении Леонтия Мровели (КЦ, I, с. 70), в котором дочь Трдата была выдана якобы по настоянию византийского императора Константина I замуж за Рева (сына первого христианского царя Картли Мириана), потомки которого образовали в династии Фарнавазидов ветвь Ревидов (см. А. А. Богверадзе. Указ. соч., с. 22 и сл.). Как бы ни относиться к деталям данного сообщения, точность которых проверке не поддается, в породнении династов Армении и Картли нет ничего невероятного. Фраза: «и который приходится Вахтангу двоюродным братом по отцу» – глосса, принадлежащая переписчику, так как она высказана в третьем лице и в такой форме нелогична.

[46] Трудно сказать, следует ли под Тианети подразумевать определенную этно-территориальную единицу или принимать ее буквальное значение – «горная страна». Кавкасианы – собирательное название автохтонского населения Северного Кавказа.

[47] Дарьяльские Ворота.

[48] «Осетинская равнина» – это, очевидно, среднее междуречье Уруха и Сунджи, которое в сравнении с высокогорьем верховий Ардона и Терека, на которое, надо полагать, ориентировался Джуаншер, действительно, производит впечатление равнины.

[49] Под названием «Арагви Осетинская» здесь, очевидно, имеется в виду верховье р. Терек. Терек и Арагви, действительно, берут начало с одного хребта. Другое название Терека по грузинским источникам – Ломеки.

[50] В древнегрузинской литературе часто встречаются в качестве эпитетов богатырей «бумбераз» и «голиаф». Первый из них заимствован из персидского и потому более древний; второй взят из ветхозаветных преданий (I Црст., 17, 4 и др.).

[51] В оригинале «таичи» – «арабская лошадь (скакун)». Восходит к названию арабов в среднеперсидском; ср. арм. «татчик» – «араб», впоследствии «турок» (М. К. Андроникашвили. Указ. соч., с. 375; ср. Егише. О Вардане и войне армянской, пер. И. А. Орбели, изд. Юзбашяна, с. 179, примеч. 29; С.-С. Орбелиани. Соч.,

т. 4, ч. 2, с. 131; Гр. Ачарян. Этимологический коренной словарь армянского языка, т. IV. Ереван, с. 365-366, на арм. яз.). Вопреки мнению В. Л. Гукасяна (см. его: Об азербайджанско-грузинских языковых контактах. – Журн. «Сов. тюркология», № 4, 1980, с. 29), это слово в грузинском не могло быть заимствовано из азербайджанского, так как «таичи» встречается в Библии Ошского (Афонского) списка (см. И. В. Абуладзе. Словарь, с. 410), составление которого вне пределов влияния азербайджанского языка.

52 Одно из любопытных мест в ЖВГ, свидетельствующих не только о разноэтническом составе воинства Вахтанга, но и о том, что все они, принадлежа к различным этносам и религиозным системам, в общем именовались картлийцами, точно так же, подчеркивает Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, 268), как и их противники осетины и хазары (гунны?) часто объединялись под этнонимом первых.

53 Упомянутый здесь осетин Бакатар, вероятно, лицо историческое, реальные факты жизни которого впоследствии обросли легендами. Следует также отметить, что имя «Бакатар» не является антропонимом в узком смысле данного термина, оно скорее всего нарицательное прозвище (типа «кесарь», «эмир» и т. п.). Об этом должно свидетельствовать сообщение арабского историка Кудамы (ум. в 948 г.), что «царь алланов называется «багаир». Имя это принадлежит всякому, кто у них царем» (Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. – СМОМПК, вып. 32, Тифлис, 1903, с. 51; см. также: В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, т. III, с. 23-24; В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М., 1958, с. 245-246).

54 В оригинале «вигри». В грузинском впервые встречается в ЖВГ. Довольно обстоятельное толкование см.: С. С. Орбелиани Соч., т. 4, часть I, с. 267. По разъяснению Н. Чубинашвили, «вигри – животное, похожее на ящерицу, но (размером) превосходит ее; кожа усеяна костями, ею обтягивают ножны... и прочее боевое снаряжение» (Н. Чубинашвили. Словарь грузинского языка с русским переводом, с. 216). Заимствовано из древнеиранского (см. М. К. Андроникашвили. Указ. соч., 239-240; см. также: Гр. Ачарян. Этимологический коренной словарь армянского языка, т. IV, с. 292-293, на арм. яз.).

55 В оригинале «мона», термин многозначный (в современном грузинском «раб»), в древности использовался также и в значении «слуга».

56 Мера длины в средневековой Грузии, равна 198 м (см. Г. И. Джапаридзе. Очерк по истории грузинской метрологии. Тбилиси, 1973, с. 148 и сл., на груз. яз.).

57 В оригинале «дзудзусмте», по смыслу «молочный брат», Артаваз – сын Саурмага, спаспета и воспитателя (мамамдзудзе) Вахтанга. Грузинская историческая традиция, зафиксированная в ЖВГ, отводит ему важное место в период правления Горгасала. Примечательно, что имя «Артаваз», было популярно в роду Мамиконянов (см. Гр. Ачарян. Словарь армянских личных имен, т. I, Ереван, 1942, с. 313-315, на арм. яз.), выходцев из племен чанов в области Тао (пограничной с Кларджети), в которой молочный брат картлийского царя был поставлен в качестве эристава.

58 Бивритиан – родовое имя владетелей Сомхити (см. примеч. 71). Упомянутое в ЖВГ лицо принадлежало к сословию «сепецулы»: «люди, принадлежащие к царскому роду» (Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 468). Г. А. Меликишвили указывает, что в сочинении армянского историка V в. Фавстоса Бузанда под термином «сепецулы» подразумеваются представители рода Фарнавазидов (История Армении Фавстоса Бузанда. Пер. с древнеарм. и комм. М. А. Геворгяна. Ереван, 1953, с. 162-163; Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 468-469, с указанием библиографии). Что же касается комментируемого контекста, то здесь обращают внимание следующие обстоятельства: «сепецули» Бивритиан поставлен на второе место после Артаваза – молочного брата («дзудзусмте») и эристава Кларджети, что должно свидетельствовать о значительном месте института мамамдзудзеоба-аталычества в общественной жизни Картли и, кроме того, об особом месте Кларджети по крайней мере в сравнении с Самцхе-Аджарой, эриставом которой был Бивритиан. См. Очерки, I, с. 455; А. П. Новосельцев. Указ. соч., с. 110 и сл.

59 О «Пачаникети» – «стране пачаников» см.: З. В. Анчабадзе. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей. – Сб.: О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960; в том же сб.: В. И. Абаев. Об аланском субстрате в балкарско-карачаевском языке. А также: П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия монголов. Киев, 1884; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях, МИА, № 62, М., 1953.

60 Джикети – область расселения джиков (с.-з. Кавказ), предков совр. абазин. Этноним джиков в форме «зихой» (зихи) известен с первых в. н. э. (Птолемей, V, 8, 12); из названного труда этноним «зихи» попал в Армянскую Географию VII в. (см. С. Т. Еремян. Опыт реконструкции первоначального текста «Ашхарацуйц»-а, ИФЖ, 1973, № 2, с. 262, на арм. яз.; см. также: З. В. Анчабадзе. Указ. соч., с. 116).

61 В раннем цикле КЦ, а также в «Обращении Картли» «турки» упоминаются неоднократно и скорее всего должны соответствовать понятию «тюрки» (подробный анализ сведений см.: З. В. Анчабадзе. Указ. соч., с. 116-117 и др.; а также: Э. С. Такаишвили. Три исторические хроники, с. 1-2 и др.; Н. Я. Марр. Арабское извлечение из сирийской хроники Марибаса, – ЗВОРАО, т. XIV, СПб., 1902, с. 081, 086; С. Т. Еремян. Опыт реконструкции..., с. 274, там же, примеч. 128, 129; Мровели Леонтий. Жизнь картлийских царей..., с. 28, 59, 60 и др.). Анахронизмы в упоминании тюркских племен в древнеписьменных источниках Кавказа (см. Меликсет-Бек. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского. – В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л., 1960) – одна из сложных проблем не только в кавказоведении, но и тюркологии.

62 О том, что джики жили за пределами коренной Абхазии, грузинские писатели отмечали и позднее. Так, уже на рубеже XVII-XVIII вв. С.-С. Орбелиани писал: «джиками называется также одно общество, пограничное с Абхазией» (Соч., т. 4, ч. 2, с. 456). Налицо факт стабильности территориальной общности предков современных абазин, подтверждаемый не только по археологическим материалам, но и письменным источникам (Л. И. Лавров. «Обезы» русских летописей, СЭ, 1946, № 4; Г. В. Цулая. Обезы по русским источникам, СЭ, 1975, № 2).

63 Возможно, что здесь имеется какой-то отголосок процесса сокращения территории расселения средневековых алан, в результате которого, вероятно, происходило также сужение собирательного значения этнонима «аланы» до его реальных пределов. О горных ущельях как естественном убежище алан свидетельствуют также европейские писатели, знакомые с конкретными событиями, например, в период монгольских завоеваний (см. Осетины глазами русских и европейских путешественников, сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе, 1967, с. 29 и сл.).

64 Обмен военнопленными – один из излюбленных сюжетов раннесредневековых историков Армении и Грузии. Возможно, что само преувеличение численности военнопленных в ЖВГ является одним из доказательств того, что в ней «правильно отражена большая роль, которую в войнах древнекартлийских царей играл захват пленных и судьба этих пленных (превращение в «мона» – рабов)» (Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 430; о тактических и организационных основах военного дела в феодальной Грузии см.: К. А. Чхатарайшвили. Очерки по истории военного дела в феодальной Грузии. Тбилиси, 1979, на груз. яз.).

65 «Абхазская дорога» – один из важных торгово-стратегических путей, выводивших Абхазию (а заодно и Западную Грузию) на широкую коммуникацию с внешним миром – на север по ущелью р. Кодори через Главный Кавказский хребет, через Клухорский перевал и на юг через юго-западные области Грузии к Византйской империи. Исследователи утверждают, что названная дорога представляла собой часть той торговой магистрали, которая, согласно римской дорожной карте Tabula Pleutengeriana, проходила через территорию Западной Грузии (см. З. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 63, карта. См. также: С. Н. Джанашиа. Труды, т. I, с. 47; Н. Ю. Ломоури. К вопросу о торговых путях древней Грузии. – Труды Ин-та истории АН Груз. ССР, т. IV, ч. I. Тбилиси, 1958, на груз. яз.; Очерки, II, с. 173).

66 Очевидно, имеется в виду византийский император Лев I (457-474). Рассказ о связи с ним вполне может соответствовать хронологически реальной последовательности. Но обращает внимание тенденция самого сообщения. Дело в том, что Лев I (Леон) был занят проблемами Западной Римской империи, готов и остатков гуннов (см. История Византии, М., 1967, с. 202-203).

67 Драхма – монета и мера веса, восходит к греческому drahme. Предполагается, что в грузинском, как и армянском, связана непосредственно с пехлевийской формой dram. В грузинских источниках упоминается с IX-X вв. (см. Г. И. Джапаридзе. Указ. соч., с. 31-36).

68 Драхкан – мера веса. Грузинским эквивалентом термина С.-С. Орбелиани считал «плури» (Соч., т. 4. ч. I. с. 229). Соответствовал византийской номисме – 4,55 гр. золота (см. А. Г. Шанидзе. Грузинский монастырь в Болгарии и его Типик. Грузинская редакция Типика. Тбилиси, 1971, с. 274; см. также И. А. Джавахишвили. Соч., т. VI. с. 307).

[69] См. примеч. 24.

[70] Об этом имени см.: М. К. Андроникашвили. Указ. соч., с. 445.

[71] Сомхити – так называют средневековые грузинские авторы, с одной стороны, Армению (поздняя форма – Сомхети) и, с другой, – пограничные с нею южные области Грузии – Нижнюю (Квемо) Картли. Одно из сложных понятий в истории Армении и Картли. Население указанной области нередко выступало под двойным этнонимом – сомхитары-картлийцы, под которым, вероятнее всего, подразумевалось смешанное грузинско-армянское население (см. Л. М. Меликсет-Бек. Армяне в Грузии. – Византия и Кавказ, вып. I, Ереван, 1979, с. 175-176; на арм. яз.). Этимологически восходит к названию страны Сохми (Сухми), известной по древневосточным (хеттским и ассирийским) источникам (см. Г. А. Халатянц. О некоторых географических названиях древней Армении в связи с данными ванских надписей. – Древности Восточные. М., 1901, с. 126; Г. Меликишвили. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, гл. I, § 6; его же. ИДГ, с. 103-104; его же. Урартские клинообразные надписи. М., 1960). Время возникновения термина «Сомхити» в зафиксированном в грузинских источниках смысле неизвестно. Как заметил Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, с. 303 и сл.), в «Мученичестве Шушаник» этот термин не только отсутствует, но подразумеваемая территория совершенно определенно именуется «Картли». На реальность этого обстоятельства может указывать и известная Болнисская надпись V в. именно на грузинском языке. Характер комментируемого сообщения из ЖВГ свидетельствует о том важном значении, которую играла Сомхити (Нижняя Картли) в культурной жизни Грузии в целом. Поэтому распространение на нее власти Сасанидов закономерно.

[72] Исходя из последовательности излагаемых Джуаншером событий, в данном рассказе, возможно, заключены отголоски последнего столкновения картлийцев с племенами Северного Кавказа. Описанное в ЖВГ событие совпадает с фактами, имевшими место в 481-484 гг. и описанными в «Истории Армении» Лазара Фарпеци (см. Л. Н. Джанашиа. Сведения Лазара Фарпеци, с. 136 и сл.). Вахтанг Горгасал в это время вряд ли был так молод, как уверяет Джуаншер. Перед нами очередная хронологическая неувязка, вызванная романтизацией образа Горгасала, принимающего все более эпический характер. Неслучайно, что именно вслед за данным рассказом образ картлийского царя густо обрастает легендарными домыслами его жизнеописателя.

[73] Одной из характерных черт общественной жизни средневековой Грузии было активное участие в ней женщины. Женщина была не только «хранительницей домашнего очага», но и активным созидателем во всех сферах семейного и общественного быта. Анонимный автор «Страстей первомученика Раждена», воспитателя жены Вахтанга Горгасала, описывая деяния грузинских подвижников, специально отмечает: «Но столь отважными были не одни только мужи, но и слабосильные жены, и они, женственные по природе, стали мужественными и, позабыв природу немощную свою, без страха сподобились жестоким и нещадным истязаниям». Автор при этом подчеркивает, что среди этих женщин были «и безродные крестьянки, и государыни, и женщины, обитавшие в знатных палатах» (С. Кубанейшвили. Хрестоматия, I, с. 241).

[74] Бакар – по традиции свода КЦ – сын и преемник первого христианского царя Картли Мириана (I пол. IV в.). Еще Леонтий Мровели приписывает ему успешное продолжение дел Мириана по части обращения в христианство порубежного с Картли населения Северного Кавказа – «кавкасианов» (см. КЦ, I, с. 130; Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 130). Ближайшие преемники Бакара в КЦ рассматриваются слеудующим образом: сын Бакара Арчил был отцом Мирдата, а сыном последнего – Вахтанг Горгасал. Другая ветвь поздних Фарнавазидов, которая также брала начало в доме Мириана, шла от царя Рева, коему, по рассказу Леонтия Мровели (КЦ, I, с. 70), в наследственное владение были даны Кахети и Кухети. Мровели две эти династические ветви именует соответственно Бакаридами и Ревидами (КЦ, I, с. 138).

[75] Свидетельство о существовании в Картли еретических течений, организаторами и проводниками которых были сами представители служителей культа.

[76] Отсюда начинается новая глава в легендарной биографии Вахтанга Горгасала, отличающаяся неограниченной его идеализацией. Перож-Кафа – искаженная форма названия крепости Фирузикабад (арм. Пероз-Кават), построенного Ануширваном (VI в.) и названного им в честь шаха Пероза (459-484) и его сына Кавада. Хотя исследователи и считают, что локализация названной крепости не поддается выяснению (Д. Л. Мусхелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии, II, с. 21), обращает внимание сообщение о ней в труде Баладзори: Ануширван «построил в области Джурзана, на той стороне, которая граничит с румами (византийцами), замок, названный воротами Вирузикобада, и замок, носящий название «ворота Лазика»,

и другой, под названием «ворота Барика», что на берегу моря Трабезунда» (Баладзори. Книга завоевания стран. Перевод П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 6). Очевидно, упомянутый Баладзори топоним «Джурзан» соответствует Джузджану в Малой Азии и в таком случае рассказ Джуаншера вполне может соответствовать географической номенклатуре того времени. Упоминание в ЖВГ Пероза как основателя названной крепости связано с тем обстоятельством, что главный период деятельности Вахтанга Горгасала относится ко времени правления этого шаха.

77 Карну-калак (досл.: Карну-град) воздвигнут византийцами в период правления императора Феодосия (408-450) и в его честь был назван Феодосиполем. Один из опорных пунктов Византии на восточных рубежах Империи. После завоевания сельджуками в конце XI в. переименован в Арзан-ар-Рум (совр. Эрзерум).

78 Андзорети, очевидно, связан с упоминаемым ниже «городом» Андзиадзор. Точной локализации не поддается (подробнее см. Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 47. 282-283, 290-291).

79 Эклеци – античная Акилисена. Впервые упоминается в «Географии» Страбона (XI, гл. XIV, 2). Страбон называет Акилисену среди тех областей, которые были присоединены к Армении в начальный период ее политического роста (III-II вв. до н. э.) (Страбон. XI, гл. XIV, 5; ср. Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, Ереван, 1954, с. 10).

80 Стери – явно искаженное название либо какого-то города, либо области. Вместе с тем, если сопоставить данное в ЖВГ сочетание: «Эклеци и Стери» с тем, что Страбон рядом с Акилисеной помещает область Сиспиритиды (XI, гл. IV, 8; гл. XIV, 12), то возникает вероятность отождествления «Стери» с исторической Сиспиритидой.

81 Очевидно, имеется в виду город Трапезунт, известный в древности и средневековье своим торговостратегическим значением. В 1204-1461 гг. – столица Трапезундской империи, основанной по инициативе грузинской царицы Тамар (1189-1207). Письменные источники различных эпох, в том числе и грузинские, а в данном случае Джуаншер, впоследствии также и турецкие (наиболее видный из них Эвлия Челеби – XVII в.) ясно говорят о значительном опыте местного коренного прибрежного населения в морских промыслах и вообще мореходстве.

82 В данном случае возможны какие-то реминисценции образа Григория Нисского, одного из выдающихся богословов раннего средневековья.

83 Речь идет о широко распространенной в церковной истории еще раннего периода легенде о «явлении» императору Константину I (324-337) «крестного знамения» во время войны со своим политическим соперником Максенцием (см. А. П. Каждан. От Христа к Константину. М., 1965, с. 5-33). По крайней мере, во 2-й половине I тысячелетия н. э. легенда уже была популярна в Грузии. Об этом, в частности, свидетельствует «Синайский Многоглав 864 года» (изд. А. Г. Шанидзе. Тбилиси, 1959, с. 237, на груз. яз.).

84 В ЖВГ неоднократно встречается свидетельство об особом пиетете в раннесредневековой Грузии к памяти византийского императора Иовиана (363-364), восстановившего на константинопольском престоле христопочитание.

85 Хосровтанг. В действительности в Иране в это время правил Ездигерд II (439-457) (см. М. М. Дьяконов. Указ. соч., с. 274 и сл.). Возможно, это не случайно и отражает традиционную оценку грузинами этого выдающегося правителя Сасанидов. В этой связи обращает внимание композиция имени «Хосровтанг», что значит «уподобленный Хосрову», т. е. «символу» сасанидских правителей в представлении грузинских книжников раннего средневековья.

86 В 363 г. в результате неудачной (стоившей императору Юлиану жизни) войны с персами по инициативе нового императора Иовиана византийцы заключили со своими врагами мир, единственная выгода которого для ромеев состояла в спасении их войска от полного разгрома. В сочинении Джуаншера звучит традиционная в картлийском обществе апология Иовиана.

87 Отголоски легенды о взаимоотношениях между Григорием Просветителем (арм. Лусаворич) и армянским царем Трдатом III (298-330), в период правления которого в начале IV в. христианство было признано официальной идеологией Армении. Согласно этой легенде Трдат за преследование Григория был чудодейственным образом обращен последним в дикого кабана и затем им же вновь превращен в человека, и лишь этот факт «вразумил» царя признать Христа «истинным богом».

88 Обычный новозаветный шаблон, согласно которому прежний преследователь христиан, вдруг чудодейственно озаренный «светом Христа», становился ревностным прозелитом.

89 Геон – древнегрузинская форма названия одной из четырех рек, текущих из рая, библ. Гитон (I. Быт., 2, 13).

90 Мускус – в оригинале «мушки» – «мускус». Заимствовано из иранских языков. Широко применялся в средневековой грузинской медицине, что косвенно и отразилось в данном контексте нашего источника (см. С.-С. Орбелиани. Сочинения, т. IV, ч. I, с. 534; В. И. Абаев. ИЭСОЯ, II, М., 1973, с. 142-143; И. В. Абуладзе. Словарь, с. 301; З. Панаскертели-Цицишвили. Лечебная книга – Карабадини. Тбилиси, 1978, на груз. яз.).

91 Джила – одно из названий р. Тигр (из араб. Джиле).

92 Мириан – имеется в виду первый христианский правитель Картли (I-я пол. IV в.).

93 Нино – речь идет о проповеднице христианства в Картли Нине Каппадокийской (начало IV в.); сведения о ней сохранились в сочинениях ранних историков христианской церкви (Созомен, Руфин), а также в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V в.). Культ Нины, как первоначальной и единственной проповедницы христианства в Грузии, безраздельно стал господствовать здесь лишь с конца IX – начала X в. и был связан с окончательным оформлением местных церковных легенд в духе постановлений Халкедонского собора в 451 г. (последние работы по данной проблеме с указанием библиографии см.: М. С. Чхартишвили. Проточелишская редакция «Жития св. Нино» – источник метафрасной редакции. – «Мацне», серия истории, 1978, № 4; ее же: Малая и пространная редакция «Жития св. Нино». – «Мацне», серия истории, 1980, № 1; ее же: Метафрас о редакции «Жития св. Нино» сборника «Картлис цховреба». – «Мацне», серия истории, 1980, № 4; все на груз. яз.).

94 Даниил – библейский пророк.

95 Архангел Михаил, библ.

96 Грузины – в оригинале «ковелта картвелта» – дословно – «все картвелы».

97 Энкратиты – секта в раннем христианстве, разновидность аскетизма.

98 Очевидно, город Трапезунт.

99 Вольный метафрас известных евангельских сентенций, ср.: «И если правая твоя рука соблазнит тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мтф., 5, 30); «У тебя же, когда творить милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была в тайне» (Мтф., 6, 3-4).

100 Мы думаем, что в данном случае сохранились отголоски тенденциозно созданной в период укрепления средневекового Грузинского царства с IX-X вв. родословной правящей династии Багратионов.

101 Поликарпос – это имя в ЖВГ встречается несколько раз, а однажды даже упоминается его титул «логофет» и является скорее всего вымышленным, литературным образом, служащим замыслу идеализации личности Вахтанга Горгасала.

102 Речь идет, очевидно, о Григории Парфянине, по наиболее ранней традиции, сохранившейся в армянских источниках (Агафангел, Мовсес Хоренаци), просветителе народов Закавказья (см. Н. Я. Марр. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием. Арабская версия. – ЗВОРАО, т. XIV. СПб., 1905). Сохранились обширные грузинские версии жизнеописания Григория (см. П. М. Мурадян. Древнегрузинские редакции Агафангела. Ереван, 1982, на арм. яз.). Комментируемый эксцерпт из ЖВГ, очевидно, является одним из отголосков культа Григория Парфянина в Грузии, о чем может свидетельствовать мистический пиетет, которым отмечено его упоминание в жизнеописании Горгасала.

103 Этим русским термином послемонгольского периода мы передали грузинский текст «уметес арс бевр атасиса» – «более тысячи бевров» – «бевр»-и – «10 000» (С.-С. Орбелиани. Сочинения, т. IV, ч. I, ч. 105); употреблялся также в значении «множества» и часто встречается в памятниках средневековой грузинской литературы. Исследователи предполагают, что восходит к авестийскому baevarj 10 000 (см. М. К. Андроникашвили. Указ. соч., т. I, с. 290; В. И. Абаев. ИЭСОЯ, I, с. 262).

104 Джазира, Джазирети – принятое в грузинской исторической традиции название Междуречья (Месопотамии) в целом, согласно арабским источникам – «Верхняя Месопотамия».

105 В данном случае может быть свидетельство двоякого характера: во-первых, указание на действительное наличие в христианской идеологии в Грузии в эпоху Вахтанга Горгасала различных течений и, во-вторых,

свидетельство об известной в истории культурного развития средневековой Грузии критической оценки деятелями XI в. культурных накоплений грузин в предшествующие века.

106 Спери – историческая область в юго-западном Причерноморье, коренное население которой – саспeры – неоднократно упоминается еще в «Истории» Геродота (I, 104, 110; III, 94; IV, 37, 40; VII, 79). И впоследствии сасперы упоминались греко-римскими и византийским авторами. По грузинским источникам известно, что р. Чорох называлась «рекой Сперской» (КЦ, I, с. 17), а Черное море – «Сперским морем» (КЦ, I, с. 8, 9, 19): ср. лазское название Черного моря, тождественное с р. Акампсис (обстоятельный анализ этого топо-этнонима см.: Н. Я. Марр. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием, с. 168; Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 91, 102, 233, 281 и др.).

107 В данном случае заслуживает внимания указание на то, какие товары были в обороте на описанных торжищах; во всяком случае Джуаншер свидетельствует о том, какие товары привлекали внимание здесь собственно грузин, и это не может не дополнить наши общие представления об уровне товарообмена в средневековом Трапезунте (ср. С. П. Карпов. Трапезунтская империя и западноевропейские государства в XIII-XIV вв. М., 1981, с. 18 и сл.).

108 Вид морского корабля в Византии. В грузинской литературе впервые встречается в «Синайском Многоглаве» (864 г.) в форме «дроми», что должно указывать на то, что в ЖВГ сохранилась поздняя форма данного термина и она вряд ли восходит к источникам раннего периода. Возможно, об этом же свидетельствует и полное соответствие слова «дромон» по ЖВГ и «Словарю грузинского языка» С.-С. Орбелиани, в котором так же, как и в сочинении Джуаншера, говорится, что «дромон»-и – «это самый крупный из кораблей» и в него вмещалось «пятьсот-шестьсот и более бойцов» (С.-С. Орбелиани. Сочинения, т. 4, ч. I, с. 229, 563; Т. Н. Берадзе. Мореплавание в древней Грузии. Тбилиси, 1981, с. 51, на груз. яз.).

109 Понтийский путь – вполне вписывается в рассказ Джуаншера Джуаншериани о «великом Понтийском городе» – Трапезунте и должен представлять собой трассу, связывавшую Константинополь именно с Трапезунтом.

110 Свидетельство о существовании в феодальной Грузии (по крайней мере, в эпоху создания ЖВГ) определенного опыта «тайной дипломатии». В общем это может свидетельствовать о значительном опыте грузинских правителей в международных сношениях, что прежде всего предполагало определенное политическое значение раннефеодальной Грузии во взаимоотношениях того времени.

111 Тухариси – одна из важных политических единиц раннесредневековой Грузии. Согласно Леонтию Мровели, крепость Тухариси находилась в области Одзрхе, которая в грузинских источниках отождествляется с Самцхе – «Страною месхов» (КЦ, I, 47; Г. А. Меликишвили, ИДГ, с. 113 и сл.). Упоминается в Армянской Географии VII в. в форме Тухар-к – крепость в области Кларджет (Кларджети) (см. С. Т. Еремян. Армения по «Ашхарацуйц»-у, с. 111). По замечению С. Т. Еремяна (указ. соч., с. 53), «Тухар-к или Тухариси – это крепость в гаваре (области) Кларджет, ныне деревня Херес подле рубежей Тайка». Примерно аналогичного мнения придерживается и Д. Л. Мусхелишвили, считающий Тухариси расположенной в пределах Тао (см. его: Основные вопросы исторической географии Грузии, II, с. 170-171). По нашему мнению, название «деревни Херес» – это не что иное, как искаженная форма именно грузинского (Ту)харис-и. Н. А. Бердзенишвили (см. ВИГ, VIII, с. 59-60) предполагал в основе данного топонима корень «тиха» – «земля», «почва», «глина» (ср. название крепости Мтверис-цихе – «Земляная крепость»).

112 Данное признание грузинского автора XI в. должно свидетельствовать об использовании им какого-то раннего источника, отразившего, скорее всего, период преследования христиан в Сасанидском Иране (см. М. М. Дьяконов. Указ. соч., с. 264-269) после объявления христианства государственной религией Римской империи. Если учесть, что первоначально христианство в Грузию (Картли) проникло путями, пролегавшими через Сирию – Армению – Иран (Н. А. Бердзенишвили. ВИГ, IX, с. 24), и что новая религия воспринималась преимущественно демократическими низами, то следует признать, что приведенный контекст из ЖВГ касается, по крайней мере, косвенно, именно данной исторической ситуации.

113 Вараз-Михр – единственное упоминание о коллятеральном родственнике Вахтанга Горгасала. Однако основное значение этого свидетельства не в историчности данного лица, а в безусловном и особо подчеркиваемом автором ЖВГ факте активного участия членов семьи воспитателя царя в делах правления государством.

114 Довольно реалистично обрисованная картина мародерства воинов из ополчения Вахтанга Горгасала представляет собой одно из проявлений быта феодального общества. Как в письменных источниках, так и

в живой народной речи оно называлось «мекобреоба», термин собственно грузинский и соответствующий русскому «разбой». Это явление было столь повсеместным, что получило характер особого антиобщественного института, на борьбу с которым власти привлекали все общественные силы страны. Были оформлены специальные статьи, по которым строго карались не только бандиты, но и их лжеосведомители (см. Памятники грузинского права, т. I. Под редакцией И. С. Долидзе. Тбилиси, 1963, с. 450; на груз. яз; К. А. Чхатарайшвили. Указ соч., с. 125). Были организованы специальные органы по борьбе с «мекобреоба» и даже введены сборы с населения – «самекобрео» – в пользу организованных мероприятий по борьбе с этим бичом общественного порядка. В связи с этим вполне понятна та реакция, которую, по словам Джуаншера Джуаншериани, Горгасал проявил по отношению к собственным воинам, уличенным в этом антиобщественном явлении.

115 В оригинале «хертвиси» – термин, который в средневековой грузинской литературе встречается неоднократно. В научном аппарате КЦ С. Г. Каухчишвили, как выясняется, принимает в качестве топонима (КЦ, I, с. 429). А. Г. Шанидзе разъясняет в значении «остров», а также «полуостров» (см. А. Г. Шанидзе. Соч., т. II, Тбилиси, 1981, с. 260-275, на груз. яз.). Это толкование согласовано с данными средневековых грузинских текстов и научных работ (С.-С. Орбелиани, Н. Д. Чубинашвили и др.) и принято в нашем переводе.

116 Борзо – данное имя в древнегрузинской литературе встречается дважды. Первый раз – в агиографическом сочинении «Мученичество св. Евстафия Мцхетского» (ок. 70-х гг. VI в.) и носит его орхистианившийся перс (С. Кубанейшвили. Хрестоматия, I, с. 46). Имя грузинизовано и восходит к burz «высокий», свидетельствуя о длительном его бытовании в среде грузин (М. К. Андроникашвили. Указ. соч., I, с. 452). Термин «мепе» («царь») применительно к Борзо («И Борзо – царь Мoваканский») в данном случае имеет синонимическое значение и ближе всего стоит к пониманию его в смысле «государь», «владетель», свидетельствуя о многозначности термина «мепе» в древнегрузинской социальной терминологии. Но главное, что в данном сообщении (независимо от степени его вымышленности) отражен факт распространения христианства именно картлийцами в пограничных с Восточной Грузией (Картли) областях Кавказской Албании.

117 В оригинале «антраки», восходит к греческому anthrakos (И. Абуладзе. Словарь, с. 7). В русском переводе Книги Притчей Соломона (8,11) соответствует слову «жемчуг».

118 В древнегрузинской литературе, как известно, обильно встречаются реминисценции мотивов, образов и прямые ссылки на образцы древнегреческой (как и античной вообще) литературы (см. М. Д. Лордкипанидзе. К вопросу об использовании античных и византийских письменных источников в грузинской историографии. – Историко-филологические разыскания, т. I, Тбилиси, 1980, с. 150 и сл.). В данном случае мы считаем, что сентенция «Лев быку не чета» восходит к древнеримскому «Что положено Юпитеру, то не положено быку» – «Quod licet Zovi, non licet bovi».

119 В научной литературе считался почти необъяснимым такой факт, как стремительное развитие мореходства у турок-османов. В. В. Бартольд («Ислам и Черное море». – Соч., т. VI, М., 1966, с. 661) в этой связи писал: «Заслуживает быть отмеченным, с какой быстротой и совершенством такой континентальный народ, как турки, освоился с морем. У арабов Северной Африки турки считались по преимуществу мореплавателями; султан Марокко называл турецкого султана в насмешку «рыбьим царем». Как далеко доходили морские набеги турок, свидетельствует опустошение ими острова Исландии в 1627 г. Вообще морское пиратство так называемых берберских государств было организовано не арабами или берберами, а турками». К сожалению, вплоть до последнего времени никто не обращал внимания на тот факт, что «турецкими мореплавателями» выступали преимущественно прибрежные племена южного и юго-восточного Причерноморья и прежде всего лазско-чанские и абхазские племена, что было отмечено еще самим турецким историком и географом XVII в. Эвлией Челеби (Эвлия Челеби. Книга путешествий, вып. 3. М., 1983, с. 40, 42 и др.). Прибрежные области южного Причерноморья Византийской империи были населены не столько греческим, сколь лазско-чанским населением. Неслучайно, что константинопольские автократоры именовали трапезунтских императоров «лазскими царями» (Михаил Панарет. Трапезунтская хроника. М., 1905, изд. Ал. С. Хаханова; В. А. Гордлевский, Избр. соч., т. I, М., 1960, с. 56 и др.; Т. Н. Берадзе. Мореплавание в древней Грузии).

120 В оригинале «сакмэ циндобиса». С. Г. Каухчишвили оставил слово с вопросом, предположительно отметив, что речь, возможно, идет об обмене заложниками (КЦ, I, с. 459). В Словаре И. В. Абуладзе (с. 134) среди различных синонимов слова «циндоба» приводится и такое, как «соединять». Судя по тексту ЖВГ, именно это значение слова «циндоба» более всего приемлемо, что и учтено в нашем переводе.

[121] Арсианские (горы) – горная цепь, является водоразделом бассейнов рек Куры и Чороха. Как свидетельствуют письменные источники, в том числе и ЖВГ, Арсианская горная система в средние века использовалась в качестве естественных рубежей в ходе политических сношений Грузии с соседними странами. Несмотря на сложность природных условий, через Арсианский хребет проходили важные коммуникационные пути, о чем свидетельствуют письменные источники, указывающие на существование в этом субрегионе Арсианского пути и Арсианских ворот (Н. Джавахишвили, ИГН, II, с. 17-18 и др.).

[122] Имеется в виду Александр Македонский (356-323 до н. э.). Указание на установление политических границ Византийской империи во времена македонского царя-полководца может свидетельствовать, во-первых, о времени, когда должна была быть сочинена данная легенда – не ранее времени окончательной реставрации иконопочитания, приведшего к возрождению в Византии эллинизма; во-вторых, об особой важности и для византийской внешней политики, и для формирования единого Грузинского царства территории Восточного Причерноморья – ядра будущего Абхазского царства – вплоть до верховий р. Кубань («реки Малой Хазарии»).

[123] Отмеченная в данном контексте территория, возможно, включала область между реками Ингури (Эгрисцкали) и Келасури (Абхазия). Вместе с тем следует иметь в виду, что термин «клисура» (из греч., букв.: «ключ», «проход») нередко употреблялся в его техническом значении и был распространен во многих областях Закавказья и Малой Азии (см. Гр. Капанцян. Ассиро-вавилонские слова в армянском. Ереван, 1945, с. 18, на арм. яз.). Феофилакт Симокатта указывал, что «укрепления», которые являются «ключами горных проходов... ромеи обычно называют клисурами» (Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, с. 167). То же самое передает Феофан Исповедник (790-818). Переводчик и комментатор его труда И. С. Чичуров пишет: «Греческое «клисура» означало не только горный проход, ущелье, но и укрепление на перевалах» (И. С. Чичуров. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980, с. 66, 138). Однако тот факт, что в Абхазии этот термин прочно утвердился в качестве определенного гидронима, не исключает вероятности точного соответствия Клисуры из ЖВГ современному названию р. Келасури. Ср. «Клисура – стена порубежная» (КЦ, I, с. 235 и др.).

[124] Независимо от того, насколько власть Вахтанга Горгасала могла распространяться на Абхазию в ее узко территориальном значении, под «прочей Абхазией» здесь следовало бы подразумевать ту же территорию, которая входила в широкое понимание Абхазии (позднее Абхазское царство). (Ср. Н. Бердзенишвили. ВИГ, VIII, с. 267).

[125] Артануджи – центр юго-западной области исторической Грузии – Кларджети. Предание о том, что Артануджи был построен Вахтангом Горгасалом, подтверждается и таким реалистическим источником, как сочинение Сумбата Давитис-дзе (см. Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. Перевод М. Д. Лордкипанидзе, с. 31; Д. Л. Мусхелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии, II, с. 174-176 и др.). Впоследствии, как выясняется, Артануджи был заново отстроен деятелем VIII-IX вв. Григорием Хандзтийским. Лексикологический анализ топонима «Артануджи» обнаруживает принадлежность его к мегрело-чанской ветви картвельских языков (см. А. Г. Шанидзе. Соч., т. II. Тбилиси, 1981, с. 492-493, на груз. яз.).

[126] Монастырь в Кларджети. Опиза была возобновлена в VIII в. на месте более старого храма, в свое время построенного местными жителями – мегрело-чанами (см. Н. Я. Марр. Георгий Мерчул. Житие Григория Хадзтийского, с. XXII). Лексикологический анализ топонима «Опиза» обнаруживает связь его с мегрело-чанской ветвью картвельских языков со значением «переднее место», «берег» (?) (см. А. Г. Шанидзе. Соч., т. II, с. 27; см. также: Ш. Я. Амиранашвили. Бека Опизари. Тбилиси, 1959).

[127] Дарчил – искаженное персидское имя Дарий (см. М. К. Андроникашвили. Указ. соч., I, с. 462-463). Имя Дачи было популярно в раннесредневековой Грузии и лишь в пору установления культурного приоритета Византии постепенно предалось забвению.

[128] Индабриан – очевидно, какое-то искаженное (вымышленное?) географическое название; локализация не представляется возможной.

[129] Цари дербендские. Как известно, Дербенд (груз. Дарубанди) – это название города и области (Западный Прикаспий) (см. В. В. Бартольд. Соч., т. III. М., 1965, с. 419 и сл.; В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда. М., 1963). Очевидно, Джуаншеру было известно о какой-то миссионерской деятельности грузин

в области Дербенда именно в период, когда там наметилась тенденция к феодальной раздробленности (не отсюда ли сама формулировка – «цари дербендские»?

130 Шимшата – должно соответствовать встречающемуся в армянской Географии VII в. в главе «О Сирии» (см. С. Т. Еремян. Армения по «Ашхарацуйц»-у, с. 112) названию города Самосат (Птолемей, V, 14, 8). Ср. также: Н. Г. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, с. 34-36.

131 Дигоми – местность, ныне один из районов г. Тбилиси.

132 Цхенис-терпи – вся эта фраза в оригинале звучит несколько туманно. Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, с. 227-228) высказал мнение, что в период написания Джуаншером своего труда топонимические названия «Ворота Картли» (Картлис кари) и «Цхенис-терпи» (букв. «Лошадиная стопа») реально существовали, трудности заключаются в их идентификации. «Ворота Картли» ученый считал чисто техническим термином, каковым, по его мнению, был и «Цхенис-терпи». Неслучайно, что Вахушти Багратиони (см. КЦ, с. 109, 338) Цхенис-терпи локализует в местности Дидубе (ныне в пределах г. Тбилиси).

133 Мхари – чисто грузинский термин, букв. «бок», «плечо» – единица меры длины, неоднократно встречается в древнегрузинской литературе. Согласно С.-С. Орбелиани (Соч., т. 4, ч. I, с. 557), в среднем равнялась 2 м. (см. также: И. А. Джавахишвили. Грузинская метрология, с. 133; Г. И. Джапаридзе. Очерк по истории грузинской метрология, с. 142). Могветский мост, очевидно, соединял собственно Армази с прилегающими к нему окрестностями.

134 Милитина – Мелитена, античная форма названия одной из областей Малой Азии в пределах совр. Малатьи (подробно об этно-территориальных связях данной области с древнегрузинскими племенами см.: Г. А. Меликишвии. ИДГ, с. 75, 351 и др., там же библиография).

135 Раздвоение собственно грузинского социального термина «мама-упали» («отец-владыка») в обиходе, а затем и в официальной административной терминологии уже периода развитого феодализма известно в форме «мампали». Грузинскому термину «мампали» во все времена его употребления более всего соответствует русское «владыка». Ср. Уплис-цихе – букв. «Град владыки», «Царский город», «столица».

136 В оригинале – «зроха» – в современном грузинском – «корова», в древнегрузинском – вообще «крупный рогатый скот» (С.-С. Орбелиани. Соч., т. 4, ч. I, с. 290). Если исключить характерную для Джуаншера гиперболизацию, то вполне можно судить о принятых в раннесредневековой Грузии эквивалентах ценностей, что также важно и для общего представления об истории экономического развития страны.

137 Шам – доарабское название Сирии.

138 Сикилия – «страна» с таким названием неизвестна.

139 Одна из этно-территориальных единиц Грузии, известная еще в древнеписьменных источниках (греко-римских, византийских, армянских, арабских). Известно, что область расселения предков сванов в древности значительно превосходила этнографические рубежи современной Сванети и включала часть северных отрогов Главного Кавказского хребта (см. Л. И. Лавров. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в. – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, М.-Л., 1950; Т. Ш. Мибчуани. Этнокультурные связи горцев Грузии (сванов) с балкарцами и карачаевцами. – Автореф. канд. диссерт., Тбилиси, 1978). Армянская География VII в. называет сванов среди племен «Азиатской Сарматии» (Т. С. Еремян. Опыт реконструкции..., с. 263; Г. В. Цулая. Описание Колхиды и сведения об абхазах в армянской Географии VII в. – В кн.: Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980, с. 76 и сл.). В византийском источнике, посвященном деятелю VII в. Максиму Исповеднику, говорится, что этот подвижник помер «в городе Алании – Схимари», а в эпистоле сопровождавшего Максима лица упоминается город Фуста (Phustas) «в пределах Апсилии и Мисимианы» (В. Г. Василевский. Труды, т. II, ч. I, СПб., 1909, с. 277). К. С. Кекелидзе замечает, что упоминаемые в различных версиях «Жития» Максима Исповедника Лазика, Мегрелия и Алания в действительности представляли собой одну и ту же территорию – «северовосточное побережье Черного моря, окаймленное с юга и востока рекой Рионом, а с северо-востока – Главным Кавказским хребтом» (К. С. Кекелидзе. Сведения грузинских источников о Максиме Исповеднике. – Этюды, т. VII, с. 25 и др.). Кроме того, «город Алании – Схимари» созвучен с наименованием области в Сванети – Цхумар, а Фуста – это не что иное, как Фостафори Леонтия Мровели и Фосфорон армянской Географии VII в. (С. Т. Еремян. Указ. соч., с. 264; там же, примеч. 39). Впоследствии, в период образования Абхазского царства, а затем и в период объединения Грузии (IX-X вв.) Сванети упоминался под названием «Абхазия» (Апхазети) (Киракос Гандзакеци. История Армении.

М., 1968, с. 181, 234). В грузинских источниках отразилась традиция как обобщающего, так и узкоэтнического наименования Сванети. Последнее восходит к эпохе арабского господства в Закавказье, когда территория Сванети стала убежищем для населения разоренных областей Грузии.

140 Из приведенного текста ЖВГ Г. А. Меликишвили (ИДГ, с. 132) делает следующее заключение: «Так представляются древнегрузинской исторической традиции взаимоотношения Картли с Зап. Грузией (Эгриси). Однако против нарисованной выше картины как будто говорят византийские источники, которым ничего не известно о политическом господстве Картли (Иберии) над Зап. Грузией». Мы думаем, что молчание византийских авторов о политическом месте Картли в Западной Грузии можно объяснить, во-первых, действительно, неглубоким влиянием Картли на Эгриси, хотя самого этого факта отрицать не приходится ни на одном этапе истории Грузии; во-вторых, и это особенно надо иметь в виду, великодержавным игнорированием византийцами внутриполитического движения в сопредельных странах, что является одной из наиболее характерных черт внешнеполитических актов византийских правителей. Таквери и Маргви – древние этнографические области в Западной Грузии (ср. Очерки, II, с. 167; Д. Л. Мусхелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии, II, с. 141).

141 Уджарма – один из наиболее крупных центров Грузии в позднеантичную эпоху и раннем средневековье; был расположен в местности Жалети на берегу р. Иори. Руины города сохранились до сих пор (см. И. Цицишвили. История грузинской архитектуры. Тбилиси, 1955; на груз. яз.; Д. Л. Мусхелишвили. Город-крепость Уджарма. Тбилиси, 1966; на груз. яз.). Город достиг расцвета в период правления Вахтанга Горгасала, которому средневековые грузинские авторы приписывают значительную строительную деятельность. Фортификационные сооружения в Уджарме играли роль сдерживающего барьера против кочевников Северного Кавказа, а также служили базой для наступления на них. На территории Уджармы обнаружены сасанидские серебряные монеты времен шаха Пероза (439-484). Был разрушен арабами в X в. Впоследствии восстановлен и превращен (XII в.) в одно из царских казнохранилищ (см. Г. А. Ломтатидзе. Культура и быт населения Грузии, I-XIII вв., с. 124).

142 Эджиб (араб.) – «привратник», «церемониймейстер», а также «представитель царя» (С.-С. Орбелиани. Соч., т. 4, ч. I, с. 255).

143 Исследователи замечают, что в рассказе о посещении Вахтангом Горгасалом Палестины сохранились отзвуки о хождениях грузинских пилигримов в Иерусалим в IV-V вв. Указанное явление было настолько развито в грузинском обществе того периода, что авторы, повествуя о Горгасале, не устояли перед соблазном приписать и ему хождение в Иерусалим (см. Л. В. Менабде. Очаги древнегрузинской литературы, II. Тбилиси, 1980, с. 79-80; на груз. яз.). Еще Н. Я. Марр, указывая на историческое значение комментируемого контекста, писал: «На несомненном факте раннего паломничества грузин в Иерусалим основан эпизод о путешествии грузинского царя Вахтанга Горгасала в св. Град в V веке в легендарном о нем сказании, внесенном в Грузинские летописи» (Н. Я. Марр. Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г..., с. 4, примеч. I). К. С. Кекелидзе также отмечал, что легенда о посещении Вахтангом Горгасалом «святого града» в V в. основана лишь «на несомненном факте паломничества грузин в Иерусалим» (К. С. Кекелидзе. Этюды, т. IV, с. 359).

144 Ранская дорога – очевидно, что это одна из важных стратегических трасс, связывавших замкнутую в горах Картли с внешним миром. Надо думать, что по названному маршруту осуществлялись связи Восточной Грузии с Ираном не только в период правления Сасанидов, но и значительно ранее. Позднее в грузинских источниках не упоминается, вероятно, ввиду перемещения стратегических путей после завоевания Ирана арабами.

145 Урха – иначе Эдесса, город в Сирии, один из центров христианской религии на Востоке.

146 Отголоски арабо-иранских войн в первые годы хиджры, один из существенных анахронизмов в ЖВГ.

147 Основное значение данного сообщения – указание на особо престижные товары в Грузии раннего средневековья.

148 Следует отметить, что даже автор ЖВГ, столь свободно чувствовавший себя в преувеличениях, в данном случае передает верные представления своих соотечественников о кровопролитных войнах персов с арабами (последняя фундаментальная работа на эту тему: А. И. Колесников. Завоевание Ирана арабами в VII-VIII веках. М., 1983).

[149] Четыре знатных – речь идет о легендарных вельможах Вахтанга Горгасала – Артавазе, Насаре, Бивритиане и Саурмаге.

[150] В оригинале «мона» (букв. «раб»), в грузинской литературе вплоть до ее расцвета являлся термином многозначным, но в общем означал служилую часть населения, а как поэтический образ – и вассальную знать. «Мона» составляли основную часть не только трудового населения, но и основной контингент военного ополчения (см. К. А. Чхатарайшвили. Очерки по истории военного дела в феодальной Грузии, с. 47 и др.). В ЖВГ бросается в глаза обилие пленников, которые обычно именуются рабами (мона). Исследователи в этом видят верное отражение той большой роли, какую играли пленники, превращаемые затем в «мона», в экономической жизни Картли и строительных мероприятиях местных правителей (см. Г. А. Меликишвили. ИДГ, с. 430-432 и др.).

[151] Синдила, Топори, Кимраи – указанные города локализации не поддаются. Синдила, может быть, образовано на основе названия «страны Синдов», поэтому, возможно, вымышлено самим автором ЖВГ. Что же касается других, то ввиду их элементарного звукового набора они, скорее всего, представляют собой до неузнаваемости искаженные названия, восходящие к каким-то источникам.

[152] Версия об «арабском» происхождении курдов – одна из многочисленных легенд о предках курдского народа (подробный обзор источников и литературы см.: Г. В. Акопов. Арабские источники по этнической истории курдов и версии их арабского происхождения. – В кн.: Страны и народы Ближнего и Среднего Востока, т. III, Ереван, 1967). В мир раннесредневековой грузинской литературы эта версия могла проникнуть в результате тесного общения картлийцев с арабами Тбилисского эмирата, в культурной жизни которого, как это теперь установлено, выходцы из грузин принимали деятельное участие.

[153] По исторической традиции, Вахтанг был женат на дочери византийского кесаря. Но в данном контексте упоминание об этом служит идее противопоставления Персии Византии. В тексте чувствуется верность автора ЖВГ духу изображаемого им времени, когда Вахтанг стоял на «перепутье» политического выбора между Востоком (Персия) и Западом (Византия), будучи зависимым от Персии, что и отразилось на его дипломатическом лавировании, а не «резком» отказе. Легенды о колебаниях правящих кругов в выборе той или иной религии в раннем средневековье общеизвестны. Достаточно указать на историческую легенду о выборе религиозной политики в Киевской Руси.

[154] Яркое свидетельство того, что любая оппозиция в отношении церкви духовенством расценивалась как маздеистская агентура – самое тяжкое грехопадение в представлении ортодоксов.

[155] Мтф., 12,20.

[156] Согласно новозаветному преданию, у Христа в качестве казначея служил Иуда Искариот, названный к тому же вором (Иоанн, 12,6). Как справедливо отмечено, эта ассоциация в сознании Джуаншера вызвана не конфликтом на догматической основе, а исключительно экономическими причинами. Вахтанг обвинял епископа Микаэла скорее всего в стяжательстве и присвоении церковного богатства (казны) (см. З. Н. Алексидзе. О конфликте между Вахтангом Горгасалом и архиепископом Микаэлом, с. 103).

[157] Ср.: Христос и его двенадцать учеников. По замечению Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, с. 280), число тринадцать здесь имеет исключительно сакральное значение и подогнано под число апостолов евангельских преданий.

[158] Светицховели – Мцхетский кафедрал, букв. «Столп Животворящий», один из замечательных памятников средневековой грузинской архитектуры.

[159] Хунани – по предположению исследователей (см., например Д. Л. Мусхелишвили. Вопросы исторической географии Грузии, II, с. 43-44 и др.) стольная крепость времен правления Вахтанга Горгасала в той части исторической области Гардабани (Восточное Закавказье), которая со временем вошла в состав Картлийского царства.

[160] Никозская церковь – центр одного из епископатов в Картли раннего средневековья (Очерки, II, с. 98; С. Н. Джанашиа. Труды, т. II, с. 20), был расположен во Внутренней (Шида) Картли.

[161] Ражден – воспитатель (мамамдзудзе) супруги Вахтанга Горгасала, родом перс, перешедший в христианство в лоне грузинской церкви и затем служивший картлийскому правителю. В XII в. ему было посвящено сочинение «Мартиролог первомученика Раждена», в котором, по мнению исследователей, были использованы более древние источники, что вполне логично, судя по тому ореолу, которым он окружен в сочинении Джуаншера.

По словам анонимного агиографа, Вахтанг Горгасал спустя несколько лет после умерщвления Раждена перенес его прах в возведенную им Никозскую епископскую церковь.

162 В специальной литературе установлено, что превращение Вахтангом Горгасалом основанного в период его правления города Тбилиси в столицу Грузии является легендой. О превращении Тбилиси в стольный центр Грузии говорится лишь в «Исторической хронике Псевдо-Джуаншера» как об акте сына и преемника Вахтанга Дачи (с. 105). Историческое зерно рассказа Джуаншера об основании города Тбилиси вставлено в распространенный у многих народов сюжет о находке «целительных» источников (Г. Н. Ахвледиани. Отражение исторической действительности в грузинских легендах. – В кн.: Эпические жанры. Тбилиси, 1981, с. 113 и сл., на груз. яз.; ср. В. П. Кобычев. Об одной позабытой гипотезе. – СЭ, № 4, 1983, с. 120). В легендах подобного характера нет ничего такого, что бы не могло соответствовать действительности. Другое дело, что основание Тбилиси как нового центра Грузии было обусловлено стратегически и хозяйственно перспективной местностью (см. также: С. Цаишвили. Тбилиси в народном творчестве. Тбилиси, 1958, на груз. яз.).

163 Ущелье Лопотское – местность в Восточной Грузии. По крайней мере в период писания Джуаншером своего труда – одна из составных частей Кахети. Представляла собой укрепленную единицу с центром в виде крепости (Н. А. Бердзенишвили. ВИГ, VIII, с. 62).

164 Местность с таким названием по другим источникам неизвестна.

165 Город с таким названием локализации не поддается.

166 «Город Армази» – в изданном С. Г. Каухчишвили своде: «Разорили Тбилиси и Армази Картли». Несуразность такого предложения вполне очевидна. Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, с. 203) обратил внимание, что в ряде списков КЦ данное место читается «Тбилиси и город Армази» (Картлис цховреба. Список царицы Анны. Под ред. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1942, с. 138, примеч. 12). В нашем переводе мы воспроизвели указанное чтение.

167 Император Восточной Римской империи Зенон (474-491), который был не сыном Леона (Лев I, 457-474), а командиром его личной гвардии. Действительная ситуация в период правления Зенона была прямо противоположна той, о которой пишет Джуаншер. Согласно сведениям византийских авторов, в период правления Зенона была попытка установления равновесия в отношениях с Ираном из-за тяжелого положения империи в западных провинциях. Известно, что Зенон даже принял практические меры для выкупа из эфталитского плена шаханшаха Пероза (484 г.), названного у Джуаншера общим династическим именем «Хосро». Такая интерпретация исторических фактов автору XI в. понадобилась не случайно – она как бы завершила окончательное торжество «византинизма» в образе Вахтанга Горгасала.

168 Карнифора – укрепление в местности Кола (И. А. Джавахишвили. Соч., т. II, с. 256).

169 Дорога Картлийская – один из стратегических путей в юго-западной Грузии, впоследствии названный турками Гурджибогаз (И. А. Джавахишвили. Соч., II, с. 67, 70).

170 Тасискари, вар. Ташискари – один из важных пунктов в пограничной зоне Внутренней (Шида) Картли, на что указывает значение самого названия – «Ворота Таси (Таши)». Впервые встречается в сочинении Леонтия Мровели, согласно которому Шида Картли включала территорию от Тбилиси и Арагви до Таширии Панавара (КЦ, I, с. 24).

171 Здесь нами дан буквальный перевод названия Свети (цховели), что значит Столп (животворящий). Нет сомнения в том, что Вахтанг Горгасал был похоронен по всем канонам христианских обрядов. Археологические материалы мцхетско-армазского ареала свидетельствуют, что уже в IV-V вв. в быту местного населения различных социальных слоев получили распространение погребальные обряды сугубо христианского характера, хотя материалы раскопок отдельных погребений свидетельствуют и о частичном сохранении элементов дохристианских верований (см. Г. А. Ломтатидзе. Культура и быт населения Грузии, I-XIII вв., с. 57 и др.).

II

1 Вполне очевидно, что в данном случае под термином «Картли» подразумевается Грузия в целом и поэтому здесь нельзя не усмотреть углубившегося к этому времени (VIII-X вв.) процесса этнической консолидации грузинских (картвельских) племен и соответственно уровня самосознания автора приведенного сведения.

2 Нухпатийцы – племя в древнем Дагестане.

3 В грузинских источниках нередко встречается в основе своей греческий термин «клисура», превращавшийся также в устойчивый топоним (см. примеч. 26). В данном контексте, вероятно, переплелись факты различных хронологических уровней: во-первых, раздел объединенного, но в принципе эфемерного Картлийского царства при преемниках Вахтанга Горгасала; во-вторых, захватническая политика византийцев, стремившихся превратить территорию современной Абхазии между р. Ингури (Эгрис-цкали) и р. Келасури (Клисура) в один из плацдармов своих экспансионистских планов в Закавказье вплоть до образования Абхазского царства в конце VIII в. (ср. С. Н. Джанашиа. Труды, т. II, с. 372; З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии, с. 37-40 и сл.).

4 Древнегрузинское название Черного моря (см. примеч. 106 ЖВГ).

5 Речь идет о разделении Грузии между сасанидским Ираном и Византией в 532 г. после запрещения персами иметь суверенного правителя в Иберии-Картли в 523 г. (Очерки, II, с. 247; С. Г. Каухчишвили. Георгика, т. 2, с. 38 и сл.). В акте раздела Грузии между Ираном и Византией важную роль играл не только географический фактор, но прежде всего степень взаимных политических претензий великих держав, что, естественно, не могло не отразиться на характере внутреннего развития грузинского этноса, более тяготевшего к западному (в данном случае – византийскому) миру.

6 Перед этой фразой следует обширная «вставка» с описанием деятельности «сирийских отцов» – проповедников христианства в Грузии в течение почти всего VI в. (Иован, Давид, Шио, Исе, Антоний), а также краткое повествование об обращении абхазов в целом, извлеченное из жизнеописания Шио Пещерника (Мгвимели) и сочинения Ефрема Младшего (Мцире) об обращении в христианство населения Восточного Причерноморья.

7 Возможно, что речь идет о еретических эксцессах в Грузии.

8 Вардан Мамиконян не был мтаваром, чему в армянских источниках соответствовало бы «нахарар». Армянские источники именуют его спаспетом – «главнокомандующим» (см. Егише. О Вардане и войне армянской. Изд. И. А. Орбели и К. Н. Юзбашяна. Ереван, 1971). Свидетельство грузинского источника носит архаические черты – именно в древнегрузинском термин «мтавар» часто соответствовал спаспету (о полисемантичности термина «мтавар» в древнегрузинском см.: И. Абуладзе. Словарь древнегрузинского языка, с. 239; С.-С. Орбелиани. Соч., т. 4, ч. I, Тбилиси, 1965, с. 478-479, на груз. яз.).

9 Сообщение о дальнейшей парцелляции автономных грузинских княжеств, что, по свидетельству нашего источника, происходило при полной поддержке Византии. Упоминание в данном случае эриставов картлийских «верхних и нижних» должно указывать на владетелей распавшихся на мелкие владения Верхней (Земо) и Нижней (Квемо) Картли. Сведение об этом периоде имеется и в «Обращении Картли», но с существенной разницей и в именах, и в описании ситуации (см. А. А. Богверадзе. Политическое и социально-экономическое развитие..., с. 60-61). Это обстоятельство может быть одним из указаний независимости нашего источника от «Обращения Картли». Это сложное понятие в исторической литературе раннесредневековой Грузии: первоначально оно, должно быть, применялось обычно в географическом смысле: горные и равнинные субрегионы. Но по мере социально-экономической и культурной активизации Картли (Грузии) понятие «верхние» и «нижние» все более получало культурно-историческое содержание. Но в комментируемом контексте в «Исторической хронике Псевдо-Джуаншера» Н. А. Бердзенишвили (ВИГ, VIII, 632) считал, что под понятиями «верхние» и «нижние» подразумеваются владетели соответственно Восточной Грузии (Картли в узком смысле) и Западной Грузии (Эгриси, Аргвети) и нижнего течения р. Эгрис-цкали.

10 Гуарам – один из крупных политических деятелей 2-й половины VI в., фактический объединитель Грузии на недолгое время, как об этом засвидетельствовано в «Обращении Картли» (см. Очерки, II, с. 270-271). Византийский историк Феофан называет его вождем антииранского восстания грузин в 571 г., к которому Гуарамом были привлечены народы Северного Кавказа. Византийским императором было присвоено ему

высшее звание куропалата (см.: С. Г. Каухчишвили. Георгика, III, с. 257; Очерки, II, с. 271; ср. С. Б. Ковалевская. Кавказ и аланы. М., 1984, с. 132 и сл.).

11 Джвари – дословно «Церковь Креста» – известный памятник раннесредневекового грузинского зодчества.

12 В данном случае термин «мтавар» необходимо переводить в его прямом лексическом значении – «глава».

13 Речь идет о захвате персами Иерусалима в 614 г., описанном христианско-арабским автором Антиохом Стратигом, труд которого полностью сохранился лишь в грузинском переводе с арабского (см. Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г. Грузинский текст издал, перевел и арабское извлечение приложил Н. Я. Марр. СПб., 1909, с. 11-12 и др.).

14 Кала – центральная крепость (акрополь) Тбилиси.

15 Имеется в виду византийский император Ираклий (610-641), который отвоевал Иерусалим у персов и освободил «Древо Жизни».

16 Весь предыдущий пассаж представляет собой сжатый пересказ библейской легенды о видении пророка Даниила (ср. Дан., VIII). Описанный в грузинском источнике эпизод взятия Тбилиси врагами имеет соответствие и в труде древнеармянского историка Мовсеса Каланкатваци (X в.) (см. его: История страны Агванк. Ереван, 1983, на арм. яз.; см. также: Очерки, II, с. 280-281).

17 Адарнасе – один из выдающихся деятелей раннесредневековой Грузии, современник византийского императора Ираклия (610-641). Автор нашего источника называет Адарнасе «объединителем всей Грузии», строителем церквей и т. п.

18 Очевидно, указание на внутрирелигиозные течения в грузинской церкви.

19 Как видно из древнего цикла свода КЦ, в раннесредневековой Грузии (особенно – Восточной) «святой первомученик» Стефан – один из ранних проповедников христианства (см. Деяния, гл. VI и VII). Пользовался особым почитанием в раннехристианской Грузии, на что указывает и широкое распространение в Грузии той эпохи самого имени «Стефан», затем вытесненного из антропонимического репертуара духовной и светской элиты грузин ввиду активного распространения имен местных святых.

20 По нашему мнению здесь завершается первая часть «Исторической хроники Псевдо-Джуаншера», затем начинается ее вторая часть.

21 Искусственная этимология, между прочим, свидетельствующая о знании грузинским автором греческого языка, откуда и заимствовано (kinos – «собака»). В действительности, как известно, в основе данного термина лежит арабское слово sark «восток».

22 Во всем этом рассказе элементы, видимо, подлинных реалий смешаны с легендарными сведениями, вероятно, жившими в устной традиции тех кругов грузинского общества, в которых вращался автор данного источника. Кроме того, в списках свода КЦ XVIII в. после слов «Арчил также вступил в Эгриси» следует «вставка», очевидно, восходящая к древней традиции: «В пору пребывания там (в Эгриси. – Г. Ц.) помер Стефаноз, эристав картлийский, и вместо него царем (sic!) стал сын его Мир» (КЦ, I, с. 233, примеч. 1).

23 Эшим – грузинская форма имени халифа Хишама (724-743); один из выдающихся правителей Халифата. В грузинских источниках он именован чисто арабским титулом «амир ал-му'менин» – «предводитель правоверных». В правление Хишама участились набеги хазар в Закавказье и увеличилось число их поселений здесь (К. Э. Босворт. Мусульманские династии, с. 29; В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, с. 37).

24 Абдал-Мелик Багдадский – Абд ал-Малик-халиф (685-705). Дана неточная генеалогия Хишама. Между двумя этими халифами государством правили четыре правителя: ал-Валид I (705-715), Сулайман (715-717), Умар ибн Абд ал-Азиз (717-720) и Иазид II (720-724) (см. К. Э. Босворт. Указ. соч., с. 29). Очевидно, что грузинская историческая традиция объединила двух названных в начале этого примечания представителей династии Омейадов, как сыгравших наиболее видную роль в исторических событиях Грузии в первой половине VIII в.

25 Мурван Глухой (груз. Мурван Кру) – Марван бен Мухаммад. Наместник халифа на Кавказе и будущий правитель Халифата. В период деятельности на Кавказе, согласно арабскому автору Баладзори, в результате удачного нападения на славян, живших в стране хазар, переселил 20 тысяч их семейств в Кахети (В. Ф. Минорский, Указ. соч., с. 146). Известно, что Западная Грузия не была ареной деятельности лично Марвана. Здесь, вероятно, действовали отдельные отряды его войска, а автор грузинской хроники отразил представления об обширной деятельности будущего могущественного халифа. Сведения грузинского автора о вторжении

в Абхазию подтверждаются и сообщением из «Хронографии» Феофана (см. С. Г. Затейшвили. Сведения об аланах в «Хронографии» Феофана. – В кн.: Древнейшие государства на территории СССР, М., 1976, с. 82), поэтому сомнения С. Г. Затейшвили (там же, с. 85) относительно достоверности сведения византийского хрониста, думается, не имеют оснований.

26 «Стена Клисуры» – развалины указанной «порубежной стены Клисуры» сохранились до сих пор. Судя по контексту нашего источника, а именно, что арабы прошли эту стену вслед за тем, как разгромили Цихе-Годжи, и при этом не указаны ни какие-либо промежуточные объекты, ни какие-либо прочие препятствия, стена должна была быть порубежной между частью древнеабхазских объединений и территорией, подконтрольной сидевшему в Цихе-Годжи правителю.

27 Собгиси – крепость на перевалочном пути между Аланией и территорией древней Абхазии. Исследователи предположительно локализуют в районе Клухорского перевала (совр. Карачаево-Черкессия) (см. З. В. Анчабадзе. Указ соч.; З. В. Анчабадзе, Т. Д. Боцвадзе, Г. Д. Тогошвили, М. Н. Цинцадзе. Очерки истории горских народов Кавказа. Тбилиси, 1969, на груз. яз.). Источники свидетельствуют (см. С. Г. Затейшвили. Указ. соч., с. 82 и сл.), что отношения между абазгами и аланами носили не только воинственный характер, но и мирный. Крепость Собгиси могла быть опорным пунктом не только в условиях военных действий между названными народами, но и в мирное время, как пункт различных видов обмена. В этом отношении примечательно, что грузинские источники, единственные информаторы о Собгиси, фактически ничего не говорят, кому принадлежала эта крепость – осетинам-аланам или абазгам-абхазам. Указание на то, что она находилась на «Осетинском перевале», по существу неопределенно, так как могло означать и «на пути в Осетию». Те же грузинские источники указывают, что в критические моменты крепостью, как убежищем, пользовались и владетели Абхазии. Упомянутые: Анакопия – абхазское (абазское) название местности в районе совр. Нового Афона (Абхазия); Цхуми – основа современного названия г. Сухуми, восходит к древнесванскому «цхум»-и – «граб» (см. Г. А. Меликишвили. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, с. 64-66).

28 В списках КЦ и издании С. Г. Каухчишвили: «гуджарни тквивисани» – «свинцовые грамоты». М. Броссе и Э. С. Такаишвили предполагали, что следует читать – «тквависани» (букв. – кожаные).

29 В оригинале «тадзреули», один из социальных терминов высокого порядка в раннесредневековой Грузии.

30 Один из апокрифов, принадлежащий скорее всего автору нашего источника. В основе лежит библейское сказание об Агари, наложнице Авраама, родившей ему Измаила и изгнанной его «законной супругой» Сарой (Быт., гл. XVI). Каков бы ни был источник противопоставления мусульман «служителям церкви» (христианам) с ссылкой на Коран, в котором, как известно, наоборот, говорится о терпимости к «народам книги» (иудеям и христианам), в нем отражена политика религиозной нетерпимости мусульманства, обострившейся в период активизации военной экспансии ислама.

31 В действительности этимология гидронима «Абаша» до сих пор остается неясной. Гидроним «Цхенис-цкали» – досл. «Лошадиная река» по своему смыслу совпадает с встречающимися в грекоязычных источниках древности.

32 Очевидно, это был один из примитивных приемов арабской кавалерии в аналогичных условиях.

33 Здесь мы снова встречаем случай, когда под термином «Картли» (так в оригинале!) подразумевается Грузия в целом.

34 Под этим именем скорее всего надо подразумевать Леона I, непосредственного предшественника (отца?) Леона II – основателя Абхазского царства с центром в Кутаиси.

35 Очевидно, что в данном случае автор Хроники ориентировался на текст ЖВГ.

36 Этот контекст звучит как ультиматум абхазскому эриставу, который успешно соперничал в своем регионе с могущественной империей; ближайшие преемники эристава основали Абхазское царство (рубеж VIII-IX вв.). Все это стало серьезным препятствием на пути гегемонии византийцев в Грузии. По словам Феофана Хронографа, когда Юстиниан II (685-695, 705-711) в начале VIII в. отправил на Кавказ своего спафария и будущего императора Льва III Исавра, он уведомлял абазгов: «Если вы сохраните нашего спафария и отпустите его, не причинив вреда, мы простим вам все ваши прегрешения» (С. Г. Затейшвили. Указ. соч., с. 83). Смутное свидетельство грузинского источника, а главное пути развития Западной Грузии и место в

ней Абхазского княжества вполне могут указывать на характер тех «прегрешений», о которых говорилось в эпистоле византийского императора.

[37] Налицо анахронизм: шах Ирана Пероз погиб в войне с эфталитами в 484 г., а его современником в Картли неизвестен правитель по имени Мириан. Здесь скорее всего содержится памятный для картлийцев период правления Пероза в Иране (458-484).

[38] Весь этот текст, выделенный в отдельный абзац, может быть позднейшей глоссой, внесенной в источник не ранее XI в. Ее автор ставит целью обосновать местные политические традиции для подтверждения юридических прав грузинских сепаратистских князей на их владения.

[39] Термин «хеви» в данном случае следует понимать как «округ» (по типу армянского «гавар»).

[40] Надо думать, что эта фраза, с определенным политическим смыслом, составлена в период, когда начатое правителями Абхазского царства политическое объединение Грузии прошло свой сложный путь и стало свершившимся фактом.

[41] В данном контексте под термином «Картли» должна подразумеваться Восточная Грузия, так как она упоминается параллельно с Западной Грузией – «... в Эгриси (вплоть) до Шорапани».

[42] Это указание на легендарную генеалогию грузинских Багратидов имеет нюанс, отличающий его от аналогичных сведений ЖВГ.

[43] В оригинале: «тадзреули», ср. примеч. 29.

[44] В оригинале: «касри» (из араб.).

[45] В оригинале: «мтаваров».

[46] Цукети – местность в Восточной Грузии. Одно из ранних сведений об объединении горцев Иберии-Картли в этнографическую группу Восточной Грузии.

[47] В списке Чалашвили свода КЦ – «Джизар».

[48] Далее следует жизнеописание Арчила, а затем – «Летопись Картли», начало которой редакторами КЦ подогнано к описанию мученичества картлийского правителя.

СОКРАЩЕНИЯ

ВВ	«Византийский временник».
ВДИ	«Вестник древней истории».
ВИГ	«Вопросы истории Грузии».
ДГИЛ	«Древнегрузинская историческая литература».
ЖВГ	«Жизнь Вахтанга Горгасала».
ЖМНП	«Журнал Министерства народного просвещения».
ЗВОРАО	«Записки восточного отделения Императоркого русского археологического общества».
ИГН	«История грузинского народа».
ИДГ	«К истории древней Грузии».
ИЭСОЯ	«Историко-этимологический словарь осетинского языка».
ИФЖ	«Историко-филологический журнал».
ИЯИМК	Институт языка, истории и материальной культуры Груз. ФАН СССР.
КЦ	«Картлис цховреба».
МИА	«Материалы и исследования по археологии СССР».
СМОМПК	«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа».
СЭ	«Советская этнография».
ХВ	«Христианский Восток».

Джуаншер Джуаншериани, Жизнь Вахтанга Горгасала. Картлис Цховреба, румянцевский список (до 1703 г.), Национальный Центр Рукописей, Тбилиси, H-2080, 125r.

МУЧЕНИЧЕСТВО СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ЦАРЯ ГРУЗИИ АРЧИЛА[1]

По прошествии пятидесяти лет вновь пришел Чичнаум[2], сын Мухаммеда, опустошил и разорил все строения в Картли[3] и направился в Кахети, чтобы разрушить и полностью обезлюдить. Великий страх охватил царей, мтаваров и весь народ. Они не могли воспротивиться, ибо с тех пор как разорил эту землю Кру (Мерван)[4] хотя и прошли многие годы в мире, но не смогла она прийти в прежнее свое состояние.

Тогда святой Арчил своим доблестным сердцем вознамерился встретиться (с Чичнаумом) и просить мира для (своей) страны, защиту церквей от разрушений и гонений за преданность своей вере. И, уповая на Бога, решил пожертвовать собой и своей душой ради христиан. Он предстал перед Чичнаумом, которого называли Асим.

Как только Асим узнал о его прибытии, радушный вышел к нему навстречу и приветствовал с большими почестями. Они провели весь день вместе. Он (Асим) оценил его доблесть, ему понравились его красивый лик и стать.

Спустя несколько дней он обратился к нему с льстивыми словами, обещая ему дары и призывая отречься от веры христианской и принять веру сарацин[5]. Но святой Арчил не прельстился его соблазнами и твердо ответил, сказав: «Да не быть этому; хотя и выслушал я слова твои об отречении от Христа, Бога животворящего, Бога истинного, который ради нашего спасения принял смерть через свою плоть. И ежели я послушаю тебя, знай, умру смертью, которой обреку себя на вечные мучения. Однако если ты убьешь меня, воскресну и вознесусь с Ним».

Когда нечестивый услышал все (это) и увидел его непоколебимую решимость, весьма удивился и приказал схватить его и бросить в темницу, и таким образом вынудить обратиться в его (сарацин) веру. Он не желал ему смерти из-за его красивого лика и статного телосложения.

И когда его ввели в темницу, он (Арчил) благословлял Бога и просил помощи у Него, дабы Его милостью сподобиться и сопричаститься к лику святых, которые достигли бессмертия через смерть во имя Бога.

Тем временем предстал перед Асимом, обращенный в веру сарацин мтавар[6] из Гардабани[7], дядю (брата отца) которого убили цанары[8] и которых с миром отпустил царь Адарнасе[9], дед Арчила.

По этой причине Гардабанели искал мщения и сказал Асиму: «Разве ты не знаешь, кто есть сей Арчил? Он есть сын Стефаноза[10], потомок великого царя Вахтанга[11], из колена Мириана[12], сына Касре. Он находился вместе с отцом своим, когда закапывали сокровища царства Картли.

Ему также известно, где спрятал царь Ираклий[12] свои сокровища, так как сам Ираклий показал ему (то место)».

Услышав все это, Асим вновь обратился к Арчилу и сказал: «Прежде мой взор ласкали твое великолепие и благородство, а теперь мне стало известно, что ты – сын великих царей Хосроидов, что еще больше возвеличивает тебя в моих глазах. И если внемлешь мне, то будут возвращены тебе царство твое и сокровища твоих предков. Вначале покажи мне сокровища царей Греции, обратись в мою веру, прими веру сарацин и сделаю тебя спасаларом[13] всей Картли, царем и повелителем народа Картли».

На это святой Арчил отвечал: «Мне хорошо ведомо, хотя я был юным тогда, когда царь Ираклий прошел через эту страну. Мой отец и брат спрятали все сокровища в той крепости, откуда отступал амир[12] Кру, она и ныне находится во владении греков. Но не отрекусь я от господа Бога моего, и не обменяю беспредельную славу ради преходящей».

Асим спросил: «А был ли ты в Абхазии тогда, когда сарацины пали?».

Святой Арчил сказал: «Я находился там в ту пору, когда Господь покарал их».

Асим сказал: «Кто тот Бог, который низверг сарацин?».

Святой Арчил ответил, сказав: «Бог всего живого, сотворивший небо и землю, и сошедший с небес ради спасения рода человеческого, воскресший из мертвых и дарующий бессмертие. Он низверг и смирил их».

Тогда Асим сказал святому Арчилу: «Тот, чей Бог смертен и кто уповает на него, сам заслуживает смерти».

И приказал отсечь голову и так лишить жизни святого Арчила, не посчитавшись ни с его великолепием, ни с его благородностью. И вывели его и отсекли голову в месяц миркан[15], который есть март, в 20-ое число. И он, вверяя свою душу Создателю, предпочел смерть, приносящую бессмертие, променяв быстротечность царства преходящего на вечную радость. Сподобился предстать перед Богом венценосным, в сонме святых и героических мучеников, и радоваться пред Святой Троицей.

Когда преставился святой мученик, пришли к нему Годердзианы из Тбети[16], а вместе с ними другие азнауры[17] из рода Мамеанов, похитили прах святого мученика Арчила и насмиренного погребли с большими почестями в Ноткоре, им же построенной церкви. А супруга святого Арчила пожаловала деревни в Кахети тем, которые принесли его прах на вечное упокоение.

Книга эта о мученичестве его (Арчила) была написана кратко, ибо, из-за трудных времен, тогда не было возможности более пространного описания.

Книгу же эту по истории Грузии до Вахтанга писали в разное время. А историю начиная от царя Вахтанга и до наших времен описал Джуаншер Джуаншериани[18], будучи мужем племянницы святого Арчила, потомком Рева[19], сына Мириана.

Историю же последующего поколения опишут очевидцы, которые передадут события сообразно времени и мудрости, данной им Богом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Арчил – эристав Кахети и Эрети, правил в 705-745 гг. Грузинская церковь причислила его к лику святых и днем поминовения установила 21 июня.

[2] Хузаиама ибн Хазим, заместитель халифа на Кавказе.

[3] Картли – Восточная Грузия.

[4] Кру (груз. Мурван Кру (Глухой). Имеется в виду Мерван, Мохаммед, который был наместником халифа на Кавказе, а в последующем – правителем халифата.

[5] Сарацин – араб.

[6] Мтавар(и) – вельможа, представитель высшего слоя общества, обладающий властью.

[7] Гардабани – область, представляющая собой часть Кахетского княжества в эпоху борьбы грузин против халифата.

[8] Цанары – горское племя, жившее на территории древнего Кахетинского княжества; цанары одними из первых начали борьбу против арабских завоевателей.

[9] Эрисмтавари Адарнасе, дед царя Арчила.

[10] Стефаноз II – отец Арчила и Мира. Упоминается в настенной надписи церкви Джвари (в Картли) среди ктиторов. Согласно грузинским источникам во время его правления (по Вахушти – 639-663 гг., Г. Чубинашвили – 634-635 гг., В. Гучуа – вторая половина VII века, Г. Абрамишвили – 634-635 – 681-682 гг., М. Санадзе – середина VII века) в Грузии впервые появляются арабы.

[11] Вахтанг Горгасал – царь Грузии (вторая половина V века), известный военачальник и политический деятель, боролся против иранского владычества в Грузии, за объединение Грузии и ее централизацию, провел реформу церкви и основал институт католикоса, создал новые епископства, построил Уджарму, Череми, Хорнабуджи и Артануджи, обновил в Мцхета храм Светицховели, заложил основу будущей столицы – Тбилиси. Грузинская церковь причислила его к лику святых и днем поминовения установила 3 сентября (н. с. 13 декабря).

[12] Мириан – первый христианский царь Грузии, объявивший христианство государственной религией (первая половина IV века).

[13] Ираклий (575-641) – император Византии с 610 г.

[14] Спасалар – военачальник.

[15] Амир – с 30-х гг. VIII в. верховный административный и военный правитель.

[16] Миркан – древнегрузинское название месяца март.

[17] Тбети – юго-западная область Грузии, в Шавшети.

[18] Азнаур(и) – дворянин.

[19] Джуаншер Джуаншериани – грузинский историк XI в., автор сочинения «Жизнь Вахтанга Горгасала».

[20] Рев – царь Картли (начало IV в.).

Леонтий Мровели, Мученичество святого великомученика царя Грузии Арчила. Картлис Цховреба, бараташвилевский список (1767 г.), Национальный Центр Рукописей, Тбилиси, S-25, 217r.

ЛЕТОПИСЬ КАРТЛИ
(«МАТИАНЕ КАРТЛИСА»)

Сорок пятые мтавары Картли[1] – Иоване и брат его Джуаншер[*], сыновья святого мученика царя Арчила, Хосроиани[2].

После того[3], как преставился святой мученик Арчил[4], остались сыновья его – Иоване и Джуаншер. [Отправился Иоване в Эгриси и захватил с собой мать и двух сестер своих. А Джуаншер] и две сестры его остались в стране Картли и Кахети. А младшая сестра его была лицом прекрасна. И узнал о ее [красоте] царь хазар – хакан, прислал посла и просил Шушан в жены и обещал помощь против сарацин. Когда прибыл посол хакана, Джуаншер сообщил брату своему и матери. Но они не пожелали (выполнить волю хакана) и сказали: «Как бы беспомощно ни было наше положение, лучше отправимся в Грецию[5] и обратимся к христианам, чем будет дочь наша поругана язычниками». И Шушан тоже бранила царя хазар.

Спустя три года прислал хакан спасалара своего Блучана, прошел он по дороге Лекетской[6] и вошел в Кахети, обступил крепость, в которой были Джуаншер и сестра его Шушан, и за несколько дней взял (крепость) и пленил их, разорил город Тбилиси, разорил Картли и всю страну эту[7].

И когда отправился (Блучан назад) по Дарьяланской дороге, сказала Шушан брату своему: «Лучше мне принять смерть, дабы быть удостоенной Богом (пребывать) вместе со святыми матерями, нежели (быть) надруганной язычниками». И был у нее перстень, вынула она камень и выпила и умерла она сразу, так как была под камнем тем отрава смертоносная.

Отправился Блучан к хакану, привел Джуаншера, и рассказал о смерти сестры его Шушан. И разгневался он (за то, что) не принесли останки той, лицезреть которую желал. Схватили Блучана, обвязали вокруг шеи веревку и отдали двум всадникам на растерзание в противоположные стороны, и оторвали злодейски ему голову. И когда пробыл Джуаншер (там) семь лет[8], освободил хакан его и одаренного отправил в страну свою.

И с этого времени начало ослабевать царствование великих царей Хосроианов. И отныне власть сарацин усилилась, и время от времени опустошалась и разорялась страна та. Затем размножились мтавары[9] в стране Картли, начали бороться и враждовать друг с другом (мтава-

---

* В списке XV в. «Джоанбер», XVII в. – «Джуанбер»; Э. Такаишвили (см. «Картлис цховреба», Тб., 1906, с. 216) и С. Каухчишвили (указ. изд., с. 249) отдают предпочтение форме «Джуаншер», и мы тоже придерживаемся этого чтения.

ры). И если появлялся кто-либо из сыновей Вахтанга[10], достойный быть царем, то был принижен сарацинами. Так как захватили город Тбилиси агаряне, превратили (Тбилиси) в свое обиталище: получали с этой страны дань, называемую «харадж», ибо по божьей воле, за множество грехов наших, возвеличился род агарян.

А этот Джуаншер привел жену из рода Багратиони, дочь Адарнасе, по имени Латаври, а мать его укоряла за то, что он взял ее в жены, так как она не знала, что они (Багратиони) – потомки пророка Давида, который был наречен [земным] отцом Бога[11]. А когда лицезрела жену сына своего, возлюбила, освятила и благословила.

И по истечении многих лет прибыл эмир агарян, который господствовал над Сомхити (Армения), Картли и Эрети, по имени Хуасро[12]; он восстановил город Тбилиси, разоренный хазарами.

Когда же ослабели греки (византийцы), отложился от них эристав[13] абхазов, по имени Леон, сын брата эристава Леона, которому была дана Абхазия в наследство. Этот второй Леон был сыном дочери царя хазар и с (помощью) их силы отложился от греков, взял в руки правление в Абхазии и Эгриси до Лихи, назвался царем абхазов[14], так как Иоване уже не было в живых, а Джуаншер был (слишком) стар. Затем скончался и Джуаншер[15].

Еще при жизни Джуаншера выменял Адарнасе Багратиони треть[16] Кларджети, Шавшети, Аджары, Нигали, Асиспори, Артани и Нижней Тао[17] и крепости, которые имели внуки царя Вахтанга. Отбыл Адарнасе в Кларджети и скончался там[18].

Сорок шестой куропалат Картли – Ашот, сын Адарнасе, Багратиони

После смерти Адарнасе возвеличил Господь царствование Ашота куропалата[19], завладел он Картли[20] и ее границами. И в это же время вступил Маслама[21] в Грецию (Византию), но отступил он оттуда, обессиленный и опозоренный. Тогда греческий царь[22] пожаловал Ашоту куропалатство[23], и были обессилены сарацины и возвеличился Ашот куропалат. А в Тбилиси не оставалось никого из сарацин, кроме [Али] сына Шуаба[24]. А в Кахети мтаваром был Григол[25].

В это время выступил Ашот куропалат, помогал ему Теодосий[26], царь абхазов, сын Леона второго, который был зятем Ашота куропалата. Прибыл Григол из Кахети, помогали Григолу мтиулы и цанары[27] и тбилисский эмир[28]. Сразились Ашот и Григол на (реке) Ксани[29]. Обратили Григола, мтавара Кахети, в бегство, и завладели той частью Картли, которая была захвачена им (Григолом). И захватил Ашот (земли) от Кларджети[30] до Ксани.

Затем прибыл Халил, сын Язида[31] [араб], и захватил Сомхити (Армению), Картли и Эрети. И убили Ашота куропалата в Гардабани, в церкви, и кровь его, пролитая тогда, и сейчас видна, как новая[32].

И опять овладели сарацины Картли. И когда отправился Халил, оставил эмиром [Али] сына Шуаба. В это время сговорились гардабанцы и избрали хорепископом[33] Дачи[34], сына Иоване Квабулисдзе, а после него посадили хорепископа Самоэла Донаури[35]. Вновь, вторично прибыл тот

же самый Халил [араб]. Сразились гардабанцы с ним у Гавази[36] и [обратили в бегство] Халила, и погибло множество (арабов). И вновь воссел эмиром в Тбилиси Сахак, сын Исмаила[37]. А Халил пришел в третий раз, и убили его в Джавахети[38]. И сын его [Мохамед] прибыл в Картли[39]. Примкнул к нему Баграт, сын Ашота куропалата[40], и дал ему (Мохамед Баграту) Картли[41].

Сорок седьмой куропалат – Баграт, сын Ашота куропалата и брат Адарнасе и Гуарама, Багратиони

Вышел Саак, эмир тбилисский, с войском и расположился у Рехи[42], а Мохамед и Баграт заняли Уплисцихе[43]. И пришли гардабанские кахетинцы на помощь Сааку, и сразились у Рехи, и произошла битва между ними: ни одна сторона не сдвинулась с места, пока не разошлись. Снялся Мохамед и отправился в Бардав.

До сего времени прошло двести девятнадцать лет со дня появления Мохамеда, основателя веры сарацин[44].

Тогда явился Буга Тюрк[45], раб, которого послал Амир-Мумн[46] из Багдада, с большим войском: опустошил всю Сомхити и пленил всех мтаваров их. Пришел и осадил город Тбилиси. Так как не подчинялся эмир Саак, убил Саака, опустошил Тбилиси, сжег огнем и разорил все окрестности его[47].

А Теодосий[48], царь абхазов, выступил против него и расположился в Куерцхоби. Когда об этом узнал Буга, выслал Зирака, своего спасалара, и Баграта, сына Ашота куропалата: сразились и обратили абхазов в бегство, и погибло их множество[49]. А царь Теодосий отступил по Двалетской дороге[50].

Возвращавшемуся (войску сарацин) у Джварисгверди[51] преградили путь гардабанцы, и нанесли войску большой урон[52]. Когда узнал (об этом) Буга, снялся оттуда и прибыл в Чарталети[53] и расположился там, взял у мтиулов[54] заложников триста человек, и намеревался вступить в Осетию[55], и дошел до Цхавати[56]. Абулабаз же, эристав армян[57], и Гуарам[58], сын Ашота, написали мтиулам не пропускать (Буга Тюрка). И они принесли в жертву своих заложников. Помог Бог: выпал большой снег, преградили путь и сразились. Даровал Бог победу, и погибло множество из рода сарацин, а кони их отравились кошкарой (иели)[59], и пало их множество. Но ввиду многочисленности войска, не чувствовалась потеря, поскольку число его (войска) составляло сто двадцать тысяч.

Отступил (Буга) и перезимовал в Бардаве[60]. Схватил некоего сына священника, который стал мтаваром, и разорил Гардабани. Отворил врата Дарубандские, вывел хазар триста домов и поселил их в Шанкоре. Через Дарьялан вывел сто домов осетин и поселил их в Дманиси, а летом немеревался вступить в Осетию. Но когда Амир-Мумн узнал, что он ведет переговоры со своими соплеменниками – хазарами, приказал Буга оставить Картли [Хумеду][61], сыну Халила. Отбыл Буга, и эмиром был [Хумед], сын Халила. Отстранил Амир-Мумн [Хумеда] и назначил Исе, сына [Шиха][62], родственника того же [Хумеда].

Хорепископом был Габриел Донаури[63], брат хорепископа Самоэла. И после ухода Исе прибыл другой эмир, по имени Абраам[64]. Затем вновь прибыл сын Халила Хумед и основательнее завладел всей страной: Сомхити, Картли и Раном[65].

Отбыл сын Халила, и стал эмиром некто из рабов Саака, по имени Габулоц. А Гуарам, сын Ашота куропалата, захватил Габулоца и отправил его в Грецию, поскольку возвеличился Габулоц и подчинились ему гардабанцы.

И враждовал Ашот с племянником отца своего, с братом Гуарама. А Гуарам захватил Джавахети, Триалети[66], Ташири, Абоци и Артаани[67]. И воевал с сарацинами (Гуарам): иногда побеждал Гуарам, иногда сарацины. Гуарам поделил владения (свои) со своими братьями – Адарнасе и Багратом, а Абоци поделил со своим шурином, царем армян.

В это время выступил Георгий[68], царь абхазов, брат Теодосия и Деметре, сын Леона, захватил Картли и оставил эриставом в Чиха сына Деметре, и, когда скончался Георгий, царь абхазов, остался сын Деметре малолетним, звали его Багратом и известен он изгнанием. А жена царя убила сына Деметре, эристава Чиха, обманула она Иване, мтавара Шавлиани, и бросили Баграта в море. Но Бог спас его, и достиг он города Константинополя[69]. А царь Иоване привел сыну своему Адарнасе в жены дочь Гуарама, [сына] Ашота. И скончался Иоване, царь абхазов, и царствовал вместо него сын его Адарнасе. Захватил Липарит земли триалетские, воздвиг крепость Клдекари [и объявил своим патроном Давида, сына Баграта][70].

Сорок восьмой царь – куропалат Давид, сын Баграта куропалата, Багратиони

А Наср, сын Гуарама, и Гурген были на стороне абхазов, а Давид и Липарит помогали армянам, и боролись армяне и абхазы за (господство) над Картли[71]. В это время Гуарам постригся в монахи.

И когда скончался хорепископ кахетинцев Габриел Донаури, сел хорепископом Фадла Аревманели[72], муж мудрый и опытный в делах. Тем временем Наср, сын Гуарама, заманил к себе Давида, сына Баграта, сына брата отца своего, и убил его.

Против Насра объединились армяне, Липарит и картвелы, а также Ашот, брат Давида, и вместе с ними сарацины. Сразились с Насром, обратили (его) в бегство и отобрали крепости. Отправился он в Грецию к царю греков[73].

Умер Гуарам сын Ашота, и похоронили его в Опиза, (которая) была им восстановлена.

Сорок девятый царь – Адарнасе, сын Давида царя-куропалата, Багратиони

Баграт, сын царя абхазов Деметре, находился в Греции, в Константинополе, и дал греческий царь войско, выслал морем, и вступил (Баграт) на корабле в Абхазию, убил Адарнасе, сына Иоване, и завладел Абхазией[74]. Женился на его (Адарнасе) жене, дочери Гуарама, и вывел Баграт, царь абхазов, Насра, [брата жены своей, из Греции и дал ему свое войско]. А Наср захватил три крепости в Самцхе[75]: Одзрхе, Джварисцихе и Ломсианту, Гуарамом же построенные.

Выступили Гурген и Адарнасе, сын Давида, помогали им армяне, сразились у (реки) Мтквари, абхазы потерпели поражение, убили Насра и Бакатара, мтавара осетин и эристава абхазов.

Хорепископ Фадла усилился и подчинил гардабанцев, а после него стал хорепископом Квирике[76]. В Картли же владычествовали азнауры[77].

В это время выступил Костанти[78], царь абхазов, и захватил Картли; разгневался на него царь армян Сумбат Тиезеракал, выступил с большим войском и обступил Уплисцихе, поставили друг на друга палан-курдани[79] и при помощи этой хитрости взяли крепость[80]. Но (затем) Сумбат и Костанти полюбовно договорились, и вернул (Сумбат царю абхазов) Уплисцихе и всю Картли[81].

А вслед за этим явился эмир агарян по имени Абул-Касим, сын Абу-Саджа[82], которого послал Амир-Мумн с большим и бесчисленным войском, которое не вмещала страна. Так как прибыл он сперва в Сомхити, и опустошил всю Сомхити, Сивниети (Сюник), Ваедзори (Вайоц-Дзор), Асфураган (Васпуракан), Сумбат, царь армян, не устоял из страха перед ним, бежал в горы Абхазии и находился там.

Прибыл сын Абу-Саджа в Тбилиси, где в это время эмиром был Джафар, сын Али. Прибыл и обступил Уджарму[83]. Стояло внутри (крепости) триста человек, и сражались они много дней. Но когда убедились, что удержаться не могут, покинули ночью (крепость), некоторые ушли, а остальных нагнали и истребили. Когда гарнизон крепости Бочорма[84] узнал о взятии Уджармы, все покинули крепость и ушли. Когда пришли (сарацины) и увидели пустую (крепость) [сказали: «Из-за загона яростно сражались, а (настоящую) крепость оставили безлюдной»]. Взяли Бочорму, заняли как крепость, а крепостные стены Уджармы разрушили.

Когда хорепископ Квирике[85] убедился, что нет сил сопротивляться, клятвенно доверился и явился к нему. А он (Садж) спросил: «Кто посоветовал явиться сюда?». И ответил (Квирике): «Мать моя посоветовала». И сказал (Садж): «Не причиню боль (матери) единственного (сына)». Возлюбил за его добродетель и отпустил, но Бочорму занял сам.

Затем вступил в Картли и разорил Картли, а до его вступления разрушили крепостные стены Уплисцихе, дабы враг не смог укрепиться. Оттуда вступил в Самцхе, разорил Самцхе и Джавахети[86], обступил крепость Тмогви[87]. Но убедившись в ее прочности и крепости, снял осаду, прибыл в Квели[88], обступил и начал борьбу.

И был в ней юноша один, по имени Гоброн, [воевал он совместо с ближними своими много дней. Но когда взяли крепость, схватили святого Гоброна] и замучили, а мученичество его детально описал святой отец наш Степане, епископ Мтбевари.

Снялся (Садж) и пошел на город Двин[89]. Пришли и доложили, что царь Сумбат[90] вступил в крепость Капоэти, быстро снялся и повелел войску своему, чтоб каждого человека, кого найдут

живым, привели бы к нему. Пришел и обступил Капоэтскую крепость, и всех, кого нашел из семейства защитников крепости вне (крепостных стен), схватил. Поэтому сдали (ему) крепость и захватил он Сумбата: взял его в Двин, повесил на рее, и вскоре скончался.

После этого, когда прошло несколько лет и отстроилась страна, хорепископ Квирике призвал царя абхазов Костанти; прибыли в Эрети[91] и осадили крепость Вежини[92]. Царь абхазов подошел с верхней стороны, а Квирике – с нижней, и когда уже должны были взять (крепость), тогда явился патрик Адарнасе[93], в пятницу, и заключили мир в Джвари; передал (Адарнасе) царю абхазов Ариши[94] и Гавазни[95], а Квирике – Орчоби. После перемирия вернулись. Пришел Костанти, царь абхазов, помолился в Алаверди[96] святому Георгию и украсил золотом его икону. Отправил большую часть своего войска в путь; весьма почтил хорепископ Квирике (его), и отправился (царь абхазов) в свою страну.

Спустя несколько дней скончался Костанти, царь абхазов, и раздирала некоторое время смута Абхазию, так как у царя Костанти было два сына – один старший, и второй младший, которого родила ему [вторая] жена. Старшего звали Георгий, младшего – Баграт. И была между ними борьба яростная, о чем подробно повествует их история[97].

А этот Баграт был зятем эриставт-эристава Гургена[98], помогал Гурген (Баграту) всеми своими силами. И пока не скончался Баграт, не было мира. После его смерти Георгий стал полновластным царем абхазов[99]. Был он преисполнен всех благ, отважный и представительный, боголюбивый, строитель церквей, был милостив к бедным, шедрый, скромный и преисполненный всяческой доброты и добродетели. Он упорядочил и управился со всеми делами вотчины и своего царства[100], воздвиг Чкондидский храм[101], учредил епископию и украсил ее множеством мощей святых мучеников.

В это время скончался хорепископ Квирике, и стал хорепископом Фадла[102], сын Квирике; он воздвиг Лоцобанскую крепость[103]. В это же время пришли сарацины, именуемые саджами, полонили Кахети, сожгли Джвари в Мцхета[104] и отступили[105], ушли и захватили с собой разобранный Крест Честной. И напала на них болезнь живота (повальный понос), и поняли, что крестом были наказаны. Собрали части [восстановили крест, уложили в футляр и водрузили на свое же место].

В Эрети до царствования Ишханика[106] все его предшественники были еретиками. Ишханик же был сыном дочери Гургена, эриставт-эристава[107], и мать его, царица Динар, обратила его в православие. В это время Бардав и Адарбадаган был захвачен саларами[108].

Царь абхазов Георгий дал Картли своему старшему сыну Костантине.

Пятидесятый царь Картли – Костантине, сын царя абхазов

Пробыв три года (правителем Картли, Костантине) начал враждовать с отцом и искать царства. А когда выявилось его дело, вступил он в Уплисцихе, и поддержали его Тбели[109] и множество других азнауров.

Когда царь Георгий убедился в отступничестве своего сына, выступил со всей своей силой, привел царей [Тао], хорепископа Фадлу[110], и обступили Уплисцихе. Сражались много дней, но никакого вреда нанести крепости не смогли, так как много стояло внутри (защитников крепости). Сражались то конники, то пешие.

Тогда царь Георгий переманил азнауров Сазверели[111], (которые подговорили Костантине) таким образом: «Выходи, мы переведем тебя в Абхазию, ты садись царем, а отец твой останется за ее пределами». Он поверил и доверился, хотя те азнауры, которые находились вместе с ним, не советовали ему, но он не послушался их совета. Вышел ночью на плоту на (реку) Мтквари, и как только отошел от берега, они не выдержали и погнались схватить (его). Как только почувствовал он их злой умысел, повернул плот, чтоб войти в крепость. (Но) не смог подчинить плот и соскочил в том месте, где причаливали плоты. Поднялся шум, вышел царь и все войско, обступили крепость. И когда рассвело, начали искать (Костантине). А он вышел [из воды, зашел] в расщелину скалы, и скрывался там. Нашел его ненадежный человек, схватили его и привели к царю, а царь наказал его жестоко: сперва выжгли ему глаза, а затем кастрировали, и умер он. А тех азнауров, которые находились в крепости, вывели на честное слово; Тбели были отпущены с миром, и отправились они в Асфураган[112].

Скончался хорепископ Фадла и сел хорепископом Квирике[113]. После этого отложились гардабанские азнауры и начали вести переговоры с царем Георгием. Выступил царь Георгий, прибыл в Кахети, [сжег (города, селения) и вырезал (людей), и возвратился в свою страну. Затем опять расположился в Атени[114]. Сын его Леон был эриставом Картли, предоставил он (Георгий) ему (Леону) войско для вступления в Кахети]. Поняв безуспешность сопротивления, Квирике явился к ним. Но затем пожелал тайно бежать; схватил его (Леон) и направился в Кахети, чтобы захватить всю его семью. (Но они) скрылись, так как картлийские азнауры известили их.

Перешел на сторону царя Георгия [Шурта], брат хорепископа Квирике, и передал ему крепость Уджарму, заняли они и остальные крепости Кахети, кроме трех крепостей: Нахчевани[115], Бочормы и Лоцобанты.

Лоцобантой владел Иване [Аршисдзе], укрепился он в ней, предал патрона (своего). Воздвигли Шурисцихе и разместили в ней гарнизон. Крепостью Марана владел тогда Хахуа Аршисдзе, брат Иване, (который) наподобие брата своего желал силой удержать (крепость). Прибыл царь (Георгий), приказал войску сразиться. Взяли крепость хитростью, и захваченного Хахуа привели к царю, а царь отправил (его), плененного, в Джикети[116].

Крепостью Нахчевани владел Фадла, сын Квирике. Он тоже укрепился в ней. Когда хорепископ Квирике увидел бессилие свое, попросил гарантию сохранения жизни и передал Кахети царю Георгию. Хотя Леон, сын царя, не хотел отпускать Квирике, так как и при первом захвате его был против освобождения (Квирике), но отец не послушался его. А Квирике выпросил обещание этой зимой не брать крепости Бочормы, (и дал слово, что) после пасхи он сам уйдет (из крепости), разрешили. За это взяли они Нахчеванскую крепость, в заложники – младшего сына, Давида, и отпустили в день праздника зажигания свечей[117].

Возвратился царь в Абхазию, и вошел Квирике в Бочорму, готовился и хотел после пасхи уйти. Тогда договорились с Квирике картлийские и вместе с ними кахетские азнауры: Годердзи Мгдеури, Мама Канчаели, Дачи Коринтели, Дачи и Иване Схвилоселни, Сар и Григол, братья

Пхуенелни, и вместе с ними еще пятьдесят других азнауров, и перешли на сторону Квирике. Начали отвоевывать крепости и вскоре отобрали все крепости, разрушили Шурисцихе и Лоцобанту, и вновь завладел Квирике своей страной.

Пришли и сообщили царю Георгию о потере Кахети. Огорчился весьма и винил всех, кто посоветовал отпустить хорепископа Квирике. И когда [прошла зима], он опять послал войско свое во главе со своим сыном Леоном. [Прибыл] и выжег Кахети, и в этом же походе сообщили ему известие о смерти великого и боголюбивого царя Георгия. [Тогда] призвал Леон хореспископа Квирике и встретились в Базалети на берегу озера[118], (каждый в сопровождении) одного всадника, вели переговоры в течение целого дня, пока не объявил (Леон) о смерти отца своего. Заверил в любви и обещал (сделать своим) зятем сына его. И когда услышал об этом Квирике, сошел с коня и поклонился с благоговением, и был обрадован миром и любовью, и особенно обещанием породниться.

Вернулся Леон[119] и овладел вотчиной и царством своим, так как сразу же вступил в Абхазию. И возвеличил господь Бог царство его наподобие отца его. Был и он боголюбивым и полон всех благ. Он построил церковь в Мокви[120] и учредил (там) епископскую кафедру, благословил и обеспечил всем необходимым. И когда овладел он страной (мамули) своей, выполнил обещание свое, данное хореспископу Квирике, и дал дочь свою в жены его сыну. [Дочь Леона вскоре скончалась].

(Леон) вновь стал враждовать с Квирике и стремился захватить Кахети, выступил с большим войском, расположился на берегу Арагви, разорил Мухнари, Херки и Базалети[121], и в этом же походе захворал, отступил и вскоре умер.

После него сел царем Деметре[122], брат Леона, и овладел Картли. И пока он упорядочивал дела в своем царстве, прошли времена. А брат его Теодосий, был в Греции; вызвали некоторые мужи этой страны его, чтобы выступил он против брата своего, так как великий царь абхазов Георгий еще при жизни своей отослал своих двух сыновей, Теодосия и Баграта, в Грецию, чтобы там воспитывались, дабы после его смерти не было бы между ними борьбы и вражды.

Выступил Теодосий из Греции, прибыл в Самцхе и расположился в Маргис Мере, призывал месхских азнауров, собирал войско и желал силой завладеть страной (мамули) своей. А царь Деметре выслал свое войско, напали неожиданно, и обратили Теодосия в бегство. Отправился он в Картли и обратился к Адарнасе, мтавару Дзамели; ввели его в Дзамскую крепость[123], и оттуда он стремился осуществить свой замысел.

Тогда царь Деметре выслал свое войско, обступили Дзамскую крепость, и воевали около трех месяцев. Население вокруг крепости сильно страдало. [А когда] защитникам крепости стало трудно, попросили они твердо поклясться, что отпустят Теодосия с миром. Они приняли его и отпустили с миром. Отправился он к Давиду куропалату[124] и пробыл там один год.

[А затем опять] вышел [из Тао] и прибыл в Кахети. Тогда царь Деметре прислал посланника к Теодосию и хорепископу Квирике с сообщением: «Так как прибыл брат мой из Греции, то (по вине) слов людских не будет конца вражде между нами; сейчас доверь мне брата моего по твоему посредничеству, и будем мы вдвоем равноправно господствовать в царстве нашем, как были раньше я и Леон; прими от меня твердое заверение и посредников, и буду я тебе очень благодарен за дело это». Когда хорепископ Квирике узнал условия царя Деметре, привел он Теодосия и

предложил доверить его (брату), и сказал: «Я буду мстить за тебя». Доверил он Теодосия брату его и послал.

Тогда взяли его твердой клятвой, которой поклялись в Светицховели[125] католикос, епископы и все вельможи. И когда прибыл Теодосий к брату своему, пребывал недолго. А царь Деметре забыл посредничество Бога и людей и осмелился нарушить клятву: схватил Теодосия и выжег ему глаза. Увидев это, находящиеся в его царстве начали искать брата его, которого звали Чала-царь[126], но не смогли добиться этого, так как Деметре был мужественный и доблестный. А когда умер царь Деметре, то вельможи страны сей убедились, что единственным наследственным владетелем Абхазии и Картли является Теодосий, вывели его и посадили царем.

Выступили тогда кахетинцы и осадили Уплисцихе. Эриставом Картли был тогда Иване Марушисдзе[127], муж сильный со множеством подданных. Он послал посланника к Давиду куропалату, предложил выступить со своими силами, захватить Картли и занять самому или передать Баграту, сыну Гургена, сыну дочери царя абхазов Георгия, которому принадлежали Абхазия и Картли [(по наследству) с материнской стороны][128]. Этот же самый Иване Марушисдзе желал воцарения Баграта. Выслушав предложение Иване Марушисдзе, Давид куропалат выступил со всей своей силой и прибыл в Картли. Как только узнали кахетинцы о прибытии его (Давида куропалата), отступили и оставили Картли.

Прибыл Давид куропалат, расположился у Квахврели[129], вышел ему навстречу эристав Картли Иване Марушисдзе, принял (Давид) от него Уплисцихе и передал Баграту и его отцу Гургену, так как куропалат Давид был бездетным, и Баграта, сына Гургена, воспитал сыном своим[130].

Этот куропалат Давид возвеличился более всех царей Тао.

Был он боголюбив и милостив к бедным, скромен, миролюбив, незлопамятен, строитель церквей, добр, шедр, человеколюбив, милостив к монахам и преисполненным всех благ. Он построил [монастырь и] обитель божью – святую церковь Хахульскую.

И когда он выступил оттуда, оставил [в Уплисцихе] Гургена и сына его Баграта. Был тогда Баграт еще несовершеннолетним, и поэтому соправителем оставил его отца Гургена. Собрал картлийских азнауров и приказал: «Он является наследным владетелем Тао, Картли и Абхазии, сын и воспитанник мой, а я – его моурав и помощник, ему подчиняйтесь все»[131]. Остался несколько дней и вернулся в Тао.

Пятьдесят первый царь – Баграт[132], сын царя-царей Гургена, Багратиони

По истечении некоторого времени картлийские азнауры по присущему им обычаю вновь занялись интригами: договорились с Накордевелами и Саботарелами, привели войско из Кахети, сдали Уплисцихе и захватили в плен Гургена, [сына его] Баграта и царицу Гуарандухт, и увезли в Кахети.

Как только узнал об этом Давид куропалат, был весьма озабочен, выступил со всей своей силой, прибыл в Триалети, чтоб вступить в Кахети. Узнав об этом, кахетинцы прислали посланника

и просили мира [на (следующих) условиях]: освободят Гургена и Баграта и царицу Гуарандухт, вернут Картли и Уплисцихе, а крепости Цирквали[133] и Груи[134] оставят за собой. В то время владела крепостью Уплисцихе и Картли царица Гуарандухт. Царица эта, Гуарандухт, была дочерью царя абхазов Георгия и матерью Баграта.

В течение трех лет после этого царствовал в Абхазии Теодосий Печальный. Пошли неурядицы по всей стране, и изменились законы и распорядки, установленные первыми царями. Видя все это, были все вельможи страны той в большой печали.

Тот же самый Иване Марушисдзе пожелал привести Баграта царем Абхазии. И вместе с ним все дидебулы, эриставы и азнауры Абхазии и Картли попросили у Давида куропалата Баграта царем. А он с большим принуждением и трудом выполнил их просьбу, так как было уже сказано, что был куропалат Давид бездетным, и воспитал он Баграта сыном, владетелем обеих частей Тао. Но поскольку [Картли и] Абхазия остались без наследного владетеля, разрешил им (Давид короновать Баграта царем), заручившись крепостью и заложниками[135].

Привели его в Абхазию, короновали царем, и подчинились все его воле, так как был он уже совершеннолетним. В течение двух лет заведовал, управлял и выправлял все дела подобно деду своему, великому царю Георгию, а может и лучше, т. к. походил во всем поведением на воспитателя своего, великого царя Давида куропалата, и решал все дела добрые подобно ему. Отослал царя Теодосия, брата матери своей, в Тао, к Давиду куропалату, так как счел лучшим, чтоб все люди, и великие и малые, питали уважение к нему и страх перед умыслом нанести ему вред.

Затем перешел в Картли, чтоб привести в порядок тамошние расстроенные дела. Пришел и расположился в Тигва[136]. А некоторые азнауры Картли не желали впускать его в Картли, т. к. каждый из них по-своему управлял делами Картли, и вряд ли подчинялись они воле Гуарандухт.

Избрали (азнауры Картли) предводителем Кавтара Тбели, встретили боем (Баграта) и расположились над Могриси[137]. Узрев это, Баграт, царь абхазов, призвал свое войско; пришли и сразились. Картлийцы обратились в бегство; некоторых истребили, некоторых захватили, другие же вновь обратились в бегство и рассеялись. Прибыл (Баграт) в Уплисцихе, принял крепость от матери своей, остался (несколько) дней, и привел немного в порядок картлийские дела, взял с собою мать и отправился в Абхазию. И, как опытный кормчий, привел в порядок все дела Абхазии: выявил всех непокорных, и на их месте возвеличил своих преданных и доверенных.

Прошло несколько лет. Был эриставом Клдекари Рати, владел он крепостью Атени и частью Картли южнее реки Мтквари, Триалети, Манглисским ущельем и Сквирети; не повиновался он добром царю Баграту.

Собрал неожиданно Баграт все свое войско и вступил в Картли: пожелал захватить эристава Рати. Тогда сразу сообщили Давиду куропалату и доложили ему таким образом: «Никуда в другое место он не пойдет, а готов убить тебя». А [Гурген], отец Баграта, был готов примкнуть к сыну. Давид куропалат выступил немедля, созвал свое войско, призвал всех царей Сомхити. Тогда был еще жив дед Баграта, Баграт, царь картвелов, и он явился к Давиду куропалату, т. к. опасался, что его сын Гурген отнимет у него царство. Прибыл в Длив[138] и расположился большим войском, которому не было числа, и выслал войско против Гургена. Встретили Гургена, сразились у прохода Шавшетской горы[139], обратили Гургена в бегство, бежавший укрылся; и вошел в крепость Цептиси[140].

К этому времени Баграт прибыл в Триалети, расположился в Карушети[141]. Отправил посланца, обозрел войско и убедился, что силой он не смог бы противостоять Давиду куропалату. Тогда оставил свое войско на своем месте, и сам один явился к нему, попросил прощения и объяснил: «Прибыл я не за чем иным, как лишь за неповиновение Рати». А он (послал[142]/?/ и) заявил так: «Известили меня, что ты выступил (с целью) убить меня, но сейчас получил подтверждение твоей невиновности. Даю тебе право (выступить) против Рати: подчини (его себе), как ты пожелаешь»[143].

Тогда ушел он, преисполненный радости, и отправился в Абхазию, дабы выступить против Рати неожиданно, так, чтобы тот об этом не догадался. Когда наступила зимняя пора, прибыл со всей своей силой и обступил Клдекари[144]. Увидев это, вышел Рати (из крепости) и вывел сына своего Липарита, просил за него царя абхазов Баграта, передал свою крепость Баграту, и сам воссел в вотчине своей, Аргвети.

Когда прошло некоторое время, как об этом я уже говорил, взялся и выправил дела в Абхазии: непокорных сместил с высоких должностей и на их места назначил преданных и неукоснительно исполняющих его приказания. И превзошел всех царей [абхазских и картвельских] делами своими. И умножил войско свое больше, чем в какие-либо другие времена.

Выступил со всем своим войском, перешел в Картли, послал посланца в Кахети и потребовал картлийское крепости, которые были ими (кахетинцами) заняты. В то время хорепископом был Давид[145]. А он не пожелал возвращать крепости и сообщил так: «Если желаешь получить крепости, то пусть вопрос между нами решит сила и война. А выйду я навстречу тебе на (реке) Ксани».

Разгневался на него Баграт, царь абхазов и картвелов. И находился тогда куропалат в Дливе, где распоряжался делами Тао[146] и Картли, т. к. уже сам владел Тао после смерти отца своего, царя царей Гургена. Немедля выслал посыльного, призвал войска Абхазии и Картли, а сам выступил с верхними войсками, прошел через Триалети, перешел мцхетский мост. Присоединились к нему абхазы и картвелы. Расположился в Тианети[147], и начал разорять Кахети. А Давид не смог противостоять, так как силы его (Баграта) были бесчисленны: начал брать крепости, и занял в это время страну Эрети, назначил мтаваром Абулала и вернулся домой.

В то же время, как только отправился Баграт царь абхазов, отложились эретцы и перешли на сторону Давида, захватил Давид Эрети. Вскоре скончался (Давид). Вновь выступил со всем своим войском Баграт, взял вторично Эрети. Захватил царицу Динар, стал домогаться Кахети, и своей несметной силой за два года занял все крепости Кахети. Загнал Квирике в Бочорму, поставил охрану на целый год, захватил и Бочорму. Занял всю [Эрети и] Кахети, захватил Квирике с собой и держал его при своем дворе[148].

В это время возвеличился Фадлон[149], эмир Гандзы, начал притеснять эриставов [Эрети и] Кахети, время от времени разбойнически (нападал), разорял и покорял разные места. И когда великий царь Баграт узрел дерзость его, был сильно потрясен и исполнился чувством мщения. Привел в готовность все свое войско, отправил посланца к шаханша Гагику, армянскому царю, пригласил, чтоб отомстить Фадлону. А тот очень этому возрадовался, быстро созвал все свое войско, отправился и прибыл к царю абхазов Баграту. Встретились оба в Дзоракерте[150], выступили против зазнавшегося Фадлона, ненавистника христиан, желавшего уничтожить всех слуг

(святого) Креста. Но завидев их непобедимую силу, (Фадлон) испугался, отступил и укрылся в крепостях.

А этот великий и во всем победоносный царь Баграт разорил страну Ран, подошел к городу Шанкор, приставил стенобитные машины и за несколько дней разрушил шанкорские стены. Назавтра рассчитывал сокрушить и разорить город. Но ночью явился посланец Фадлона и просил пощады, обязался служить всю жизнь, платить харадж и выступать со своим войском против его врагов. Тогда (Баграт) приказал созвать всех дидебулов и сперва предложил взять город силой. Осмотрели, уразумели и доложили, что никто не был в силах. А более по той причине, что были заняты другими воинскими делами.

Опять призвал и (объявил о своем) решении заключить перемирие с Фадлоном. И все они мудростью своею обсудили и отдали предпочтение миру. Приказал и направил посланца, и дал согласие на мир. Тогда Фадлон возрадовался радостью большой, выполнил делом обещанное словесно: прислал большие и неисчислимые дары, даровал всем дидебулам множество подарков, и вернулся (Баграт) домой победителем[151].

Этот же великий царь построил Бедийский храм, учредил там епископскую кафедру, упразднив Гудавское епископство, пожертвовал множество селений с ущельями и местностями, снабдил всем необходимым, украсил церковь всякой утварью, благословил и посадил епископа. Если кто пожелает испытать и уразуметь все величие его, пусть сперва обозрит красоту Бедийской церкви, и этим убедится, что не было подобного ему другого царя в стране Картли и Абхазии.

Он же благословил Кутатисский храм провидением высшим и недосягаемым, т. к. созвал правителей соседних (стран) и католикосов, архиепископов и настоятелей монастырей, всех дидебулов, верхних и нижних[152], вотчины и царства своего и других государств[153].

Этот Баграт, царь абхазов и картвелов, превзошел всех государей всеми способностями. Заискивали перед ним и просителями его стали все ближние государи, главы вотчины и царства его, подобно воинам ближним своим и верным. И подчинил Бог (ему) всех его врагов и непокорных, даровал (Бог) в дни его (царствования) стране мир и великое спокойствие. И если кто-либо пожелает досконально рассказать о всех его деяниях, не хватит сил у того, а я из всего рассказал малое, дабы не предалось забвению из-за давности времени.

Скажу о том, что после великого царя Вахтанга Горгасала не было никого подобного ему величием, могуществом и разумом, строительством церквей, милостью к нищим и справедливостью ко всем.

Царствовал тридцать шесть лет и скончался, убеленный благородной сединой, в хроникон двести тридцать четвертый[154], в месяце мае, (числа) седьмого, в день пятницы. И находился во дни своей смерти в Тао. И останки его перевез эриставт-эристав Звиад, и похоронил в Бедиа[155].

Вслед за ним царство получил сын его Георгий[156]. И был он тоже полон всяческих благ.

Пятьдесят второй царь – Георгий, сын Баграта, царя абхазов и картвелов, Багратиони

[А этот Георгий] получил власть над всей вотчиной и царством своим в пору отрочества и юности своей, ибо было ему, когда воцарился, восемнадцать лет[157].

А на седьмом году его царствования[158] царь греческий Василий[159] выступил против него со всем своим греческим войском и бесчиленными иноплеменниками. А царь Георгий вышел против него во главе большого войска. Много дней стояли они лагерем в Басианской стране[160], но не начали борьбу друг против друга. Отошел царь Георгий, пришел и сжег город Олтиси[161]. Оттуда пришел в [Кола][162], и последовал за ним Василий, царь греков. И встретились арьергардные части (войск) Георгия и передовые части Василия; и произошло большое сражение у села, которое называется Ширимни[163]. И погибло с обеих сторон множество, были убиты эриставы и дидебулы: Рати, сын Липарита, и Хурси. И поздно дошел шум войны до Георгия, что ведут бой с арьергардом. Тогда приказал своим воинам, и вооружились быстро. Выступил сам царь Георгий, т. к. был он доблестный и бесстрашный, словно бесплотный, и вместе с ним (выступило) множество его воинов. С той стороны подошел Василий со всем своим войском. Сошлись на той и на этой (стороне), произошло большое сражение, погибло множество греков, и взяли большую добычу. Бой так затянулся, что царь Василий приготовился для отступления.

Но грузины оказались нетерпеливыми, отступили и ушли. Преследовали их греки, и предали многих мечу. Достигло войско (греков) Артани, полонили и разорили Артани. [И когда] царь Георгий отправился в Триалети, (Василий) последовал за ним, разгромил область Джавахети и перешел в Триалети. Опять встретились, подкрепился Георгий, т. к. получил подмогу из Кахети и Эрети[164], но помешали сразиться вторично.

Отступил царь Василий из Триалети, прошел опять до Джавахети и Артани. И опять с большой жестокостью разорил эти области. Отправился и зимовал в стране халдейской, недалеко от города Трапезунта. И ходили между ними посланники, предлагая мир и любовь.

В это время произошла большая смута в Греции. Объединились Спаспет и Царвез [сын мятежного Фоки, и заняли Восточные страны]. И был Василий потрясен этим. Но уважил Бог. Ксифий убил Царвеза [и отступились его сторонники. А Ксифию] досталось за вероломство по отношению к Царвезу. Даласаносы заманили его в крепость, за кровь сына Фоки схватили и передали царю Василию, а он изгнал его на какой-то остров[165]. А вместе с тем многие были обезглавлены, среди них был Ферис, сын Джоджика, по происхождению из Тао, а остальные были греки[166].

Опять вернулся Василий, прибыл в Басиани, требовал земли и крепости и обещал мир и спокойствие. Узнав об этом, царь Георгий послал эристава Звиада с его войском и приказал задержать (Василия) ненадолго на месте разговорами о перемирии, а сам последовал за ним с сильным войском. И размышлял так: «Если пожелает царь Василий мира, да будет так, а если пожелает войны, приготовимся и к ней». А те, кто не желал перемирия, стали готовиться к сражению, подошли к месту, где был расположен лагерем царь Василий, именуемому Свиндаксом[167].

Началось сражение, и часть его войска обратили в бегство. Разгневался царь Василий, приказал принести Древо жизни, положил на землю святое покрывало и сказал: «Если отдадите меня в руки врагу, перестану на веки вечные поклоняться вам». И когда продлился меж ними

бой, были обращены в бегство грузинские войска, и (грузины) отступили, множество (грузин) было перебито мечами, а некоторых захватили в плен. И захватили большую добычу и царскую казну, которая была при нем (Георгии).

И преследовал его царь Василий. Но опять начали вести мирные переговоры, как и ранее, т. к. (Василий) очень боялся (новой) смуты в Греции. И установили мир и заключили договор, и отдал царь Георгий в заложники своего трехлетного сына Баграта и крепости, которые [раньше были переданы азнаурами, освободил и вернул, передал еще четырнадцать крепостей, и так же] (передал Георгий Василию) владения [Давида] куропалата, которые тот имел в Тао, [Басиани, Кола], Артани и Джавахети[168]. А некоторые церкви, селения и местности из этих областей пожаловал (Василий) царю Георгию. Отправился [царь Василий] и захватил с собой в заложники царевича Баграта, сына Георгия, царя нашего. Дал (Василий царю Георгию) клятвенное обещание: «На третий год вышлю сына твоего». И пробыл (Баграт) три года в царском городе Константинополе. А на третий год, как и обещал, отослал (на родину)[169].

Пока достиг бы вотчины и царства своего, сопровождал его катабан Востока до границы его владений. Но как только переступил он границу, быстро догнал (катабана) мандатур и подал катабану письмо царя Константина, в котором было написано таким образом, а именно: «Волею божьей преставился брат мой блаженный, царь Василий, и вместо него я стал царем всей Греции. А сейчас, где бы то ни был в пределах моих владений Баграт, сын государя абхазов Георгия, верните с большой поспешностью, дабы явился предо мною».

И тот, когда прочел приказ царя, желал вернуть обратно согласно его (царя) приказу. Вернулся быстро, и погнался вслед за ним. Когда догнал, узрел, что большое множество (людей) вышло ему навстречу: дидебулы, эриставт-эриставы, эриставы и [азнауры] таойские, месхи и картвелы, которым не было счета. Вернулся (катабан) и сказал мандатуру, который догнал его: «Если у тебя есть сила, верни, а мне это уже неподвластно».

Великое чудо и милость божья, которая сразу выхватила праведного из рук тех, кто коварством желал вернуть его обратно. И если кто-либо желает уразуметь сие, божьей милостью узрите и уразумейте многочисленное божье покровительство (оказанное) этому великому Баграту, царю абхазов, (покровительства), которые никому из других царей не были оказаны, о которых в свое время будет сказано в последующем повествовании.

Когда предстал он перед отцом своим царем Георгием, в доме их в Кутатиси[170], узрели родители своего сына, подобного им, их беспримерной и несказанной доброте, во всем прекрасного, все прелести которого не по силам описать человеку. Увидев, возрадовались безграничной радостью и воздали Богу благодарность. Был в то время хроникон двести сорок пятый[171].

Через два года еще, в пору молодости, скончался царь Георгий, человек, наделенный всякими добродетелями, – среди всех его предков не появлялось ни одного, кого бы можно было сравнить с ним по геройству, рыцарству, мужеству, благообразности или образованности, полностью наделенного всеми (данными, необходимыми для) управления государством; умер в хроникон двести сорок седьмой[172], шестнадцатого дня августа месяца, в области Триалети, в месте, называемом Мкинвари или Ицрони. Оставил по себе траур и горе всех жителей вотчины и царства своего[173]. Оплакивали все за добродетели, рыцарство и геройство его. Отвезли и погребли в храме в Кутатиси[174].

Было у него [четверо] детей: сыновья Баграт и Деметре, и дочери Гуарандухт и Ката, пятой из детей их, Марты, уже не было в живых. После смерти великого царя Георгия царем всей вотчины и царства его, Верхнего и Нижнего, стал Баграт, (и было ему тогда от роду) девять лет.

Пятьдесят третий царь Картли и Абхазии – Баграт, сын царя Георгия, Багратиони

В то же время перешли азнауры-таойцы в Грецию. Ваче Каричисдзе и епископ Банели[175] Иоане, и вместе с ними множество азнауров-таойцев. А царь Константин, по истечении года, выслал паркиманоса[176] с бесчиленным войском, (паркиманос) прибыл и расположился, и разорил те же области, которые были разорены царем Василием. Прибыл в Триалети к подножию крепости Клдекари, (крепость эта) тогда принадлежала эриставт-эриставу Липариту, [сыну Липарита]. Объединил (Липарит) вокруг себя и других азнауров, выставил свои силы у Ганзы[177], и сразились у подножия крепости. Как только паркиманос увидел, что не может причинить (крепости) никакого вреда, вернулся назад. В то же самое время отправился Чанчахи Палели в Грецию, передал им крепость [Гарклоба][178] и примкнул к грекам, и Арджеван Хололас-дзе отдал грекам крепость Церепти[179].

Когда Саба, епископ Мтбевари[180] увидел, что в Шавшети не было иной силы (для обороны), построил крепость на высоте, возвышающейся над Тбети, захватил область Шавшети, проявил большую преданность царю абхазов Баграту. (За это) почтил его Бог, и не смогли враги отнять (эту) страну. Именно в это время паркиманос и проедрос[181] послал Иоане Банели хартулара[182] (в южную Грузию), взял он с собой Валанга[183] с большим войском, дал он также ему кларджа Деметре, сына Сумбата[184], для воздействия на местных жителей, и по этой причине многие из местных жителей, (особенно) из мелкого люда, примкнули к ним. Вступил в ту же крепость Эзра Анчели[185], и другие азнауры, [которые] остались верны (царю Баграту), вошли в [ту же] крепость и сильно укрепились там.

А крепость Артануджи принадлежала Иоане, эриставу Абусера, и в это время в означенных областях были сражения, междоусобицы и взаимные набеги. И когда так сильно потрясалась страна, Бог оказал милость Баграту, царю абхазов и картвелов. Болезнь смертельная настигла царя Константина. Предписал паркиманосу-проедросу, вызвал его обратно. Хотя он отправился поспешно, но до его прибытия царь Константин скончался. А до наступления смерти возвел на престол другого царя, по имени Роман[186], и дал в жены ему дочь свою Зою.

На третьем году после этого отправилась царица Мариам, мать Баграта, царя абхазов, в Грецию искать мира и единения (с империей), а также добиваться чина куропалата для своего сына, как того требовали обычай и порядок, (действовавшие) в их (царском) доме, и привести для сына жену.

И когда она прибыла в Грецию к царю греков, он с радостью выполнил все ее пожелания: дал ей клятву и крепость во имя единения и взаимной любви, утвердил золотой буллой, дал чин куропалата, и в жены Баграту – царевну Елену.

Когда достигла царица Мариам вотчины сына своего, области Тао, передала (Мариам сыну) чин (куропалата), справили свадьбу, обвенчали в Бана.

[Спустя немного времени] скончалась царица Елена в Кутатиси, и женился царь Баграт на царевне Борене, дочери царя осетин, сестре Дорголела.

А у царя Георгия остался и другой сын, (который находился) в крепости Анакопия[187], от второй жены – дочери царя осетин. И среди части азнауров возникли пересуды (относительно его воцарения), а дитя было мало, и звали его Деметре. Однако возвести его на престол не смогли, хотя кое-кто и помышлял об этом, и (в то же время) ни царь Баграт и его мать, ни тавады-дидебулы этой страны не смогли выманить его (из крепости). Но не смог он устоять и удалился из царства (грузинского), обратился к греческому царю (с просьбой принять его под покровительство) и передал ему Анакопию. И с тех пор по настоящее время утрачена Анакопия абхазскими царями[188].

А после этого Баграт упрочил (свое положение) и овладел своим царством – Верхним и Нижним.

А великий Фадлон действовал враждебно и пренебрегал всеми, стоящими во главе этого (грузинского) царства. (И поэтому), еще в пору юности Баграта, собралось все войско его царства, привлекли Липарита[189] и Иване Абазасдзе[190], прибыл и великий Квирике[191], царь ранов и кахетинцев, также Давид, царь армян[192], и Джафар – эмир тбилисский[193]. Т. к. все они [по договору с Квирике] собрались в Эклеци[194] против Фадлона, то обратили Фадлона в бегство, истребили его войско, взяли добычу и несметные сокровища. С этого времени и до самой смерти был Фадлон озлоблен.

И (опять-таки) пользуясь малолетством царя Баграта, Липарит Липаритисдзе и Иване Абазасдзе, эристав Картли, выманили тбилисского эмира Джафара в Мухатгверди[195] и захватили его, продержали долго в заключении и отобрали у него Биртвиси[196]. Помиловал (затем его) царь абхазов и вернул опять в Тбилиси [эмиром], и с тех пор осталась вражда между Липаритом, его людьми и эмиром.

Через некоторое время Липарит посоветовал (царю) взять Тбилиси[197]. Обступили Тбилиси с одного берега Мтквари, выше и ниже (течения реки), войска царя абхазов, а с другого берега, со стороны Исани[198], подошли войска кахетинцев и эретцев. К этому времени великий царь кахетинцев Квирике уже был убит неким рабом-осетином за то, что царь Квирике убил в сражении осетинского царя Урдуре. [Царь Квирике был убит в силу кровавой мести], во время охоты [в горах Пирдази осетином-рабом].

В это время царем Кахети был Гагик[199], сын царя армян, самшвилдского и дзоракертского, сын сестры Квирике, а борьба за Тбилиси длилась два года. В это время эмиром был Джафар, сын Али. (Осаждавшие) довели тбилисцев до таких лишений, что литра[200] ослятины продавалась за пятьсот драхм[201], и они уже не могли устоять перед голодом и жестокими сражениями. Тбилисцы решили сдать город. В ходе борьбы за город войска царя абхазов отбили крепости Орбети и Парцхиси. Эмир и его войска начали снаряжаться, приготовили плоты и лодки, чтобы ночью отправиться в Гандзу к Лашкари[202], сыну Фадлона. (В то же время) некоторые дидебулы тайно [без ведома Липарита] уговорили царя не отпускать эмира, и втайне от Липарита заключили с эмиром мир, предали это (решение) гласности и утвердили его эмиром Тбилиси[203]. Привлек царь абхазов на свою сторону из кахетинцев Ашота – мтавара Марилели, зятя царя Квирике, Хахвилу Гурта с

(крепостью) Джварисцихе, и заключил царь абхазов мир с городом (Тбилиси) и начал враждовать с кахетинцами[204]. С тех пор Липарит затаил вражду против своего патрона[205].

Царь абхазов выступил в поход на Кахети, сразился и занял гору Микеля и Габриэля. Во время сражения захватил: Степаноза Варджанис-дзе – эристава Панкиси, Ваче, сына Гургена Бэри, – эристава Хорнабуджи, Джеди, сына сестры Годердзи, – эристава Штори и Мачели[206]. Перешел в Тианети и сжег дворец Бододжи[207], дом прославленный, построенный великим царем Квирике. Эриставы сами предлагали и передавали (царю Баграту) свои крепости, но (царь) не смог (воспользоваться этим) и вступить в Кахети, т. к. (ему стало известно, что) Липарит начал готовиться к предательству.

Спустя немного времени, Липарит привез из [Византии] (побочного) брата Баграта – Деметре с войском греческого царя[208] (с целью возвести его на престол). Примкнули (к Липариту) и другие дидебулы и азнауры, прошли по Верхней земле[209] и спустились в Картли, обступили Атени, и предали Картли огню то там, то здесь[210].

Помогали Липариту кахетинцы и греки, но не смогли взять Атени, т. к. владетели крепости сохраняли верность Баграту, за исключением Парсмана Тмогвели и Бешкена Джакели, эристава Тухариси. Выступили в Джавахети (сторонники царя) и начали строить стены (города) Ахалкалаки, ибо (город Ахалкалаки) не был еще обнесен оградой. Наступала зима, и греки желали вернуться назад. (Поэтому) Липарит заключил мир [с царем абхазов], пожаловал [царь ему] должность эристава Картли[211]. Вернулись греки в Грецию и забрали с собой Деметре.

И вновь усилился и возвеличился Баграт в стране своей. Судьба даровала Баграту благоприятный час, [перешли под его власть] девять анийских креспостей, за исключением Амберда. Передали анийцы Аниси [матери Баграта], т. к. сородичами приходились ему армяне – мать Баграта, царица Мариам, была дочерью армянского царя Сенакерима[212].

Была весенняя пора и Баграт находился в Абхазии, обступил он Анакопию и довел почти до конца дело взятия (крепости). (Но в это время) прибыли тбилисские бэры[213], т. к. перед тем скончался тбилисский эмир Джафар. Посулили (царю Баграту) город и звали поспешно (в Тбилиси). (Царь оставил лагерь, сам) отправился, а осаду Анакопии поручил Куабулел Часас-дзе Отаго с абхазскими войсками. Снялся и прибыл в Кутатиси[214], взял из Кутатиси войско [округа Самокалако], и привел гурийских азнауров и ломсианов в Хупати; приставили тараны и сражались. Двинулся царь и прибыл в Картли, сюда же прибыли еще другие тбилисские бэры, звавшие его.

Отправился (царь) в Тбилиси и вышли ему навстречу городские бэры, дворцовые слуги, верхом (вышли встречать) на Дигомское поле, а весь люд пешком, празднично разодетый, (вышел встречать) [в Умедеуло], и было множество женщин и мужчин на мейдане. С обеих сторон стоял жуткий шум труб и набата, сотрясающий землю, и была радость удивительная с обеих сторон. Завели (царя) в город, обошли (вместе с ним весь город, горожане) осыпали его драхмами и драхканами[215], преподнесли ему городские ключи и ввели во дворец эмира. Воссел царь Баграт для ведения государственных дел. Завладел он башнями, [которые охраняли городские врата и поставил в них своих людей, занял городскую крепость Дариджели, обе башни Цкалкинисни и Табори, разместил в них свои гарнизоны, и] назначил своих эриставов. А исанцы провалили мост и отказались сдавать (царю Баграту) Исани, приставили тараны, [пускали стрелы] и боролись за Исани. На Исанское поле на прием к царю Баграту прибыли царь Кахети Гагик и [эриставт]-

эристав Годердзи, и все дидебулы Кахети [и просили у него мира]. Тогда вышел царь Баграт на Исанское поле, принял под свое покровительство бивших челом кахетинцев, и отпустил их, пожаловав мир. И были радость и спокойствие, а дел по управлению государством изо дня в день все прибавлялось.

А по истечении летних дней Липарит опять начал подготавливать коварные дела. Путем обмана вывел из Аниси, от царицы[216], Абусера, эристава Артануджи, владетеля крепостей Хиха, Цихис-джвари и Ацкури, и эристава Иване, также Дадиани Иване [и Гуарама Годердзис-дзе, владельца Бечисцихе][217] и захватил их у врат Анийских. Тогда царь покинул Тбилиси и отправился в Джавахети.

После этого вывел Мацкуерели[218] месхов, на средства Баграта, для оказания помощи царю. Царь стоял лагерем в Гртила[219]. А Липарит собрал войско кахетинцев и обступил Пока[220]. Бежал Мацкуерели от царя [Баграта] и вошел в сговор с Липаритом. Узнав об этом, царь Баграт в страшную зимнюю метель перешел через Шарвашети[221] и спустился в Картли.

Липарит вновь вывел из Греции брата царя Баграта Деметре. Средства и войско греческого царя обеспечивали ему помощь. Это вызвало раскол среди людей царства: часть явилась к Деметре, а часть осталась верна Баграту. А сын Липарита, Иване, остался заложником у Баграта, и попросил (Липарит) его у Баграта, а взамен отпустил Абусера с миром (и вернул) ему крепость. На стороне Липарита находились кахетинцы со своими силами и Давид, царь армян, со своей силой. Усилился он (Липарит) благодаря этим силам на этой стороне Картли. И (противники царя) продолжали (коварные) происки.

Прибыли три тысячи варангов[222], [и разместил в Баши, захватил с собой семьсот человек][223]. А Баграт прибыл с внутренним войском[224], а эти варанги не дождались месхов, пришли и сразились у входа в Сасиретскую[225] рощу, бежали внутренние войска. В этом же сражении были захвачены Абусер и вместе с ним другие дидебулы, не смогли выдержать бой с варангами; (затем) дал Липарит им в услужение паштов[226], которые угощали хлебом-солью, и так они перешли через Лихи.

Перед этим умер брат Баграта Деметре. После бегства (от войск Липарита) опасался Баграт раскола царства и вотчины своей. Попросил Липарита (заключить перемирие) и с малочисленной конницей прибыл к нему в Ховле[227]. Узнав о его прибытии, Липарит не пожелал видеться с ним и удалился[228]. [Удалился и царь] и отправился в Абхазию.

Вскоре после этого Сула, эристав Калмахи[229], Григол, эристав Артануджи, договорились, привлекли на свою сторону и других азнауров-месхов, и призвали царя Баграта. (Баграт) направился с войском, перешел через перевал Ркинис-Джуари[230], и встретились (все они) у Аркис-Цихе. Узнав об этом, собрал Липарит свое войско, призвал кахетинцев и армян, при нем находились и греки. Неожиданно напал на Аркис-Цихе, и сразились. Победил опять Липарит, обратил царя в бегство, захватили в плен Сулу, эристава Калмахи, и под страхом пыток и посажения на кол потребовали у него (крепость) Калмахи, но он не уступил. В том же сражении захватили Григола, сына Абусера, и под угрозой смерти потребовали (крепость) Артануджи, и он отдал.

Утвердил Липарит свою власть над Верхней землей[231], завладел крепостями, привлек на свою сторону тавадов, с их же войсками выступил в дальний поход, в Двин, и сражался в интересах греческого царя против (владетеля) Двина, а затем вернулся в свою вотчину.

По истечении года, в области [Басиани] появились турки султана Бахрама Ильмиана[232]. Выступило войско греческого царя, и призвали Липарита. Отправился Липарит оказать грекам помощь со всем своим верхним войском. Сразились [ниже Ордро и Укумии][233], обратили турки в бегство все греческое войско и войско Липарита. Произошло страшное истребление, захватили (турки) Липарита и взяли его с собой в Хорасан к султану[234]. Дидебулы страны сей (Грузии) и сыновья Липарита, Иване и Нианиа, в поисках безопасности признали царя (Баграта законным) царем. Вновь усилился (Баграт), захватил сыновей Липарита, взял Уплисцихе и освободил Иване.

Устроили турки свои стоянки в области Гандза, и осажденная (турками) Гандза была на грани падения. Царь греческий вместо себя выслал лихтури[235] с многочисленным войском, призвали Баграта со всем его войском, и отправился (Баграт) вместе с ними. Направились к туркам, подошли к воротам Гандзы, турки уклонились (от сражения), [покинули] Гандзийскую страну, и возвратились (союзники) с миром. Затем опять призвали тбилисцы и передали город Баграту, ввели его в (город). И (снова) воцарились радость и мир великий.

Вслед за этим освободился Липарит от турок[236] и вошел в Аниси. Отказался Баграт от Тбилиси из-за Липарита, пошел вверх по Картли, и прибыл в Джавахети. Липарит, будучи пленен (сельджуками) за несение службы царю греков, отправился (после освобождения) в Грецию, повидал царя греков и получил от него подмогу, усилился, и Баграт не мог устоять перед ним.

Еще до этого родился у Баграта сын Георгий, оставил он его в Кутатиси царем Абхазии, и сам отправился в Грецию[237]. В то время царем греческим был [Константин Мономах[238], а затем Михаил][239]. И по изволению Липарита Баграт нескоро вернулся на родину, пробыл он там в большом величии и чести три года.

Пока Баграт находился в Греции, Липарит попросил [у матери и дидебулов царства сего разрешения короновать сына Баграта, Георгия, на царство]. Привели его в Руисский храм[240] и короновали на царство. Назначили воспитателем Липарита, а попечительницей – сестру Баграта, царицу Гуарандухт; была (Гуарандухт) исполнена всех благ, прекрасная на вид, умна, щедра, ревностно исполняла богослужение. Через некоторое время Гуарандухт попросила [у царя греческого отпустить Баграта] (на родину), и отправил царь греческий (Баграта) с большим почетом и несметным количеством даров. Все войско вышло встречать его на абхазское побережье (Черного) моря, в Хупати. Была радость большая, возносили Богу благодарность, соблаговолил (царь) и вошел в столицу свою, в Кутатиси[241].

А Липарит завладел всей Верхней страной[242], и были с ним в полюбовных отношениях в Хорасане – султан Доглубек и в Греции – царь греческий, и воспитывал он малолетнего сына Баграта Георгия, называя его царем. А под властью Баграта находилась вся страна ниже Лихи[243].

И вскоре дидебулам страны сей надоело господство Липарита. Сула Калмахели и все месхи (дидебулы месхские) восстали против Липарита, схватили в Дливе Липарита и его сына Иване, а Нианиа сбежал, пожелал войти в Клдекарни, но гарнизон его отца не впустил его, и (он) отправился в Аниси [к грекам]. А пленных Липарита и Иване Сула захватил с собой в Калмахи. Немедля отправил Сула к царю людей и призвал его в Султа. А Гуарандухт и Георгий, сын Баграта, находились в Гртила, и как только узнали о пленении, засели в Ахалкалаки и дожидались Баграта в Султа. Прибыл Баграт и за оказанную услугу пожаловал [Суле] в наследственное вла-

дение Цихис-Джвари[244] и Одзрхе[245] вместе с Бодоклде[246], множество другого богатства, церковной утвари и все, что он пожелал.

Прибыл Сула в Джавахети к царю, привел плененных Липарита и Иване и доложил, что от подданных Липарита он принял крепости Артануджи и Квели, Уплисцихе и Биртвиси, но Клдекарни стойко защищал крепостной гарнизон (Липарита), т. к. там находился Анамор, мцигнобартухуцес (канцлер) Липарита. Привели (Липарита и Иване) в Триалети, но защитники крепости просьбой не сдали Клдекарни, воздвигли колы и посадили на них Липарита и Иване, обрекая на смерть. Но через несколько дней (представители) защитников крепости Липарита договорились с царем и дидебулами страны сей отпустить с миром Липарита и Иване. Передали Клдекарни (царю), вынес Липарит добро свое и постригся в монахи, а сына своего Иване вверил царю. Осталась аргветская вотчина за Иване. Липарит дал царю клятву непогрешимости и отправился (Липарит) в царство (Византию)[247].

Через некоторое время и Иване сбежал и отправился в Грецию и жил там несколько лет. Нианиа скончался в Аниси в греческом подданстве, а за Иване перед Багратом ходатайствовал его отец.

И сам Баграт вызвал и привел (Иване из Византии) в царство свое, дал ему аргветскую и картлийскую вотчины, и подчинялся преданно (Иване Баграту). И находился он среди тавадов царства сего [и (был) спасаларом, благодаря его (царя) добродетели]. Тем временем скончался Липарит в Греции, в царском городе Константинополе. Преданные и воспитанные им (люди) с большим почетом привезли его и похоронили в Кацхи, в усыпальнице их отцов.

Усилился и возвеличился Баграт превыше всех царей царства. Занял он все крепости Эрети и Кахети[248], кроме Кветеры[249] и Нахчевани[250]. А затем имели место великие дела [и смятения царей великих].

Во время его (Баграта) царствования выступил султан Арпасаран[251], царь Персии, и совершил нападение (на нашу страну)[252]. Неожиданно напал и разорил Кангари и Триалети, за один день его грабительский отряд достиг Квелис Кури, перешел в Шавшети, Кларджети, Тао и достиг до Панаскерти. И в тот же день спустился до Тори и Гвивисхеви, а сам на три дня расположился в Триалети[253].

А в это время царь с матерью, сестрой и сыном шел из Тао, и стояли они в Хекребулта. И в то время, когда отправлялись, напало на них войско султана, прибыли и заняли хребет. Но они успели спуститься в Картли. Отправились (турки) в Джавахети и обступили Ахалкалаки, [т. к. азнауры месхские и верхней части крепко стояли за Ахалкалаки], держались три дня, но, т. к. не было еще завершено строительство прочной ограды Ахалкалаки, не смогли устоять против сильного натиска; вооружились защитники города и открыли городские врата, и сразились сильно, и предали многих мечу. Ворвались [турки] в город, захватили в плен [бесчисленное количество] христиан, взяли добычу и множество пленных, и окрасилась Ахалкалакская река кровью.

Из Ахалкалаки султан прислал Баграту посла, предлагал сватовство – просил руки дочери сестры (Баграта). Отступил султан в Аниси, разорил и захватил Аниси, уничтожил и захватил в плен множество жителей, и отправился в страну свою, в Персию, а Аниси отобрал у греков и передал Мануче, сыну Абуласвара[254].

А дочь сестры Баграта, которую просил султан[255], (в то же время) была дочерью брата царя армян Квирике. Попросил Баграт (выполнить желание султана), но царь армян не согласился. Послал Баграт с большим посольством эристава Вараз-Бакура Гамрекели. Переманил он приближенных царя армян, и когда царь армян Квирике и его брат Сумбат направлялись в Самшвилде, в Квешис Чала[256] их захватили, и сообщили об этом Баграту. Из Квахврели Баграт немедленно направился, и привели пленных к нему под крепостью Клдекарни. Потребовал (Баграт передать ему) Самшвилде, но они отказались, т. к. один из их братьев, Адарнасе, находился в Самшвилде. Тогда подвели они их к Самшвилде, воздвигли кол и посадили царя армян Квирике на кол*, на три дня, попросили они мира и сдали Самшвилде. Там же находились два эристава царя армян: эристав Лукии и эристав Каквакара. Брат Квирике, Сумбат, предлагал и давал (Баграту) три крепости [Опрети, Кошк и Варзакар]. Но смилостивился царь Баграт, вернул и освободил ему все крепости, кроме Самшвилде, и других владетелей крепостей и дидебулов тоже не впустил туда, занял Самшвилде под свою резиденцию, и таким образом подчинялись армяне (ему)[257].

[Великий царь] Баграт выдал дочь свою Марту замуж за царя греческого[258].

А затем он выдал замуж дочь своей сестры за персидского султана. Через три года выступил султан неожиданно, обошел Ран и вступил в Эрети[259]. А дидебулы страны той (Эрети) были сторонниками (царя) и преданными Баграту. В это время царь Кахети Ахсартан, сын Гагика[260], был с небольшим имуществом (или находился с небольшим имуществом)[261]. Все оставили крепости свои и бежали в Кавказские горы. В это время царь Баграт находился в походе, намереваясь взять Кахети, и войско свое он послал вперед к вежинскому эриставу Цирквалели. Вернулось (войско) с миром, и доложили (царю) о вступлении султана и (о том, как) бросили крепости. Вернулся (Баграт) немедля в страну свою Картли.

А Ахсартан перешел на сторону султана. Преподнес ему большие дары, оставил (христианскую) веру (принял ислам), совершил обряд обрезания и обещал платить харадж, а султан передал ему все (те) крепости, которые были покинуты (их владетелями): как людьми царя абхазов, так и (людьми) самого Ахсартана. А через три недели направился он против царя абхазов. Примкнули к нему царь армян Квирике, тбилисский эмир и Ахсартан, вошли вместе с ним в Картли через Джачви[262]. Отправили грабительский отряд при утренней заре и к вечеру вся Картли была переполнена (ими), произошло это десятого декабря, в день вторника, в хроникон двести восемьдесят восьмой[263].

Было в Картли много хлеба и вина. Остался он (султан в Картли) шесть недель и начал разорять и истреблять жителей, и перешел его разбойничий отряд в Аргвети[264]. Достигли они Сверисцихе[265] и (все по дороге) грабили. Погибло и попало в плен множество христиан, и было в Картли ужасное зрелище: разорены церкви, и из-за обилия трупов невозможно было смотреть на землю, и сверху небо свидетельствовало о гневном божьем возмездии за грехи наши, и кровавая туча покрыла Картли с востока, и темная ночь была светла как день. Зрелище было жуткое и потрясающее, и в некоторых местностях люди видели кровавый дождь. Зима выдалась лютая, те, которые сбежали и укрылись в горах, погибли от суровой зимы. А по всей Картли было располо-

* или привязали (распяли) к колу.

жено войско (турок-сельджуков), а сам глава (турок) султан стоял в Карби[266], а затем спустился в Шертулта[267]. И было им тяжело от трудностей зимы и страшных метелей.

Послал царь Баграт Иване, сына Липарита, (к султану) с предложением мира. А султан отослал его в Абхазию к Баграту, требуя хараджа для заключения перемирия. Но из-за лютой зимы [не смог] дождаться ответа и ушел [из] Картли. Спускаясь (оставляя Картли) захватил Тбилиси и Рустави и передал Фадлону, патрону Гандзы. И не из-за вражды к нашим царям отхватил он Тбилиси и Рустави от царства этого, и не потому содеял сие, что эмиры не были преданы его двору, а потому, что вместо добра и службы они всем делали зло, ибо уповали они на неверную силу, и были они во всем кокарны. И во время этого разорения Картли численность его войска составляла пятьсот тысяч.

Отправился султан в страну свою. А с наступлением весны началось страшное половодье. Мтквари не вместилась в русло свое, разлилась по полям и унесла множество жизней, спасшихся от руки султана.

А после этого возгордился Фадлон и начал творить неверные дела и из окрестностей Тбилиси вывозить ремесленников. С наступлением лета царь перешел в Картли и расположился в Дидгори[268], ибо место сие является царской летней резиденцией. А Фадлон ни во что не поставил нахождение царя в Дидгори. Направился с войском в составе тридцати трех тысяч воинов, прибыл в Тбилиси и расположился лагерем на Исанском поле[269]. А (затем) оставил там шатры свои, поднялся [ночью] в Мухнари[270] и [начал грабить] пограничные области Картли.

Находившемуся на той стороне от Тбилиси царю абхазов стало известно выступление Фадлона и злодеяния (творимые им в) Картли. Выслал (Баграт) для обозрения (положения) Иване – сына Липарита, Нианиа Квабулисдзе и Мурвана Джакели – эристава Квели и вместе с ними немногих других азнауров с отборным войском. Но когда они прибыли в Картли, их (Фадлона со своим войском) там уже не было, и когда те отступали, то обогнали их перед Мухнари у Цилканской горы[271]. Сразились с арьергардом и при первом же взмахе мечей обратили в бегство Фадлона. И обращенное в бегство войско Фадлона подошло к Нареквавской лощине[272], а воины абхазского царя убивали и захватывали их, и заполнилась лощина (трупами) лошадей и людей.

А по (лощине?) части войска, обращенные в бегство, начали проходить через Шобоский лес[273]. А из леса и терновика воины царя Баграта, как птенцы червей, вытаскивали прятавшихся воинов Фадлона. Опередили они (воины-грузины) их (воинов Фадлона) у узкого прохода Гарти[274], и мало кто успел проскочить. Преследовало войско Баграта их до горы Херки[275]. Истребили войско Фадлона, (а остальных) захватили в плен. А Фадлон (в сопровождении) пятнадцати всадников вышел по Цилканской дороге, обогнул Арагви и по размытому пути вышел в Эрцо[276] и выдвал себя за посланника, заявляя: «Я – посланник Фадлона и еду благовестником к (царю Кахети) Ахсартану, (сообщить), что мы обратили в бегство войско царя абхазов».

Но встретил его человек, знающий Фадлона, и сказал (он ему): «Ты не посланник, а сам эмир-эмиров Фадлон».

Сказал человеку тому Фадлон: «Получи от меня множество золота и серебра и богатства и не предавай меня, переведи через поле и пойди вместе со мной».

Но человек тот ответил: «Не могу я содеять сие, ибо я – коренной житель страны сей. А сейчас внемли мне и следуй за мной, и поведу я тебя к Ахсартану, а тот пусть пошлет тебя в страну твою».

Фадлон не желал этого, но он никуда не мог уйти из Эрцо. Повел человек тот его и привел в Жалети[277] к месхскому азнауру Исаку Толошелисдзе[278]. Узнав о прибытии Фадлона к своему порогу, (Исак Толошвелисдзе) обобрал людей Фадлона, согнал с коней, захватил, а Фадлона посадил на мула. И [не] вспомнил Исак о существовании царя абхазов, забыв, что захватил он бежавшего от абхазского царя Фадлона, и (вместо того, чтоб) привести (Фадлона) к царю Баграту в Бочорму, быстро отвел его и привел в Телави к Ахсартану. А Ахсартан немедля забрал его в Хорнабуджи[279], так как боялся преследования со стороны царя абхазов. Показали (защитникам) Хорнабуджи Фадлона и сдал он Хорнабуджи. Забрал его в Арадети и передал он и Арадети тому же Ахсартану.

А Баграт испугался отпустить Фадлона, дал кахетинцам (взамен) Бочорму и Уджарму и забрал Фадлона. Посадили его на кол, и подступили к Тбилиси, но взяли Тбилиси с трудом, так как находившийся там муж сам желал стать эмиром. Но Баграт не занял Тбилиси сам, и отыскал оставленного в Дманиси Ситил-араба, привел его в Тбилиси и дал ему Тбилиси. А сам (Баграт) занял крепости Рустави, Парцхиси, Агарани, Григол-Цминдани, Кавазини[280], (наложил контрибуцию в размере) сорока четырех тысяч драхканов, также (взял) заложников, сына брата его, сына Мануче, и трех тавадов Гандзы[281].

И (в это время) прислал султан Саранга Алхаза, и по его посредничеству и по просьбе султана заключил Баграт перемирие с Фадлоном и отпустил его и отправил его в свое государство, в Гандзу. И Саранг отправился вместе с ним.

Преподнесли (царю Баграту) ключи (от крепости) Гаги, и занял царь абхазов Гаги[282]. Вслед за этим Фадлон нарушил клятву и посредничество великого султана, и захватил Кавазини. А затем, (когда) царь был в Абхазии, Фадлон обступил Агарани и глава защитников крепости сдал (ему) Агарани. Немедля выступил царь, прибыл, обступил и занял Агарани.

Вывел (Баграт) Дорголела, царя осетин, с сорокатысячным осетинским войском, поставил во главе их сына своего куропалата Георгия, разорил Гандзу и забрал бесчисленное множество пленных и добычи и отправил в царство свое. А затем изъявил желание великий царь осетин Дорголел (повидать) мужа сестры своей Баграта севаста, и попросил у Баграта принять его. Баграт дал согласие, и обрадованный царь осетин отправился вместе со всеми осетинскими тавадами, перешел по абхазской дороге и прибыл в Кутатиси. Повидался (царь осетин) со своей сестрой, царицей, матерью куропалата Георгия, а куропалат Георгий опередил его, затем повели его (царя осетин) в Картли. [Царь (Баграт) находился в Тинисхидской роще][283], в Надарбазеви[284], и встретил его с большим торжеством и почетом.

Встретились [в одном месте] у Кезуни. Была радость большая и звуки набата и рогов оглушали все вокруг. Остановились на двенадцать дней, отдыхали и радовались. Но по причине (приближения) зимы поторопились и (царь Баграт) вознаградил подарками царя и всех дидебулов [Осетии]. Отправили их, и отбыли они с радостью.

А затем присылал султан посланника, посылал царю Баграту дары, и сладким словом просил хараджа. А царь Баграт не наложил (на страну свою) харадж и (со своей стороны) посылал посланника и дары. И была между ними на словах любовь.

А через несколько лет царь Баграт, находясь на Самшвилдском озере, заболел желудком и остановился в Марабде[285]. Но болезнь осложнилась, и его лежачего взяли (из Марабды), с ним находились куропалат Георгий и все его дидебулы. [А куропалат Георгий опередил[286] всех, привезли царя в Картли, и пришли туда все его дидебулы]. Пришли (также туда) мать его, царица Мариам, и жена его, Борена, и дочь его, Мариам. Через несколько дней объявил он дидебулам царства сына своего куропалата Георгия царем, поручил ему царство, и сказал матери своей: «Мать, жалко мне тебя за то, что все рожденные тобой ушли раньше тебя и умрешь так (одинокой)». И вслед за этим скончался он в месяце ноябре числа двадцать четвертого, в хроникон двести девяносто второй[287].

И в это время был убит султан каким-то старцем – турком, (когда находился он) в своем войске в шатре. Перешел Джеон[288] с семисоттысячным войском, выступил против царя турок, обступил какую-то крепость близ Самарканда, и был убит турком, владельцем той крепости. А турок тот не успел войти в крепость, и беспощадно искромсали его мечом. И так не узнали султан и Баграт о смерти друг друга.

А вслед за этим стал царем сын Баграта куропалат Георгий[289].

И было полное спокойствие в его государстве[290]. И с большим почетом и уважением отвезли его и похоронили в Чкондиди. Царь Баграт стал царем в девять лет, а скончался в пятьдесят шесть. Баграт этот сперва был куропалатом, потом стал новелисимом, а затем севастом. Был он красивее всех, полон мудрости, обладал философской речью, был счастливый, богаче всех царей абхазских, милостив к грешникам, щедр к [бедным][291]. Но в пору его царствования не было в стране покоя: церкви и крестьяне, азнауры и неимущие [не] могли найти правосудия.

Пятьдесят четвертый царь Картли и Абхазии – Георгий, сын Баграта, Багратиони

А царь Георгий был милостив, и неимущие могли найти у него правосудие, человек грозный и самый щедрый из всех абхазских царей, хлебосольнее всех людей, наездник и стрелок отменный. После (смерти) отца своего пребывал в спокойствии одну зиму и половину лета. А затем тавады царства сего Нианиа Квабулисдзе и Иване, сын Липарита, и Вардан, эристав сванов, [будто они ущемились чем-то], в силу юности царя Георгия, возмутили ему страну: Иване в союзе с кахетинцами расположился на берегу Ксани, Нианиа захватил кутатисскую казну и занял Кутатиси, а Вардан отложил склонных и злодеяниям сванов, и ограбили и истребили Саэгро.

А царь Георгий одолел их добротой, мудростью и, не припомнив содеянного ими зла, даровал: Иване – Самшвилде, а сыну Иване, Липариту, взамен переданного кахетинцам Рустави, отдал Лоцобанни, и Нианиа – Тмогви и другое отборное имущество, Вардану пожаловал [Аскалану

и Утагубо Джакелов], по совету Иване и всех верных и неверных покрыл милостью, и так успокоил царство свое царь Георгий.

Вновь взбунтовался Иване, сын Липарита, и стало это известно царю Георгию. Из Кутатиси перешел в Самцхе, переманил месхов, переправился и подошел к вратам Самшвилде. Привел туда царя кахетинцев Ахсартана. Не смог Иване удержаться в крепости, и нашел приют в южных горах, и во время этого возмущения взял Ахсартан у Липарита Лоцобанни. Ушел из Самшвилде, перешел в Джавахети, привел царь царей Георгий (Иване), поклялись в Экранта, и утвердил Иване за собой Клдекари и Самшвилде.

Вновь взбунтовался Иване, выманил у защитников крепости царя Георгия Гаги, и продал Фадлону, владетелю Гандзы. И (в это время) прибыл султан Малик-Ша[292] врагом всех христиан. Послал ему навстречу Иване сына своего Липарита, и ввел (Иване сына) под покровительство султана[293], и остался он с ним немного времени, а (затем) удрал. Прибыл султан (в Картли) и обступил Самшвилде, взял Самшвилде, и попали в плен Иване сам с женой и внуками и со всеми азнаурами с их челядью, и занял султан Самшвилде. И когда находился он там, разорил Картли, захватил пленных и добычу бесчисленнную и отступил. И (затем) захватил Гандзу и оставил правителем Гандзы Саранга с сороковосьмитысячным войском для ведения борьбы с (окружающими) странами. Укрепился Фадлон в сильной крепости, но не смог сопротивляться, вывели (из крепости) и пленили его.

Вскоре Саранг со своими и гандзийскими войсками, при помощи двинского и дманисского эмиров, направился против царя Георгия. Собрался Георгий со всем своим войском, верхним и нижним, пригласил царя кахетинцев Ахсартана, договорились. Усилил Бог царя Георгия. Предводительствуемый крестом честным напал (Георгий) на (Саранга) ниже Парцхиси, и лагерь Саранга отступил: обратили в бегство и разорили. Была пора вечерняя, темнота спасла остатки войска Саранга. А царь царей Георгий без потерь и с миром возвратился в свое царство.

А вслед за этим милость божья вернула (Грузинскому государству) крепости, отторгнутые греками силой. Отобрал (царь Георгий) у греков Анакопию – главную крепость Абхазии, и многие крепости Кларджети, Шавшети, Джавахети и Артаани. А затем, опять по божьей милости, взял он город Кари и крепость с (прилегающими) землями, и ванандские и карнипорские укрепления, и изгнал турок из страны своей[294].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Этот заголовок, как и все остальные, отсутствует в рукописи довахтанговского периода. Видимо, комиссия царя Вахтанга с целью унификации сведений «Картлис цховреба» вслед за первыми царями Картли перенумеровала всех остальных царей (см. Леонтий Мровели, Жизнь царей, «Картлис цховреба», I, Тб., 1955, с. 20, 26, 27, 29). Так как согласно концепции, данной в «Картлис цховреба» (см. Леонтий Мровели и Джуаншер), эрисмтавары Картли, которые в этих источниках титулуются царями, были непосредственными потомками древнекартлийских царей, то нумерация распространилась и на них.

[2] Согласно грузинской исторической традиции, грузинские цари, начиная с царя Мириана (нач. IV в. н. э.), были потомками персидских шахов (см. Леонтий Мровели, с. 64), отсюда в их титулатуре «Хосроиани» (см. там же, с. 64, 130, 131; Джуаншер, с. 140, 143). Согласно концепции Джуаншера, непосредственным потомком этих царей был и Арчил, отец Иоане и Джуаншера («Картлис цховреба», I, с. 233, 241).

[3] Такое неестественное начало исторического труда анонимного автора XI века вызвано тем обстоятельством, что до нас не дошло начало этого исторического сочинения. Характер свода «Картлис цховреба» требовал, чтобы повествование событий было последовательным. В этой комбинации наша летопись лишилась своего начала и поэтому начинается с того факта, на котором заканчивается предшествующее произведение – «Мученичество святого Арчила» Леонтия Мровели, т. е. на смерти Арчила. Следует указать и на то обстоятельство, что принцип последовательности исторических событий сохранен лишь в первых пяти трудах (включая «Историю царя Давида»), а затем он не всегда соблюдается.

[4] Арчил – эрисмтавар Картли, которого некоторые грузинские нарративные источники титулуют «царем» (см. Джуаншер, «Картлис цховреба», I, с. 241; Вахушти, История Грузии, «Картлис цховреба», т. IV, изд. С. Г. Каухчишвили, Тб., 1973, с. 125). Согласно хронологии Вахушти, он правил в 668-718 гг. (Вахушти, указ. изд., с. 125). В одной из поздних рукописей «Картлис цховреба» имеется приписка, указывающая год казни Арчила – 718 г. (см. «Картлис цховреба», I, с. 245). Н. А. Бердзенишвили временем правления Арчила считает 40-50-е годы VIII в. (см. История Грузии, I, Учебное пособие, под ред. Н. А. Бердзенишвили, Тб., 1962, с. 124). В свод «Картлис цховреба» включено «Мученичество святого Арчила» Леонтия Мровели («Картлис цховреба», I, с. 245-248; см. также Brosset, Histoire de la Géorgie, с. 254, прим. 2).

[5] В грузинских средневековых источниках использован термин «Сабердзнети», что означает и Древнюю Грецию, и Римскую империю, и Византию. В данном тексте «Сабердзнети» переводится как «Греция», «мепе бердзента» – как «греческий царь».

[6] Лекетская дорога, Дарьяльский путь. См. Н. А. Бердзенишвили, Дороги Грузии в эпоху Руставели, Тб., 1966, с. 65 (на груз. яз.).

[7] Вахушти (История Грузии, см. указ. изд., с. 127) датирует это событие 731 годом. См. также Brosset, Histoire de la Géorgie, с. 257, прим. I. И. А. Джавахишвили прибытие посла хакана датирует 761 г. и, соответственно, пленение Шушан – 764 г. (см. История грузинского народа, II, Тб., 1948, с. 77-78, на груз. яз.).

[8] В некоторых списках «на седьмом году». Вахушти,. указ. изд., с. 250; М. Броссе, с. 258, прим. I.

[9] Мтавары – в данное время – представители высшего слоя общества, но преимущественно обладающие властью. Мтавар, по мнению С. Н. Джанашиа, «обозначает династа, владетельную особу, небольшого суверена, местного князя». (См. его: О времени и условиях возникновения Абхазского царства, Труды, II, 1952, с. 337).

[10] Царь Вахтанг Горгасал правил во второй половине V века.

[11] Это заявление автора вызывает недоумение. В 70-х годах XI в., когда автор писал свое произведение, представители рода Багратиони уже в течение целого века являлись царями объединенного Грузинского государства. С конца VIII в. и нач. IX в. представители этого рода (Ашот Багратиони) являлись князьями и куропалатами Картвельского (Тао-Кларджетского) княжества, которые в конце IX в. принимают титул «царь картвелов». Согласно данным Сумбата Давитисдзе, к роду Багратиони принадлежали и первые эрисмтавары Картли – с 70-х годов VI в. В грузинской историографии высказано предположение, что Багратиони являются потомками древнегрузинского царского рода Фарнавазианов (см. П. Ингороква, Георгий Мерчуле, Тб, 1954, с. 79, на груз. яз.; Г. С. Мамулия, Происхождение династии Багратиони и образование царства Картли (Иберия), Мнатоби, № 2, 1971, 179-191, на груз. яз.). Если считать спорным положение о багратионовском происхождении картлийских эрисмтаваров с VI в., а также происхождение рода Багратиони из династии Фарнавазианов, все равно заявление анонимного автора выглядит странным. Трудно поверить, чтобы историк мог намекать или прямо говорить о том, что брак с отпрыском рода Багратиони мог быть мезальянсом для кого-либо в VIII в., так как в это время, да и задолго до этого точка зрения о божественном происхождении этого рода была утверждена в Грузии, Армении и воспринята византийской историографией (см. М. Д. Лордкипанидзе, Легенда о происхождении рода Багратиони. Сб. Вопросы истории народов Кавказа. Тб., 1966, с. 144-149, на груз. яз.). Г. С. Мамулия постарался дать объяснение этому факту. По его мнению, мать эрисмтавара Джуаншера

была недовольна этим браком лишь потому, что Джуаншер и его жена являлись двоюродными братом и сестрой, а брак между кузенами, как известно, запрещался православной церковью. Поэтому историку понадобилось указать на то обстоятельство, что мать Джуаншера «не знала, что они (Багратиони) – потомки пророка Давида», т. е. еврейского происхождения, что-де позволяло им нарушать православный обычай и следовать своему древнему еврейскому обычаю (см. Г. С. Мамулия, Взаимоотношения Фарнавазидов и Багратидов на рубеже VIII-IX вв. Сообщения Академии наук ГССР, 67, № 1, 1972, с. 245-247, на груз. яз.).

12 В армянском переводе этот Хуасро назван остиканом Армении (с. 213). Во всех вариантах грузинского текста Хуасро господствовал в Сомхити. Сомхити, согласно древнегрузинской исторической традиции, – южная часть Восточной Грузии – Квемо Картли, непосредственно граничащая с Арменией, а Армения – Сомхети. Но источники не всегда соблюдают точность. В данном случае, видимо, речь идет об Армении. В дальнейшем, когда по контексту подразумевается Армения, в тексте остается, как есть, а в скобках помещается «Армения». М. Броссе в тексте дает «l'Armenie», с. 259. В армянском переводе «Картлис цховреба» здесь и во всех случаях, где в грузинском тексте «Сомхити», использован термин «Армения».

13 Эристав(и) по своему первоначальному значению – правитель области, назначаемый царем. Должность постепенно становится наследственной.

14 Автор летописи здесь вкратце передает те события, которые имели место в Западной Грузии в 70-80-х годах и в конце VIII в. Речь идет об объединении Западной Грузии (Абхазия и Эгриси), освобождении от византийского подчинения и объявлении владетелем Эгрис-Абхазии Леоном себя царем абхазов (см. С. Н. Джанашиа, О времени и условиях возникновения Абхазского царства. Труды, II, Тб., 1952, с. 342-341; З. В. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, с. 95-109). Абхазия была наследственной собственностью Леона I, Эгриси – собственностью, полученной вследствие династического брака с представительницей картлийского царского дома от владетеля Эгриси, не имеющего наследника мужского пола, так что Леон II был одинаковым наследником как Абхазии, так и Эгриси и, отложившись от Византии, взял в руки власть в Абхазии и Эгриси. «Назвался царем абхазов», т. к. династия была из Абхазии. (П. Ингороква, Георгий Мерчуле, Тб., 1954, с. 189-218, на груз. яз.; З. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, Сухуми, 1959, с. 100-105; М. Лордкипанидзе, Абхазское царство, см. Разыскания по истории Абхазии/Грузия, Тб., 1999, с. 156-157).

15 Вахушти датирует смерть Иоанна 786 г., а смерть Джуаншера – 787 г. Соответственно с этим датируется и воцарение Леона II. С. Н. Джанашиа (указ. раб., 339-341) объединение Эгрис-Абхазии датирует концом 70-х – началом 80-х годов VIII в., а провозглашение этого государства независимым царством – концом VIII века.

16 Грузинское «насамали» – от слова «сами» – три, так переводят Э. С. Такаишвили (см. русский перевод хроники Сумбата Давитисдзе «Жизнь и известие о Багратидах, царях наших грузинских, откуда они взялись в эту страну или с какого времени владеют они царством грузинским, которое написал Сумбат, сын Давида». СМОМПК, XXVIII, Тб., 1900, 5-е примечание переводчика, и М. Броссе, указ. соч., с. 259).

17 Исторические провинции в юго-западной Грузии.

18 По контексту источника принятие Леоном титула царя абхазов было связано со смертью Иоване и старостью Джуаншера. Вахушти занятие Леоном Эгриси и провозглашение его царем рассматривает именно как результат вымирания рода эрисмтаваров Картли. «Тогда племянник Леона, эристава абхазов, Леон второй, завладел всей Эгриси* и назвался царем абхазов, ибо скончался эристав Иоване в хроникон 786, шестого года грузинского летосчисления, а Джуаншер был стар, и он тоже скончался в хроникон 787, седьмого года грузинского летосчисления» (Вахушти, указ. изд., с. 127).

19 Ашот Багратиони – сын Адарнасе Багратиони, в конце VIII в. был эрисмтаваром Картли и находился на службе у арабов, затем в результате конфликта с арабами эмигрировал в родовые имения рода Багратиони – в Кларджети, и основал княжество, известное в истории под названием Тао-Кларджетского или Картвель-

* Эгриси для Вахушти Багратиони – вся Западная Грузия. По его концепции, эта часть Грузии имеет три названия: «Во-первых – Эгриси, во-вторых – Апхазети, в-третьих – Имерети». Вахушти, указ. изд., с. 742.

ского княжества. Ашот Багратиони эмигрировал из Картли в конце VIII – нач. IX вв. и жил до 826 (836) г. (см. Т. Н. Ломоури, Сведения Сумбата Давитисдзе и Георгия Мерчуле о грузинских Багратионах – IX-X вв. Сб. «Арили», посвященный И. А. Джавахишвили, Тб., 1925, с. 48-50; К. С. Кекелидзе, Грузинская литература раннефеодальной эпохи. Тб., 1935, с. 101-109; А. Богверадзе. К дате смерти Ашота I Великого куропалата. Сб. Вопросы истории феодальной Грузии, I, 1970, с. 131-138, все на груз. яз.). Согласно Вахушти (указ. изд., с. 128), он царствовал 39 лет (786-826 гг.).

20 В данном случае речь идет о Шида (Внутренней) Картли, которая, начиная с этого времени, на протяжении IX-X вв. является предметом соперничества между грузинскими, а затем грузинскими и армянскими раннефеодальными государствами.

21 Маслама в нач. IX в. нам неизвестен. В нач. VIII в. засвидетельствованы походы Масламы в Закавказье (см. С. Н. Джанашиа, указ. раб., с. 372, прим. I). Возможно, в данном случае имеет место анахронизм или был неизвестный нам полководец по имени Маслама (см. Brosset, Histoire de la Géorgie, с. 260, прим. 3).

22 Царь греков, византийский император, видимо, Лев VI (886-912).

23 По византийскому табелю о рангах, где самым почетным был восемнадцатый титул (кесаря), куропалат занимал шестнадцатое место (см. Н. Скабаланович, Византийское государство и церковь, с. 151; Bury, The imperial administrative system in the ninth century, London, 1911, p. 33-35; Cyril Toumanoff, Studies in the Christian Caucasian history, Georgtown University Press, 1963, p. 388-389). Титул куропалата впервые был пожалован эрисмтавару Картли Гуараму в 70-х годах VI в. (см. Сумбат Давитисдзе, Жизнь и известия о Багратидах, пер. Э. С. Такаишвили, СМОМПК, XXVIII, 1900, с. 122-123). С начала IX в. титул куропалата приобретает особо важное значение в политической жизни Картвельского княжества, а затем и объединенного Грузинского государства. Как правило, империя титул куропалата жаловала старшему в роде, т. е. тому, кто вначале являлся князем, а затем картвельским царем. Когда после смерти Ашота куропалата старшинство в роде было предоставлено его среднему сыну Баграту, титул куропалата был пожалован именно ему (Сумбат Давитисдзе, указ. пер., с. 144). Титул куропалата сохраняет свое значение и в политической жизни Грузинского царства; лишь царь Давид IV Строитель отказывается от всех византийских титулов.

24 Тбилисский эмир Али ибн Шуаб (829-833) (М. Д. Лордкипанидзе, Из истории Тбилисского эмирата, «Мимомхилвели», ТИИ, II, 1951, с. 211, на груз. яз.).

25 Мтавар Кахети (787-827) (М. Д. Лордкипанидзе, Из истории политического объединения феодальной Грузии, МИГК, вып. 31, 1954, с. 27, на груз. яз.).

26 Теодосий – царь Эгрис-Абхазии, умер в 825 г. (З. В. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, с. 122).

27 Цанары – племя на территории исторической Кахети, район их расселения локализуется в исторической грузинской провинции Хеви, в районе Дарьяльского ущелья. Они одними из первых начали борьбу против арабских завоевателей, возглавив борьбу за объединение Кахети и создание независимого княжества Кахети. Из цанар были первые князья Кахети с титулом хорепископа (см. М. Д. Лордкипанидзе, указ. раб., с. 32-35).

28 С 30-х годов VIII в. арабы в Тбилиси назначают своего правителя – эмира, который являлся верховным административным и военным правителем занятой арабами территории Восточной Грузии.

29 Левый приток Куры. Впадает в Куру между Мцхета и Каспи у сел. Ксани.

30 Историческая провинция в юго-западной части Грузии.

31 Халил ибн-Язид – арабский полководец. Вахушти этот поход Халила датирует 791 г. и 793 г. (указ изд., с. 127). В древнеармянском переводе сказано, что прибыл эмир Халил (без указания даты), убил Ашота и сам был убит в Джавахети (с. 214). Здесь, видимо, в результате сокращения три похода Халила, убийство Ашота и убийство самого Халила во время третьего похода в 841 г. объединены в одной фразе. Этот первый поход Халила ибн Язида имел место около 829 г. (по данным вопросам см. Marquart, Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903, с. 410 и далее; К. С. Кекелидзе, Ашот великий, куропалат. В кн. Грузинская литература раннефеодальной эпохи. Тб., 1935, с. 101-109; М. Д. Лордкипанидзе, Из истории Тбилисского эмирата, ТИИ, «Мимомхилвели», II, Тб., 1951, с. 189-191, на груз. яз.).

32 Убийство Ашота Багратиони датировано 826 и 836 годами. (Обзор источников с критическим разбором литературы вопроса см. А. А. Богверадзе, К дате смерти Ашота I, великого куропалата. Сб. Вопросы истории

феодальной Грузии, I, Тб., 1970, с. 131-157, на груз. яз., резюме на русском яз., с. 223). Видимо, датой смерти надо считать 826 г.

33 Хорепископ – титул владетелей у цанар. Вначале, видимо, хорепископы объединяли духовную и светскую власть в своих руках. После того, как под главенством цанар осуществилось объединение Кахети и образование раннефеодального грузинского государства – княжества Кахети, титул хорепископа был воспринят князьями, главами этого государства, но он уже потерял свою теократическую функцию и полностью трансформировался в светского главу феодального государства (М. Д. Лордкипанидзе, Политическое объединение феодальной Грузии, Тб., 1963, с. 151-152, на груз. яз.; Ш. А. Бадридзе, К вопросу о правящем хорепископе в Кахетском княжестве. «Мацне», 1964, V, на груз. яз.).

34 Хорепископ в 827-839 гг.

35 Хорепископ в 839-861 гг.

36 Гавази//Гавазни – в Кахети, юго-восточнее Кварели.

37 Сахак – сын Исмаила (по арабским источникам Исхак ибн Исмаил), тбилисский эмир в 830-853 гг. Здесь речь идет о втором вторжении Халила ибн Язида в Грузию против наместника халифа тбилисского эмира Исхака ибн Исмаила, который не повиновался халифу и не посылал дани в казну. С начала IX в., когда эмиры Тбилиси проявляют стремление к самостоятельности и не подчиняются халифской власти, халифы начинают борьбу с ними. В таких условиях грузинские цари и князья, исходя из собственных интересов, группируются вокруг этих борющихся сил. В данном случае владетель Кахети выступает на стороне тбилисского эмира и обращает в бегство войска Халила. Видимо, власть эмира за это время пошатнулась, и поэтому историк замечает: «И вновь воссел эмиром в Тбилиси Сахак, сын Исмаила».

38 Халиф не мог оставить безнаказанно действия эмира, и Халил, видимо, с обновленными силами третий раз прибывает в Грузию в 842 году. Согласно сообщению нашего историка, его убивают в Джавахети. По Асохику, он умирает в Джавахети, в селении Хозабир (Хизабавра). Якуби тоже поддерживает версию смерти Халила по болезни (И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, II, 1948, с. 93-94; на груз. яз.; М. Д. Лордкипанидзе, Из истории Тбилисского эмирата, с. 192-193).

39 Вслед за неудачным походом Халила халиф Васик (842-847) прислал сына Халила – Мухаммеда ибн Халила.

40 Сын Ашота куропалата Баграт вступил на отцовский престол, хотя он был средним сыном Ашота (старший – Адарнасе, и младший – Гуарам), но братья, по обоюдному согласию, старшинство в семье предоставили среднему брату. (Не исключено, что это было по указанию имперского двора). Ему же был пожалован и титул куропалата. Баграт куропалат княжил до 876 г.; о нем см. также Хронику Сумбата Давитисдзе (указ. пер., с. 142-144).

41 Как уже отмечалось, Картли являлась яблоком раздора между грузинскими царствами и княжествами. В начале IX в. Картли захватил Ашот куропалат, но после его смерти эта провинция была занята арабами. Видимо, Баграт не мог собственными силами завладеть центральной провинцией Грузии и, воспользовавшись борьбой между тбилисскими эмирами и халифской властью, предложил свою помощь полководцу халифа с условием передачи ему Картли.

42 Реха – село около современного Гори. Вахушти этот поход Мухаммеда датирует 841 годом (указ. изд., с. 129). Хронологию событий см.: М. Д. Лордкипанидзе, указ. соч.

43 Город-крепость на берегу Куры, недалеко от Гори. В ту эпоху выполнял функции политического центра Шида Картли.

44 По предположению С. Г. Каухчишвили, этого хронологического указания не было в тексте летописи – оно является примечанием одного из редакторов (см. «Картлис цховреба», I, с. 255, прим. 6). Эта дата была в тексте всех списков «Картлис цховреба» довахтанговского периода (см. «Картлис цховреба», I, с. 255, прим. 6); имеется она также в древнеармянском переводе (с. 214). Так что более вероятно, что она является авторской. Озадачивает сама дата. Если ее принимать так, как она представлена в дошедшем до нас тексте: «До сего времени прошло двести девятнадцать лет со дня появления Мохамеда, основателя веры сарацин» (с. 255), и понимать под этим заявлением указание на 219 г. мусульманской эры, то тогда нужно принимать разночтения тех списков, где вместо 219 г. дан 239 г., т. к. на сегодняшний день известно, что вторжение

Буга Тюрка в Грузию имело место в 853 г., чему и соответствует 239 г. хиджры. Но иную версию предлагает древнеармянский перевод: «Когда после Махмеда первого прошло 219 лет, прибыл Буга в Армению» (с. 21). В таком случае получается, что автор исчисляет 219 солнечных лет после смерти Магомеда, т. е. указывает на прибытие Буга в Армению в 851 г. Как известно, Буга сперва провел операции в Армении в 852 г., а затем в 853 г. появился в Грузии (хронологию событий см. И А. Джавахишвили, указ. раб., с. 95-96; М. Д. Лордкипанидзе, указ. раб., с. 194). Можно предположить, что первоначально в авторском тексте было сказано, что Буга прибыл в Армению через 219 лет после Магомеда, т. е. после его смерти (632+219=851 г.), но в дальнейшем текст был понят так: Буга прибыл в 219 году магометанской эры. Поскольку переписчикам была известна дата нашествия Буга, то в списках появились даты 229 (622+229=851 г.) и 239, т. е. 239 г. хиджры, что соответствует 852 г. нашего летосчисления.

45 Арабский полководец, по происхождению турок, прославившийся во многих военных операциях, известный под прозвищем Великий Буга.

46 Подразумевается халиф Мутаваккиль (847-861).

47 Об этих событиях подробно рассказано Табари, Фомой Арцруни и другими историками (см. И. А. Джавахишвили, указ. раб., с. 95-96; М. Д. Лордкипанидзе. Из истории Тбилисского эмирата, с. 193-195).

48 Теодосий – царь Эгрис-Абхазии, видимо, в данном случае назван по ошибке, т. к. в это время в Эгрис-Абхазском царстве на престоле находился Деметре II (818-854) (см. З. В. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, с. 141-142).

49 Видимо, здесь попал в плен Костанти-Каха, который затем был обезглавлен арабами (см. Полное жизнеописание святых грузинской церкви, ч. III, СПб., 1873, с. 89-96; P. Peeters, De S. Constantino, mortyrie in Babilonia, Acta Sanctorum, Novembris, t. IV, Bruxelles, 1925, с. 541-563; Житие и мученичество свято мученика Костанти грузина, который был замучен царем вавилониян Джафаром, перевод с древнегрузинского, исследование и комментарий Н. З. Вачнадзе, К. К. Куция, Тб., 1978.; И. Джавахов, К вопросу о времени построения грузинского храма в Атени. Христианский Восток, т. I, СПб., 1912, с. 277-285; И. А. Джавахишвили, Древнегрузинская историческая литература, Тб., 1945, с. 77-81, на груз. яз.).

50 Двалетская дорога шла через Мцхета – Мухрани по Зекарскому перевалу, вдоль ущелья Заха мимо Нары (см. Н. А. Бердзенишвили, Дороги Грузии в эпоху Руставели, Тб., с. 25-28, 1966, на груз. яз.).

51 У Вахушти – «Джварисболос»; «Джваргверди» – «рядом с Джвари», а «Джварисболос» – «в конце Джвари».

52 Видимо, часть войска Буга Тюрка отходила в северо-восточном направлении, и путь им преградили около Крестового перевала войска Кахетского княжества («гардабанцы» – в данном случае употребляются в смысле «кахетинцы-гардабанцы»).

53 Чарталети – историко-географическая провинция на реке Арагви.

54 Мтиулы – собирательное имя жителей горных районов Восточной Грузии.

55 Осетия – имеется в виду современная Северная Осетия.

56 Цхавати – историко-географическая провинция западнее Чарталети, между Арагви и Ксани.

57 «Этот Ашот, – пишет Асохик, – сын Сембата, прозванный Абл-Абасом, спарапет армянский». В 888 году получил титул «царя армян» (указ. пер., с. 107) (Brosset, Hist. de la G., с. 266, прим. 7).

58 Гуарам – мампал, младший сын Ашота куропалата.

59 Иели – ядовитое растение, отравляющее мед (Сулхан-Саба Орбелиани, Словарь); Н. Чубинашвили переводит как «кошкара, шабина».

60 В древнеармянском переводе, видимо, по ошибке вместо Бардава – резиденции арабских наместников Закавказья, где, как и следовало ожидать, должен был перезимовать Буга, указан Багдад (с. 214).

61 Хумед – Мухаммед ибн Халил, аш-Шаибани – тбилисский эмир в 853-870 гг.

62 Иса ибн аш-Шейх аш-Шаибани был назначен эмиром после Мухаммеда.

63 Хорепископ Габриел (861-881).

64 Абраам – тбилисский эмир; Мухаммед и Абраам были эмирами между 870-878 гг.

65 Быстрая смена эмиров вызвана теми наурядицами, которые имели место в Закавказье и собственно в Грузии с середины IX в. (см. М. Д. Лордкипанидзе, Из истории Тбилисского эмирата, с. 194-195).

66 Горный хребет протяженностью от Тбилиси до Боржомского ущелья, водораздел бассейнов Куры и Аракса; название одноименной историко-географической провинции Грузии. В данном случае речь идет об историко-географической провинции.

67 Историко-географические провинции в южной части Грузии.

68 Георгий I – царь Эгрис-Абхазии, царствовал в 861-868 гг.

69 Текст не совсем понятен: сын Деметре Баграт назван эриставом Чиха. Про него сказано, что он был изгнан, затем убит. В некоторых списках вместе с Багратом назван некий Тинен («Картлис цховреба», с. 258). Согласно Вахушти, эриставом в Чиха был назначен Тинен, сын Деметре, которого убили, а Баграта, младшего сына того же Деметре, изгнали (указ. изд., с. 131, 797; см. также Brosset, Hist. de la G., с. 270).

70 Липарит Багваши – крупный феодал из Западной Грузии; центром его эриставства являлся Кацхи в Верхней Имерети (Аргвети). В 80-х годах IX в. Липарит переселился в Южную Грузию и основал Клдекарское эриставство в Триалети. Предполагают, что эмиграция Багваши была вызвана внутриклассовой борьбой, разыгравшейся в Эгрис-Абхазском царстве в связи с централизаторской политикой царя Георгия. Здесь Липарит пробил искусственный проход в отроге Триалетского хребта и соединил кратчайшим путем Картли с южной Грузией, отсюда и название эриставства – Клдекари – дверь в скале. Над пробитой скалой воздвиг крепость. Липарит Багваши своим сюзереном объявил верховного владыку Картвельского княжества Давида, сына Баграта куропалата (876-881).

71 В 80-х гг. IX в. в борьбу за владычество в Шида Картли включается и Ширакское царство армянских Багратидов. Среди грузинских государств гегемоном в борьбе за объединение Грузии в это время выступает Эгрис-Абхазское царство. Вокруг них и группируются в это время борющиеся стороны. Наср, сын Гуарама, младшего сына Ашота куропалата, поддерживает западногрузинское государство против представителя средней, т. е. главенствующей, ветви своего рода, Давида, который сам не в силах бороться за Картли и совместно со своим вассалом Липаритом Багваши выступает сторонником армянского царя против царя Эгрис-Абхазии в борьбе за Картли.

72 Хорепископ Фадла I (881-893).

73 В 80-х годах IX в. в Грузии разыгрывается один из кровавых эпизодов борьбы за землю между феодальными домами. Владения Насра, сына Гуарама, представителя младшей ветви дома грузинских Багратиони, непосредственно граничили с владениями армянских Багратидов, чем и объясняется вражда между армянскими Багратидами и домом Насра. Клдекарское эриставство, основанное Липаритом Багваши в пределах Картвельского княжества, входило в пределы непосредственных земель Насра, и поскольку Липарит своим сюзереном объявил не дом Гуарама, а дом Давида, это вызвало напряжение взаимоотношений между Багвашами и домом Гуарама. Шаг Липарита, со своей стороны, был вызван стремлением повиноваться более далекому сюзерену. Стремление захватить соседние земли и округлить свои феодальные владения способствует сколачиванию коалиции против Насра. Противники Насра, как видим, не брезгают помощью и арабов, против которых активно боролся отец Насра Гуарам.

74 Годы царствования Баграта точно не установлены: З. В. Анчабадзе временем воцарения Баграта считает 80-е гг. IX в. (см. З. В. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, с. 123-124), а Е. Цагарейшвили – прибл. 882-893 гг. (см. Иоанн Драсханакертский, История Армении, Тб., 1965, армянский текст с грузинским переводом, с. 0116).

75 Историко-географическая провинция в юго-западной части Грузии.

76 Хорепископ Квирике I (893-918).

77 Азнауры – в данное время класс феодалов.

78 Царь Эгрис-Абхазии Костанти III (893-929).

79 Палан-курдани – седло.

80 См. M. Brosset, с. 274.

81 Выступление Костанти имело место в 904 г. (см. И. А. Джавахишвили, указ. раб., с. 101). По данным Иоанна Драсханакертеци, армянскому царю Сумбату Багратуни против эгрис-абхазского царя помогал Адарнасе Багратиони, который в это время уже имел титул «картвелта мепе» – «царь картвелов». Когда войска союзников вошли в Картли, Костанти укрылся в неприступных местах. Затем он послал послов к царю Сумба-

ту с предложением мира. Сумбат, со своей стороны, выслал своих вельмож для ведения переговоров, но, видимо, по приказу Адарнасе во время переговоров Костанти был схвачен и послан в Ани. Возмущенные мегрелы решили возвести на престол более мужественного царя, и тогда Сумбат решил освободить Костанти и заключил с ним мир, породнился с ним и вернул ему Картли и Уплисцихе. Все это, видимо, произошло за спиной и без ведома царя картвелов Адарнасе, в результате чего союз между армянским и картвельским царями нарушился (см. Иоанн Драсханакертский, История Армении, армянский текст с грузинским переводом, исследованием и указателями издала Е. В. Цагарейшвили, с. 109-111). Но следует указать и на то, что армянский историк здесь говорит о походе Костанти в северную страну для завоевания страны Гугар и населения, проживающего вблизи Аланских ворот (см. указ. изд., с. 109). Если в данном случае автор упоминает Аланские ворота не точно, а лишь для определения «северной страны» со своих позиций, то тогда это сообщение можно понять так, как оно интерпретируется И. А. Джавахишвили (указ. раб., с. 101-102), а если здесь речь идет именно о территории вблизи Аланских врат, то можно предположить, что сообщения нашего летописца и армянского историка указывают на два разных эпизода, тем более, что в сообщении грузинского историка ничего не сказано о пленении царя абхазов. (По данному вопросу см. также Е. Цагарейшвили, Иоанн Драсханакертский, История Армении, с. 0123- 0124).

82 Абул-Касим, сын Абу-Саджа, Юсуф ибн Абу Садж (901-928) – вали Адарбадагана, один из крупнейших представителей династии Саджидов (см. Р. Р. Фасмер, О монетах Саджидов, Баку, 1928). В 907-914 гг. имело место нашествие Абу Саджа на Армению и Грузию. (О нашествии Саджа см. Степане Мтбевари, Мученичество Гоброна; М. Сабинин, Полное жизнеописание святых грузинской церкви, ч. II, СПб., 1872, с. 57-63; Всеобщая история Степаноса Таронского, по прозванию Асохика, перевод с армянского Г. Эмина, М., 1864).

83 Уджарма – крепость в Кахети, на берегу р. Иори.

84 Бочорма – крепость в Кахети, севернее Уджармы, на берегу Иори.

85 Квирике I (893-918).

86 Джавахети – историко-географическая провинция в юго-западной Грузии.

87 Тмогви – крепость в провинции Джавахети.

88 Квели – крепость в провинции Самцхе.

89 Двин – столица Армянского царства.

90 Сумбат Багратуни – армянский царь (891-914).

91 Эрети – историко-географическая провинция; грузинское раннефеодальное царство в долине р. Алазани со столицей в Телави.

92 Вежинская крепость в Эрети, на границе Кахети и Эрети.

93 Адарнасе Багратиони – царь Эрети (прибл. 906-943) (см. Т. Г. Папуашвили, Вопросы истории Эрети, Тб., 1970, с. 197-198, на груз. яз.).

94 Ариши – крепость в Эрети, расположенная на большом торговом пути.

95 Гавазни – крепость в Эрети, расположенная на большом торговом пути недалеко от Ариши.

96 Алаверди – местность в Кахети; в XI веке здесь был возведен большой кафедральный собор. Но до возведения кафедрального собора здесь был храм (см. Г. Н. Чубинашвили, Архитектура Кахети, Тб., 1959, с. 369). Видимо, в этом храме имени святого Георгия помолился царь и в благодарность за одержанную победу украсил золотом икону св. Георгия.

97 Это указывает на то, что существовало историческое сочинение, описывающее историю Абхазии.

98 Эриставт-эристав Гурген, скончался в 941 г., представитель старшей ветви рода Багратиони (см. Генеалогическая таблица рода Багратиони, сост. Э. С. Такаишвили, МИГК, вып. 27, Тб., 1949, на груз. яз.).

99 Георгий II – царь Эгрис-Абхазии (929-957).

100 Слово «мамули» означает как вотчину, так и царство, родину, страну. В данном переводе, т. к. в оригинале имеется как «мамули», так и «самепо» (царство), «мамули» переводится как «вотчина». В дальнейшем перевод будет сделан соответственно контексту.

101 Чкондидский кафедральный собор в Мартвили.

102 Хорепископ Фадла II (918-929).

[103] Лоцобанская крепость в ущелье реки Ксани, на правом берегу реки (см. Дж. Гвасалиа, Вопросы исторической географии ущелья Ксани, Сборник исторической географии Грузии, т. III, Тб., 1967, с. 41-42, на груз. яз.).

[104] В данном случае мы считаем более приемлемой конъектуру Н. А. Бердзенишвили: «сожгли Джвари во Мцхета» (см. Н. А. Бердзенишвили, Вопросы истории Грузии, IV, Тб., 1967, с. 260-261, на груз. яз.). Эту конъектуру поддерживает и армянский перевод (см. с. 218).

[105] Это нашествие эмира Саджа, видимо, имело место приблизительно в 936 г. (см. Н. А. Бердзенишвили, указ. раб., с. 264-265).

[106] Годы царствования Ишханика прибл. 943-960 (см. Т. Г. Папуашвили, указ. раб., с. 200-201).

[107] См. прим. 98.

[108] Видимо, имеется в виду захват Марзубаном I ибн Мухаммадом после 941 года Адарбадагана и Аррана (см. К. Э. Босворт, Мусульманские династии, М., 1971, с. 35-36).

[109] Тбели – один из крупнейших феодальных родов Шида Картли в IX-XI вв. Их владения были расположены в ущелье р. Лиахви (см. Р. Меписашвили, Архитектурный памятник Эредви, Грузинское искусство. Труды Института истории грузинского искусства, IV, 1955, на груз. яз.; М. Д. Лордкипанидзе, Политическое объединение феодальной Грузии, с. 251-255).

[110] Фадла II, согласно данным Вахушти, хорепископом был в 918-929 гг. Впрочем, если хронология царствования Георгия II (929-957) правильная, то тогда получается несоответствие, т. к. восстание царевича Костантине имело место после трехлетнего его управления провинцией Картли.

[111] Сазверели – крупный феодальный род в Картли данного времени.

[112] Васпуракан – царство армянских Арцрунидов.

[113] Квирике II (929-976).

[114] Атени – крепость на южном побережье Куры, в Картли, в ущелье реки Тана.

[115] По предположению Вахушти, крепость Нахчевани расположена там, где в реку Алазани впадает река Шторисхеви.

[116] Джикети, севернее Абхазии, в районе совр. Туапсе, населенное черкесско-адыгейским племенем джиков.

[117] Религиозный праздник, по-грузински «лампроба», перешедший в христианскую Грузию с языческого обряда (см. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, I, 1960, с. 57; Brosset, Hist. de la G., с. 289, прим. 7).

[118] Базалетское озеро, около совр. Душети, между реками Арагви и Ксани.

[119] Леон III – царь Эгрис-Абхазии (957-967).

[120] Мокви – на берегу реки Эгрисисцкали, южнее Сухуми.

[121] Мухнари, Херки, Базалети – территория между реками Ксани и Арагви, часть собственно Картли, отторгнутая и захваченная хорепископами Кахети.

[122] Деметре II, царь Эгрис-Абхазии (967-975).

[123] Дзамисцихе – крепость Дзама, на правом притоке Куры, владетель крепости – Дзамели.

[124] Давид куропалат – царь Тао, Багратиони, сконч. в 1001 г. (или в 1000 г.).

[125] Светицховели – кафедральный собор в Мцхета, резиденция главы грузинской церкви – католикоса. Здесь была построена первая христианская деревянная часовня в нач. IV в. С этим строительством связано предание о «Свети цховели» – «Животворящем столпе». В V в. на этом месте был воздвигнут каменный храм, а в XI в. – храм, который в целом сохранился до наших дней.

[126] Чала-мепе, Чала-царь – это единственное упоминание этого царя. Трудно сказать, какое отношение имел он к престолу. Можно предположить, здесь подразумевается Теодосий слепой, который фактически был «чала», т. е. никчемный.

[127] Иване Марушисдзе – крупный феодал, по происхождению из Западной Грузии, эристав, правитель Картли, назначенный царем Эгрис-Абхазии.

[128] Баграт – сын Гургена. Отец Баграта был сыном царя картвелов Баграта II. Мать Баграта, Гуарандухт, – сестра царя Эгрис-Абхазии Теодосия. По линии отца он наследовал титул «картвелта мепе» – «царь картвелов» и соответственно – Картвельское царство; по материнской линии, т. к. все его дяди – цари Эгрис-Абхазии умерли бездетными, – престол царей Эгрис-Абхазии с принадлежащей им Картли. Так что этот Баграт Ба-

гратиони по наследственному принципу получал большую часть грузинских земель, чем воплощал в своей родословной идею объединения Грузии. Он и явился первым царем объединенного грузинского феодального государства (975-1014).

129 Квахврели – крепость на южном побережье Куры в Картли.

130 Так как Баграт Багратиони был приемным сыном бездетного Давида куропалата, то это еще более укрепляло его позиции и обеспечивало переход обширного царства Тао (южного Тао), после смерти Давида, в его владение.

131 Это заявление Давида куропалата фактически является завещанием в пользу Баграта.

132 Баграт Багратиони – третий Баграт среди потомков Ашота куропалата, первый царь объединенной Грузии, в 975 году был коронован в Картли, а через три года, в 978 г. – в Абхазии.

133 Цирквали – крепость на левом берегу Ксани.

134 Груи – крепость на левом берегу Ксани, территории собственно Картли, отторгнутой хорепископами Кахети.

135 В 978 году. Хронологию данных событий см. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, II, с. 122-123.

136 Тигва – географический пункт на дороге, следующей из Западной Грузии в Шида Картли.

137 Могриси находится на левом берегу Куры, западнее р. Диди Лиахви.

138 Длив – пункт в Джавахети (см. Н. А. Бердзенишвили, указ. раб., с. 107-109).

139 Н. А. Бердзенишвили выражение источника «перерытые» понимает как искусственно прорезанный путь (см. его «Дороги Грузии в эпоху Руставели», с. 95), а М. Броссе – как имя собственное (указ. изд., с. 296).

140 Цептисцихе – крепость Цептиси в ущелье реки Амерхеви, или Шавшетисцкали, на дороге из Самцхе в Артаани (см. Н. А. Бердзенишвили, указ. раб. с. 91-92).

141 Карушети – пункт в Триалети (см. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, II, с. 33). Существование Карушети в области Триалети ставит под сомнение Н. А. Бердзенишвили и предполагает наличие Карушети в Джавахети (см. указ. раб., с. 98-99).

142 «Послал» в данной фразе неуместно, и, быть может, надо придерживаться чтения тех рукописей, где этого нет (см. «Картлис цховреба», I, изд. С. Г. Каухчишвили, с. 277).

143 Предполагается, что автор в данном случае умалчивает о некоторых событиях и не совсем точно передает создавшееся положение.

144 По мнению Н. А. Бердзенишвили, выступление Давида куропалата было спровоцировано самим Рати Багваши (см. Н. А. Бердзенишвили, Вопросы истории Грузии, VII, 1974, с. 14). Выступление против Рати Багваши имело место в 989 г. (см. И. А. Джавахишвили, указ. раб. с. 126).

145 Хорепископ Давид (976-1010).

146 В данном случае имеется в виду северное Тао, которое принадлежало отцу Баграта III, царю Гургену, и после смерти Гургена (1008 г.) перешло по наследству к Баграту.

147 Тианети – область и город в Кахети.

148 Воссоединение Кахети и Эрети закончилось в 1110 г. (см. И. А. Джавахишвили, указ. раб., с. 129) (Обзор литературы по данному вопросу см. Т. Г. Папуашвили, указ. раб. с. 215).

149 Фадл I ибн Мухаммед Шаддадид, 985-1031 гг. (см. К. Э. Босворт, Мусульманские династии, с. 37). В дальнейшем в летописи все эмиры Гандзы из династии Шаддадидов называются Фадлонами.

150 Дзоракерт – область в Квемо Картли в ущелье реки Дзорагет.

151 Указанные события И. А. Джавахишвили датирует 1010-1014 гг. (указ. раб., с. 130), а учебное пособие по истории Грузии (Тб., 1962, с. 144) – 1011-1012 гг.

152 Верхние и нижние, т. е. восточно- и западногрузинские.

153 Строительство Кутаисского кафедрального собора было завершено в 1003 году.

154 1014 г.

155 Бедиа – в Западной Грузии на реке Эгрисисцкали, т. е. Галидзга.

156 Царь Георгий I (1014-1027).

[157] Здесь отдано предпочтение тем спискам, где сказано, что ему было восемнадцать лет (см. «Картлис цховреба», указ. изд., с. 284), ибо и Сумбат дает эту цифру (см. «Картлис цховреба», с. 389, русск. перевод, с. 161).

[158] В 1021 г.

[159] Император Василий II Болгаробойца (976-1025).

[160] Басиани – область в юго-западной Грузии. Ныне в пределах Турции.

[161] Олтиси – область и город в юго-западной Грузии – в Тао.

[162] Кола – историко-географическая область в южной Грузии, северо-восточнее Олтиси.

[163] Ширимни, Ширимта, согласно контексту нашего источника, а также по сообщению Сумбата Давитисдзе (русск. пер., стр. 162) должно быть расположено где-то между Артаани и Кола, и это было первое сражение, которое произошло между грузинами и византийцами. А по сообщению Аристакэса Ластивертци, в Шлпае (Ширимни) произошло второе сражение и эта местность расположена в Аршарунийском гаваре (см. Аристакэс Ластивертци, указ. пер., с. 66-67, и прим. К. Н. Юзбашяна, с. 149; В. У. Копалиани, О месторасположении сражения «Ширимни» – «Ширимта». Журн. «Мнатоби», Тб., 1972, № 7, с. 176-182, на груз. яз.).

[164] Как было отмечено, Кахети и Эрети были воссоединены в 1010 году. Но после смерти Баграта III эти области вновь отложились, и сейчас они выступают как союзники Георгия. Согласно Сумбату Давитисдзе, отсюда тоже поступила помощь, но Сумбат отмечает, что царь Георгий «...привел на помощь цанаров и шаков» (указ. пер., с .162).

[165] В 1022 году, когда император Василий воевал в Грузии, против него объединились и восстали стратиг Анатолика Никофор Ксифий и сын Варды Фоки Никифор (см. История Византии, II, с. 221), по прозвищу «Царвез» (по поводу этого прозвища см. примечания К. Н. Юзбашяна к переводу Аристакэса Ластивертци, с. 157; С. Г. Каухчишвили, Георгика, V, с. 51).

[166] Об участии Фериса, сына Джоджика, в этом восстании говорят и другие источники: Сумбат Давитисдзе, «Картлис цховреба», I, с. 384 (русский пер. с. 165); Аристакэс Ластивертци, указ. пер., с. 65; Г. Кедрин, Георгика, V, с. 48. Сумбат Давитисдзе называет его – «картвели», в указанном русском переводе – «грузин».

[167] По контексту нашего источника получается, что «Свиндакс» – место, где был расположен лагерем император Василий, но, как отмечает С. Г. Каухчишвили, здесь речь идет о греческом термине «συξις», что обозначает «определенный военный строй» (см. Георгика, V, с. 49-50), «построиться в боевом порядке», «приготовиться к бою» (см. «Картлис цховреба», указ. изд., с. 287, прим. 2).

[168] Как уже отмечалось, в силу вышеуказанных обстоятельств царь Тао Давид куропалат изменил свое прежнее завещание и завещал свои владения империи. Когда скончался Давид куропалат в 1001 г. (Сумбат Давитисдзе, указ. пер., с. 154; по данным армянских источников, Давид скончался в 1000 году. См. К. Н. Юзбашян, Примечания к указ. пер. Аристакэса Ластивертци, с. 143), император Василий II явился в Тао для получения владений Давида. Сюда же прибыли царь Грузии Баграт III и его отец царь царей Гурген. (События, имевшие место в связи с переходом царства Тао в руки империи, освещены в труде Сумбата Давитисдзе, в работах греческих и армянских историков. Изучение вопроса с разбором источников и литературы см. В. У. Копалини, Грузино-византийские политические взаимоотношения в 970-1070 гг. Тб., 1969, на груз. яз.). Тао было занято империей. Между Византией и Грузией велась война из-за этого т. н. наследства Давида куропалата. Грузия потерпела поражение и владения Давида куропалата отошли к империи.

[169] Баграт был возвращен на родину в 1025 г.

[170] Кутатиси – город Кутаиси в Западной Грузии – столица Грузинского царства до освобождения Тбилиси от мусульманского ига.

[171] 1025 г.

[172] 1027 г.

[173] Автор неслучайно разделяет вотчину (мамули) и царство (самепо). В данном случае под вотчиной подразумевается домен рода Багратиони в южной Грузии – в Кларджети и Тао.

[174] Имеется в виду храм в городе Кутаиси, воздвигнутый царем Багратом III.

[175] Епископ Банели – епископ епархии в Бана. Бана находится в Тао.

[176] Паркиманос – паракименон («постельничий») – дворцовая должность в Византии.

177 Ганза//Ганзани – крепость, расположенная на пути между Джавахети и Триалети. Именно здесь должно было пройти войско, которое шло в Грузию с юга (см. Н. А. Бердзенишвили, указ. раб., с. 70).

178 Крепость Гарклоба была расположена на пути, который шел в Византию.

179 Крепость Церепти, или, что должно быть правильнее, Цепти, была расположена на одном отрезке пути из Грузии в Византию (см. Н. А. Бердзенишвили, указ. раб., с. 92). Как и в других случаях, и сейчас речь идет о переходе грузинских азнауров на сторону Византии. В данном случае фиксируются факты передачи азнаурами своих крепостей врагу, т. е. ввода туда вражеских гарнизонов. Поскольку эти крепости были расположены на путях, ведущих из Византии в Грузию, их передача врагу принимает особо важное значение.

180 Епископ Мтбевари – епископ Тбети в области Шавшети.

181 Проедрос – проедр («занимающий первое место») – дворцовая должность в Византии.

182 Хартулар – канцелярский чин: писец, нотарий.

183 Согласно «Матиане Картлиса» («Летопись Картли»), Иоане хартулар взял с собой Валанга (видимо, здесь собственное имя) с войском. У Сумбата (см. «Картлис цховреба», указ. изд., с. 386) Валанг – имя Иоане хартулара.

184 Согласно Сумбату Давитисдзе, упомянутый Деметре Клардж – сын Гургена Багратиони, владетеля Кларджети, которого вместе с братом Сумбатом Баграт III заточил в крепость Тмогви, где тот и скончался, а сыновья их бежали в Константинополь. В данное время сына Гургена Деметре прочили в претенденты престола (см. Сумбат Давитисдзе, указ. пер., с. 382).

185 Эзра – епископ Анчи, кафедры в Кларджети.

186 Роман III Аргир (1028-1034).

187 Анакопия – крепость в Западной Грузии, собственно Абхазии, около нынешнего Нового Афона.

188 Анакопийская крепость была возвращена Грузии в 1074 году.

189 Липарит Багваши – клдекарский эристав.

190 Иване Абазасдзе – эристав Картли.

191 Великий Квирике – царь ранов и кахетинцев, т. е. царь объединенного Кахет-Эретского царства; согласно хронологии Вахушти царствовал в 1010-1030 гг. Но, видимо, в 1037 году, когда царь Баграт IV начинает осаду г. Тбилиси, царя Квирике уже нет в живых (см. М. Д. Лордкипанидзе, Из истории политического объединения феодальной Грузии, МИГК, вып. 31, Тб., 1954, с. 28; на груз. яз.).

192 Давид – царь армян, Квирикид, – царь Ташир-Дзорагетского царства (989-1048).

193 Тбилисский эмир Джафар ибн Али (1032-1046).

194 Эклеци – в Ширване.

195 Мухатгверди – местность южнее Тбилиси, или между Дигоми и мцхетским мостом, выше Накулбакеви (см. И. А. Джавахишвили, указ. раб., с. 32).

196 Биртвиси – крепость южнее Тбилиси.

197 Осада Тбилиси началась в 1037/38 гг. (см. И. А. Джавахишвили, указ. раб., с. 139).

198 Исани – район Тбилиси на левом берегу Куры.

199 Гагик – царь Кахети и Эрети (1039-1058) по Вахушти, но, как уже было указано, его царствование надо исчислять года на два раньше.

200 Литра – единица веса, фунт (см. Нико Чубинашвили. Словарь грузинского языка с русским переводом, Тб., 1961).

201 Драхма – драма – серебряная монета, от арабского «дирхем».

202 Али Лашкари II (1034-1049) не сын, а внук Фадлона (см. К. Э. Босворт, Мусульманские династии, с. 37).

203 Решение грузинского царя вызывает удивление и требует объяснения. И. А. Джавахишвили обратил внимание на то, что, согласно сообщению Ибн ал-Асира, в сторону Грузии на помощь эмиру шло войско сельджуков и, по его мнению, видимо, грузинскому царю стало известно об этом, потому он и решил поспешно заключить мир (указ. раб., с. 140). Несомненно, на решение царя Баграта сильное влияние оказало усиление в это время огузов на подступах Закавказья (см. Н. Н. Шенгелия, Сельджуки и Грузия в XI веке, Тб., 1963, с. 173-174, на груз. яз.). Но надо учесть и опасность чрезмерного усиления Липарита, т. к. Липарит претендовал на земли, непосредственно примыкавшие к его владениям. Видимо, поэтому указывает автор, что

осада была снята без ведома Липарита. Сейчас, когда эмир становился вассалом царя, Липарит уже не мог претендовать на его земли.

204 Думаем, что в данном случае надо отдать предпочтение тем спискам «Картлис цховреба» (см. указ. изд., с. 298), где сказано: «заключил царь абхазов мир с городом (т. е. с Тбилиси) и начал враждовать с кахетинцами», что более понятно и по контексту.

205 Как видно из сообщения нашего историка, Липарит Багваши уже второй раз проявляет инициативу взятия Тбилиси, и оба раза, по странному обстоятельству, царь Баграт отказывается от взятия города. В первом случае (пленение эмира Джафара Липаритом и Иване Абазасдзе) Баграт будто сжалился над эмиром и потому освободил его, а во втором – автор прямо указывает на существование враждебно настроенной к Липариту группировки, которая тайком от Липарита посоветовала царю заключить перемирие с эмиром. Весьма примечательно и то обстоятельство, что мир был заключен тайком от Липарита и об этом было объявлено лишь после заключения договора. И если после того, как царь Баграт освободил плененного Джафара, наш историк указал, что с того времени началась вражда между эмиром и Липаритом, то сейчас историк прямо указывает, что Липарит затаил вражду против царя.

Вопрос воссоединения Тбилиси был настолько важным и необходимым, что грузинский царь не мог отказаться от этого. Царь Баграт IV после этого несколько раз пытался завладеть городом, но всякий раз в этом ему мешал Липарит Багваши (см. ниже). Несмотря на это, царь оба раза отказался от взятия Тбилиси, когда инициатива принадлежала Липариту, что конечно, не случайно. Дело в том, что владения Липарита Багваши, сильнейшего и крупнейшего феодала Грузии данного времени, непосредственно граничили с Тбилисском эмиратом. В случае взятия Тбилиси по инициативе и при участии Липарита царь должен был передать ему часть эмирата, не исключена возможность, что Липарит метил и на Тбилиси, что еще более усилило бы и так уж слишком сильного Липарита. Чрезмерное усиление Липарита вызывало недовольство и других феодалов, которые настраивали царя (видимо, и в первом случае) против него.

206 Панкиси, Хорнабуджи, Штори, Мачели – эриставства в исторической Кахети.

207 Бододжи – царский дворец около Тианети, развалины которого сохранились до сегодняшнего дня (см. М. Д. Лордкипанидзе, Из истории..., с. 24-25; Г. Н. Чубинашвили, Архитектура Кахети, Тб., 1959, с. 563).

208 Деметре – сын царя Георгия I, от осетинки, тот самый, который передал византийцам Анакопийскую крепость.

209 Верхние земли – историческая Месхети.

210 Это выступление Липарита с помощью Византии по хронологии, принятой И. А. Джавахишвили, имело место в 1044-1045 гг. (указ. раб., с. 146). По хронологии, данной В. У. Копалиани, – в 1042-1043 гг. (указ. раб., с. 190-191).

211 Эриставом Картли был Иване Абазасдзе. Нам неизвестно, почему царь отобрал эту должность у Абазасдзе и жаловал ее Липариту Багваши. Возможно, что инцидент с тбилисским эмиром Джафаром вызвал конфликт и между царем и Иване Абазасдзе, и Баграт, стараясь задобрить Липарита, передал эту должность ему. Но наладить взаимоотношения с Липаритом Баграту так и не удалось, а разногласия с родом Абазасдзе приняли такой напряженный характер, что пять братьев Абазасдзе, сплоченные против царя, решили убить его.

212 Сообщение о том, что анийцы предложили город грузинскому царю Баграту, имеется и у Аристакэза Ластивертци (см. указ. изд., с. 85). Но, видимо, до этого армянский нахарар, имеющий чин веста, перешел на сторону грузинского царя и передал ему ряд крепостей Северной Армении. Следует указать на то обстоятельство, что армянский историк, говоря о существовании группировок, желающих передать Ани кому-нибудь из соседних христианских владетелей, называя Давида, ташир-дзорагетского царя (Дунаци), указывает на его родственную связь с последним анийским царем Гагиком II Багратуни (см. указ. изд. Аристакэса Ластивертци, с. 85), но ничего не говорит о родстве Гагика с грузинским царем. А грузинский историк указывает на якобы существующее родство. Но наш историк прекрасно осведомлен о том, что мать Баграта была из рода Арцрунидов, а не Багратуни, и она не могла претендовать на анийский престол. Однако указывая на происхождениие царицы, отмечает и то, что она была из армянского царского рода, и поэтому армяне были ее родственниками.

[213] Тбилисские бэры – старейшины города Тбилиси, представители высших слоев населения города. Такие же представители высших слоев населения города Ани – анийские старейшины, или бэры, являлись инициаторами передачи города Ани царю Баграту (см. Ш. А. Месхиа, Городская коммуна в средневековом Тбилиси. Тб., 1962, с. 28-46, на груз. яз.).

[214] В. Д. Дондуа в примечании к русскому переводу (см. указ. изд., с. 350, прим. 6) пишет: «Он окружил Кутатиси – следует принять во внимание, что местные князьки-кутатисцы отложились от царской центральной власти». Думаем, в тексте речь идет именно о том, что Баграт взял новые силы из Кутаиси и так продолжил поход.

[215] Драхкан – драхма, золотая монета.

[216] По контексту можно предположить, что царица Мариам, мать царя Баграта, находилась в Аниси, что вполне возможно, т. к. царица Мариам принимала активное участие в политической жизни Грузии и, видимо, пользовалась большим уважением и доверием царственного сына. Ей, например, была поручена сложная миссия возглавить посольство Грузинского государства, которое было направлено в Византию в первые годы царствования Баграта, с целью урегулирования грузино-византийских взаимоотношений.

[217] Это, видимо, эриставы царя Баграта, назначенные им в Ани с целью охраны города.

[218] Мацкуерели – епископ Ацкурской (в провинции Самцхе) кафедры.

[219] Гртила – местность в провинции Джавахети.

[220] Покани – географический пункт в Джавахети, на южном берегу оз. Паравани (см. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, II, 1948, с. 53, 54; Н. А. Бердзенишвили, Дороги Грузии в эпоху Руставели, с. 69-70).

[221] В данном случае мы считаем более правильным предложенное Н. А. Бердзенишвили чтение – «Шарвашети» (см. указ. раб., 69). Данное чтение поддерживается одной рукописью (см. «Картлис цховреба», указ. изд., с. 300).

[222] Варанги – варяги.

[223] Вопрос о том, на чьей стороне выступали варяги, т. е. к кому они прибыли – к Липариту Багваши или царю Баграту, – вызывает разногласие (см. Я. З. Цинцадзе, Разыскания..., с. 22-38 и далее; Н. А. Бердзенишвили, Вопросы истории Грузии, V, 1971, с. 194). М. Броссе считает, что варяги пришли на помощь Баграту и что они не дождались месхов (указ. изд., с. 321); см. также Н. Вачнадзе, Г. Чеишвили, Новые персонажи истории Грузии, Dedicatio – Историко-филологические разыскания, Тб., 2001, на груз. яз., резюме на англ. яз., с. 92-131.

[224] Внутреннее войско (Шида лашкари) – войско из Шида Картли.

[225] Сасирети – местность в Картли.

[226] Паштни – по мнению Н. А. Бердзенишвили – прислуживающие (Вопросы истории Грузии, V, с. 199), по М. Броссе – сито, при помощи которого готовят хлеб (указ. изд., с. 321).

[227] Ховле – с. в Картли.

[228] В данном случае наш летописец, видимо, умалчивает о причине нежелания Липарита встретиться с царем. Об этой причине и недостойном поведении царя Баграта повествует византийский историк Георгий Кедрин (см. Георгика, V, 67; И. А. Джавахишвили, указ. раб., с. 144).

[229] Калмахи – в Тао.

[230] Ркинис-Джвари – перевальный путь, проходящий через Лихский хребет, соединяющий Западную Грузию с Месхети.

[231] Юго-западная Грузия – историческая Месхети.

[232] Бахрам Ильмиан, Ибрахим Инал – сводный брат султана Тогрыл Бека (1038-1063) (см. К. Э. Босворт, указ. раб., с. 161).

[233] Об этом сражении см. также: Г. Кедрин, Георгика, V, с. 50.

[234] Это произошло в 1048 году (см. И. А. Джавахишвили, указ. раб., с. 145).

[235] Лихтури – главнокомандующий (см. словарь, составленный к I тому «Картлис цховреба», с. 442).

[236] Липарит был освобожден в 1051 г. (см. И. А. Джавахишвили, указ. раб., с. 146; В. У. Копалиани, Грузино-византийские политические взаимоотношения в 970-1070 гг., с. 255-256).

[237] Об этой поездке царя Баграта сообщает и Г. Кедрин (см. Георгика, V, с. 67-68). И. А. Джавахишвили это событие датирует 1054-1057 годами (см. указ. раб., с. 146), М. Д. Бердзнишвили – 1051-1055 гг. (см. по поводу Туринской компиляции сб. «Вопросы истории народов Кавказа», Тб., 1966, с. 164, на груз. яз.). В. У. Копалиани поддерживает дату И. А. Джавахишвили (см. указ. раб., с. 260). Следует указать, что, согласно сообщению армянского историка Вардана Великого, Липарит захватил царя Баграта, отправил его к императору и сам завладел страной (см. Вардан, Всеобщая история, с. 125).

[238] Император Константин Мономах IX (1042-1055).

[239] Михаил VI Стратиотик (1056-1057).

[240] Руисский храм – епископская кафедра в Шида Картли.

[241] Наш летописец умалчивает об условиях перемирия, которое было заключено в Византии. Этот договор фактически был продиктован Липаритом и утверждал его самостоятельное господство. Согласно договору, Баграт признавался царем, но Липарит признавался архонтом (мтаваром) всей Месхети (см. Г. Кедрин, Георгика, V, с. 68).

[242] В этом сообщении летописца проскальзывает условие договора о признании Липарита мтаваром Месхети, т. е. Верхней страны.

[243] Выражение летописца «а под властью Баграта находилась вся страна ниже Лихи», видимо, указывает на то обстоятельство, что фактически Южной и Западной Грузией управлял Липарит как мтавар Месхети и воспитатель царевича, которого он называл царем.

[244] Султа – селение в Джавахети. Цихис-Джвари – в Грузии два географических пункта с подобным назанием – в Самцхе и Тори; в данном случае речь идет о Цихис-Джвари в Самцхе (И. А. Джавахишвили, указ. раб., с. 52-53; Н. А. Бердзенишвили, указ. раб., с. 81-86).

[245] Одзрхе – крепость в Самцхе.

[246] Бодоклде – в Самцхе.

[247] В одном из списков (см. «Картлис цховреба», указ. изд., с. 305) читаем: «Отправился царь в свое царство». М. Броссе на с. 326 переводит так же: «царь вернулся в свое царство». Думаем, здесь речь идет об отправлении Липарита в царство, т. е. в Византию.

[248] Завоевание Кахети и Эрети имело место непосредственно перед вторжением сельджуков.

[249] Кветера – крепость в Кахети по дороге из Картли к Телави.

[250] Нахчевани – крепость в Кахети, там, где р. Шторис-Хеви впадает в Алазани. (Вахушти, География, с. 101).

[251] Султан Алп-Арслан (1063-1072).

[252] Это первое вторжение сельджуков в Грузию имело место в 1064-65 гг. (см. И. А. Джавахишвили, указ. раб., с. 149-150; см. также Н. Шенгелия, Сельджуки и Грузия в XI в., с. 228, на груз. яз.).

[253] Все перечисленные здесь пункты находятся в Южной Грузии.

[254] Видимо, с этого времени (1065 г.) и надо начинать историю Шаддадидов Ани, а не с 1072 года, как принято в специальной литературе (Н. Я. Марр, Ани, с. 32; В. Бартольд, Ани, Соч., т. III., М., 1965, с. 328; К. Э. Босворт, Мусульманские династии, с. 132 и др). Следует указать, что В. Минорский правление Мануче в Ани начинает с 1064 г. (см. V. Minorsky, Studies in Caucasian history, с. 80).

[255] Об этом браке пишут Маттеос Урхаеци, Бар Ебрай и др. авторы, называя невестой то дочь армянского царя, то дочь грузинского царя. Думаем, в данном случае сообщение нашего летописца заслуживает доверия (см. Н. Шенгелия, указ. раб., с. 226-227).

[256] Квеши – крепость в Квемо Картли; Квешис Чала, видимо, тоже находилась здесь.

[257] Здесь речь идет о завоевании царем Багратом царства армянских Квирикидов, резиденция которых находилась в Самшвилде. К Грузии перешла большая, вся северная часть царства со столицей. Затем Квирикиды обосновались в Лоре (см. Леон Меликсет-Бек, Армянские пастыри Северных сторон, с. 31-33).

[258] Дочь царя Баграта Мариам (Марта) в 1055-1056 гг. по просьбе византийской императрицы Феодоры была отправлена в Империю. В это время сам царь Баграт вместе с матерью, царицей Мариам, находился в Империи. Феодора ее удочерила, но после смерти Феодоры Мариам (Марта) была возвращена на родину. Затем Константин Дука попросил у Баграта Марту для своего сына Михаила. В 1065 г. Марту вновь привезли в Константинополь и выдали за Михаила (1071-1078) (Георгий Хуцесмоназони, Житие Георгия Мтацминде-

ли; М. Сабинин, Полное жизнеописание святых грузинской церкви, ч. II, СПб., 1872; Исторические записки Никифора Вриения, Георгика, V, с. 306). В 1078 году, после свержения с престола Константина Дуки, новый император Никифор Ботаниат, несмотря на протест церкви, с целью упрочения своего положения путем заключения брака с представительницей древнего царского рода, вывел Марту из монастыря и женился на ней (Георгика, VI, с. 164).

Марта (Мариам) на брак с Ботаниатом согласилась с условием сохранить престол за ее сыном Константином, но когда стало ясно, что Ботаниат изменил слову (см. Ф. И. Успенский, История Византийской империи, III, с. 74), она заключила союз с Комнинами (там же, с. 74-75).

К сожалению, до сегодняшнего дня не удалось исправить ошибку, допущенную в свое время продолжателем Скиллицы, который считал Мариам аланкой (см. Георгика, VI, с. 164). И это несмотря на то, что «Житие Георгия Мтацминдели», основной источник по биографии Мариам, давно переведен на русский и латинский языки (см. Полное жизнеописание святых грузинской церкви, ч. II, СПб., 1872, с. 161-212; P. Peeters. Histoires monastiques Géorgiennes. “Analecta Bollandiana”, t. XXXVI-XXXVII, Bruxelles, 1917-1919, pp. 69, 74-159).

259 Имеется в виду нашествие сельджуков в 1068 году.

260 Ахсартан – сын Гагика, царь Кахети (1058-1084).

261 Это неясное выражение М. Броссе переводит: «...и был очень ослаблен» (указ. изд., с. 331).

262 Джачви – место на левом берегу р. Арагви, недалеко от Тбилиси.

263 Хроникон двести восемьдесят восьмой соответствует 1068 году.

264 Аргвети – провинция в Западной Грузии непосредственно за Лихским хребтом.

265 Сверисцихе – крепость в Аргвети.

266 Карби – на левом берегу Куры, западнее р. Ксани до р. Лиахви.

267 Недалеко от Карби.

268 Дидгори – в Квемо Картли, около совр. Манглиси.

269 Исанское поле – район Тбилиси, на левом берегу Куры.

270 Мухнари – местность севернее Мцхета.

271 Цилканская гора находится севернее Мцхета.

272 Нареквавский овраг, видимо, образован рекой Нареквависцкали, которая впадает в р. Арагви.

273 В списках «Картлис цховреба» дается несколько вариантов названия этого леса. М. Броссе тоже использует Шобо (Chobo) (указ. изд., с. 333).

274 Гартис Кари – проход Гарти, около Мцхета.

275 Херки – на берегу Арагви, севернее Мцхета.

276 Эрцо – историческая провинция в бассейне р. Иори.

277 Жалети – крепость в провинции Эрцо.

278 Хотя в последнем издании «Картлис цховреба» читаем «Толобелисдзе», но мы более правильным считаем вариант «Толошелисдзе».

279 Хорнабуджи – город-крепость в Эрети.

280 Рустави (на территории совр. г. Рустави), Парцхиси, Агарани, Григол-Цминда, Кавазини расположены южнее Тбилиси.

281 В грузинской историографии принято считать, что эту контрибуцию царь Баграт наложил на тбилисского эмира, но мы склонны думать, что здесь речь идет о тех крепостях, которые отобрал грузинский царь у эмира Фадлона, и о контрибуции, наложенной на него.

282 Видимо, крепость Гаги принадлежала Фадлону; наверное, она была занята им во время вторжения Алп-Арслана (см. Н. Шенгелия, указ. раб., с. 246).

283 Тинисхиди – западнее р. Лиахви.

284 Надарбазеви – летняя резиденция грузинских царей, на левом берегу Куры, западнее р. Лиахви.

285 Марабда – место (селение) в Квемо Картли.

286 М. Броссе, с. 336, переводит: «Георгий получил раньше титул куропалата». Точно такая же фраза имеется и на с. 313. Думаем, что по контексту правильнее должен быть наш перевод, т. к. в обоих случаях речь идет о том, что кто-то пришел, а Георгий уже был там.

[287] В 1072 году.

[288] Джеон – река Аму-Дарья.

[289] Царь Георгий II (1072-1089).

[290] Буквально: «И не взлетела во всем его царстве ни одна курица».

[291] М. Броссе переводит это место так: «великодушный к бедным».

[292] Малик-Ша – султан Малик Шах I (1072-1092).

[293] В некоторых списках – «Султан принял его под свое покровительство».

[294] На этом заканчивается летопись. Затем начинается «История царя царей Давида», которая в списке царицы Мариам выделена заглавием (см. И. А. Джавахишвили, Древнегрузинская историческая литература, с. 208). Летопись заканчивается сообщением о взятии царем Георгием города Кари (Карса) с прилегающими землями и ванандскими и карнипорскими укреплениями. Историк царя Давида в начале своего повествования сообщает о передаче этих же областей грузинскому царю великим доместиком Григорием Бакурианисдзе. По сообщению историка царя Давида, Георгий занял эти области и разместил в Кари свой гарнизон. И продолжает: «С усилением турок оставили византийцы те свои владения, крепости, и города, которые они имели на востоке и ушли. Эти же (владения) взяли турки и обосновались там». Видимо, византийский вельможа, грузинский князь Григорий, передал царю Георгию от имени императорского двора право на отвоевание этих земель, что он и осуществил. Но историк царя Давида неслучайно указывает именно на акт передачи.

Летопись Картли. Картлис Цховреба, палавандишвилевский список (середина XVIII в., дополнен в 1767 г.), Национальный Центр Рукописей, Тбилиси, H-988, 112v.

ЖИЗНЬ ЦАРЯ ЦАРЕЙ ДАВИДА[1]

После этого пришел султан Малик-шах[2], окружил Самшвилде[3] и взял его; Ивана, сына Липарита[4], пленил, разорил Сомхити[5] и ушел. В том же году пришел Саранг[6] с войском султана и расположился в низине Парцхиси[7]. Подошли войска царя Георгия,[8] и сразились они в Парцхиси. Победила армия Георгия и обратила персов[9] в бегство, ибо великую победу даровал ему Господь.

Отправился Георгий в свою вотчину в Тао[10] и прибыл в Бана[11]. Туда же явился к нему зоравар[12] Востока Григорий, сын Бакуриана[13], владетель Олтиси[14], Карну-калаки[15] и Кари[16]. Провели они время в тесном дружеском общении, радуясь и предаваясь отдыху. Передал он [Григорий] царю город-крепость Кари и прилегающую к нему землю. Царь же Георгий, оставив в Кари азнауров[17] из Шавшети[18], отправился домой. Когда же усилились турки, покинули греки свои земли, крепости и города, принадлежавшие им на Востоке, и ушли. Турки же взяли [владения греков] и поселились в них. И, приблизившись к нашим границам, стали они нашими соседями; поэтому и умножились страхи и горести, причиненные нам ими; ибо стали они с тех пор разорять, пленять, опустошать, убивать и уводить в плен христиан.

В ту пору напали тайком на Георгия, ведшего осаду Квели[19], многочисленные турки, предводительствуемые амиром Ахмадом, [человеком] сильным и метким[20] лучником[1*], который незадолго перед тем взял Кари. Пришли они вследствие предательства христиан, обратили в бегство царя Георгия и его бесчисленное войско. Захватив огромные сокровища и утварь для царского стола из золота и серебра, драгоценные красовули[21], сосуды для вина, черпаки, шатры, принадлежащие царю и знати, они ушли; царь же Георгий бежал из Аджары[22] в Абхазию. Войска, возвращающиеся с подобной добычей, встретились со знатными амирами – Иса-Бари и Абу-Якубом, за которыми следовало бесчисленное множество турок, и направлялись они в Грецию[23]. Увидев подобное множество золота и богатств у турок и узнав о бегстве Георгия, а также услышав от них: «Зачем же направляетесь вы в Грецию? Вот страна Грузия; она не заселена и полна подобных богатств», они тотчас повернули обратно и усеялись по всей поверхности земли, как саранча[24].

И в Иванов день Асиспори[25] и Кларджети[26] до морского побережья, Шавшети, Аджара, Самцхе[27], Картли, Аргвети[28], Самокалако[29] и Чкондиди[30] наполнились турками. В один и тот же день сожгли они Кутатиси и Артануджи[31] и пустыни Кларджети. И остались турки в тех краях, пока не выпал снег, опустошили землю и уничтожили всех, если кто оставался где-либо в лесах, скалах, пещерах и подземных убежищах[2*]. Это было первым великим нашествием турок (хроникон был

[1*] Пс. 77,9.

[2*] Евр. 11,38.

трехсотый)[32]. Если же кто и оставался в горах или же в крепостях, также погиб от жестокой зимней стужи, отсутствия крова и от голода.

И не прекращались подобные бедствия христиан, так как с наступлением весеннего времени приходили турки и совершали дела, подобные творимым ими и ранее, зимой же они покидали эти места. Не было в те времена ни сева, ни жатвы; разорена была земля и заросла лесом, а вместо людей заселили ее дикие звери и твари полевые[1*]. И было бедствие нестерпимое для всех живущих на земле[2*], не имеющее себе подобного, превосходящее все несчастья, когда-либо пережитые ими, да и те, о которых когда-либо слышали. Ибо святые церкви превратили они в стойла для своих коней, алтари же Божьи – в места для своих нечистот[3*]. Некоторые священники были сами принесены в жертву мечом там же, во время вознесения святой жертвы, и кровь их смешалась с кровью Господней; некоторые же были преданы тяжкому плену. Старцев не щадили, дев оскверняли, юношей оскопляли, младенцев похищали. Был огонь невиданный, пылающий, сжигавший все строения; вместо ручьев орошали землю потоки крови. И, говоря словами самого Иеремии, – ибо лишь он мог оплакивать те времена подобающим образом, – «сыны Сиона, честные и неискушенные во зле, странствуют по неизведанным путям плена, и руки милосердных матерей не дают пропитания чадам своим; но сами [матери] поедают любимых детей своих»[4*]. Много было подобного и еще более тяжкого.

Царь же Георгий, видя все эти дела, знал, что неоткуда было ждать ни спасения и помощи, ни избавления от этих невзгод, распространившихся по всей стране, – так как ослабла сила греков и все земли, принадлежавшие им на Востоке за морем, были завоеваны турками; поэтому держал он совет со своими дидебулами[33] и постановили, что он должен предстать пред великим султаном Малик-шахом. И так положил он свою душу[5*] и свою кровь ради спасения христиан. И, доверившись Богу, отправился он в Исфахан, предводительствуемый животворящим древом, явился к султану и был принят им, как любимый сын[34].

Ибо был Малик-шах не только человеком, обладавшим несравненными по своей величине краями; он превосходил всех людей по своей добродетели и великодушию, обладая и другими [подобными] бесчисленными качествами: был справедливым судьей, милостивым, любил христиан и, – чтобы не быть многословным, – разум его вовсе не помышлял зла.

Поэтому исполнил он все, о чем просил Георгий, даже превысив его чаяния. Он освободил его царство от налетчиков и грабителей, и отдал ему Кахети и Эрети[35]; но он потребовал харадж от его [Давида] царства, который и взымали в течение долгого времени. Возвеличенного подобным образом, отправил он [Георгия] в свое царство, дав ему с собой большое войско, чтобы пройти путь свой с миром и для того, чтобы отвоевать Кахети. В осеннюю пору достигли они Кахети и подступили к крепости Вежини[36]. И, пока еще продолжалась война, выпал снег. Царь же Георгий вспомнил об охоте в Аджамети[37], и, не ведая иной заботы, не стал ждать, пока будут

1* Пс. 8, 8.

2* Пс. 64, 9.

3* Иер. 19,11.

4* Плач, 4,2; 1,4; 4,10.

5* Ин. 10,15.

взяты Вежини и Кахети. Дал войску турок, бывшему с ним, в дар Суджети[38] и всю землю Кухети[39] по берегам Иори[40], которые разорены по сегодняшний день; сам же, совершив переход через гору Лихи[41], спустился в Абхазию[42].

В то время и царь Кахети Ахсартан[43] предстал перед Малик-шахом, отверг христианскую веру и приобщился к вере сарацин. Этим путем он получил Кахети от султана. Не было в подобные времена покоя на земле, не было утешения людям за нечестие живущих на ней[1*]; ибо [люди] всех возрастов и всех званий согрешили пред Господом во всем; отвратившись от путей праведных ко всякому беззаконию, столь разгневали Бога, по своей природе милостивого и доброго, что навлекли на себя гневный приговор, предсказанный Исаией нечестивым, сказавшим: «Горе народу грешному, народу, который полон беззаконием от пяты до главы. Нет в нем здравия, ни (sic) язв, ни повязок». И далее: «Поэтому земля ваша опустошена, города сожжены огнем, поля ваши поедает чужое племя, и [страна ваша] опустошена и разорена чужеземцами»[2*].

Все это пришло на нас[3*] и видели глаза наши[4*], а также [было] многое, больше, чем сказано здесь, ибо кто бы смог повествовать обо всем том, что произошло, и кто бы смог рассказать в отдельности о каждой напасти, приключившейся с нами? И после всего этого не угас гнев Господень над нами, ибо не раскаялись мы, не уразумели[5*], и не возвратились, как подобало, к путям повелений Господних. Поэтому сверх земных зол и другие идущие свыше бедствия, ниспосланные Богом казни постигли страну, чтобы не говорили грешники: «Эти смятения народов[6*] случились не из-за наших грехов, и не ниспосланы Богом, но произошли из-за некоей смены времен, по совпадению со смятениями».

Поэтому в день Пасхи, в самый день воскресения Господня, когда надлежало быть радости и покою, воззрел Господь с гневом на землю и потряс ее основания[7*] так сильно, что высокие горы и твердые скалы обратились в прах, города и села разрушились, церкви рухнули, дома были поглощены землей и, обрушившись, стали могилой для их обитателей. При этом разрушен был и Тмогви[44], и попал под развалины Кахабер[45], сын Ниании, с женою. Продолжалось же подобное страшное содрогание земли до конца года, в течение которого погибло бесчисленное множество людей.

Тогда в гневе вспомнил о милости[7*] тот, который поучает всякого сына, которого любит[8*], который умертвляет и оживляет[9*], который всегда готов оказывать милость, подобно милостивому отцу, ибо сказано в Писании: «Если бы Господь не оставил нам семени, то мы были бы, как

1* Пс. 106,34.
2* Ис. 1,4-7.
3* Пс. 43. 18.
4* Пс. 34, 21
5* Пс. 84,5.
6* Пс. 2,1; Деян. 4,25.
7* Авв. 3,2.
8* Евр. 12,6
9* Втор. 31,39; 1 Цар. 2,6.

содомиты, и уподобились бы гоморрянам»[1*]. Ибо с того времени начали веять дуновения жизни и стали подниматься облака спасения; после двенадцати лет, в течение которых продолжались разные бедствия, в непроглядной тьме начало восходить солнце всех царств, великий именем и величайший делами, тезка Давида, отца Господня, и сам бывший семьдесят вторым сыном [в колене] Давида – Давид.

В то время было ему шестнадцать лет (хроникон же был триста девятый)[46]. На него, единородного сына Георгия, сам отец возложил царскую корону и, – чтобы сказать вернее, – сам Отец небесный обрел Давида, раба своего, и помазал его своим святым елеем[2*], ибо рука его помогала ему, и десница его укрепила его[3*], облек его милостию и истиной[4*] и возвеличил его превыше всех царей земли[5*], пока не возложил на море руку его и на реки – десницу его[6*]. Однако это случилось лишь после многих дней неустанных трудов и великих битв, как будет явствовать из последующих слов.

Когда воцарился Давид, Картли была разорена. Нигде в стране, кроме как кое-где в крепостях, не было ни людей, ни каких-либо строений. В то время владел Триалети и Клде-Кари[47] с прилежащими к ним землями Липарит[48], который выказывал притворную верность царю Давиду, как и Ниания, сын Кахабера. И другие азнауры, оставшиеся кое-где, стали мало-помалу собираться, спускаться и оседать на землях.

Была тогда границей царства малая гора Лихи, а резиденция царя была в Цагулистави[49]. Когда же желали охотиться в долинах Картли или в Начармагеви[50], которые были полны оленями и дикими кабанами, то не спускались туда сразу, но предварительно посылали туда всадников на добрых конях для разведки, и лишь после этого спускались на равнину для охоты.

Прошло четыре года такой жизни. Умер султан Малик-шах, амир Липарит же вновь пошел по непутевой стезе своих предков, ибо злоумышлял он перед ним, дабы изыскать беззаконие свое[7*]; хоть и был он христианином по виду, но двуличие и ненависть к патронам, присущие его помыслам, были им унаследованы от рода своего. Он не хотел уразуметь добро[8*] и встал на неправедный путь[9*]. Давид же, видя все это, пожелал проучить его. Поэтому, заключив его [Липарита] в темницу на некоторое время, которое было бы достаточно разумному человеку для размышлений, отпустил его после того, как тот многократно клятвенно заверял, призвав Бога в свидетели своей верности; и воздал ему те же почести, ничего не убавив, так как добрый человек не только праведного, но и злого обвиняет с трудом, ибо не обучен он злу и не предполагает его. Он же [Липарит], как пес, вернулся к блевотине и, как свинья, валялся в грязи[10*], выявил вражду

[1*] Ис. 1,9; Рим. 9,29.
[2*] Пс. 88,21.
[3*] Пс. 88,22
[4*] Пс. 83, 12.
[5*] Пс. 88, 28.
[6*] Пс. 88, 26.
[7*] Пс. 35,3.
[8*] Пс. 35,4.
[9*] Пс. 35,5.
[10*] 2 Пет. 2, 22.

и беззаконие замыслил на ложе своем[1*]. Когда же кроткий и богомудрый царь Давид увидел, что собачий хвост не распрямляется и рак не ходит прямо, на второй год снова схватил его, и, продержав два года узником, отправил в Грецию; там и ушел он из жизни.

В это время выступили франки[51], взяли Иерусалим и Антиохию, и, с Божьей помощью, восстановилась страна Картли; усилилась власть Давида, умножил он войска и перестал платить султану хfamильно харадж. Турки не могли больше зимовать в Картли; до тех пор же, сразу с наступлением зимы, приходили они со своими войлочными шатрами в Авчала и Дигоми[52], спускались вдоль берегов по течению Мтквари и Иори, так как там были их стойбища.

В Кахети царствовал Квирике[53], муж, который, будучи царем, властвовал и над своими страстями, истинный христианин. Дал Бог [удобное] время царю Давиду, и он отнял у Квирике крепость Зеда-Задени[54]. И приумножились его победы и величие, а вместе с этим случилось еще и это: умер Рати, сын Липарита, муж неверный и истинно порождение ехидны[2*]. Так был уничтожен род Багваши[55], род причиняющих горечь[3*], ибо испил он последний осадок[4*] гнева, напиток грешников земных, и не осталось в жилищах их живущих[5*], ибо воспомянулось беззаконие их пред Господом[6*], и вотчину их взял царь.

Прошел год, скончался Квирике и посадили кахи на царство сына его брата Ахсартана[56], не имевшего даже признаков подобающих царю свойств; был он человеком злоязычным, беззаконным и несправедливым по своему невежеству – полной противоположностью брату своего отца.

Тогда царь узрел оком разума и задумал доброе дело, которое должно было снискать ему Божью милость и принести большую пользу. Святые церкви, Божьи дома были превращены в вертепы разбойников[7*]; недостойные и беззаконные, похожие не на пастырей, входящих через дверь, а на грабителей, проникающих через кровлю[8*], захватили – скорее по своей родовитости, чем по своим достоинствам – большую часть епархий, поставив там подобных себе священников и хорепископов[57]; те же, вместо того, чтобы держаться Божьих законов, учили всех подвластных им беззаконию. Из самого дома Господня исходили беззаконие и грех; из-за всего этого всевидящее око Божье гневалось так, как видно из приведенных нами выше слов; ибо неравен грех священника и воина, мирянина и первосвященника, пастыря и паствы, как сказано в Писании: «Раб, который знает волю господина своего и не выказывает прилежания, будет сильно бит»[9*]. Для излечения подобных великих язв собрался многолюдный собор[58], так как он [Давид] собрал пред собою, в подходящем месте и в подобающее время, католикоса, архипастырей, пустынников, пастырей и ученых мужей со своего царства; в течение многих дней, расследовав с великим тща-

[1*] Пс. 35, 5.
[2*] Мф. 3, 7.
[3*] Иез. 2, 5.
[4*] Пс. 74,9.
[5*] Пс. 68,26.
[6*] Пс. 108, 14.
[7*] Мф. 21, 13.
[8*] Ин. 10,1-2.
[9*] Лк. 12, 47.

нием, они тщательно изучили и исправили все заблуждения, и во всем утвердили благоугодный Богу порядок[1*]. Показавших себя недостойными лишили сана и низложили с престолов[2*], хотя это и было нелегко из-за знатности их родов, поскольку были они сыновьями мтаваров и знатных людей, и престолы свои захватили незаконно. Вместо них поставили истинных и богоугодных пастырей. Составили прекрасное Уложение[59] («Столпописание») истинной веры, согласованное со святыми двенадцатью соборами и свидетельствующее о них. И таким образом послали к себе домой каждого, награжденного царскими дарами; царь Давид совершил это подобно великому Константину[60]. Зрите же, как в ответ распорядился Бог, ведающий сердцами, неусыпный страж Израиля[3*].

Этого Ахсартана, упомянутого нами как царя кахов, схватили дидебулы из Эрети – Аришиан[61] и Барам и брат их матери – Кавтар, сын Барама, и выдали его царю. Царь взял Эрети и Кахети, в Эрцухи[62] же была большая битва, в которой он одержал ставшую знаменитой победу: тогда с малым войском и с малочисленной ратью он уничтожил бесчисленную рать султана; атабага[63] Гандзы[64] и большую часть воинов из страны Кахети, окруживших нас вместе с врагами, Бог, творящий чудеса[4*], отдал в его руки так легко и быстро, что один не только преследовал тысячи, но и собственноручно пленял их, а двое не только обращали в бегство десятки тысяч[5*], но и из самих их убежищ в лесах и рвах приводили всех пленными.

Сам же царь не стоял лишь за спиной своих воинов и не взывал к ним издалека, как всякий из князей[6*], но сам предводительствовал ими, будучи впереди всех; как лев взывал к ним громким голосом, носясь, как вихрь, во все стороны; сам, подобно Голиафу[7*], бросаясь в атаку, ниспровергал богатырей, истреблял и побеждал всех противников, пока от многих ударов не только рука его не прилипла к рукояти меча, – как у ветхозаветного Елиазара, сына Додо[8*], – но и пазуха его не наполнилась стекавшей с клинка кровью. Это стало известно после окончания битвы, когда он развязал пояс, и на землю вывалилось множество сгустков свернувшейся крови; сначала, не разглядев, мы подумали, что эта кровь вытекла из его ран. В тот день убили трех его коней и лишь верхом на четвертом завершил он ту битву. А мы рассказали лишь самое малое и незначительное из многого.

Заняв же самодержавно Эрети и Кахети и получив в свою власть их крепости и твердыни, он, подобно солнцу, одарил милостью всех живущих на пределах земли[9*]. Бог подобным образом распоряжался делами Давида, направляя пред ним все пути его[10*], даруя ему в разное время уди-

1* Рим. 12, 1.
2* Лк. 1, 52.
3* Пс. 120,4.
4* Пс. 85,10.
5* Втор. 32,30.
6* Пс. 81,7.
7* 1 Цар. 17,4.
8* 2 Цар. 23,9-10.
9* Пс. 64,9.
10* Пс. 5,9. 118,5.

вительные победы и предводительствуя им от чуда к чуду. Поэтому и он не пренебрегал умножением талантов[1*] – добрых и богоугодных дел, но усердно служил Богу, выполняя то, что почитал он за волю Бога, и то, что казалось ему богоугодным, о чем будет сказано ныне.

Задумал он построить монастырь и решил сделать это в прекрасном месте, избранном Божьей благодатью и не имеющем никакого изъяна. Здесь он воздвиг, подобно второму куполу небесному[2*], храм всесвятой Богоматери[65], намного превосходящий все построенное ранее по красе, превышающий все другие по своей величине, по количеству и добротности [строительных] материалов и по несравненности отделки – обо всем этом ныне могут свидетельствовать глаза видевших его. [Царь] наполнил его святынями: честными мощами святых, святыми иконами, богатейшей церковной утварью и другими редкими вещами. Вместе с этим, пожертвовал он храму свою добычу: троны и сидения великих Хосроидов, различные светильники и канделябры, а еще венцы и ожерелья, чаши и сосуды для питья, захваченные у царей Аравии, когда он пленил их самих; все это принес он Богу в храм в память и в благодарность за дивную победу. Созвал он туда же мужей, известных своей достойной жизнью, наделенных всяческими добродетелями, – не только со своего царства, но и с разных концов земли, отовсюду, где только слышал о благостности, совершенстве и преисполненности душевными и телесными добродетелями кого-либо; искал он и, изыскав успешно, привел и поселил там.

Родовую вотчину Липарита, оставшуюся без наследников, вместе с другими законными и неоспоримыми владениями, отдал он [храму] Богоматери в пользование ее служителей, предоставив им довольствие, обеспечивающее беззаботное существование. И ныне [храм] предстает пред всем Востоком как второй Иерусалим, знамение всякого блага, наставник в познании, вторые Афины, превосходящий их во всем божеском, правило и образец всякой церковной красы.

Задумал он еще и другое дело соответственно своему милостивому и благостному, богоподобному человеколюбию. Построил он странноприимницу в подходящем, прекрасном месте и собрал в ней братьев, страдающих различными недугами; в полной мере обеспечил их всем необходимым, полностью определив им доходы для их нужд. Сам он приходил к ним, чтобы проведать, приветствовал и лобызал каждого, по-отечески лелеял[3*], ублажал, ободрял, призывал к терпению, собственноручно проверял их ложе, одежду, постель и все, чем они пользовались; каждому давал достаточное количество золота, предостерегал их смотрителей и в полной мере распоряжался всеми их делами.

До этого времени города Тбилиси и Рустави[66], Сомхити, Самшвилде, Агарани[67] – все было в руках турок. Триалети же и Клде-Кари правил Тевдоре[68], сын сестры Чкондидели, человек разумный и влиятельный. Когда царь отправлялся в Абхазию, турки и их гарнизоны испытывали меньше страха. В то время отправился царь туда; собрались у Георгия Чкондидел-мцигнобартцхуцеса Тевдоре, Абулет[69] и Иоанн Орбели, и, улучив момент, хитростью завладели Самшвилде. Это вызвало большую радость, так как границы царства расширялись день ото дня. Турки же, узнав

[1*] Мф. 25,20.

[2*] Ис. 40,22.

[3*] Сир. 30,7.

о взятии Самшвилде, оставили большую часть крепостей в Сомхити и ночью бежали, крепости же перешли к нам. До тех пор турки, спустившись через Сомхити, устраивали стоянки со своими войлочными шатрами в Гачиани, по берегам Мтквари и Иори, от Тбилиси до Бардава, во всех этих превосходных для зимовья местах; там зимою, как и весною, можно косить сено; там обилие деревьев и воды; там много различного зверья для охоты и всего нужного для утех. Во всех этих местах разбивали лагерь турки со своими шатрами, и не было числа[1*] их коням, мулам, овцам и верблюдам. И была у них блаженная жизнь: охотились, отдыхали, веселились и не было у них недостатка ни в чем[2*]. Они торговали в своих городах, наши же пограничные области они опустошали; с полной добычей и со многими пленными весною начинали они подниматься вверх, в горы Сомхити и Арарата. Таким образом, и летом имели они радость и покой, пребывая среди прекрасных лугов и полей, родников на злачных пажитях[3*]. Так велики были их силы и столь велико было их множество, что можно было сказать: «Вся туретчина, со всего света, находится там»; и никто, даже сам султан, не смог бы предположить, что их можно будет когда-либо изгнать или причинить им вред.

В том году, когда взяли Самшвилде[70] и Дзерна, неожиданно, использовав хитрость, пришла армия султана и все множество турок – около ста тысяч человек. Царь же был в Начармагеви со своей свитой. Узнав вечером о нападении турок на Триалети, [он] бросился туда со своими[71] воинами, коих было тысяча пятьсот, – ибо лишь стольких нашел он дома у себя, – и ехал всю ночь. На рассвете явились турки и произошла сильная и жестокая битва. Милостью Божьей был побежден их лагерь, и к концу дня они бежали. Были они так испуганы и так торопились, что, даже не глянув ни разу на свои шатры и имущество, сочли быстроту своих ног важнее своих владений. И так разбрелись они по своим странам. Это бегство было настолько невероятным для самого царя и его войск, что они не стали их преследовать, так как думали, что битва [возобновится] на другой день.

Взял Георгий Чкондидели и Рустави[72], в бытность царя в Мухнари[73]. Турки были весьма огорчены этим и стали избегать пребывания на зимних стоянках, так как царь, разведав [и узнав о присутствии] тех, кого следовало истребить, неожиданно нападал и уничтожал их. И было это не однажды либо дважды или трижды, но много раз, ныне же расскажем об одном случае. Расположилось в Тао множество турок с шатрами, доверившись суровости зимы и неприступности гор. Царь же схитрил так: приказал войскам Картли быть наготове, сам же отправился в Кутатиси, чем и усыпил их [турок] бдительность. В феврале дал знать войскам из Картли и Месхети, чтобы ожидали его в условленном месте в Кларджети, а сам с шида спа[74] направился из Хупты[75] по берегу Чорохи[76]. Соединившись, они неожиданно напали на них, без страха, спокойно и уверенно расположившихся до Басиани[77] и горы Карнифор[78]. Истребили неисчислимое количество их, взяли в плен их семьи, захватили коней, овец, верблюдов и все их имущество, наполнив все царство многим добром.

[1*] Пс. 39,13. 103,25.

[2*] Пс. 138,16.

[3*] Пс. 22,2.

В том же году послал он свою дочь, Кату, в Грецию, выдав ее замуж за сына греческого царя[79]. До этого же он послал первородную дочь свою Тамар[80], которая стала царицей Ширвана[81]. Сделано это было для того, чтобы обе они, унаследовавшие от отца солнцеподобное сияние, подобно двум светилам, освещали небосвод – одна на Востоке, другая на Западе. В следующем году схватил он сыновей Григола, Асата и Шота[82], и взял крепость Гиши[83]. Послал он своего сына Деметре[84] в Ширван с сильным войском воевать. Тот же провел удивительные битвы, изумившие видевших их и слышавших о них; взял крепость Каладзор и победоносным возвратился к своему отцу с неисчислимой добычей и пленными.

В следующем году, в вербное воскресенье, выступил царь из Ганухи по берегу Рахса[85] и отпраздновал Пасху в Нахидури[86]. Здесь доложили ему об убийстве Бешкена Джакели[87] турками в Джавахети. Из-за этого дидебулы отговаривали его, пытаясь помешать его выступлению. Но он не стал их вовсе слушать, напал на турок, расположившихся на берегу Рахса, истребил множество их, взяв пленных и бесчисленную добычу. В том же году он взял в Сомхити крепость Лоре[88]; на другой день, на рассвете, – опять же в июле – взял он Агарани, хотя раньше Баграту, его деду, пришлось воевать три месяца, чтобы ее взять. В том же году в августе умерли султан Малик, сын Малик-шаха, и Алексей, царь греков[89]; и ни один не узнал о смерти другого.

Царь Давид, видя столь многие, исходящие свыше милости и помощь, победы и успехи, дарованные ему Богом царства, страны, города и крепости, [видел и то], что в его царстве недоставало войск, чтобы их хватило и на то, чтобы располагались они в городах и крепостях, удерживая их, и на то, чтобы они сопровождали [царя] в постоянных и неустанных его разъездах зимою и летом, либо в военных походах.

Поэтому, призвав на помощь разум, добропослушный, как у [ветхозаветного] Давида, Святому Духу, поднял ввысь свою голову и обозрел оком своего разума, хорошо увидел и осмыслил своим царским умом, что [войск] его царства не хватало для того, чтобы во всем следовать движениям и желаниям его души. Тогда вздохнул он, подобно Александру[90], когда, как рассказывают, некий философ сказал ему: «Есть несметное количество владений, где даже не слыхали твоего имени», он, вздохнув, сказал: «Если останутся [незавоеванными] они, то каковым будет владычество мое?». Поэтому он, второй Александр, замыслил – ибо не было иного выхода – [призвать кипчаков],[91] так как хорошо знал их многочисленность, храбрость в боях, быстроту в походах, ярость в атаке, легкоуправляемость и готовность во всем подчиняться его воле; вместе с тем, их было легко призвать как из-за их близости, так и из-за их бедности, и еще потому, что за много лет до этого привел он оттуда достойную, известную всюду своей добродетелью Гурандухт, дочь предводителя кипчаков Атрака, сына Шарагана[92]; она стала его законной супругой и царицей всея Грузии. Поэтому, послав доверенных людей, он призвал кипчаков и своего тестя. Они же приняли предложение с радостью, но попросили, чтобы им дали возможность пройти через овсов [осетин] с миром. Поэтому царь вынужден был отправиться в Осетию. Отдав приказ, он сразу отправился, взяв с собою Георгия Чкондидели, своего мцигнобартухуцеса, мужа, обладающего всеми душевными и телесными совершенствами, преисполненного мудрости и разумения, рассудительного, удачливого и предусмотрительного. Воспитанный с патронами, сам он был воспитателем патрона и его соратником во всех его делах, трудах и прокладывающим вместе с ним все его пути.

Вступили в Осетию[93]; вышли им навстречу цари Осетии и все их мтавары[94], встав словно рабы перед ним. Взял он заложников с обеих сторон – от овсов и от кипчаков, – и так легко объединил он оба народа, водворив между ними любовь и мир, как между братьями. Взял крепость Дариали и все [крепости, находящиеся] на горных перевалах Осетии и Кавказа. Обеспечив кипчакам мирный путь, вывел он великое множество их, своего тестя и братьев своей жены; и не напрасно трудился[1*] он, ибо прибытие их не осталось безрезультатным: с их помощью истребил он все персидские войска, вызвав страх и ужас у всех земных царей, и благодаря их содействию он совершил невероятные дела, как будет сказано далее.

Тогда, во время пребывания в Осетии, скончался Георгий Чкондидели, с юных лет взявший на себя служение патрону[95] и [его останки] были перенесены с великими почестями в новый монастырь и погребены там; все царство и сам царь оплакивали его как отца и даже более чем отца: в течение сорока дней, до рождения Вахтанга[96], носили траурные одежды; получив же эту благую весть, траур прекратили.

Кипчаков же с их семьями расселил он в удобных для них местах; было их – боеспособных, отборных – сорок тысяч человек. Он полностью обеспечил их конями и доспехами. И еще было у него отборных слуг, наученных брани[2*], пять тысяч человек[97], все – принявшие христианство, достойные доверия, испытанной доблести. И большинство кипчаков день ото дня становились христианами, и бесчисленное множество вступало в лоно Христово.

Собрав их [кипчаков] и расположив по родам, он поставил над ними спасаларов[98] и командующих. А также [были у него] войска со своего царства, отменные и оснащенные, на добрых конях, не знающие отступления в бою. Среди них – он сам, бесподобный военачальник и воин, похожий на героя древнего сказа о Кайхосро[99], предводительствовал ими. И начал он устраивать набеги на Персию, Ширван и Великий Сомхити[100]. Не зная устали и не считая обременительным [это занятие], он держал их в порядке, делал все своевременно, управлял и распоряжался ими по своему великому разумению. И кто бы мог противостоять ему, либо идти на него с войной, либо поднять оружие против него?

Хотя в Писании [Александр] Македонский уподобляется крылатому барсу[3*] из-за яростности в атаке, быстроты в походах по странам и великого многообразия деяний и замыслов, наш венценосец, новый Александр, хотя и живший после него, ни в действиях, ни в помыслах, ни в храбрости не уступал ему; даже в делах, в которых [Александр] превосходил других, этот [Давид], как думается мне, был не ниже, но намного выше. Насколько тот был выше и величественнее своих ровесников и современников в делах мирских и плотских, настолько этот превосходил первого [Александра] в делах божеских и следующих завету Христа вместе со своими мирскими [достоинствами]. Ибо не дал сна очам своим, ни дремания веждам своим[4*], ни покоя плоти своей; не склонялся он ни к наслаждению, ни к плотским похотям, ни к чревоугодию, ни к играм и праздному пе-

---

1* Пс. 126,1.

2* Пс. 17,35.

3* Дан. 7,6.

4* Пс. 131,4.

нию[1*]; не предавался он ничему дьявольскому и плотскому, тому, что сковывает разум и склоняет волю к бездействию и лени; но следовал он всему божескому и духовному. Узнайте же о деяниях его в течение этих четырех лет, из множества которых предполагаю поведать немногое.

Царь часто поступал так: нарочно отправлялся в Абхазию[101] и [этим] обманом завлекал туркманов в места их зимовок, ибо их лазутчики следили за царем и исследовали его пути[2*]. Отправился царь в Гегути[102], а оттуда – в Хупати, и уверились они [турки] в своей безопасности. Узнав, что он далеко, [турки] спустились в Ботору; было их великое множество, и стали они на зимовье. Царь же не дремал, но четырнадцатого февраля переправился быстро, – как бы перелетев, – и неожиданно напал на них. И лишь немногие смогли, найдя коней, спастись бегством. Взяли бессчетно много пленных и добычи[103].

Прибыли в Ганухи. В ту же неделю, в день начала поста, взял в Ширване город Кабалу[104], наполнив свое царство золотом, серебром и прочим богатством. Вернулся в Картли и, быстро собрав войско, седьмого мая спустился в Ширван, разорил страну от Лижата до Курдевана и Хишталанта, и с полной добычей вернулся в Картли. Тогда же сразились правители Ширвана и Дербента[105], убили Апридона и перебили ширванцев. В месяце ноябре царь отправился в Ашорнию[106], напал на туркманов, перебил их и захватил добычу, взяв бесчисленное ее количество. По возвращении, попутно напал в Севгеламедже на туркманов же, и не оставил [даже] оплакивающих в их шатрах. Это – [события] одного года.

В ту же зиму, отправившись в Абхазию, прибыл в Бичвинту[107] и управился с тамошними делами; достойных милости одарил, провинившихся же схватил и наказал. Зима были суровой, с глубоким снегом. Узнав, что царь далеко, турки спокойно спустились и расположились на берегу Мтквари. Но искусный лев не ленился и не дремал, когда следовало вести бой, и никто из отговаривающих не мог его удержать. Спешно отправился он из Абхазии по глубокому снегу, заставил раскопать [проход] через гору Лихи, где высота раскопа дошла до трех мхари[108]. Войско встретило его в готовности, и, не выждав вестей из Картли, напал на Хунан[109]. Заполнили войска [пространство] от горы до Мтквари и от Гагни[110] до Бердуджа[111]. Перебили всех острием меча, не оставив ни одного, обращающегося[112] к стене[3*], кто бы мог рассказать о случившемся. Был месяц март.

Весной поднялась вода в Мтквари, не вмещаясь в русле. Положившись на это, туркманы со спокойным сердцем расположились в Бардаве. Тогда царь, выследив их через разведку, переплыл бурный Мтквари со своими кипчаками по неизмеримо высокой воде, перебил турок и разорил Бардав. Два дня он провел там и, довольный, вернулся домой с большой добычей. Был месяц июнь.

Огорченные подобными бедствиями туркманы и вместе с ними купцы из Гандзы, Тбилиси и Дманиси отправились к султану; и все, достигнув Персии, окрасили себе в черный цвет кто – лицо, кто – руки, а кое-кто – и все тело, и так поведали ему о постигших их несчастьях, чем и

[1*] Еф. 2,3; Гал. 5, 19-21.

[2*] Рим. 11,33.

[3*] 1 Цар. 25,22; 25, 34.

побудили его к милости. А все они сильно сокрушались. Тогда султан[113] призвал царя арабов Дурбеза[114], сына Садаки, дав ему [в помощь] своего сына Малика[115] и все его воинство[1*], назначил спасаларом Иль-Гази, сына Ардуха[116], мужа отважного и хитроумного; отдал приказ всем боеспособным туркманам, всюду, где бы они ни были, всем от Алеппо и Дамаска, и вместе с ними – атабагу Гандзы[117] с его войском и всем амирам Сомхити; собрались все они, сговорились[2*] и твердо сплотившись, многочисленные, как морской песок[3*], двенадцатого августа пришли в Триалети, Манглиси[118] и Дидгори[119], и даже стоящим было им тесно в тех местах.

[Рассказать же о том], как бесстрашный и стойкий сердцем царь Давид построил свое войско, как прекрасно и предусмотрительно устроил он все дела, распорядившись всем спокойно и без суеты, показав опытность и мудрость; и как с вышней помощью в первой же битве рассеял их стан и обратил их в бегство; и как уничтожил прославленных воинов Аравии; или как хитро и скрытно преследовал и истреблял бежавших, наполнив горные склоны, поля, горы и долины их трупами; и как сохранил он свои войска без потерь, – обо всем этом не только я, но, думаю, и мудрецы всего мира не в силах точно поведать, и язык всех сказителей будет посрамлен, так как не смогут они подобающим образом вести подробное повествование.

Ибо рука Всевышнего помогала ему и вышняя сила защищала его; и святой Георгий явно, у всех на виду предводительствовал им, истребляя своей десницей напавших неверных язычников, о чем сами они, – неверные и неведующие, – признавались нам, рассказывая о чуде великомученика Георгия.[120]

[Описать] же, как разбогатели наши войска и еще более – все царство, показать изобилие золота и серебра, арабских коней, ассирийских мулов, шатров и настенных ковров, а еще – бесчисленных боевых орудий, разных медных барабанов, камнеметов, изящных сосудов для пиров, для омовения и для кухонь – какая бумага и чернила[4*] могут охватить все это! Видел бы ты, как крестьяне вели пленных арабских царей; а о других богатырях и нет нужды говорить что-либо![121]

Дойдя до этого места в моем повествовании, я полагаю, что достойны порицания великие и именитые сказители – каковы Гомер и Аристовул[122], и еврей Иосиф[123]. Первый из них красочно описал [битву] троянцев и ахейцев – [показав], как бились Агамемнон и Приам, Ахилл и Гектор, затем Одиссей и Орест[124], [описав], кто кого победил; второй рассказал о доблестях и победоносности Александра; третий же описал бедствия, причиненные его соплеменникам Титом и Веспасианом[125]. Не имея для своего повествования достаточно сведений о происшедших событиях, они своим риторическим искусством раздули его, как говорит где-то об этом сам Александр: «Ахилл, ты не был великим, но встретился тебе великий восхвалитель – Гомер». Ибо, в течение двадцати восьми лет, пока продолжалась троянская война, не случалось ничего достойного восхваления. Битва же царя Давида со столькими врагами продолжалась до трех часов, и они не смогли устоять даже перед первой атакой. Если бы у этих мудрецов предметом рассказа были

[1*] Пс. 32,6.

[2*] Пс. 2,2.

[3*] Пс. 77, 27

[4*] 2 Ин. 12

деяния Давида, то они смогли бы описать их так, как подобает их красноречию; и лишь тогда были бы они достойны соответствующей хвалы. И хватит [говорить] об этом.

В следующем же году царь взял после первой же битвы город Тбилиси[126], четыреста лет бывший во владении персов, и утвердил его своим потомкам как сокровищницу и как обиталище свое вечное.

На второй год пришел султан[127] в Ширван, пленил ширван-шаха, взял Шамахию и направил посланца к царю с язвительным письмом, написав так: «Ты – царь лесов и никогда не сможешь выйти в [открытые] поля; вот, я пленил ширван-шаха и требую от него хfamous харадж для себя; если ты хочешь, то пришли мне подобающий дар и, выйдя из убежищ ваших, повидай меня». Когда же царь услышал это, спешно призвал все свои войска; и не успел он договорить, как сразу явились к нему все [войска] со всего царства. И он выступил против султана; одних кипчаков, когда их сосчитали, оказалось пятьдесят тысяч.

Когда же султану доложили о его наступлении, о мощи и множестве его войск, он ужаснулся, снялся с поля, где он разбил свой лагерь, и укрылся в городе, оградив себя, с одной стороны, частоколом и рвом, а, с другой, – городским валом Шамахии. Узнав об этом, царь счел нападение на беглеца неподобающим для себя делом; пав ниц на землю, возблагодарил Бога – чудотворца, благого и человеколюбивого, и остался на месте. Тогда султан, мучимый голодом и томимый жаждой в течение многих дней, уже не стал требовать даров, либо вызывать [Давида] на бой; но, как страждущий раб и приунывший слуга, смиренно склонив голову, – совсем иначе, чем полагается султану, – отправил посланцев с дарами для переговоров, умоляя и уверяя [Давида] в своей покорности, и жалобно заклинал, выпрашивая себе дорогу для отступления.

В тот же день царские войска разбили атабага Рана Агсунгула[128], направляющегося к султану с многочисленной ратью, – около четырех тысяч человек; лишь он один, спасаясь бегством, еле-еле добрался до султана. Когда же султан увидел это, в ту же ночь сбежал тайком, и, выбравшись через отверстие для нечистот, направился другой дорогой в свою страну. Победоносный и возносящий хвалу Господу царь же вернулся и в этом месяце отдыхал несколько дней. А в следующем месяце, в июне, вновь направился в Ширван, в страшную жару взял Гулистан[129], саму резиденцию [правителя] Ширвана, присоединил Ширван и роздал много даров всем покорным его воле. Вернулся в Картли, в осеннюю пору отправился в Гегути, охотился, отдыхал, управился со всеми тамошними делами. В марте вернулся в Картли, взял город Дманиси[130]. В апреле напали в Шабуране[131] на правителя Дербента, перебили курдов, леков[132] и кипчаков, служивших правителю Дербента, взяли ширванские крепости – Гасан, Хозаонд и прилегающие к ним земли.

И внезапно, подобно взмывающему ввысь орлу, в мае взял крепости в Сомхити[133]: Гаг, Терунакал, Кавазин, Норбед, Манасгом и Талинджакар. В июне выступил в поход с войском, прошел через Джавахети, Колу, Карнифор, Басиани до Спери[134], всех туркманов, встретившихся ему на пути, перебил либо взял в плен и, пройдя Бугта-Кури[135], предал огню Олтиси и вернулся в Триалети с великой победой. Прошло немного дней, и войска разошлись – каждый вернулся к себе.

Двадцатого августа [к царю], расположившемуся возле ключей Божана[136], прибыли люди, посланные владетелями Аниси[137] с письмом, и доложили о сдаче города и укреплений. Он сразу же разослал призывные послания всем, и на третий день шестьдесят тысяч всадников предстали перед ним. Выступил в поход и на третий день без труда взял город Аниси и его крепости, села и земли, прилегающие к Аниси.

Взяв Буласвара, вместе с его восьмью сыновьями, прислужницами и невестками, отправил их в Абхазию. Для охраны Аниси он оставил местинских азнауров и вернулся в Картли. Дал отдохнуть своим войскам несколько дней, затем отправился в Ширван[138]. Взяв город Шемаху и крепость Бирит, весь Ширван, оставил в крепостях и городах много войск – эров и кахов. Распорядителем и смотрителем всех тамошних дел назначил своего мцигнобартухуцеса – архиепископа Чкондиди Симона, бывшего тогда епископом Бедийским и Алавердским[139], во всем схожего с Георгием, братом свой матери, человека во всем совершенного и мудрого.

Упорядочил царь все дела Ширвана, щедро одарив курдов, леков и тарасов. Объездив Картли, определил кипчакам зимние стойбища, пропитание и смотрящих над ними. Упорядочив все дела Картли, Сомхити и Аниси, вознамерился весною совершить великие дела и еще большие походы, ибо никто не мог противостоять ему; сам султан, где бы он ни пребывал, и тот трепетал от страха пред ним; даже те города и страны, которыми управлял он прежде, не смел он считать своими; всюду, как бы далеко он ни был, виделись ему: спящему – страх, а бодрствующему – смерть.

Поэтому слал он посланцев с дарами одного за другим, чтобы умилостивить лик его[1*]. Посылая богатые, изысканные сокровища, разных заморских редких птиц и зверей, он просил мира, любви и безопасности от набегов кипчаков. Поэтому не заботило его множество расходов, лишь бы ему самому – где бы он ни был, – найти мир и благополучие для себя. Полагаю, что этот храбрец [Давид] вернул себе с лихвой страны, пленных и богатства, отнятые у его предков. Успокоилась страна, наполнилась и изобиловала всеми благами, возродилось и восстановилось все, что было разорено. Вместо прошлых опустошений воцарились в стране мир и изобилие, превосходящие все бывшее ранее.

Таковы повествования о его царских походах, боях и сражениях, победах и успехах, завоеваниях и взятии многих великих царств и княжеств и переданный малыми и ничтожными словами рассказ о великих и неописуемых деяниях, совершенных им; а мы пытаемся показать льва по его когтям, и качество всей ткани – по малому лоскутку, как и по тени – человека, хотя это и невозможно.

Могут подумать, что у совершавшего подобные мирские деяния не могло быть свободного времени даже для того, чтобы вспоминать и помышлять о божеских и духовных добродеяниях, не то, чтобы творить их, ибо вполне достаточно пребывающему во плоти человеку совершить то, что сделал он, и преуспеть в этом. И если вспомнят, каким униженным принял он свое царство и на какую высоту поднял его, и как далеко раздвинул он его границы, и как превратил побежденных в победителей, то пусть не обвиняют [его]; да будет известно им: если кто станет расследовать, желая подробнее узнать обо всем этом, то вскоре сочтет он все эти мирские дела, рассказанные нами весьма неполно и не по существу, действительно малыми и ничтожными в сравнении с непреходящими, прочными и навеки обожествляющими его деяниями, которых он совершил гораздо больше этих [мирских дел], считая их более важными. Мы станем повествовать о немногом из многого, как [бы предлагая] лишь один глоток воды из реки[140].

[1*] Быт. 32,20.

Говорит Соломон: «Для начала мудрости приобретай мудрость»[1*], Давид же, предок Господень: «Начало мудрости – страх Господень»[2*]. Этот страх Господень был у Давида с детских лет; умножившись с годами, в свое время он дал плоды, сделавшие обе его жизни прекрасными; им украсил он свои дела, упорядочив мирские и направив духовные.

Слушай же, как разумно, сочтя страх Господень матерью мудрости, а [матерью] страха Господня – Священные писания, он собрал их во множестве, – все, что нашел переведенными на грузинский язык с других языков, и старые и новые, – как второй Птолемей[141], взяв с него пример; он полюбил и усвоил их так, что можно было сказать, что они были его жизнью и направляли все его помыслы. Они были для него пищей, более вкусной, чем что-либо другое, сладким и желанным питьем. Они были ему отрадой, утехой, были для него поучительными и полезными. Денно и нощно, в постоянных разъездах, в непрерывных походах, в неустанных трудах нагружал он книгами множество мулов и верблюдов. И как только он сходил с коня, прежде всего брал в руки книгу и не прекращал чтения, пока не уставал. После ужина же, вместо того, чтобы уснуть или заняться каким-либо другим делом, он опять читал. Когда же уставали глаза, заменял он их ушами: слушал он чтеца, стоявшего перед ним, и не краем уха, а весьма внимательно; искал [смысл], расспрашивал, а чаще сам толковал их значение и глубокий смысл.

Самое удивительное же вот что: все знаете, сколь притягательна для всех охота, как делает она своим рабом того, кто ею занимается, и как полонит его, заставляя во время охоты помышлять лишь о том, как выследить, преследовать и добыть зверя. Но его прилежание преодолевало и это: даже во время охоты была у него книга в руках; когда же наступало [нужное] время, отдавал он книгу кому-нибудь из слуг и затем начинал преследование. И не думай, что возвращался он с пустыми руками или напрасно трудился[3*]. Кто же был подобен ему среди людей, кого видели столь же удачливого на охоте? Говорят, что некий еврей, Мосомах[142], превосходил всех среди войск Александра как лучник и меткий стрелок; среди эллинов [был] Ахилл, наученный кентавром искусству стрельбы из лука; среди персов же – Бахрам-Джур[143], совершающий диковинные и удивительные дела. Но, истинно, как мы видели, ни один из них не мог сравниться с ним.

Расскажу еще о другом случае, выявляющем его любовь к книгам. В этом [рассказе] не будет ничего ложного, ибо погубит Господь говорящих ложь[4*]. Читал он некогда, положив пред собою книгу «Апостол», прочитав же, ставил знак в конце книги; и когда прошел год, по тем знакам мы сосчитали: прочел он книгу двадцать четыре раза.

Есть еще много доказательств этого, но я добавлю лишь одно: город Тбилиси, когда еще не был полностью под игом покорности, как ныне, полон был кровью христиан; иногда, подняв мятеж, [тбилисцы] без какой-либо причины истребляли всех христиан, кого находили. Иногда же прибывшим с караваном туркам отдавали входящих [в город], либо выходящих [из него] христиан, предавая их плену или смерти. И так опустошалась страна долгое время, и было это очень тягостным для души Давида.

[1*] Притч. 4,7.

[2*] Пс. 110,10.

[3*] Пс. 126,1.

[4*] Пс. 5, 7.

Вступил в город однажды большой караван из Гандзы, и с ним прибыло много турок. Узнав об этом, царь послал пятнадцать отборных человек из своих слуг, чтобы они угнали городское стадо, пасущееся в местности Лочини[144], с тем, чтобы перебить турок, если те пустятся в погоню. Сам же с тремястами всадниками спрятался в одной из долин Авчалы[145]. Не доверившись никому из дозорных, он один пошел [в засаду] невооруженным, имея при себе лишь меч. Взял он с собою книгу Богослова и приказал воинам не трогаться с места до его прихода. Слуги же, сделав то, что было им велено, угнали стадо. Догнали их турки, около ста человек, и после сильной схватки, сбросив слуг на землю, перебили их коней, но и пешими они воевали храбро.

Царь же, спешившись с коня, не думал, что они [турки] прибудут так скоро; он занялся чтением и его разум был настолько пленен этим, что он совсем забыл о предстоящем деле, пока до его слуха не дошли крики. Сразу же, оставив книгу там же и вскочив на коня, направился туда, откуда слышался шум. Так добрался он до своих слуг, которые бились пешими; он был далеко от своих воинов и ехать к ним, чтобы известить, было некогда – слуг могли перебить; поэтому налетел он, как орел, и развеял их, как куропаток. И сразу же уничтожил стольких, что их коней хватило для слуг, которые, сев на коней, перебили столько [турок], что лишь немногие из них успели укрыться в городе; дороги же были полны их трупами, а меч [царя], искривившийся от многих ударов, не входил в ножны. Лишь после этого вернулся он к своим воинам, которые весьма его упрекали. Узнайте же от меня, как обремененный подобными делами и не имеющий свободного времени человек считал [чтение] книг самым притягательным делом! И довольно об этом.

Скажу еще и это: зная книжную мудрость и ведая о прошлых делах, он считал их предостережением либо образцом для себя и использовал опыт прежних царей – как преуспевающих, так и неудачливых, подобно тому, как говорит Соломон: «Знает он ход времен, толкование притч[1*] и уподобляет прошлому будущее»[2*]. Если бы не это, то как бы смог он возвысить, как никто другой, скипетр царствия, столь униженный, столь тяжкий и воистину трудноуправляемый? Ибо стал он мудрее Веселеила[3*] и Ефана Езрахитянина[4*], о которых сказано в Писании. И как может кто-либо счесть, свершение скольких дел требуется для царствования, сколькими надо управлять, сколько следует упорядочить? Царь должен покорять страны, укреплять границы, предупреждать восстания, обеспечивать спокойствие в стране, заниматься военными походами, распознавать козни мтаваров, распоряжаться войсками, заботиться о делах мирян, назначать должностных лиц и судей, [радеть] о доходах казны, принимать посланцев и давать им ответ, воздавать должное вознаграждение приносящим дары, милостиво поучать провинившихся, щедро одаривать верно служивших, справедливо разбирать жалобы, требовать отчетов соответственно обстоятельствам, располагать рать для умелой атаки. И кто может исчерпать словами бездну царских дел, в которых не было у него равных среди древних и новых царей, как о том свидетельствуют свершенные им в своей мудрости дела, более блестящие и яркие, чем венец солнца.

[1*] Притч. 1,6.

[2*] Еккл. 1,9.

[3*] Исх. 31,2; 35, 30-35.

[4*] 3 Цар. 4,31.

Ибо султана превратил он в своего данника, а царя греков – как бы в своего домочадца; разбил язычников, истребил варваров, принизил царей, сделал рабами государей; арабов обратил в бегство, исмаильтян разгромил, персов развеял в прах, их правителей обратил в крестьян, и, чтобы сказать кратко, бывшие до него цари, судьи, богатыри, воины, люди, издревле именитые, доблестные и могущественные, прославленные добрыми делами, все они, по сравнению с ним – как бессловесные твари во всяком деле и во всяком доме.

А еще, чей разум может постичь его божественные добродетели и совершенные им духовные дела, или же, постигнув, чей язык может их пересказать? Ибо, как Бог, правдиво судил он свою паству своим беспристрастным судом, и не отклонялась никуда стрелка его весов, как то слышали мы о Соломоновом судилище[1*] и как о том дают нам знать Моисеевы законы и повествования.

Главую же добродетель – святость – проявил он в той же мере, что и великий Антоний[146]. Не говори мне о [его прегрешениях] молодости, о которых и сам Бог не воспомянет![147] Знаю достоверно, что в течение целых десяти лет постоянно, с неоскверненными устами и чистым сердцем принимал он нетленное таинство Христа по велению совести, а не по обличению разума, чему есть свидетель верный на небесах[2*]. А еще: нужно ли говорить, сколько он возносил молитв и сколько он один постился? А еще: монастыри и епархии и все церкви получали из царского двора все правила и распорядок молитв и всего церковного чина как верный канон, превосходный и стройный, упорядочивающий молитвы и посты. Дьявольские же песни, скоромошество и наслаждения, богопротивная хула и всякое безобразие были уничтожены в его войсках и среди бесчисленного множества разноязычных племен, как среди небожителей. А еще: милость к беднякам проявил он такую, что море и твердь были полны его милостыней. Он наполнил добром лавры, церкви и монастыри не только в своем царстве, но и в Греции – на Святой Горе[148], и в Болгарии[149], а также в Сирии, на Кипре[150], Черной Горе, в Палестине[151], более всего же гроб Господень, а находящиеся в Иерусалиме обогатил различными пожертвованиями. Еще дальше – на горе Синай[152], где узрели Бога Моисей[3*] и Илия[4*], построил он монастырь и отправил туда многие тысячи золотых [монет], златотканые покровы, полный набор церковных книг и церковную утварь из чистого золота.

И еще: кто может счесть ежедневные подаяния, которые он тайно давал собственноручно, кроме Отца небесного, который воздает явно?[5*] Был у него малый кошель; наполнив его днем драхканами[153] для верности своей собственной рукой, к вечеру приносил его пустым, с радостью в душе и на лице; иногда же бывало, что он раздавал лишь половину, а иной раз никого не находил, и таким же полным отдавал кошель, чтобы сохранить его для следующего дня, и говорил, вздыхая: «Сегодня не смог я воздать Христу, так как одолели меня мои грехи». И все это отдавал он не из того, что выплачивали ему должностные лица, либо из казны, но из того, что добывал он собственноручно. Из этих [денег] однажды дал он своему духовнику Иоанну двадцать пять

[1*] Прем. 11,23.
[2*] Пс. 88,38.
[3*] Исх. 19,3.
[4*] 3 Цар. 19,9.
[5*] Мф. 6, 4.

тысяч драхкан, чтобы он их роздал беднякам. И это тоже малое из многого, о чем можно было рассказать.

Он не только освободил монастыри и лавры от притеснявших их мосакаргаве[154], но и всех священников в своем царстве от всяких повинностей и забот, чтобы они свободно могли совершать священное служение перед Богом. Вместе с тем, сколько церквей от построил, сколько мостов навел на сильные реки[1*], сколько труднопроходимых дорог вымостил камнем, сколько церквей, оскверненных язычниками, очистил от скверны, превратив их в Божьи дома, сколько языческих племен привел, чтобы стали они чадами святой купели, и принял их в лоно Христово! Больше всего усердствовал он, чтобы, отторгнув весь мир от дьявола, отдать его Богу, чем и получил апостольскую благодать, как Павел и как великий Константин.

Наряду с другими добродетелями было у него еще и это: поскольку во время своих разъездов по царству из-за большого числа его войск и быстроты передвижения нелегко было подступиться к нему жалобщикам, пострадавшим и притесненным, то некоторые, нуждаясь в суде и царской помощи, поднимались на холм около дороги, или на скалу, или на дерево, как Закхей[2*], – если только находили что-либо подобное, – и оттуда давали знать о своей жалобе голосом. Для этого им были поставлены люди, дознающиеся до правды и умеющие рассудить жалующихся, и от которых те и получали праведный суд.

Много раз зрили мы ланиты его, орошаемые слезами, когда видел он страдающих различными недугами и немощами, поражающими ненадежную и жалкую плоть, – таковых растит более всего край Кутатиси. Кто может счесть пленных, освобожденных им, и выкупленных им своих же кипчаков! Кто может подобающим образом описать, как много почестей воздавал он монахам, с каким смирением встречал и приветствовал их, с какой любовью принимал их! Кто может перечислить дары и все потребное, выдаваемые каждому, тем обеспечивая их всем необходимым?

Было у этого всемудрого царя еще и это свойство, чем был он более всего страшен и грозен для всех; был дан Богом ему этот дар – свойство весьма дивное: ничто – [даже] дело, доброе или злое, свершенное далеко, в его ли царстве, в войсках ли, великим либо малым, или слово, сказанное кем-либо, – не могло сокрыться от него; все, что было сделано или сказано тайно, все было явным для него[3*], до того, что, бывало, желания и помышления некоторых он высказывал им же, приводя их этим в ужас. О подвижничестве монахов-отшельников и добродетели, проявленной ими в своих кельях, знал он явно, и длину дороги до церкви знал он до пяди[4*], хвалил терпеливых и ублажал их.

Читатель, не пытайся дознаться, как это могло быть! Но уразумей, какую пользу извлекал он из этого; ибо делал он это не напрасно, и не для того, чтобы укорять кого-либо за постыдные дела, ни для того, чтобы порицать, – да минует нас это! – но благодаря этому совершил он великие и весьма важные дела, и стало это причиной многих благ: во-первых, никто – ни великий, ни

[1*] Пс. 73,15.
[2*] Лк. 19,1.
[3*] Мк. 4, 22.
[4*] Пс. 38,6.

малый, – не смел и помышлять о кознях и измене, не то чтобы сказать об этом кому-либо, даже супруге, разделяющей с ним ложе, либо другу своему, либо детям своим[1*]; ибо это твердо знал всякий: любое слово, как только срывалось оно с уст, непременно тотчас же становилось известным царю; и многие были обличены и наказаны из-за подобных [слов]. Поэтому в его дни никто не устраивал заговоров против него, и никто не помышлял об измене, но все его остерегались и боялись.

И еще: для всех архипастырей, священников, дьяконов, монахов и всех людей это его свойство стало законом и путем ко всяким добродетелям. Боясь его, не смели они ходить неправедными путями, ибо знали, что ничто не может быть сокрыто пред ним; знали, как хвалит он добродетель и как порицает нечестивые и неправедные дела. Никто – ни сельский житель, ни горожанин, ни воин, ни обладатель какого-либо звания, либо должности – не смел идти неправедным путем; и для всех был правопорядок, для всех – законность, для всех – честность; даже блудницы остерегались, и был у всех страх, направляющий их по божеским и мирным путям.

Благодаря этому великие дела, посильные лишь Богу, совершал он так легко, как никто другой не смог бы [совершить] даже легкие. Поэтому великий страх и трепет перед ним распространились до краев земли, и содрогались все жители земные.

Собрался однажды перед царем злокозненный народ – епископы всезлостных армян и многие настоятели их монастырей, которые самоуверенно считали, что они достигли вершин всякой учености и познания. Доложив царю, [они попросили], чтобы по его приказу был созван собор для прений и изыскания [вопросов] веры. При этом [говорили они], если они будут побеждены, станут единоверцами и проклянут свою веру, если же победят, [говорили они], то пусть им будет оказана лишь такая милость: «Впредь не будете считать нас еретиками и проклинать» – и более ничего другого, кроме этого.

Тогда призвал царь Иоанна, католикоса Картли, и подвластных ему епископов, пустынников, Арсения Икалтойского – переводчика, знатока греческого и грузинского языков и просветителя всех церквей, а также других ученых и мудрых мужей. Спорили они между собой с рассвета до девяти часов и не смогли закончить прений, так как с обеих сторон были лишь стремление добиться победы и тщесловие; ибо, забираясь в непроходимые дебри в споре, не находили они выхода. Это надоело царю и он сказал им: «Вы, отцы, как философы, погружаетесь в некие глубины и непознаваемые видения; мы же, будучи неучеными и полностью мирянами, ничего не можем понять. Вам известно, что я далек от учености и науки, как человек, воспитанный в ратных делах; поэтому буду говорить с вами неучеными, простыми и доступными словами».

Сказав это, он начал говорить с ними словами, которые несомненно сам Бог вкладывал ему в уста. Столько он [предлагал им] притч, примеров и положений с неоспоримыми и неопровержимыми объяснениями, которыми погрузил их в пучину, как египтян[2*], что заткнул им рты, заставив их безмолвствовать, и лишил их речи, как некогда поступил с подобными же еретиками великий Василий[155] в Афинах. Он так устрашил их, лишив всякой возможности защищаться, что они, при-

---

[1*] Мих. 7,5.

[2*] Исх. 14,28.

знав себя явно побежденными, сказали лишь: «Мы думали, что ты – ученик этих своих учителей; однако, как мы видим, ты воистину сам учитель учителей, до пяты которого не достать этим вашим лжеучителям». Так, весьма сетуя на себя, посрамленные вернулись они к себе, никогда больше не осмеливаясь на что-либо подобное.

Но есть люди, все еще обвиняющие царя из-за столь упорного ведения войн, непрестанного передвижения войск и из-за испытываемих ими тягот. Они говорят: «И тетива лука не может быть вечно натянутой, и струна музыкального инструмента – вечно настроенной, ибо в нужное время каждая окажется негодной». И подобное говорят о нем, безупречном и невинном!

Но пусть послушают подобные люди сначала это: вследствие вышеупомянутых бедствий царство Абхазии досталось ему уменьшенным и умаленным. [Был у него] небольшой отряд воинов, да и тот небоеспособный, так как, струсив, они много раз бежали от врагов; не было у них ни коней, ни оружия; они совсем не умели воевать против турок и были весьма робкими. Если бы он подобными постоянными походами и частыми боями, наставлениями, разумным и искусным предводительством, достижением многих побед не научил своих воинов быть смелыми в бою, хваля и одаривая отважных, одевая женское платье на трусов и порицая их с упреками, пока не достиг того, что среди его войск не осталось никого, кого можно было бы назвать трусом, – разве смог бы он одержать столько побед, или покорить столько всяких царств? [Разве можно было совершить все это], предаваясь сну или пируя на злачных пажитях[1*], нежась и занимаясь делами, лишающими человека мужественности? Нет же, нет! Ведь и сам Александр не поступал так! Ибо, собрав сначала людей своей земли, покорил с ними западные [страны]: Европу, Италию, Рим и Африку. Затем, с их помощью, покорил Египет, войдя через Карфаген, и из Египта – Палестину и Финикию. И, овладев Киликией, он стал воевать с Дарием. А когда присоединил к своим владениям Персию, лишь тогда схватился с Пирром Индийским. И так со всеми ними обошел он весь мир и свершил то, что свершил. Иначе, с одним лишь грузинским войском и сам Александр не смог бы сделать ничего хорошего. Если бы Давид был царем персов, или имел войска греков и римлян, либо других великих царств, то тогда видели бы вы свершенные им дела и дела других хваленых [полководцев]!

Скажу и другую причину подобного поведения: род грузин по своей природе неверен своим повелителям. Как возвеличатся, утучнеют[2*], добьются почета и покоя, то начинают умышлять зло, как повествует старая летопись Картли и [показывают] дела, которые видны ныне. [Все] это он, мудрейший из людей, знал воистину прекрасно; поэтому он никогда не давал им свободного времени, чтобы замышлять зло, ни покоя, ни возможности собираться вместе, чтобы совершить нечто подобное. Сам же начатые им дела завершил высочайшим образом и прекрасно. Неужели подобные [люди] будут обвинять льва в том, что он не озирается по сторонам, как мартышка, и не трепещет, как куница! Предъявляют еще и другое обвинение, говоря так: «Возлюбив кого, возвеличивает; возненавидев кого, умаляет; одного возвышает, а другого унижает»[3*]. Вот неспра-

---

[1*] Пс. 22,2.

[2*] Втор. 32,15.

[3*] Пс. 74, 8; Дан. 5,19.

ведливость, вот неразумение! Потому ли его обвиняешь, что созданный из праха человек уподобился Богу какими бы то ни было делами? Виданное ли это дело, человече? Глупец, почему же не обвиняешь самого Бога, действующего таким же образом? Разве не он дал десять талантов тому, кто, умножив пять талантов, превратил их в десять? А у того, кто один талант зарыл в землю, разве не отнял Бог его и отдал одиннадцатым сверх этих десяти?[1*]

Для чего же обещаны райские утехи и блаженства Царствия небесного исполняющим волю Божью, а муки Геенны – непокорным и недостойным?[2*] Неужели царь, возвышая верных, бдительных и доблестных, вместо неверных, трусов и недостойных, поступает несправедливо? Неужели и урод будет обвинять зеркало за то, что оно точно отображает его лицо?[3*] Пусть негодные и недостойные обвиняют не его, а самих себя!

Кто же, если не он, мог столь верно взвесить все [обстоятельства] дел, кто так знал сущность людскую, если не тот, под сенью которого собирались народы, племена и языки, цари и государи Осетии, страны кипчаков, Армении, земли франков[156], Ширвана и Персии, подобно видению Навуходоносора, сказавшего: «Я видел среди земли дерево, достигающее высотой до неба, и ветви его до краев земли, листья его прекрасны, и плодов на нем множество, и пища на нем для всех. Под ним обитали полевые звери, и в ветвях его гнездились птицы небесные, и от него питалась всякая плоть»[4*]. Вот образ – не отличающийся, но весьма соответствующий – нашего самодержца, выражающий словами все то, что мы видели своими глазами, ибо жаждущие узреть его благость, добролюбие и мудрость собирались пред ним со всех концов земли. Кто был таким благостным при встрече, любезным в разговоре и желанным в молчании? Он же [был] прекрасен лицом, еще более прекрасен телосложением; строен и могуч телом; силен мощью, еще более силен ловкостью; желателен улыбающийся, еще более желателен в печали; мил видом, страшен, как вызывающий ужас лев; мудр разумом, еще мудрее проницательностью; прост видом, многоискусен в правлении; грозен в спокойствии, достоин хвалы ученостью. И ни одну из своих добродетелей он не доводил до чрезмерности. Был он высоким с вознесшимися ввысь, смиренным – с самыми смиренными[5*]; был он мил даже для самих врагов, пристыженных его добродетелями, и был любим ими. Есть ли кто-либо, имеющий хоть одну добродатель в той мере, в какой вобрал он в себя все? Кто обладал одной из всех [добродетелей] так, как обладал он полностью каждой?

Таким образом, когда ладья, переполненная бесценным грузом добродетелей, уже не могла плыть к Гадейре[157], и когда в его царстве повсюду были мир и покой, тогда великий распорядитель нашей жизни, изменяющий все к лучшему, своим всеведающим провидением, определяющим времена и годы наши, распорядился подобно доброму работнику, который, видя налитые зерном колосья, клонящиеся к земле, спешит собрать их в свою житницу, и подобно мудрому

[1*] Мф. 25,15.
[2*] Мф. 10,28.
[3*] Иак. 1,23.
[4*] Дан. 4,7.
[5*] Пс. 17, 26.

кормчему, который, видя, что его корабль полон драгоценным грузом, спешит в гавань, чтобы не пострадать от разрушительной бури в этом мире.

И так, в зимнюю пору, когда во всем царстве были мир и покой, в месте, им самим уготованном для своего упокоения в усыпальнице, – в середине царства, а не где-то на окраине – уснул он как бы прекрасным сном со своими праотцами.

И ведь этого достаточно, чтобы дать знать об его близости к Богу, ибо много раз и по многим причинам попадал он в смертельную опасность. Расскажем о немногих из этих случаев: однажды, в Мухнари, когда он преследовал зверя, его конь упал, а он так разбился, что три дня лежал совсем без движения и без сознания; лишь дыхание давало знать, что он жив. И только спустя три дня, после того, как изрыгнул он сгусток крови, вернулись к нему сознание и речь и с трудом встал он живым. Подобное случалось с ним много раз, но Бог спасал его от смерти.

И еще: бились у некоей крепости в Картли, и царь в полдень стоял у входа в свой шатер, одетый лишь в рубаху. Кто-то из крепости выстрелил из лука, попав стрелой в малую золотую икону архангела, висевшую у него на шее, и Божья сила спасла его. Сколько раз замышляли измену его же кипчаки: подсылали к нему храбрых людей, одних – с мечами, других – с копьями, третьих – со стрелами. Было же это не раз, и не два, и не три, а много раз. Но не оставил Господь жезла нечестивых над жребием праведных[1*] и не отдал его в руки ищущих его[2*]. Хотя много раз, преследуя турок, оставался он один, без доспехов, но всегда рука Всевышнего хранила его от преследователей; и был он счастлив и удачлив и полон благодати во всех своих делах.

Подобным же образом, в прекрасное и надлежащее время, призвал Бог возлюбленного своего[3*], всегда желавшего царствовать пред ним, и не попустил ему долго судиться и страдать в чужбинном крае, не дал отягчающей плоти сковывать просветленную душу, ни беспечно забавляться, как в сновидениях и грезах, тленным венцом и порфирою; но возвел его в действительно истинное и прочное, непреходящее и вечное [царство], где сам природный Бог владычествует над обожествленными его благодатью, где он [Давид] ныне обитает, пребывая в божественном свете. Был тогда месяц январь, [число] двадцать четвертое, суббота. Хроникон был триста сорок пятый[158]; лет ему от рождения было пятьдесят три, царствовал же он тридцать шесть лет.

И, как первый Давид Соломона[4*], так и он собственноручно возвел на престол сына своего Деметре, отличающегося от него лишь именем, отпрыска, в котором он был олицетворен, во всем похожего на своих предков. Возложил он на его прекрасную голову венец из драгоценных камней[5*] – добродетелей, унаследованных от предков, и опоясал его, могучего, мечом[6*] – о, сколько успехов принес он ему! – и одел порфирою богатырский стан и львоподобные руки; и благословил его на успешную жизнь и продолжение дней[7*] в счастии, чтобы поклонялись ему

1* Пс. 124,3.
2* Иер. 22,25.
3* 1 Ин. 4,10.
4* 3 Цар. 1,34.
5* Пс. 20,4.
6* Пс. 44,4.
7* Пс. 92,5.

цари земные и все народы покорялись ему[1*], чтобы светили в его дни праведность и обилие мира[2*]. И так сменил он земное жительство на вышнее царство, пребывающие в котором свободны от трудов, пота и забот; там властвует он над богатствами, которые предпослал себе в вышнюю сокровищницу, которой не страшны воры, которая не истощается и не убывает[3*]; там он царствует в граде, красу которого не видело телесное око, блеск которого не может постичь плотское сердце, ни слух – вместить слышанное. Ибо, истинно, там – утеха, свободная от печали; богатство, за которым не следует бедность; радость, которую не пресечет горесть; царствие, которому нет конца; и там – жизнь, не омраченная смертью[4*].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сочинение анонимного историка, описывающего жизнъ и деятельность царя Давида IV (1089-1125), не имеет единого названия в дошедших до нас списках «Картлис цховреба». В некоторых («список царицы Анны» – А, новая часть «списка Чалашвили» – с) текст произведения является прямым продолжением предыдущего, без заглавия; в других списках т. н. «довахтанговской редакции» («список царицы Мариам» – М, «Мцхетский» 1697 г. – Q) оно носит название «Жизнь царя царей», без указания имени; в более поздних списках, где текст отредактирован т. н. «комиссией ученых мужей» Вахтанга VI (1675-1737), в заглавии, помимо имени Давида, имеется и указание на его происхождение от библейского Давида, а также (в некоторых) и эпитет «агмашенебели». Слово это, имея значение «строитель», применительно к царю Давиду впервые встречается в Синодике Синайского монастыря (И. Джавахишвили, Описание грузинских рукописей Синая, 1947 с. 242), написанном рукою каллиграфа Чиданисдзе (нач. XV в.). Однако «агшенеба» имеет и более широкое значение – «обустроить, улучшить, привести к благополучию», и эпитет Давида воспринимается именно в последнем значении (ср. «Давид Возобновитель» у некоторых исследователей). Разница в озаглавлении произведения объясняется тем, что оно дошло до нас в сокращенном виде: сочинение внесено в КЦ без начальной части, для того чтобы повествование после «Матиане Картлиса» («Летопись Грузии») было последовательным. Этим же объясняется, по мнению многих исследователей, и необычное начало текста: «После этого пришел Малик-шах...». Автор сочинения неизвестен; относительно его личности выдвинуты различные предположения, однако, как видно из самого текста произведения, автор, безусловно, был приближенным к царю человеком и скорее всего духовным лицом; это предположение подкрепляется данными самого текста: таковы обилие выявленных в нем библейских параллелей и знание автором других произведений отцов церкви, да и все произведение во многом напоминает хорошо известные в древнегрузинской литературе «Жития» святых. Мы предпочли для заглавия дословный перевод грузинского слова *цховреба*, означающего как «жизнь», так и «историю», «повестввование о жизни», т. е. «жизнеописание».

2 Малик-шах I – третий султан династии Сельджукидов (1072-1092).

3 Самшвилде – название исторической военно-административной области – «саэриставо» – и его центра – города-крепости в Квемо (Нижней) Картли, к юго-западу от Тбилиси. Крепость, построенная у слияния двух рек, Чивчави и Храми, контролировала подступы к Тбилиси. Баграт IV, дед Давида, подчинил ее себе в 1073 г. Георгий II пожаловал ее Ивану, сыну Липарита, из рода Багваши (см. прим. 55). Малик-шах взял Самшвилде

[1*] Пс. 71,11.

[2*] Пс. 71,7.

[3*] Мф. 6,19.

[4*] Ин. 8, 51; Рим. 6,9.

в 1074 г. В городище (около совр. Тетри Цкаро) сохранились развалины культовых и фортификационных сооружений, среди которых выделяется храм VIII в.

4 Иван (Иване), сын Липарита, представитель рода Багваши (см. примеч. 55).

5 Сомхити – южная часть Восточной Грузии, т. е. часть Квемо Картли, непосредственно граничившая с Арменией. Название издревле применялось и для обозначения Армении, а с X века только грузинские письменные источники стали так упоминать и часть Квемо Картли.

6 Саранг (перс. sarhang) – воевода, военачальник. Историком упоминается (как и в «Матиане Картлиса») без указания личного имени. Имеется в виду сельджукский эмир Сау-Тегин.

7 Парцхиси – крепость к югу от Тбилиси, на левом берегу р. Алгети. Крепость сохранилась в поврежденном виде до наших дней. Битва между войсками Георгия II и саранга Сау-Тегина произошла в 1074 г.

8 Георгий II – сын Баграта IV, отец Давида IV, правивший в 1072-1089 годах. Вследствие политического кризиса, повлекшего за собой дворцовый переворот, передал трон своему сыну.

9 Персами названы здесь турки-сельджуки. Обычно историк Давида называет их турками *(турк-и)* или туркманами.

10 Тао – историческая провинция в юго-западной Грузии, в районе среднего течения реки Чорохи, ныне в пределах Турции. Тао, где в IX-X вв. широко развернулось строительство монастырей, была, вместе с Кларджети, важнейшим культурным и книжным центром.

11 Бана – церковный и государственный центр в Тао (ныне в Турции) в долине р. Чорохи, на правом берегу р. Банисцкали (совр. Феняк-Чай), недалеко от села Феняк. Сохранились развалины построенного в VII в. храма, реконструированного в IX-X вв. Недалеко от храма находится крепость.

12 Зоравар (арм.) – воевода, полководец.

13 Григорий (Григол) – выходец из Тао, состоял на военной службе в Византии, был Великим доместиком Запада. В 1083 г. построил в Болгарии (в то время входившей в Византийскую империю) Петрицонский монастырь (ок. совр. Бачкова). Типик монастыря, написанный на греческом и грузинском языках, является значительным документом для истории Византии и Грузии (А. Шанидзе, Грузинский монастырь в Болгарии, Тб., 1971, на груз. яз.). Григорий погиб в битве с печенегами в 1086 г.

14 Олтиси – город-крепость и область в Тао (совр. Олту, в Турции), на правом берегу р. Олту-Чай. Употребление историком его названия во множ. числе *(олтис-н-и)* указывает, что имеется в виду город с прилегающими землями.

15 Карну-калаки (букв. «Карну-город») – современный Эрзерум (в Турции). Город, называемый первоначально Феодосиополем, после завоевания сельджуками был переименован в Арзан-ар-Рум (отсюда и название – Эрзерум).

16 Кари (букв. «дверь») – грузинское слово в арменизированной форме – Карс – представляет современное название города (в Турции).

17 Азнаур(и) (основа слова – из среднеперсидского, первоначальное значение – «свободный») – представитель привилегированного социального сословия, имеющий либо наследственную землю, либо получивший ее, состоя на царской службе.

18 Шавшети – историческая провинция в юго-западной Грузии (ныне в Турции), примыкающая к Кларджети, в бассейне реки Шавшетис-цкали (совр. Шавшет-Су). В Шавшети находится грузинский храм Тбети, в окончательном виде перестроенный в X в.

19 Квели, Квелисцихе – крепость на одноименной горе на Арсианском хребте (ныне в Турции). Битва между войсками Георгия II и сельджуками произошла здесь в 1080 году.

20 Меткий лучник *(магриад моисари)* – ссылка на библейский текст: пс. 77,9 древней редакции, распространенной до редакции Георгия Святогорца (Гиорги Мтацмидели, 1009-1065). Библейские цитаты, парафразы, параллели, включенные в текст произведения (большей частью без указания на источник), являются, в соответствии с канонами христианской литературы (см. Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, М., 1979), компонентами художественной системы автора. Определение подобного материала в тексте, часто искаженного или вовсе пропущенного не понимавшими библейские аллюзии поздними переписчиками, необходимо как для исправления и критического установления текста, так и для понимания специфики стиля произведения. Следует учитывать, что в настоящем переводе ссылки на библейские источники сделаны в

соответствии с древнегрузинским текстом, а поэтому в ряде случаев отличаются от соответствующих мест привычного для русскоязычного читателя современного перевода. Так, пс. 77,9 читается в последнем так: «стреляющие из луков». «Меткий лучник» встречается и в других грузинских произведениях, обозначая доблестного воина (не обязательно лучника).

21 Красовуля *(карасеули)* является нашей конъектурой. Встречающееся вместо него в издании под ред. С. Каухчишвили *багратеулни* («принадлежавшие Баграту») нам представляется нелогичным при перечислении трофеев, тем более, что встречается оно лишь в некоторых списках (AC), в других оно либо совсем пропущено (Q), либо дано в лишенной смысла искаженной форме (Mm.).

22 Аджара – историческая провинция на крайнем западе Грузии, на территории между Арсианским, Шавшетским и Аджарским хребтами. Часть историчесой провинции – ныне в Турции.

23 Грецией *(Сабердзнети)* грузинские источники называют как Грецию классической эпохи, так и Византию.

24 Нападения туркманов начались при султане Алп-Арслане (1063-72), но после поражения Византии и опустошения Армении набеги сельджуков стали особенно разорительными. «Великое нашествие турок» («Великая Туретчина») началось в 1080 г. Сообщение историка о том, что «в один и тот же день» были сожжены Кутатиси (совр. Кутаиси) и Артануджи, свидетельствует о масштабах бедствия. Кочевые племена, опустошая плодородные земли страны с развитым сельским хозяйством и превращая их в пастбища, разрушали основы ее экономической жизни. Перечисленные здесь историком регионы охватывают огромную территорию, в основном на западе и юго-западе современной Грузии, а также в исторических грузинских провинциях (ныне в пределах Турции).

25 Асиспори – часть Тао, в бассейне среднего течения р. Чорохи, между Кларджети и Спери (ныне – Ерсис, в Турции).

26 Кларджети – историческая провинция на территории бассейна нижнего течения р. Чорохи с Арсианского хребта до Черного моря. Название – от одноименной деревни недалеко от Артануджи. Вместе с Тао Кларджети была значительным культурным центром. На территории Кларджети находились монастыри Опиза, Хандзта, Долискана, Шатберди.

27 Самцхе – исторический регион в юго-западной Грузии; это – приблизительно территория нынешних районов Ахалцихе, Аспиндзы, Адигени и смежная с ними турецкая территория.

28 Аргвети – историческая провинция в Западной Грузии. По сведениям Леонтия Мровели, она простиралась к западу от Лихского хребта до р. Риони и от гор Рачи к югу до Персатских гор. Аргвети была вотчиной рода Багваши, которую после смерти Рати (см. прим. 55) Давид пожертвовал Гелатскому монастырю. В с. Кацхи находилась церковь, построенная в начале XI века (обновленная в XIX в.) как родовая усыпальница.

29 Самокалако – термин, обозначающий прилегавшую к феодальному городу территорию. У историка Давида Самокалако – земли вокруг г. Кутатиси (совр. Кутаиси), бывшего со времени коронования Баграта III (978) столицей Грузии до освобождения Тбилиси Давидом в 1122 г.

30 Чкондиди – город и регион в Западной Грузии, на территории исторического Эгриси. Город впоследствии носил название «Мартвили» по епископальному собору, построенному на имя всех мучеников (груз. *мартвили*). Епархия сохранила прежнее имя, поэтому епископы назывались Чкондидели.

31 Артануджи – город-крепость, расположенный на левом берегу реки Артаанис-цкали (совр. Ардануч-Су); название – картвельское (лазское Артааниш-уджи «угол Артаани»). Крепость стоит на вершине неприступной скалы в древней части Ардануча (центр округа Илдже, в Турции). В X в. был центром Кларджети. Бывший во владении кларджетских Багратиони, в 1010 перешел в руки прапрадеда Давида IV – Баграта III.

32 Хроникон (греч.) – название календарного года по системе, основанной на 532-летнем цикле *(мокцева)*, в котором 28 (число лет солнечного цикла) умножается на 19 (число лет лунного цикла). Одинаковое соотношение дней недели, месяцев и лет повторяется через каждые 532 года. Система эта применялась в грузинских письменных источниках в основном для обозначения XIII (начинавшегося в 781 г. по современному летосчислению) и XIV (нач. в 1313 г.) циклов. В «Жизни» Давида хрониконы указаны неодинаково, во всех ранних, «довахтанговских» списках указаны лишь даты Великого нашествия турок (780+300=1080 г.), воцарения Давида (1089 г.) и его смерти (1125 г.), остальные указаны лишь в некоторых из них и не всегда в одинаковых местах. Есть основания предполагать, что все даты внесены в авторский текст позднее, хотя их точность сама по себе не вызывает сомнений.

[33] Дидебул(и) (буквально «великий, величественный») – принадлежащий к верхушке знати феодал, имеющий жалуемую царем государственную должность и земельные владения с иммунитетным правом.

[34] Поездку в Исфахан (груз. Аспани) Георгий II предпринял в 1080-1081 гг.

[35] Кахети и Эрети – северо-восточные регионы Грузии, которые при хорепископе Квирике III (1010-1037) стали составными частями Кахетского царства. Цари из династии Квирикидов носили титул «царь кахов и ранов (эров)». Столицей царства был Телави, где доныне сохранились остатки дворца.

[36] Вежини – крепость, построенная в X-XI вв. в Кахети, перестраивалась неоднократно. Сохранилась до наших дней (с. Вежини, около Гурджаани).

[37] Аджамети – местность около Кутаиси, ныне село в Зестафонском районе.

[38] Суджети – регион в среднем течении р. Иори, названный по имени населявших его племен.

[39] Кухети – исторический регион в Восточной Грузии, по левобережью рек Арагви и Мтквари от Жинвани до Гареджской пустыни с центром в г. Рустави. У историка Давида топоним использован скорее как название географического региона.

[40] Иори – река в Восточной Грузии, соединялась с р. Алазани (ныне впадает в Мингечаурское водохранилище в Азербайджане).

[41] Лихский (Сурамский) хребет, разделяющий территорию Грузии на два крупных географических региона – Восточную и Западную Грузию.

[42] Абхазия (груз. *Апхазети*) – название, образованное с помощью топосуффикса -ет-, в древнегрузинских письменных источниках обычно обозначает Западную Грузию.

[43] Ахсартан I, сын Гагика, царь Кахети (1058-1084).

[44] Тмогви – крепость на юге Грузии, на левом берегу Мтквари (Куры). Сохранилась до наших дней в поврежденном виде (в одноменном селе, ок. Аспиндзы, в Джавахети). Землетрясение, повредившее крепость, произошло в 1088-1089 гг.

[45] Кахабер, сын Ниании, – из феодального рода Квабулисдзе.

[46] Этот год указан во всех ранних списках: «хроникон 309».

[47] Триалети – регион на юге Грузии, в Нижней Картли. На его территории в I пол. IX в. было создано эриставство Клде-Кари. Построенная Липаритом Багваши (см. прим. 55) на горе, близ естественного прохода через скалы крепость (отсюда и название: Клде-Кари «дверь в скале») стала его центром.

[48] Липарит V Багваши, сын Иване; см. прим. 55.

[49] Цагулистави – на восточном склоне Лихского хребта (соврем. с. Цагвли). Сохранились следы крепости XI в.

[50] Начармагеви – летняя царская резиденция, находилась на месте современного Каралети (недалеко от Гори). Имеются остатки церкви феодальной эпохи. Как царская резиденция упонимается в эпитафии Давида, приписываемой Арсению Икалтойскому.

[51] Франки (груз. *прангни*) – встречающееся в грузинских источниках наименование крестоносцев-норманов.

[52] Авчала и Дигвами – местности недалеко от Тбилиси, в северном направлении, на левом берегу р. Мтквари (Куры).

[53] Квирике IV (1084-1004) – царь Кахети из династии Квирикидов.

[54] Зеда-Задени (впоследствии – Зедазени) – крепость к северу от Тбилиси. Давид взял ее в 1103 г., обеспечив себе стратегическую опору в борьбе за возврат Кахети. В «списке царицы Анны» есть указание на дату этого события (хроникон 323 = 1103 г.).

[55] Багваши – род крупных феодалов. Выходец из Западной Грузии (Аргвети), Липарит I основал в 70-х годах IX в. Клдекарское эриставство (см. прим. 47). С тех пор могущественные Багваши, в роду которых имя основателя стало традиционным, видны в истории Грузии на продолжение более двух веков. Липарит IV был фактическим правителем при малолетнем Баграте IV (дед Давида) в двадцатых годах XI в., хотя окончить жизнь ему пришлось насильственным постриженнием в монахи в 60-х годах. При Давиде его внук Липарит V, будучи, как и его предшественники, противником централизованной царской власти, также был изгнан из Грузии в 1096 г. Со смертью его сына Рати, которого историк называет «порождением ехидны», а весь род (букв. «дом») родом «причиняющих горечь» (ср. «род мятежный» в русском переводе, Иез. 2,7), Багваши уже не видны на политической арене. Земли Клдекарского эриставства стали царским доменом после 1103 г., а вотчина Кацхи (в Аргвети) была пожертвована Давидом Гелатскому монастырю после 1106 г.

56 Ахсартан II (1104) – царь Кахети из династии Квирикидов.

57 Хорепископ (греч.) – епископ, назначаемый в дальних районах; как лицо, имеющее церковную должность, упоминается в «Уложении» (см. прим. 59). В грузинской действительности значение этого титула претерпело изменение – его носили и светские лица – некоторые правители Кахети.

58 Собор был созван в 1104 г. В принятом собором «Уложении» (см. прим. 59) указано, что он состоялся вблизи двух епископств – Руиси и Урбниси (Картли, Центральная Грузия), отюда и название. Целью его было подчинение церкви государственной власти, необходимое Давиду для централизации власти, и упорядочение церковных дел. На соборе присутствовал сам Давид. Должность Чкондидел-мцигнобартухуцеса была учреждена именно после Руис-Урбнисского собора.

59 «Уложение» (*дзеглис-цера,* букв. «столпописание») – документ, принятый Руис-Урбнисским собором, дошел до нас в списках XII в. (Уложение Руис-Урбнисского собора, изд. Э. Габидзашвили, Тб., 1978, на груз. яз.). После обширного «Введения» в начале же сообщается о низложении и лишении сана недостойных служителей церкви. Далее даны постановления касательно правил назначения на церковные должности, порядка проведения церковных таинств и т. д. Автором «Уложения», по мнению многих исследователей, является Арсений Икалтойский, переводчик «Великого Номоканона».

60 Константин Великий (285-337) – римский император, покровитель христианства.

61 Аришиан – вельможа из Эрети.

62 Эрцухская битва произошла в 1104 г. Высказывались различные предположения относительно места ее проведения. В настоящее время можно считать установленным, что локализовать местность под таким названием следует на территории современного Саингило (Азербайджан). Эта битва, в которой Давид одержал победу над превосходящим по численности противником, стала решающей для воссоединения Кахети и Эрети с Грузинским царством.

63 Атабаг (от тур. «ата» – отец) – первоначально – воспитатель наследника сельджукского султана. Впоследствии титул правителя княжества (или иного вассального владения).

64 Гандза (Ганджа) – город на берегу Ганджа-Чая (совр. Азербайджан). Атабаг Гандзы был вассалом султана. Гандза, покоренная сельджуками в 1068 г., была плацдармом для нападения на Грузию.

65 Имеется в виду монастырский комплекс в Гелати, около Кутаиси, строительство которого было начато в 1106 г. Закончен он был лишь после смерти Давида, ок. 1130 г. Гелати был значительным просветительским и книжным центром. Комплекс сохранился до наших дней. Название комплекса упомянуто лишъ в одном списке (С), что может быть поздней интерполяцией. Тем не менее, идентификация монастыря (где в одной из церквей имеется фресковое изображение Давида с макетом церкви в руке) не вызывает никаких сомнений. Сам Давид был похоронен в Гелати. См. прим. 158.

66 Рустави – большой город и стратегический пункт на территории современного Рустави, к юго-востоку от Тбилиси.

67 Агарани – регион к югу от Тбилиси. Здесь находилась одноименная крепость (Агарата Цихе), носящая в позднем средневековье название «Коджорская крепость».

68 Тевдоре правил Клде-Кари и Триалети как *мосакаргаве,* т. е. как назначенный царем на должность правителя. Георгий Чкондидел-мцигнобартухуцес – один из самых верных сподвижников Давида. Георгий, как епископ Чкондидский, принимал участие в Руис-Урбнисском церковном соборе. Должности мцигнобартухуцеса (главы царской канцелярии, главного нотария) и епископа Чкондидского были объединены Давидом вскоре после Руис-Урбнисского церковного собора, что дало ему возможность контролировать дела церкви. Эту должность Георгий занимал до своей смерти в 1118 г.

69 Абулет – дидебул(и) из Кахети, из рода Абулетисдзе.

70 Самшвилде был взят в 1110 г. В списках А и С указан «хроникон 380». Местоположение Дзерна неизвестно. Этот пункт назван лишь в списке А.

71 В списках указан географический пункт Маслата, который не удается идентифицировать. Мы предполагаем, что в списках – искажение слова *мисеулита* («со своими»).

72 Рустави был взят в 1115 г. В списках СА указана дата: «хроникон 335».

73 Мухнари (дословно: «заросший дубом, дубняк») – исторический регион севернее Мцхета, между реками Арагви и Ксани. Как царский домен упоминается в «Завещании» Давида – документе, выданном Шио-Мгвимскому монастырю.

74 Шида спа (буквально: «внутреннее войско») – военный отряд, возможно, входивший в состав *мона-спа* (см. прим. 97), постоянно сопровождающий царя.

75 Хупта – совр. Хопа (в Турции)

76 Чорохи (турец. Чорах) – река, впадающая в Черное море к югу от Батуми.

77 Басиани – регион в юго-западной Грузии (ныне в Турции), в верховьях р. Аракс.

78 Эта битва произошла в 1116 г. В списках CA указан «хроникон 336».

79 Дочь Давида, Ката, была выдана замуж за Исаака, сына Алексея Комнина в 1116 г.

80 Тамар, старшая дочь Давида, была выдана замуж за Манучехра II, сына ширван-шаха Афридуна, ок. 1110-1116 гг. (Р. Метревели, Давид IV Строитель, 1990, на груз. яз.).

81 Ширван (груз. Шарвани) – государство на западном побережье Каспийского моря, к северу-востоку течения р. Мтквари. Исторически – часть Кавказской Албании. Правители Ширвана носили титул ширван-шахов. Династический брак Тамар не оправдал политических надежд Давида, который впоследствии подчинил себе Ширван. После двадцатых годов XII в., когда Ширван стал вассалом Грузии, грузинские цари, до нашествия монголов, стали носить титул ширван-шаха.

82 Асат и Шота – представители феодального рода Григолисдзе, владетели города-крепости Гиши (отсюда и родовое имя – Гишели).

83 Гиши – центр эриставства Цукети на одноименной реке (ныне Киш, в Азербайджане). Давид взял Гиши в 1117 г.

84 Деметре I (1125-1156), старший сын Давида, от первого брака.

85 Рахс – река Аракс.

86 Нахидури – локализуется в Квемо Картли, к западу от Гардабани, на правом берегу р. Храми, на месте совр. Арухло.

87 Бешкен Джакели, по «Матиане Картлиса», был эриставом Тухариси.

88 Лоре – город-крепость и исторический регион к югу от Тбилиси. Был взят в 1118 г. Список С указывет дату – «хроникон 338». Развалины основанной в XI в. крепости около Степанавана (Армения).

89 Алексей I Комнин (1081-1018) – византийский император.

90 Имеется в виду Александр Македонский (356-323 до н. э.), с которым историк несколько раз сравнивает Давида, подчеркивая при этом превосходство последнего.

91 Половцы, призванные Давидом для создания постоянного войска, у историка Давида именуются кипчаками по их самоназванию. Это же имя сохранилось за ними и в других письменных источниках, и в грузинском языке. Переселение кипчаков происходило в 1118-1119 гг.

92 Атрак, сын Шарагана, – это Отрок славянских источников.

93 Осетия – грузинское слово *ос-ет-и* (образованное с помощью топосуффикса -ет- и грузинского названия народности) обозначает территорию, заселенную осетинскими племенами севернее Дариала, узкого ущелья р. Терек, естественного прохода из южного на северный Кавказ.

94 Мтавар(и) (букв. «главный») – главарь рода или княжества.

95 Патрон (латинск.) – сюзерен.

96 Вахтанг – сын Давида от брака с Гурандухт. Далее известен лишь по «Завещанию» Давида (Корпус груз. ист. документов, изд. Т. Енукидзе, В. Силогава, Н. Шошиашвили, 1984, на груз. яз.).

97 Пять тысяч воинов составляли т. н. *мона-спа* – постоянное войско, царскую личную гвардию.

98 Спасалар (перс.) – военачальник, командующий военным отрядом.

99 Кайхосро – герой поэмы Фирдоуси (ок. 935-1020) «Шах-Наме».

100 Великий Сомхити – здесь означает армянское царство. Эпитет «великий» употреблен историком, чтобы отличать его от «Сомхити» – грузинской территории, непосредственно прилегающей к Армении (Н. Бердзенишвили, Сочинения, т. I, на груз. яз.).

101 Абхазия – здесь означает Западную Грузию.

[102] Гегути – царская резиденция (около современного Кутаиси). Развалины дворца сохранились и поныне в одноименном селе, на правой стороне р. Риони.

[103] Эта битва произошла 14 февраля 1120 г. В списке А указана дата: «хроникон 340».

[104] Кабала – город на левом берегу Мтквари. Руины сохранились восточнее Чухур-Кабалы (в Азербайджане).

[105] Дербент (груз. Дарубанди; из перс. *дар* «дверь» и *банд* «запор») – город на берегу Каспийскаго моря, с X в. был центром феодального княжества. В грузинском тексте здесь: *дарубандели,* т. е. [правитель] дербентский; имя его неизвестно.

[106] Ашорния – одна из областей Армении.

[107] Бичвинта – совр. Пицунда.

[108] Мхари (дословно: «плечо») – мера длины, равная, по определенило С.-С. Орбелиани, расстоянию между вытянутыми в стороны руками – прибл. 1,85 м. (Г. Джапаридзе, Очерк по истории грузинской метрологии, 1973, на груз. яз.).

[109] Битва в Хунане произошла в марте 1121 г. Год указан в списке А: «хроникон 341». Хунан – город-крепость, центр одноименного эриставства на правом берегу Мтквари, недалеко от места слияния с ней Тауз-Чая (совр. название).

[110] Гаги (или Гагни, в форме множ. числа) – историческая провинция в Квемо Картли, центром которой являлся одноименный город-крепость в нижнем течении р. Дебеда. Крепость в позднем средневековье называлась Агджа-Кала.

[111] Бердудж – старое грузинское название реки Дзегам-Чай (в Азербайджане).

[112] Здесь в тексте – евфемистический перевод библейского текста, который встречается в древнегрузинской Библии несколько раз (ср. в русском переводе: «мочащийся к стене», I Цар. 25,34). В списках КЦ текст искажен (*клдед* «к скале», вместо непонятого поздними переписчиками *кедлад* «к стене»), либо совсем пропущен.

[113] Султан Махмуд ибн Мухаммад, правитель Иракского султанства (1117-1131).

[114] Дурбез, сын Садаки, – Дубайс ибн-Садака (1108-1135), Мазиадид, правитель Ирака.

[115] Малик – по всей вероятности, Тогрул ибн-Мухаммад, которому во время Дидгорской битвы было всего 12 лет.

[116] Иль-Гази – Наджм-ад-Дин-Иль-Гази, Артукид, правитель Багдада, владетель гг. Халаб (Алеппо) и Мардин (Дийар-Бакр), победивший крестоносцев в 1119 г. у реки Оронта на «Кровавом поле».

[117] Атабаг Гандзы – Кент-Тухди, назначенный атабагом при малолетнем Тогруле.

[118] Манглиси – местность на южном склоне Триалетского хребта, на высоте 1200 м, на левом берегу р. Алгети в исторической Квемо Картли. Бывший ранее во владении клдекарских правителей, с XI в. был в составе царского домена. В современном Манглиси сохранился собор, окончательный вид которому был придан при отце Давида Георгии II (1014-1027).

[119] Дидгори – к северо-востоку от Манглиси, на склоне одноименной горы, на высоте около 1600 м. Здесь 12 августа 1121 г. произошла Дидгорская битва. Коалиционные войска, войдя в Грузию несколькими потоками, сконцентрировались в Триалети. Об общей численности нападавших не существует единого мнения (от тридцати тысяч до шестисот тысяч), однако, численность врагов, безусловно, превосходила количество войск Давида в несколько раз. Давид вывел в бой около 40 тысяч грузин, 15 тысяч кипчаков, 500 аланов (осетин) и несколько десятков франков. Заняв выгодные позиции и вынудив врагов сражаться в узких долинах и густых лесах, Давид смог преодолеть их численное превосходство. По свидетельству Ибн-ал-Асира, Тогрул, Иль-Гази и Дубайс спаслись бегством. В списке А указана дата: «хроникон 341».

[120] В древнем армянском переводе КЦ здесь вместо великомученика Георгия упоминается Христос.

[121] В одном из поздних списков здесь указан «хроникон 341».

[122] Аристовул (375-285 гг. до н. э.) – современник и историк Александра Македонского.

[123] Иосиф Флавий (370 – год смерти неизвестен) – еврейский историк, автор «Иудейской войны» и «Иудейских древностей».

[124] Агамемнон, Приам, Ахилл, Гектор, Одиссей, Орест – персонажи поэм Гомера.

[125] Веспасиан, Тит Флавий, – римский император (69-79 гг. н. э.). Тит – его сын, император (79-81 гг. н. э.).

[126] Тбилиси был взят Давидом в 1122 г. В списке А указан «хроникон 342». Тбилиси был центром эмирата, однако, ко времени его взятия сильно сократились как его территория, так и политическая власть. Тем не менее,

как указывает далее историк, город «еще не был под игом повиновения и был полон кровью христиан». После взятия города столица была перенесена в Тбилиси.

127 Султан Махмуд (1117-1131) напал на ширван-шаха (имя его неизвестно), взяв столицу Ширвана – Шамаху. Давид направился в Ширван в мае 1123 г.

128 Атабаг Рана Ак-Сонкор-ал-Ахмадили. Ран (Арран) – политическое объединение на части территории бывшей Кавказской Албании, на низине междуречья Мтквари (Куры) и Аракса (ныне Мильская степь в Азербайджане). Включал города: Гандза, Бардав, Баилакан. В XI в. был во власти Шаддадидов.

129 Гулистан – крепость на левом берегу р. Ак-Су, к северо-западу от Шемахи (ныне – селение в Азербайджане). Второй поход в Ширван Давид совершил в июне 1123 г.

130 Дманиси – город-крепость в Квемо Картли, к юго-западу от Тбилиси, у слияния рек Машавери и Пинезаури. Бывший в руках сельджуков с 80-х годов XI в., был взят Давидом в марте 1123 г.

131 Шабуран – Шабран, ныне в Дагестане.

132 Курды, леки – племенные объединения на северном Кавказе.

133 Сомхити – здесь Армения.

134 Кола – область в верховьях реки Мтквари северо-восточнее Олтиси (ныне в Турции). Карнифор – регион к юго-западу от Карса, южнее р. Ахурян. Спери – регион в юго-западной Грузии, в верхнем течении р. Чорохи (нынешняя провинция Испир в Турции).

135 Бугта-Кури – пункт около Олтиси, совр. Буа-Кала в Турции (Д. Мусхелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии, 1980, на груз. яз.).

136 Божана – это селение близ оз. Табацкури было известно своими ключами. Здесь была летняя царская резиденция (Д. Бердзенишвили, Очерки по исторической географии Грузии, Земо Картли, 1985, с. 102, на груз. яз.).

137 Аниси (Ани) – с 961 г. бывший столицей Анийского армянского царства, в 60-х годах XI в. был захвачен сельджукидами. С 1118 года Аниси был во власти Абу-ль-Асвара (Буласвар груз. текста) из рода Шедадидов, по происхождению курда. Развалины города – на правом берегу р. Ахурян (Тур. Арпачай – приток Аракса), ныне в Турции. Давид взял Аниси в августе-сентябре 1124 г. В списках довахтанговского периода дата взятия Аниси не обозначена, но в одном из более поздних списков указан «хроникон 342». В этом же списке (т. н. «список Джанашвили») имеется интерполяция о посещении Давидом могилы царицы Катроники в Анисском соборе.

138 Этот поход Давида в Ширван состоялся осенью 1124 г. После этого Ширван стал вассалом Грузии, цари которой стали носить титул «ширван-шах».

139 Бедиа – епархия в Западной Грузии (в Гальском районе нынешней Абхазии). В Бедийском соборе имеется изображение ктитора, прапрадеда Давида Баграта III (975-1014), похороненного там же, с макетом собора в руках. Алаверди – епархия в Восточной Грузии, в Кахети. Центром епархии является Алавердский собор (XI в.), сохранившийся до наших дней (в 20 км. от Телави).

140 В списках – «глоток воды из Мткуари». Чтению *мткурисаган* «из Мткуари» мы предпочитаем конъектуру *мдинарисаган* («из реки»), поскольку именно последнее слово встречается в древнегрузинских письменных памятниках в подобных фразах как пример малого образца, указывающего на характер целого.

141 Птолемей II Филадельф (284-247 до н. э.), из династии Лагидов, правивших Египтом после смерти Александра Македонского и распада его империи, страстный библиофил; по преданию, при нем и под его покровительством был выполнен перевод древнееврейской Библии на греческий язык (т. н. «Перевод семидесяти толковников» – Септуагинта).

Давид был не только образованным человеком, но и сам обладал талантом писателя. Им написаны «Покаянные песнопения», свидетельствующие о глубоком знании богословской литературы и представляющие интерес при освещении некоторых сторон его биографии.

142 Мосомах (греч. Мосолламос) – искусный лучник, упоминается в сочинении «Против Апиона» Иосифа Флавия. В «Хронографе» Георгия Амартола это имя встречается в форме «Мосомахос».

143 Бахрам Джур – царь Персии из династии Сасанидов (420-438), один из героев «Книги Царей» Фирдоуси.

144 Лочини – местность около Тбилиси в районе реки Лочинис-цкали, притока р. Мтквари, берущей начало на Сагурамском хребте.

[145] Авчала – местность к северу от Тбилиси, на предгорье Сагурамского хребта (ныне в пределах Тбилиси).

[146] Антоний Великий, фивский святой (ок. 250-356), по происхождению египетский копт, основатель монашества, в течение всей своей долгой жизни проповедовавший аскетизм, проведший жизнь в египетских пустынях.

[147] Место, где речь идет о ранних прегрешениях Давида, может быть истолковано различно. Упоминание о них имеется и в завещании Давида, данном им в 1224 году Шио-Мгвимской Лавре (а также в его «Покаянных песнопениях»), однако, нигде нет каких-либо конкретных указаний. Возможно, что речь идет о событиях политического характера (низложение отца, Георгия II), не исключены и события личного характера. Ясно лишь, что противники Давида использовали этот факт против него, если даже такой приверженец царя, как его историк, вынужден упоминать об этом.

[148] Имеется в виду Ивирон – грузинский монастырь, построенный в 80-х годах XI в. на горе Афон (Мтацмида – Святая гора). Одним из главных ктиторов был Торнике (в монашестве Иоанн), полководец, пожертвовавший всю добычу, доставшуюся ему после победы над восставшим Вардой Склиром, на строительство монастыря.

[149] Речь идет о Петрицонском монастыре (см. прим. 13)

[150] Известен монастырь Жалии (Галии) на Кипре (совр. Иаила).

[151] Перечисленные историком регионы на Ближнем Востоке – Палестина, Сирия (груз. *асур-ет-и*), Черная Гора – были местами активной монастырской деятельности грузин, что подтверждается историческими сведениями, эпиграфическими материалами и рукописями. В монастыре Саввы Освященного грузины появились очень рано: там был переписан (и пожертвован Синаю) Синайский Многоглав 864 г. Грузины были в монастыре св. Харитона (Палавра) и во многих других; были и женские монастыри. В Сирии, в особенности на Черной Горе (в окрестностях Антиохии), грузины были в монастыре св. Симеона, в Калипосе, Кастане и других местах.

[152] На Синае, в монастыре св. Екатерины, деятельность грузин особенно видна в IX-XI вв. В монастыре и его окрестностях было несколько грузинских церквей. Синайская коллекция грузинских рукописей весьма ценна по своей древности; она пополнилась после новых находок в монастыре в 1975 г. Сведения историка, сообщающего о том, что Давид заботился о Синайском монастыре, подтверждаются собственноручной припиской Давида на одной из рукописей, сообщающей, что книга была им «послана на святую гору Синай» (В. Силогава, Автографы царей-Багратионов, Тб., 2002, на груз. яз.). На одной из икон в монастыре имеется изображение царя. Имя и титулатура царя в надписи доказывают, что на иконе изображен Давид (Д. Клдиашвили, Икона св. Георгия Синайского монастыря с портретным изображением Давида Строителя. Мравалтави (Многоглав), XV, 1989, на груз. яз.).

[153] Драхкан – первоначально персидская золотая монета (этимологически: [монета] Дария), дарик, затем – золотая монета вообще.

[154] Мосакаргаве – лицо, управляющее *сакаргав*-ом, т. е. данным ему (монастырским) земельным владением «в держание» (А. Шанидзе, Грузинскии монастырь в Болгарии, 1971. с. 387, на груз. яз.).

[155] Василий Великий, епископ Кесарийский (329-378), богослов, писатель, боровшийся против арианской ереси.

[156] В грузинском тексте: *прангетисани* (ср. прим. 50). Есть предположение, что здесь возможно чтение: *врангетисани,* т. е. [земля] варангов (варягов) – русских племен, обитавших на Северном Кавказе (Р. Метревели, Давид IV Строитель, 1990, с. 280, на груз. яз.).

[157] Гадейра – греческое название Кадиса. По представлению автора, заимствовавшего этот образ из греческих христианских источников, этот географический пункт являлся концом земли, конечным её пунктом. Слово встречается в древнегрузинской литературе XI-XII вв.

[158] Этот хроникон указан во всех списках довахтанговского периода («хроникон 345», т. е. 1125 г.). Похоронен Давид в Гелати, в воротах монастырского комплекса. Входящие в монастырь наступали на могилу, как, по преданию, пожелал сам Давид. Мраморная могильная плита сохранилась до наших дней. На ней высечены слова: «Это упокоение мое вечное и здесь вселюсь» (пс. 131, 14). Ныне вход через другие ворота. По некоторым сведениям, прах Давида в целях безопасности был когда-то перенесен в другое место.

Жизнь царя царей Давида. Картлис Цховреба, мцхетский список (1697 г.), Национальный Центр Рукописей, Тбилиси, Q-1219, 98г.

ЛЕТОПИСЬ ВРЕМЕН ЛАША ГЕОРГИЯ

Жизнь царя Деметре

Завершив земной ход своего царствования в хроникон 345[1], Давид воцарился в мире ином на веки вечные. Еще при жизни короновал сына Деметре[2], собственноручно возложив на него царский венец.

Утвердился Деметре на царском престоле силою львиной, достойной описания и восхваления мудрецами. Как говорил царь Соломон, «мирные времена – достоинство царей»[3].

Был богобоязнен, удачлив и победоносен, смиренный в величии и богатстве, нищим защитник, милостивый к вдовам и сиротам, творил добро церквам и храмам, священникам и монахам, жертвовал им села и деревни. С дидебулами[4] и придворными был учтивым собеседником и щедрым дарителем. А как он расширил границы своего царства и возродил его! До того времени, когда великий Давид взял Тбилиси[5], присоединил Эрети[6] и Кахети, население обитало только в крепостях и городах. Давид же возродил жизнь в Эрети, Сомхити[7], Таширi[8], Джавахети, Нижней и Верхней Артани[9], а также в приграничных краях Тао[10].

Великий Давид послал сына своего, царевича Деметре, в Ширван[11] и он (царевич) непосредственно участвовал в битвах и сражениях. Очевидцы дивились, видя как он брал крепость Каладзори[12], забрав несметное количество пленных и сокровища, обратив в бегство персов со своими споспешниками[13]. И был хроникон 350. Все главари персидского войска были истреблены, казна заполнена, а войска вознаграждены.

Деметре был милосерден к преданным и справедлив к заблудшим, ибо не соразмерен грех священника и воина, мирянина и первосвященника; «тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много»[14] . Добродетельный подобно роду Давида[15] – древу, Богом посаженному и помазанному. Прожив жизнь достойную, достиг глубокой старости. Был благословлен и постригся в монахи. Прожил год и скончался.

Возвели на престол сына его Давида[16]. Царствовал (Давид) шесть месяцев и скончался. Затем воссел на трон сын его Георгий в хроникон 375[17].

В тот же год скончались царь Деметре и сестра его Тамар, которая построила церковь в Тигва и постриглась в монахини. А его другая сестра, царевна Ката, была выдана замуж в Греции[18].

У этого Давида остался сын, племянник Георгия. Когда Орбели отложились от царя Георгия, они забрали с собой Деметре и вместе с ним засели в крепости Лоре[19], откуда Орбели были

выманены царем, схвачены и умерщвлены. Деметре же посадили в крепость Клде-Кари, затем выжгли ему глаза, после чего он умер и был похоронен в Мцхета.

Царь Деметре скончался в крепости Белта, его прах отвезли в Гелати[20], им же освященный новый монастырь. И было это в хроникон 374. Деметре обезглавил Иванэ Абулетисдзе[21] в Чхерес Мере на двадцатом году своего царствования. И погребли [Иванэ] согласно клятве, данной ему, в Метехи[22].

Жизнь царя Георгия

Воссел на престол царь Георгий, превосходящий всех царей, могущественный, победитель врагов и недоброжелателей. Он был благодетелем для церквей, епископов, пустынников и священников, милосердный к вдовам, щедро одаривал преданных, не терпел прегрешений ни больших, ни малых. Персидские султаны из близких и дальних мест несли ему дары и платили дань, а границы царства были надежно защищены.

Взял Аниси, находящийся у турок, в хроникон 380. Пленил Салдуха[23], истребил все его войско, заставив принести ему несметные дары и сокровища. И наполнилось ими все его царство и войска были вознаграждены сполна.

Султанов Гандзы и Хлата не опасался, а (султанов) Шама, Джазиры и Салдуха, сына Ардоха, обратил в бегство, настиг их и истребил. Пришел Элдигуз[24] с большим персидским войском, опустошил Шавшети и Кларджети, но (Георгий) уничтожил все войско Гавали так, что некому было поведать о случившемся.

Когда Орбели отложились, был хроникон 397. Абхазия, Сванети и вся Самокалако пребывали в спокойствии. И сколько бы тысяч воинов ни просили у осетин и кипчаков[25], они (безропотно) приводили их; то же самое можно сказать и о доме Ширвана.

И дал Бог ребенка венценосной его жене Бурдухан, подобно ветхозаветной Анне Самуила[26]. Восторжествовала тогда правда и наступил долговечный мир. Царствовал он 28 лет и умер в Кахети, в Стагири, 27 марта, во вторник, на Страстной неделе. И погребли его из-за трудных времен в Мцхета, и в том же году перенесли прах его в Гелати.

Жизнь великой царицы цариц Тамар

И стала она, царица цариц, счастливой, богобоязненной, богоугодной и прекрасной, ибо основа всякой добродетели есть богобоязненность и покорность, любила церковь и монашество, была справедлива к истцам и милостива к нищим.

Восстановила разрушенные церкви на Святой горе в Греции[27], в Иерусалиме[28] и на Черной Горе[29], некоторые освободила от выплаты дани иноземцам.

Собственноручно пряла и давала шить, делая пожертвования Богу и для святого богослужения, посылая церквам как туда[30], так и здесь, на Востоке, служа Богу во имя спасения души.

Любила молиться неустанно, подобно монахине, молящейся перед сном и читающей псалом.

На визирей и войско не повышала голоса, достойные были обласканы с родительской любовью, и никто из слуг ее царства не был казнен, кроме Гузана Таоскарели[31], перешедшего в Персию. Ему выжгли глаза. Его схватил Захария Аспанисдзе и передал Дарбази[32].

За время ее царствования был обращен в бегство султан, взяты города и крепости; (когда) вынудили бежать атабага Гандзы, был хроникон 408. Царство наполнилось пленными и добычей. В девятый год ее царствования мандатуртухуцес[33] и спасалар[34] Захария Мхаргрдзели и брат его атабаг Иванэ в хроникон 413 взяли Двин.

Ими же были взяты Гелакуни, Биджниси, Амберди и Баргушати, все земли выше города Ани и до моста Хуафрида. И не было никого, кто бы с такой верой и правдой служил царице.

Из Дамаска и Алеппо пришел Рукн-ад-Дин[35] со своим войском, чтобы завоевать ее царство. Встретили их в Басиани, обратили в бегство, убивали и истребляли. Пригнали султанов, взяли в плен эмиров Эрзинки, Шама[36] и Биврити, захватив с собой сундуки, полные драгоценностей, золота и жемчуга, многочисленные шатры со знаменами султанства, золотую и серебряную утварь в большом количестве. Верблюдами, мулами и лошадьми были полны долины и поля. И был хроникон 435.

Затем взяли Кари[37], крепости Карнифори и Removed Вананда и крепости вдоль реки Рахс[38]; а до того были взяты Хахули, Ошки и Бана.

Ко всем этим божьим милостям прибавлялась и богобоязнь. Никто не смел разрушать церквей и монастырей. Никто не грабил караваны. На востоке и западе (Грузии), в древнем Абхазском царстве царило спокойствие, где даже кур не убивали: не было ни воров, ни злоумышленников, а нашедший ворованное приносил его в царский двор и оставлял под знаменами. Никто не смел воровать – ни осетины, ни мтиулы (горцы), ни кипчаки, ни сваны. И было царство это столь богато, что и азнауры и их вассалы носили одинаковую одежду.

Давид, супруг Тамар, был царем осетин, из рода Багратионов, витязь и лев, соучастник всех ее побед и деяний, отважный и искусный воин, заслуживающий хвалебного слова.

Разрушили персидские города, уничтожили Маранду и Иранскую страну[39] и дошли до таких дальних мест, где и не слышали о Грузии.

Было у них двое детей: Георгий и Русудан. Когда родился Георгий, он (Давид) в честь этого события собрал войско и взял Кари. И были счастливы царица Тамар и Давид.

Дочь царя Георгия и сестра Тамар – царевна Русудан была богоугодной и милосердной, утешала и призревала нуждающихся, была воспитательницей младенцев и сирот, достойные из коих оставались при ней с царскими детьми. Ее рукоделия посылались в церкви.

Султанов соседних стран (Тамар) сделала своими данниками. Царство при ней пребывало в мире и согласии, и все ею были обласканы. Царствовала (Тамар) 23 года и вознеслась к Богу, где пребывают пророки, патриархи и цари, 12 января, в среду, в Агаре, Сомхити, в хроникон 427. Похоронили ее в новом монастыре Гелати.

И было горе безутешным, люди рвали на себе волосы и били по голове, рыдали и стенали, ибо достойны были того ее родительская забота и пожалование, должное понимание и утешение. Долгое время скорбило все царство. В тот же год воссел на трон сын ее Георгий. Да будет житие его благополучным и здесь, в переменчивом, и там, в вечном мире.

Жизнь царя Георгия, сына Тамар

Он родился в хроникон 413. «Страдания праведных многочисленны», – скажет Пророк и от всего злого избавит тех, кто страшится. И вновь изрек Апостол: «О, мудрость богатства и премудрости Божия! Как неисповедимы пути их! Ибо, кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?»[40].

После кончины царицы цариц Тамар все царство пребывало в безнадежной печали, однако, Бог, за сердобольность ее и благость, даровал ей подобного и ею же рожденного сына Лаша.

Отроку было от роду двенадцать лет, когда воцарился он, юноша добрый, цветок многоцветный, сильный, как лев, чистый в помыслах, одинаково любивший всех – и больших, и малых. Почтительный с мтаварами[41], монахами и священниками, скромный и доброжелательный по природе, царь семи царств[42], не поднявший ни разу руки на слуг своих, лучник превосходный, отважный и храбрый наездник, который лично участвовал в сражениях, подобно своему прапрадеду Давиду, победоносно завершал войны будучи еще совсем юным. Счастье сопутствовало ему в сражениях, и благоденствовала страна победами. Он же, защитник нуждающихся, посредник и судья, опережал деяними своими время и возраст.

И царство его пребывало в мире и великом спокойствии. И со времен его родителей были управителями и советниками всех его (Лаша) дел Захария Мхаргрдзели, мандатуртухуцес и амирспасалар, и Иванэ, атабаг. В честь первородного сына своего мать его, великая царица цариц Тамар, предприняла поход на счастье сына, и взяли Кари. Затем Захария Мхаргрдзели выступил против Великой Персии, и взял Ардебиль, разгромил города-крепости, обогатив царство добычею. После этого уже Георгий разгромил и испепелил страну Хлат[43], принудил побежденного правителя Хлата просить у него покровительства. И тот поклялся в верности царскому дому. Принудил также и владетеля Карнукалаки[44] к верности своему (царскому) дому. Остановились в Басиани, там же отдохнули и повеселились все вместе. Шалва Торели личной отвагой взял Кечроли, одержав победу в славной битве, потому как этому молодцу и воину в бою не было равных.

Царь (Георгий) взял Ороти и все подвластные ему области и крепости до Нахчевана и ворот Гандзы, затем взял Шамхор.

Пришедшим неким чужестранцам в Сомхити и Эрети был нанесен небольшой урон. А отступающих царь настиг у Балисцкали, где получил первое ранение. Затем, с божьей помощью и милостью, царь Георгий обратил врага в бегство и истребил.

На следующий год (враги) вновь стали у рубежей Бардава[45]. (Тогда) собралось все царство, присоединились войска Карнукалаки, стали между Ломтагора и Агара, и, не успев напасть, обратили (врагов) в бегство. Они скрылись, пройдя через Дарубанди.

Воздадим хвалу ему пред всеми без лжи и стеснения. Как говорит Давид, отец Божий: пусть десницы его будут как стрелы медные, да помогут и спасут.

В то время как страна благоденствовала и преуспевала, его сестру Русудан просил в жены великий султан Мелик, владетель Персии от Египта до Хлата, дабы возвести её на трон Хлата. Однако, благодаря божьему промыслу, этому не дано было осуществиться.

Затем шах Ширвана настойчиво просил ее руки. Обещали ему дать согласие. В Ширван отправили эристава Картли, а сам царь Георгий прибыл в Багаван[46], чтобы подготовить свадьбу сестры своей. Пробыл там десять дней и решил уже возвращаться, но воздал Господь за грехи наши: скончался царь Георгий в Багаване 18 января, в среду, в хроникон 442.

И была страшная боль, сердца исходили кровью вместо слез, была безысходность у оставшихся, кто рос с ним и вспоминал добрым словом, посыпали пеплом головы визири и дидебулы всего царства и сам его воспитатель – атабаг Иванэ.

Бог, великий милостью своей не оставил царство, пощадив его от погибели: по воле Божьей оставшуюся с нами Русудан[47] в том же году посадили на престол. Ежели Бог не пощадил бы нас, то и она не смогла бы пережить боль, вызванную утратой брата.

Взяли его в Гелати и погребли рядом с отцом. И не осталось венценосного наследника от жены его.

Господь всемилостивый, не покидающий богобоязненных, защити царство сие и царицу нашу, венценосную Русудан, сотвори плод ее нам в радость от рода к роду, даруй ей многие лета, а затем и царствие небесное.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хроникон (короникон) – год. Система летосчисления в древней Грузии (одна из трех) основана на 532-летнем цикле (28 лет умножается на лунный цикл – 19 лет, каждые 532 г. повторяется).
2. Деметре Багратиони, царь объединенной Грузии в 1125-1155/56 гг.
3. См. Кн. Екклесиаста 3:8
4. Дидебул(и) – знатный феодал (от груз. «дидеба» – величие). Должность, вместе с земельными владениями, жаловалась царем.
5. Давид IV Строитель (1073-1125 гг.) правил 36 лет (1089-1125 гг.). В 1122 г. взял Тбилиси и присоединил к Грузинскому царству.

[6] Эрети – западная окраина Кавказской Албании. Согласно Джуаншеру – составная часть Картлийского царства (Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, введение и примечания Г. Цулая, Тб., 1986, стр. 26). Давид IV Строитель присоединил Эрети в 1104 г.

[7] Сомхити – Квемо Картли, граничащая с Арменией. Название издревле применялось и для обозначения Армении. Здесь Армения.

[8] Ташири – Нижняя Картли.

[9] Артани – провинция и город в верхнем течении Куры, ныне г. Ардаган, находится на территории Турции.

[10] Тао – юго-западная область Грузии (ныне территория Турции).

[11] Ширван (Шарван) – ныне на территории Азербайджана; в описываемое время находился в вассальной зависимости от Грузии.

[12] Каладзори – крепость в Ширване.

[13] В грузинском тексте «сукметни» – споспешники (от персидского слова «сукат» – подчиненный, простой люд). Здесь имеются в виду потомки Сокмена Артукада, правителя Амида.

[14] См. Лука 12: 47.

[15] Грузинские цари династии Багратионов свой род возводили к библейскому царю Давиду, сыну его Соломону.

[16] Давид V – царь Грузии, правил шесть месяцев (1155-1156 гг.), оставил наследника Деметре (Демна).

[17] Георгий III (1156-1184 гг.) – сын Деметре I, внук Давида, царь объединенной Грузии.

[18] Ката – дочь Давида Строителя, была замужем за Исааком, сыном Алексея I Комнина.

[19] Лоре – крепость в Сомхити (Нижняя Картли).

[20] Гелати – собор и монастырь возле Кутаиси, в Западной Грузии. В XII в. там функционировала Академия.

[21] Абулетисдзе Иванэ был назначен Давидом Строителем правителем г. Аниси, а в 1145 был обезглавлен сыном Давида Деметре.

[22] Метехи – храм Богоматери на скалистом берегу Куры.

[23] Салдух – эмир Карина Эрзерума. Мутафрадин – Мозаффер Эдин. Царь Деметре I в 1154 г. нанес поражение у стен Аниси Салдуху и пленил его.

[24] Элдигуз – атабаг Персии.

[25] Кипчаки – половцы.

[26] См. 1 Царств. 1,20

[27] Иверский монастырь на Святой горе в Афоне. Был построен грузинами в X веке. Служил культурно-просветительным центром, где под руководством Эквтиме Атонели и Георгия Мтацминдели литературной деятельностью занимались около трехсот грузинских монахов.

[28] На Синайской горе грузинами были основаны церкви и монастыри.

[29] На Черной Горе был основан монастырь (близ г. Антиохии, в Сирии), где грузины вместе с греками и арабами под руководством Ефрема Мцире вели активную литературную деятельность.

[30] Царица Тамар посылала свои рукоделия в церкви Греции и Сирии.

[31] Гузан Таоскарели – правитель из юго-западной Грузии, который был наказан, так как дважды восставал против царицы Тамар.

[32] Дарбази – букв.: дворец, здесь – Дворцовый или Государственный совет.

[33] Мандатуртухуцес(и) – от византийского «протомандатор», соответствует министру внутренних дел и коммуникаций.

[34] Спасалар (от персидского «сипахсалар») – военачальник.

[35] Рукн ад-Дин (Нукардин) – султан Рукн ад-Дин Сулейман II (1196-1204 гг.); возглавлял войска сельджуков во время войны с грузинами на Басианском поле (1202 г), потерпел поражение.

[36] Шам – доарабское название Сирии.

[37] Кари – грузинское название города Карс.

[38] Рахс – река Аракс, приток Куры.

[39] Арран (Ран) – южная Кавказская Албания, между Курой и Араксом.

[40] См. К Римлянам 11:33-34. Согласно Ц. Курцикидзе: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!», а не «О, мудрость богатства» (См. КЦ, изд. С. Каухчишвили, т. I, Тбилиси,1959, стр. 24, на груз. яз.).

[41] Мтавары – владетельные князья.

[42] Царь семи царств – семь территориально-административных единиц тогдашней Грузии

[43] Хлат – одна из областей Армении, которой владел сын Ибрагима Аддина – Суклиана (1128-1183).

[44] Карнукалаки (Карахпола) – грузинское название Эрзерума, в верховьях р. Ефрат. Эрзерум или Арзан Румский, т. е. византийский, возник на месте древнего Феодосиополя. После Басианского сражения находился в сфере влияния Грузинского государства.

[45] Бардав – грузинское название древнего города Партав.

[46] Баку. См. С. Ашурбейли, Государство Ширваншахов (VI-XVI вв.), Баку, 1983, стр. 149; Г. Джапаридзе, Сакартвело да махлобели агмосавлетис исламури самкаро, Тбилиси, 1990, стр. 171.

[47] Царица Русудан (1222-1245) – дочь царицы цариц Тамар.

Летопись времен Лаша Георгия. Картлис Цховреба, список царицы Анны (XVII в.), Национальный Центр Рукописей, Тбилиси, Q-795, 421r.

Сумбат Давитис-дзе

ИСТОРИЯ И ПОВЕСТВОВАНИЕ О БАГРАТИОНАХ

Адам родил Сифа[1], Сиф родил Еноса, Енос родил Каинана, Каинан родил Малелеила, Малелеил родил Иареда, Иаред родил Еноха, Енох родил Мафусаила, Мафусаил родил Ламеха, Ламех родил Ноя, Ной родил Сима, Сим родил Арфаксада, Арфаксад родил Каинана, Каинан родил Салу, Сала родил Евера, Евер родил Фалека, Фалек родил Рагава, Рагав родил Серуха, Серух родил Нахора, Нахор родил Фарру, Фарра родил Авраама, Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду, Иуда родил Фареса, Фарес родил Есрома, Есром родил [Арама, Арам родил] Аминадаба, Аминадаб родил Наасона, Наасон родил Салмона, Салмон родил Бооза, Бооз родил Овида, Овид родил Иесея, Иесей родил царя Давида, царь Давид родил Соломона, Соломон родил Ровоама, Ровоам родил Авию, Авия родил Асу, Аса родил Иосафата, Иосафат родил Иорама, Иорам родил Озию, Озия родил Иоафама, Иоафам родил Ахаза, Ахаз родил Езекию, Езекия родил Манассию, Манассия родил Амона, Амон родил Иосию, Иосия родил Иоакима, Иоаким родил Иехонию, Иехония родил Салафиила, Салафиил родил Зоровавеля, Зоровавель родил Авиуду, Авиуда родил Елиакима, Елиаким родил Азора, Азор родил Садока, Садок родил Ахима, Ахим родил Елиуда, Елиуд родил Елеазара, Елеазар родил Матфана, Матфан родил Иакова, Иаков родил Иосифа, Иосифа, мужа Марии, и брата Иосифа Клеопу[2], Клеопа родил Наума, Наум родил Салу, Сала родил Ровоама, Ровоам родил Мохфара, Мохфар родил Елиакима, Елиаким родил Вениамина, Вениамин родил Рувима, Рувим родил Моисея, Моисей родил Иуду, Иуда родил Елеазара, Елеазар родил Леви, Леви родил Ерома, Ером родил Манассию, Манассия родил [Иакова, Иаков родил Михея, Михей] родил Иоакима, Иоаким родил Рувима, Рувим родил Авраама, Авраам родил Иова, Иов родил Ахава, Ахав родил Симеона, Симеон родил Исахара, Исахар родил Авию, Авия родил Гаада, Гаад родил Асора, Асор родил Исаака, Исаак родил Дана, Дан родил Соломона, а Соломон родил семерых братьев, которых даровал ему бог в бытность его в плену.

И эти семь братьев, сыновья того Соломона [отправились из страны Палестины, евреи, вышедшие из плена] прибыли в Акилисену[3] к царице Ракаэль[4] и были крещены ею. Остались они в стране Армении[5], и по сей день господствуют их потомки в Армении.

А четверо их братьев прибыли в Картли[6], и одного из них, Гуарама, избрали эриставом[7]. Он – эристав Картли и отец Багратионов, а эти грузинские Багратиони[8] являются потомками и родичами того Гуарама.

Брат же его, по имени Саак, отправился в Кахети и посредством брачного союза породнился с Нерсесом[9]. А два других брата, по имени Асам иВаразвард, отправились в Камбечани[10], убили персидского спасалара[11], овладели (областью) Камбечани и обосновались на жительство в Хорнабуджи[12], и по сей день потомки их правят там.

Но до тех времен, когда лишились царства потомки Горгасала[13], в Картли господствовали азнауры[14], а конец власти азнауров Картли пришел по причине их злых деяний[15].

В то время в Мцхета католикосом был Свимон-Петре, Мцхета редела, а Тбилиси застраивался[16], Армази приходил в упадок, а Кала возвышалась[17], персы властвовали в Картли[18], Кахети[19], Эрети[20], Сомхити[21], Сюнике[22], Васпуракане[23].

В то время католикосом в Мцхета был Самоел, и собралась вся Картли, и избрали Гуарама, из потомков Давида, пришедшего вместе с братьями Асамом и Вараздвардом, о которых выше была речь. Они, которых крестила царица Ракаэль, братья [семеро] евреи, вышедшие из плена из страны Палестины[24], прибыли из Акилисены, крещенные царицей Ракаэль. Троим из них она сменила имена – одного нарекла именем Мушел, другого Багратом, который и есть родоначальник Багратионов, третьего Абгаваром; одного ввела к себе в зятья, а двоих породнила брачным союзом с царями Армении.

А четверо братьев, как было упомянуто выше, направились в Картли и избрали Гуарама эриставом. Пожаловал ему царь греков[25] титул куропалата[26] и отправил в Мцхета. И он заложил основу церкви Джвари, которая находится в Мцхета[27]. А три брата отправились в Кахети, и Саак посредством брачного союза породнился с Бакуром, сыном Нерсеса, а Асам и Варазвард отправились в Камбечани, возмутили народ против Везана, эристава Бахрам Чубина, и убили Везана, захватив Камбечани.

Был в то время католикосом в Мцхета Самоел, и при нем жители Тбилиси начали строить церковь, половину которой строил весь народ[28], а половину – некая женщина[29].

Католикосом в Мцхета был Бартломе.

После этого Гуарама эриставом был сын его Степаноз[30], брат Деметре, и строили церковь Джвари в Мцхета[31].

И в годы его правления царь греков Ираклий[32] отправился и прибыл в Тбилиси[33] и расположился против крепости Кала. А цихистав[34] обратился к нему из крепости и сказал царю: «Ты тот, у которого борода козла, а шея – козла-вожака»[35]. Когда услышал [слова эти] царь Ираклий, разгневался на него и прочел из книги пророка Даниила слова эти: «Придет козел Запада и сокрушит рога овна восточного», и сказал царь: «Если сказанное сие относится ко мне, то за дерзость воздам я тебе вдвойне». Оставил в Тбилиси эристава Джибгу[36] для борьбы за Тбилисскую крепость, а сам отправился в Багдад[37]. И прибыл в Гардабани[38] к Варазу Гагели[39] и расположился в местности, которая именуется Хузашени[40], и крестил Ираклий Вараза Гагели и весь его народ[41]. И начал строить церковь, которая блистательнее всех церквей. Отправился в Бердуджи и расположился в центре селения[42]. И воздвиг крест каменный и заложил основание церкви святой Богородицы, и завершил ее куполом.

А этот Джибгу взял Тбилисскую крепость [Кала], пленил цихистава, наполнил ему рот драхканами[43] за то, что он произнес хвалу ту царю Ираклию, а за дерзость содрал с него кожу и послал вдогонку царю в Гардабани, к Варазу Гагели[44].

Из Гардабани царь перешел в Лал[45] и призвал мтавара[46] мецекеванцев, крестил и отправился в Багдад[47]. И завоевал Багдад[48], пленил царя Хосро[49] и заставил его выдать Древо жизни[50]. Начал строить Иерусалим[51], а патриархом посадил Модистоса. А затем вернулся сюда же[52], и прибыл на седьмой год.

А до его возвращения Тбилисская церковь [Сиони] была завершена, а церковь Джвари еще не была достроена.

Царь же Ираклий разослал проповедников в Тбилиси, Мцхета и Уджарму[53] с тем, дабы все христиане вошли в церкви, а те маги и огнепоклонники, которые не приняли крещения, были бы истреблены. А они не пожелали принять крещение и хитро перемешались с христианами[54]. Но всех их настиг меч, и потекли реки крови в церквах[55]. Очистив веру Христа, бога нашего, отправился царь Ираклий в царство свое[56].

А мтаваром в Картли был тот Степаноз Великий[57], католикосом был второй Бартломе[58].

При нем же и после него мтаваром был Адарнасе[59], сын того Степаноза, и сменились при нем три католикоса: Иован, Бабила и Табор. И после него [скончался мтавар Адарнасе и сел вместо него] Степаноз, сын его. И он закончил церковь [Джвари] и учредил собрание Креста[60], и обосновался на жительство в Тбилиси. А католикосами были Самоел и Энон. При нем произвели в стране Картли перепись и взяли в Грецию[61]. И пришло известие, что Багдад захватили агаряне[62].

После этого Степаноза эриставом был сын его – Гуарам куропалат[63].

А после него были Вараз-Бакур, сын его, антипатос, который обратил в христианство гардабанцев, затем – Нерсе и сыновья его, Пилипе, Степаноз и Адарнасе[64], и его сыновья – Гурген эристав, Ашот куропалат[65].

А Ашот куропалат властвовал в стране сей и местом его пребывания были Бардав и Тбилиси, и принадлежала ему область вокруг них.

Но тогда усилилась власть агарян и начали они притеснять Ашота куропалата, и не смог он устоять перед ними, бежал от них. И удалился, чтоб отправиться в Грецию; находились при нем мать и жена и два сына-младенца, старший – Адарнасе и [последующий] Баграт. А младшего сына, Гуарама, у него пока еще не было[66]. Сопровождали его немногие из небольшого отряда коренных жителей (и были они) с семьями и детьми. Достигли гор Джавахети, берега большого озера Паравани и, утомленные дорогой, расположились для отдыха на берегу того озера. Приняли пищу, вздремнули. И спящих настигло большое войско сарацин[67]. [Тогда] оказал Бог милость Ашоту куропалату и его малочисленному войску, и даровал победу над ними. Отправились и прибыли в Шавшетский хеви[68].

А хеви Шавшетский, за исключением нескольких селений, тогда не был заселен, ибо опустошился во времена владычества персов[69], когда Глухой из Багдада[70] сокрушил все крепости и прошел по Шавшети и Гадони. А вслед за этим повальный понос истребил (население) Шавшети, Кларджети и лишь немногие из жителей остались в некоторых местах[71]. А оставшиеся жители Шавшети с радостью и любовью отнеслись к нему, и обосновался он там. Даровал Бог ему победу и дал власть над Шавшети и Кларджети. Некоторые селения он купил, опустошенные восстановил, и умножил селения Ашот куропалат в стране той. Даровал Бог и утвердилась власть его по воле греческого царя[72].

[И этот Ашот куропалат] обнаружил в Кларджети, в лесу, одну скалу, где впервые Вахтанг Горгасал воздвиг крепость Артануджи[73]. Была она разорена Глухим из Багдада. Восстановил ее Ашот и выстроил вновь крепость, а перед крепостью, у ее подножия, построил город. Внутри крепости воздвиг церковь святых апостолов Петра и Павла, и уготовил там же усыпальницу свою, и обосновался на жительство в той крепости. Затем вновь завладел странами до врат города Бардава[74]. И много раз даровал Бог Ашоту куропалату победу и большую славу в сражениях.

Однажды отправился [Ашот], чтоб собрать войско для борьбы с сарацинами. Прибыл он в одно место [и] разослал созывателей войска, и когда его войско еще не было собрано при нем, неожиданно напали на него сарацины и обратили его в бегство. Отправился он и достиг хеви Нигали, и начал искать своих людей, чтоб умножить войско свое. И направились к нему те, которым он приказал, но они пришли, чтобы убить его. А до прибытия их к его двору, не знал Ашот об их злом замысле. [А когда они достигли его двора, лишь тогда понял, что они замышляли]. Но при нем не было его войска, кроме немногих, и не смог бы он противостоять им. Поэтому укрылся Ашот куропалат в церкви и закололи его мечом над алтарем, и обагрился алтарь его кровью, так как зарезали его как агнца на ступенях алтаря, и кровь его пролитая видна и по сей день[75].

И когда люди его, которые были в Долискана[76], узнали о том, что владыка их Ашот убит руками потомков Ороз-Мороза, отправились они из Долискана, и погнались за убийцами своего владыки, нагнали их в Чорохской обители и жестоко вырезали до единого. А мертвого Ашота куропалата взяли и предали земле в его усыпальнице, в крепости Артануджи, в церкви святых апостолов, ибо был убит Ашот в 6830 году от сотворения мира, в 46-й хроникон тринадцатого обращения, месяца января двадцать девятого[77].

И оставил он троих сыновей: старшего Адарнасе и последующего за ним Баграта, эти двое были при нем, когда он прибыл в Шавшет-Кларджети. А младший, Гуарам, родился после прибытия в Артануджи.

А после смерти Ашота, отца их, все внешние земли, которыми владели [сыновья Ашота], отобрали у них сарацины, так как они не были еще совершеннолетними[78].

Но когда достигли они совершеннолетия, вернул Бог им [все], чем владел их отец. А пока были они несовершеннолетними, росли в крепости Артануджи, и все хеви Шавшети, Кларджети и Нигали платили сарацинам дань. А по эту сторону Артануджи они отвоевали те [вотчины], которыми владел их отец, поставили Баргата куропалатом и направлял Бог владычество их[79].

А сыновей старшего брата их, сына Ашота, Адарнасе, было трое: Гурген[80], которого в дни его старости поставили куропалатом, и братья его – Ашот Кекелай[81] и Сумбат Артануджели[82], которого во время его владычества поставили антипатос-патрикиосом[83]. А сыновей Баграта куропалата было трое: Давид[84], которого после отца своего поставили куропалатом, Адарнасе[85] и Ашот[86]. А у младшего сына Ашота Гуарама сыновей (было) двое: Наср и Ашот.

Ашот же Кекелай, сын Адарнасе, скончался в хроникон 87[a], и оставил Гургена, которого затем поставили куропалатом.

---

[a] 867 год.

Скончался Ашот, сын мампала Гуарама, раньше отца своего, в хроникон 89[а], не оставив сына.

Скончался Адарнасе, сын Баргата куропалата, в хроникон 94[б] при жизни отца своего, и не осталось у него детей. Отец же его Баграт куропалат, сын Ашота куропалата, скончался в хроникон 101[в], и оставил сыновей: Давида, которого после него сделали куропалатом, и был он убит рукою Насра, сына брата отца своего Гуарама[87], еще при жизни Гуарама, в хроникон 101[г], в царствование Гуарама. Но Гуарам мампал, брат отца его, отец Насра, не был причастен к крови Давида куропалата[88]. Оставил этот убитый Давид сына малого, Адарнасе, несозревшего возрастом, а убийца Наср бежал в царственный Константинополь и пребывал там многие годы.

Затем поставили куропалатом Гургена, сына Адарнасе, сына великого куропалата Ашота.

Скончался Гуарам мампал[89], сын великого Ашота, в хроникон 102[д].

И скончался Ашот, сын куропалата Баграта, в хроникон 105[е].

И после этого вышел Наср из царства и прибыл в Абхазию. А царем абхазов[*] был тогда Баграт[90], зять Насра, и дал царь абхазов в помощь ему большое войско; оттуда перешел Наср в Самцхе[91], где еще собрал многочисленное войско. А Адарнасе, сын убитого куропалата, выступил, чтоб сразиться с ним, и на помощь Адарнасе пришли Гурген куропалат и сыновья его; дали они большой бой и сразились с Насром, помог Бог малочисленной стороне Адарнасе, и одолели Насра, обратили в бегство, схватили и убили Насра в Самцхийском хеви, в селении Аспиндза в хроникон 108[ж]. И не осталось детей у Насра, и изгладилась память о нем[92].

Адарнасе, сына Давида куропалата, поставили царем картвелов[93] [взамен] убитого Давида. И этот Адарнасе построил Бану[94] рукою Квирике Банели, который и стал первым епископом в Бане.

А мампал Сумбат Артануджели[95], сын Адарнасе, сына Ашота Великого, скончался в хроникон 109[з] и оставил двоих сыновей: Баграта мампала Артануджели [и Давида мампала].

Еще при жизни Сумбата Артануджели был убит Наср, и владения Насра захватили другие мтавары.

А Гурген куропалат[96] из своей вотчины Тао и Калмахи переселился на жительство в Шавшети и Артани[97]. А после этого стали враждовать между собой и собрали войско друг против друга, с одной стороны, Гурген куропалат и его люди, а, с другой стороны, Адарнасе, царь картвелов, и Баграт Артануджели. Прибыли они в хеви Артани, в селение Мглинави, и сразились между

[а] 869 год.

[б] 874 год.

[в] 881 год.

[г] 881 год.

[д] 882 год.

[е] 885 год.

[*] Царь абхазов – царь Западной Грузии.

[ж] 888 год.

[з] 889 год.

собой[98]. Был обращен в бегство Гурген куропалат, [ранили и захватили, и скончался] от этих ран [Гурген куропалат], сын Адарнасе, сына великого Ашота, в хроникон 111[а], и оставил он двоих сыновей: Адарнасе и [Ашота] эристава эриставов[99].

После отца своего Гургена куропалата скончался Адарнасе в хроникон 116[б] и оставил двух сыновей малых: Давида, эристава эриставов, [и] Гургена, который затем стал великим эриставом эриставов.

Скончался Баграт мампал Артануджели, сын Сумбата, в хроникон 129[в], в месяце апреле 20, в день пасхи[100], и оставил он четырех сыновей: Адарнасе, который постригся в монахи под именем Басилия[101], Гурген эристав, Ашот и Давид.

Скончался Давид эристав[102], сын Адарнасе, сына Гургена куропалата, брат великого Гургена, в хроникон 128[г], и не оставил потомства.

Ашот, эристав эриставов, сын Гургена куропалата, которому дали прозвище Кухи, выстроил Тбетскую церковь в Шавшети[103], снабдил ее всем необходимым, и по указанию святого духа поставил там первым епископом блаженного Степане. Скончался сей Ашот Кухи в хроникон 138[д], и не оставил детей[104].

А после него эриставом эриставов поставили Гургена, племянника (сына брата) его, сына Адарнасе.

Скончался Давид[105], сын Баграта Артануджели, в хроникон 142[е], и оставил сына в утробе жены своей, которого назвали Багратом.

Скончался Адарнасе, царь картвелов, сын убитого Давида, в хроникон 143[ж], и оставил четырех сыновей: Давида, который после отца своего стал царем картвелов, Ашота куропалата, Баграта магистроса и Сумбата, которого после братьев своих поставили куропалатом.

Скончался [Гурген] эристав[106], сын Баграта Артануджели, в хроникон 143[з], в том же году, что и царь картвелов Адарнасе, и оставил этот Гурген сына в утробе жены своей, которого также назвали Гургеном, именем отца его.

Скончался Давид[107], царь картвелов, сын Адарнасе, царя картвелов, в хроникон 157[и], и не было у него сына.

Скончался Ашот[108], сын Баграта Артануджели, в хроникон 159[к], в месяце июне, и не было у него сына.

[а] 891 год.
[б] 896 год.
[в] 909 год.
[г] 908 год.
[д] 918 год.
[е] 922 год.
[ж] 923 год.
[з] 923 год.
[и] 937 год.
[к] 939 год.

Скончался Гурген Великий, эристав эриставов, сын Адарнасе, который сражался больше всех своих предков, проявил мужество и подчинил все окрестные земли, в хроникон 161[а], в месяце феврале, четырнадцатого числа, и не было у него сына[109].

Скончался мампал Давид, сын Сумбата Артануджели, в монашестве, в хроникон 163[б], в месяце феврале, двадцатого числа[110], оставил сына своего Сумбата, которого поставили эриставом эриставов.

Скончался Баграт магистрос, сын Адарнасе, царя картвелов, в хроникон 165[в], в месяце марте[111], и оставил он сына своего Адарнасе, который после отца своего стал магистросом, а после братьев отца своего стал куропалатом. В тот же год смерти Баграта магистроса скончался монах Басилий Кларджи[112], сын Баграта мампала.

Скончался Ашот куропалат, сын Адарнасе, царя картвелов, в хроникон 174[г], и не было у него детей[113]. В том же году скончался Ашот, сын Сумбата, и не было у него сына.

А после куропалата Ашота поставили куропалатом брата его – Сумбата. И этот Сумбат[114] куропалат, сын Адарнасе, царя картвелов, скончался в хроникон 178[д], и оставил он двоих сыновей: Баграта [эристава эриставов] Регвени[115], которого поставили царем картвелов, и Адарнасе куропалата[116].

Скончался [Адарнасе куропалат], сын Баграта магистроса, в хроникон 181[е], которого схватили сыновья и постригли в монахи. Умер поневоле облаченный в рубище и оставил сыновей: Баграта [эристава эриставов] и Давида эристава эриставов. Скончался сей Баграт эристав эриставов[117], сын куропалата Адарнасе, в хроникон 186[ж], а брат его Давид куропалат стал великим[118].

Скончался Гурген, сын Гургена[119], сына Баграта мампала, в хроникон 188[з].

Скончался Адарнасе, сын Сумбата куропалата, брат Баграта Регвени, в хроникон 203[и] и оставил сына Давида, малолетнего.

Скончался Сумбат[120], эристав эриставов, муж справедливый, сын Давида мампала, Артануджели, в хроникон 208[к], и оставил двоих сыновей: Давида и Баграта. И после смерти его на сороковой день скончался сын его Баграт, и оставил он двоих сыновей: Сумбата и Гургена.

Скончался Сумбат, сын Баграта Регвени, царя картвелов, в хроникон 212[л], и не было у него детей.

[а] 941 год.
[б] 943 год.
[в] 945 год.
[г] 954 год.
[д] 958 год.
[е] 961 год.
[ж] 966 год.
[з] 968 год.
[и] 983 год.
[к] 988 год.
[л] 992 год.

Скончался Давид, сын Сумбата, эристава эриставов, мужа великолепного и правдивого. И скончался Баграт Регвени, царь картвелов, сын благословенного Сумбата куропалата, в хроникон 214[а], и оставил своего старшего сына Гургена, которого величали царем царей. А у этого Гургена был (сын) Баграт, сын сестры царей абхазских Деметре и Теодосия[121]. Еще до воцарения Гургена сей Баграт стал царем в Абхазии[122] и поэтому был Гурген [назван] царем царей.

Скончался Давид, великий куропалат, сын Адарнасе куропалата, в хроникон 221[б], и не было у него сына[123].

И опустошилась Имиер Тао[124]; выступил Василий, царь греков и передали ему крепости азнауры сего Давида, и захватил Василий вотчину Давида куропалата.

И явились к нему Баграт, царь абхазов, (и) отец его (Гурген), и пожаловал им царь Василий титулы – Гургену – магистроса, а Баграту – куропалата; сие он содеял из лукавства, чтоб сделать отца и сына врагами друг друга. Но Гурген был честным и справедливым, и не смог (Василий) возбудить в его сердце зависть ни этим и ни другим способом.

Скончался сей Гурген, царь царей, сын Баграта, царя картвелов, в хроникон 228[в], и оставил сына своего, царя абхазов и куропалата великого[125]; и завладел тот вотчиной своей Тао, и овладел он всем Кавказом самодержавной властью от Джикети до Гургана[126]. А Адарбадаган и Ширван сделал своими данниками, армянскими государями управлял по своей воле. Благодаря мудрости и силе своей сделал своим другом и более преданным себе царя персов, нежели домочадцев своих, а греческий царь постоянно испытывал к нему страх.

И этот Баграт куропалат привел государей кларджей, Сумбата и Гургена, сыновей Баграта Артануджели, сыновей брата отца своего, устроил им прием в крепости Панаскерти[127] и там схватил их. И завладел их землями и крепостями, так как заточил их в Тмогвскую крепость. И в этой Тмогвской крепости скончался Сумбат Артануджели в хроникон 231[г], и в этом же году скончался и Гурген, брат Сумбата, в хроникон 232[д]. А сыновья их отправились в Константинополь, сын Сумбата – Баграт и сын Гургена – Деметре, и предстали пред царем Василием, а те дети государей кларджетских, которые остались в их стране, все умерли в заточении.

Вслед за этим обошел Баграт все царство свое, Абхазию, Эрети и Кахети, прибыл и перезимовал в Тао. И когда наступило лето, прибыл в ту самую Панаскертскую крепость, на третий год[128], и там скончался сей царь Баграт в хроникон 234[129], в месяце мае, седьмого числа, в день пятницы. И оставил он сына своего Георгия, который стал царем в 18 лет.

И когда воцарился Георгий, отложилась от него страна Эрет-Кахети[130], и изменою азнауров были схвачены эриставы (царя), и завладели своими странами их первоначальные владетели.

А на седьмой год царствования сего Георгия выступил Василий, царь греков, против царя Георгия[131]. А Георгий сей выступил с большим войском, и расположились в стране Басиани обе

[а] 994 год.
[б] 1001 год.
[в] 1008 год.
[г] 1012 год.
[д] 1013 год.

стороны, не выступая друг против друга в течение многих дней; и отступил Георгий, пришел и сжег город Олтиси [и оттуда прибыл в Кола], а царь греческий последовал за ним и настиг его. И когда встретились замыкающие части Георгия и передовые части Василия, произошло большое сражение в деревне, которая называется Ширимта[132], и погибло с обеих сторон множество, и были убиты там великие эриставы: Рати, сын Липарита, и Хурси. И тогда услышал царь Георгий шум битвы, рассвирепел, выступил и прибыл к тому месту, где шел бой, туда же прибыл и царь Василий с большим войском.

Подступили они друг к другу с той и с этой стороны. Произошло большое сражение и погибло большое множество греков. Захватили воины Георгия добычу, а бой был такой тяжелый, что царь Василий думал отступить. Но воины Георгия оказались малодушными, ибо отступили и ушли. А Василий преследовал их и прибыл в Артани и сжег его; и кого обнаружил, захватил в плен. А Георгий через Ниали направился в Самцхе, и по пятам преследовал его Василий со стороны Джавахети, опустошая все. Перешел Георгий в Триалети, Василий тоже подошел к Триалети. И когда они встретились, Георгий вновь усилил свое войско, ибо привел цанаров и шаков[133]. Увидев сие, Василий повернул из Триалети, обошел Джавахети и Артани в зимнюю пору и вновь разорил их еще более жестоко. Отправился и зимовал в Халдии, в городе Трапезунде. И ходили послы обоих этих царей друг к другу для заключения мира и установления мирных отношений.

А в это время имела место большая смута в Греции, ибо объединились спаспет Василия и Царвез, сын отложившегося Фоки, и стал царем Ксифий, и привлекли на свою сторону все восточные страны[134]. Но бог оказал милость сильно перепуганному Василию, ибо отложился Ксифий от Царвеза, и всех его сторонников заманили в крепость, захватили и отправили к Василию. А он изгнал его на остров, а многих его сторонников обезглавил, среди которых был и Перис, сын Джоджика, грузин[135].

И опять вернулся царь Василий и прибыл в Басиани, и требовал он от царя Георгия земель и крепостей, обещая мир и спокойствие. А Георгий отправил впереди себя Звиада[136] с большим войском. И расположился Звиад с этой стороны Басиани лагерем, будто на зимовку. А сам царь Георгий выступил вслед за ним, желая мира, с большим и сильным войском. Но коварные азнауры, с обеих сторон, не позволяли Георгию заключить перемирие, ибо не желали мира, и подстрекали его к борьбе. Поощряли идти на Василия, который думал, что они прибыли для перемирия, и ожидал их. Но сторона Георгия начала бой и некоторых из войска Василия обратила в бегство. Тогда приказал Василий привесить к оконечности копья письмо, которое написал царь наш Георгий во имя союза и мира. И царь Василий на конце копья поднял то (письмо), обратился к Богу и сказал: «Взгляни, Господь, на письмо сие и дела их, которые они ныне совершают».

Затем взял царь Василий животворящее древо, обернул в святое покрывало и бросил его наземь и сказал так: «Если отдашь меня в руки врагам, не буду поклоняться тебе никогда». И как только он содеял это и сказал так, в тот же миг были побеждены и обращены в бегство войска Георгия, которые явились туда раньше; и вышли с той стороны русские отряды царя. И не спасся ни один из прибывших первыми, за исключением немногих, так как сам царь Георгий и самое сильное его войско еще не прибыли; и погибли в тот же день те из них, которые [не желали] спокойствия, и были все обращены в бегство. Множество было убито мечом, а некоторые были

обращены в бегство. И захватили греки большую добычу и все царское сокровище, которое было при нем.

И двинулся царь Василий по следу Георгия. И опять начал (вести переговоры) о перемирии и мире, как и первый раз, так как боялся он новой смуты в Греции. И установили тогда мирные отношения, и заключили мир.

[И отдал] царь Георгий в заложники своего сына Баграта, трехлетнего младенца, и передал двенадцать крепостей и земли Давида куропалата, которые принадлежали ему в Тао, Басиани, Джавахети, Шавшети. И отправился царь Василий, захватил с собой малолетнего Баграта и дал он обет Георгию вернуть Баграта по истечении трех лет.

По прошествии трех лет отправил царь Василий из града Константинополя Баграта, сына Георгия, как было обещано. И достиг Баграт Тао и вступил в вотчину свою Бану в сопровождении катабана[137] Востока до границ вотчины Баграта. Но как только повернул катабан назад, встретили его мандатуры[138] с письмом, в котором было написано так: «Скончался царь Василий[139], брат мой, и стал я царем всей Греции, и сейчас какого бы места царства ни достиг сын Георгия Баграт, верни его обратно немедля и пришли к нам».

И как только катабан прочел, немедленно повернул и погнался за Багратом, но не смог догнать, ибо он вошел в свою вотчину и усилился войском, сразиться с которым катабан не был в состоянии, повернул (катабан) обратно и ушел. О великая и удивительная милость божья! Как спасся праведный от рук вражеских, желавших захватить его в хроникон 245[а].

И прибыл Баграт к отцу своему царю Георгию и матери своей царице Мариам в город их Кутатиси[140], и так сошлись они вместе с миром и благодарили бога за оказанную им доброту. И затем, по истечении двух лет, скончался Георгий, отец сего Баграта, в Триалети, в местности, называемой Мкинвари, в хроникон 247[б] месяца августа 16, и похоронили его в Кутатиси.

И воссел царствовать после него сын его Баграт[141], девяти лет. А азнауры Тао отправились в Грецию: Ваче Каричисдзе и Иоан, епископ Баны, и вместе с ними большинство азнауров Тао; некоторые из них владели крепостями, а некоторые не владели крепостями, отложились (они) от Баграта и перешли на сторону Константина, брата царя Василия, который получил царство после него.

И на второй год выслал царь Константин паркиманоса своего с несметной силой, войском своим, многочисленным сокровищем, и силы его превосходили силы Василия. Обошел и еще более опустошил те земли, которые впервые были опустошены царем Василием, ибо прибыл в Триалети к Клдекарской крепости, где тогда были азнауры Баграта, и сразились, но не сильно. Снова отложились азнауры и передали крепости; Чанчах, эристав Шавшети, передал Цепти, а сами отправились в Грецию[142].

А Саба, епископ Тбети[143], воздвиг крепость вблизи от Тбетской церкви и назвал ее Свети (Столп?), и собрал он люд свой и вошли и укрепились в ней сам Саба, епископ Тбети, и Эзра, епископ Анчи[144], азнауры Шавшети.

[а] 1025 год.

[б] 1027 год.

И отправил туда паркиманос Иоанна хартулара, по имени Валанга[145], с многочисленным войском, и дал ему с собой сына Гургена Кларджи Деметре[146] для обмана местных жителей; так и произошло, ибо деревенский люд несведущ и неразумен, и (люд) переметнулся. И обступили войска Тбетский Свети и сразились упорно, всеми силами, и бог усилил находящихся внутри Свети милостью и с помощью святых священнослужителей. И они, как преданные и истинные мученики божьи, были готовы пожертвовать собой и жертвовали собой ради земных господ своих, и были готовы пролить кровь свою, согласно словам апостолов, и мужались. И говорили всем: «Не могут прельстить нас льстивые слова и быстро преходящие богатства, но обретем мы благо верности и венец мужества», – так как противники, обступившие их, прельщали обещаниями и посулами добра и богатства.

И в то время как Восток, охваченный волнением, испытывал невзгоды, настиг гнев молниеносно безрассудного царя Константина, наподобие неверного Юлиана, за немилость к царю нашему Баграту, за опустошение страны его, и поспешно написал он паркиманосу проедросу своему, чтобы тот немедля вернулся со своим войском и прибыл в Константинополь. Услыхав сие, отправился он. И когда скончался царь Константин, оставил после себя царство Роману[147], родственнику и стороннику своему.

После этого, на третий год, желанная царица Мариам преисполнилась смелости и мужества, ибо происходила от блистательного, сильного и великого рода царей Аршакидов[148], отправилась в Константинополь и предстала перед царем Романом с мольбой, дабы дал он Востоку мир, чтобы не было борьбы между греками и грузинами во усмирение и успокоение нищих, и чтоб сыну ее Баграту был бы оказан почет по достоинству дома его[149].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Вся эта вводная часть основана на грузинском переводе Библии. Собственные имена приведены по русскому переводу Библии.

2 В отличие от Евангелия Сумбат вводит брата мужа богородицы Марии Клеопу. Источником в данном случае является «Церковная история» Евсевия Кесарийского (Г. С. Мамулиа, К вопросу об одном источнике Сумбата, сына Давида, «Грузинское источниковедение», III, Тб., 1971, с. 115-116).

3 В оригинале – Эклеци; Эклеци встречается в сочинениях Леонтия Мровели [«Картлис цховреба» («История Грузии»), I, с. 23], Джуаншера (там же, с.160), в «Матиане Картлиса» («Летопись Картли») (там же, с. 296), в сочинении Аристакэса Ластивертци в форме «Екелеац» (Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци, Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарии и приложения К. Н. Юзбашяна, 1968, с. 142, прим. 8, с. 56, 66 и др.).

4 Царица Ракаэль в истории неизвестна (см. Н. Николозишвили, Багратиони, потомки Давида. II международный симпозиум «Христианство в нашей жизни, прошлое, настоящее, будущее», Тб., 2005, с. 54-55, на груз. яз.).

5 В грузинском тексте – «Сомхити». В «Истории...» Сумбата «Сомхити» за исключением одного случая (об этом будет сказано ниже) соответствует «Армении». В грузинских исторических источниках до XVIII века «Армения» встречается в форме «Сомхети» и «Сомхити». «Сомхити» употребляется также для обозначения пограничной с Арменией части Южной Грузии. С XVIII века постепенно утверждается «Сомхети» для обозначения «Армении», а «Сомхити» – пограничной с Арменией части Южной Грузии (см. И. Абуладзе.

Яков Цуртавели, Мученичество Шушаники, Тб., 1938, с.652-653, на груз. яз.; С. Г. Каухчишвили, «Картлис цховреба», IV, 1973, с. 1063; с. 1068, на груз. яз.).

6 «Картли» в грузинском языке имеет несколько значений. В узком смысле – это собственно Картли, этнографическая Картли, Шида (Внутренняя) Картли, историческая провинция в центре Грузии, от р. Арагви до Ташис-Кари, у входа в Боржомское ущелье. В более широком смысле «Картли» – Шида и Квемо (Нижняя) Картли – правобережная часть Куры, граничащая с Арменией, и также вся Восточная Грузия. В политическом смысле «Картли» употребляется и в значении всей Грузии. В данном случае речь идет о Шида и Квемо Картли.

7 Эристав – по своему первоначальному значению – правитель области, утверждаемый царем. Должность постепенно становится наследственной. В данном случае речь идет о полунезависимом правителе Картли. Источники по-разному трактуют факт создания указанной должности. Согласно древней грузинской хронике «Обращение Картли» высшая феодальная знать Картли избрала Гуарама эриставом. В этом источнике акцент делается на решении местных политических сил (см. «Обращение Грузии», перевод Э. С. Такаишвили, СМОМПК, вып. XXVIII, Тифлис, 1900, с. 42). Джуаншер указывает на участие в данном акте имперской власти, заявляя при этом, что вельможная знать Картли просила кесаря о восстановлении царской власти с условием сохранения за ними своих наследственных прав. Император прислал Гуарама и дал ему титул куропалата (Картлис цховреба, I, с. 217-218). В отличие от обычного «эристава» грузинские исторические источники этого правителя именуют: «эрисмтаваром», «эриставта мтаваром» – «главой эриставов» (С. Н. Джанашиа, Феодальная революция в Грузии, Труды, I, Тбилиси, 1949, с. 106-107, на груз. яз.; А. А. Богверадзе, Восстановление государственной власти в Картли, Очерки истории Грузии, II, 1988, с. 153-171). В источниках и научной литературе имеются разногласия относительно собственного имени этого полусуверенного правителя феодальной Картли. Наш источник его называет «Гуарам»//«Гурам», что, видимо, восходит к «Обращению Картли». Гурамом именует его и Джуаншер. Но византийские источники правителя Картли данного времени называют «Гургеном». Исходя из этого, ряд авторов этого правителя Картли склонны именовать «Гургеном» (по данном вопросу с указанием источников и литературы см. Г. Дундуа, Проблема так называемых грузинско-сасанидских монет и вопросы истории раннефеодальной Грузии. ж. «Мацне», 1976, № 1, на груз. яз.).

8 Сумбат эрисмтаваров Картли, потомков Гуарама // Гургена, и царей Грузии считает представителями одного дома.

9 В оригинале сказано: «даемзаха», от грузинского слова «мзахали» – «сват», «сватья». Как здесь, так и в других аналогичных случаях, когда историк пишет «даемзаха», речь идет о заключении брачного союза. В данном случае говорится о заключении брачного союза с Нерсе (см. Р. К. Кикнадзе. Об одном грузинском источнике Парсадана Горгиджанидзе, ж. «Мацне», 1971, № 2, с. 119-122, на груз. яз.).

10 Камбечани // Камбечоани – историко-географическая провинция в Восточной Грузии, между р. Алазани и р. Иори. Соответствует «Камбиссене» античных авторов, позднее – грузинское «Кизики».

11 Видимо, верховный правитель данной области, представитель иранской администрации.

12 Хорнабуджи – город и крепость в средневековой Грузии, главный город Камбечани.

13 Царь Вахтанг I Горгасал царствовал во второй половине V века.

14 Азнаур (родовитый) – 1. В Грузии V-XII веков – феодал; 2. В XIII-XVIII веках – низшее сословие класса феодалов.

15 В 523 году в Картли имело место восстание против иранской власти. Восстание потерпело поражение, царь Гурген с семьей эмигрировал в Византию. Фактически этим была упразднена царская власть в Картли. Официально этот акт был подтвержден ирано-византийским договором 532 года. Говоря о «злых деяниях» азнауров, автор, видимо, намекает на тот союз, который существовал между представителями феодальной знати и иранской власти в их борьбе против царей Картли (Э. С. Такаишвили, русский перевод «Обращения Картли», с. 41, прим. 2; С. Джанашиа, Феодальная революция в Грузии, с. 1-2; А. Богверадзе, Упразднение царской власти в Картли (см. Очерки истории Грузии, II, Тб., 1988, на груз. из.). Вопрос об упразднении царской власти в Картли является спорным (см. В. Гоиладзе, Хронология христианских царей рода Фарнавазианов, Тб., 1990, на груз. яз.; Давид Мусхелишвили, Грузия в IV-VIII вв. Тб., 2003, с. 213-233, на груз. яз.).

16 Во второй половине V века на месте большого поселения и значительного торгового пункта, где в IV веке была воздвигнута крепость, царь Вахтанг I Горгасал заложил основание города, с целью перенесения столицы Картлийского царства из Мцхета в Тбилиси. Перенесение столицы, как и следовало ожидать, вызвало перемещение определенной части населения из Мцхета в Тбилиси и стимулировало дальнейший рост населения, определив падение значения цитадели Мцхета и возвышение цитадели Тбилиси. Этот процесс и выразил историк в данной фразе. Как замечает Э. С. Такаишвили, эти сведения повторяют данные «Обращения Картли» (русский перевод «Обращения Картли», с. 42; русский перевод «Истории...» Сумбата, с. 122, прим. 4).

17 Армази – цитадель Мцхета, Кала – цитадель Тбилиси.

18 В данном случае, думаем, речь идет о собственно Картли.

19 Кахети – историческая провинция в Восточной Грузии.

20 Эрети – историческая провинция в Восточной Грузии (о Кахети и Эрети см. М. Лордкипанидзе, Возникновение новых феодальных княжеств, Очерки истории Грузии, II, Тб., 1998, с. 251-280, там же указана литература).

21 Сомхити в данном случае, видимо, не Армения, в Квемо (Нижняя) Картли. Этим объясняется то обстоятельство, что Э.Такаишвили, который во всех других случаях «Сомхити» Сумбата переводит как «Армения», в данном случае оставляет «Сомхити» (указ. перевод., с. 122).

22 В оригинале «Сивниети» – Сюник, историко-географическая провинция в Армении.

23 В оригинале «Аспораган», Васпуракан – историко-географическая провинция в Армении.

24 В оригинале – «Пилистими».

25 В оригинале «мепе бердзента». В грузинском языке «бердзени» (букв. «грек») – житель классической Греции и Византии. Так как в «Истории...» Сумбата речь идет о византийском императоре, «мепе бердзента» переводим как «царь греков», «Сабердзнети» грузинского текста (букв. «страна греков») – как «Греция».

26 Когда Сасаниды вели борьбу против царя Картли, то в союзе с ними выступали картлийские азнауры, которые желали свергнуть власть царя. На данном этапе произошло совпадение интересов иранской державы и местной феодальной знати. Но после упразднения царской власти в Картли вся власть перешла в руки Ирана, наместником которого в Картли являлся марзапан с резиденцией в Тбилиси. Картлийская знать осталась за бортом. В 70-х годах VI века картлийская знать добилась определенных успехов в борьбе с Ираном и избрала своего первого эрисмтавара Гуарама // Гургена. Видимо, во всем этом была заинтересована Византия, которая в поддержку нового правителя пожаловала ему титул куропалата. С этого времени в Грузии утверждаются византийские титулы, которые бытуют здесь вплоть до конца XI начала XII вв. (С.Н. Джанашиа, Феодальная революция в Грузии, с. 2; его же, Грузия на путях ранней феодализации. Труды I, с. 288). О значении титула куропалата в истории Грузии см. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, II, с. 108-111; C.Toumanoff, Studies..., с. 388-389; Bury, The imperial administrative system in the ninth century, London, 1911, с. 33-35; Н. Скабаланович, Византийское государство и церковь, с. 151-152). Титул куропалата впервые был пожалован эрисмтавару Картли в VI веке, но особое значение в политической жизни Грузии этот титул приобретает с IX века.

В «Истории...» Сумбата этот титул встречается в разных формах: «курапалат», «куратпалат», «куропалат» и др., но так как разночтения следует отнести в основном к ошибкам переписчиков, то в переводе мы придерживаемся общепринятой формы: «куропалат».

Источником рассказа о Мцхета и Тбилиси и избрании Гуарама, как указывалось, является «Обращение Картли».

27 Речь идет о малой церкви Джвари.

28 «Весь народ» – в оригинале сказано: «ковели эри». «Эри» в грузинском языке имеет несколько значений: 1) войско; 2) народ в широком смысле; 3) народ в смысле свободной части населения. В данном случае, возможно, имеется в виду свободное население.

29 Речь идет о строительстве Сионского храма в Тбилиси. О строительстве этого храма при католикосе Самоеле сказано и в «Обращении Картли», но там строителем второй половины названы эриставы (указанный перевод, с. 43).

30 Годы правления Степаноза вызывают разногласия исследователей. По мнению Вахушти Багратиони, Степаноз I был эрисмтаваром в 600-619 гг. («Картлис цховреба», IV, Тб., 1973, с. 121-122); Г. Н. Чубинашвили

правление Степаноза датирует 586/90-604/5 гг. (Памятники типа Джвари, с. 22-23). В связи с датировкой правления Степаноза I см. также Г. Дундуа, указ. раб., с. 98-106, где указана и литература).

31 Речь идет о строительстве храма Джвари в Мцхета Степанозом и его братом Деметре, о чем говорят и надписи на барельефах Джвари. По данному вопросу см. указанную работу Г. Н. Чубинашвили.

32 Византийский император Ираклий (610-641 гг.). Имя в «Истории...» Сумбата встречается в форме Эрекле // Эракле.

33 Здесь речь идет о прибытии императора Ираклия в Грузию во время второго иранского похода (о походах Ираклия см. История Византии, I, М., 1967, с. 346-366). В Тбилиси Ираклий прибыл в 626 году (И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, I, 1961, с. 265, на груз. яз.).

34 Цихистав – глава гарнизона крепости.

35 Хотя в списке царицы Мариам сказано «шея злого козла», но так как в некоторых списках «Картлис цховреба», а также в «Обращении Картли» сказано «козла-вожака» (см. «Картлис цховреба», I, с. 374; указанный русский перевод «Обращения...», с. 44; русский перевод «Истории...» Сумбата, с. 126), мы придерживаемся второго чтения.

36 Об этом походе императора Ираклия см. также «Обращение Картли», указ. русский перевод, с. 44. Об этих событиях имеются сведения у Моисея Каланкатваци, Феофана. Подробно об этом походе см. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, I, с. 265-267; Э. С. Такаишвили, указанный русский перевод, с. 127, прим. 2. Здесь же следует заметить, что термин «Джибга» // «Ябга» в тюркском Каганате означал вице-царя, второе лицо после кагана, и это титул, а не собственное имя, как можно предположить по контексту нашего источника (см. Э. С. Такаишвили, указанный русский перевод, с. 128, прим. 3; Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, 1967, с. 53; В. И. Гоиладзе, Упомянутые в сочинении Джуаншера «царь тюрок Саба» и «эристав Джибга», ж. «Мацне», серия истории, 1977, № 2, на груз. яз.).

37 В данном случае автор допускает грубую ошибку, называя Багдад, строительство которого, как известно, было начато в 762 году. Эта ошибка, видимо, восходит к «Обращению Картли» (см. русский перевод, с. 44, где также назван Багдад). Здесь речь идет о походе Ираклия в Персию и взятии резиденции шаха (История Византии, I, с. 366). По поводу этого анахронизма см. Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тб., 1959, с. 25-26.

38 Гардабани – историко-географическая провинция в Южной Грузии.

39 В нашем тексте «Вараз Гагели». В «Обращении Картли» он назван «Вараз Григоли». Так его называет и Моисей Каганкатваци. В связи с этим Э. С. Такаишвили предполагает, что «Григол» – его имя, а «Гагели» он именуется как владетель крепости Гаги (см. с. 127-128, прим. 3 к указанному русскому переводу).

40 Хузашени – в Южной Грузии.

41 Видимо, речь идет об обращении монофизитов в халкедонское вероисповедание (см. Э. С. Такаишвили, указ. перевод, с. 128, прим. 1).

42 Бердуджи – река, гора, селение в Южной Грузии. С. Т. Еремян предлагает взамен «в центре селения» читать «посреди Цопи» (см. Заметки к тексту «Хроники Сумбата». Известия АрмФана АН СССР, 1941, № 9).

43 Драхкан – общее название золотой монеты (см. И. А. Джавахишвили, Грузинская нумизматика и метрология, Тб., 1926, с. 14, на груз. яз.).

44 См. Э. С. Такаишвили, указ. перевод, с. 132, прим. 1.

45 Лал – местоположение неизвестно.

46 Мтавар – представитель высшего слоя общества, но преимущественно обладающий властью. По мнению С. Н. Джанашиа, «обозначает династа, владетельную особу, небольшого суверена, местного князя» (см. О времени и условиях возникновения Абхазского царства, Труды, II, 1952, с. 337).

47 Подробно об этом походе с указанием источников и литературы см. Э. С. Такаишвили, указ. перевод, с. 132, прим. 5.

48 Как и выше, следует подразумевать столицу Сасанидского Ирана Ктезифон.

49 В нашем тексте «Хуасро». Шах Хосрой II Парвиз (590-628) был свергнут с престола во время похода Ираклия и убит в результате заговора знати.

50 Мир с византийцами заключил сын Хосроя Кобад, который выдал им Древо жизни.

51 Речь идет о возобновлении храма в Иерусалиме.

[52] Имеется в виду возвращение в Грузию.

[53] Уджарма, крепость в Кахети, построена в V в. (см. Д. Л. Мусхелишвили, Уджарма, Тб., 1966, на груз. яз.).

[54] Э. С. Такаишвили переводит: «Коварством напустились на христиан» (см. указ. перевод, с. 132).

[55] Об этих репрессиях сказано и в «Обращении Картли» (указ. пер., с. 45). В обоих текстах речь идет о борьбе с огнепоклонниками, но по контексту можно предположить, что меч императора был направлен и против еретиков.

[56] О походах императора Ираклия см.: История Византии, I, с. 363-367.

[57] О деятельности Степаноза. см.: Очерки истории Грузии, II, 1989, с. 164-194. Вопрос хронологии эрисмтаваров Картли является спорным (см. А. Богверадзе, Раннефеодальные грузинские государства в VI-VIII вв.; Очерки истории Грузии, II, 1988, с. 141-171; М. Санадзе, Царство Картли в XI в.; «Мацне», серия истории, 1977, с. 81-88, на груз. яз.; М. Чхартишвили, Мученичество св. Евстафия Мцхетели, Тб., 1994, на груз. яз.; А. Богверадзе, Вопросы из истории Картлийского царства VI века, ж. «Анналы» Института истории и этнологии им. И. Джавахишвили АН Грузии, 2001, № 2, с. 70-77, на груз. яз.; Давид Мусхелишвили, Грузия в IV-VIII вв. Тб., 2003, с 213-401, на груз. яз.; Давид Мусхелишвили, Дата мученичества Евстафия Мцхетели и некоторые вопросы политической истории Картлийского царства в VI-VII веках, ж. «Анналы», 2007, № 1, с. 61-101, на груз. яз.).

[58] По сообщению «Обращения Картли», это был не второй, а тот же самый Бартломе, который был католикосом второй раз (см. примечания Э. Такаишвили, с. 132, 5).

[59] Об Адарнасе см. примечания Э. С. Такаишвили (с. 133, прим. 1). Этот Адарнасе был одним из строителей храма Джвари в Мцхета (см. Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, Очерки истории Грузии, II, с. 274-276).

[60] Э. С. Такаишвили переводит «учредил собрание при Кресте» (с. 134). О взаимоотношении с текстом Джуаншера см. Э. С. Такаишвили, прим. 1, с. 134, в вахтанговской редакции «Картлис цховреба». Здесь говорится об утверждении собрания в каждую пятницу при храме Джвари («Картлис цховреба», изд. З. Чичинадзе, Тб., 1889, с. 243).

[61] В тексте «Истории...» Сумбата буквально сказано: «Страну Картли описали и взяли в Грецию». В «Обращении Картли» об этом сказано: «Страну навьючили на мула и взяли в Грецию» (указ. русский перевод, с. 46, прим. 3). Думаем, не подлежит сомнению, что речь идет именно о переписи или описи и захвате с собой писцовых книг.

[62] Видимо, имеется в виду захват арабами Ктезифона в 653 году.

[63] «Обращение Картли» после него упоминает еще двух эриставов (указ. пер., с. 46), о которых в «Истории...» Сумбата нет сведений (указ. пер., с. 134, прим. 3).

[64] Сумбат Давитис-дзе (указ. издание, с. 376), «Обращение Картли» (указ. пер., с. 46-47) и Джуаншер («Картлис цховреба», I, с. 228-229) по данному вопросу дают совершенно противоречивые сообщения (см. указ. перевод, с. 134-140, прим. 4, 5).

[65] Об Ашоте I куропалате см. «Матиане Картлиса», указ. русский перевод, с. 29; Георгий Мерчул, Житие Григория Хандзтийского, перевод Н. Я. Марра, ТРАГФ, кн. VII, СПб., 1911, с. 92, 95 и др.; примечания Э. С. Такаишвили к грузинскому изданию «Истории...» Сумбата, с. 74-77; его же, примечания к русскому переводу «Истории...» Сумбата, с. 140-144; П. Ингороква, Георгий Мерчуле и др.

[66] Относительно пределов распространения власти Ашота куропалата см. П. Ингороква. Георгий Мерчуле, с. 42-43. «Греция» («Сабердзнети») в данном случае та часть Грузии, которая находилась под покровительством империи.

[67] В оригинале – «саркинози».

[68] «Хеви» Э. С. Такаишвили переводит как «ущелье», но грузинское слово «хеви» данного времени не только географичекое понятие («ущелье»), но и административное, и поэтому мы в переводе оставляем «хеви».

[69] Имеются в виду мусульмане.

[70] Глухой из Багдада – это Мерван ибн Мухаммед, последний халиф из династии Омейадов (хронологию походов в Закавказье см. С. Джанашиа, Арабы в Грузии, Труды, II).

Сведения о походах Мервана ибн Мухаммеда имеются в сочинении Джуаншера, в «Мученичестве Давида и Константина», в армянских источниках (о походах Мервана ибн Мухаммеда, с указанием источников и литературы см. Очерки истории Грузии, II, с. 177-178 и др.).

71 Сообщение Сумбата о состоянии Шавшети и Кларджети, о гибели населения подтверждается данными Георгия Мерчуле (см. указанный русский перевод, с. 91). Но если Сумбат возобновление жизни в этих краях считает заслугой деятельности Ашота Багратиони, то Георгий Мерчуле, как уже отмечалось, всю заслугу приписывает монастырской колонизации, возглавляемой Григолом Хандзтели. Сомневаться в тяжелом положении края в результате вражеских нашествий и эпидемии вряд ли приходится, но несомненно и преувеличение с целью возвышения роли Ашота в церковной колонизации.

72 Юго-западная часть Грузии, где обосновался Ашот Багратиони – домен рода Багратиони, находилась под политическим влиянием Византии. Ашот, который в результате конфликта с арабами был вынужден эмигрировать из Картли, направился в свои фамильные владения. Как противника Халифата его должна была поддержать Византия. Поддержка империи проявилась в пожаловании ему титула куропалата. О пожаловании ему титула куропалата сообщает «Матиане Картлиса» (указанный русский перевод, с. 29).

73 Артануджи – город-крепость в Кларджети. Сообщение о строительстве Артануджи Вахтангом Горгасалом имеется и у Джуаншера («Картлис цховреба», I, с. 177).

74 Бардав, Партав – город в Азербайджане.

75 Видимо, источник, которым пользовался Сумбат был написан непосредственно вслед на этими событиями, где и было указано, что «кровь его пролитая видна и по сей день». Об убийстве Ашота I пишет и «Матиане Картлиса» (русский пер., с. 29). Согласно данным Сумбата, все действие происходит в юго-западной Грузии, в Нигали. По данным «Матиане Картлиса» Ашота убили в Гардабани (русский пер., с. 29; грузинский текст «Картлис цховреба», I, с. 253). Предполагают, что он – жертва классовой борьбы. О том, где убили Ашота, и кто были его убийцами см. также примечания Э. Такаишвили к грузинскому изданию «Истории...» Сумбата, с. 74-74.

76 Долискана – местность в Шавшети.

77 46-й хроникон тринадцатого обращения, как и 6830 год с сотворения мира, соответствует 826 году. Но не все исследователи принимают 826 год датой смерти Ашота I. Обзор источников с критическим рассмотрением научной литературы см.: А. А. Богверадзе, указ. работа, а также C. Toumanoff, Date of the death of the Curapalates Ashot, Le Museon, LXIX, 1-2, 1956, с. 83-85.

78 Видимо, под «внешними землями» надо подразумевать земли, лежащие за пределами исторической юго-западной Грузии, восточнее Ташискари, т. е. ту часть Шида Картли, которую отвоевал Ашот (см. «Матиане Картлиса», с. 252-254; русский перевод, с. 29); М. Лордкипанидзе, Картвельское царство (Тао-Кларджети), Очерки истории Грузии, II, 1988, с. 310, прим. 274).

79 По сообщению Мерчуле, братья с общего согласия дали старшинство в семье среднему брату Баграту, которому и был пожалован высший титул в роде – «куропалат». «В то время Божьею волею и с согласия своих братьев и по повелению греческого царя куропалат Баграт принял куропалатство взамен отца, куропалата Ашота, ибо свыше дано было ему владеть властью, и все братья его, славные властители Адарнерсей старший и Гурам младший покорились ему, среднему брату» (Георгий Мерчул, Житие Григория Хандзтийского, указанный русский перевод, с. 105). Скончался Баграт куропалат в 876 году (Генеалогическая таблица рода Багратиони, составленная Э. С. Такаишвили к указанному грузинскому изданию «Истории...» Сумбата, таблица II. В дальнейшем хронологические данные о представителях рода Багратиони взяты из указанного труда Э. Такаишвили. По вопросам хронологии Багратионов см. также C.Toumanoff, Studies..., с. 407-416).

80 Гурген был эриставом, в 881 году получил титул куропалата, скончался в 891 году. Сведения о нем имеются в «Житии Григола Хандзтели» и надписях (см. Л. Н. Мусхелишвили, Известия ИЯИМК, III, Тб., 1936, с. 337-339, 341-342, на груз. яз.; Э.С.Такаишвили, примечания к указанному грузинскому изданию, с. 80).

81 Ашот Кекелай скончался в 867 году (см. Э. С. Такаишвили, примечания к указанному изданию, с. 80; Т. Н. Ломоури, указанная работа, «Арили», с. 51).

82 Константин Порфирородный его называет «великим» (Э. С. Такаишвили, указанное издание, с. 80).

83 «Поставили антипатос-патрикиосом» – мы даем дословный перевод: «поставили» или «подсадили», но так как «патрикиос» – титул (как и «куропалат» и др.), быть может, было бы правильнее в переводе сказать, что ему пожаловали этот титул.

84 Давид куропалат, который после смерти отца своего, Баграта, получил этот титул, скончался в 881 году. Упоминается в эпилоге Адишского Четвероглава (Э. С. Такаишвили, указанное издание, с. 80).

85 Адарнасе, в монашестве Арсений, скончался в 874 году.

86 Ашот II скончался в 885 году.

87 Видимо, правильнее «брата отца своего», так как далее так и сказано, что отец Насра Гуарам был брат его отца, и «Матиане Картлиса» пишет: «Сын брата отца», с. 31.

88 Об этом убийстве пишет и «Матиане Картлиса» («Картлис цховреба», 1, с. 259, русский перевод, с. 31). О причинах убийства см. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, 11, с. 96-100.

89 Гуарам мампал скончался в 882 году. Похоронен в восстановленной им Опизской церкви. Сведения о нем имеются в «Матиане Картлиса» («Картлис цховреба», I, с. 256-260, русский перевод, с. 30-32); пишет о нем и Георгий Мерчуле, см. указанный русский перевод, с. 106, 119, 120.

90 Баграт I, царь абхазов (Западной Грузии). По мнению Э. С. Такаишвили, он царствовал в 861-875 гг. Эту датировку не разделяют исследователи (З. В. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, с. 125; Е. В. Цагарейшвили, Сведения Иоанна Драсханакертского о Грузии, в кн. Иоанн Драсханакертский, История Армении, армянский текст с грузинским переводом, исследованием и указателями издала Е. В. Цагарейшвили, Тбилиси, 1965, с. 0116; C. Toumanoff, Chronology, p. 82 и др.

91 Историческая провинция в юго-западной Грузии.

92 Наср был убит в 888 году. Об этих событиях см. «Матиане Картлиса», с. 260-261; русский перевод, с. 31-32.

93 Э. Такаишвили переводит: «Адарнасе, сын убитого куропалата Давида, был поставлен царем грузинами» (указ. перевод, с. 146). Хотя текст можно понять и так, но думаем, что здесь речь идет именно о принятии титула «картвелта мепе» – «царь картвелов». И. А. Джавахишвили датой принятия Адарнасе титула «царь картвелов» считает 888 год (см. История грузинского народа, II, с. 111); Э. С. Такаишвили годом принятия этого титула считает 899 г. (указанное издание, с. 83). По этому вопросу см. также Е. В. Цагарейшвили, указ. работа, с. 0121-0122.

94 Бана, епископская кафедра в Южной Грузии (ныне в пределах Турции, в бассейне р. Чорохи, см. указанный перевод Э. С. Такаишвили, с. 146, прим. 3).

95 Сумбат Артануджели скончался в 889 году (см. указанное изд. Э.Такаишвили, с. 80, прим. 8). Мампал (сеньор, господин) – титул, который носили некоторые представители рода Багратиони (см. Э. С. Такаишвили, указанный перевод, с. 145, прим. 4; П. Ингороква, Георгий Мерчуле, с. 72; Ш. А. Бадридзе, К вопросу о некоторых политических признаках сеньоральной власти в раннефеодальной Грузии, сб. «Вопросы истории феодальной Грузии», I, 1970, с. 144-150, на груз. яз.).

96 Гурген титул куропалата получил в 881 году (Э.С.Такаишвили, указанное издание, с. 80, прим. 6).

97 Тао, Калмахи, Шавшети, Артани – историко-географические провинции в юго-западной Грузии.

98 Об этой междоусобной борьбе, ее причинах и последствиях см. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, II; М. Д. Лордкипанидзе, Политическое объединение феодальной Грузии, Тб., 1963, на груз. яз.

99 Адарнасе, который, по Сумбату, скончался в 896 году, Э. Такаишвили титулует эриставом эриставов (указанное издание, с. 81, прим. 14). В русском переводе (с. 147, прим. 3) титул эристава эриставов он относит к брату Адарнасе – Ашоту. Эристав эриставов – правитель обширной провинции, которому должны подчиняться эриставы.

100 Баграт мампал. Константин Порфирородный его титулует магистром. По мнению Э. С. Такаишвили, «в этом параграфе нарушена хронологическая последовательность событий, ибо ниже указан факт 908 года. По этой причине, а также ввиду того, что пасха на 20 апреля приходилась в 906 г., Ф. Жордания полагает, что смерть Баграта Артануджского последовала в 906, а не в 909 году» (Э. С. Такаишвили, указанный перевод, с. 148, прим. 1). По вычислению М. Броссе, в 909 году пасха приходилась на 19 апреля (там же).

[101] Адарнасе-Басилий скончался в 945 году. Сведения о нем имеются и у Константина Порфирородного. В связи с ошибкой, которая имеется у Константина Порфирородного и вытекающей отсюда неточности у Маркварта и Броссе см. Э. Такаишвили, указ. издание, с. 34; указанный перевод, с. 148, прим. 2.

[102] В списке царицы Мариам данное место представлено так: «Скончался эристав Давид, сын Баграта Артануджели, мампала, сына Адарнасе, Гургена куропалата, брат великого Гургена, в хроникон 128» (указ. издание, с. 349). Э. Такаишвили исправляет это место. Исправление принято в издании С. Г. Каухчишвили («Картлис цховреба», I, с. 380). О причинах исправления см. указанный перевод Э. С. Такаишвили, с. 148, прим. 3 и указанное издание, с. 65, 18-21.

[103] Шавшети – историко-географическая провинция в юго-западной Грузии.

[104] Ашот Кухи скончался в 918 году. Сумбат называет его строителем Тбетской церкви в Шавшети. По сообщению Георгия Мерчуле, им же было начато строительство новой церкви в Хандзта (Житие Григола Хандзтели, с. 110).

[105] Давид эристав скончался в 923 году. Ошибку Константина Порфирородного, допущенную в отношения этого Давида, исправляет Э.Такаишвили (см. указанное издание, с. 33). О сведениях Константина Порфирородного о Багратионах и значении этих сведений см. С. Н. Джанашиа, Сведения Константина Порфирородного о Багратионах Тао-Кларджети. Труды, V, Тб., 1987, с. 246-266, на груз. яз..

[106] В списке царицы Мариам имени этого эристава нет. Имя «Гурген» восстанавливает Э.Такаишвили (см. «Картлис цховреба», список царицы Мариам, изд. 1906 года, с. 349; «История...» Сумбата, указанное издание Э. Такаишвили, с. 66, § 59). Константин Порфирородный титулует его магистром, Э. Такаишвили не согласен с этим (указанное издание, с. 33). О Гургене см. также указанную работу С. Джанашиа.

[107] Давид, царь картвелов (923-937). Константин Порфирородный титулует его магистром. Сведения о нем имеются и у Иоанна Драсханакертци (см. указанное издание, с. 45).

[108] Упомянутого Ашота Э. Такаишвили называет IV, Ашотом IV считает он и Ашота куропалата, скончавшегося в 954 году (см. Генеалогическую таблицу указанного грузинского издания «Истории...» Сумбата). Ашот скончался в 939 году.

[109] Гурген Великий, эристав эриставов. Как было указано, Константин Порфирородный именует его магистром. О Гургене см. Э.Такаишвили, указанное издание, с. 33 и с. 83, прим. 22; С. Джанашиа, указ. раб.

[110] Давид мампал скончался в 943 году. Константин Порфирородный называет его «великим». О нем см. С. Джанашиа, указ. раб.

[111] Баграт магистрос, эристав, с 937 года царь картвелов, скончался в 945 году (см. Генеалогическую таблицу указанного издания Э. Такаишвили).

[112] После смерти Ашота I его старший сын Адарнасе утвердился в провинции Кларджети с центром в Артануджи и его потомков называют «Кларджи», «Артануджели».

[113] Ашот IV куропалат скончался в 954 году (см. Э. Такаишвили, указанное издание, с. 34 и с. 84, прим. 29).

[114] Сумбат I, эристав эриставов в надписи Ишхани именуется антипатос-патрикием, с 954 года – куропалат, строитель церкви Долискана в Артвинском районе, скончался в 944 году. Упоминает его арабский историк Масуди (Э. Такаишвили, указанное издание, с. 85, прим. 30).

[115] Баграт, эристав эриставов, царь картвелов, по прозвищу «Регвени», скончался в 994 году. По мнению Э. Такаишвили, «регвени» – молодой, неопытный, глупый» (указ. перевод, 150, прим. 4). По мнению Ш. А. Бадридзе, «регвени» – своевластный и непокорный по отношению к своему сеньору» (см. Ш. А. Бадридзе, Заметки о биографии Баграта Багратиони, прозванного «Регвени», Сообщения Академии наук Грузинской ССР, 61, №2, 1971, с. 505-507, на груз. яз.).

[116] Адарнасе IV куропалат, который скончался в 983 году.

[117] Баграт, эристав эриставов, одни из строителей церкви Ошки. В источниках он упоминается как строитель церквей, собиратель священных книг. Предполагают, что добавления к «Житию Григола Хандзтели» о чудодейственных святых принадлежат ему (см. Э. Такаишвили, указанное издание, с. 86-88, прим. 38; W. Djobadze, The Donor Reliefs and the Date of the Church Oški, Byzantinische Zeitschrift, 69 Band. April 1976, Helf 1, c. 39-62).

[118] Давид куропалат, «великий», царь Тао. Скончался, согласно сообщению Сумбата, в 1001 году. Опираясь на сведения армянских источников, К. Н. Юзбашян датой его смерти считает 1000 год. В 973 году он

упоминается магистром, в 977 году – куропалатом. Давид – крупная политическая фигура в истории Грузии второй половины X века. Он принимал активное участие в объединении Грузии и возведении на престол единого грузинского феодального государства своего родственника и наследника Баграта Багратиони (Баграт III, 978-1019 гг.); вел борьбу с мусульманскими владетелями Южного Кавказа с целью освобождения грузинского и армянского христианского населения от мусульманского ига; восстановил чекан грузинской монеты, прерванный в результате арабского засилья; вел большие строительные работы в Тао, о чем свидетельствуют многочисленные грузинские надписи; заботился о пополнении грузинских культурных центров грузинскими рукописями. Сохранился серебряный штандарт его знамени с грузинской надписью. В отвоеванных от мусульман грузинских и армянских землях Давид старался умножить грузинское и армянское население; придерживался ярко выраженной халкедонитской политики; принимал активное участие в политической жизни Византии. Как куропалат, официально являлся вассалом империи. О Давиде куропалате существует обширная литература: И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, II; Э. С. Такаишвили, указанное издание; с. 88, прим. 4; С. Н. Джанашиа, Об одном примере искажения исторической правды, с. 26-31; В. У. Копалиани, Из истории византийско-грузинских взаимоотношений, Тб., 1969, с. 27-71; К. Н. Юзбашян, примечания к русскому переводу сочинения Аристакэса Ластивертци, с. 19-22, с. 142 и др.; М. Д. Лордкипанидзе, История Грузии, XI начало XIII вв., Тб., 1974, с. 48-56; W. Djobadze, указанная работа, с. 53-59.

119 Гурген, сын Гургена, скончался в 968 году. По мнению Д. З. Бакрадзе, в надписи из Велисцихе, где упоминается Гуарам, речь идет об этом Гургене. Мнение Д. Бакрадзе по данному вопросу разделяет Э. Такаишвили (указ. издание, с. 85, прим. 35).

120 Сумбат III Артануджели, эристав эриставов, скончался в 983 году. По сообщению Константина Порфирородного, женился на дочери своего дяди. Сведения о нем имеются и у Георгия Мерчуле (перевод Н. Я. Марра, с. 149). Мерчуле его титулует «эриставом эриставов». Титулом эристава эриставов упоминается он в приписке Пархальского Четвероглава (Э. Такаишвили, Материалы по археологии Кавказа, т. XII, с. 243; С. Н. Джанашиа, Сведения Константина Порфирородного о Багратионах Тао-Кларджети).

121 Цари Западной Грузии Деметре III и Теодосий III. Вахушти и Броссе царствование Деметре III датируют 957-979 гг., Э. Такаишвили – 967-975 гг., К. Туманов – 968/9–975/6 гг. (см. К. Туманов, указ. раб. с. 82). З. В. Анчабадзе принимает датировку Э. Такаишвили (З. В. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, с. 132). Царствование Теодосия III Вахушти и Броссе датируют 979-985 гг., Э. Такаишвили – 985-978 гг., а К.Туманов – 975/6–978 гг. (К. Туманов, указ. раб., с. 82).

122 Баграт Багратиони, будущий царь объединенной Грузии Баграт III, сын Гургена (царь царей, 894-1008, в 1001 году получил титул магистра) и Гуарандухт, сестры абхазских царей Деметре, Леона и Теодосия.

123 После смерти Давида куропалата в силу договора, заключенного между императором Василием II и Давидом куропалатом в 988 году, согласно которому Давид был вынужден завещать свои владения империи, Василий явился в Тао и «передали ему крепости азнауры сего Давида». Спорным является вопрос, что именно занял Василий II – собственно вотчину Давида или все его царство. По данному вопросу имеется обширная литература.

124 Историческая провинция Тао рекой Банисцкали делилась на две части: южную – Имиер и северную – Амиер.

125 Баграт III, первый царь объединенной Грузии (978-1014). О нем с указанием источников и литературы см. М. Д. Лордкипанидзе, указ. работа, с. 48-80.

126 В списке царицы Мариам – «Горангети», в изданиях С. Каухчишвили и Э. Такаишвили – «Гургенадмде» (до Гургена). Э. Такаишвили переводит: «До Гургенского моря», т. е. Каспийского моря (с. 160).
Можно предполагать, что заявление Сумбата о границах владений Баграта и его мощи частично преувеличено. Хотя в связи с этим следует принять к сведению то обстоятельство, что и второй грузинский историк XI века, автор «Матиане Картлиса» приблизительно так же характеризует деятельность царя Баграта («Картлис цховреба», I, с. 274-285; указ. русский перевод, с. 38-43).

127 Панаскерти в Тао.

128 На третий год после кровавого пира в Панаскерти.

129. 234 год грузинского хроникона соответствует 1014 году. По сообщению Аристакэса Ластивертци, Баграт скончался в 464 году армянского летосчисления, что соответствует 1015 году (см . Э. Такаишвили, указ. русский перевод, с. 161, прим. 2; К. Н. Юзбашян, комментарии к указ. переводу Аристакэса, с. 114, прим. 22).

130 Эрети и Кахети – восточные провинции Восточной Грузии, были воссоединены в царствование Баграта III в 1008-1010 гг. Об этих событиях см. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа. II; Т. Г. Папуашвили. Вопросы истории Эрети, Тб., 1963.

131 Здесь речь идет о византийско-грузинской войне 1021-1023 годов. Об этой войне имеются сведения как в других грузинских исторических источниках, так и в армянских, византийских и арабских. Подробно с указанием на источники и литературу см. В. У. Копалиани. Грузино-византийские политические взаимоотношения в 970-1070 гг., с. 89-122 (на груз. яз.).

132 Согласно сообщению Сумбата и «Матиане Картлиса» (указ. перевод, с. 43), в селении Ширимта//Ширимни произошло первое сражение между войсками царя Георгия и императора Василия, и это селение расположено между Артаани и Кола. Аристакэс Ластивертци местом последнего сражения называет сел. Шлпай. Некоторые исследователи Ширимни//Ширимта грузинских источников отождествляют с сел. Шлпай, которое расположено в Аршаруникском округе (см. К. Юзбашян, указ, перевод, с. 149). Подробнее с указанием на источники и литературу см. В. У. Копалиани, О месторасположении «Ширимни»/«/Ширимта», журн. «Мнатоби», Тб., 1972, № 7, с. 176-182 (на груз. яз.).

133 Об этом подкреплении говорит и автор «Матиане Картлиса» («Картлис цховреба», I, с. 285; русский пер., с. 43).

134 Об этом восстании против императора Василия см. В. Розен, Император Василий Болгаробойца, Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского, СПб., 1888; Внутренняя и внешняя политика Византии во второй половине X и первой четверти XI вв. В кн. История Византии, т. 2, Москва, 1967, с. 221 и др. Вопросы, имеющие отношение собственно к истории Грузии, рассмотрены в трудах ряда грузинских историков: И. Джавахишвили, История грузинского народа, II; О. Цкитишвили, Материалы к истории внешней политики Грузии в период царствования Георгия I, журн. «Мацне», 1968, № 4, с. 123; В. Копалиани, Грузино-византийские политические взаимоотношения, с. 108-116, и др. Следует обратить внимание, что это восстание облегчало положение Грузии, так как оно имело место во время византийско-грузинской войны и в какой-то степени его поддерживал грузинский царь; но, несмотря на это, Сумбат Давитис-дзе раздор в лагере восставших и победу императора считает «Божьей милостью». В данном случае явно проявляется тенденциозность историка, не терпящего выступления вельможной знати против царской власти. Об этом восстании см. также комментарий Э. Такаишвили к указанному русскому переводу (с. 165, прим. 1) и примечания К. Юзбашяна к русскому переводу сочинения Аристакэса (с. 147-148, прим. 1-7).

135 Перис, сын Джоджика, которого Сумбат называет грузином («картвели»), согласно автору «Матиане Картлиса» был «родом из Тао» («Картлис цховреба», I, с. 287, русский пер., с. 44). Но это выражение можно перевести и как «по происхождению из Тао». Об этом Перисе, сыне Джоджика, см. В. Копалиани, указ. раб., 111-114; Комментарии К. Юзбашяна к указанному переводу, с. 148.

136 Об этом Звиаде см. «Матиане Картлиса» («Картлис цховреба», I, с. 283, 287; русский перевод, с. 42-44).

137 Катабан – предводитель, грузинская форма «катепан»-а.

138 Мандатур – полицейский чиновник при царе.

139 В 1025 году скончался император Василий II и полноправным правителем стал его брат Константин VIII, который до этого был лишь соправителем.

140 Кутатиси – город Кутаиси в Западной Грузии, столица Грузинского царства (Тбилиси в то время находился в руках арабских эмиров).

141 Царь Баграт IV – 1027-1072.

142 Азнауры, перешедшие на сторону империи, передавали свои владения Византии, а сами переселялись в империю, где взамен получали высокие должности и земельные владения.

143 В Грузии имеется несколько Тбети. В данном случае имеется в виду селение и епископская кафедра в юго-западной Грузии, в провинции Шавшети.

144 Анча – селение в провинции Кларджети, где была епископская кафедра.

145 Об Иоанне хартуларе см. «Матиане Картлиса» («Картлис цховреба», I, с. 292; указанный русский перевод, с. 46, 81).

146 «Сын Гургена Кларджи Деметре» – сын Гургена VI, которого первый царь объединенного грузинского феодального царства Баграт III заманил в Панаскертскую крепость, где тот и скончался. Сын его эмигрировал в империю. Правительство Византийской империи всегда с большим удовольствием принимало таких претендентов на престол, представителей побочных линий царского дома, и при удобном случае выставляло их против законных царей.

147 Император Роман III (1028-1034).

148 Царица Мариам, мать царя Баграта IV, была из армянского царского рода Арцрунидов. Посольство во главе с царицей Мариам имело целью урегулировать взаимоотношения с империей. Как предполагают, в посольстве принимал участие и католикос Грузии Мелкиседек. Об этом посольстве см. также «Матиане Картлиса» («Картлис цховреба», I, с. 294; указанный русский перевод, с. 47).

149 В тексте Сумбата сказано: «Чтоб сыну ее Баграту был бы оказан почет по достоинству имени его». В «Матиане Картлиса» по поводу миссии царицы Мариам сказано, что она старалась добиться для своего сына «чина куропалата... как того требовали обычай и порядок в их доме». Исходя из приведенного текста, можно предположить, что и в сочинении Сумбата речь идет о «доме», т. е. роде, а не «имени».

Сумбат Давитисдзе, История и повествование о Багратионах. Картлис Цховреба, список царицы Мариам (30-ые годы XVIII века), Национальный Центр Рукописей, Тбилиси, S-30, 209v.

ИСТОРИЯ И ВОСХВАЛЕНИЕ ВЕНЦЕНОСЦЕВ

Ты, который рыбаков показал победителями всех риторов, язык же бессловесный сделал через архангела разговорчивым, выправь и теперь язык заикающийся, чтобы рассказать историю венценосцев и восхвалить их*.

Так как боговидец и пророк Моисей не хотел слушаться того, кто посылал его к израильтянам, ссылаясь на свое косноязычие, ему, слабому, даны были знамения, предуказывавшие будущее[1]. Дерзну ли я, неспособный говорить о возвышенных вещах [приступить к своему делу], если даже он, передававший слова [выслушанные им] из огня, превращением жезла в змею и изменением цвета рук не надеялся убедить в правоте своих слов?[2] Подобно изрекавшему мудрые притчи Соломону, который восхвалял Суламиту[3], буду вещать трубою «похвалу похвал» той, которая произошла от семени Соломона, той, для воспевания которой и передачи олимпийского ее величия не хватит [усилий] Соломона. Имею в виду Тамар, знаменитую из государей и славу первого Давида [пророка], восхищавшегося творением рук первозиждителя всякой твари – бога, который видимым образом проявляет в душе и сердце одного человека[4] единоначалие и единовластие свое, ту Тамар, которая через истинного бога и совершенного человека [Христа] явилась и воссияла совершеннейшею среди людей. Ибо она слила источник разумения своей души с первоисточником – Христом, светом [бога] отца, сотворившего пять чувств: зрение, слух, обоняние, осязание и вкус. Она, отказавшись от своей воли и превратив в приятный сад ум свой, подчинила его скале той – Христу[5].

Тамар была дочерью родителей, имевших далеко разошедшиеся корни и ветви. Как дерево узнается от плода, плод же – от дерева [так точно и здесь]: она вполне соответствовала своим знаменитым предкам – Давидидам, Хосровидам и Панкратидам[6]. Она происходила от того, кто силою Нимрода[7] приобрел владения сынов Хайка[8] и кого воспевать пристало только Гомеру. Сколь умножил слово свое об Александре Плутарх, преувеличивавший в истории восхваление царей[9].

---

* Автор обращается к Богу, который через простых, необразованных рыбаков – учеников Христа – заткнул рот всем риторам и философам языческого мира, бессловесное же животное – ослицу Валаама – заставил через ангела говорить (Числ. XXII, 23-30), и просит у него, чтобы он выправил и ему, заикающемуся, язык для возвещения истории венценосцев и для восхваления их, – имеются в виду царь Георгий III, дочь его – царица Тамар, и супруг последней Давид Сослан.

От времени до времени, по изволению свыше, появляются, как свет, миродержатели, из коих одни воспринимают похвалу, сообразную с делами своими, другие же злыми своими деяниями воздвигают себе достойный порицания памятник. Я же ныне передал истории и василографии[10], что значит «повествование о царях», только то, что или сам видел, или слышал от мудрых и разумных людей. Подобно тому, как [евангелист] Лука строит свое повествование по восходящей линии – от Сифа до Адама, от Адама до бога[11], я тоже начну с Тамар преблаженной, вместе со святой троицей образующей четверицу, эфирной среди государей, образ и имя которой показаны будут в своем месте.

II

Отцом Тамар был Георгий, царь царей, сын царя Деметре Давидовича[12], воздвигшего крепости и проведшего границы [царства своего] на востоке и севере, обладателя земель от моря до моря, имевшего еще другого сына – Давида. Славную, мужественную и отменную жизнь этого Деметре показывает похвальное слово философа Иоанна Чимчимели[13]. У Деметре, мужественного в бою и победителя в схватках, были два сына, которые назывались Давидом и Георгием. Отдавая предпочтение младшему сыну, подобно Исааку в его отношениях к Якову[14], Деметре хулил и поносил старшего. Бог, внимавший его мольбам, сокращением дней его отозвал к себе Давида раньше отца. [Бог же] отец, вместе со своим сыном [Христом], возвысил до себя сына милого, подобного отцу, сделал его сопрестольником отца своего и показал его таким, каким [является] солнце среди светил, Александр[15] и Кайхосро[16] среди владык, Ахиллес[17], Самсон[18] и Нимрод[19] среди героев, Спандиат[20], Тахамтан[21] и Сияош[22] среди Голиафов[23], Соломон[24], Сократ и Платон[25] среди мудрецов.

Будучи царем, отец привел Георгию в жены дочь царя Худдана[26], по имени Бурдухан, сообрзаную с солнцеликим и льву подобным мужем. Сама она была солнцем над солнцами по красоте и, как сказано[27], по сиянию над грешными и праведными, ибо любила праведных и миловала виновных. Имея в виду ее преданность Христу, я боюсь и стесняюсь искать для нее образ среди женщин, бывших предметом любовного преклонения в этом мире. Она похожа на Екатерину и на Пенелопию[28], ставшую Ириною, равным образом, если исключить, что у нее был муж, благостью, мудростью, умением ходатайствовать и оказывать помощь напоминала просветительницу неба и земли Марию[29].

Боюсь, как бы чрезмерным напряжением не ослаб глаз разума и, в поисках образов, не вырыл я во вред себе яму, и как бы ходящие не направо и налево [а по среднему пути] не обвинили меня в том, что я свернул с пути. Поэтому начну теперь хвалить, по мере сил и возможности, отца дочери светоносной, Георгия Горгаслида[30], подобного блаженному Вахтангу. Именно с его рождением сбылось пророчество о «восстановлении из семени его»[31] обладателя Востока и Запада, подобного Вахтангу. Посему стихотворец некий, сплетая стихи, говорит:

Ты, Вахтанг, желателен для того, кто из-за тебя прославляет бога,
Знает победы твои над врагами и сияет как солнце;
Истребляет мусульман и помогает христианам,
Произведший тебя желает родить подобного тебе.

III

Восприняв царский венец, осенявший семь царств[32], он, украшенный свыше порфирой и короной, вооружил длани свои, чтобы истреблять и сокрушать врагов веры Христовой: агарян, исмаильтян и магометан[33]. Осыпав милостями амеров и имеров[34], жителей верхней и нижней [Картли][35], дидебулов и азнауров[36], спасаларов и спаспетов[37], своих – домашних, и чужих – внешних[38], он собрал их и направился на город Кагзеван[39], причем занял все скалистые ущелья и города Ашорнии[40], принадлежавшей Шах-Армену, прозванному царем армян[41].

После этого, собрав опять свои войска, направился против великого и славного города Двина[42], находившегося у подножия Арарата и являвшегося границей между Арменией и Адарбадаганом, [того самого Двина], который был наследием великана Трдата, некогда из-за Григория Парфянского превращенного в кабана[43]. Готовый к сражению и ожидавший его, он, будучи впереди всех, первый ринулся в бой. Потом воззвал к войскам своим и взял город, причем обилие пленных и сокровищ покрыло равнины и горы, ими наполнился город Тбилиси до того, что выкупатели или покупатели за одного пленного платили одну драхму и деревянный ковш. После этого, отправившись на охоту, он обходил горы и долы подобно Иоанафану Луконосцу[44] и меткому стрелку Чубину[45], сразу поражавшему врагов и зверей, и подобно Артемиде, названной именем бога охоты «Мтафоло»[46].

Он снова пожелал предпринять поход, потому собрал войска свои и направился на великий город Аниси[47], который некогда был достоянием и резиденцией греческих царей; в этом городе до сего дня имеется тысяча и одна церковь. Он остерегался греков, потому, выждав удобную минуту, сразу напал на некоего высокородного Шададиана[48], бывшего правителем города; в продолжение трех дней он предпринимал вылазки и напускал конницу. В конце концов словами и действием он сломил крепость его. После бегства Шададиана, он, выкорчевывавший терновик и среди молний низвергавший громы, взял город и исполнил желание свое. Город ему понравился и потому, не думая возвращать его назад, сделал его местом престола своего. Для охраны и укрепления его он оставил Ивана Орбели, мандатуртухуцеса[49] и амирспасалара[50], дав ему в помощники Саргиса Мхаргрдзели и великих азнауров разных областей, сам же, беззаботный, вернулся к местам своих игр, развлечений и охоты.

IV

Вспыхнул гнев раздосадованных от всего этого высокомерных агарян и исмаильтян. Шах-Армен, называвший себя Султаном, призвал [на помощь] весь Шам[51], Джазиру[52] и Диарбекир[53] вместе с чужеземными турками, равно как сына Ардоха, который через деда своего был отпрыском высокородного Ортока[54]. Этот Ардох, прославленный в боях полководец, обратил в бегство знаменитого Ивана Абулетисдзе и сородича султанов, сельджукида Салдуха[55], и, со многими властителями и падишахами персидскими, скрежеща зубами, подобно зверю, явился с громадными, неисчислимыми и необозримыми силами и полчищами и осадил г. Аниси. Бряцая оружием и вздымая коней на дыбы, он каждый день завязывал бой у городских ворот.

Об этом узнал в Начармагеви, в месте развлечений своих, царь царей, муж сильный, храбрый и несравнимый противоборец. Он призвал полки за полками и объединил их, конные и пехотные. Пренебрегая явным преимуществом [врагов своих] с севера и востока, он, как говорится, «герой, рвущийся в путь свой, опоясался, поспешил и возобладал»[56]. Он не обращал внимания на малочисленность своего войска и не стал дожидаться именитых своих витязей ни с той, ни с этой стороны Лихских гор[57].

Уповая на милость всемогущего, как говорит история Искандера Македонского[58], он призывал силу сил, которая царствует на небесах, и считал множество обступивших врагов. Не скрываясь от блеска вражьих мечей, перейдя горы, он спустился в Ширак[59] в сопровождении визирей: мцигнобартухуцеса[60] Иоанна и Сумбата, в монашестве Симеона, который советовал ему не подходить близко [к врагам] ввиду малочисленности войска своего. Не послушался мужественный из мужественных и голиаф из голиафов, воистину восприявший подвиги и венец первомученика [Георгия]: если он победил одного дракона, этот непобедимый воин, тезка Георгия [не только по имени], но и по уму, поразил многое множество аспидов и ехидн.

Видя войска сарацин, он (Георгий) направился против них, в молитве и воздыхании возведши очи к небу. Сам принял оружие, а Иоанну передал спасительное древо [крест] для несения впереди. Пылая сердцем и ободряя друг друга, они сели на коней и, рожденные для жизни, не щадили себя для смерти. Царь же, сидя на коне, твердо, голосом хосроидским возгласил и обратился с наставлением к сердцу воинов, рассвирепевших, как звери: «Люди, братья, единодушные и единоверные! Вы знаете, как хорошо умереть за божью веру и за Евангелие Христа; мы вечно ублажаем тех, которые, следуя по стопам Христа, умерли за него бренным телом. Видите ли, насколько славнее умереть мужественно, чем изматываться от изнуряющей болезни, ибо хороший пример и доброе имя вечно будут следовать за нами. Мы слышали от древних повествователей, сколько напастей претерпевало за божий закон племя евреев при Артаксерксе, равно как эллины, предводимые испытанным полководцем Фемистоклом, при миродержце-победителе Ксерксе, который, без войны покорив море своим войском, вынужден был одним лишь городом афинян отступить[61]. Теперь, крылатые мои львы, возьмите в руки, ради пронзенного за нас, копья и пики и вонзите их в неверующих в божество его!».

Произнесши заключительную молитву, он подозвал к себе амирспасалара своего Липарита Сумбатовича, Беку Сурамели, Абулетисдзе Киркиша. Повелитель военных сил с улыбкой и смехом

шутил: «Рыцари! Наилучшим среди нас окажется тот, кто моментально ударит в знаменосца, чтобы поражением его поразить стан Навала в Амоне и пришедших из стран Кидарских»[62]. Хвалясь так и уповая [на бога], он обошел [отдельные] полки и целые войска, отточил пику подобно Фридону[63], твердо державшему войска. И когда [враги] увидели поверженное рукой Ахиллесовой[64] знамя свое и вертящиеся в руках и метко разящие мечи, обратились в бегство, насколько позволяла им сила их лошадей. И исполнилось слово: «и один обратит в бегство тысячи».

Амирспасалар, дидебулы и рыцари[65], одни с одной стороны, другие с другой, пролили потоки крови [врагов]. Сам царь, овеянный счастьем Александра[66] и славой Сияоша[67], преследовал их, многократно меняя отряды, бил и убивал, рубил и сражал, причем великаны его помогали ему. Они видели, подобно народу израильскому, что солнце, остановившееся, как при Иисусе Навине[68], на небе, не удерживает больше колесниц течения своего и начинает клониться к закату, в то время как они еще продолжали преследовать, поэтому вернулись назад. Они нашли множество сраженных и пораженных властителей и высоковельможных лиц, азнауров, витязей и рыцарей, неисчислимое количество палаток и царских стоянок, обилие драгоценных камней, жемчуга, золота в слитках и изделиях, множество верблюдов, коней и мулов, всяческих сокровищ и благ мира сего, добычу, неподдающуюся подсчету. Оказывая помощь бесчисленному множеству живых, она позаботилась также о четырех покойниках; но получен был приказ делать то же самое и по отношению к тысяче тысяч находившихся в таком положении, которых стали собирать около ям.

Царь «Константин» увидел любимых своих визирей, военачальников, управителей, тавадов[69], дидебулов, азнауров, рабов и витязей; все войско воззвало к нему, раненые и потерпевшие сказали ему: «Мир [с тобою]». Можно ли передать словами, как радовались и благодарили бога и патрона[70] своего, явленного в образе его? Веселились все: отец, обретший сына, сын отца, брат брата и сородичей своих, патрон своего подчиненного и подчиненный патрона. И победители, исполненные всяких благ, овладевшие множеством коней, развлекались и целовали друг друга.

Царствуя в веселии и радости, государь с войсками своими преклонился пред высшим промыслом. Он восхвалял не крепость рук и не силу мужских ног, но вышнюю судьбу и святое провидение. Смиренно пал он пред господом богом, саваофом сил и, успокоенный слезами, сел отдохнуть, причем взял себе кое-что из премногого множества добычи. После трехдневного пребывания у ворот города Аниси, сделав необходимые распоряжения по городу и назначив в нем амира[71], он снял войска свои и, забрав с собою, вместе с оружием и казной, властителей, вельмож, азнауров и рабов, с радостью отправил вестников философам и патриарху, молитвы которого сопутствовали ему. Сам он, светлоликий, явился сперва к воспитательнице своей, царице цариц Тамар[72], которая омыла лицо свое слезами, а потом в радости превеликой, он, неосрамленный и мужественный, встретился с супругой своей.

V

Пребывая в такой славе, превознесенный и преуспевающий во всем, он обошел рубежи [владений] дедов и отцов своих. И пронеслась весть об истреблении войска, властителей[73] и вельмож Шама, Джазиры, Армении и Эрзерума. Когда об этом узнали султан Хварасана и Ирака, халиф, обладатель великого Вавилона и опора лжерелигии сарацин, и атабаг Персии Элдигуз, они созвали измаильтян, при этом вспомнили и собрали опаленные в огне кости Заратустры[74], который был первый царь и звездочет среди персов; об этих костях персы говорили: «Пока они у нас, не оскудеет царство персидское!».

Они собрались в Арране, и, направившись к южным областям Грузии, в страну Сомхити[75], обложили крепость Гаги, взяли ее и опустошили все пограничные земли. Узнал об этом прославленный, непобедимый воин, бесподобный рыцарь, царь Георгий; он сразу собрал [войска] из семи царств своих, из Имерии и Америи, вывел оссов[76] и [жителей] многих других земель и направился против султана, имевшего в своем распоряжении бесчисленное множество избранного и славного войска. Когда об этом узнали султан, атабаг и все богатыри и вельможи их, сказали: «Сегодня нет на земле человека, который в состоянии был бы состязаться с Георгием и его войсками, поэтому отойдем прочь и скроемся». Они бросили всю свою амуницию, в особенности, бывшую в Гаги, и перешли через реку Елекеци[77]; но здесь им пришлось задержаться, чтобы поспешно собраться всем вместе. Поэтому их настигли передовые части [грузинского] войска и стали их истреблять.

Когда это увидел царь, этот Ахиллес, обладавший пресчастливой рукой и притягательным сердцем, бросился на них, как зверь. Но приготовления к победе оказались тщетными: некоторые вельможи, в особенности Вардан Колонкелисдзе, тогдашний эристав Эрети[78], человек обремененный днями, сильный и опытный в боях, стали перечить ему и дошли до того, что удерживали его за поводья; и все это – вследствие взаимной вражды и зависти. Ибо сделанное хорошо и совершенно может быть расстроено или вследствие ущербления силы, или вследствие зависти. Но бог, создатель всех сил и причина всех деяний, сильнее всех и превыше всех; поэтому ничто не в состоянии противостоять и обессилить избранного им среди всех рожденных. Может быть, ему грозит зависть? Но он, избраннейшей из всех владык, является по природе добрым, добро же не знает зависти, как это подтверждают и другие. Царя не пускали, ему говорили: «Так как султан бежал со всем войском своим, не следует прекословить воле бога». Это – причина неосновательная, слово безрассудное, дело праздное. Так как премудрый царь в то же время был и уступчив, послушался их и, распустив войска, предался веселью, развлечениям и охоте.

VI

После этого султан и атабаг со всеми силами и войсками своими прибыли в Гелакуни[79]. Увеличив силы свои, к воротам Аниси подступил вышеназванный Шах-Армен, властитель всей Аравии. В это время Аниси укреплял Торели, славный и именитый воин. Он, разоритель и опустошитель окрестных земель, приготовил машины. Весть об этом дошла до нашей страны и до царя, который с небольшим отрядом веселился среди гор Лори и Дманиси[80] и охотился. К нему явился посланник султана, человек хитрый и коварный, знаток своего дела, с целью разведать расположение войск. Подобно басне о сове и вороне из индийской книги Калила и Димна[81], он, разузнав все, как ворон, расправил крылья свои, взлетел высоко и, явившись пред султаном и атабагом, сказал им: «Вот час возмездия нашего, если теперь не воспользуемся им, другого случая мы не найдем».

Видя, что веселый, отважный, могущественный и судьбой превознесенный царь стоит с незначительным отрядом, передвигаясь всю ночь, к рассвету они напали на спящих [так неожиданно], что царь едва успел надеть доспехи и сесть на коня. Амирспасалар Иван и прочие вельможи, выхватили его, как бы пленника, и сказали ему: «Царь! Некогда даже Александр был побежден женщиной, равно как Самсон Далилой и Соломон Сибиллой»[82]; привели и другие примеры побежденных властителей. «Неужели мы разгневали чем-нибудь того, который, поддерживая твое царствование, по-отечески наказал тебя, вознесенного, подобно сыну своему, сына Давида? Ведь и он (Давид), царь и пророк, предназначенный быть отцом Сына Божья[83], был преследуем Саулом. Теперь восприимем [это наказание] и повернем назад в надежде, что имеющий силу побеждать опять вознаградит нас, по обыкновению, победой!».

Хотя царь и был выхвачен насильственно, но его, с ним и рыцарей его, не раз видали в строю обращающими в бегство и истребляющими неприятельские войска. Они показали такое мужество и уменье, что ни одного дидебула, ни одного азнаура, ни одного подчиненного ему человека, годного и известного чем-нибудь, не потеряли в бою, разве только одного малополезного азнаура и крестоносца[84], но крест вынесли благополучно. О, поразительное мужество, храбрость, о, рука господня! В каком сражении, старого или нового времени, слыхано, чтобы подвергшиеся неожиданному нападению вышли из боя такими невредимыми? После этого вырвавшиеся из их рук последователи ислама рассуждали и говорили так: «Если, нападая на не ожидавшего нас, мы не сумели захватить его, можем ли напасть на ожидающего? Это было бы не чем иным, как преследованием тени и погоней за ветром. Поэтому вернемся назад в свое отечество и будем благодарить бога за то, что он нам даровал».

Всякий, кто читает это и стремится уразуметь, пусть помнит: «Ты, положил предел, которого не перейдут»[85]. Солнце среди толкователей Библии, Великий Василий, светило Кесарии, в книге естествознания, известной под именем «Шестоднев», говорит: «Птица алкун кладет яйца на берегу моря; как это бури и волны морские не преступают повеления бога и охраняют семя алкуна?». Если бы всевышний промысл попустил царю и если бы ему позволили преследовать обращенного в бегство султана, низвержены были бы высоты сарацинские; и если бы страх перед царем и храбрость его и войска его не обратили их вспять, были бы пленены роскошные места

и окрестности наши. После этого царь отдал г. Аниси родичу бывших его владетелей, которого он сделал своим вассалом. Атабаг Элдигуз стал посредником между султаном и грузинами и попросил мира. С другой стороны выступила сестра царя, бывшая супруга султана, царица Русудан; и водворились спокойствие и мир на некоторое время.

VII

Царь предался отдыху, развлечениям и охоте. В зимнее время он иногда переходил в Залихскую Имерию[86] и доходил до моря Понтийского, при этом охотился по всей Абхазии, иногда же [доходил] до моря Гурганского[87]. И царствовал таким образом в олимпийском величии.

Так как дидебулы и рыцари его пребывали без дела, они осмелились сказать ему: «Нет сил оставаться без походов и набегов». Царь, заручившись от своих заверением в мире и клятвою в верности ему, стал готовиться к походу. Находясь в Залихской стране, он решил начать войну и, назначив определенный день, приказал опустошить: таойцам, кларджам и шавшам – Олтиси и Бану; месхам и торельцам[88] – Кари[89] и Ашорнию; амирспасалару и сомхитарам[90] – побережье Куры до Ганджи; избранным имерам и картлийцам – ниже Ганджи по сию и по ту сторону Куры до Хлата; эрам и кахам[91] – от устья Алазани до Ширвана[92]. И был поход, какого никто никогда не видел.

А что сказать относительно мужественного и быстрого его передвижения? Он как будто не уступал [в этом отношении] Аввакуму, Даниилу[93] и Илье, который на Синае[94] источил дождь из одного [маленького] облака[95] и в огненной колеснице вознесся на небо; ногами быстрыми он воистину походил на вознесенного Даниила.

Поразив неприятелей, он, захвативший неисчислимое и невообразимое сокровище, подобно крылатому тигру, в одно мгновение оказался в Гегути[96], так что находившиеся там с трудом могли поверить этому. Если какой-нибудь язык или ум вздумает рассказывать о всех подобных вещах, это будет скучно вследствие продолжительности повествования. Так как помазанник божий вел свой род от Давида и Соломона[97], ему, подобно Соломону, служили все царя земли.

VIII

Некогда к нему пожаловал с красивой, светлоликой женой и детьми Андроник Комнин, сын сестры его отца и сын брата великого кесаря Мануила, царя всего Запада и Греции[98]. Возблагодарив бога, он принял его [как подобало] и оказал честь сообразно родственной с ним связи: одарил его городами и крепостями в достаточной мере, поставил ему престол поблизости своего престола, напротив Ахсартана, приходившегося отцу его племянником по сестре, царя Ширвана и Приморья от Дербента до Халхала[99]; последнего царь считал сыном своим и одним

из дидебулов своих. Этот Шарванша, стесненный некогда дербентскими хазарами, обратился к нему с просьбой о помощи.

Царь собрал войска из Имерии и Америи, взял с собой Андроника, племянника греческого царя, и подступил к воротам Дербента. Опустошил он землю маскутов и шарабамскую, взял город Шабуран[100]. Мужество Андроника у ворот этого города понравилось царю, наблюдавшему схватку, и войскам его. Город он отдал племяннику отца своего Шарванше. После победоносного возвращения домой он веселился и развлекался в своих владениях. Он посылал войска и спасаларов своих и доходил то до ворот Нахчевана[101], то до Масиса[102] и Гагвы, то до Бардава[103] и Балкуна. Среди побед и преуспеяний он увеличил казну. То, что было приобретено им самим, или что досталось ему в качестве военной добычи, он положил в Уджармской крепости[104], построенной Вахтангом Горгасалом, который, будучи львом из львов и голиафом и голиафов, скончался в ней. Столько красивых и нарядных охотничьих ястребов и собак, как у него, не было никогда ни у кого, не будет и в будущем.

IX

Среди благоустроенного таким образом царства и вожделенного течения жизни возмужал племянник царя, сын Давида, старшего его брата, красивый на вид и обученный на все лады, как подобало родовитости его. Но то, что омрачает все доброе и разумное, красивое и искусное, именно – отсутствие страха божья и преступление веры и заповедей христовых, это врожденное свойство некоторых людей царства сего, – огорчило дни его жизни. Ибо и отец его Давид, изменивший отцу своему Деметре и отступивший от него, извел дидебулов царства сего, одних заточением, других смертной казнью, иных разного рода взысканием. Подобно этому вошел дьявол в сердце и душу его. Через него бог разгневался на Орбелов[105] и на потомков их и преданных им самцхийцев[106], эров, кахов, на всех послушных им родичей и на все порождение их. И пошли измена, столкновения, убийства, кровопролитие и разорение. Бог, творящий правое, не попустил Авесалому возобладать над Давидом[107], ибо во святом Евангелии сказано: «Смертью да помрет тот, кто скажет родителям: «корван», то есть, дар богу то, чем бы ты от меня пользовался»[108]. Сообразно с этим он даровал победу Георгию, победителю побеждающих. Царь собрал войска и направился из города Тбилиси против врагов, расположившихся в горах Сомхити. Победив их и обратив в бегство, он загнал их в крепость Лори[109] и отобрал у них крепости и замки. От Деметре отступил брат и любимец Орбелов Саргис Мхаргрдзели с сыном и племянником своим. Царь принял его любезно и ласково и оказал доверие сообразно родовитости его.

Полонив Ташири и Лорис-Кари[110], царь расположился в Агаре[111]. Тогда он послал оставшиеся ему верными отряды, а также избранных от месхов, торельцев, картлийцев[112], сомхитаров и самого Чиабера, меджинибетухуцеса[113], воспитанного им. Они прибыли в Эрети. Их там встретили эристав[114] Эрети и все эры вместе с лезгинами и обитателями Кавказских гор. Завязался жестокий и тяжкий бой, ибо сражались опытные и льву подобные рыцари. Бог, творящий суд и расправу, победил, и обратили в бегство эров, захватили в плен именитых азнауров и лезгин.

Раненный в бою Григол, сын Асата, под которым убили коня, пропал в бою. Схватили Ивана Варданисдзе, про которого говорили, что он с самого начала копал яму царю, и вместе с ним Шоту Артавачосдзе. Их, как захваченных в плен сознательных изменников, привели к победоносному царю; возрадовались все радостью великой. Взирая на бога, дарующего победу, царь без промедления обложил Лори. Оттуда бежали в Персию эристав Картлийский Липарит, сын Сумбата, меджинибетухуцес Кавтар, сын Ивана, в свое время получившие эти должности от Георгия, а также Анания Двинели, одни – к сыновьям Шах-Армена, другие – к сыновьям Элдигуза. Хотя последние и выступили на помощь им, но правосудие Христа вернуло их назад ни с чем. За это время оскудела сила у сидевших в Лори; поэтому Деметре, спустившись по веревке из крепости, пешком, сойдя с коня, явился к дяде своему, оставшихся же в крепости спасалара и других вывели оттуда [и поступили с ними] сообразно с их долею и участью. Царь взял Лори и оставил его за собою. Потом, довольный и превознесенный, пошел против врагов и ослушников своих и воздал им сообразно делам их. Прибыв в Начармагеви[115], он, наводящий ужас на супостатов своих, предался радости и веселью.

X

На втором году после этого, вернувшись из Гануки в Начармагеви, он привел в движение все царство свое. Собрав [представителей] из семи царств своих, он пригласил царицу цариц, счастливую супругу свою Бурдухан, а также дочь Тамар, свет и сияние очей своих, это драгоценное ожерелье всех царей и венец всех властителей.

По обсуждении [вопроса] и заключении по нему, промыслом и призрением того, волею которого определяется высокая доля царей, он с согласия патриархов[116] и всех епископов, дидебулов из Америи и Имерии, визирей и спасаларов, объявил Тамар царицей и посадил ее одесную себе. Она была разукрашена разноцветной золотой бахромой и одета в виссон и драгоценные ткани. Взирая на нее, как на «гору божью»[117], он возложил на голову ей венец из чистого золота, украшенный яхонтами и изумрудами. Народ ликовал пред нею.

Сам царь, присягнувши ей в верности и преданности, проливая слезы и молясь богу, благословил ее благословением, которое подобно благословению, идущему от Авраама к Исааку, от Исаака к Якову, от Якова к Иосифу; оно, как переходящее на безоблачном небе солнце, до настоящего дня переходит от предков на их милое, нежное, тихое, от семени Давида происходящее потомство. Это потомство, подобно камню, оторвавшемуся от горы, виденной Даниилом, крепло все более и более, пока оно не стало горой великой, камнем краеугольным, а не преткновения, и сокрушило все изображения и всех идолов золотых и серебрянных, железных и медных и глиняных, все истуканы и статуи невидимых сил, равно как видимых врагов и противоборцев[118].

XI

После этого, среди благоденствия и всеобщего счастья, наступило время уплаты долга миру сему, наступило не только неожиданно, но и безвременно, не сообразуясь даже с быстротечностью жизни: скончалась мать Тамар, равная матери сына божья. Какой язык в состоянии выразить, сколько горести и воздыханий было вызвано этим событием? Из благоговения пред случившимся и в подтверждение его скажем только следующее.

Царю, пребывавшему в Гегути, сообщили о столь ужасном происшествии. Вырывая волосы и бороду, он, похожий на Авесалома златокудрого[119], проливая потоки слез, тысячу и десять тысяч раз ударял себя в грудь и изводил себя. С выбритой головой и подавленным сердцем встретил он дочь свою, светозарный вид который уже успел омрачиться. Когда они держали друг друга в объятиях, из четырех их глаз источались потоки слез, как бы из райской реки Геон[120], да и в самом деле земля грузинская стала раем.

Царь утешил и обласкал дочь свою любезную и сверх меры красивую, успокоил ее проявлением отцовской любви и возвестил о прекращении траура; покинув Картли, он спустился вниз. После горестного сего происшествия, когда миновало время печали, он снова предался развлечениям, охотился, как было принято, по горам и долам и держал в повиновении восток и север. Ему приносили дары и братались с ним цари греческие, алеманские в Иерусалиме[121], римские, индийские и китайские, султаны же хварасанские, вавилонские, шамские, египетские и иконийские служили ему, а за ними – скифы, хазары, аланы, хорезмийцы с хорезм-шахом, бейрутцы[122], абиссинцы, арабы, мидяне, эламиты, жители Междуречья и «всяк язык и род» от востока до запада.

XII

Среди такой славы и обилия мирских благ приспело время, определенное, в силу согрешения Адама и проклятия Евы, всем исповедникам правды от Авеля праведного до Захарии и сына его Иоанна[123]; они, праведники, порабощены были в аду убийцей нашим и самоубицей Самуелем, который, будучи низвергнут с высоты неба в преисподнюю, светлое ангельское состояние переменил на мрачное и превратился в дьявола, державшего в руках любящих бога и любимых им.

Желая спасти от него грешных людей, бог принял образ человека, только свободно, без принуждения; в течение 33 лет он творил знамения и чудеса и обитал на земле, владыка и творец неба и земли. После этого, вместе с грехами и прегрешениями преходящего и тленного сего мира, он принял на себя смерть по плоти, воспринятой от нашего естества, для нашего избавления. Поелику бессмертный бог и предвечный сын не сделал бессмертной носимую им плоть, что воображу я, слыша это, и что представляю в утешение, что тело наше, из четырех стихий состоящее, не всегда удерживает в себе душу? Он, солнце над всеми солнцами и сияние царской власти, новый Нимрод, Александр и Ахиллес, возвышенный в начале от земли до неба,

умер в ту же самую седмицу страстей [как и Христос]. Сказано: «как на небесах, так и на земле»! Тот [Христос] прожил 33 года в плоти убогой и уничиженной, этот же [царь Георгий], правда, не во всем так, но все же по образу бога.

Когда весть об этом ужасном и плачевном происшествии, способном сокрушить скалы и выломать двери жилищ, [по неожиданности напоминавшем] падение с неба манны и звезд, дошла до трисиятельной, от царя царей царицей поставленной Тамар, в Тбилиси, в крепостном ее дворце Исани[124], обиталище ее, во всем подобное раю, превратилось в ад. Вместо радости и развлечений стали там раздаваться голоса плача и воздыханий, вместо света незатененного воцарился мрак. Тамар же, это солнце, воздух чистейший, свет без тени, села во мраке и рвала на себе волосы, при этом поток ее крови опережал поток слез ее. Патриарх и чтимые дидебулы отправились в Самшвилде[125] к сестре царя, царице Русудан, и, рассказав ей слова страшные, ужасные и трудно представимые, взяли ее оттуда вместе с ее воспитанником; их, конечно, встретили. Обнимая друг друга и обливаясь слезами, смешанными с кровью, они вошли в царский дворец. Подняв глаза вверх, они увидели, что до небес вознесенный престол, это седалище светлее солнца гаваонского и лучей аелонских[126], – волею судеб пуст и свободен.

Озираясь кругом, увидели патриарха Михаила, стоявшего вместе с другими епископами, визиря Антония, амирспасалара Кубасара и прочих должностных лиц: мечурчлетухуцеса[127] Кутлу-Арслана, чухчарха[128], Вардана Дадиани, меджинибетухуцеса Чиабера, мсахуртухуцеса[129] Афридона, мцигнобартухуцеса Ивана [Кобулисдзе], дидебулов, азнауров, воинов, а также порфиру, венец, скипетр и оружие, счастливо им употреблявшееся. Они еще раз обвели глазами кругом, и представились им: полный дворец, отряды бойцов, войска, опустошенные и разоренные города и крепости. С другой стороны, вспоминали человека, ростом с Горгасала, силою Ахиллеса, светилам подобного, непобедимого. Каким языком выразить или как изобразить день этот невоспроизводимый. Какая печаль, какой плач, какие воздыхания, какие потоки слез, смешанных с кровью, какие причитания и воспоминания от времен Адама до праведного Авеля, от Якова до Иосифа, от Давида до Ионафана?[130] О, безутешность [положения], о, отказ от телесных доспехов, облачение в власяницу и воздержание от всего съестного! Это до сих пор.

XIII

С этих пор, привлекая, подобно адаманту, разум, начну я сражаться и воевать. Ударяя о камень железом, исторгну огонь любви, похвалы и пожеланий; раскалю печь и вознесу ее до неба. В ней найду эфир огненный, а около нее землю, в огне уничтожающую непослушных, в то же время, подобно огню, помогающую друзьям и любителям и полезную для них.

Если некогда Навуходоносор среди трех отроков четвертым видел одного из троицы[131], здесь теперь, вместе с несравненной и превознесенной Тамар, троица видна четверицей.

Собрались представители семи частей этого царства и дерзнули доложить царице Русудан[132]: «Сегодня ты заменяешь Тамар родителей. Она, будучи юной, по уму выглядит не юной, а сознательной, разумной и знающей; она слушается и почитает тебя, принимая за незримых

теперь родителей. Предложи ей и посоветуй прекратить безмерную скорбь; пусть воссядет на трон, на который возвел ее превысокий и мужественный брат ваш и отец ее, и покажет сияние и могущество венценосного рода и дома вашего. Если бы она, – это ожерелье и венец государства, – не была совершенной и способной управлять царством и, говоря высокопарно, по-олимпийски держать его, ей не были бы вверены престол Давида и печать Соломона[133]. Пусть она теперь начнет царствовать и, совершив обряд коронации, в преднесении животворящего креста, сопутствуемая благословением Мелхиседека, благословившего Авраама[134], взойдет и сядет на престол отцов своих; пусть держит концы земли и царствует от моря до моря». Русудан, одобрившая и подтвердившая это предложение, доложила об этом царице и владычице – Тамар. Та, выслушав просьбу дидебулов семи царств и вняв совету, ими предложенному, подчинилась им, правда, не совсем охотно.

Возвели на отцовский престол это солнце над солнцами и свет, пресветлее света, – Тамар, подобно молнии и солнцу освещающую других. Принесли венец, певцы, возвысив голоса, [воспели песни] победного венчания и могущественного царствования, при этом вспомнили также явление креста царю Константину на горе Масличной[135]. По поводу подобного славословия и величания пригласили достойного из подвижников и исполненного благости Антония Саргисисдзе, архиепископа Кутаисского, и предложили ему взять в руки венец, так как, по чину, возложение короны при венчании на царство было предоставлено Залихской Имерии.

С другой стороны стал Кахабер, эристав Рачи и Таквери[136]. Именитые чины – Варданисдзе, Сагирисдзе и Аманелисдзе – надели на нее меч. В это время ударили в барабан, литавру, кимвал и трубу; и было в городе ликование, веселье и радость, воскресла надежда. Войска всех семи царств поклонились ей, благословили и прославили ее. Каждый своевременно занял свое место. Семисветлая Тамар была благословлена тем, который в течение шести дней призвал к бытию все сущее, в седьмой же день отдохнул.

XIV

Относительно Тамар сказано: «почию в душе кроткой и чистой». Всевидящий увидел, что свет, бóльший первозданного света, хорош, и «назвал свет днем»[137], он назвал ее светом среди счастливейших олимпийцев. Тамар же, уготовив семь столбов мудрости[138], воздвигла на них храм и дворец семи добродетелей для просвещения семи царств [Грузии]. Прославляя бога семь раз в день[139], семикратно очищала она себя, подобно мудрецу и царю, словами Исаии и Давида. По словам Соломона[140] «милующий семь, дает часть и восьмому». Освещая все семь царств [Грузии], она каждый день семидневия (недели) прощала виновных семь и седмижды семьдесят раз[141]. Семи поясам неба и светилам небесных сфер – Кроносу, Зевсу, Афродите, Ермию, Апполону и Арею – уподобила она сферу земную, пять чувств познания обратив в семь присоединением к ним души и разума. Подражало ли когда-нибудь небесному светилу светило земное несравнимой и бесподобной красотой, или мудростью, или щедрым, подобно солнцу, излиянием лучей на праведников и грешников, или победой, которую оно одерживало в нужных случаях?

Если кто исследует светила и зодиак, тот все более и более возрождает свойства ума и возраст свой. Та, которая, производя себя от Августа Кесаря[142], ниспослана была вышнею судьбой, превратила себя в рай, насажденный рукой бога и благоуханием своим оживляющий обоняющих. В этом саду собирают дары разума и духа, чувств и способностей. Живя в нем, не искушаемая сатаной и сердцем своим, она уподобила ум свой уму божественному и душой созерцала того, кто видит все твари. Она познается как Пифодор и Критий[143] через сооруженные ими изваяния. И стала государыня, подобная Кайхосрову[144], миловать и жаловать, раздавать и одарять. Открыв глаза, открыла она казну, сбереженную отцами и дедами ее. Одну часть этой казны она отложила для неба, для того высокого и непорочного существа, заповеди которого она соблюдала, – эту часть она положила в месте, недоступном для тления; другую же часть она отложила для этого мира. И столько она роздала сокровищ, что это не поддается подсчету и исчислению. Она освободила должников от долга, подкрепила сирот и дала вдовам право выходить замуж[145], сделала сильными неимущих и богатыми сильных. Царица Русудан была уравнена [с нею] и для себя и воспитанника своего получила города, урочища, селения и дворцы.

XV

В то время как она одаривала жителей всех семи областей [своего царства], имерских и амерских, верхних и нижних, некоторые начали дело, свойственное человеческому непостоянству. Некоторые из высших должностных лиц под клятвой сговорились так: «Не можем больше оставаться под фирманом старых чиновников и управителей, так как благодаря им мы ущемлены и остаемся без [прерогативы] сидения на сафьяновой подушке, родовитые и служилые дома оттеснены безродными и неименитыми».

Кубасар, воспитанный патронами, преданный и добрый витязь и рыцарь, состоявший в должности амирспасалара и мандатуртухуцеса, вследствие болезни, известной под именем паралича, лишился языка, руки и ноги. Царице Тамар предложили лишить его всего его достоинства и отобрать имущество и богатство. Но намерение их осталось тщетным, так как Тамар, будучи благой, вспоминала любовь, службу и воспитание его и потому, кроме должности и Лори, ничего у него не отобрала, напротив, до дня смерти держала его в любви великой и почете.

По воле и желанию рыцарей низложен был также и Афридон, который из азнаурской челяди, милостью богоподобного, стал человеком и, достигши должности мсахуртухуцеса, стал владетелем Тмогви и других крепостей и земель. Заговорщики, из-за власти и влияния, стали препираться между собою. Страшно даже вспомнить: Кутлу-Арслан, это мулоподобное существо, происходившее их низших слоев и одаренное коварным умом, сочинил какой-то проект на персидский лад и потребовал поставить палатку на Исанском поле, при этом говорил: «Сидя в этой палатке, будем выслушивать, отвечать и ведать делами помилования и наказания; свои решения будем докладывать царице Тамар, которая будет приводить их в исполнение».

План этот означал конец царствования Тамар; последняя – сокровищница ума и мудрости, – поняла это, удивилась и обиделась. Она решила захватить главу заговорщиков и, посоветовавшись

с верными и преданными ей, задержала мечурчлетухуцеса Кутлу-Арслана, теперь называвшего себя амирспасаларом и готового сесть в Сомхити, в Лори, на место армянского царя. Когда об этом узнали военные, присягнувшие ему и готовые поддержать его козни, они собрались и, отложивши [свой план], постановили крепко стоять за освобождение Кутлу-Арслана и не допустить, чтобы ему нанесен был какой-нибудь вред; с этой целью они приготовились даже к осаде Исани.

Так как десница господня, помогавшая ей против врагов и поднявшая за нее оружье и щит, встретила ее противников, расстроилось намерение их, как некогда намерение священника Авиафара и военачальника Иоава, которые соединились с Адонием, братом Соломона[146]. Тамар выслала к ним двух наипочтеннейших женщин – Хуашаку Цокали, мать Картлийского эристава-эриставов Рати, и Краву, мать Джакелей, – и предложила им сдаться ей под клятву, что она другого никого не накажет. Оно подчинились приказу Тамар, явились пред нею и, пав на колени, поклонились ей. Не чувствуя за собою силы, они взяли от Тамар клятву [в невредимости] и сами поклялись ей в верности и повиновении ее воле.

XVI

Помазанница божья села на престол, до неба вознесенный, красивая, как Афродита, щедрая, как солнечный Апполон, приятная для созерцания, своим чарующим, бесподобным и богозданным видом доводящая всех, кому приходилось видеть ее, до исступления, одержимости и удаления [от людского общества][147]. Она была проникнута заботой о всех, нуждавшихся в чужой заботливости. Прежде всего она озабочена была избранием [достойных лиц] на должности визирей и спасаларов.

С согласия и одобрения [дидебулов семи царств] приказала утвердить в должности Чкондидели[148] мцигнобартухуцеса и визиря визирей Антония, воспитанного ее отцом, мудрого и разумного, верного своим патронам и испытанного в делах управления. Амирспасаларом назначила Саргиса Мхаргрдзели, человека родовитого и доблестного, воспитанного в боях; ему она пожаловала Лори, удел князей и управителей Сомхити, одарила [старшего] сына его Захарию, младшего же Ивана ввела в состав служащих в Дарбази[149]. Мандатуртухуцесом назначила Чиабера, она вручила ему золотой жезл и облекла его в драгоценное одеяние; и посадили на златокованых скамьях одних – по правую его руку, других – по левую. На должность мечурчлетухуцеса она назначила мужа великого и родовитого – Кахабера Варданисдзе. Должность мсахуртухуцеса предоставила Вардану Дадиани, должность же чухчарха Марушиани – сыну чухчарха же; так как отцы двух последних состарились, она должностью отцов почтила сыновей их, которым предоставила право сидеть на подушках. На должность меджинибетухуцеса определила Гамрекели-Торели, который после Саргиса Мхаргрдзели стал амирспасаларом.

Эриставами в то время были: в Имерии, за Лихскими горами: Барам Варданисдзе – в Сванети, Кахабер – в Раче и Таквери, Дотагод Шарвашидзе – в Цхуми, Аманелисдзе – в Аргвети, Бедиани – в Одиши[150]. В Америи, по это сторону Лихских гор: Рати Сурамели – в Картли, Бакур Юный, сын Дзагама, – в Кахети, в Эрети[151] – сын Григола Асат, который силою отнял должность у Сагира

Колонкелисдзе; спустя немного времени, он ее передал сыну своему Григолу, так как выпросил себе место Аришиани и право сидения на подушке[152]. Эриставом и спасаларом в Самцхе[153] определили Боцо Джакели. Другие должностные лица, имевшие право стояния во дворце пред троном, назначены были сообразно с их происхождением.

За это время Тамар обеспечила епископов и престолы их пожертвованиями, освободив церкви от оброков и податей. В ее царствование земледельцы сделались азнаурами, азнауры – дидебулами, последние же стали властителями, это видно и теперь, когда пишется все это. В течение 31 года преблаженная Тамар, мудростью Соломона, мужеством и повседневной заботливостью Александра[154], держала царство свое от моря Понтийского до моря Гурганского, от Спери[155] до Дербента, а также все земли как по сию сторону Кавказских гор, так и по ту сторону Хазарии и Скифии. При этом она стала наследницей того, что обещано в девяти заповедях блаженства[156].

Она (Тамар) обладала такою мудростью и возвышенным умом, что за 31 год своего правления по ее распоряжению никто не был наказан плетью. Чуждая крови и таких мер наказания, как ослепление и извучение, полновластная, наводящая страх и ужас, кроткая для кротких и миротворящая, она веселилась и царствовала в государстве и владениях своих. Никто никогда не видел, чтобы кто-нибудь, кроме нее, так свободно покорял человека помимо воли его, и смирял человеческую строптивость и сопротивляемость. Что касается других сторон, каковы: победы, объезд рубежей, храбрость подданных и соплеменников ее, или рыцарские, воистину героические деяния пехотных и конных воинов, или приятное, краткое и мирное собеседование, – об этом слушающие узнают из последующего рассказа.

XVII

Чтобы милость и благосклонность патронессы, благой и сладкой, к рыцарям и воинам была полной, собрались озабоченные [вопросом] и сговорились подыскать подходящего для нее жениха и привести его в качестве мужа ей. Он должен был напомнить времена богатырей-голиафов, или кровопролития [из-за женщин] среди эллинов-язычников, или уединение [в пустыню] влюбленных, потерявших разум из-за женщин, как, например, потерял разум Тахамтан из-за Тумианы[157], Амиран – Хорешаны[158], шанша Хосров – Бануи[159], Мзечабук – хазарской солнце-красавицы[160], Яков – Рахили, Иосиф – Асенефы, Давид – Вирсавии и Ависаки[161], мужественный Пелоп – Гипподамии[162], дочери Эномая, Плутон – Персефоны[163], Рамин – Вис[164], Фридон – Шаринозы и Арнавазы[165], Шатбер – Айнлиеты[166]. Надлежало, чтобы явились герои из героев, или мужи, добрые и прекрасные воины, проливавшие кровь подобно язычникам из-за возлюбленных, или подобные льву и солнцу влюбленные, удалившиеся, как звери [в пустыню], из-за этого превышнего солнца, более светлого и блистательного, чем те, которых изображали и представляли солнцем и светилами. Но трудно было думать об этом, ибо среди рожденных не было равной ей, думаю, что и не родится никогда

Тогда выступил эмир Картлийский и Тбилисский, по имени Абуласан, который сказал: «Я знаю царевича, сына великого князя русского Андрея[167], он остался малолетним после отца и,

преследуемый дядею своим Салаватом[168], удалился в чужую страну, теперь находится в городе кипчакского[169] царя Севенджа». Выслушав это, позвали одного из влиятельных лиц, великого купца Занкана Зоровавеля [и отправили туда]. Меняя в пути лошадей, он не замедлил явиться туда, забрал с собою и доставил раньше условленного времени юношу доблестного, совершенного по телосложению и приятного для созерцания. Видя все это, патриарх, дидебулы, визири и рыцари доложили об этом Тамар и, не получив ее согласия, стали готовиться к свадьбе. В то время там находился Алексей[170], который был по отцу племянником греческого царя, близким ее родственником. Некоторые, правда, с горечью в душе, предлагали выдать Тамар за него. Она же, твердая в вере истинной, упорно отказывалась от брака и просила освободить ее вообще от необходимости выйти замуж. Но царица Русудан и военные настояли на своем, выудили у нее согласие и устроили свадьбу, сообразную с ее олимпийским величием и царственностью, беспримерную и трудно представимую: многочисленные зрелища, подношения драгоценных камней, жемчугов, золота кованного и в слитках, дорогих тканей, сшитых и в отрезах; веселье, развлеченье, подношения и одарения продолжались целую неделю.

Я возвещу вам и о печальном и грустном происшествии. Пред тем к ней приехали осетинские царевичи, прекрасные на вид юноши. Они просили и молили бога дать им возможность совершить нечто такое, чем можно было бы обратить на себя внимание царицы и добиться высочайшего счастья. Так как намерение их осталось тщетным, они отправились в свое отечество, причем одного из них обуяла столь сильная любовная страсть к Тамар, что не выдержав ее, он в падучей слег в постель и умер в Никози[171], у храма Раждена, где его и похоронили.

XVIII

После этого стали готовиться к походу; царь руссов и абхазов[172] выступил из Тбилиси. Подняли счастливое походное знамя и, в преднесении животворящего креста, защитника и хранителя царского скипетра, прежде всего направились в страну Кари[173] и Карнифори, которую разорили до самого Басиани[174]. Оттуда они вернулись победоносно, обремененные [добычей], и, исполненные радости и любви, явились пред богопросвещенной патронессой.

До этого войска арранских и гелакунских[175] турок наводнили страны, известные под именем Палакацио и Дзагинское ущелье[176]. Против них выступил Гамрекели Кахайсдзе; овеянные счастьем Тамар, малочисленные победили многочисленных: они обратили в бегство и истребили их и привезли самодержице в подарок [богатую добычу]. В то же самое время страны шавшетские и кларджетские[177] были наводнены войсками из города Карин[178], шамийцами и чужеземными турками, пехотными и конными. С этой стороны выступили с войсками своими Гузан Абуласанисдзе из Тао[179], а также Боцо и сопровождавшие его, подоспели и месхи; они сразились и с бродягами-грабителями. Счастье Тамар одержало верх: их обратили в бегство и уничтожили. Оттуда тоже доставили боговенчанной, превознесенной и изо дня в день преуспевающей царице бесчисленное множество людей и коней. Ввиду всего этого радовались, веселились, охотились и торжествовали все.

XIX

После этого сыновья Саргиса и Варама Мхаргрдзели, юноши отменные, старейшины Захария и Захария, официально принятые [во дворце][180], Иван и Саргис, еще непринятые, предприняли поход в страну Двинскую. После того, как они, одержав победу, с захваченной добычей возвращались назад, их догнали двинские войска. После жестокой схватки, напоминавшей схватку львов, войска эти были обращены в бегство. Победоносные и прославленные, они с богатой добычей явились перед царями, которые милостиво отблагодарили их.

Спустя некоторое время, начали войну: в нижней части – нижние, в верхней – верхние, в средней же – средние[181], воевали везде победоносно и удачно. Царь, собравши войска, по приказу Тамар направился и опустошил страну парфян. Овладев городом этой страны и захватив с собою сокровища и пленных, он вернулся назад к совершеннейшей и блистательной Тамар, представлявшей собою око, не омраченное ночной тьмою, день без тени, вожделение и отраду души и тела. По временам они отдыхали от военных походов и, веселые, направлялись, по принятому обычаю, в Имерские страны; иногда же доходили до границ Шарвани, причем шарванша являлся к ним с богатыми дарами. После совместной охоты, радостные, расставались с ним и, одарив его всякого рода подарками, по-братски отправляли его [домой]. Тот слушался их и служил им, как подобало вассалу.

XX

После этого с многочисленными войсками направились против Гелакуни[182], с которым трудно было справиться вследствие множества, наподобие морского песка, туркменов. Тем не менее овладели им, истребили жителей и захватили много добычи и пленных. Когда они возвращались назад, догнали их гелакунские туркмены под предводительством шамийских[183] князей Ростома и Ялгуз-Алфеза, которых держал при себе атабаг Кизил-Арслан[184]. Когда обе стороны построились в ряды и завязался бой, воины Тамар показали себя как обычно: старики опережали молодых, молодые – стариков, патрон – своего подчиненного, подчиненный – патрона. Обратив противников в бегство, истребляли и уничтожали их. Затем они вернулись в свое государство, представ пред царицей всего востока и запада, севера и юга.

После этого, по приглашению Асата, сына Григола, предприняли великий и славный поход в страны ниже Ганджи до Белакони[185], а затем – выше Аракса до Масиса. И здесь, против многочисленного неприятельского войска, воины прославили себя. Вардан Дадиани, мсахуртухуцес, четверо Мхаргрдзели и другие дидебулы и азнауры, в присутствии царя, выдержали великую и трудную войну; обратив неприятеля в бегство, они вернулись домой с победой.

XXI

Во время такой возвышенной, полной побед жизни проявилось некое странное и несуразное дело, не имеющее себе подобного и невероятное для человеческого разума. Сатана, войдя в сердце русского [князя], именуемого скифом, побуждал его досаждать словами Тамар, этому солнцу государей и блистательной молнии... Кроткая и приятная, разумная и сметливая Тамар целых два года, а то и болше терпела ниспосланное ей испытание. Когда это узнали визири и дидебулы, удивились и согласились на том, что это – дело того самого древнего врага, который побудил брата на убийство брата, отца – на убийство сына и который изгнал первого человека из рая; он и теперь подготовил изгнание князя из видимого сего рая и пресветлого Эдема. Подобно древнему хакану скифскому, враг этот и тут предпринял осаду; если хакан обложил царицу городов[186], здесь дьявол подступил к царице цариц. Не питая доверия к князю, ставшему слугой дьявола, доселе милостивая и не гневавшаяся Тамар, проливая слезы, отправила его в изгнание, причем снабдила его несметным богатством и драгоценностями. Хотя он и заслужил это, но она не предала его смерти, равно как, будучи щедрою, подобно солнцу, не ограбила его. Посаженный на корабль, он прибыл в Константинополь и жил там некоторое время.

XXII

После этого она господствовала и владычествовала более удачно и успешно, очищая себя от всякой скверны. Помощницей себе и поборницей в боях она считала десницу господню, а не рок или судьбу дедов и отцов своих, тем более не судьбу надеющихся на нее язычников. Ей доставляли дары все цари от востока до запада, из-за нее сходили с ума все, кому доводилось слышать о светлом ее облике. Старший сын греческого царя Мануила[187], витязь Поликарп, одержимый любовью к ней, с ума сходил из-за нее, но Андроник[188], царствовавший в то время и истреблявший греков, схватил его и наказал. Подобное случилось с сыном Ассирийского, Месопотамского и Антиохийского царя: если бы он мог пробраться через страны варваров, в одну минуту очутился бы здесь. Равно и один из сыновей султана Кизил-Арслана, взбесившийся из-за нее, с трудом был удержан отцом, боявшимся, что он из-за нее изменит вере своей.

Находящиеся с ней в близких отношениях питали к ней такую любовь, что недостойные не стеснялись своего недостоинства, равно как родственники не обращали внимания на родство. Если лучи солнца с неба стелются на землю для взирающих на него, лучи царственной Тамары с земли стелились на арену неба. Узнав о ней, внук Салдуха, по имени Мутафрадин[189], невзирая на противодействие родных, отказался от ложной веры Магомета, привлекшего к себе людей своеобразным учением о мире; побежденный ее красотой и любовью к ней, он явился из своего отечества пред высочайшей из царей, самодержавной Тамар с большим войском, многочисленными князьями, евнухами, телохранителями, рабами и рабынями. Он привез с собою много богатых царственных подарков, драгоценных камней, жемчугов, охотничьей своры и коней. Его встретили по чину царского двора и с честью и любовью доставили во дворец.

Дед царицы, великий и прославленный Деметре[190], витязь, подобный Горгасалу[191], некогда силою и с большим трудом пленил и привел к себе деда его Салдух-Ездина[192], она же, даже не удостоив словом, привела его к себе как раба и данника. Он гостил у нее тихо и спокойно продолжительное время, причем с первого же взгляда на нее стал проливать, как Рамин[193], обильные потоки слез. Она его посадила с честью около своего трона на стул. И было веселье несказанное, какое подобает шедрому пиршеству дидебулов и рыцарей царского двора. Что касается разнообразных зрелищ, певцов, игроков, подарков, подношений и одеяний, всему этому не было числа. Среди почестей и подношений, окруженный любовью, зиму он провел в Сомхити и Тбилиси. Ему очень нравились места охоты и тавады, доволен был и патронессой, совершеннейшей, как божество. Весной его взяли и показали ему места стоянок, поля охоты, площади, а равно страны Кахети и Ран[194].

Тавады, витязи и воины патронессы, одобряя и восхваляя все это, радовались, веселились и славили бессмертную свою патронессу, ожидая ее решения. Но так как Тамар, гордая и надменная, в высь направлявшая крылья своего ума, не находила его подходящим для себя, низложили высокомерие влюбленного после возвращения его в столицу. Сельджукид оказался в положении, противоположном положению Саула: тот (Саул), ища ослиц отца своего, обрел царствование, этот же, искатель царства, превознесенного над всеми царствами, нашел долю, которая приличествовала тому, что было потеряно Саулом[195].

Была одна [девица], рожденная от наложницы, которую называли дочерью царя. Расстроившие брак [с царицей], не желая свести ни к чему приезд гостя, выдали за него эту девицу и устроили славную свадьбу. Ему подарили множество одеяний, коней со всякой сбруей, и вместе с богатыми сокровищами отправили в собственное его местопребывание, в Эрзерум, только в таких слезах и в столь удрученном состоянии, что не опишешь языком.

После этого явился, как бы с визитом, шарванша Ахсартана[196], одержимый любовью к ней. Согласно закону исмаильтян прошлого и настоящего времени, он не обращал внимания на происхождение и родство и, готовый отказаться от своей веры, умолял всех имущих власть [помочь ему, чтобы Тамар вышла замуж за него], причем предлагал громадные взятки, даже духовнику ее и католикосу. Но козни дьявола остались тщетными. Великодушная Тамар, будучи предана высшей силе, возвела разум, рождающий слово, к высочайшему разуму и седмижды освященный храм Слова божья[197] сохранила по-царски. Она пристыдила побежденных маммоной и преданных ей, послушных козням сатаны. Отправив домой шарваншу с честью и любовью и с многочисленными подарками, она приказала, чтобы никто больше не осмеливался говорить ей что-либо подобное.

XXIII

Воевали витязи счастливой владычицы Тамар, которой все больше страшилась [враги ее]. Среди непрерывных побед радовались, веселились и охотились по горам и долам. Но вместе с тем тревожились из-за отсутствия наследника [престола].

Когда все семь царств [Грузии] поглощены были заботой об этом, промыслом божьим, возвышающим униженных и низлагающим гордых, указан был путь, о котором сказано в святом Евангелии: «Не тех, которые меня избрали, но которых избрал я»[198], или в словах Давида, которые нужно вспомнить здесь: «Я был меньший между братьями моими и юнейший в доме отца моего, но сам господь взял меня и помазал меня елеем помазания своего»[199] и прочее.

Во дворце царицы Русудан[200] был витязь из сынов Ефрема, то-есть, оссов, мужей могущественных и сильных в боях[201]. Так как он доводился Русудан родственником по линии ее тетки, дочери отца ее Давида, выданной замуж в Осетии, она, Русудан, привезла его к себе на воспитание. Приезжавшие туда или оттуда видели, что юноша этот, – по отцу и матери царского происхождения, – был хорошо сложен, плечист, на вид красив, ростом умеренный. Жители царства нашего дерзнули просить Русудан быть помощницей визирям и дидебулам и доложить Тамар: «Видит царское твое величество, что в жизни твоей проявляется промысл божий; в самом деле, сколько витязей, – сынов властителей греческих, римских, султанских, скифских, персидских и осских, – добивалось [счастья быть супругом твоим], но они, по справедливости, отвергнуты были все, потому что не было на это повеления божья».

Тогда Тамар, преданная, как родителям, тетке своей, а также войскам и воеводам, к которым она была милостива, изволила сказать: «Свидетель мне бог, что никогда я не желала выходить замуж, ни раньше, ни теперь, поэтому я просила бы [освободить меня от этой необходимости], если бы не престол, врученный мне прежде всего богом, а потом родителями моими». Те все больше просили ее. Дидебулы имерские и амерские отправились и доставили в Дидубийский дворец, в окрестностях Тбилиси, царицу Русудан и ее воспитанника. Там справили свадьбу, соответствующую и сообразную с величием царя. Исполненная всякой мудрости, Русудан распоряжалась во дворце, с одной стороны, по-багратионовски, так как происходила из фамилии Багратионов, с другой стороны, как бывшая невестка султанов Иракских и Хварасанских, действовала сообразно с тамошними обычаями, которым она была научена.

Радовались и веселились все, нищие сделались богатыми. И было состязание певцов, смотр действа акробатов, мужество красиво наряженных воинских частей. Невозможно поведать, в каком счастье и благоденствии пребывала Тамар вместе с Давидом, витязем, подобным происходившему из семени Давида [пророка][202]; об этом узнаете постепенно из предлежащего повествования. Этот Давид в течение одного года превзошел всех в умении метать стрелы, наездничать, упражняться на арене, плавать, в книжном учении и, как это видно и сегодня, во всем этом он превзошел всех отечественных своих учителей и соучеников, а что касается чужеземцев, среди них не являлся подобный ему.

XXIV

После этого дошло до слуха царицы, пребывавшей в мире и побеждающей врагов, что несчастный русский князь отбыл из Константинополя и явился в страну Эзинкан, в город Карин. В то время заместитель мечурчлетухуцеса, по вере варвар, по поведению же [достойный попасть в] преисподнюю, воодушевленный добрыми и ласковыми патронами, прибыл туда, к нему явился русский князь. Пристали желавшие возвращения русского князя в царский дворец и стали просить в его пользу прибывшего туда посла. Об этом узнали некоторые из нашего царства, главным образом, дьявол, который вечно противоборствует.

[Пророк] Давид в исступлении сказал: «Всякий человек ложь»[203]. Действительно, даже те, которые согласны были призвать на царство Давида и щедро и обильно были осыпаны милостью, совершили поступок более злой, чем зло древнего и нового времени. Волею или неволею сделавшиеся в нашем царстве предателями своих патронов никогда от создания мира не имели успеха и преуспеяния. Причиною настоящего предательства явились свои же, сыны и братья царства нашего. Но откуда и каким образом? Первым пристал к русскому князю Гузан, владетель Кдарджети и Шавшети[204], которого патрон некогда назначил на место древних царей Тао. С этой стороны присоединился к нему Боцо, сверх меры пожалованный спасалар самцхийский, вместе с другими дидебулами и азнаурами из месхов, за исключением Иване Цихис-Джварели, иначе называвшегося Кваркваре; этот, помня верность своего предка Сулы, который остался преданным Баграту при Багваше[205], укрепился в своем владении. Далее – Вардан Дадиани, мсахуртухуцес, которому принадлежали по сию сторону Лихских гор Орбети и Каэни, по ту же сторону – земли до самой Никопсии[206], пребывавший в сильной и недоступной для врагов крепости Квеши. Этот по какому-то незначительному делу, как будто с согласия царицы, отправился в Гегути. Он собрал всю Сванети, Абхазию, Эгерию[207] с Гурией, Самокалако[208], Рачу-Таквери и Аргвети[209] и, присоединив санигов и кашагов[210] заставил дидебулов и военных этих земель присягнуть русскому князю в старании возвести его на трон.

Вардан направил войска из этих стран к Гузану. Русский князь отправился вместе со своими сторонниками в Самцхе; их встретили Боцо и его единомышленники. Перевалив через горы, они спустились в Гегути. О, ужас великий и чудо, превышающее разум человека! Кто захотел сесть на престол потомков [пророка] Давида? Тамар, пораженная таким несуразным и бессмысленным делом, вернулась в город [Тбилиси]. Взывая, по обыкновению, к помощи вышнего, она приказала всем оставшимся ей верными правителям собрать дидебулов и спасаларов из Эрети, Кахети, Картли, Сомхити и Самцхе[211]. Огорченные происшедшим, они клятвой уверили ее, что все это произошло без их согласия и ведома, при этом твердо присягнули ей в верности ценою собственной жизни.

Сама Тамар голосом тихим и словом нектароподобным расспрашивала влиятельных лиц о причине происшедшего. Она посылала узнать эту причину даже патриарха Феодора и Антония Кутатели[212], который, не без пролития своей крови, сумел остаться верным ей по ту сторону Лихских гор, и других епископов, иногда и придворного эджиба. Но через них она не могла узнать ничего. Тем временем собралось сборище богопротивное, которое, взявшись за мечи и копья, направилось против богоносной царицы. Половина этого сборища со своим царем перешла через

Лихские горы и, опустошая и разоряя Картли, дошла до Гори и Начармагеви. Другая половина, под предводительством Дадиани, перешла через «Железный Крест» и, спустившись в Цихис-Джвари, сожгла город Одзрхе[213]. Там собрались Боцо и его приспешники из месхов. Затеявшие это дело, не спросясь бога, решили взять сперва Джавахети и Ахалкалаки, а потом Триалети и Сомхити. Ибо, начиная с Курд-Вачари, отложилась вся Сомхити: Иван, сын Вардана, владетель Гаги, Мака, владетель Каецони, – Каэни принадлежал самому Вардану, прочие азнауры и азнаурские дети, кроме Захарии, сына Варама; последний, опытный воин, остался верен ей. Они решили соединиться в Агаре, а оттуда, вместе с верхнекартлийцами, дойти до ворот города, где в это время находилась Тамар, это солнце над солнцами, свет пресветлый, агнец непорочный, подобный сыну божью – Христу, с кротким, как у [пророка] Давида, разумом, надеющаяся на небесный промысл, возлагавшая все надежды на милость бога.

Тогда она [Тамар] приказала амирспасалару Гамрекели и четырем Мхаргрдзелам, равно и торельцам, верхним и нижним, отправиться и встретиться с ними в стране Джавахетской, чтобы узнать силу их, в особенности же силу божественного правосудия. Они приблизились к Куре, где находились и неприятели; там с ними соединились оставшиеся верными месхи. Противные стороны, подойдя к реке с той и с этой стороны, встретились на мосту, где завязался бой и началось метание стрел. В тот день они были разъединены наступлением сумерек. С наступлением ночи неприятели собрались и сказали: «Видим храбрость их войска; так как у нас нет силы и мощи сражаться с ними, отойдем к крепости и оттуда будем предпринимать вылазки, чтобы одолеть их». Бог, дарующий храбрость, вразумил войска Тамар без замедления сразиться с ними и преследовать их. Неприятели перешли мост и направились к горе, называемой Торнадзия, предполагая там найти укрепление. Так как они там не нашли убежища, удалились оттуда и пришли в долину Ниальскую у реки Хенгри.

Между Тмогви и Эрушети завязалось сражение, достойное избранных витязей имерских и амерских, напоминавшее бои древних голиафов и богатырей. Пехотинцы пустили в ход острые и отточенные стрелы, грозные мечи и поражающие копья. Воины Тамар, обратив неприятелей в бегство, убивали, ловили и забирали их в плен. Среди них не было урона ни убитыми, ни ранеными, разве только ранили Ивана, сына Саргиса. После этого они возвратились веселые и радостные: пленным не причинили никакого вреда, напротив, дали им волю, вследствие их просьбы и обещания не наносить ущерба патронессе.

Победители предстали пред ликом боговенчанной царицы. Воздав благодарение богу, Тамар устроила смотр своим войскам с сияющим лицом, полными любви глазами и спокойным сердцем.

Еще до того, как узнали об этой победе, до пробытия вестника, Саргиса, сына Варама, находившиеся там устроили совет. Чиабер, мандатуртухуцес, эры и кахи, дидебулы и азнауры, вместе с кипчаками, и соединения картлийских эриставов и дидебулов под предводительством царя Давида напали на бывших в Картли неприятелей, к которым присоединились некоторые из картлийцев и множество кавказских горцев. Когда они узнали о поражении и бегстве войск неприятеля, находящихся в Верхней Картли, явились пред царицей и попросили у нее разрешения выступить из Сомхити и направиться против мятежников и отступников. Государыня, привыкшая к милостям божьим, дала согласие на это. Знайте, что вразумление божье слишком широко;

добрых и послушных бог вразумляет через знамения и дарованием успеха в деле. Доброй душе свойственно любить бога, как говорит свет мудрых философских созерцаний Платон: «Добро есть добро для добрых, для злых же оно является злом». Нужно размышлять об этом и помнить это, не забывать вышнюю милость, дабы не иссяк источник через продолжительное излияние милости. Когда предатели уразумели тяготевший над ними гнев божий, некоторые из них покинули крепости и укрепления свои, так же, как раньше, позволив себе по отношению к Тамар такое некрасивое дело, они покинули веру свою. Некоторые явились с повязанной шеей, другие пришли после того, как перебили дядей своих. Тут мы видим проявление обычного успеха.

Вернувшись после победы, они остановились в долине Агарской, охотились, пировали, веселились и ликовали вместе с верными и преданными. Захарии, сыну Варама, пожаловали Гаги и Курд-Вачари до самой Ганджи, со многими городами, крепостями и поселениями, или в полную собственность, или в половинную. Ивану, сыну Саргиса, пожаловали почетную должность мсахуртухуцеса, а также Каэни и Каецони вместе с Гелакуни, и много других крепостей и городов, плативших налоги. Пожаловали и одарили много других дидебулов, а потом вернулись в собственный дворец в Начармагеви. Дидебулы Залихской Грузии раскаялись в преступлении и умоляли о прощении. Они просили посредничества самой царицы Русудан, католикоса и прочих епископов с придворными чинами.

Явились дидебулы и должностные лица и доставили бывшего царя – русского князя. Царица заверила их, что русского она отпустит без вреда и не будет вспоминать о содеянном преступлении. Они предстали пред нею в Начармагеви. Русский князь в сопровождении Ивана [Вардановича], которому он доверял, отправился в несчастный свой путь. Наступило спокойствие, веселие, единомыслие, подобного которым никто не видал. «Вместе паслись лев и вол, барс играл с ягнятами, волк с овцами»[214]. Имя Тамар возвеличилось по всей земле, Давид предпринимал походы по повелению и указанию Тамар, которой сопутствовало счастье Александра [Македонского], и одерживал победы.

XXV

В это время умер амирспасалар Гамрекели, вследствие чего наследники его лишились только Тмогви. Должность амирспасалара была предоставлена сыну бывшего амирспасалара Саргиса – Захарии Мхаргрдзели, сидевшему на месте армянских царей[215], владетелю Лори; ему, достойному спаспетства, пожаловали еще город Рустави. Мандатуртухуцесу Чиаберу прибавили город и крепость Жинвани со многими угодьями в горах. Милостиво одарили Саргиса, сына Варама, и пожаловали ему Тмогви. Нижнецирквальцев, сыновей Зартиба, Григола, Чиабера, Махатела, равно как первых людей Кахетии – сыновей Торгы, наградили каждого по достоинству, одним милостиво пожаловали впервые, другим – прибавили: также и картлийцев, сомхитаров, торельцев, месхов и таойцев.

XXVI

Гузан, погубивший себя с самого начала, захватил Таос-Кари[216], Вашловани и много других крепостей и отправился к Шах-Армену. С ним отправились также Самдзивари и другие азнаурские сыновья, среди которых находился и мегвинетухуцес, считавший себя наследником Кларджети и Шавшети. Отправившиеся дошли до гор Колы[217]. Там их встретили Захария Фанаскертский, дзинийцы и калмахцы, славные, некогда милостиво одаренные подданные. Собравшиеся узнали, что к ним прибыл сын Гузана с войсками Шах-Армена, чтобы вывести оттуда семью Гузана и ввести турок в тамошние крепости. Хотя у них было много войска, стоявшего под 12 знаменами, но незначительные силы Тамар, преданные вере Христовой и правде своей патронессы, все же решились сразиться с ними. Трудно было им воевать вследствие многочисленности и выдержанности неприятеля. Но под конец они обратили их в бегство, причем захватили в плен семью Гузана. Победители вернули все крепости и укрепления их родной стране. Когда они явились к Тамар, она излила на них потоки своей милости и поблагодарила за труды. Таким образом витязи обрели имя, патроны же – пользу.

XXVII

Мне остается, среди других благодеяний божьих, поведать еще о двух благополучных происшествиях. Вспоминая примеры проявления божественной силы, молились богу и святым иконам. Бог показывает свое милосердие: «стучащим отворяет, просящим дает, ищущим помогает найти»[218], как это имело место в отношении Сарры или Рахили, или Елизаветы, главным же образом Анны и, осмелюсь сказать, Марии[219].

Тамар забеременела и, чистым, к храму божью прикипевшим умом, святостью своего тела, теплым сердцем и просвещенной душою превратив Табахмелу[220] в Вифлеем[221], родила там сына, равного сыну божью и названного ею именем мужественного своего отца; в лице его для нас распустился цветок бессмертия. Ввиду такого призрения божественной троицы, благополучного исхода родов и рождения сына, подобного Горгасалу, могли ли не радоваться и не высказывать благодарности богу? В радости, веселии и ликовании освобождали пленных, одаривали церкви, священнослужителей и монахов, миловали нищих, прославляли бога, жаловали епископов и рыцарей всех семи царств [Грузии].

Сама царица Русудан и воспитанный ею царь Давид, сестра Тамар и все жители этого царства, наподобие волхвов[222], стали приносить дары и подношения. Узнав об этом, прислали богатые дары и сокровища цари греческие, султаны, атабаги и эмиры персидские. И так появился отрок, отпрыск [пророка] Давида, от века предназначенный быть сыном царя и царем, сыном помазанным. Появившийся на свет отрок, украшенный природной красотой, носил в себе образ и подобие своих родителей. Светила охраняли его, воспламенились сферы небесные, к счастью прибавилось счастье, к благополучию – благополучие, вдвойне умножались успехи царей.

XXVIII

По этому поводу предпринят был такой поход, какого не предпринимал ни один Багратион[223]. Собравшись на счастье Лаши[224], что значит «Светоч вселенной», сперва направились на великий и древний город Барда. Опустошив Арран[225], в многочисленных боях, подобных боям древнего Нимрода, завоевали владения брата Хайка[226], Бардоса[227], при этом завоевателям попали в руки бесчисленные сокровища и множество пленных, из коих они освободили 30000 человек во здравие Тамар и ее сына. После возвращения из этого похода, не передохнув и одного месяца, стали воевать в окрестностях Эрзерума, у ворот города Карин. Тут произошли большие бои, во время которых кони поднимались на дыбы, разрывались панцыри. Неприятелям помогали Сурманели[228], Карели[229], сын Салдуха Наср-Эддин с двумя своими сыновьями и бесчисленным множеством пехотных и конных войск. Сражение, начавшееся на рассвете, прекратилось с наступлением ночи. Наступившей ночью войска захватили богатую добычу. Находившиеся внутри города скрежетали зубами, наподобие зверей, и рвали себе бороду, видя пленение жен, детей, разорение стад животных и табунов лошадей. И плача, вопрошали: «Откуда на нас такое несчастье? Никогда мы не видали христиан в местах нашего обитания».

Когда стало светать, ударили в барабаны, затрубили в трубы, в городе началось сильное смятение, возвещавшее кровопролитие. Неприятели выступили из городских ворот, построили отряды пехоты и конных воинов, на кровлях и улицах появились метатели стрел и камней. Когда Давид и его войска убедились в твердости решения неприятеля, потребовали оружие и сели на коней, взяв в руки копья. С первого же появления они обрушились на них, как гром, и ударили. Неприятельские войска, загнанные в город, давили друг друга. Пристыженные своими женами, оплеванные и осмеянные почтенными, благородными дамами и евнухами, они ругали и поносили собственную магометанскую веру. Царь и его войска вернулись в свои края, неся с собою победу. Здесь они созерцали звезду, подобную звезде Якова[230], воссиявшую из чрева Тамар и предвещавшую счастье, победы и свет.

XXIX

Боюсь надоесть продолжительностью [рассказа], тем не менее я не могу не поведать о трудах и победах, превосходящих ранее бывшие, ибо требование сердца побуждает составить и изложить подобные рассказы. Некогда собравшись, вышли к Гелакуни, пройдя Хачиани[231], достигли Каркриской страны и, добравшись до Балкуна, разорили окрестности Арези[232], а потом поднялись до ворот Ганджи[233]. Здесь завязался сильный бой, неприятели, обращенные в бегство, были загнаны в город. От Каркри до Шамхора наши войска шли шесть дней, причем не проходило дня, чтобы, догнав неприятеля, не столкнулись с ним. Одерживая везде победу, они вернулись назад и явились к радости всего света [Тамар].

Затем два брата, сыновья Саргиса, амирспасалар Захария и мсахуртухуцес Иван выступили из Лори, чтобы напасть на берега Аракса. Как оказалось, оттуда вышли войска двинские,

бичненские и амбердские разбойничать и выслеживать караваны. Наши не знали об этом, поэтому, встретившись с ними на полпути, напали на них. Доблесть их была похвальнее самого боя и сражения. Завладев множеством добычи, они со славой вернулись к пресчастливому Давиду и богожеланной Тамар.

После этого владетель Каэна[234], мсахуртухуцес Иван пригласил Давида начать большое и славное дело: напасть на великие Гелакуни, Спарси-Базар и Горалаук[235]. И Давид последовал за ним. В результате нападения они захватили много, как песок морской, пленных, стада овец, рогатого скота и верблюдов. Если им попадались войска неприятеля, обращали их в бегство, истребляли и умерщвляли. Овладев Спарси-Базаром, они завели на площади султана игры и упражнения, что никому никогда не удавалось делать раньше.

XXX

Так как русский князь, изгнанный из нашего рая, убийца, как Каин, только не брата, а самого себя, не оказался достойным пребывания в другом раю – Константинополе, он, потерявший не врагов, а паруса, явился к атабагу и попросил у него в Арране места для пребывания, сообразно с его долею. Оттуда с ганджийскими и арранскими войсками он явился в страну Камбечовани[236] и, опустошив внутри страны поля, взял много пленных и награбленного добра. Владетель Хорнабуджи[237] Сагир Махателисдзе, узнал об этом и, собрав небольшое войско, догнал его с твердым решением положить голову свою и трех своих сыновей. Несмотря на то, что одному приходилось иметь дело не с двумя, а с десятью, двум же – с двадцатью, счастье и правда Тамар навели ужас на противников и, как при Гедеоне[238], незначительные ее силы, обратив в бегство врагов, догнали их, сбили и истребили. Русскому князю едва удалось бежать.

XXXI

Слушатели, знайте и это! Хотя Тамар выказывала лютую ярость к тем, которые из-за нее приходили в бешенство, как звери, но вместе с тем она притягивала, как магнит, сердца даже зверей. Некогда Шарванша прислал ей в подарок львенка; она его вырастила, и он стал столь большим и стройным, что подобного ему ни среди прирученных, ни среди диких не видал никто. Когда его приводили во дворец, он проявлял к Тамар такую любовь, нежность и повиновение, что, не удерживаемый ни двойными цепями, ни приставленными к нему людьми, [подходил к ней], клал морду на ее лоно и лизал ее, как это повествуется в житиях мучеников. Когда же его, придерживая, отводили, он источал из глаз слезы, которые орошали землю. Имя Тамар, которая наводила страх и трепет, побеждала врагов и усмиряла зверей, низлагала непокорных и непослушных внутри государства и вне его, разнеслось повсюду, с востока на запад, с севера на юг, как имя ангела четырех стран света.

XXXII

В это время был убит молидами[239] только что ставший султаном атабаг Кизил-Арслан[240]. [После него] обладателями всей Персии остались три сына, Пахлаваниды[241], которым от отца и дяди поделена была страна таким образом: старшему Хулту-Инанчу – от Ирака до Хварасана и Вавилона, следующему, Амир-Бубкару, – Адарбадаган до Армении, младшему же, Амир-Мирману[242], – от моря Гурганского до моря Гелакунского. Как свойственно многоначалию, [между ними] возникла зависть и борьба.

Амир-Бубкар, победив и обратив в бегство старшего брата, стал атабагом. Младший брат Амир-Мирман стал зятем Шарванши; Амир-Бубкар напал на него и Шарваншу у ворот Балукана[243] и прогнал их из Аррана, сам же, возвысившись на время, стал высокомерным. Шарванша и Амир-Мирман очутились в беспомощном состоянии, ибо к тому времени владение Ширванское постиг гнев божий: тот, который «преклоняет небеса, касается гор и в дым превращает их»[244], от сотрясения [земли] поколебал и разрушил стены и твердыни города Шемахии[245], исчезли все, бывшие в нем, погибли, между прочим, жена и дети Шарванши. Узнав об этом, они с плачем посыпали голову пеплом, осмотрелись кругом, но не нашли никакого помощника и спасителя, кроме одного бога и им обожествленных Тамар и Давида. Они отправили к ним послов с неисчислимыми дарами, драгоценными камнями, бесценными жемчугами и просили: «Так как могущество ваше и мудрая предусмотрительность, равно как счастье Тамар, напоминающее счастье Александра [Македонского], храбрость и мужество Давида и бесподобные ваши войска в состоянии овладеть всей Персией, посадите дочь вашу[246], свет и плод мудрости вашей и сияние лучей, исходящих от вас, патронессой всей Персии».

Не удостоив их чести породниться, Тамар тем не менее подала им надежду на помощь и поддержку. Она издала приказ и отправила курьеров и скороходов собирать войска из Имерии и Америи. В то время там же находился по делам службы брат кипчакского царя Севенджа Салават. Собралось большое войско, которое расположилось отрядами[247]; сильные и многочисленные, они заняли берега четырех рек: Куры, Алгети, Кции и Курд-Вачари[248], от Тбилиси до Карагаджи[249].

XXXIII

Тогда прибыли Амир-Мирман Пахлаванд и Шарванша Ахсартан со своими вельможами и улемами. Пресчастливые и от бога воссиявшие государи остановились на Агарской равнине. Исполнители их воли с великим почетом и благоговением пригласили сюда и царицу Русудан.

Кто из людей, чей разум и язык в состоянии передать величие шатров и украшенных коврами палаток, башен и охотничьих парков, снаряжений и украшений наподобие Беселииловых и Соломоновых[250], храма божья, в котором пребывала богом избранная Тамар, которая словно распустившаяся роза, [вожделенная для] пчелы, благоухала ароматом растений Елисейских полей?! [251] Или кто удостаивался похвалы Давида Ефремида, подобного Багатару и Тархану[252], славным, как Ростом и Гиви[253], исполинам и героям?

Собрались с величием, поражающим разум, начался прием. Сели на златокованом троне Тамар, Давид и Георгий, прославившие и высоко поднявшие величие и венценосность своего рода, виновники многих великих деяний. Сказано: «пожалею я людей сих». Сверхмерное человеколюбие подвинуло всеблагих [Тамар и Давид], подражавших изначальному божьему изволению, спасти людей через вочеловечение, помощью и силою высшей десницы избавить от смерти и изгнания обращающихся к ним с просьбой и припадавших к их ногам. Сперва, когда они выступили из города Тбилиси, направили на встречу им оссов и новых кипчаков[254], после них – эров и кахов, затем – картлийцев, месхов и торельцев, шавшов, кларджей, таойцев, за ними – сомхитаров, напоследок абхазов, сванов, мегрелов, турийцев, вместе с рачинцами, такверцами и маргуетцами[255].

У дверей царской палатки встретили их чиновники и придворные. Так как Шарванша принадлежал к числу родственников и придворных, он вошел первым и поклонился, его посадили по чину на свое место. Затем вошел Амир-Мирман, племянник султана и Пахлаванд; мать его, дочь Инанча, владетеля хварасанского, теперь была женой султана Тогрила. Его подвели с почетом и достоинством и, после приветствия, посадили с честью. Он был принят как сын и как витязь добрый, приятный на вид.

Привели и вельмож, частью Элдигуза, частью сыновей его; их удостоили чести поклониться ей, а потом приветствовали с подобающей честью. Они (гости) возрадовались несказанно и, удивленные, с клятвой утверждали: «Глаза человеческие на видали такой, как Тамар, ни подобной ей по поведению и образу жизни; ничего подобного не читали мы ни в древних, ни в новых книгах». Им понравился также и Давид с его тавадами и витязями. Они с радостью и надеждой говорили: «Укрепим сердца наши и удалим с глаз обилие горьких слез; они могут спасти нас и вернуть нас в свою отчизну!». Тогда предложен был обед, после же обеда начались развлечения.

Водворилось веселье, радость, услада неизреченная, начались действа певцов и акробатов. Тамар одела их обоих и витязей их в дорогие одежды. В течение недели каждый день ознаменовывался чем-нибудь радостным: от них (гостей) – подношениями, от этих (хозяев) – вознаграждением, охотой, игрою в мяч. От Амир-Мирмана, вельмож и улемов его слышна была такая похвала: «Не сыскать в Ираке, Адарбадагане и Иране таких игроков в мяч».

Царица приказала своему амирспасалару Захарии и мсахуртухуцесу Ивану, эриставу Эрети Григолу и другим рыцарям спуститься на арену. Туда же спустился Амир-Мирман с вельможами и рабами своими; спустилась и сама царица Тамар, чтобы лицом сияющим, источающим свет, созерцать игру. Последователи ислама, уверенные в своем искусстве и успехе, сразу же были побеждены Давидом и его витязями, так что, смущенные и опечаленные, они вернулись назад.

XXXIV

В то время как здесь предавались веселью и ликованию, те, которые решили воевать, готовились и вооружались. Атабагу[256], собравшему, начиная от Нахчевана, все силы Персии и явившемуся в Арран, дали знать, что халиф отправил к нему на помощь войска и свое знамя, также тысячу халифских золотых монет. Тогда пред царицей Тамар собрались все государственные мужи и спасалары, явился и Шарванша. Они решили встретить врага, поэтому разослали [приказ] собрать по всем областям войска. Шарванша и Амир-Мирман по этому поводу первыми попросили слово у смиренной, победоносной и преуспевающей в счастье царицы. Давид отправился [в поход] в преднесении животворящего креста и овеянного счастьем знамени Багратидов или, лучше, Горгаслидов. Войска его расположились станом на реке Елекеци. Потом, снявшись оттуда, они вступили в область Шамхорскую 1 июня, с четверга на пятницу, в тот именно день, когда Христос, бог наш, сокрушил силу врага и попрал двуглавого дракона.

Царь [Давид] и его полководцы, равно Шарванша и Амир-Мирман с войсками своими, радостные, благодарили бога за то, что обнаружили врага поблизости. Только они очень удивились, когда узнали, что неприятели, покинув Ганджу и равнины Аррана и лишив себя защиты со стороны гор, поспешно направились против них. Но враги сознательно сделали это, надеясь, во-первых, на свою многочисленность, а затем – на защищенные ущелья и крепости. Тогда вооружился царь Давид, надел на себя доспехи и сел на буланного коня, которого, как своего рода знаменитость, он приобрел у Васака Хаченского, отдав ему за это крепость и селение, известное под именем Гардман[257].

Витязь Амир-Мирман, взяв копья, опоясался мечом и колчаном подобно Мосимаху[258], меткому стрелку, которого воспитал Кентавр. В это время там же находился мцигнобартухуцес Антоний, настоящий витязь по виду и происхождению. Ему приказали нести впереди животворящий крест, который является скипетром и панцирем царей. Ободряя друг друга и вспоминая претерпенные за них страдания Христа, они возвели очи к богу и прилежно молились, вверяя ему душу и тело свое. Они напоминали друг другу мужество и военные успехи отцов и дедов их. Вспоминали также и то, как некогда 37 героев Давида [Строителя], или же войска Вахтанга [Горгасала] воевали и побеждали иноплеменников, и как в прошлом отряды нового Давида [Строителя] объединились в Иерусалиме с отрядами Давида [пророка], теперь же [с последними объединяются] отряды его отпрыска – Тамар, которая после Давида пророка является по числу восемьдесят первой помазанницей из его рода.

Спасалары говорили: «Если тогда были искатели славы, готовые положить голову, и любители похвал со стороны истории, поспешим теперь и мы, отнимем у них похвалу, предадим их забвению и затмим память об их боях; вспомним тех, кои за веру Христову и преданность ей претерпевали жестокие мучения. И если когда-то были исполины-голиафы, из-за имени пренебрегавшие смертью, или влюбленные, которые, вспоминая свои светила, безжалостно терзали тело и душу свою, – давайте-ка и мы возьмем в руки мечи, души же отдадим богу!». Тогда затрубили в трубы, водворилось смятение, построили войска по порядку, концы отрядов сомкнулись справа и слева. Они отправились и, приблизившись к Шамхору, окружили его. Сам царь, оставив справа отряды у Шамхора, поспешил переправиться через реку и с незначительными силами завязал бой у

ворот города, около моста. Другие мужественно шли по трудной и неудобной дороге и вышли против авангарда исмаильтянского войска, вой которого был страшен для слуха, количество же необъятно для глаз.

Начались бои и сражения, только не всего войска, а лишь передовых частей, которые по-кипчакски назывались «чалаш» и «дасначтда». Бой затянули, ибо царь и его полки запаздывали вследствие загороженных и каменистых дорог. Под Захарией, сыном Варама, убили коня, а у множества других дидебулов ранили. Узнав об этом, сыновья Саргиса Мхаргрдзели амирспасалар Захария и мсахуртухуцес Иван, как крылатые барсы, поспешили на помощь и подошли тогда, когда находившиеся в затруднении части чуть было не отступили.

Всматриваясь вдаль, увидели, что приближается царь со своими полками и знаменем Горгасала, которое было прославлено со времен вступления [Горгасала] в Синд[259] и всячески покровительствуемо небесным провидением. Те, которые прибыли раньше царя, разгромили половину [неприятельских] полков. Пока царь подоспел, отряды атабага успели подкрепиться. Когда они увидели царя, на них обрушился гнев божий, равно как мечи и копья царя, которые истребляли их отряды. Неприятеля обратили в бегство, причем стрелы пьянели от крови, мечи же пожирали мясо врагов.

Царь действовал, как Ахиллес. Преследовавшие достигли, с одной стороны, до середины Ганджийских гор, с другой – до Гелакунских. И видно было: один обращал в бегство тысячу, двое же – 10000, а также один пригонял тысячу, другой же захватывал в плен 10000. властителей и вельмож. Удалось спастись только атабагу с одним рабом. И разгромили три города так, как грабят сарацинские войска города с их богатствами: один, принадлежавший атабагу, другой – сыну атабага Бешкену Храброму, а третий – Сатмазу, сыну Эздина[260]; именем отца последнего, по причине его щедрости, было «Хатэм Тайский». Отняли также и знамя, прославленное халифом, как символ непобедимости. Победители радовались благоприятному исходу дела.

После продолжительного преследования царь вернулся назад; его встретил мцигнобартухуцес Антоний, с распростертыми руками прославлявший бога и обремененный сокровищами и казной атабага. Будучи монахом, он не обнажил меча, но с двумя своими витязями отбил у неприятеля 300 мулов и верблюдов. Подошли другие дидебулы и спасалары, сам Шарванша и Амир-Мирман. Радостные, они сошли с коней, поклонились богатырям царей и восхвалили их. Они расположились на ночлег в лагерях неприятеля. Вместо мечетей воздвигли церкви, вместо муэззинов стали звонить, вместо голоса моллы слышен был глас священника.

Утром явились шамхорцы и поднесли ключи от города. Взяв Шамхор и окрестные города и крепости, царь передал их Амир-Мирману, который поклонился ему. Сам Давид отправился в Ганджу; когда он приблизился к городу, к нему навстречу вышли знатные горажане и «главные купцы», кадии и законоучители. Преклонив колена, они поклонились Давиду и воздали ему хвалу, со слезами на глазах они вверяли ему себя и детей своих. Перед царем открыли городские ворота и до самых дверей султанского двора растилали ему драгоценные ткани и осыпали золотом и серебром, драхмами и динариями. Войдя во дворец, он сел на трон султана.

XXXV

Начался прием. Амир-Мирман и Шарванша сели на свои места, также и мандатуртухуцес и амирспасалар, других же разместили по существовавшему чину «сидения» и «стояния». Чей язык в состоянии описать те торжества и ликование, или какой разум может понять объединение в лице одного человека[261] чести царя и султана, подчинение себе, в качестве вассала, сына атабага и Шарванши, пленение всего мусульманства, за исключением тех, которые сами явились и до земли кланялись? Начались угощения и пиры, сообразные с важностью того дня. В качестве вестника отправили мандатуртухуцеса Чиабера, который, явившись в Табахмела к Тамар, доложил ей о невыразимо радостном событии. Душой скромной и кроткой и сердцем смиренным вознесли все богу должную хвалу.

По возвращении [из Табахмела] в город собрались все во дворце, туда прибыла и царица; пред нею предстали военные, полные милости божьей, с богатством несказанным. Доставили дары и сокровища неисчислимые: людей – от властителей и вельмож до рабов – 12000, охотничьих животных – 40, лошадей – 20000, мулов – 7000, верблюдов – 15000. Кто мог исчислить обилие дорогой утвари, золота и ткани разноцветной? Начались пожертвования со стороны Тамар: знамя халифа, доставленное Шалвой Ахалцихским, она отослала в великий [Гелатский] монастырь иконе Хахульской божьей матери, подобно тому, как отправил туда прадед ее [Давид Строитель] снятое с шеи Дорбеза, сына Садака, во время Дидгорского его бегства[262], золотое ожерелье, украшенное драгоценными камнями. В качестве жертвоприношения и молитвословия она сочинила настоящий пятистрофный, в двадцать пять строк, ямбический стих:

В богоначалии, создавшем небо небес,
От века пребывает сын, первый и грядущий;
Дух божий завершил то, чего не было никогда.
Совершенная троица, единая по божеству,
От земли воззвала первородного человека.

*

Через тебя решено было выправить его неправду,
Когда он склонился к неправде, бесстрастный
Пострадал, страсть первую сделав бесстрастной.
Родившийся от тебя, сподобил нас возродиться
Из тьмы в свет и созерцать свет.

*

Ты, дева, ради которой Давид плясал,
Сына божья сыном твоим предуказывая,
Меня, Тамар, прах твой, в прах имеющая обратиться,
Удостоила помазания и родства с тобою[263].
Владычествуя между востоком и западом,

*

Югом и севером, добычу тебе приношу:
Знамя халифа, вместе с ожерельем,
Присланное в знак непобедимости учителем ложной веры.
Давно стрелок, наподобие сынов Ефремовых,
Вооружившись, уничтожил атабага и султана.

*

В Иране с войсками их боролись
Наши воины, уповающие на тебя, дева;
Они перебили, истребили племя агарян.
Из доставленных оттуда даров это
Тебе приношу; моли за меня сына своего, бога.

Так как Тамар, шедрая как солнце, в будущем имела наследовать нетленные дары, она ограничилась только этим и, обладая сушею и морями, взялась за управление своими владениями. С чувством благодарности к богу, она распустила войска, но не переставала зорко охранять то, что пленила и покорила. Они оба, Тамар и Давид, радовались, веселились, охотились и жили по-олимпийски, красиво и счастливо, вместе с двумя своими светоносными и блистательными детьми.

XXXVI

Пусть теперь слово поведает нам дело тягостное и достойное сожаления. У агарян мудростью и знанием считается волхвование и чародейство, изученное ими от Юнитана, которого Нимрод[264] видел на берегу моря при Кире и Дарии. Они и в дальнейшем остаются колдунами, отравителями и богопротивниками. И вот бывший атабаг Бубкар, удалившись в Нахчеван и обещав кому-то много золота, внушает ему умертвить брата своего Амир-Мирмана. Последнему подложили смертоносный яд и он занемог. Послали вестника [в его владения], оттуда, объятые великим страхом и ужасом, с отточенными, как у аспида, зубами, с трудом добрались до Капских гор, в окрестностях Ганджи, и удостоверились, что он умер.

В Ганджу явился и Бубкар; с ними сразились воины Амир-Мирмана, но они частью были истреблены, частью обращены в бегство. Бубкар, заставив ганджийцев присягнуть себе, укрепился в Гандже; впрочем, боясь долго оставаться там, он скоро покинул город. Давид еще не знал о смерти Амир-Мирмана; он, невзирая на малочисленность своего войска, отправился и дошел до Шамхора. Тут его встретили вельможи Амир-Мирмана, которые, посыпав голову пеплом, с плачем доложили ему: «Его уже нет, крепости забраны, нет на земле возможности противостать Бубкару».

Тогда вернулся царь с дидебулами и явился пред царицей Тамар. Подобно Александру [Македонскому], почтившему Пора [Индийского] сидением в гробнице его[265], она, превосходящая

светлостью первозданный тот свет, облеклась в черное и оплакала его обильными слезами. Вельмож, царедворцев и рабов Амир-Мирмана окружили большим почетом и любовью.

Мужественный Иван Мхаргрдзели был непобедим в походах; он с незначительными силами выступил в Гелакуни и засел в засаду, как лев, высматривающий когти врага, и как щенок льва, или как сыновья Израиля против сыновей Вениамина[266]. Он не взял с собою ни одного проворного витязя.

Сидя в засаде, Иван увидел вдали войска, в десять раз превосходящие свои собственные; они шли из Ганджи и направлялись в Сурман, в страну двинскую, у прохода Масиса[267] и Шуры. То были: сам Бальшан, воспитанный атабагом Элдигузом, льву подобный витязь, владелец Двина и Армении, брат Сурманели с сурманскими войсками, Али-Шур Шам великий, муж победоносный.

Так как Иван обладал неустрашимым сердцем, он, не обратив внимания на малочисленность своего войска и превосходство врага, вышел сразу; он рассеял и разогнал их, как сокол журавлей и как лев стада онагров. Он истребил их и обрушил на их головы гнев божий, захватил в плен Бальшана, рыцарей и знамена его и четырех, оставшихся в живых, воинов. Самодержцы, разумеется, очень обрадовались и вознесли богу должную благодарность.

XXXVII

Царь с войсками имерскими и амерскими направился в страну Ганджийскую, Тамар же доехала до Двина; пред нею явился для службы Шарванша. Отправив войска, она вернулась назад и расположилась в Агаре со славой и величием. Войска подступили к воротам Ганджи. Истребляя и уничтожая [врагов], как диких овец, они оставались у городских ворот 25 дней. Мсахуртухуцес Иван, отправив во внутрь страны много военных и добычи, доставил царице Тамар знатных лиц из Хачена; победители Аррана , наложив подати на Ганджу и другие города, победоносно вернулись в свое царство и привели с собою Шарваншу. Его почтили обильными дарами, одели нарядно и с честью отправили домой. [Самодержцы] отправились в Залихскую Имерию; прибыв туда, они, в заботах о припонтийских землях, вооружились хорошо, ибо страна Артанская и Дзагинского ущелья, равно и Палакацио, были в руках турок. Тамар, будучи мудрой и разумной, не забывала наставлений Кекаоса Кабусу[268]. Опустошая все на пути, войска прошли до Басиани и Курабеби и расположились лагерем в месте, называемом «Сисхлис-муцели» (Чрево крови). Местопребывание их и теперь выглядело наподобие «Сисхлис муцели», как это и на самом деле было в древности.

XXXVIII

В таких победах и успехах проявлялась помощь божья царице цариц [Тамар], которая не оставалась неблагодарной к своему помощнику. Великая по природе и знаменитая среди скиптроносцев, она взялась за великие дела. Собираясь говорить о них, я, неразумный и непонятливый, не способен подыскать соответствующие слова. Но, ввиду того, что, благодаря молчанию, великие и добрые дела предаются забвению, я не вправе молчать, и взялся описать то, что выше не только моих сил, но, думаю, и древних мастеров слова.

Уста неложные говорят: «Ищите прежде всего царства божья и правды его, и это все приложится»[269]. Помня эти слова и по должному их понимая, Тамар, подняла очи свои ко всевышнему и возвела в высь мудрый ум свой, хорошо познающий и во всем сообразующийся с превысшим тем и все призирающим существом. Она упражняла глаза свои, правильно созерцающие, дабы сделать их способными видеть только его одного. Ее не могли соблазнить ни утехи мира сего, ни царский венец и скипетр, ни обилие дорогих камней, ни многочисленность войска и храбрость его, о чем ясно сказано будет ниже. Ее не могло завлечь и склонить богатство, как в древности многих царей, более же всего отца сей блаженной – премудрого Соломона; она оказалась мудрее Соломона, возлюбила бога и стала чуждаться всех соблазнов мира. Внимая неложному голосу, до того полюбила бога, что, на удивление всех, проводила всю ночь в стоянии на ногах, бодрствовании, молитве, поклонах и слезных мольбах к господу, равно как в рукоделии, чтобы помогать нищим. Упомянем один лишь случай.

Утомленная от молитв и рукоделия, она по закону естества, немного вздремнула. Во сне видит красивое и благолепное место, обилующее цветами, зеленью и растениями и желанное для созерцания; невозможно было описать красоту и добротность его. В этом месте стояли престолы, отделанные золотом и серебром, а также многоразлично украшенные седалища для отдельных лиц, сообразно с достоинством содеянных им дел. С верхней стороны стоял престол, почтеннейший из всех престолов, украшенный золотом, драгоценными камнями и жемчугами. В это райское место ввели Тамар, воистину достойную пребывания в нем. Увидев этот престол, она подумала: «Я – державный царь, по-видимому, этот высокий и почтенный престол предназначен мне», и немедленно направилась к нему, чтобы сесть. Но выступил некий светоносный муж, взял ее за руку и сказал: «Не твое это седалище, не тебе принадлежит оно!». Царица ответила: «Кто же достойнее меня, чтобы занять это почетное седалище?». Тот ответил: «Это седалище принадлежит твоей доморaботнице, так как 12 священников, когда они стоят пред страшным и трепетным престолом божьим и приносят бескровную и святейшую жертву, одеты в облачения, сотканные ее рукой; она выше тебя. Правда, ты царица, и твое место тоже здесь, но с тебя достаточно и этой славы», при этом указал ей на менее достойное седалище.

Когда Тамар проснулась, велела позвать ту доморaботницу, которая созналась, что она соткала в подарок священникам 12 полных, из стихаря и фелони, облачений. С тех пор Тамара начала прясть доставленную купцами из Александрии шерсть и шить облачение для 12 свяшеннослужителей. Передают и словами возвещают, что она оценивала ежедневную свою пищу и стоимость ее раздавала нищим не из государственных доходов, а из того, что она выручала от продажи изготовленных ею рукодельных вещей.

При ней чин церковной службы выполнялся без всякого ущерба, сполна, по предписанию Типикона[270] и по Уставу палестинских монастырей. И то говорят, что пребывавшие во дворце не могли пропустить ни одной службы: ни литургии, ни вечерни, ни утрени, ни часов[271]. А что сказать о суде ее? В ее время не было насилуемого, ни хищника, ни разбойника, ни вора. Она, обычно, говорила: «Я – отец сирот и судья вдовых!». А сколь она была милостива? Достаточно вспомнить Дадиани Вардана, Гузана, которого только ослепили, Боцо, сына Боцо, и их единомышленников – тавадов и азнауров, которые остаются помилованными. Предстоит поведать еще о более важных делах. Сказано: «Кто даст мне крылья голубя?»[272], кто из историков поможет мне поведать о том, какое совершил бог пред Тамар чудо поразительное, и не только грузин, но и всех православных чрезмерной радостью возбуждающее?

XXXIX

Пред царицею по делам службы явились два брата, сыновья [бывшего] амирспасалара Саргиса, которые в это время были очень ею возвеличены: амирспасалар Захария и мсахуртухуцес Иван. Там же были и все влиятельные лица: сподвижник ангелов, боговдохновенный католикос Иоанн, несколько епископов и другие знатные лица. Когда католикос Иоанн вознес бескровную жертву и совершил литургию, все достойные приступили вкушать просфору. Амирспасалар Захария тоже захотел получить просфору, но священники не дали, так как он по вере был армянин. Смущенный Захария дерзнул стащить просфору и съесть. Католикос, воспламенившись, как огонь, обличил его за это и сказал: «Ни один из православных не позволит себе во время священнослужения добровольно дать вам, армянам, просфору, похитить же ее – неужели найдется [спопобная на это] собака?»

Пристыженный Захария отправился в свою палату. Во время обеда во дворце он говорил нечестивые слова и хулил нашу веру. Когда боговдохновенный католикос ему отвечал и разъяснял, Захария, не будучи в силах противостать ему, сказал: «Я – военный человек, не могу препираться с тобою; я позову учителей нашей веры, которые вместо меня посрамят тебя!». Католикос Иоанн ответил: «Да будет воля Христа и приснодевы богоматери, которые постыдят отвергающих их». Выслушав это, Захария послал человека к католикосу своему, епископам, вардапетам и ученым. Иван же [брат его] запрещал ему это, говоря: «Перестань делать это, мы знаем, что вера грузин – истинная вера!». Но Захария не послушался его.

Явились католикос Ванский[273] и все вардапеты[274]. Поставили стол для суда и сели, с одной стороны, царица Тамар, уповающая на царицу [небесную], царь Давид и знатнейшие из грузин, с другой же стороны – Захария и Иван Мхаргрдзели. Пригласили католикоса Иоанна, который, входя, говорил следующий псалом: «Восстань, боже, суди суд твой, вспомни поношение твое от безумных»[275]. Когда он вошел, цари поднялись и с честью посадили его рядом с собою; почтили его по чину и ученые и вардапеты армянские. Когда настало время, все смолкли, главенствующие из армян начали излагать велеречиво и пространно веру свою. Католикос [Иоанн], исполненный небесного дара, разумно объяснял и мудро отвечал, ниспровергая их слова и утверждая свои. Прения затянулись до вечера.

XL

Боясь продления рассказа, ограничусь [несколькими] словами. Вам известны словесные чары армян, они подняли сильный вопль, но над ними была одержана победа, равная важности прения. Соименник Богослова, католикос Иоанн, будучи исполнен свыше духа святого или надеющийся на правую веру, – не знаю этого, – внимал всему; он открыл уста свои, изрекавшие мудрые и неопровержимые слова: «Видели вы некогда великого Илью, который молился богу, когда огонь ниспал свыше на жертву; насколько выше бескровная жертва тела и крови вочеловечившегося бога жертвы животной, бывшей сенью и прообразом, настолько светлее и превознесеннее происшедшее теперь и сказанное, думаю – духом святым, устами служителя его католикоса, который произнес: «Дом Таргамоса, собравшийся в качестве врага и притеснителя правой веры!

Знаете ли вы, что дьявол овладел человеческим родом? Омрачив глаза его разума, он его покорил ворожеям; отступившие от бога и не знавшие его стали приносить жертвы идолам, луку, чесноку, крапиве. Но бог, не забывающий творение свое, беседовал с Авраамом и потомством его. Затем Моисею дал закон и суд; напоследок, движимый милостью к нему, снизошел с неба [к человеку] один из святой троицы – сын и слово божье, от девы Марии плоть воспринял и сделался подобным человеку, ибо он воспринял плоть человеческую от девичьей крови и душу разумную, вращался среди людей и исполнил все определенное ему.

Когда ему (Иисусу Христу) предстояли страшные страдания на кресте, он устроил вечерю с 12 учениками и совершил Пасху, причем положил начало новому, обожествляющему таинству. Взял хлеб, переломил его, дал ученикам и сказал: «Примите, ядите, это – тело мое во оставление грехов»; также и чашу: «Пейте из нее все, это – кровь моя»[276]. Раньше он говорил: «Если не будете есть плоть сына человеческого, не будете иметь части со мною»[277], и еще: «Плоть моя истинно есть пища и кровь моя истинно есть питье»[278], и много еще таких слов. Теперь отвечайте мне: верите ли вы этим евангельским словам?». Те ему ответили: «Это не подлежит спору, он дал нам тело свое и кровь, чтобы есть и пить их для бессмертия. Это великий дар от бога нам: исповедуя Христа богом, есть тело его и пить кровь его».

Католикос произнес торжественно: «Хорошо, дети мои! Раз вы это признаете, веруйте и в то, что вечеря та была новым заветом и новой Пасхой, и все, признающие Христа богом и человеком, священнодействуем, вспоминая страсти его; едим тело его и пьем кровь его, это – закон наш и заповедь новая!». Армяне ответили: «Это так, нет никого, кто бы этого не знал». Католикос сказал: «Теперь знайте, если ваша вера лучше, через вас хлеб превратиться в тело Господа, если же лучше наша вера, через наше священнодействие превратиться он в тело Господа». Те сказали: «Пусть будет так!». Католикос произнес страшное для слуха слово: «Покажем веру делами, а не словами!». Они ответили: «Делай, что хочешь!». Католикос сказал: «Я дам вам одну собаку, буду ждать три дня, в течение которых по ночам вы будете совершать литании и молиться; эти три дня держите собаку без пищи. Одну собаку дайте мне, буду ее три дня держать без пищи, по ночам буду совершать литании и молиться. Проявиться правая вера. На третий день я совершу бескровную жертву, вынесу собственными руками просфору и, хотя это не подобает, положу ее пред вашей собакой. С своей стороны вы тоже возьмите просфору и положите ее пред моей

собакой. Чья просфора будет съедена, вера той стороны неправая. Если будет съедена ваша, стыдитесь вы, если жа наша, будем пристыжены мы!».

Когда цари и народ выслушали это, они удивились и ими овладело бессилие. Прийдя в себя, они сказали католикосу: «То, что ты сказал, страшно даже выслушать!». Католикос еще сильнее настаивал на своем. Хотя армяне этого не хотели, но все же обменялись собаками и разошлись по своим палатам. Царь, сильно волнуясь, сказал католикосу: «Кто в состоянии сделать то, что ты сказал? Все это до того поразительно, что не только сделать, но даже представить себе и выслушать трудно!». Католикос спокойно ответил: «За это дело я взялся, надеясь не на себя самого, но на Христа бога, чтобы он показал верующим – у кого правая вера и кто православен, из чьих рук он приемлет бескровную жертву, в чьи руки предает себя на заклание агнец божий, или кто вкушает его тело и пьет его кровь. Преданные православию, мы покажем истину. Царь и грузины, помогите мне!». Царь и народ, выслушав сказанное католикосом, удивились и разошлись.

Была пятница, приступили к литании, с одной стороны, царь, католикос и все священное собрание, – епископов было мало, ибо царь созвал не церковный собор, – с другой стороны – армяне и Мхаргрдзели Захария и Иван. Обе стороны бодрствовали всю ночь. В субботу снова начались литании, равно бодрствовали всю ночь, на рассвете же все направились в церковь, молясь богу со слезами. Обе стороны приготовили святую трапезу и плакали.

Когда католикос закончил возношение святой жертвы, он поднял на дискосе страшное тело за нас вочеловечившегося Христа бога и направился к своим, говоря: «Свят, свят господь саваоф, полны небо и земля славы его!».[279] Он обратился к армянским епископам и братьям Мхаргрдзели, ко всем последователям их веры и сказал: «Слушай, дом Таргамоса[280]. Вы знаете, что вочеловечившийся за нас бог дал нам есть тело свое, сказав: «Если не будете есть плоть мою, не будете иметь жизнь, оне творите в мое воспоминание»[281]. Апостол то же говорит: «Хлеб этот, который мы преломляем, разве не приобщение к плоти Христовой?». Если богу угодна ваша вера, этот хлеб станет телом Христовым, если же ему угодна наша вера, он нами будет преложен в плоть господа. Да не будет , чтобы кто-нибудь стал отрицать это! Приведите собаку, которую я дал вам; хотя это и не подобает, но я положу пред нею этот святой хлеб. Если она осмелится дотронуться до него, тщетна наша вера. Разрешим привести и вашу собаку, предложим ей хлеб, вами освященный, наблюдайте, что будет, на нем будет показано, чья вера угодна Христу!». Армяне не хотели отвечать, но нельзя было, они были вынуждены сказать ему: «Тебе подобает делать то, что ты определил!». Собралось множество народа видеть, что будет. Католикос, выслушав армян, сказал: «Я сделаю!». Он приказал собравшимся отступить и стать кругом, чтобы все видели славу божью. Народ отступил. Католикос выступил вперед в облачении, держа в руках страшную ту и освященную жертву. Царь и весь народ с удивлением наблюдали. Католикос стоял твердо, как красиво воздвигнутая башня, с лицом вдохновенным. Он приказал привести собаку, которая три дня ничего не ела; привели собаку, изможденную от голода. Католикос торжественно возгласил: «Христос царь, вочеловечившийся для спасения людей, распятый за нас, погребенный, воскресший и вознесшийся на небо к Отцу, давший нам плоть свою, чтобы творить твое воспоминание! Тебе, владыко, угодна вера наша грузинская, сохрани неприкосновенно страшную, нами освященную плоть твою и не допусти приблизиться к

ней. Приими ее в жертву неподвижную и покажи народу этому путь истинный, призри на жертву сию и посрами противников наших!».

Закончив молитву, он (католикос) положил пред собакой частицу страшной бескровной жертвы. Увидев хлеб, собака сорвалась с места и приблизилась к нему, но она сильно завыла и не могла дотронуться до святыни. Видя поразительное чудо, царь и народ пришли в недоумение. Католикос и все собравшиеся громким голосом возопили: «Велик ты, господи, и чудны дела твои»[282]. И раздался голос радости, смешанный со слезами, во славу божью.

Армяне, чувствуя бессилие, стояли в оцепенении. Католикос попросил царя успокоить народ. Когда смолкли голоса, он обратился с осиянным лицом и грозным голосом к священникам армянским и к братьям Мхаргрдзели: «Внимайте и знайте, что бог, невидимый, неосязаемый и недоступный для какого бы то ни было зла, незлобен; он сам соизволил превратить хлеб этот в плоть свою. Не удивляйтесь, ибо он сам сказал: «Да будет свет, и появился свет; суша – и явилась она[283], слово его из ничего создало сушу. Хлеб этот является плотью его не иносказательно, а на самом деле; и что могло к нему прикоснуться? Тело его и хлеб – одно и то же, или же одно из них лучше другого?».

Армяне, хотя и не желали этого, но невольно должны были сделать. Священники их стояли, привели собаку, бывшую у их католикоса, и подбросили ей «жертву» свою, которую она сразу подхватила. Грузины стали благодарить бога: «Велик ты, господи, и чудны дела твои!». Католикоса [Иоанна] посадили на собственного коня в облачении, причем он держал в руках на блюдце просфору, его сопровождали все знатные. Проходя среди войска, они говорили 128 Псалом: «Много теснили меня от юности моей враги, но не одолели меня. Меня били по хребту грешники и продолжали беззакония свои. Господь сокрушит хребет грешных. Да постыдятся и обратятся назад все ненавидящие Сион! Пойте господу, ибо он славой прославился, господь сокрушил брани, господу принадлежит имя его»[284]. Радуясь, они обошли весь лагерь. Армяне стояли молча, как лягушки без болота, у них были притупленные взоры, как некогда у священников Астарты[285]. А радость, надежду и благодарность к богу, какую чувствовали грузины, невозможно передать.

Вернувшись домой, царь и католикос устроили большую вечерю. Смущенные армяне отправились в палату братьев Мхаргрдзели. Мсахуртухуцес Иван говорил брату своему, амирспасалару Захарии: «Я не хотел прения с ними, грузины держатся высокой веры; что же нам мешает принять правую веру и креститься от католикоса Грузии?». Он ответил: «Знаю, брат, что вера грузинская – правая вера, но пусть взыщется с того, кого будут судить в день [страшного] суда, я не воссоединюсь с грузинами!». Выслушав это, Иван сказал: «Удивляюсь тебе, ты не хочешь того, что лучше; я не могу согласиться с тобою, принимаю крещение [и обращаюсь] в грузинскую веру!». И к чему много говорить? Пришел он и крестился в нашу веру рукой католикоса Иоанна. С ним вместе крестилось многое множество армян, которые радовались, Захария же остался в вере своей.

XLI

Такими дарами и честью почтил Тамар возлюбленный ею бог; та в свою очередь не ленилась творить угодные богу дела. Поэтому, заменив верхнюю Вардзию[286] нижней, она взялась строить местопребывание для помогавшей ей в походах преблагословенной Вардзийской богоматери – церковь и кельи для монахов, причем все это было высечено в скале и превращено в недоступное для врагов место. Эту Вардзию начал строить еще отец ее Георгий, но он оставил ее незаконченной; великая же Тамар, завершив ее, украсила ее всячески и пожертвовала много больших угодий, обеспечив в ней трапезу крупными и честными доходами. Рассказать все нет возможности, если кто желает знать, пусть повидает Вардзию, высеченные в ней пещеры и все, что в ней сделано. Так как царица Тамар взялась служить непорочной и чудотворной Вардзийской богоматери, царствование ее прославилось больше прежнего.

Выслушайте о других ее предприятиях, строительной деятельности и пожертвованиях на монастыри! Она строила монастыри не только в Грузии, но также в Палестине и Иерусалиме, на Кипре и Галье[287]. Она покупала для них имения и украшала их чином честных монастырей; помогала вместе с ними и Константинополю. Слишком продлится повествование, если я буду рассказывать, сколь изобильно она одаривала монастыри в Грузии и Элладе и как в Грузии осыпала щедротами не только монастыри, но и [простые] церкви и кафедралы. Она возвела ум свой к вечному, за что дарующий блага споспешествовал ей в делах, направленных к благоденствию. Все окрестные цари, города и эмиры дарами и податями умилостивляли ее храбрые войска, непокорные же были разоряемы.

XLII

До сих пор город Кари находился в руках турок. Тамар отправила войска [и велела] осадить город. Турки, узнав об этом, оставили город и бежали. Город был вынужден сдаться. Охранителем его оставлен был Иван Ахалцихский, его же назначили эджибом и эмиром над эмирами. Это очень обеспокоило турок, так как он нанес им большой ущерб: отнял у них окрестные земли и присоединил [к грузинским владениям]. За это, когда он донес об этом, благодарили его, предоставив имение и земли Карсского эмира. И преуспевало царство Тамар и приращалось оно изо дня в день. Она наводила страх и ужас на всех султанов.

XLIII

Теперь мне предстоит поведать о величайших делах, от которых ум мой начинает изнемогать; ибо рассказывать о них пристало не мне, а великим мастерам слова древних времен.

Об этом узнал великий султан сельджукид, по имени Нукрадин[288], он был выше и больше всех прочих султанов, которые властвовали в Греции, Асии и Каппадокии, до самого Понтийского моря.

Нукрадин призвал все множество своего войска, причем собралось 40 раз 10000, т. е. 400000 человек. Он отправил посла к царице Тамар с письмом, в котором написано было следующее:

> «От обладателя всех стран, нижайшего раба божья! Каждая женщина глупа: ты, оказывается, приказала грузинам взять меч для истребления мусульман. Это есть меч, который дарован богом великому пророку Мохаммеду, главе своего народа. Теперь я посылаю все мое войско, чтобы истребить всех мужчин в вашей стране; в живых останется только тот, кто выйдет навстречу мне, поклонится чадре моей, растопчет предо мною крест, который является вашей надеждой, и исповедует Мохаммеда!».

Ответ царицы Нукрадину:

> «Я, надеющаяся на силу вседержителя бога и уповающая на приснодеву Марию, молящаяся честному кресту, получила достойное гнева божья письмо твое, Нукрадин, и, узнав ложь твою, требую, чтобы судьею между нами был бог. Ты надеешься на множество золота и погонщиков осла, я же – ни на богатство, ни на силу войска моего, а на силу вседержителя бога и святого креста, который ты хулишь. Ныне я посылаю все войско мое встретить тебя; да будет надо мною воля бога, но не твоя, правда его, но не твоя!».

Когда посланный явился пред царицей Тамар, он, выступив вперед, отдал письмо и произнес дерзкие слова: «Если царица ваша оставит веру свою, султан возьмет ее в жены, если же не оставит, будет наложницею султана!». Так как он надменно говорил эти слова, выступил амирспасалар Захария и ударил его по лицу так сильно, что тот упал и лежал [без чувств]. Когда его подняли и он пришел в себя, Захария ему сказал: «Если бы ты не был послом, следовало сперва вырезать язык, а потом отрубить голову за твою дерзость. Теперь нечего больше говорить с тобою, это письмо отдай Нукрадину и скажи ему: «Мы готовы встретить тебя и сразиться с тобою, до совершится суд божий!». Потом его одели, дали подарки и отправили. Тогда призвали войска имерские и амерские, от Никопсии до Дербента, и собрались в Джавахети[289].

Тамара прибыла в Вардзию, пред иконою богоматери Вардзийской, и со слезами на глазах вручила ей Давида Сослана и войска его, знамя же его счастливое, дарующее удачу, отправила из Вардзии. Войска выступили в поход, предводителями были амирспасалар Захария Мхаргрдзели и два брата из Ахалциха – Шалва и Иван, а также Чиабер, который был мандатуртухуцесом, и прочие торельцы: они направились в Басиани. Царица Тамар прибыла в Одзрхе[290], ее сопровождали: Шавтели – философ, ритор, сочинитель стихов и известный подвижничеством своим, а также Евлогий, прозванный юродивым и удостоенный дара предвидения. Тамар пребывала с ними днем и ночью в молитве, псалмопении, неусыпном бодрствовании. Она не переставала совершать литании днем и ночью, приказала делать то же самое и молиться богу монастырям и обителям.

Царь Давид хотел направиться выше, где стоял лагерем султан, в место Басианское, известное под именем Болокерти. Приблизившись к стану султана, он увидел бесчисленное множество коней, мулов и верблюдов, палаток и украшенных коврами царских стоянок. Поле не вмещало палаток и живших в них воинов, превосходящих числом грузин. Султан был спокоен и безмятежен. Давид и грузины приблизились к нему, выстроили отряды, предводимые амирспасаларом Захарией Мхаргрдзели, Шалвой и Иваном Ахалцихскими и торельцами, – с одной стороны абхазы и имеры, с другой – амеры, – они шли тихо.

У Султана не было стражи, но один из его людей увидел, что явилось бесчисленное войско безбожных. Султан впал в отчаяние, перепугались все, пригнали животных, вооружились, вскочили на коней и оставили багаж и палатки. Выйдя из палаток, построились в ряды. Авангарды обоих войск приблизились друг к другу. Завязался жестокий и сильный бой, подобный которому имел место разве что в древности. Он продолжался долго, падали с обеих сторон, но больше погибало среди султанского войска. Бой затягивался. Убили коней под мсахуртухуцесом Иваном, Захарией Гагели, Шалвою и Иваном Ахалцихскими, Такаидином Тмогвели, мужем отважным, и многими другими. Была опасность обращения в бегство, но мужественные грузины выдержали и остались в строю пешими. Воины, видя своих патронов пешими, пошли на верную смерть: они слезли с коней и стали рядом со своими патронами – пешие с пешими.

Бой усиливался. Когда это увидел храбрейший Давид, из предосторожности, чтобы кони не растоптали пеших грузин, с левой стороны отошел от них, с другой – правой – отошел Захария Мхаргрдзели. Они ринулись в сторону персов и, подобно охотнику, наступающему на зверя, устремились на них, с одной стороны Давид Сослан, с другой – Захария, бывшие же поближе явились раньше. В ту же минуту подоспел Давид со своим войском и ворвался в бесчисленное войско султана, как волк в стадо овец.

С первого же столкновения и удара мечей многомилостивый бог благословил поклоняющихся кресту и Вардзийская богоматерь приумножила славу Давида и Тамар. Такое громадное множество войска было сразу разбито, побеждено и рассеяно. Похоже было на то, будто сорвалось и обрушилось вместе с землею необозримое, лесом покрытое место. Да, достойное сравнение! Везде, куда только можно было глазом достать, видны были обращенные в бегство лесоподобные войска. Доблестные грузины, которые, как упомянуто выше, оставались пешими, сели на коней и, преследуя их до самой ночи, истребляли, сбивали с коней и забирали в плен. Да и сами они, неприятели, теснили и сокрушали друг друга.

XLIV

Окончив настоящий рассказ, я хотел бы умолкнуть. Удивляюсь, сколь милостив был бог к наследию своему, равно как и Вардзийская богоматерь, сколь безвредно сохранил он преданный ему грузинский народ, безмерное войско которого не потеряло ни одного достойного, царем отмеченного человека, как бежало такое множество неприятельского войска, в то время как войска Тамар не понесли никакого урона?! Наши захватили много золота, серебра и драгоценных сосудов,

а табуны лошадей и множество верблюдов, оставленных ими, кто в состоянии исчислить? Лагерь их полон был ковров, одеяний и драгоценных тканей в связках. Они бежали в такой панике, что, спеша, не обращали внимания на богатство палаток и ковров, забирали с собою только по одному коню, запасную же лошадь отпускали на волю. Грузины вернулись победоносно, славя бога, и расположились в неприятельских шалашах. В них поражало множество валявшихся, как булыжники, шлемов и обилие сахара. В том месте было много источников; наши подходили к этим источникам, срывали с шлема подкладку, наполняли его сахаром и водою и пили.

Славный Давид отправился к своему солнцу – Тамар. Говорят и то, что, когда царица Тамар пребывала в Одзрхе, с нею вместе были там Иоанн Шавтели и Евлогий; тут все время проводили в бдении и неусыпных молитвах о даровании победы нашему воинству. Однажды Шавтели и Евлогий сидели пред Тамар. Вдруг с Евлогием случилось что-то необыкновенное: он поднял глаза вверх и, с горестным видом, созерцая что-то, сразу три раза упал на землю, но тотчас же вскочил на ноги и возгласил: «Вот милость божья приспела на дом Тамар!». Он убежал и поднялся на гору, называемую Арагани. Тогда Шавтели сказал Тамар: «Знай, царица, что юродивому было видение, думаю – благоприятное для нас!». Записали тот день и час. Милостивый бог предуказал некогда наше избавление, в тот же день он предуказал наше спасение.

Одержавшие победу грузины с радостными лицами прибыли в Вардзию, туда же явилась и Тамар, и все вместе вознесли [богу] должное благодарение. Тамар, светлейшая из всех скиптроносцев, преуспевала во всем и пребывала в славе. Она еще усерднее стала служить богу, строить и украшать церкви и монастыри, миловать вдов и сирот и вершить над ними праведный суд. Она радовалась и веселилась в царстве своем. То переходила в Абхазию, распоряжаясь тамошними делами и предаваясь охоте в приятных местах – Гегути и Аджамети[291], то, возвращаясь в Картли и Армению, останавливалась в Двине. Туда ей доставляли подати гандзийцы и жители верхних городов. Весною, возвратившись из Армении, принимала подати от нахчеванцев и направлялась в Колу, – в верхний Артаани, – и там принимала подати из города Карина и Эзинки и других окрестных городов. Но... за радостью следует печаль.

XLV

Нагрянуло горе – умер Давид Сослан, человек, исполненный всякого добра, божеского и человеческого, прекрасный на вид, в сражениях и на войне храбрый и мужественный, щедрый, смиренный и превознесенный в добродетелях. Он оставил двух детей: сына Георгия[292] и дочь Русудан[293]. Плакали, рыдали и повергли в печаль всю вселенную.

XLVI

После этого на продолжительное время водворился повсюду мир. Так как шел святой пост, царица пребывала в Гегути, с ней находились два брата Мхаргрдзели. Когда об этом узнал ардебильский[294] султан, он, снедаемый ненавистью к христианам, призвал свои войска и направил их на разорение города Аниси[295], ибо знал, что Мхаргрдзели отсутствовали. Выступив, он направился по берегу Аракса и, не нанося дорогой никому вреда, в великую субботу под вечер незаметно подошел к городу.

На рассвете, когда стали звонить [к заутрене] и открыли городские ворота, они (ардебильские войска) сразу бросились к ним и, так как не успели закрыть их, ворвались в город на конях и начали умерщвлять, избивать и забирать в плен. Большинство горожан, сообразно с христианской верой, находилось в церквах; некоторые бежали и укрепились в домах своих, другие – в пещерах, известных под именем «каменных домов». Те, которые спаслись, скрылись или в крепостях, или в пещерах, ибо кругом с трех сторон возвышались скалистые и пещерные утесы. Таким образом, захватили город, причем 12000 человек зарезали, как овец, в церквах, и это сверх того, что было содеяно на улицах и площадях города. После разорения города, они, обремененные добычей и пленными, вернулись назад.

О разграблении Аниси царица и братья Мхаргрдзели узнали в Гегути в Новую (Фомину) неделю. Выслушав неприятную весть, они очень огорчились и опечалились, сердца их пылали огнем, они не знали, что делать. Царица и ее войска, одержимые горем и гневом, стали готовиться к войне с персами. Тогда братья Мхаргрдзели сказали ей: «За нарушение заповедей божьих нас постигло такое несчастье, за грехи наши жестоко пострадало от рук безбожных сарацин столько христианских душ. Но мы надеемся на милость божью и на честной его крест, что уповающие на него не будут отданы на всецелое истребление от сарацин; будем готовиться к мести и возмездию и обрушим коварство их на их же головы. Ты, царица, прикажи войскам своим, чтобы готовы были против ардебильского султана, поедем в Аниси и будем охотиться на персов. Только отправимся туда не в большом количестве, а в незначительном, ибо, если мы отправимся в большом количестве, они узнают и успеют скрыться в крепостях. Дай мне, царица, войско и распорядись, чтобы все, что я сказал, было готово к наступлению мерзкого их поста!». Царице понравились эти слова и она приказала войскам готовиться.

XLVII

Братья Мхаргрдзели выступили в Аниси и стали, в свою очередь, готовить все необходимое. Приближался мерзкий пост магометанской веры. Мхаргрдзели отправили к царице человека с просьбой выслать войска. Она отдала приказание месхам, торельцам, тмогвцам[296], эро-кахам[297] и сомхитарам[298], картлийцев не взяли, чтобы находившиеся в Ардебиле не узнали об этом. Собравшись в Аниси, оттуда они наметили путь в Ардебиль: прошли Гелакуни, спустились в

Испиани, перешли через Хуапридский мост и направились к Ардебилю. Ночью, накануне «Аиди», то есть их Пасхи, окружили Ардебиль.

Когда раздался голос вестника их мерзкой веры и участились призывы муэдзинов, братья Мхаргрдзели со всех сторон пустили коней, ворвались в город и без боя овладели им, пленили самого султана, жену его и детей. Они завладели неисчислимым богатством его города, жемчугами и драгоценными камнями, золотом, серебряными и золотыми сосудами, одеждой, коврами и всяким добром в таком изобилии, что передать трудно. Отбили у них много коней, мулов, верблюдов, которых навьючили забранным добром, и повернули назад. Султана ардебильского убили, жену и детей забрали в плен; 12000 знатных людей перебили в мечетях, подобно тому, как те поступили в церквах Аниси, других во множестве истребили или стеснили. Тем же самым путем они, утешенные, победоносно вернулись в Аниси и предстали пред лицо царя царей и царицы цариц, солнца над всеми солнцами. Достали подарки и подношения, осыпали ими первейших лиц, саму царицу и всех, бывших пред нею.

Царица перебралась в Колу. Вся страна разбогатела, она наполнилась золотом, серебром, драгоценными камнями, жемчугами; все это было доставлено Захарией и Иваном Мхаргрдзели. За это благодарная царица пожаловала им много крепостей, городов и земель. Прославляя бога, веселились все; царица же, живя по своей воле, получала извне подати и бесчисленные дары.

XLVIII

Но уже нашлись другие большие дела. К ней явились братья Мхаргрдзели – амирспасалар Захария и мсахуртухуцес Иван, а также Захария Варамисдзе, Гегели, и сказали: «Могущественная Государыня и среди венценосцев пресветлая! Взгляни на царство твое, оцени мужество и храбрость войска твоего, уразумей, что в нем много отважных и доблестных мужей, нет никого, кто бы воспротивился им! Чтобы не предались забвению подвиги этого войска, пусть прикажет величие твое и вооружимся против Ирака, Ром-Гура, то-есть Хварасана[299], пусть все войска Востока узнают силу и мощь нашу. Прикажи воинству приготовиться против Хварасана! Хотя никто из грузин не ходил до Хварасана и Ирака, [но это ничего], вели вооружиться и приготовиться всем от Никопсии до Дербента!».[300] Когда царица выслушала слова Мхаргрдзели, созвала всех известнейших мужей нашего царства, имеров и амеров, и поставила их в известность. Когда они узнали, что Мхаргрдзели ведет в поход, это им понравилось и стали они готовиться к войне.

Наступила осень, собрались в Тбилиси пред царицей. Она устроила смотр войскам и нашла их хорошо вооруженными, ей понравилась добротность доспехов и коней, многочисленность и мужество их и дух ненависти против персов, которым они были проникнуты. Она взяла счастливейшее знамя Горгасала и Давида, призвала на него благословение Вардзийской богоматери и, вручив его амирспасалару Захарии, отправила его вместе с войском в Персию. Они прошли около Нахчевана, вышли в Джульфу и на Аракс и, вступив в узкое ущелье Дарадузское, поднялись в Маранду[301]. Жители Маранды, узнав об этом, скрылись в скалах. Войдя в Маранду и не найдя там ни одного человека, они подумали, что неприятельские войска находятся на

Марандийской горе. Поэтому отобрали 500 отважных и знатнейших человек, поставили над ними спасалара Такаидина Тмогвели и отправили их на вершину Марандийской горы.

Посланные поднялись на Маранду и расположились на плоской ее вершине. Им было приказано Захарией не вступать в столкновение ни с кем, пока не явится на вершину он с войском; если же им встретится большое ополчение, пусть дадут об этом знать Захарии и поступят так, как он укажет. Пятьсот отборных человек стояли на своих местах. Их видели марандийцы, скрывавшиеся в глубоких пропастях и расселинах на самом верху Марандийской горы, покрытой сплошь камнями и скалами.

Марандийцы, видя незначительное ополчение и не боясь его, вооружились и напали на него. Наши же встретили их храбро и обратили в бегство; мало кто из неприятелей уцелел, большинство было истреблено, оставшихся в живых долго преследовали. Когда [грузинские] войска поднялись на гору, увидели место сражения, покрытое трупами людей и лошадей, но там не нашлось ни одного грузина. Бог даровал нашим такую победу, что пятьсот человек с пятьюстами копьями прибили пятьсот неприятелей к пятистам лошадям. Увидев это, они поразились, особенно удивило их отсутствие грузин; недоумевающий и опечаленный Захария не знал, что делать. Но в таком положении оставались они недолго, показались возвращавшиеся с погони войска. Когда Захария увидел это, возрадовался и благодарил бога за то, что не погиб ни один из грузин, в то время как 500 человек вонзали 500 копий 500 неприятелям и их лошадям. Хотя была одержана такая победа, Такаидина все же обвиняли, в особенности журил его Захария за то, что он вступил в бой, не дав об этом знать.

XLIX

Радуясь и благодаря бога за одержанную победу, грузины повернули назад и направились на Тавриз[302]. Они перевалили через горы, известные под именем Девсопи. Когда жители Тавриза узнали о появлении грузинского войска, они были поражены, ужас объял их. Евнухи и знать Тавриза, равно и единомышленники их, решили податью и подарками, покорностью и клятвой умиротворить главенствующих среди грузин и войска их. Они прислали послов и просили мира и пощады для города, причем обещали подарки: золото, серебро, жемчуга и много других драгоценных камней. Все знатнейшие грузины, в том числе Захария и Иван, удивились. Они обещали им мир и безвредное прохождение через их земли и свои слова скрепили клятвой. Затем явились кадии, евнухи, дервиши, а также все главнейшие лица Тавриза, доставили золото, серебро, дорогие ткани, коней, мулов и стадо верблюдов, жемчуга, драгоценные камни, одеяния и необходимый для войска провиант.

Грузины дали городу охрану и, покинув Адарбадаган, направились в Миану[303]. Мианский мелик, узнав о появлении грузин и о том, что они сделали с жителями Тавриза, тоже попросил у них мира и обещал им бесчисленные подарки. Грузины исполнили его просьбу и пригласили его для установления мира; тот доставил золото, серебро и драгоценные камни. Набравши всякого богатства, грузины дали городу охрану и с миром покинули Миану.

Они подошли к маленькому городу Зангану, обнесенному глинобитной стеной. Жители укрепили его и затеяли бой. Так как бой затягивался, представители отдельных грузинских областей поделили между собою стены города, чтобы подкопать их. Стали рыть. Раньше всех подкопали стену с правой стороны месхи, которые, вступив в город, истребили всех бойцов, при этом захватили много добра. Стены были подкопаны и с других сторон, войска вошли в город, пленили его и забрали много всякого добра. Затем они остановились передохнуть немного. Потом направились в сторону Хварасана и под вечер подошли к незначительному мусульманскому городу-деревне, разорили его и немного отдохнули и здесь.

L

Отсюда они продолжали путь в сторону Хварасана и приблизились к Казмину[304] и Ахвару[305]. Так как последние не могли оказать сопротивление, города эти подверглись разгрому, причем грузины захватили много добра, которое было навьючено на животных побежденной страны. Людям не вредили, только забирали в плен мужчин и мальчиков. Отправившись дальше, они нагнали беженцев и отобрали много золота, серебра и женских украшений. Взяли путь на внутренний Ром-Гур, то-есть на Хварасан. К чему растягивать рассказ? Они дошли до страны Гурганской[306] и опустошили ее. Так как они оказались не в состоянии продолжить путь вследствие обилия военной добычи, повернули назад.

Никто из грузин не ходил доселе походом до этих мест. Оказать им противодействие не мог в Персии ни один султан: ни хварасанский, ни иракский, ни какой-нибудь другой. С безмерным и бесчисленным богатством они вернулись в Ирак. Так как никто не знал, что сделали грузины в Гурганской стране, не было известно и о поражании иракского султана; какой-то человек, прибывший к мианскому султану, солгал ему следующим образом: «Явились гиланцы и сам великий султан, со всех сторон отрезали путь грузинам и до того разгромили их, что не осталось в живых ни одной души из такого множества, чтобы доставить известие в Грузию». Когда мианцы и их мелик услышали это, обрадовались, перебили и распяли на кресте оставленную у них грузинами охрану. Только один человек из этой охраны успел спастись и спрятаться в городе.

Когда грузины вернулись в Миану, мианский султан встретил их с подарками, думая скрыть содеянное им. Захария осмотрелся и спросил об охране. Ему доложили: «Они отправились в Тавриз к оставленной там охране». Появился скрывавшийся в городе грузин и в присутствии султана рассказал все, что он сделал с грузинами – об истреблении охраны и распятии; мианцы стояли безгласно. Когда это выслушали Захария и Иван, очень огорчились и озлобились. Они задержали мелика, детей его и близких его и осудили их на смерть. Убили мелика и детей его, содрали с них кожу и вывесили на минарете; вместе с этим разорили, сожгли и пленили город. Богатство же, которое они оттуда вывезли, невозможно исчислить. Они направились путем, идущим через Адарбадаган; здесь их встретили сперва уженцы[307], затем тавризцы с богатыми дарами, которыми наполнилось все наше царство. Для солнца над царями и над солнцами [царицы Тамар] прислали драгоценные и редкие камни и отборные сосуды. Оставив мир жителям

и городам Адарбадагана, они прошли Аракс, окрестности Нахчевана и явились в Тбилиси пред царицей.

Царица цариц, благодарившая бога, очень обрадовалась; она встретила их веселая, с большой помпой и славой. Слышны были звуки труб и цевниц, ибо такой победы не одерживали даже в древности ни цари, ни князья. Перешли в Исани, царица воссела на трон; амирспасалар ввел знатнейших лиц, которые сели по чину. Принесли бесчисленное множество подарков и разложили их перед царицей. Она удивилась, ибо никто никогда не видел столько богатства, неисчислимого множества жемчугов и драгоценных камней. Тамар, продолжая благодарить бога, совершала литании, всенощные бдения, щедро одаривала вдов и нищих, раздавала военным казну, богатых сделала еще богаче, и все благодарили бога за такую победу.

LI

Приспело время скорби, умер амирспасалар Захария, сын Саргиса, человек очень богатый, исполненный всякой добродетели, во всем преуспевавший, отважный и сильный воин, глава области Лори. Его оплакала царица, с нею вместе и все жители Грузии, ибо в те времена не появлялось столь доблестного мужа. Как будто и происхождение способствовало этому: он был потомок Артаксеркса Долгорукого[308]. Будучи по вере армянином, он обладал всеми добродетелями, божескими и человеческими. Похоронили славного отца, оставившего одного сына, по имени Шанша.

Тогда царица призвала брата Захарии мсахуртухуцеса Ивана и соизволила возвести его в должность амирспасалара, которую занимал Захария. Иван же, удивленный этим, сказал ей: «Должность, которою ты меня почтила, превеликая должность, я недостоин ее; ты меня награди так, что бы со мною не связывали имени моего брата и чтобы я не стеснялся занимать его место. Почти меня должностью атабага[309], такой должности нет и не было в Грузии. И так, умножь милость твою надо мною и удостой меня новой большей чести, даруй мне должность атабага. Должность атабага – султанская должность, она подразумевает отца и воспитателя царей и султанов. Этим ты приумножишь надо мною, сравнительно с предками моими, милость твою».

Царица исполнила его просьбу и произвела его в должность атабага, которая раньше не была известна грузинским царям и никому не жаловалась. Мсахуртухуцесом она сделала Варама, сына Захарии Гагели, мужа достойного и победоносного в походах. Царица же Тамар зимою жила в Двине, летом – в Коле и Цедис-тба[310], иногда же переходила в Абхазию – в Гегути и Цхуми[311].

LII

В то время отложились жители [Кавказских] гор – пховцы и дидойцы. Дидойцы едят неваренную пищу, несколько братьев женятся на одной и той же женщине; они поклоняются какому-то невидимому черту, а некоторые – черной, без метки, собаке. Пховцы же поклоняются кресту и называют себя христианами. Они стали грабить, убивать и похищать людей. Царица позвала атабага и жителей гор: двалов, цхразмелов, мохевов, хадов, цхаватов, чарталов, эрцотианов[312], вручила их атабагу Ивану и отправила против восставших. Иван поступил разумно: поднялся на гору Хади[313], перебрался через ее вершину и перешел даже на гору пховцев и дидойцев, чего никто не совершал ни до, ни после. С одной стороны у него оказалась страна Дзурзукети, с другой – Дидоети и Пхоети[314].

Когда дзурдзукетские цари узнали о прибытии атабага, явились к нему с подарками, выставили воинов и стали рядом с ним. Начали нападать с гор, убивать, опустошать и забирать в плен; выжгли безжалостно все, умертвили бесчисленное множество дидойцев и пховцев. Наступавшие оставались там три месяца: июнь, июль и август. Стесненные атабагом, мятежники выдали заложников и твердо обещали служить и платить подати. Заключив мир, заложников забрали с собой.

После этой победы Иван явился пред царицей и сказал: «Могущественная государыня! Повеление твое выполнено, я разорил не желающих покориться тебе дидойцев и пховцев». Царица отблагодарила его и удостоила большой чести. И водворился мир, заметно было преуспеяние и приращение богохранимой державы царицы Тамар. Военные пребывали в покое, охотились и предавались играм, начальствующие и знатнейшие лица находились всегда с царицей, отдыхали и обогащались подарками от нее.

LIII

Когда умер племянник Константина Великого[315] император Иовиан[316], один из монахов, оплакивая смерть его, говорил: «Зачем бог лишил христиан такого царя, которому сам ангел, на виду у всех, возложил на голову венец?». Этому монаху ангел сказал: «Что ты, монах, исследуешь суд божий? Я тебе повелеваю, удались от зла, перестань! Разве ты не знаешь, что, если бы весь мир, с Востока до Запада, был исповедником Христа, то и он, не то что одна Греция, был бы недостоин Иовиана?». То же самое случилось и теперь: не то что одна Грузия, но и весь мир был недостоин царствования Тамар. Поэтому милостивый бог призрел свое наследие: скончалась Тамар в бытность ее в Табахмела.

Жителей Грузии постигло невыразимо великое горе; страшно огорченные, они рыдали с сыпали на голову пепел и прах, также атабаг и все прочие. Слышен был вопль, напоминавший вопли Атад[317], и плач, похожий на плач Иеремии по поводу разорения Иерусалима. И следовало всему этому быть! От плача и рыданий измождены были жители государства везде, во всех местах. Все свидетельствовали о несказанных ее добродетелях, милости, правосудии, щедрости и смирении. И отправили ее в наследие их – Гелати и похоронили в честной усыпальнице. И оставила она царство сыну своему Лаше.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исх. III
[2] Исх. IV
[3] Песнь песн. VII, I
[4] То-есть монарха.
[5] Скала, по библейским книгам, является одним из символов Христа.
[6] Давидид, Хосровид, Панкратид – титулы грузинских царей. Первый из них, Давидид, связывает их с именем еврейского царя и пророка Давида, от которого грузинские цари производили свой род. Второй титул, Хосровид, вряд ли находится в связи с Кай-Хосрау книги «Шах-Намэ» или с каким-нибудь другим Хосровом. Хосрау (отсюда грузинское Хвасровани, Хуасроани) есть титул, обозначающей сильного, могущественного, славного вообще царя. Третий титул, Панкратид, связан с именем Панкратия, по-грузински – Баграта, одного из мифических потомков еврейского царя Давида (от Урии Хеттеянки); он будто бы прибыл в Грузию и Армению и положил начало династии Панкратидов или Багратионов.
[7] Быт. X, 8-9.
[8] Под сынами Хайка подразумеваются армяне; Хайк – эпоним армянского народа. Конкретно историк имеет в виду в данном случае присоединение к Грузии армянских областей.
[9] Автор имеет в виду сочинение Плутарха (46-120) «Параллельные биографии».
[10] От греческого Basilogrofoõ, означающего, по автору «Повествование о царях» (см. К. Кекелидзе. Некоторые, еще не разъясненные термины нашей исторической письменности, «Труды» Тбилисского государственного университета, т. V, 1925, стр. 310-312, на груз. яз.).
[11] Лук. III, 38.
[12] Георгий III, отец Тамар (1156-1184 г.), Деметре I, отец Георгия (1125-1156), отец Деметре – Давид IV Строитель (1089-1125). У Деметре I, кроме Георгия, был еще другой сын, Давид IV, царствовавший в 1155 году несколько месяцев.
[13] Один из грузинских философов XII в. (К. Кекелидзе, История древнегрузинской литературы, т. I[4], 316-318, на груз. яз.).
[14] Быт. XXVII.
[15] Македонский.
[16] Герой «Шах-Намэ» Фирдоуси.
[17] Герой «Илиады» Гомера.
[18] Библейский персонаж (Суд. гл. XIII-XVI).
[19] Библейский персонаж (Быт. X, 8, Парал. 1, 10).
[20, 21, 22] Герои «Шах-наме», причем Тахамтан – это Рустем, по-грузински Ростом.
[23] Голиаф – великан, богатырь, библейский персонаж (1 Цар. XVI, 4, XXI, 9, XXII, 10, XX, 5; 2 Цар. XXI, 19).
[24] Соломон, еврейский царь, мудрец, сын Давида.
[25] Сократ и Платон – древнегреческие философы.
[26] Один из северокавказских владетелей того времени.
[27] Мтф. V, 45.
[28] Здесь имеется в виду святая Ирина, которая в язычестве, до крещения, называлась Пенелопией.
[29] Богородицу.
[30] Горгаслид, т. е. потомок препрославленного по летописи и народным преданиям грузинского царя V в. Вахтанга Горгасала.
[31] 2 Цар. VII, 12.
[32] Имеются в виду семь главных территориально-административных единиц, на которые в то время делилась Грузия.
[33] Троякое название последователей магометанской веры.

34 Амеры и имеры: имеются в виду жители Грузии, разделенные Лихским (Сурамским) хребтом. Жившие по ту сторону хребта (к западу) назывались имерами или залихскими имерами, отсюда название Имерети, а те, которые жили по сю сторону хребта (к востоку), назывались амерами (Восточная Грузия).

35 Территория Восточной Грузии, известная под именем Картли, делилась на три части: верхняя, нижняя и внутренняя Картли.

36 Дидебулы – так назывались те лица, которые составляли верхушки «азнауров». «Азнауры» – вообще «свободные» в социальном смысле; они делились на 1) просто «азнауров», иначе – обыкновенных дворян, 2) «дидебулни азнаурни», или просто «дидебулни», которые иногда обозначаются термином «знатнейшие», это – «азнауры вельможные», кроме фамильного и имущественного отличия занимавшие еще какие-нибудь государственные должности.

37 Грузинские термины «спасалар» и «спаспет» однозначны, они обозначают главу, предводителя и руководителя войск.

38 Свои – домашние и чужие – внешние – имеются в виду подданные государства грузинской и негрузинской национальности.

39 Кагзеван – город Кагизман в Армении.

40-41 Ашорния – одна из областей Армении, захваченная мусульманским владетелем Шах-Арменом, обладателем находившейся к северо-западу от Ванского озера области. Шах-Армен, правитель Хлата, был сыном Ибрагима Нассир-Аддин-Суклиана (1128-1183) (С. Лен-Пуль, Мусульманские династии, пер. В. Бартольда, стр. 143). Ввиду того, что он захватил армянскую землю, он называл себя царем и султаном Армении.

42 Город Двин или Довин – древняя столица Армении.

43 Имеется в виду армянская легенда о превращении армянского царя Трдата в кабана в наказание за то, что он противодействовал миссионерской деятельности Григория Парфянского, просветителя армян.

44 2 Цар. I, 22.

45 По всей вероятности, имеется в виду Бахрам Чубин, в 589 г. поднявший восстание против Хосрова Парвиза и захвативший власть.

46 Здесь имеется в виду богиня греческой мифологии Артемида; она здесь названа «Мтафоло». Что это значит? По разысканиям проф. С. Каухчишвили, ссылающегося на статью Wernicke (RE II, 1336-1440), одним из эпитетов Артемиды является Tauropoluõ. Вторая половина слова poluõ легко могла измениться в «фоло», но чтобы первая половина Tauro была передана историком через «мта» (гора), он находит невозможным, считая, что впоследствии кто-то Tauroõ перевел словом «мта» на том, очевидно, основании, что гора находившаяся между Киликией и Арменией, называлась Tauroõ («Наша наука», №3-4 (15-16), на груз. яз.). Если этот эпитет сближать с названием Tauroõ, почему непременно с киликийско-армянским? Более подходящим был бы в данном случае Tauroõ Скифии, связанный, по мифологии, именно с Артемидой (И. Абуладзе, Сказки эллинов. Известия Института языка, истории и материальной культуры, X, отд. оттиск, стр. 15, § 7, 40, № 56; Migne, PG. t. XXXVI, col. 1069 C).

По нашему мнению эпитет «мтафоло» есть искажение (принадлежащее, конечно, не самому историку, а переписчику его работы) эпитета Артемиды Elafhboloõ (Элафиволо). В комментариях Нонна (VI в.) на надгробное слово Василию Великому Григория Назианзена, в котором указаны факты и лица греческой мифологии, и, между прочим, и богиня Артемида, читаем: «Другое сказание об элафиволах... Говорят, что Артемида является покровительницей охотничьего искусства стрелять, поэтому она называется Артемида, богиня Элафиволо (Элафиволо составлено из греческих слов elafoõ – олень и boliõ – стрела (wste acusai thn Artemin Elafhbolon qeon), что значит – богиня, стреляющая в оленя; ибо о ней говорят, что ей везло в метании стрел в оленей» (Migne, PG. t. XXXVI, col. 1062 B, Perit̃hs Elafhbolou).

Искажение этого эпитета произошло на графической почве: грузинское «е» в церковном минускульном письме могло исказиться в «м», «л», «т», «ив», если слово стояло под титлом, сокращенно, могло выпасть; таким путем из «элафиволо» историка получилось «мтафоло» переписчика, попавшее потом в «Историю Тамар».

[47] Аниси – армянский столичный (в IX-XI вв.) город Ани, которым в одно время владели византийцы; в 1123 году он был взят Давидом Строителем, грузинским царем, с 1161 года он вошел в состав Грузинского царства.

[48] Один из мусульманских эмиров.

[49] Грузинский термин «мандатуртухуцес(и)» есть перевод византийского термина «протомандатор».

[50] Амирспасалар, от слов амир – глава, управляющий, и спасалар – военачальник, значит «главный военачальник».

[51] Сирия.

[52] Месопотамия.

[53] Город у верховьев Тигра и Ефрата.

[54] Сын Ардоха есть правитель Диарбекира в Мардане Кутб Ад-Дин Ил-Газис (1152-1176), он в самом деле был из фамилии Ортока (С. Лен-Пуль, Мусульманские династии, стр. 151, перев. В. Бартольда). Этот Ардох, как говорит историк, обратил в бегство Ивана Абулетисдзе, который был поставлен Давидом Строителем правителем г. Аниси и в 1145 году был убит сыном Давида Деметре. Историки не знают причины убийства; можно думать, что оно было вызвано обращением его в бегство Ардохом и изгнанием из Аниси.

[55] Салдух – правитель Эрзерума Ал-Мелик Салик или Салтух, который в 1153-4 годах был эмиром и был еще жив в 1164-5 гг.(И. Джавахишвили, История грузинского народа, II, 232, 1918, на груз. яз.).

[56] Псал. XLIV, 4-5.

[57] Лихские горы – Сурамский перевал.

[58] Александр Македонский.

[59] Обширное место между Кизики и рекой Алазани.

[60] Мцигнобартухуцес(и): буквально – глава нотариев; имея в виду его функции, его можно приравнять к премьер-министру; в памятниках он называется «первый среди визирей».

[61] Известная война древних греков с персидскими царями Ксерксом и Артаксерксом.

[62] 1 Цар. XXV.

[63] Фридон – Феридун, персонаж «Шах-Намэ» Фирдоуси.

[64] Ахиллес – герой Троянской войны, с ним автор сравнивает Георгия III.

[65] Буквально – войска, но в этом произведении, в частности в данном случае, термин «лашкарни» означает и «рыцарей».

[66] Имеется в виду Александр Македонский.

[67] Сияош – герой «Шах-Намэ».

[68] Ис. Нав. X, 12-14.

[69] Тавады – князья; здесь – первейшие, главные лица.

[70] Патрон, социальный термин, означает покровителя, сюзерена.

[71] Амир – правитель.

[72] Тамар, дочь царя Давида IV Строителя, была замужем за Ширванским шахом. Очевидно, после смерти супруга она вернулась в Грузию и воспитала своего племянника Георгия.

[73] Грузинский термин «хелмципе» обычно значит «царь, государь». Но мы это слово, когда по контексту о царе не может быть речи, как в данном случае, переводим словом «властитель».

[74] Заратустра – Зороастр, основатель огнепоклонства.

[75] Сомхити: в этом, равно как в других исторических памятниках Грузии, употребляется два географических термина: Сомхети и Сомхити. Первый из них обычно означает Армению, второй же – Сомхити – и Армению, и самую южную часть Грузии, между Курой и северной границей Армении. Иногда трудно бывает понять, что разуметь под «Сомхити» – Армению ли в собственном смысле или Южную Грузию. Единственное средство разобраться в этом – контекст или названия тех или иных известных пунктов. Историк Давида Строителя говорит, что «Лоре и Агара были в Сомхити», или «крепость Сомхити Гаги» (список ц. Марии, стр. 299, 310); «когда турки узнали о взятии Самшвилде, покинули большую часть крепостей Сомхитских» (список ц. Анны, стр. 210). В нашем памятнике в данном случае под «Сомхити» разумеется Южная Грузия, так как здесь названа крепость Гаги, расположенная в южной части Грузии.

[76] Оссы – осетины.
[77] Елекеци resp. Еклец, по Сен-Мартену (Memoire, I, 45) то же самое, что Акилисенс верхней Армении, у истоков Ефрата; М. Броссе предполагает ее в центре Сюнии, где географ Вахушти (XVIII в.) отмечает речку Еклецис-Цкали. В данном случае скорее подходит Сюния.
[78] Эрети – северо-восточная провинция Грузинского царства, смежная с Кахети.
[79] Гелакуни – в Армении, местность у Севанского озера.
[80] Лори и Дманиси находятся в южной Картли.
[81] Известный сборник притч.
[82] Библейские персонажи.
[83] Иисус Христос, по Библии, происходил от еврейского царя и пророка Давида.
[84] Крестоносец – лицо, несшее во время похода крест впереди войска.
[85] Псал. CIII, IX.
[86] Западная Грузия.
[87] Каспийское море.
[88] Таойцы, кларджи, шавши, месхи, торельцы – жители юго-западной Грузии, известной под именем Тао-Кларджети. Олтиси и Бана – город и местечко там же.
[89] Город Карс.
[90] Сомхитары – жители Сомхити.
[91] Эры – жители провинции Эрети, кахи – Кахети.
[92] Ширван – владения Ширван-шахов, находившиеся в вассальной зависимости от Грузии.
[93] 3 Пар. XIV, 33-39.
[94] Сравнение неточное, это было не на Синае.
[95] 3 Пар. XVIII, 44, 45, XIX, 7-8.
[96] Местность в Западной Грузии, недалеко от г. Кутаиси, сезонная резиденция царей.
[97] Грузинские цари из династии Багратидов производили свой род от еврейского царя Давида и сына его Соломона.
[98] Андроник Комнин был племянником по брату императора Мануила I Комнина (1143-1180). С другой стороны, он был сыном тетки Георгия III по отцу, дочери Давида IV Строителя Каты, бывшей замужем за братом Мануила Комнина.
[99] Царь Ширвана и Приморья Ахсартан находился в такой же родственной связи с Георгием, как и Андроник Комнин: он был сыном другой тетки Георгия III по отцу, дочери Давида Строителя Тамар, бывшей замужем за владетелем Ширвана.
[100] Земли и город у Каспийского моря.
[101] Нынешний Карабах.
[102] Масис – Малый Арарат.
[103] Барда или Берда, главный город Аррана, недалеко от впадения Тертера в Куру.
[104] Крепость, построенная в V в. царем Вахтангом Горгасалом, недалеко от Тбилиси.
[105] Имеется в виду род крупнейших и влиятельных в государственной жизни феодалов Орбелиани.
[106] Жители Самцхе, юго-западной провинции Грузии.
[107] 2 Цар. XIII-XIX.
[108] Марк. VII, 10-11.
[109] Эта крепость находилась именно в Сомхити.
[110] Местность в той же Сомхити.
[111] Там же, в Сомхити, недалеко от Тбилиси.
[112] Картлийцы, жители Картли, главной части Восточной Грузии.
[113] Меджинибетухуцес(и) – конюший, старший над конюхами царского двора, шталмейстер.
[114] Эристав – правитель области.
[115] Начармагеви находился недалеко от г. Гори, ныне селение Каралети.

116 Имеются в виду два грузинских патриарха: Восточной и Западной Грузии.

117 Псал. LXVII, 17.

118 Дан. II, 31-35.

119 2 Цар. III, 3.

120 Быт. II, 13.

121 Созданное в XII в. крестоносцами Иерусалимское королевство. При Георгии III здесь царствовали: Балдуин III (1143-1162), Амалрих (1162-1173) и Балдуин IV (1173-1184).

122 Непонятный термин рукописи мы предположительно переводим как «бейрутцы» (от г. Бейрут) (о Бейруте см. статью M. E. Nickerson, The Seigneury of Beirut in the Twelfth century..., «Byzantion», t. XIX, 1949). Появившееся недавно мнение, что под этим названием нужно разуметь упоминаемый Клавдием Птолемеем близ Эфиопии или Абиссинии город Berhqiõ или Beriqiõ («Мимомхилвели» II, 235-236, 1951, на груз. яз.), вряд ли может быть поддержано: этот городок ничем не был известен, чтобы ссылкой на служебную связь его с Грузией историк мог подчеркнуть величие грузинского царя. Это мнение так же не может быть принято, как и производство грузинского названия абиссинцев – hабашни – от греческого названия одного из островов Эфиопии Abasa (там же); грузинское «абашни» происходит от арабского названия абиссинцев «hабашун».

123 Мтф. XXIII, 35.

124 Исани – местность в Тбилиси на т. н. Авлабаре, здесь находился царский дворец.

125 Самшвилде – город в Сомхити, южной Картли.

126 Ис. Нав. X, 12.

127 Мечурчлетухуцес(и) – означает хранителя, распорядителя казны, функции его соответствовали функциям министра финансов.

128 Чухчарх – царский телохранитель (см. К. Кекелидзе, История и восхваление венценосцев, стр. 11-17, Тб., 1941, на груз. яз.).

129 Мсахуртухуцес(и) – начальник служащих при дворе, придворных чинов, министр двора.

130 Все они – библейские персонажи.

131 Дан. III, 92.

132 Тетка Тамар, сестра Георгия III, бывшая царицей Хорасанской; после смерти мужа вернулась в Грузию к брату Георгию.

133 Имеется в виду вера в еврейское происхождение грузинских Багратидов.

134 Быт. XIV, 18-19.

135 В христианской письменности действительно имеется такая легенда.

136 Рача и Таквери – провинции Западной Грузии.

137 Быт. I, 4-5.

138 Прит. IX, I.

139 Псал. CXVIII, 164.

140 Еккл. XI, 2.

141 Мтф. XVIII, 21-22.

142 Грузинские цари себя считали в какой-то связи с Римским императором Августом, потому они нередко называли себя и «Августианами».

143 Пифодор и Критий. Пифодор – знаменитый архитектор времен Александра Македонского, он построил храм Афины в Приене. Критий, если он не связан со строительным делом, может быть Критий младший (V в. до н. эры), высокопросвещенный человек, которого Платон упоминает в диалоге «Критий» (Тимей). Но как будто здесь имеются в виду Пифодор и Критий, знаменитые греческие скульпторы V в. до н. э.

144 Герой «Шах-Намэ» Фирдоуси.

145 Имеется в виду церковная практика венчания второбрачных, санкционированная в Византии тоже в XII в.

146 2 Цар. II.

147 Удаление безумно влюбленных от людского общества и уединение их в пустынные, безлюдные места, где они общались лишь со зверями и дикими животными.

148 Чкондидели – фактически Мартвильский епископ, это – особая должность, зачастую совмещенная с должностью мцигнобартухуцеса (премьер-министра).

149 Дарбази – Государственный Совет.

150 Провинции в Западной Грузии.

151 Картли, Кахети и Эрети – провинции в Восточной Грузии.

152 Право «сидения на подушке» в Государственном Совете было особой привилегией.

153 Провинция в юго-западной Грузии.

154 Имеется в виду Александр Македонский.

155 Юго-западная приморская провинция Грузии.

156 Мтф. V, 3-11.

157 Персонажи «Шах-Намэ» Фирдоуси.

158 Персонажи грузинского романа XII в. «Амиран-Дареджаниани».

159 Влюбленная пара Хосров и Ширин из романа «Хосров-Ширинiани».

160 Персонажи романа «Амиран-Дареджаниани».

161 Библейские мужские и женские персонажи.

162 Пелоп (Pelops), по мифологии, был сыном Тантала и внуком Зевса; он отправился в Пазу, чтобы жениться на Гиподамии, дочери царя Эномаоса.

163 Мифологический Плутон, влюбленный в дочь Зевса и Деметры Персефону (Прозерпину).

164 Персонажи романа «Вис-о-Рамин».

165 Персонажи «Шах-Намэ» Фирдоуси.

166 Персонажи утерянного романа восточного происхождения, принадлежащего поэту Онсори (ум. в 1039 г.).

167 Андрей Боголюбский.

168 Всеволод.

169 Кипчаки – половцы.

170 Этот Алексей, по мнению акад. М. Броссе (Histoire de la Géorgie, I, 41, not. 1), был сыном Андроника Комнина (см. примеч. 98); он доводился Тамар родственником в шестой степени родства.

171 Местность в Картли, между г. Гори и г. Цхинвали.

172 Так назван муж Тамар Георгий потому, что по происхождению он – сын русского великого князя, по положению же был царем абхазов, или грузин, как называли последних в то время в Византии.

173 Кари – Карс.

174 Басиани – страна в верховьях Аракса, к северу от Эрзерума.

175 Страны к северо-востоку от Севанского озера в Армении.

176 Палакацио – местность в Триалети около озера Палакацио, известного под именем Паравнис-тба. Дзагин, по географии Вахушти, находится в Картли, к северу от Тигвского монастыря.

177 В юго-западной Грузии.

178 Эрзерум.

179 Тао – страна в юго-западной Грузии.

180 Т. е. официально, по особому чину, принятые на государственную службу.

181 Имеются в виду жители Верхней, Нижней и Средней Картли.

182 Гелакуни – страна к юго-востоку от Севанского озера, называемого и Гокчинским.

183 Шам – Сирия.

184 Этот Кизил-Арслан, должно быть, сын Элдигуза, в 1186 году завладевший всем наследием отца в Адарбадагане (M. Brosset, Histoire de la Géorgie, I, 418, not. 1; С. Лен-Пуль, Мусульманские династии, стр. 144, перев. В. Бартольда).

185 Белакони, resp. Белакан, по Якути, расположен недалеко от Дербента, соприкасался с Ширваном (очевидно нынешний Белокани в Саингило).

186 Имеется в виду осада Константинополя скифами и аварами в 626 г.

187 По-видимому, Мануил I Комнин (1143-1180).

[188] Андроник I Комнин (1183-1185).

[189] Салдух – эмир Карина (Эрзерума), Мутафрадин – Мозаффер Эдин (M. Brosset, Histoire de la Géorgie, I, 418, not. 3).

[190] Царь Деметре I (1125-1155).

[191] Грузинский царь V в. Вахтанг Горгасал.

[192] Имеется в виду поражение, которое нанес царь Деметре I в 1153-4 году у стен г. Аниси эмиру Эрзерума Салдуху-Ездину, во время которого Салдух был захвачен в плен (И. Джавахишвили, История грузинского народа, II, 225-256, на груз. яз.).

[193] Главный герой романа «Вис-о-Рамин».

[194] Ран – Арран – южная часть Албании арабских географов, между Араксом и Курой.

[195] Цар. IX, X.

[196] Владения Ширвана.

[197] То-есть семь раз освященное тело свое, являющееся храмом, обиталищем Слова божья.

[198] Ион. XV, 16.

[199] Псал. CL16, 1, 4.

[200] Бывшая хорасанская царица, тетка (по отцу) Тамар и ее воспитательница.

[201] Имеется в виду царевич из династии осетинских Багратидов, которые, в отличие от грузинских Багратидов (Давидидов), назывались Ефремидами, т. е. потомками библейского Ефрема (К. Кекелидзе, Один момент грузинского политического мышления в литературе классического периода, Труды ТГУ, XXV, 1942, 43-49, на груз. яз.).

[202] Автор хочет сказать, что Давид, будучи Ефремидом, а не Давидидом, подобен был происходившему из семени еврейского царя пророку Давиду, т. е. Давидиду.

[203] Псал. CXV, 2.

[204] Страны юго-западной Грузии.

[205] Крупнейший феодал, боровшийся против царя Баграта IV.

[206] Самая крайняя северо-западная граница Грузии.

[207] Мегрелия.

[208] Нижняя Имерети.

[209] Верхняя Имерети.

[210] Таким образом, завербована была почти вся Западная Грузия.

[211] Собрана была вся Восточная Грузия.

[212] Архиепископ Кутаисский.

[213] Современный Абастумани.

[214] Исх. XI, 6-7, XV, 25.

[215] Управлял землями и делами бывшего армянского царства.

[216] В юго-западной Грузии.

[217] Кола – область в Кларджети, в верховьях Куры.

[218] Мтф. VII, 7-8.

[219] Библейские женщины, которые долго оставались бездетными.

[220] Табахмела – недалеко от Тбилиси, одна из резиденций царицы Тамар.

[221] Город в Палестине, в котором родился Христос.

[222] Имеются в виду восточные волхвы, которые, по Евангелию, принесли дары новорожденному Христу.

[223] Т. е. ни один царь из династии Багратидов.

[224] Новорожденному царевичу дали имя Георгий, а «Лаша» – прозвище, означающее «светило», «блистательный».

[225] Арран, по-грузински Ран, см. примеч. 194.

[226] Хайк – эпоним армян, воевал, между прочим, с Нимродом библейским, как об этом повествуют армянские и грузинские историки.

227 Бардос – эпоним провинции Барда с одноименным городом.

228 Владетель Сурмани в Армении, близ Двина, у прохода Масиса.

229 Владетель Карса.

230 Числ. XXIV, 17.

231 Хачиани, resp. Хачини-Хачени – нынешний Карабах.

232 Арези – Аракс.

233 Ганджа – ныне в Азербайджане.

234 В южной Грузии, в т. н. Сомхити.

235 Местность в Азербайджане.

236 Страна располагалась на территории нынешней Кахети (Kambisene Страбона).

237 В Кахети.

238 Суд. VII

239 Последователи мусульманской секты, известной под именем ассасинов.

240 Атабаг Адарбадагана, который объявил себя султаном в 1191 г. и вскоре был убит молидами.

241 Династия Пехлеванов.

242 Младший сын в действительности назывался Узбеком (С. Лен-Пуль, Мусульманские династии, стр. 144, перев. В. Бартольда).

243 По-видимому, теперешний Белокани в Саингило, или же город Байлакан, взятый арабами при халифе Османе (644-656 гг.).

244 Псал. CXI, III, 5.

245 Город в Ширване.

246 Дочь Тамар – царица Русудан.

247 Войска были разделены на отдельные отряды, занимавшие берега четырех рек.

248 Южные притоки Куры.

249 По географии Вахушти, эта гора – в южной Грузии, отделяет друг от друга Ташири, Бамбек и Абоци.

250 Исх. XXXVI; 3 Цар. VII, 8.

251 Из древнегреческой мифологии.

252 Осетинские легендарные богатыри.

253 Персонажи «Шах-Намэ» Фирдоуси.

254 «Новые кипчаки» – вновь выселенные из Половецкой земли воины.

255 Перечислены жители почти всех крупных областей и провинций Грузии.

256 По М. Броссе – это Насер-ли-дин халиф, царствовавший в 1190-1236 г. (Histoire de la Géorgie, I, 440, not. 1).

257 Гардман – по армянскому историку Корюну располагался у Куры, наделеко от Ташири; по показаниям же католикоса армянского Иоанна – он лежал между Хаченом и Утией. Вряд ли это Гардабан.

258 Мосимах – меткий стрелок, упоминается у Иосифа Флавия.

259 Синд – в Индии.

260 Один из сыновей мамелюка Элдигуза, владевший городами в Адарбадагане (M. Brosset, Histoire de la Géorgie, I, 433, not. 5).

261 Давид Сослан в данном случае объединял в своем лице титул царя, как муж Тамар, и султана, как победитель его.

262 15 августа 1121 года.

263 Родство тут понимается в том смысле, что как богородица происходила, по Библии, из рода еврейского царя и пророка Давида, так и грузинские цари из династии Багратидов, в том числе, конечно, и Тамар, производили себя из рода того же Давида.

264 По одному апокрифу, приписываемому Ефрему Сирину (IV в.), библейский Нимрод научился астрологии у звездочета и чародея Юнитана.

265 Из средневекового романа «Александрия».

266 Суд. XX.

[267] Масис – гора Арарат.

[268] Здесь имеется в виду персидское эпико-политическое сочинение Кабус-Намэ, написанное в 1082 г. (К. Кекелидзе, История и восхваление венценосцев, стр. 37; его же, История грузинской литературы, II, 1958, стр. 294, на груз. яз.).

[269] Мтф. VI, 33.

[270] Типикон – книга, регулирующая богослужебный чин. Типиконы были разных редакций; между прочим, известна редакция Палестинская (Иерусалимская), принятая в Грузии в XII веке.

[271] Разные виды суточной церковной службы.

[272] Псал. LIV, 7.

[273] Имеется в виду область около Ванского озера.

[274] Вардапет – учитель у армян.

[275] Псал. XLXIII, 22.

[276] Мтф. XXVI, 26-27.

[277] Иоан. VI, 53.

[278] Иоан. VI, 53.

[279] Исх. VI, 3.

[280] Таргамос, по Библии – Торгом, якобы родоначальник грузин и армян.

[281] Иоан. VI, 53, Лук. XXII, 19.

[282] Откр. XV, 3.

[283] Быт. III, 9.

[284] Псал. CXXVIII, 1-5.

[285] Языческое божество, от служения которому уклонялись израильтяне (I Цар. 7, 12, 10, 31, 10; 2, 3 и 4 Книги Царств.).

[286] Знаменитые, высеченные в скале пещеры.

[287] Остров, который по-грузински называется также «Жали».

[288] По М. Броссе, это был султан Иконии и Малой Азии Роки-ед-дин, умерший в 1204 г. (Histoire de la Géorgie, I, 456, not. 2).

[289] Область в юго-западной Грузии.

[290] Нынешний Абастумани.

[291] Аджамети – место между г. Кутаиси и Вард-Цихе.

[292] Впоследствии царь Георгий V, по прозванию Лаша (1215-1222 гг.).

[293] Царица Русудан, наследовавшая Георгию V (1222-1245 гг.).

[294] Ардебиль – к западу от южной оконечности Каспийского моря, севернее Гилана (см. М. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, стр. 144).

[295] Аниси – знаменитый средневековый армянский город.

[296] Жители областей юго-западной Грузии.

[297] Жители Эрети и Кахети – стран Восточной Грузии.

[298] Жители южной Картли.

[299] По разъяснению автора, Ром-Гур есть Хорасан, центральная провинция Персии.

[300] То-есть от самой Западной Грузии до Восточной.

[301] По-видимому – Меренд, в бассейне озера Урмийского, к северу от него, между Джульфой и Тавризом.

[302] Тавриз (по-грузински – Таврежи) – столица Персидского Азербайджана.

[303] Миана – город Миане, между Мерагой и Ардебилем (В. Бартольд, Историко-географический очерк Ирана, стр. 144, 148).

[304] Казмин – Казвин, к юго-западу от Аламута (В. Бартольд, там же, стр. 139-141).

[305] Город Абкар, между Казвином и Зенджаном (В. Бартольд, там же, стр. 140).

[306] Гурганд (Джурджан) – область, примыкающая с восточной стороны к южной оконечности Каспийского моря (В. Бартольд, там же, стр. 77-80).

[307] Уженцы, жители г. Ужена, или, по-персидски, Уджана, в 8 фарсангах от Тавриза на пути в Миану (В. Бартольд, там же, стр. 148).

[308] Фамилия Мхаргрдзели (по-русски – Долгорукий) производила себя от древнеперсидского царя Артаксеркса Долгорукого; на самом деле она либо сугубо грузинская, либо курдская.

[309] Атабаг, поясняет автор, «султанская должность, значит – отец или воспитатель царей и султанов».

[310] Цедис тба – озеро Цеди; неизвестно, где оно находилось, скорее всего в Западной Грузии.

[311] Цхуми – Сухуми.

[312] Горские племена, входившие в состав Грузинского царства.

[313] Самый высокий перевал в Кавказских горах.

[314] Дзурзукети, Пхоети и Дидоети лежали на одной линии Главного Кавказского хребта.

[315] Римский император (306-307).

[316] Римский император (363-364).

[317] Быт. L, 10-11.

История и восхваление венценосцев. Картлис Цховреба, мачабелевский список (1736 г.), Национальный Центр Рукописей, Тбилиси, Н-2135, 348v.

Басилий Эзосмодзгвари

ЖИЗНЬ ЦАРИЦЫ ЦАРИЦ ТАМАР

Воссел на царский престол Георгий[1], сын Деметре, сына Давида, в хроникон[2] триста семьдесят пятый[*]. Он провел все дни своей жизни в довольстве, царствовал счастливо, приумножая милости в пользу церквей, монастырей и епископов. Он не имел детей и этим был опечален. Наконец, соизволил свыше господь, стал дуть приятный ветерок, и родилась у них дочь, прекрасное создание, не имевшее никакого недостатка. Отец дал ей имя «Тамар».

Прошло после этого несколько лет, и умер царь Георгий. Воцарились скорбь и безмерная печаль, в особенности у сестры его Русудан[3]. Эта последняя была бывшей невесткой великих шамирамских[4] султанов и царицей, носительницей власти всех хорасанских владык. Она, по причине овдовения привезенная из султанских владений обратно на свою родину, села царицей Грузии, но, прежде всего, явилась славой своего дома и всего нашего царства. В это время Тамар находилась у нее, у своей тетки, вместе со своей сестрой, которая тоже носила имя «Русудан»[5]. Предлежащее повествование здесь лишает меня возможности рассказать о царице Русудан, сколько ею было обнаружено красоты и превосходства[**] сравнительно со всеми царицами, какие жили до нее. Впрочем, дерзнем хоть что-нибудь сказать о ней, например, что она, будучи уже восьмидесятилетней, крепко возлюбила девство[6], святость и добродетель во всей их полноте.

Но мы продолжим прерванное слово. Была скорбь у достойнейших его родных, но не пожелали знатные нашего царства продолжать ее, видя пред собой Тамар. Отряхнули с себя скорбь, затрубили в трубу, как некогда во имя Соломона[7], и поставили счастливый трон вахтанговский[8], престол давидовский, который прежде для луны[9] приготовил царь царей Саваоф Элогим[10], чтобы владеть миром от моря до моря и от реки до края земли[11]. Вельможи воздвигли скипетр, древо креста, и с ним вместе знамя Давида, никогда не подвергавшееся дуновению противных ветров. Весь народ при дружных возгласах предложил Тамар саблю родительскую вместе с троном, который был ей дарован отцом.

Смело ли принял их её великий разум? Нет, и быть этого не могло. Не по достоинству ли получила их она – венец и олицетворение царства? Или разве не стала она магнитом для всякого созерцавшего ее глаза? В старину говорили, что «рожденный слепым – слепым и ушел из мира сего», подразумевая всякого, кто не видел Тамар. Правильно сложенное тело, темный цвет глаз и розовая окраска белых ланит; застенчивый взгляд, манера царственно вольно метать взоры

[*] Хроникон 375 равен 1155 году.

[**] В тексте не совсем понятно слово «тавдгмулоба», которое В. Д. Дондуа перевел как «превосходство». А. Г. Шанидзе вместо «тавдгмулоба» предлагает «тагдмулоба», от слова «таг, тадж» (венец), и переводит: «... насколько она краше была и (более достойно) носила венец...» (Труды ТГУ, т. 99, 1962, с. 248-250).

вокруг себя, приятный язык, веселая и чуждая всякой развязности, услаждающая слух речь, чуждый всякой порочности разговор. Недаром наделил бог Тамар такими достоинствами, по поводу чего не считаю лишним сказать, что образ ее изначально был прославлен во исполнение слов Давида, сказавшего, чтобы поклонялись ему цари и князья и приносили дары племена.

Так был возвеличен бог устами всех. Когда увидели властедержатели и священноучители царицу венценосную, поклонились и воспели ей славу, достойной высшей хвалы, при трубных звуках. Увидев это, сказали бы, что все небесные силы помогают выразить радость обитателям земли. Более всего удивительным мне кажется то, что в то время не появлялось другого такого доблестного воина на царском троне. И все, как испытанные в уповании на милость ее, опережая, вели за собой один другого, и полные радости, благодарили бога и восхваляли царицу, чувствуя себя счастливыми.

Воссела волею божьею Тамар в лето от начала сотворения мира шесть тысяч шестьсот восемьдесят шестое[12], в хроникон четыреста третий*, – дочь царя царей Георгия, сына Деметре, рожденная от жены Георгия Бурдухан – дочери осетинского царя, той, которая превосходила всех добродетельных женщин во всех отношениях, кроме того, что она была матерью Тамар; другой ей подобной невестки в те времена не видела страна грузин, – она достойна того, чтобы потомки чтили ее и из поколения в поколение восхваляли.

Начиная с этой поры, о чем еще следует рассказать относительно Тамар, кроме как об ее роли наместника господа на пользу царству и народу. Потому что, возвысив свой ум, со смиренной душой узрела тяжесть ей порученного дела и, направив взоры к своему небесному руководителю, стала управлять, как то внушал ей святой дух. Обозрела всех вокруг себя с радостью познания и мигом распознала, одним взглядом, искренних и криводушных, коварных и непорочных, верных и двоедушных. И рассудив мудро, сперва всех щедро осыпала милостями, чтобы при ведении дел верные по верности своей были благодарны ей, а прочие были бы вынуждены молчать при воздаянии мзды.

А в отношении веры она являлась вторым Константином и так же, как и он, имела в виду начать божье дело. Потому что стала точить обоюдоострый меч, чтобы истребить злые семена, и выразила волю, чтобы был созван собор и были на нем избраны определения великих и вселенских соборов.

Сперва призвала из святого города Иерусалима Николая Гулаберис-дзе[13], который, по скромности своей, в свое время бежал от сана картлийского католикоса. Когда он прибыл в Картли, она собрала всех священноучителей, монахов и пустынников своего царства и людей, знатоков закона божьего, стремясь к тому, чтобы злые семена, проросшие в почве православия, были изничтожены в ее царстве. И в этом тоже скоро одержала она победу, имея благонравное упование на бога.

Так собрались епископы обоих царств, во главе которых стояли вышеупомянутый Николай, подобный своему тезке, и Антоний, архиепископ Кутаисский, Сагирис-дзе, широко прославленный благодаря своим добродетелям и могущественный в деле и в слове.

* Хроникон 403 равен 1183 году.

Принимала их Тамар с великой простотой, как человек, а не царица, как ангелов, а не людей; собрала всех в одном помещении и усадила их на престолы, а сама села поодаль отдельно, а не по достоинству царицы, и говорила им так: «О, святые отцы, вы богом назначены в качестве наших наставников и правителей святой церкви, и надлежит вам сказать слово для душ наших. Исследуйте хорошо все и утвердите прямое и изгоните кривое. Начните с меня, потому что ореол этот, меня окружающий, есть ореол царского величия, а не богоборства. Не будьте лицеприятны в отношении князей из-за их богатства и не пренебрегайте нищими из-за скудности. Вы словом, а я делом, вы учением, а я поучением, вы наставлением, а я установлением подадим все друг другу руку помощи, чтобы сохранить божьи законы непоруганными, чтобы мы все вместе не подверглись взысканию: вы – как священники, а я – как царица, вы – как управители, а я – как страж».

Услышав эти слова, собрание отцов благодарило бога и вместе с тем царицу, богом умудренную. Сидела Тамар, таким образом, среди них немного времени, затем получила от них благословение и удалилась в свои покои.

А руководители собрания, Николай и Антоний, которые наподобие утренней зари опережали остальных и блистали как звездный сонм на небосводе, не пожелали, чтобы в их среде пребывал тогдашний Картлийский католикос, потому что стал он допускать вещи, совсем искажавшие церковные правила, сумел коварством получить от господа власть архиепископа Чкондидского и архиепископа Ацкурского, также и мцигнобартухуцеса[14]. Но не смогли отлучить, хотя и много потрудились. Зато его скоро отлучила кара божья. А из прочих епископов некоторые были смещены, и вместо них посадили божьих людей, кроме того, исправили и некоторые церковные правила, которые были искажены людьми, пренебрегавшими порядок.

Когда собор подходил к концу, вошли вместе спасалары[15] и эриставы царства и доложили отцам о необходимости общими усилиями добиться введения в царский дом жениха для Тамар, что и было сделано. Собрались перед царицей Русудан и, по единогласному решению, отправили какого-то человека в русское царство, ввиду принадлежности русских племен к христианству и православию. Но ошиблись они, потому что и человека не послали достойного такого поручения, и того они не ведали, кого он должен был привезти.

После известного времени прибыл посланный и привез человека весьма родовитого, сильнее всех царей той страны, и лицом тоже не неподходящего[16]. Когда его увидели, всем он понравился, потому что ничего не ведали об его нравах.

Собрались перед царицей Русудан патриарх[17] и дидебулы[18], спаспеты[19] и эриставы[20], дали знать Тамар, предлагали ей соединиться брачными узами, торопя ее в этом. А она отвечала: «Как можно сделать такой необдуманный шаг? Мы не знаем ни о поведении этого чужеродного человека, ни об его делах, ни об его воинской доблести, ни об его природе и ни о нравах. Дайте мне переждать, пока не увидите достоинств или недостатков его». Но они оказывали ей сопротивление, говорили о бездетности, сокрушались по поводу бесплодия ее дома, требовали себе предводителя войск и всячески стесняли ей душу. Таким образом, они походили на оленя, по обыкновению видевшего только лицо; подобно слону, они не разглядывали того, к чему они прислонялись, и всячески стесняли ей душу и брались за такое трудное дело легкомысленно.

Наконец, после долгих пререканий и помимо ее воли справили свадьбу. Продолжительное время пребывали они в веселье, таком, какое соответствовало важности дела.

Немного дней спустя исполнилось предсказание Тамар. У русского стали обнаруживаться скифские нравы: при омерзительном пьянстве стал он совершать много неприличных дел, о которых излишне писать, чтобы мой рассказ не затянулся.

Два с половиной года, как наковальня, терпела бодрая духом Тамар пороки русского, но уже никто другой не мог этого терпеть. Стали все сокрушаться, вместе с тем испытывая стыд перед Тамар за прежние свои пререкания с ней. А мудрая Тамар стала искать много разных средств для его исцеления; много раз обращалась к нему через достойных монахов с увещеваниями, хоть и совсем не впрок шло это русскому. Поэтому, наконец, сама лицом к лицу стала обличать его. Но русский еще более рассвирепел, как человек, с которого содран богом спасительный покров, как о том гласит писание: «Врачевали мы Вавилон, но не исцелился»[21]. Не только не уразумел советов, но стал совершать еще более губительные проступки; он даже подверг без причины избиению почетных людей и пыткам путем вырывания у них членов.

Все это невыносимо стало и для Тамар, и сказала она ему в присутствии всех так: «Хоть и научена я законом божьим, что нельзя покидать первое брачное ложе[22], но с человеком, который не будет сохранять это свое ложе в чистоте, не следует терпеливо оставаться, потому что он предает поруганию храм божий. И я не в силах выпрямить тень кривого дерева и, не имея за собою вины, отряхаю и пыль, которая пристала ко мне через тебя». Сказала она это, встала и покинула его. А царица Русудан и все князья изгнали его так, что можно было его пожалеть, причем он был несчастен не столько ввиду низвержения его с царского престола, сколько вследствие лишения прелестей Тамар.

Снова стали все сокрушаться, потому что видели Тамар бездетной и одинокой обитательницей своего дома.

А был сын осетинского царя, воспитанный царицей Русудан, юноша прекрасный по наружности, как подобает царскому сыну, прекрасен и в других отношениях; в смысле воспитания – хорошо воспитанный, мужественный, воин могущественный, рыцарь, не имеющий равного, стрелок отважный, телом мощный, совершенный во всех добродетелях.

Все возымели желание соединить его с Тамар и дело доверили богу. Тамар тоже покорилась их воле, так как знала юношу. Не замедлили, собрались в Дидубе и соединили брачными узами Давида[23] с Тамар. Оттуда вступили в Тбилиси, воссели на счастливые троны два светила, два освещающих землю солнца. Возрадовался от мала до велика весь народ.

Знамение счастливой жизни уже тогда стало видно над ними: были победоносные походы в верхние и нижние области, и ниоткуда не было видно супостата.

Умер католикос Картлийский, чкондидел-мцигнобартухуцес, сын Мириана, Микаэл, который имел и Самтависи[24], и никто из-за него не предавался горю, ни великий, ни малый, потому что все презирали его.

Умер амирспасалар[25] Гамрекели и по нем все погрузились в скорбь.

В это время небольшое восстание устроили имеретины и сваны по привычному им беззаконию. И привезли с собой русского, дабы снова воцарить его. Месхов тоже побуждали присоеди-

ниться к ним, чего они не смогли добиться, наоборот, еще более восстановили их против себя. Восставших обратили в бегство, и они, посрамленные, ушли к себе, потому что бог заботился о Тамар.

А Тамар молилась богу и обдумывала, кому препоручить Давида и войско свое и все, подчиненное власти ее дома. И в этом отношении тоже не посрамил ее бог, но преисполнил мудрости и знания. И она обозрела свыше всех именитых людей своего царства и рассмотрела мысленным оком все, доверила дело богу, вызвала из Гареджи Антония Глониставис-дзе, который одно время был чкондидели, но Микаэл, католикос Картлийский, отобрал у него этот сан благодаря коварству некоторых царских советников. Привезли его. Был он человек, воистину достойный хвалы, истинный христианин, правдивый, искренний, непорочный, добрый, милостивый ко всем, приятный, скромный, безмерно преданный патрону. Об его радении о церквах и монастырях нет нужды говорить: сами свидетельствуют дела его везде, как в Мгвиме и в Кларджети, в монастыре им же созданном, так и во всех прочих местах. Его посадили в качестве визиря, дали ему Чкондиди, Самтависи, Кисисхеви и должность мцигнобартухуцеса. Потому что, если честный человек и споткнется, все-таки не упадет.

Стали судить и определять хорошее для царства, лучшее – для народа.

Призвали двух сыновей амирспасалара Саргиса Мхаргрдзели: Захарию и Иванэ, людей мудрых, мужественных, хорошо испытанных, к тому же и по родовым преданиям верных царям, за что они были сильно любимы еще дедами самой Тамар. К ним обратила взоры Тамар, – это тоже богу доверила она, – и пожаловала их и дала Захарии милостиво должность амирспасалара, а младшему по годам Иванэ – должность мсахуртухуцеса[26]. Это были достойные люди: хотя они по вере были армяне, но всячески почитали православие. Иванэ был прекрасным знатоком священного писания, в силу чего постиг он кривизну веры армян[27], перекрестился и стал истинным христианином.

Вслед за тем призвали Чиабера, тоже человека честного и верного, и дали ему должность мандатуртухуцеса[28].

С каждым днем все успешнее шли дела Тамар, так как управление государством становилось еще мудрее и еще правильнее.

Начиная с этой поры требуется широкий ум и мудро повествующий язык тому, кто хотел бы описать успехи Тамар в ее делах. Потому что, как никто не может сосчитать по одному волосы на голове, так никто не сможет описать эти дела, а если бы кто-нибудь и смог, кажется сомнительным, чтобы грядущие поколения могли ему поверить.

Но лев по когтям узнается, а Тамар – по делам; кто пожелает знать, пусть посмотрит города, крепости и области, некогда принадлежавшие султанам, ею взятые, границы, вдвое ею расширенные против тех, которые она, воцарившись, застала как крайние пределы царства, – и ищущий правды о делах Тамар уже по одному этому узнает ее. Затем, пусть узнает он о дани, наложенной ею на земли, раскинутые от Грузии до Ирака и от Багдада до Мараги[29]. И, наконец, достаточно, что сам халиф, напуганный, сидя на корточках, молит о пощаде творца.

По такой милости бога, народ христианский жил счастливо, но все беспокоились и печалились, что Тамар была бездетна.

Но бог, который вначале обратил взоры на Маноя и Авраама, также и на женщин, Анну и Елисавету, не стал медлить и здесь[30]. Потому что, спустя немного времени забеременела Тамар. И когда узнали все, стали, совершая литии, молить бога, при постах, молитвах и слезах, чтобы бог дал сына. Так и случилось, и родила сына, очень похожего на деда. И дали ему имя Георгий. И возрадовались все радостью непередаваемой.

Спустя год, еще раз забеременела и родила дочь, подобие свое, Русудан, по поводу чего снова еще большая радость охватила всех.

И еще счастливее стала страна, как ввиду накопленных всяких земных благ, так и в силу побед, которые одерживали войска.

Начали грузины со всех сторон опустошать Персию и одерживать поразительные победы: владетели крепостей по одному только приказу покидали их. Каждый стал богат пленными и военной добычей. А те из неприятелей, которые спасались, укрывались, как лисицы, и заползали, как кроты в землю.

Персы со всех сторон были стеснены, бессилие овладело ими, и только одной надеждой питались они – надеждой смертью спасти себя. Поэтому, сговорившись, собрались они, перекрасили одежды и лица, явились к халифу, дали ему знать о своей беде и стали просить повелеть всей Персии помочь им. Это и сделал халиф: открыл древние сокровищницы и тайно разослал людей по всей Персии, дал им неисчислимое золото, чтобы собрали со всех стран Персии[31] как можно больше войска. И повелел, чтобы, если из каких-нибудь княжеств персидских не выступят отряды, напасть на них и опустошить. Это так и случилось.

Стали стекаться войска, устремляясь снизу вверх из областей Ромгура[32] и Индии и далее из Самарканда и Дербента. Собралось их столько, что ни числа им не было и ни возможности уместиться в одной какой-нибудь стране. Собрались в Адарбадагане[33] и тогда только обнаружились их враждебные намерения.

Обо всем этом дошло до слуха Тамар. Она призвала всех визирей своих, и начался совет. Велела Антонию Чкондидели[34] не грубо, но и не безвольно, так: «Спешите написать и распространите указ, чтобы немедленно собралось войско и затем сообщите во все церкви и монастыри, чтобы повсеместно совершались всенощные бдения и литии. И пошлите побольше денег и все потребное для нищих, чтобы они нашли время для моления и умилостивили бы бога, дабы неверные не могли спросить: «Где бог их?».

Она повелела, и веление стало делом. На протяжении десяти дней, как стая соколов, слетелись все воины со всех сторон, полные радости, еле сдерживая себя. Собрались в Сомхити[35]. Явилась и Тамар. Узрела их. Она тоже оставалась там несколько дней, чтобы принять участие в молебствиях. Потом сказала им: «Братья мои, пусть не затрепещут от страха сердца ваши, если их такое множество, а вас – мало, потому что с нами бог. Вам приходилось слышать о Гедеоне и о трехстах его воинах и о бесчисленном множестве мадианитян, ими истребленных; также и о лагере ассирийцев, который молитвой Езекии в одну минуту погиб[36]. Только одному богу доверьтесь, сердца свои правдой крепите перед ним и упование бесконечное имейте на крест Христа. Устремляйтесь в их страну с помощью пресвятой Богородицы и направляйтесь на врага силою непобедимого креста».

Помолилась и препоручила их богу, двинула впереди них в качестве водителя древо жизни и вместе с ними послала Антония Чкондидели.

А сама сняла обувь и пешком, босая, прибыла в храм Богоматери в Метехи и, пав ниц перед святой иконой, не переставала молиться со слезами, пока не исполнил бог ее просьбы. Потому что, спустя немного дней, прибыл Саргис Мхаргрдзели-Тмогвели и доставил радостную весть о победе войска[37] и о том, что воинство не понесло никакого урона[38].

Но теперь следует изложить, какую помощь получили наши войска от слез Тамар. Вступили они в пределы их страны и увидели неприятельские силы, которые стояли между Гандзой и Шамхором, численно превосходившие всякий счет, как саранча.

Сразу же сошли все с коней, поклонились богу и помолились перед святым крестом со слезами и, как орлы, устремились и, как тигры, ударили по неприятелю. При первой же схватке их отряд, в десять раз превосходящий, расстроили и пустили в ход оружие свое и силу божью и, как мышей, истребляли и, как кур, ловили великих их амиров, багдадских и мосульских, африканских[39] и иракских, адарбадаганских и иранских и прибывших из многих других мест, откуда у противника были вспомогательные отряды, как, скажем, отряд палачей из Индии. За бороды приводили их к царю Давиду. Видна была великая, дивная и чрезмерная помощь божья, потому что неприятели сами приносили свое добро, сами пригоняли навьюченных верблюдов и мулов и сами несли караульную службу у добычи и у пленных, у них же захваченных. Атабек же Абу Бекр[40], некогда прославивший своего коня и свою мощь, достигши где-то маленькой лощины, погреб себя там в землю.

Так, щедро осыпанные милостями бога, достигли Гандзы. Вышли им навстречу горожане, стали просить себе мира и, по собственной воле, пожертвовали город. Ввели Давида во дворец, посадили на трон, предназначенный для султанов, ударили в султанский панджанобат[41] и, угощаясь свининой, справили большой пир. Гандзийцы все, как один, сделали богатые подношения и принесли дань; грузины вскрыли их сокровищницы и забрали с собой множество изящных чаш и блюд вместе с прочими многочисленными сокровищами. И на немного дней расположились лагерем вне города, так как хотели изловить атабека; впрочем его не смогли найти.

Точно так же просили мира и принятия под покровительство и шамхорцы. Тут Захария и Иванэ неудачно повели дело, и это было единственным изъяном для полной их победы. Был один человек, перс, зять ширваншаха, по имени Мирмиран[42]. Он, нашедши убежище, находился у Тамар, имея какую-то просьбу. Тогда он находился на службе у Давида; этот Мирмиран выпросил себе Гандзу, прежде чем уведомили об этом Тамар. И дали Гандзу ему на предмет хранения.

Как только Абу Бекр узнал о возвращении наших войск домой, появился под Гандзой, и гандзийцы ему и передали город, но Мирмирана, страшась мщения, отпустили живым.

Когда прошло немного дней, войска направились к себе, в Грузию, испытывая великую радость по поводу этой олимпийской победы, достойной гораздо более высокой похвалы, чем победа, которую одержал Александр над Дарием.

Когда приблизились к Тбилиси, навстречу им выступила и Тамар, потому что Саргис Тмогвели успел явиться к ней в качестве вестника. Радовалась и благодарила бога, спрашивала о здоровье каждого из прибывших, рассматривая их, как собственных детей. И они радовались, видя ее.

Все поля вокруг Тбилиси были запружены собравшимися и больше не могли уместить людей, лошадей, мулов и верблюдов. Так велико было число пленных, что заводили их в город и продавали за деревянную мерку муки. Свидетель тому сам не лгущий бог, чье имя поминаю, чтобы кому-нибудь из читателей в грядущие времена не показалось сказанное здесь ложью и сказкой.

Действительно, именитые люди[43] Захария и Иванэ взяли с побежденных пятину в пользу царской казны и построили верблюдов, всех с грузом, и лошадей, всех в убранстве, в равнине Дидубийской строем, тянувшимся до самой Авчалы. Также выстроили всех пленных главарей, каждого со своим знаменем. Из знамен первым было знамя халифа, затем атабека и так далее, одно за другим. Выстроили всех пленных от городских ворот до Глданского ущелья. Привезли торжественно Тамар и, принеся ей в дар добычу, привели на вассальный поклон ей всех главарей Персии.

Затем сами тоже поклонились ей и поздравили со счастливым царствованием, богом дарованным.

После этого вступили в город, и каждый стал делать приношения в виде золота и украшений и утвари из него, драгоценных камней и жемчугов бесценных, кольчуг, шлемов, сабель испытанных, разноцветных златотканых тканей и одеяний богатых, коней и мулов, золотых ожерелий, унизанных драгоценными камнями и жемчугами, благовоний различных и ароматических веществ, привезенных в медных сосудах. Дарить стали все, начиная от крепости Анакопия и до крепости Гюлистан[44]. Усадьбы[45] азнауров переполнились отборными пленниками, а все сокровищницы – золотом, как землей, индийскими камнями и множеством драгоценных жемчугов.

Но благодаря всему этому возгордилось ли сердце Тамар? Хоть раз выказала ли она надменность, заносчиво поднявши брови?

Нет, быть этого не могло.

Напротив, еще скромней была перед богом, приносившая благодарение и просившая у него милости. Наполняла пригоршни просившим и подолы нищим, обогащала учреждения, имевшие попечение о церквах, вдовах и сиротах, нищих и вообще всех нуждавшихся. Во имя богоугодного дела приносила в дар свое царство тому же, кто поручил ей его для управления, и тому же отдавала богатство, кто давал ей из своих богатых и неиссякаемых подолов.

Подвигами своими она отличалась от царей прежних времен, а современных ей, творивших новые дела, опережала, творя дела еще более новые и важные, о чем выше было сказано. Я же скажу из писания: «Была прочность на земле нашей и мир на вершинах гор».

В стране не только добыча приумножалась, но и вера утверждалась, святые церкви украшались многообразно, умножались службы в церквах и всенощные бдения, в особенности во дворце беспрерывно совершались святые таинства. Что много говорить? Милость божья приумножалась, а дьявольское зло ослаблялось.

Каждый трудился над своим делом, чтобы заслужить благодарность Тамар, и она тоже выдвигала таких на видное место за похвальные дела.

Порубежники[46], будучи на службе, ночи сравняли с днями, трудясь без отдыха, а служившие в царстве, просились на границы. Такой порыв и усердие всех и привели царство к такому состоянию. Первым нижним порубежным пунктом был Гаги, которым владел тот же Захария Мхаргрдзели, отец Варама, – оба там были порубежниками, люди отважные, в боях многократно вы-

державшие испытание и выходившие победителями, по богобоязненности своей и преданности патрону достойные великой хвалы.

Выше, на пути вверх, рубежом служили Дзоракерт[47] и Ташир, откуда Захария и Иванэ начали воевать как львы, сначала в верхних областях и нижних[48], а затем и во всех прочих местностях. Выше – Джавахети, где порубежниками были Саргис Мхаргрдзели-Тмогвели и Шалва Торели. Еще выше – Артани[49], где порубежниками были месхи, в числе которых был Кваркваре, самцхийский спасалар Джакели, человек, всегда победоносный и верный царям.

Со стороны Шавшети и Спери был Панаскерти. В горах Шавшети нашелся некий человек, Аспаанис-дзе, родом не неблагородный, и по поведению, слава богу, не неудачливый. Его имя было Захария. Он и имени своего не посрамил, и не допустил, чтобы милость патрона к нему прошла даром, напротив, себя посвятил похвальным делам. Он один творил многочисленные и великие дела: взял Бану, Хахули и другие славные крепости и места.

Ниже, в направлении к границе, порубежниками были Григолис-дзе, и в особенности Тбели и Махатлис-дзе, которые такой напускали страх вокруг, что в Гандзе и Барде[50] даже маленький ребенок не мог заплакать у матери, и турки тоже не смели вредить пастбищам, раскинутым по берегам Иори и Куры.

Когда все это читаете, пусть никто не думает, что кем-нибудь что-нибудь творилось помимо Тамар, а поймите так: порубежники находили дело, или крепость, подлежащую взятию, или подступившего туркмана, или город, подлежащий разрушению, или страну, подлежащую опустошению, докладывали Тамар, и она рассматривала дело и исследовала. Если стоило того, чтобы собирали войско, она повелевала Захарии и Иванэ, и те собирали войско, и сам царь Давид, ниоткуда никогда не возвращавшийся не победив, возглавлял его.

Если дело было менее значительное, сразу сажала на коней свое дворцовое войско[51] и они, подобно соколам, выполняли дело. Если сама находилась или в поле, на охоте, или у себя дома и прознавала что-нибудь о неприятеле, сразу же сажала на коней достойных людей, и они, как орлы куропаток, устрашали всех противников.

Она и сама не бездействовала, и своим витязям тоже не давала бездействовать; то же самое говорит один хронограф об Александре.

И пусть правдивость этих слов подтвердит следующее: именно то, что одного года доходов столь прославленного города Тбилиси не хватало на тот же один год на подарки вестникам, приносившим радостные вести. Часто в один и тот же день трое или четверо вестников прибывало с радостными вестями, а как именно, внимай: например, сделали одно какое-нибудь дело и прислали весть о победе; но в тот день этим не удовлетворились, снова удачу послал бог, и они помимо первого, другого гонца посылали с радостной вестью.

А прочие подобные дела и удачи не поддаются учету. Потому, что в верхних областях совершали одни подвиги, а в нижних – другие, и, таким образом, в течение одного дня приходило много радостных вестей и гонцов, о чем подробно излишне и невозможно писать, это известно самому богу.

Творя все это неустанно, она была озабочена не собственным благополучием и не для присоединения к царству своему завладевала таким числом городов и крепостей, а отдавала их тем же, кого она побуждала работать без отдыха, а именно – своим войскам, как о том свидетель-

ствуют великая и прославленная столица армянских царей Ани, которую она отняла у персов, вместе с достоинством шаханшахов, и которая до того долгое время была в их владении, а также столица персидских царей – славный Двин.

И все это она делала по двум причинам: во-первых, чтобы язычники вечно желали, проникаясь завистью по отношению друг к другу, снова приобрести свое и, во-вторых, чтобы устранить всякую причину, которая могла нарушить верность подданых.

И еще для того не давала войску бездействовать, чтобы, имея досуг, не поддались бы лени и не оказались в зависимости от посторонних людей, возвысившихся благодаря богатству; чтобы было им некогда враждовать друг с другом и вести борьбу один против другого, как это сделали некоторые в начале ее царствования, а именно – дети Кахабера, плоды, выросшие все на тех же гнилых корнях рода Липарита, которые стали злоумышлять и вести борьбу против своих ближних; которые, невзирая ни на обличения, ни на милости Тамар, не уразумели всей грусности своего дела и не постыдились его, а снова стали творить то же, что написано в летописи в древнее время, и, уподобившись собачьему хвосту или краю армяка, совершили великое зло – убили двух братьев Антония Чкондидели и этим повергли в страдание великого праведника и навлекли на себя гнев бога и Тамар. Потому имевшая тогда стоянку в Чале царица призвала к себе всех пятерых и, по мудрости своей, арестовала их и посадила каждого в отдельную крепость, чтобы они там исправились. Но так как они остались самими же собою, она подвергла их изгнанию в греческую Македонию, где они впоследствии были истреблены кипчаками, как мы слышали, в бою, как славные витязи.

Вот поэтому она никому не давала бездействовать: свободные от дела или находились при ней, и она радовала и жаловала их разными дарами, по достоинству их, и доставляла им нравственный покой, или, сама предводительствуя ими, охотилась на берегах Иори и Куры. Затем они прибывали в лесистое место, и там предавались радостям, пока снег не начинал отягощать шатер. Оттуда они снимались и вступали в Сомхити, охотились, как бы играя в приятную игру.

И если во время этих увеселений доходила откуда-нибудь весть о грозящей царству опасности, или видели эту опасность – ни минуты не оставалась во власти расслабляющего тело спокойного сна, и осуществиться тоже не давала ничему, что, по ее сведениям, замышлялось против царства и Тамар.

Наполнялся Нил* и дешевело в Египте; беднел Исмаил, скудел Агарь, благословлялся Исаак. Это кто-то другой о другом сказал, а я здесь эти же слова привожу в виде предисловия потому, что убывали силы мухаммедан и тимпан их тоже оставался без человека, кто бьет в него, а органы христиан звучали, оглашая страну от края до края.

Иссякла надежда у мусульман, и, совершенно бессильные, силились вызвать на милость Тамар. Ради этого они снова отправились к халифу, уже не так, как в первый раз, а совершенно по-иному, и умоляли, чтобы он упросил Тамар брать с них только дань и остановить истребляющий меч, и снять с них сковывающие цепи.

---

* На этом месте обрывается основной текст «Жизни царицы цариц Тамар» в списке Чалашвили. Последующий текст условно восстановлен И. А. Джавахишвили.

Это и сделал халиф: он дважды отправлял посла с этой целью и посылал множество разнообразных царских даров невиданных, и с совершенным почтением просил Тамар, чтобы она брала дань и перестала разорять.

Тамар услышала эту мольбу и дала такой ответ: «Исполняю твою просьбу, и тем, кто пожелает мира себе и принесет мне дань, я, со своей стороны, дарую жизнь во исполнение твоей просьбы». Так и было сделано.

Поскольку это причиняло душевную боль Румскому султану[52], сыну [Килы]ч-Арслана, Нукардину[53], он с коварством заявлял о своей мнимой любви и беспрестанно присылал послов ради мира и много прекрасных даров. То же делала и Тамар, которая взамен посылала с дарами послов.

Но он скрывал коварство и, прикрываясь клятвами верности, стремился изучить наше царство. С этой целью открыл сокровищницы отцов и дедов и стал рассылать золото неисчислимое с целью набрать войско, и давал указания, чтобы выставляли отряды вдвое больше против положенного. И послал на границы своего государства и начал собирать войско по Месопотамии и Калонеро, по Галатии, Гангре, Анкирии, Исаврии, Каппадукии, Великой Армении, Вифинии и на границах Пафлагонии[54], вооружив в здешних странах всех, кроме женщин.

А сам поспешил и прибыл к туркам, называемым уджами[55], которые в бою мужественны, а по количеству многочисленны, как саранча или муравьи. Им он дал много золота, да еще большие дары, так что собрал у них сто тысяч вооруженных всадников.

Да еще присоединил к себе, помимо их воли, побужденных только страхом, жителей Ерзинки, Харберда, Карнукалаки[56], также и сына Салдуха, у которого впоследствии отнял Карнукалаки, где он поставил своего брата[57].

Как земноводый еж, животное многодетное, когда видит своих детенышей во множестве, выходит из своей норы с ними и строит их в группу и, залезая на них, высится над ними башней, так и Нукардин: увидев великое множество воинов в сборе, что превышало всякое число, возгордился, подобно Сенакерему[58], и вознамерился вознестить превыше бога и не побоялся ранее данных коварных клятв и обетов любви своих и, совсем напротив, приготовился и прибыл в город Севастию[59] и стал там готовить боевые машины. Тогда отправил он посла к Тамар с таким посланием:

«Я, Нукардин, султан всего поднебесья, высочайший, уподобленный могущественным агнелам, совосседающий с богом, явленный великим Мухаммедом, уведомляю тебя, царицу Грузии, Тамар. Ты повелела грузинам взяться за меч и перебить богом возлюбленный исламский народ, да еще наложить на свободное племя дань вассальную. Теперь я иду, чтобы дать правосудие роду исламскому и исправить тебя и народ твой, чтобы вам никогда более не дерзнуть браться за меч, который бог нам даровал. А жить дам только тому, кто челом будет мне бить, явясь перед моим шатром, до того, пока я не вступил в вашу страну, и исповедует веру пророка Мухаммеда и отвергнет твою веру и своей рукой станет ломать крест, на который имеет тщетное упование. И теперь жди расправы от меня за ту беду, какую навлекла на мусульман».

Когда вручили послание Тамар, и прочла его, она не проявила ни малейшей поспешности, а, по скромности, стала вторым Езекиею. Простерла послание к богу, испустила вздох из глубины сердца, проливая горячие слезы и возлагая на бога надежду. Затем призвала, кого нашла тогда

около себя, и стала с ними совещаться по этому поводу, и не как беспомощная, и не как баба, и не с пренебрежением велений разума.

И указы ее и послания распространялись со скоростью ветра через гонцов. И в немного дней собрались воины, подобные тиграм по ловкости и подобные львам по смелости. Уповали на Христа бога и не стали медлить, а сразу направились в храм пресвятой богородицы в Вардзии. И, молясь перед Вардзийской богоматерью, со слезами препоручила ей царица Сослана Давида и его войско и знамя, счастливо применявшееся, и отправила из Вардзии войско, которое сама Тамар проводила с босыми ногами, причем слезами оросила она свои ланиты.

И когда приблизились к городу Кари[60] на расстояние однодневного пути[61], тогда только отправила послов султана и с ними вместе и своего посла, а в ответ на послание написала так:

«Доверившая себя всемогущему богу вседержителю и вечно молящаяся деве Марии и с верою уповающая на честной крест, прочла я твое, бога гневающее, послание, о Нукардин. Не известно ли тебе, что всякий, лживо клянущийся именем господа, богом будет стерт с лица земли. Коль ты о таких вещах пишешь мне, вот я и посылаю христолюбивое воинство, но не с тем, чтобы челом быть, а сокрушить твою гордыню и заносчивость, чтобы научился ты, при содействии бога, более не хулить его имени. Но мне известно разложение и ненадежность твоих слуг, потому я и послала к тебе своего слугу, чтобы он ответ на твое послание возможно скорее вручил тебе и вовремя предупредил, что посланные мною воины уже стоят у ворот твоих».

Такое послание вручила она послу, затем облачили и одарили его, и так отправила она посла султана.

А после этого она повелела всем своим войскам сесть на коней и сама взошла на высокое место, откуда всех их могла обозревать, и пала на колени и долго плакала, молясь богу. После того, как она встала, можно было видеть это место, залитое ее слезами. Затем призвала она к себе всех знатных и велела эриставам, чтобы каждый из них подходил к святому кресту и поклонялся ему и прикладывался. И стали все подходить, с плачем просить о даровании победы и поклоняться честному кресту и целовать его, а также прикладываться к руке Тамар.

Каждый поклонялся ей, теперь священной особе, – потому что она сама держала древо креста одной рукой, в то время как одною его держал управитель царского двора[62] и носитель креста Басилий.

Когда все кончили таким образом поклоняться кресту, Тамар сама своими руками приняла честной крест и трижды изобразила во все стороны знамение креста, благословила своим воинам, воссевшим на коней, путь и таким образом отправились они, доверившиеся богу и слезам Тамар.

А царица повернула в Самцхе, прибыла в Одзрхе и предалась молитве и посту. Там около нее был Тевдоре, католикос Картлийский, муж святой и благой, и вместе с ним много епископов и иноков, угодных богу. Творили всенощные бдения и литии.

Теперь надлежит упомянуть, какую бог сотворил милость своему народу по ходатайству пресвятой Богородицы и с помощью животворящего креста. Когда наши войска прибыли в страну Басиани[63], там стоял лагерем султан. Приблизившись к лагерю султана, увидели, что неприятель расположился привольно и у султана не были поставлены караульные. Там выстроили грузины отряд и затем, немного поторопив коней, направились на неприятеля. А когда увидели турки, что

наши устрашающе надвигались, бросили свой лагерь и кинулись в укрепления, потому что бог навел на них великий ужас. А христиане, когда увидели перед собою бегущих, кинулись на них и не дали бежать, а окружили их. И дал бог им в руки неприятеля, и тогда можно было видеть удивительное дело, потому что побежденные сами же связывали тех из своих, которые избегли острия меча. Более значительное лицо связывалось своим же соратником, менее значительным, и более знатное лицо приволакивалось привязанное к лошадиному хвосту; одной веревкой один человек связывал вместе по двадцать человек и привязывал одного к другому за волосы. Незрелый еще юноша приводил лучших из бойцов, как козлят. Исследовали все места и бежавших убивали, а остальных, как цыплят, собирали; несметное число их отпустили, так как на сто мусульман едва ли приходился один христианин, который бы взял их.

Такой великой победой вознаградил бог слезы и твердую надежду Тамар[64]. А когда все это свершилось, обратились к их пожиткам, богатейшей добыче, потому что не было возможности ни обозреть, ни счесть золотой и серебряной посуды, большого количества тканей, золотых кубков, блюд и блюдец, усеянных каменьями, жемчугом, наряду с кувшинами и котлами, полными непостижимой умом добычей. А кто бы определил число лошадей, мулов и верблюдов и количество шатров и ковров, которые они побросали?

К тому времени горожане разукрасили Тбилиси и вступили туда Тамар и Давид, расстилая лучи, как ореол солнца, и внесли знамя Нукардина. Затем ввели в город сперва владетеля Ерзинки, а затем других знатных особ, кого ей было угодно. Всем дала утешение и преславно угостила их, дав пир, и одарила всех по достоинству и отослала их в крепости, во все места царства, кроме владетеля Ерзинки, которого задержала в Тбилиси в качестве узника, гневом заменив ему прежний почет и любовь, а под конец такого именитого и знатного человека продала за подкову лошадиную. Это Тамар сделала в честь и во славу своего дома, то, чего не делалось никем с сотворения мира.

Теперь снова наполнились все царские сокровищницы золотом и золотой утварью, потому что, как простой землей, осыпали царицу золотом, а каменья и жемчуга мерами ссыпали в казну, а греческой работы златотканые изделия и прочие редкостные ткани, как какие-нибудь негодные одежды, нагромождали без счета. А серебряная утварь более не была в почете в царском дворце, потому что все, что ставилось на стол, было из золота и хрусталя, украшенное индийскими каменьями; частью царица наполнила все церкви, часть драгоценностей принесла в дар на предмет совершения святых таинств, и набила руки всем просящим милости, а также насытила всех нищих и щедро наполнила им подолы.

Так возвеличивает бог величавших его, так возвышает смирение перед ним имеющих, такой он пособник по отношению к уповавшим на него; такие дары дарит он доверившимся ему. Так было и с Тамар, потому что ничего другого не хранила Тамар в сердце своем, кроме как «начало мудрости, страх Господень»[65], и правосудие и милосердие, равное ко всем.

В ее дни всеобщим достоянием было здравие, и царил бесконечный мир, ее уста покрыли землю благодатью. За это благословил ее бог во веки и возложил ей на голову венец чести и препоясал меч могущества, и она отправилась в потусторонний мир, чтобы предаться вечному бытию в награду за утверждение истины, мира и закона.

Надлежит сказать и о том, что и много других женщин выказывали могущество, но не так, как она: не силою коварства давала жить своему народу, а будучи предводительствуема мудростью и силою правдивости и непорочности давидовых, спокойствием духа, отличавшего Якова, щедростью, подобной щедрости Авраама, милостивостью, подобной милостивости господа Иисуса и путем подражания его правосудию.

В дни царствования Тамар не было ни одного человека, с ее ведома подвергшегося насилию, и никого, кто бы подвергался наказанию, если не считать случаев применения старого закона, который положен для разбойников – повешения на дереве. Даже и с тех, которые были достойны смертной казни, и с тех, кто были достойны изгнания, не взыскивалось должное, и никто по ее велению ни отсечению членов тела не подвергался, и ни наказания через ослепление не понес, кроме Гузана[66], того самого, который изменнически отступился от царицы и разбойничал где-то в Кола[67], скрываясь в горах. Его схватили косари и привели к царю Давиду. А он знал, как безгранично милостива Тамар, и поэтому, прежде чем уведомить ее, выжег ему глаза за кровь христианскую, пролитую Гузаном в большом количестве.

Не только в собственном царстве Тамар царило благополучие, но и для всех христиан. И всех, кто насиловал христиан, она уведомляла, чтобы немедленно покорились, имея страх и любовь к ней.

Посылала своих доверенных, прося их так: «Объезжайте начиная от Александрии, всю Лубию[68] и Синайскую гору»[69]. И осведомлялась о нуждах церквей, монастырей и христианских народов тех стран. А об Иерусалиме нужно ли говорить? Посылала во все эти земли церквам потиры и дискосы и покровы для святынь, неисчислимое золото для монахов и нищих, причем выкупала из неволи полоненных неверными; и дань, платимую народом, она возмещала ему, и так снимала с него всякое гнетущее его бремя.

То же делалось ею и в областях Эллады и Святой горы[70], также и в Македонии, в Петрицоне[71], в областях Фракии и в монастырях в Константинополе, в Романе[72] и повсюду; также и в Исаврии, в Курусете[73] и во всех окрестностях Черной горы[74] и Кипра. Все эти земли наполнила добрыми делами, и бог охранял ее дела.

Однажды прибыли, как это обыкновенно случалось, монахи с Черной горы, из Антиохии и с острова Кипр, также и со Святой горы и из многих других мест просить ее сделать добрые дела. Тамар приняла их, по обычному, как ангелов, и долго не отпускала, а потом сделала всем великие подарки и снадбила всем нужным; наконец, наиболее дальним обитателям дала большое количество золота, как для них самих, так и для раздачи всем монастырям. Монахи отправились и когда прибыли в Константинополь, узнал об этом Алексей Ангар[75], который своему брату Исааку глаза выжег и лишил царства. Он был презренным человеком и неподходящим как носитель царской власти, презираем был всеми, в особенности из-за корыстолюбия. Он увидел огромное количество золота, которое дала Тамар, и отобрал его у тех монахов.

Когда об этом узнала царица Тамар, послала на имя святых отцов золото в еще большем количестве и этим еще более посрамила дьявола. Но разгневалась на греческого царя, отправила небольшое войско из Западной Грузии[76] и отняла у греков Лазику[77], Трапезунт, Лимон, Самисон, Синоп, Керасунт, Китиору, Амастриду, Араклию[78] и все земли Пеблагонии и Понта, и дала

их своему родственнику[79] Комнину[80], сыну Андроника[81], который тогда сам находился у царицы Тамар, обретя у нее убежище.

Узнали франки[82], что греки с Востока лишились помощи; выступили и отняли престольный город вместе с царской властью; и несчастливый этот Алексей бежал в Болгарию[83] к своему зятю. А когда увидел его болгарский царь, зять его, отвел его в один замок и высыпал перед ним великое множество золота и сказал: «Вот, Алексей, предмет сей твоего желания, золото это бери вместо каких бы то ни было пищи и питья, так как из-за этого золота ты погубил царский дом христианский и развалил самодержавие греков». И так умер этот жалкий человек с голоду, лишенный помощи от бога.

Так страшна была Тамар для врагов, однако, она была настолько сердечной и незлопамятной, что обо всем этом с великой болью в сердце погоревала, хотя и не стоило о нем болеть, потому что, если кто приобрел что-нибудь неправдой, долгое время не удержит. Но Тамар была достаточно сердобольной к странникам и к немощным, умела болеть душой и миловать их, как теперь в отношении этого сребролюбца.

А теперь скажем и о том, что на 23-м или 24-м году своего царствования она справилась о делах Кари[84]; с давнего времени бились за этот город Саргис Тмогвели, Шалва Торели и месхи, но никакими силами не могли взять его, потому что из-за свирепства зимы и стужи они бессильны были подступиться к нему, не могли сразиться и из-за замерзшей в пору морозов воды. В окружении все крепости и деревни отобрали и только он один оставался у противника. Обсудила это своим счастливым умом и послала туда Давида во главе войска Верхней Картли, послала в помощь ему Захарию и Иванэ, и велела им, чтобы они расположились там и всеми силами сразились с противником. А это потребовало много времени. Сама Тамар стояла в Джавахети и там дожидалась вестей о них. А они прибыли к месту назначения и взялись ломать уже сплошной стеной построенную ограду для воды, и по истечении многих дней сделали брешь в этом месте; и тогда вода иссякла, и настал конец для большинства горожан. А оставшиеся просили Давида, чтобы прибыла сама Тамар, дабы довериться ей. Потому, что боялись расправы за свои бранные слова, которые недавно выкрикивали из крепости.

Тогда доложили обо всем этом Тамар. И она прибыла, и сидевшие в крепости принесли ключи от городских ворот сыну ее Георгию и затем Тамар, и просили объявить мир и дать им клятву, что царица не отдаст Кари в чужие руки, как Ани и Двин, а удержит его, включив в пределы своего царства[85]. Царица дала им относительно этого нерушимое слово и велела своему сыну Георгию, чтобы он вошел в Кари и сам принял город и крепость. Так и было сделано, и царица оставила за собою один только этот город и крепость из числа всех тех, которые брала побеждая от Зоракерта и до Рахса[86], от Гаги и до Гандзы и от Джавахети вплоть до Спери[87].

Кому этих дел, выполненных Тамар за семнадцать лишь лет[88], кажется все еще мало, кому мало подвигов ее войск, совершенных в течение дней, составляющих только один год, кого мое повествование бессильно заставить призадуматься над вопросом, как, в самом деле, Тамар справилась со всеми этими внешними делами, – пусть бросит взгляд хотя бы только на верхние края, чтобы видеть, какими крепостями владеют одни лишь дома Мхаргрдзели в верхних и нижних областях[89].

Уста мои, весело повествовавшие о радостных событиях, теперь начинают говорить о печальном, потому что я имею сказать о событии, которое должно повергнуть в скорбь весь мир.

Тамар остановилась в высоко расположенной местности Начармагеви. А при ней были все дидебулы и знатные. И она позаботилась о своих государственных делах и управилась с ними, а более всего, с делами церковными и монастырскими.

И в то время, когда она там стояла, у нее выявилась некая болезнь, нас, людей, опустошающая, которая у нее изо дня в день становилась все более тяжелой. И она долгое время скрывала, чтобы никого не беспокоить. Но тогда, когда недуг, не поддающийся лечению, оказался болезнью, не знающей пользы от лекарств, царица объявила о нем. Эта болезнь Тамар явилась как нечто неизбежное, потому что природная слабость женщины при таких продолжительных военных делах не могла позволить ее телу жить, оставаясь огражденным от случайностей.

И тут достойными сожаления кажутся люди, весьма ей преданные: как они пренебрегли такою ее болезнью? Потому что взяли ее в паланкине в Тбилиси, а спустя немного дней, захотели, как это обычно делалось, подняться в лесистые горы. Они спешили с этим и взяли ее туда опять в паланкине. Эта ее безжалостная болезнь там приняла еще более тяжелую форму. И снова взяли ее сюда, в Агары[90], в крепость.

И тщетными оказались для нее всякие поиски естественных средств от врачебного искусства. Потому-то всюду, как там, в месте пребывания царицы, так и во всех местах происходили литии и беспрерывные всенощные бдения, и можно было видеть, как одинаково лили слезы и богатые, и нищие.

Но приговор не допускал сопротивления.

И день стал подходить к концу, и солнце стало заходить, и воздух стал отливать бесцветным светом. И утреннюю зарю стали облекать темные тучи. Розовые ланиты царицы стали вянуть, и глаза ее, подобные озеру, заставлявшие меркнуть диск солнца, стали тускнеть. Руки ее, никогда не перестававшие служить нищим, стали слабеть, и ноги, вечно страждущие для бога, стали подгибаться и все признаки жизни постепенно исчезать.

Общее бессилие[91] овладело всеми, и не знали, что делать. Мтавары[92] били себя по лицу, нищие били себя по голове. Все, преданные ей, предлагали богу взамен царицы собственные головы и своих детей и просили его на них ниспослать грядущую смерть. «Чтобы только одна она осталась живой, а нас всех истреби». Это возглашали, тесным кольцом окружая во дворце покой, который хранил одр нашего несчастья. Если бы была возможность, приложили бы еще и еще старания к тому, чтобы не дать смерти проникнуть к ней. Какое еще оставалось из средств борьбы с болезнью, чего бы там не применялось, не исключая и молитв или печали? Но звавший ее стоял в дверях, и уже невозможно было противостать повелителю.

Мудрая Тамар и тут обрела блаженство мудреца. Потому что созвала всех именитых людей своего царства, собралась с силами и, сидя бодро, говорила им: «Братья мои и дети! Вот я уже призываюсь страшным судьей, кто страшнее земных царей, кто отнимает души у людей. Вы все сами свидетели, что я в своем сердце хранила любовь к вам и не урезывала из того, что составляло вашу долю и предмет вашего желания, соответственно чести каждого из вас, пока я была по определению бога у вас царицей. Теперь я тоже ухожу к отцам своим, путем мне неизвестным,

по велению страшному и определению дивному. Молю всех вас творить всегда добрые дела и поминать меня. Вот оставляю вам наследниками дома моего, кого мне дал бог, детей моих, Георгия и Русудан, примите их взамен меня, и пусть они возместят вам урон, причиняемый моей смертью».

Так она препоручила своих детей всем им, и отдала их перед образом Христа и животворящим крестом. И, затем, в последний раз произнесла «Христос, боже мой единый, бесконечный царь неба и земли, тебе препоручаю это царство, которое тобою мне было вверено, и этот народ, искупленный твоей честной кровью, и этих моих детей, которых ты мне даровал, и затем душу свою».

Тогда вышли все из покоя, горько плачущие. И уснула Тамар сном праведных в месяце январе 18 числа, и погасло солнце Грузии, и могила ее для прославления своего сделала земную жизнь нужной для нас, всех христиан.

О чем еще следует сказать, кроме как о вопле по поводу этой печальной вести, о беспросветном мраке, и о горе неутешном, потому что, кто может быть утешителем, когда горе становится общим для всех. Мерзостным стало лицо земли. Остригли себе волосы все, кто знал хоть только имя Тамар. С раздавшимися стенаниями пришла в сотрясение и преисподняя. Все оделись в скорбную одежду. Было похоже, что вместе с нами горевали небо и вся земля.

Тогда доставили прах ее и на несколько лишь дней положили в соборе во Мцхета и, затем, наконец, погребли в том же Гелати в ее родовой усыпальнице, чтобы славилась она вместе с праотцами и отцами ее, именитыми великими царями.

Веселье грузин сменилось горем, потому что земле обессоленной уподобились уста их, людей, которые прежде, до ее смерти, из уст своих ничего другого не произносили, кроме имени Тамар; потому что на стенах домов акростихом писали оды Тамар; украшая печати, ножи и палки, на них писали хвалу Тамар. И уста всех вообще всегда готовы были произнести какое-нибудь слово, подходящее для восхваления Тамар: отроки – погонщики волов, когда бороздили землю плугом, исполняли песни, славящие царицу Тамар. В Ираке пребывавшие музыканты наигрывали песни, сложенные в честь Тамар. Франки и греки, корабельщики на море в благоприятную погоду возносили хвалу Тамар.

Таким образом, весь мир полон был ее хвалой, и всякий язык, на каком только произносилось ее имя, возвеличивал ее. И стоит ли говорить о ее делах? Ведь о них от края до края света пронеслись слухи, как тому, говоря словами мудреца, свидетель все нами виденное.

[Не считаю погрешностью совершать деяния выше собственных сил. Ибо начало и конец этих свершений так же схожи, как вес и драгоценность золота схожи с остатками сухой травы. Как же произнести слова, подобающие ей? О каких ее достоинствах глаголить в начале и о каких в конце? О скромности ли неописуемой или возвышенности непомерной, о спокойствии хвалебной, строгости надлежащей, сострадательности сердечной, милостивости благосклонной, непорочности невинной, правдивости неложной, благости всеобъемлющей или о щедрости неимоверной? Обладала она началом всех благ – а именно: проникнута была страхом пред всевышним и служила богу верно. И только поэтому она достигла того, чего никто на свете не достигал. Об этом свидетельствуют все царства, лежащие по соседству с Грузией: сколько обнищавших ца-

рей благодаря ей вновь обрели богатство, сколько побежденных вновь получили из ее рук свои царства, скольким изгнанным вернула она отнятые владения и скольких осужденных на смерть освободила. Свидетели тому владетельные дома Ширвана и Дербента, гундзов, осетин, кашагов[93], карнукалакцев и трапезунтцев. Всем им даровала царица самостоятельность и ручалась защитить их от врагов.

Никто с таким рвением не следовал закону божьему, как она, и никто с таким смирением не преклонял голову. Молебны и бдения, исполняемые в ее дворце, превзошли молитвы Феодосия Великого, и я уверен, даже пустынников. А что же говорить о том, как она постилась; она сама следила, как соблюдали пост монахи и придворные.

Невозможно описать ее любовь к священникам и монахам. Перед нею постоянно находились люди, следовавшие правилам праведной жизни. Она им устраивала жилища поблизости своих покоев, обеспечивала пищей и всем необходимым. А если кто-нибудь из них был немощным, она сама посещала и утешала, сама же готовила ему ложе и постель.

Над неимущими она поставила верных смотрителей. Десятую часть всего государственного дохода, внешнего и внутреннего, отдавала нищим и следила, чтобы не пропадало даже одно зернышко ячменя. Совершая сие, она перед господом не считала, что занимается благотворительным делом. Освободившись от дел, сразу же принималась за пряжу или шитье, а [работу] своих рук делила между священниками и нищими.

Таким образом, правила, раз и навсегда утвержденные, выражение добродетелей благого бога, она соблюдала не столько при начале их действия, сколько при завершении, и как солнце пускала на всех свет своего ореола, относясь ко всем с равным почетом. Так через милости, которыми наделяла всех, она подвигала бога на милость, так берегла время, и так усиливала друзей, однако, не чем-нибудь обретенным ложью и несправедливостью.

Никогда она не расслаблялась и не выказывала неприлежания к управлению, не давала уму быть бездеятельным в отношении дел, ей доверенных; она не отяготила разум свой каким-нибудь трусливым соблазном, влекущим человека вниз, не отказывалась от проявления скромности и не пренебрегала державной недоступностью. Она не презрела и минутной мягкости, и от строгости не отступилась; все смешала со всем, чтобы могла в полном объеме представить в своем существе, как нечто совершенное из совершенных.

Православие создателя неукоснительно блюдя, чтобы, пока осуществляется обращение небесного круга, не сделать уклона вкривь и неестественно, она не дала себя унести кипению; и там не отсутствовала, где на веревке влекли вниз, к земле. Однако, весьма низко спустившаяся с высоты велением разума, приложила все старания, чтобы человеческая природа ее оставалась простой, по роду ее внутреннего склада, без соединения со страстями: если хотела чего-нибудь, то и было достойным хотения; желала чего-нибудь – и поистине было желанным; сама была хвалима и достойна всяческой похвалы; смотрели на нее как на счастливую, и была счастлива. И не имелось на свете никаких благ, которые не были даны в ней самой.

Непокорных ей она принизила, а верных возвысила. Она не старалась остаться без соседей; она и дома к дому не присоединяла, и земли к земле чужой[94], а удовлетворялась собственными родовыми имениями, чтобы не считали ее несправедливой и падкой на стяжание. Соответствен-

но с тем, как высшая правда судила всех правых, она тоже не страхом действовала на соседей, а сама защищала их от устрашителей и даже делала их самих страшными для врагов. Далеко отбросила ненасытность, свойственную пиявке, [не делала ядовитыми плоды и вредным содеянное.

Она восседала как судья меж соседствующими царями, следила, чтобы никто не начинал войны или пытался набросить ярмо насилия друг на друга. И ставя себя им в пример, считалась вторым Соломоном среди царей. И кто только слышал имя царицы, в душе[*] жаждал лицезреть ее; и если не представлялся случай видеть ее, даже великие цари проклинали судьбу свою. Она вот-вот всосала бы в себя все море, как облако, окропляющее всех поровну сладким дождичком.

Если кто из вас пересмотрит летописи, рассказывающие о царях древних или новых, убедится, что никто из них не превосходил деяний царицы, как и было сказано вначале.

Она расточала радость, когда повествовала о чем-нибудь, была стыдлива, поучая других, соприкасалась она со всеми мягко и наставляла всех приятно, наказывала милостиво и распекала мягкосердечно, дабы каждому до единого показать воочию свойства бога. Она была светильником для разумных и неразумных, светила первым] и сжигала вторых. Она была уздой для сбившихся с пути истины и шпорой для нерадивых, нравственным каноном для старцев и палкой железной для юношей; защитницей мудрой для идущих честным путем и нелицеприятно бьющей строптивых.

Священноучители облеклись во страх божий, священники стали блюсти чин свой, монахи обрели добропорядочную деятельность, мтавары научились жить свято и ходить по пути истины; народ утвердился в сознании долга со страхом служить богу и с чувством преданности – своим господам. Отроки научились презирать нетерпимое неверие, потому что порочной безнравственности и юношеского строптивого непокорства следа даже не видно было в дни Тамар. Мало того, даже и от сквернословия далеки были, по крайней мере те, которые удостаивались пребывать в царских покоях или служить при дворе.

Таким образом, путем соблюдения во всем заповедей божьих, она обрела милость божью, и благословил бог жизнь ее и умножил плод и [колосья ее. И как гласит писание, на рассвете «свет сияет на праведника»[95], супруг ее радость полуденная, а в сумерках мирно почила на своем ложе. Скрасил господь дни ее жизни честью и времена ее миром]. В продолжение всего царствования ее лицо ни разу не выражало сомнения, потому что ни разу она не оставляла без удовлетворения просьбы вдов, сирот и насилуемых. Она провела дни свои в радости за то, что сама каждый день радовала всех нищих и немощных. Наконец она отправилась к отцам своим и присоединилась к ним, после себя оставив двух детей, Георгия и Русудан, прекрасных, желанных, каких все хотят иметь, достойных восхваления, имеющих царственный облик, разумом ис-

* В списках «Картлис цховреба» и в тексте, подготовленном к изданию И. А. Джавахишвили, в данном месте читается «эрти сабели» (т. е. одна веревка!). С. Г. Каухчишвили предложил конъектуру – «эртиса гули» (букв. сердце одного). Эта конъектура учтена при переводе фразы.

полненных, украшенных мудростью и преисполненных всеми доблестями. Тамар в двадцать три года сумела заключить доблестное царствование во всех его проявлениях.

Здесь я замыкаю строй словес. [Пусть грядущее поколение найдет слова более подобаемые для описания остальных побед, ныне достигнутых. Мы же, преисполненные уважения, благоговейно умолкаем].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Царь Грузии Георгий III (1156-1184), сын Деметре I (1125-1155) и отец царицы Тамар.

2 Хроникон – год (от греч. o crouoõ). Одна из трех используемых в Древней Грузии систем летосчисления (I – от сотворения мира; II – от рождения Христа и III – хроникон). Система эта основана на 532-летнем цикле – 28 лет умножается на лунный цикл – 19 лет; чередование дней недели, месяцев и лет через каждые 532 г. повторяется. В 780 г. закончился XII цикл данного летосчисления. Грузинские источники применяют эту систему для обозначения XIII (начатого в 781 г.) и XIV (начатого в 1313 г.) циклов (К. Кекелидзе, Грузинская эра и эорталогический год. – Известия Института языка, истории и материальной культуры, т. V-VI, Тбилиси, 1940; на груз. яз.).

3 Русудан – сестра царя Георгия III, тетка царицы Тамар. Супруга Гийас ад-Дина Сулейман-шаха Сельджукида, который правил Западным Ираном и Ираком в 1160-1161 гг. Овдовев, она вернулась на родину, принимала активное участие в политической жизни страны. С ее согласия решался вопрос о замужестве царицы Тамар. В возрасте 80-и лет приняла монашеский постриг (примерно в 1210 г.).

4 Шамирамские султаны – Русудан (тетка царицы) «была невесткой великих шамирамских султанов». В подлиннике употребляется форма «Шамирамети»; переводчику принадлежит следующее толкование этого названия: имя «Шамирама» (Семирамида), осложненное грузинской суффиксальной частицей -ет-, приобретает собирательное значение, так что Шамирамети может обозначать потомство Шамирамы, Шамирамидов, людей, окружающих ее (подробно см. В. Д. Дондуа, О «Липаритет»-е и аналогичной формы фамильных названиях в грузинских исторических источниках. Исторические разыскания, I, Тбилиси, 1967, с. 101-128; на груз. яз.).

5 Русудан – сестра царицы Тамар. Вторая дочь царя Георгия III. Подробно см. статью В. Д. Дондуа, Сестра царицы Тамар. Исторические разыскания, I, с. 79-87 (на груз. яз.).

6 По поводу этой фразы имеются разногласия, а именно: о ком идет речь – о тетке царицы Тамар, или о сестре – царевне Русудан.

7 Перифраз библейского выражения – «И затрубили трубою и весь народ восклицал: да живет царь Соломон» (III Пар. 1,39). Эти слова были произнесены народом, когда библейский царь Соломон был помазан на царство. Как известно, грузинские цари свой род возводили к библейским прародителям: Иессею, Давиду и Соломону.

8 Трон вахтанговский – трон, сохраняющий свой ореол еще со времени грузинского царя Вахтанга I Горгасала (II пол. V в.). Престол давидовский – тот же трон, который в 1089-1125 гг. занимал могущественный царь Давид Строитель. А также это образ известного библейского престола Давидова (II Цар. 3,10).

9 «...прежде для луны...» – образы престола давидовского, а также луны навеяны автору библейскими псалмами во имя царя Соломона (Пс. 71,5).

10 Саваоф Элогим – это два из ряда других наименований бога в иудаизме. В груз. подлиннике дана искаженная форма «Сабоэтелио».

11 Перифраз библейского текста (Пс. 71,8).

12 В лето шесть тысяч шестьсот восемьдесят шестое, в хроникон четыреста третий – здесь применены две системы (из трех используемых в Грузии) летосчисления: «от сотворения мира» (5502 г. до н. э.) и от «781 года», т. е. от начала XIII цикла 532-летнего цикла.

В Грузии хронология от сотворения мира, варьируясь, выражалась в числах лет: 5500, 5508, 5604 и др. В данном случае применяется 5502 г. до н. э.

13 Николоз Гулаберис-дзе – католикос Грузии (1150-1178 гг.). В 1178 г., отказавшись от сана католикоса, уехал в Иерусалим, откуда вызвала его царица Тамар. Ему был предложен сан католикоса, но он отказался. Умер около 1190 г. О нем, как о пастыре и церковном писателе, см. К. Кекелидзе, История древнегрузинской литературы, I, Тбилиси, 1951, с. 298-303 (на груз. яз.).

14 Мцигнобартухуцес(и) – глава нотариев, составителей грамот. С начала XII в. глава правительства, канцлер, первое лицо после царя. Со времен Давида Строителя обычно этот пост занимал епископ чкондидской кафедры (Чкондиди – епископская кафедра в селе Мартвили, в Мегрелии), благодаря чему в его руках объединялась церковная и светская власть; назывался он чкондидел-мцигнобартухуцесом. С конца XIV в. пост этот теряет свое первоначальное значение. Подробно см. Н. А. Бердзенишвили, Вазират в феодальной Грузии. – Вопросы истории Грузии, т. III, Тбилиси, 1966, с. 5-56 (на груз. яз.).

15 Спасалар – (от перс. «сипахсалар») – военачальник.

16 Подразумевается сын Суздальского великого князя Андрея Боголюбского (1110-1174) Юрий. Андрей Боголюбский был убит в 1174 г., Юрий же нашел убежище у половцев; от них его привезли в Грузию и в 1185 г. женили на царице Тамар. Брак этот длился два с половиной года. Тамар, разведясь с ним, выслала его в Византию. Юрий дважды (в 1191 и 1193 гг.) пытался вернуть себе трон, но оба раза был разбит приверженцами царицы. Дальнейшая его судьба неизвестна. Наш историк не упоминает его имени, а называет просто «русским».

17 Патриарх – глава грузинской церкви; изначально (с V в.) облекается, как это было в Армении и Сирии, в сан католикоса. С начала XI в. католикос Грузии титулуется и патриархом – «католикос-патриарх», с прочным усвоением идеи, то он шестой, после пяти вселенских патриархов (И. Джавахишвили, История грузинского права, кн. II, вып. II, Тбилиси, 1929, с. 9-10; на груз. яз.).

18 Дидебул(и) – знатный феодал, обретший «дидеба» – «величие». «Дидеба» осмысляется как жалуемые царем феодалу должность и связанное с ней земельное владение, подкрепленное иммунитетным правом. Дидебулы стремятся превратить исходящие от «дидеба» должность и земельные владения в наследственную собственность.

19 Спаспет – от перс. «сепах» (войско) и «пат» (глава) – военачальник.

20 Эристав(и) – букв. глава народа, resp. войска (впоследствии служит и фамильным названием) – чин царской администрации. Отсюда «эриставт эристав» – чин высшей администрации, правитель области.

21 Библейское изречение (Иер. 51,9).

22 Фраза, построенная на основании библейского изречения: «А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем» (1 Посл. кор. 7,10).

23 Давид – второй супруг царицы Тамар. По тексту нашего историка, Давид «был сыном осетинских царей». В «Истории и восхвалении венценосцев» о нем говорится следующее: «Во дворце царицы Русудан был витязь из сынов Ефрема, то есть оссов, мужей могущественных и сильных в боях» (История и восхваление венценосцев, перевел К. С. Кекелидзе, Тбилиси, 1954, с. 46). В данном случае имеется в виду царевич из династии осетинских Багратионов, которые, в отличие от грузинских Багратионов (Давидиды), назывались Ефремидами, то есть потомками библейского Ефрема (К. Кекелидзе. Один момент грузинского политического мышления – Этюды по истории древнегрузинской литературы, I, Тбилиси, 1956, с. 312-318, на груз. яз.). А летописец времен Лаша Георгия указывает, что «муж царицы Тамар Давид был царем осетин, из рода Багратионов» («Картлис цховреба», I, 369).

Осетинские Багратионы происходят от сводного брата Баграта IV Деметре, мать которого царица Алде была дочерью осетинского царя. В середине XI в. сын этого Деметре Давид сбежал на родину своей бабушки. Он и стал родоначальником осетинских Багратионов. Давид Сослан являлся его правнуком.

Давид Сослан воспитывался у царицы Русудан. Свадьба его с Тамар состоялась в 1188 г. и уже через год Давид «превзошел всех в умении метать стрелы, наездничать, упражняться на арене, плавать, в книжном учении и, как это видно и сегодня, во всем этом он превзошел всех...» (История и восхваление венценосцев, перевел К. Кекелидзе, с. 47).

Царь Давид скончался спустя три года после Басианского сражения в 1205 г. (Б. Г. Силагадзе, Некоторые вопросы истории Грузии эпохи Руставели. – В сборнике «Грузия в эпоху Руставели», Тбилиси, 1966, с. 302; Р. Кикнадзе, Очерки по источниковедению истории Грузии, Тбилиси, 1980, с. 146).

24 Самтависи – епископская кафедра в ущелье р. Рехула; епископ, занимавший эту кафедру, носил сан Самтавнели и являлся пастырем Ксанской и Рехульской ущелий.

25 Амирспасалар – верховный военачальник, военный министр; название происходит от арабского «амир» (начальник над 1000-м воинским соединением) и персидского «сипахсалар» (военачальник). Как «глава войска» в источниках впервые упоминается в царствование Георгия III. По «Распорядку царского двора», «амирспасалар – почетный визирь и глава войска» (см. И. А. Джавахишвили, История грузинского права, кн. II, вып. I, Тбилиси, 1928, с. 161-165; на груз. яз.).

26 Мсахуртухуцес(и) – визирь, который ведал дворцовым хозяйством, обер-камергер. «В его ведении состоят: сокровищница, опочивальня, глава постельничьих, глава казначеев и др.» (Распорядок царского двора, §14). (Подробно см. И. А. Джавахишвили, История грузинского права, кн. II, вып. I, с. 183-190; на груз. яз.).

27 Вера армян... – подразумевается христианство, исповедуемое армянской церковью. Армянская церковь отошла от восточной церкви после Халкедонского собора (451 г.) и по имени Григория Просветителя (проповедовавшего христианство в Армении в нач. IV в.) названа григорианской.

28 Мандатуртухуцес(и) – визирь грузинского двора, обер-церемониймейстер, соответствует министру внутренних дел (см. И. А. Джавахишвили История грузинского права, кн. II, вып. I, Тбилиси, 1928, с. 157-167; на груз. яз.).

29 Марага – г. Марага в Иранском Азербайджане.

30 Имеются в виду библейские персонажи, поздно родившие потомство: Маной, жена которого была бесплодна; ей явился ангел «и сказал ей: вот ты неплодна и не рожаешь, но зачнешь и родишь сына» (Суд, 13,3). Елисавета, жена священника Захарии, была бесплодна; ангел явился к Захарии «и сказал ему... услышана молитва твоя и жена твоя Елисавета родит тебе сына» (Лука, 1,13); Анна, жена Елканы, долго не имела детей, но «посетил Господь Анну и зачала и родила еще трех сыновей и двух дочерей» (I Цар. 2,21).

31 Персия в данном случае имеет широкое значение и обозначает страны, населенные мусульманами.

32 Ромгур (Ремджар, Рамджар) – один из кварталов г. Нишабура. Грузинские источники XIII-XIV вв. под Ромгуром подразумевали Хорасан, центральную провинцию Ирана (см. В. Н. Габашвили, «Ром-Гури» грузинских источников, ж. «Мацне», серия истории, 1971, № 4, с. 124-130; на груз. яз.).

33 Адарбадаган – Азербайджан.

34 Чкондидели – букв. «Чкондидский», так именовался мартвильский епископ, с. XII в. облеченный и властью первого визиря.

35 Сомхити – часть Нижней Картли; в XII-XIII вв. этим названием обозначается территория Нижней Картли, лежащая южнее Триалетского хретба до Бамбакских гор (на юге), и от реки Дебеда (на востоке) до Джавахети (на западе).

36 Автор здесь приводит из Библии примеры героизма и находчивости малочисленных войск, побеждавших превосходящие силы неприятеля (Суд. 7,16; Паралип. 32,21).

37 Имеется в виду победа грузинского войска в Шамхорской битве.

38 Шамхорская битва – сражение между войсками Грузии и атабека Абу Бекра. На стороне грузинского войска выступали ширваншах и Амирмиран. Битва закончилась победой грузин. По подсчету Ф. Д. Жордания, битва произошла 1 июня 1195 года (Хроники, т. I, Тифлис, 1892, с. 282; см. также – И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, II. – Соч., т. II, Тбилиси, 1983, с. 270, на груз. яз.). В одной армянской анонимной хронике XIII в. назван 1194 г., однако, надо иметь в виду, что в хронологии подобных хроник часто встречаются ошибки в 1-2 года (А. П. Абдаладзе, О дате Шамхорской битвы, «Мацне», серия истории, 1973, № 1; на груз.

яз.). Кроме того, существует и дополнительный материал в пользу 1195 г. (см. Р. К. Кикнадзе, Очерки по источниковедению истории Грузии, Тбилиси, 1980, с. 138-139).

39 В грузинском тексте названы «аврийские» амиры. М. Броссе при переводе текста на французский язык сохранил чтение оригинала.

40 Абу Бекр – Бубакар грузинского текста, адарбадаганский атабек из династии Ильдегизидов, сын Джахан Пахлавана, племянник Кызыл-Арслана. Атабек Кызыл-Арслан (1186-1191) объявил себя султаном, но вскоре был убит; владения его были разделены между его племянниками. Однако Абу Бекр, одержав победу над братьями, вскоре овладел и их территориями. После поражения в Шамхорской битве удалился сперва в Нахичеван, в затем в Тебриз (Очерки истории Грузии, III, с. 321-325).

41 Панджанобат – персидское слово, состоит из двух частей: 1) «пандж» – пять, 2) «нобат» – музыка с барабанным боем и литаврами, исполняемая при дворе шаха или какого-либо вельможи через определенные промежутки времени (Персидско-русский словарь, составил Б. В. Миллер, М., 1953, с. 573).
«Нобат» исполнялся в особо торжественных случаях; поскольку в нашем источнике «нобату» предшествует «пандж» (пять), ясно, что в данном случае «нобат» исполнялся пять раз.
Выражение источника «ударили в султанский панджанобат» указывает на тот случай, когда в честь Давида Сослана, восседавшего из султанском троне в Гандзе, был исполнен «нобат» пять раз (Г. Г. Аласания, К разъяснению двух терминов в сочинении второго историка Тамар. – Восточная филология, III, Тбилиси, 1973, с. 205-208; на груз. яз.).

42 Мирмиран грузинского источника – Амир Миран, племянник Кызыл-Арслана, сын Джахан Пахлавана, по груз. источникам владетель Аррана и Гелакуна. Прогнанный со своих владений братом же своим Абу Бекром нашел убежище у ширваншаха Ахситана, на дочери которого он и женился. Но Абу-Бекр не давал им покоя; ширваншаху и Мирмирану пришлось обратиться за помощью к царице Тамар. В Шамхорской битве они выступали на стороне грузин. Царь Давид отдал Гандзу Мирмирану, как вассалу Грузии. Но вскоре Мирмиран был убит подосланными Абу-Бекром людьми (Очерки истории Грузии, том III, с. 321-325; на груз. яз.). О Мирмиране см. Р. Кикнадзе, Очерки по источниковедению истории Грузии, Тбилиси, 1980, с. 132-139.

43 «... именитые люди...» – в грузинском тексте перед этими словами стоит слово «ермионтаса», перевод которого у В. Д. Дондуа отсутствует. В дальнейшем В. Дондуа предположил, что «ермион» – слово, использованное автором в качестве эпитета Захарии и Иванэ Мхаргрдзели, вероятно, происходит от Hermion, имени германского царя, обожествленного после смерти (В. Дондуа, О значении «ермион» времен царицы Тамар, Исторические разыскания, II, Тбилиси, 1973, с. 142; на груз. яз.). Но такое объяснение Т. С. Каухчишвили кажется маловероятным (Т. С. Каухчишвили, Античный мир в историографии эпохи Руставели, ж. «Мацне», серия истории, 1974, № 3, с. 113; на груз. яз.).

44 Гюлистан – крепость на левом берегу р. Аксу, западнее г. Шемахи. По тексту «Жизни царицы цариц Тамар», Грузинское государство со своими подвластными странами простиралось от Анакопии (на Западе) до крепости Гюлистан (на Востоке).

45 В грузинском тексте «усадьбы» передано словом «сепени». В данном случае «сепе» употребляется в значении «усадьбы», «поместья».

46 Порубежник – правитель приграничного эриставства.

47 Дзоракерт – то же самое Курдвачрисхеви, один из притоков р. Дебеда, берет начало в Ирджанских (совр. Карагаджинских) горах, течет с запада на восток и впадает в р. Дебеда.

48 «... в верхних областях и нижних...» – в груз. источниках «Земо» и «Квемо» (верхнее и нижнее) сами по себе обозначают верхнее и нижнее течение рек. Кроме того, они обозначают и территорию Картли, расположенную вдоль верхнего или нижнего течения Куры. «Земо» (Верхнее) часто употребляется в смысле Земо Картли (т. е. части Картли в верхнем течении Куры – от с. Ташискари до истоков Куры), «Квемо» же (Нижнее) обозначает Квемо Картли (т. е. территорию Картли, лежащую южнее нижнего течения Куры).

49 «Еще выше – Артани» – так переведен термин «зедат» грузинского текста, что указывает на расположение Артани еще выше, чем Джавахети. Артани – провинция и город в верхнем течении Куры, г. Артани – ныне Ардаган (в Турции).

50 Барда, Берда – груз. Бардави, древний город Партав, развалины которого находятся около с. Евлах (Азербайджан).

51 В грузинском тексте стоит слово «дарбазисэри»; в данном случае обозначает дворцовое войско, всегда находившееся при дворце.

52 Румский султан – в груз. тексте – султан Греции. Греция в данном случае соответствует Румскому или Иконийскому султанату – владению сельджукидов в Анатолии; столица этого султаната – Икония (Кония).

53 Нукардин – Румский султан Рукн ад-Дин Сулейман II (1196-1204), в конце правления которого произошел раздел владений между его сыновьями (К. Э. Босворт, Мусульманские династии, М., 1971, с. 178).
Возглавлял объединение сельджуков в Басианском сражении, но потерпел жестокое поражение. Раненный в бою, отступил к Эрзеруму. Скончался в 1204 г. (Ибн ал-Асир и др.).

54 Здесь перечислены места, откуда Рукн ад-Дин сбрал войско: Калонеро – местность в Малой Азии (Алайя); Галатия – область в центральной части Румского (Иконийского) султаната; Гангра – Гангры – крепость на левом притоке р. Галис, в Пафлагонии, владении Данишмендидов; Анкирия – Анкира (Ангора) – крепость на территории Румского сутланата, на месте совр. Анкары; Исаврия – область в Малой Азии, на Тавре, между Ликаонией и Киликией; Каппадукия – область в Малой Азии, на юге Румского султаната; Вифиния – область на севере Малой Азии, расположена на западе от Пафлагонии; Пафлагония – область на севере Малой Азии, на левом берегу нижнего течения р. Галис.

55 Удж – «сторожевые пограничные посты турок. Сперва долго думали, что слово «удж» означает племя турок – старая ошибка, допущенная уже С. Гюаром (переводившим Абулфиду). Но грузинский историк, автор «Жизни царицы цариц Тамар», под «уджами» подразумевает турок» (Вл. Гордлевский, Государство сельджукидов Малой Азии, М.-Л., 1941, с. 22, 46).
Уджами называли турок, живших в пограничных областях. Обычно, у границы жили огузские племена, самые мужественные среди турок и отличные воины. На это указывает и наш историк: «...в бою мужественны, а по количеству многочисленны...» (Г. Г. Аласания, К разъяснению двух терминов в сочинении второго историка Тамар. – Восточная филология, III, с. 209-210).

56 Карнукалаки – груз. название г. Эрзерум. Эрзерум (Арзан-ар-рум) возник после разрушения (1049 г.) турками г. Арзан (по арм. Арци) в верховьях Тигра, на месте древнего Феодосиополя, который стали называть Арзаном Румским, т. е. византийским. В XII в. стал столицей эмирата. В начале XIII в. румский султан Рукн ад-Дин лишил власти владетеля этого города (Ала ад-Дина Салтук-оглы – по-грузински – Салдуха) и посадил эмиром Эрзерума своего брата Могис ад-Дина Тогрыл-шаха.
После Басианского сражения Эрзерум находился в сфере влияния Грузинского государства.

57 Подразумевается брат Рукн ад-Дина Могис ад-Дин Тогрыл-шах.

58 Сенакерем (Сеннахерим) – ассирийский царь (705-681).

59 Севастия – город в Малой Азии, в верховьях р. Галис.

60 Кари – город Карс (на р. Ахурян).

61 Эти две строки принадлежат автору «Истории и восхваления венценосцев». И. А. Джавахишвили внес их в текст второго историка царицы Тамар для ясности содержания.

62 Управитель царского двора – дословный перевод зафискированного в тексте груз. термина «эзосмодзгвари». Термин этот встречается в грузинских источниках довольно редко. Впервые он употреблен в древнейших редакциях «Четырехглава». В дальнейшем термин этот встречается в «Великом Номоканоне» (перевод XI в.) в значении должностного лица, который ведает, наряду с епископом, церковно-хозяйственными делами (Великий Номоканон, Тбилиси, 1975, с. 274-275; на груз. яз.). По Вахушти Багратиони, «эзосмодзгвари» ведал царским хозяйством: следил за приемами и царским столом и т. д. и соответствовал «назиру» его времени (Вахушти, Описание царства Грузинского, Тбилиси, 1941, с. 16, 21; на груз. яз.). Такое же объяснение этого термина дано в Словаре С. С. Орбелиани (назири – слово чужеродное, по-грузински – эзосмодзгвари). По мнению И. П. Антелава, «эзосмодзгвари» соответствует должности «ганмгетухуцеси» (распорядитель царского двора), засвидетельствованного в «Распорядке царского двора» (XIV в.) (И. П. Антелава, Центральное и местное управление Грузии в XI-XIII вв., Тбилиси, 1983, с. 72; на груз. яз.).

[63] Басиани – область в верховьях р. Аракс.

[64] Басианское сражение – сражение между объединенными войсками сельджуков и Грузинского государства. Сельджуками предводительствовал Рукн ад-Дин. Сражение это произошло в расположенной в Басианской области долине и закончилось победой грузинских войск; датируется это событие по-разному: по восточным источникам сражение это произошло в 1202 г. М. Броссе предлагал 1203 г. (Ученые записки императорской Академии наук, т. II, вып. 5, СПб., с. 727). Ф. Жордания датировал это сражение 1202 г. (Хроники, I, с. 291; на груз. яз.). Тем не менее в грузинской историографии получили распространение 1205 и 1206 гг. (см. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, II, с. 277; на груз. яз.; Н. А. Бердзенишвили, Вопросы истории Грузии, т. VI, Тбилиси, 1973, с. 83; на груз. яз.). Уточнению даты Басианского сражения было посвящено несколько работ (см., например, А. Г. Гамкрелидзе, Дата Басианского сражения и некоторые вопросы основания Трапезундской империи. В кн.: «Вопросы истории народов Кавказа», Тбилиси, 1966; Б. Г. Силагадзе, Некоторые вопросы истории Грузии эпохи Руставели, с. 119-120; Р. К. Кикнадзе, Очерки по источниковедению истории Грузии, с. 148-149). В настоящее время Басианское сражение твердо датируется 27 июля 1202 года (Г. Г. Аласания, О дате Басианского сражения, ж. «Мацне», серия истории, 1975, № 1; на груз. яз. См. также Очерки истории Грузии, III, с. 331; на груз. яз.).

[65] Отрывок десятого стиха из 110 псалма Давида.

[66] Гузан – могущественный феодал из Южной Грузии; дважды восставал против царицы, за что и был наказан Давидом Сосланом выжиганием глаз.

[67] Кола – область в верховьях Куры.

[68] Лубия – Ливия.

[69] Синайская гора – на Синайском полуострове, в крайне западной ее части; на горе находилось несколько грузинских монастырей и церквей: церковь Грузинская, основанная в X в., обитель св. Моисея, церковь Моисея и др.

[70] «Святая гора» Афон, на Балканском полуострове.

[71] Петрицон – основанный в 1083 г. Григолом Бакуриани монастырь в Болгарии, в современном сел. Бачково.

[72] Романа – район Константинополя, в котором в числе других находился монастырь Романа, основанный грузинами в X в.

[73] Курусети – г. Курус в Сирии.

[74] Черная гора – гора и монастырь (основанный грузинами в XI веке) близ Антиохии в Сирии.

[75] Алексей Ангар – византийский император Алексей III Ангел (1195-1203), известный своей жестокостью и скупостью. В грузинском источнике неправильная форма – «Ангар» вместо «Ангел». Вероятно, грузины, исходя из личных качеств императора, вкладывали определенный смысл в это название (по-грузински слово «ангари» означает корыстолюбца). Отняв трон у своего брата Исаака в 1195 г., Алексей ослепил его. В 1203 г., когда крестоносцы заняли Константинополь, Алексей покинул столицу, крестоносцы же восстановили на трон брата императора Исаака и его сына Алексея IV. В 1204 г. императором стал Алексей V Дука, а бывший император начал строить разные интриги для возвращения себе трона. Он начал действовать против своего затя – никейского царя Ласкаря. Но Ласкарь одержал верх. В 1210 г. старый император был привезен в Никею и пострижен в монастыре Иакинфа, где и окончил свою жизнь в 1211 г. (Ф. И. Успенский, История Византийской империи, III, М.-Л., 1948, с. 548-549).

[76] «...войско из Западной Грузии...» – в грузинском тексте использован термин «залихские», от названия Лихского хребта, который, протираясь с севера на юг, делит Грузию на западную и восточную части.

[77] Лазика – Лазия груз. текста, подразумевается Чанети (на южном побережье Черного моря), на территории которой была основана Трапезунтская империя.

[78] Здесь перечислены пункты Трапезунтской империи: Лимон – крепость Лимния на Черноморском побережье Малой Азии; Самисон – Самсун в Малой Азии, на Черном Море, древний город Амис; Синоп – портовый город на Черноморском побережье Малой Азии; Керасунт – город в Малой Азии, на Черном море, между Трапезунтом и Самсуном; Китиори – город в Малой Азии, на Черноморском побережье, западнее Трапезун-

та; Амастрида – город в Малой Азии, на берегу Черного моря, западнее Синопа; Араклия – город Ираклия в Малой Азии, на берегу Черного моря, западнее Амастриды.

79 Второй историк Тамар, называя Алексея Комнина, первого императора Трапезунта, родственником царицы Тамар, вероятно, имеет в виду следующее обстоятельство: дочь Давида Строителя Ката была замужем за одним из представителей дома Комнинов.

80 Имеется в виду первый император Трапезунтской империи Алексей Комнин. Наш историк его считает сыном Андроника Комнина. На самом деле Алексей был не сыном, а внуком Андроника (об ошибке нашего историка в этом вопросе см. статью А. Г. Гамкрелидзе, Дата Басианского сражения. – В сборнике: «Вопросы истории народов Кавказа», Тбилиси, 1966, с. 251; на груз. яз.). У Андроника было два сына – Мануил и Иоанн. Дети Мануила – Алексей и Давид пребывали при дворе царицы Тамар. Именно этот Алексей и стал императором Трапезунтской империи.

81 Андроник – дед трапезунтского императора Алексея Комнина; сын Исаака Севастократора, внук императора Алексея I Комнина (1081-1118). При Георгии III, когда в Византии царствовал его дядя Мануил I (1142-1180), посетил Грузию с семьей, принимал участие в некоторых сражениях грузинского царя. В 1182 г. стал императором Андроником I. В 1185 г. был свергнут и убит, при этом погиб и его старший сын Мануил, дети которого Алексей и Давид прибыли в Грузию к царице Тамар. Впоследствии Алексей стал императором Трапезунта (Ф. И. Успенский, История Византийской империи, III, М.-Л., 1948, с. 221).

82 Франки – грузинские источники обычно франками называют вообще жителей Западной Европы (в данном случае подразумеваются крестоносцы).

83 В грузинском тексте – Боргалети.

84 «...на 23-м или 24-м году...» – по Ибн ал-Асиру Карс был присоединен к Грузинскому государству в 1206-1207 гг. Армянский историк Вардан датирует это событие 1206 годом (Б. Силагадзе, Некоторые вопросы истории Грузии. В сборнике: «Грузия в эпоху Руставели», с. 117). Подтверждают эту датировку и показания второго историка Тамар: 23-й или 24-й год царствования царицы Тамар приходился на 1206 или 1207 гг.

85 «...включив в пределы...» – для управления негрузинскими областями практиковались два вида включения новых областей в состав Грузинского государства: непосредственное присоединение (включение в состав коронных земель) и феодально-вассальная зависимость. Феодально-вассальная зависимость у нашего историка выражается словом «отдать» («ганцема»), а непосредственное присоединение – словами «включение в пределы царства» («самепод дачера»).

86 Рахс – река Аракс.

87 Спери – область в верховьях р. Чорох.

88 «...за 17 лишь лет...» – присоединение г. Кари имело место в 1206-1207 гг. Непонятно, что именно подразумевает автор в данной фразе, что именно произошло «за 17 лишь лет» до этого события. Ф. Жордания считал, что автор в данном случае имел в виду все годы пребывания на престоле Грузии царя Давида Сослана (1189+17=1206) («Хроники», I, с. 196). И. А. Джавахишвили предполагал, что в цитируемом месте текста недостает обозначения десятков – вместо «атчвидметса» (17), там стояло бы «[оцда]атчвидметса»=(37). Цифра 37 будто бы обозначает всю жизнь царицы – от рождения до взятия г. Кари в 1207 г. (1170+37=1207).

89 Верхние края (груз. «агмарт») употреблено в смысле «южные края», а «верхние и нижние области», поскольку здесь речь идет о «внешних делах» царицы, по нашему мнению, обозначают Анийскую и Двинскую области.

90 «И снова взяли ее сюда, в Агары, в крепость» – крепость Агары являлась крупным укрепленным местом и резиденцией царей. Как установил Н. А. Бердзенишвили, крепость Агары древних исторических источников – современная Коджорская крепость. Крепость эта была воздвигнута на склоне гор, южнее г. Тбилиси, в ней располагалась летняя резиденция грузинских царей, поблизости находились и лесистые горы (по-груз. «дасо»), где царь со своим двором проводил лето. В этой крепости скончалась царица Тамар. С XV в. крепость Агары называется Коджорской крепостью (Н. А. Бердзенишвили, Из топонимики древнего Тбилиси, Вопросы истории Грузии, I, Тбилиси, 1964, с. 301-331; на груз. яз.).

[91] «Общее бессилие...» – этими словами начинается т. н. «Послесловие» или «заключительная часть» – спорная часть текста: одни полагают, что это окончание «Истории и восхваления венценосцев» (И. А. Лолашвили), вторые считают, что этот пассаж принадлежит тексту «Жизни царицы цариц Тамар» (И. А. Джавахишвили), третьи же предполагают, что это концовка какого-то третьего, не дошедшего до нас жизнеописания царицы Тамар (К. Григолия).

[92] Мтавары – владетельные князья.

[93] Кашаги – северокавказское племя.

[94] Здесь в отрицательной форме приведен восьмой стих пятой главы книги пророка Исаии: «Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле» (Исаия, 5, 8).

[95] Отрывок одиннадцатого стиха из 96 псалма Давида.

[illegible]

Басилий Эзосмодзгвари, Жизнь царицы цариц Тамар. Картлис Цховреба, чалашвилевский список (XVIII в., вторая часть – 1731 г.), Национальный Центр Рукописей, Тбилиси, Q-207, 290r.

СТОЛЕТНЯЯ ЛЕТОПИСЬ

Она, желанная, еще будучи во здравии, возложила венец на сына своего Георгия, коего именуют также Лаша. Было ему тринадцать лет, когда восприял он венец царский, и царица Тамар благословила его на царение. Когда же преставилась Тамар, было ему восемнадцать лет. Сыну своему она оставила царство, а роду же грузинскому – скорбь и горечь, стенания и траур, ибо заживо погрузились в ад присные Грузинского царства ее. Да, участь их была такова.

После Тамар царство наследовал сын ее – Лаша Георгий, который был мощен статью, лучник отважный, скорый в пиршестве, удалой и своеобычный. Но наипаче вознесся он ввиду того, что подчинялись ему все супротивники добродетельной и боголюбивой матери его, и оставила она царство безмятежное и мирное, и все окрестные обращены были в данников, как то – гандзийцы и порубежники их, нахчеванцы и горожане Карнуграда, и множество прочих являлось к нему с дарами и данью. В ту пору ликовал он, и была повсюду радость.

Но гандзийцы начали отлагаться, не стали носить дань царю. Узнав об этом, царь Лаша созвал всю рать Грузии, имеров и амеров, Мхаргрдзели Иванэ, которому матерью его Тамар была пожалована честь атабагства, ибо атабагство стало столь возвышенно, что оно уже превзошло иного эристава. Так он был визирем царского двора. И говорил царь: «Поелику блистательная и блаженная среди царей матерь моя поручила мне царство, всех супротивников отцов и пращуров моих сделала она данниками своими, то и поднесь они остаются покорными власти нашей. Ныне же атабаг Гандзийский поступает непозволительно, не платит нам подать. Я решил таким образом – отмщением ответить Гандзе и вам поручить сей труд. Мощью и споспешением вашим повергли блаженные отцы и пращуры мои мощь великих султанов. Нынче же примите почести и дары мои и ополчимся на Гандзу, дабы не навлечь на себя поругание прочих наших врагов. Споспешением Господним, предведомые Пречестным Крестом и отвагой вашей одолеем супостатов».

Как только царские вельможи выслушали все это сполна, возликовали и говорили и утвердили, а именно: «Великое утешение Господнее приумножилось нам, ибо обрели мы в тебе доблестного Голиафа, подобного Горгасалу и Давиду. В уповании на Господа и мощью вашею покорим ослушников царства вашего и устрашим всякое непослушание вам». Утвердили поход, и отправился на разорение Гандзы самолично царь с воинством обильным. Не в силах оказались гандзийцы противостоять, и разорили страну Гандзийскую, взяли полон и добычу немеренно и подступили к городу Гандза, обступили его извне и сражались много дней, и день ото дня группами выступали из врат крепости в схватку, и с сей, и с той стороны сражались отборные (воины).

Тогда решил царь обогнуть город с малой дружиной и когда обошел его с низин, со стороны Куры, проведали о том жители Гандзы, вооружились они исправно, и было вооруженных, примерно, десять тысяч человек. А у царя было около четырех тысяч мужей, среди них большинство месхов,

ибо отдельно стояли мхаргрдзельцы, отдельно эр-кахи и сомхитары[1], картлийцы и торельцы; отдельно абхазы, Дадиан-Бедианы и залихцы во взаимном согласии.

Когда явился царь, (а гандзийцы) прознали об этом, отверзли врата и подобно зверям ринулись на (него). И глянул царь Лаша на число их несметное с сердцем бесстрашным, ободренным ратью его, а воины его, обрекшие себя сложить головы за царя, говорили: «В этом смертельном подвиге да обречем мы головы наши на погибель и не посрамим тебя в первом твоего царения сражении». И стремглав схватились с врагами, и произошла битва удалая и вельми жестокая. И была предана острию меча большая часть отборных гандзийцев. Царь Лаша самолично, отважно и мощно, ринулся вперед, сам – Голиаф, дланью удачливый и руками голиафскими; рядом с ним в авангарде мощно сражались первородный сын Кваркваре Джакели – Бибила Гурклельский, Боцо – сын Боцо и брат Мемны, ибо они были размещены во главе (рати). Как только ощутили гандзийцы их отвагу, стремглав бежали с глаз долой, и преследовали их до самых ворот Гандзийских, лишь немногие достигли города, большинство же их захватили в полон, а некоторые были истреблены.

Свидетели сего жены истошно колотили груди свои и срывали с себя плат вместе с волосами и возвысили вопли и стенания. Слыша это ото всюду, осаждавшие (город) воины вместе с передовыми и именитыми предводителями направились к царю и обратились к нему с решением воинов и их главарей не выступать ему в (в качестве) воина и не стоять царю у врат (крепости). Царь, надежно защищенный Господом, спешился и просил о милости за содеянное им по своему невежеству. Таким образом с радостью вернулся в свой стан. И целую неделю продолжались ликования и одаривания воинства.

Атабаг Гандзийский оказался столь стесненным, что молил установить ему прежнюю хараджу; услышав об этом, царь вернул ему пленных с богатствами и множеством даров, драгоценными каменьями и жемчугами, златом и серебром.

Пришел царь в Тбилиси и преисполнил Грузию дарами, ибо был он щедр паче всех царей грузинских и независтлив ни к кому, богомолец, постник, правотворец и милосерден. Но впоследствии склонился ко злу, подавшись к бесчинным людям. Как писано о Соломоне, которого совратили жены, точно так же и его совратили эти безнравственные люди, как можно о том познать из нижеследующих слов. Как стал праздничать с винопийцами на пиршествах, склонился ко злу, как писано об израильтянах: «И сел люд тот есть и пить и стали плясать».

А хмельные игрища и бесчинства и чревоугодие свели его с ума пуще всякого порока, отринул он визирей, наставников чинных блаженной царицы и нравоучителей царских; окружил себя пьяными сверстниками и беспутными женами и достиг такого безобразия, что часто и обильно возлиявшего забирали с собой пребывавшие в Тбилиси винопийцы, чтобы пресытить там мерзость свою. А раз пьянчуги, не помышлявшие о приходе царя и обезумевшие от вина и медовухи, напали на него и сильно колотили его, покуда одного его глаза – правого – не лишили.

Узнав об этом, грузинские вельможи весьма опечалились, а паче атабаг Иванэ и Варам Гагский, сын Захария, и отстранились от присутствия в Дарбази: «Мы не можем терпеть царения твоего, покуда не откажешься от общения с лютыми людьми и дурных правил, коим следуешь». Царь же раскаялся и твердо зарекся впредь не творить ничего помимо их совета. И хотя он и выполнял обещание, но враг незримый крепчал; не сумели убедить его вступить в супружество, как того требует горение страсти в отношении женщины. Придя в Кахети, в одной из деревень –

Велисцихе – узрел женщину весьма благозданную и вдруг оказался пленен страстью и, позабыв о делах Давида и жены Урии, спешно привел ее к себе и страстно возлюбил. И зачала женщина и родила отрока, коего нарекли Давидом. Это тот самый Давид, который впоследствии, после великих испытаний стал царем, о чем будут свидетельствовать нижеследующие слова. Отрока сего он отдал на воспитание сестре своей Русудан, которая была единородной дочерью Тамар; меж ними была взаимная приязнь более, чем бывает (обычно) между братом и сестрой.

Так исправно и умиротворенно пребывал царь, и данники отовсюду поставляли его двору дары и подношения. С радостными устами являлись в царство его за достойными делами. Спускался вниз в Аджамети, охотился в Цхуми и Абхазии, справлял дела тамошние; в пору сбора винограда приходил в Тбилиси, а на зиму останавливался у Врат Армении и оттуда вел бои с гандзийцами. Летом поднимался в верховья Куры, останавливался в Кола; и предстояли пред ним данники из Хлата и Греции.

Пребывая в этакой беспечности, он не желал вступления в брак. По этому случаю собрались католикосы, епископы и визири, доложили: «Негоже, что при тебе наложница, но не супруга; как пишет апостол, уста Христовы – Павел: «Брак свят и ложе безупречно. Но прелюбодеи и прелюбодеяние осуждены Господом». Но царь не желал того и не внимал им. Удалили женщину ту, мать Давида, и вернули ее мужу. Однако и после этого он не вступал в брак, но оставался в безбрачии. Ибо был сей Лаша смелый, ладно скроенный, мужественный, дерзкий, заносчивый, самоугодный, своенравный, как о том уже сказано мною, щедрый, лицедей, пристрастный к вину и чревоугодник. И был мир в царстве его, но пристрастился он к пиршествам и чревобесию, о чем пишут Отцы: «Суть три причины страстей, от которых рождается всякое зло: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие. Их первенцы суть – блуд, прелюбодеяние, гневливость, злоба, тщеславие, дерзость, гордыня. Из этих зол проистекают плотоядие, воля к бесчинной страсти, что описывать одно за другим нет достаточного времени, как глаголет Пророк: «Ел Яков, пресытился, утучнился и оставил Господа, Творца своего, и отпал от Бога, Спасителя своего».

То же произошло в среде рода грузинского, ибо пресытились и предались утехам, бесчинно склонились к прелюбодеянию и пьянству люди безрассудные, недостойные пребывать при дворе царском, однако и ныне в нем пребывающие. И потому что обоим католикосам и вельможам царства сего, а паче атабагу Иванэ было в тягость все это, не желая быть присно меж ними, они удалились и замкнулись каждый у себя. По этой причине возникло обилие грехов и разорение Грузии, о чем будут свидетельствовать нижеследующие слова.

Повесть о Чингиз-каэне, или как явился он в Стране Восточной

В стране Солнечной на Востоке, которую именуют Чин-Мачин, явились люди некие из местности дивной, именуемой Каракурум, чуждые ликом, нравами и внешностью. Ибо в древних книгах где-либо не найти повести о них, потому как суть они чужды по языку, чужды обличьем, чужды бытом; не знали вкуса хлебного, но мясом бессловесных питались. Однако были телом совершенны,

плотью дородны и мощны ногами, прекрасны и белолицы, с глазами узкими и карими, удлиненными и яркими; большеглавые, с волосами темными и частыми, плосколобые, с носами настолько низкими, что щеки возвышались над носами и были видны лишь маленькие ноздри; губы малые, зубы ровные и белые; совершенно безбородые. Такие необычные имели они лица. Но не дивитесь никто тому, что все они – и мужи, и жены – обладали какою-то дивной внешностью. Вместе с тем обрели они мужество и были лучниками избранными, безупречно метавшими из своих тугих луков тяжелыми стрелами, удара которых не выдерживали никакие доспехи. Особенно ловки они были на лошадях, ибо на лошадях они вырастали, не знали доспехов, кроме лука и стрел.

Так были дивны эти люди, что, глядя на них, можно было признать их безумными. Однако всякая мудрость обретала среди них, и обладали они разумом полным, малоречивые, слова лживого не было среди них нигде. Не было у них подобострастия пред ликом человека: ни пред великим, ни пред малым даже на совете, ибо владели добрым порядком, сотворенным Чингиз-каэном, говорить о чем подробно стало бы долгой речью.

Была в законе у них вера и почитание единого бога бессмертного: они обращали лицо к солнцу на восток, трижды преклоняли колена, трижды кланялись, концом среднего пальца касались ладони и прищелкивали, и более ничего.

Угуры же были служителями идола, которого называли Кунджитом. Обрели они письмо с малым (числом) букв, ибо пишут они книги, имея (в алфавите) шестнадцать букв, которые просты для изучения и легко понимаемы. Они же создали в виде хроникона (цикл) двенадцать лет по названию двенадцати бессловесных тварей и каждую бессловесную тварь (ставили) во главе каждого года, как некогда в древности мудрые эллины (создали) двенадцать зодиаков, что суть звезды и созвездия солнца и луны, и каждому из этих созвездий отвели по тридцать солнечных дней и не бессловесных, но знаки (зодиака); также (угуры) во главе каждого года отвели место по одному животному и по истечении двенадцати (лет) начинали заново. Достигнув двенадцатого года, вновь начинали счисление лет, которые называют так: Кулкунджил, Укурджил, Парсинджил, Тавлинджил, Луинджил, Могинджил, Моринджил, Кокинджил, Мечинджил, Таганджил, Нохинджил, Какинджил.

Таковы наименования двенадцати животных, каждому из которых отвели главенство над каждым годом и первым из них сделали Колгуна, которое есть Мышь, затем идут Корова, Леопард, Заяц, Дракон, Змея, Лошадь, Овца, Обезьяна, Курица, Собака и Свинья. Это имели они для счисления лет, как мы, грузины, хроникон.

В обычае же было у них поклонение единому богу, которого на языке своем именовали Тенгри. И начинали писать так: «Мангу Тенгри Кучундур», то есть: «Силою бессмертного бога».

Обходились они малым (количеством) пищи, ибо ели всякую тварь: плоть кошачью, собачью и всякую.

Племя их прежде, так же, как ныне, делилось на множество родов, из коих упомянем лишь двенадцать названий: первейший род – Сакиры, (затем) Хинди, Каты, Джалаир, Оирд, Сулдус, Нахимы, Конкард, Мангут, Тангуты, Каит и Угуры. Угуры же поклонялись идолу, которого называли Кунджитом. Они называли себя на языке своем «мангол», грузины же – татарами, коих представляю единым миром.

Но из рода Каитов, одного из племен, выделился человек по имени Темурчи, который есть Чингиз-каэн. Был он доброликий и красивый, статью рослый, с волосами чуть рыжеватыми, многосильный, храбрый, в бою отважный, искусный стрелок, глубокомысленный и в помыслах удачливый. Пошел он для получения даров и почестей к главнейшему их (рода) царю, именуемому ханом и коего называли Он-ханом. Как только узрел его (Темурчи), возлюбил его за достоинства, возвел его в великую честь среди всех ему равных знатнейших вельмож. Вручил ему предводительство своим войском и всюду были сокрушены ослушники и отступники, и отовсюду он возвращался победоносно к патрону своему, царю Он-хану. Он же возвел его (Темурчи) в великую честь.

Стали этому завидовать брат Он-хана Уткин и его же сын Колак, и донесли Он-хану, а именно: «Замыслил захватить царство твое, и именуют его уже ханом, то есть каэном». Тогда решил (Он-хан) убить его, но учуял Темурчи замысел сей, ибо осведомили его (об этом) два неких человека, которых звали: одного Колак и другого Бад, а именно: «Возжелал Он-хан смерти твоей».

И он бежал и с ним вместе двое тех людей. Пришел он в дом свой – юрту, поднял семью и шел один день и одну ночь. Затем, бросив домочадцев, вещи и стада, подошел к берегу той самой реки, которую называют Бладжун, несколько удалил свою дружину и удалился в некое ущелье.

Но проведал Он-хан о бегстве Темурчи, стремглав пустился за ним и нагнал домочадцев его и стада. Захватил пленных множество, и нагрузилось добычей войско его. Тогда нагрянул Темурчи на все воинство Он-хана. Произошла битва мощная и жестокая, было истреблено с обеих сторон неисчислимое (множество людей) и одолели Он-хана, пустились в погоню, схватили и убили Он-хана. Стремглав нагрянул на домочадцев Он-хана, прибрал к рукам все богатство его, жену его и детей, кроме старшего сына Он-хана – Колака.

И воссел на престол Он-хана и нарекли Темурчи именем Чингиз-каэн.

Вслед за этим вступил в сражение против царя конгардов Алтухана, одолел и умертвил его, и овладел царством его. Затем сын Он-хана Колак пришел к некоему Горхану и (вместе с ним) воевал против Чингиз-каэна. Он же (Чингисхан) вступил в бой против Горхана, одолел его, убил Горхана и подчинил войска Горхановы.

Вслед за этим двинулся он на уигуров, тех, что именовали царя своего Едутом. В ту же пору эмиром у уигуров был некий Сарчук, дивные дела которого сказочны да и суть сказки и поганны, и потому говорить о них неуместно. Но Чингиз-каэн смилостивился над ним, держал его в уважении, прибрал множество татар и подчинил их, подчинил он также каркитов.

И как только он устроился над татарами, явился некий дивный человек, которого называли родом из Тебтунов. Он предстал перед каэном и сказал следующее: «Я пойду на гору ту, что называют Балик: слышу глас Божий. То велит Бог: отдаю Темурчи и воинам его все земли и да будет ему именем Чингиз-каэн».

Но было сказано и то, как Чингиз-каэн взошел на гору высокую и явился ему владыка Иисус Христос, Бог всех, и Он научал (Чингисхана) праву, вере, невинности и истине, неприятию лжи, воровства и всякого прочего зла и говорил: «Ежели запомнишь эти заповеди, и все земли и племена будут отданы тебе. Иди и забирай все земли, какие только тебе под силу».

Став каэном, пришел он в Хатаети и вошел в церкви, узрел образ Спасителя Иисуса Христа и тотчас поклонился ему и сказал: «Вот муж, которого видел я на горе Чинетской, был он такого же лика и научал меня всем законам этим». И возлюбил Его Чингиз-каэн, благословлял его и все

заповеди, данные Им, твердо блюл. Затем воевал против хатаетского хана Арслан-хана и одолел его. Захватил двести тысяч его людей и казнил их. Узнав об этом, Арслан-хан вошел в дом свой с женой и детьми и повелел слугам своим поджечь тот дом. Они и свершили то. И сгорел в огне том Арслан-хан с семьею своею. Вошел Чингиз-каэн и воссел на престоле его и покорил Хатаети. Так и есть по сю пору.

Теперь же упомянем малость о детях Чингиз-каэна

У сего Чингиз-каэна было множество жен, а также детей. А старшая жена Севинджи[2], родила ему сына, которого звали Туши и коего грузины именовали Джочи. Второй – Чагата, третий – Окота, четвертый – Тули. Сих четырех пребывающий в Хатаети определил каэнами. Старшему – Туши – дал половину (собственного) воинства и отправил в Великую Кипчакию, Овсетию, Хазарию и Русь до (земель) Мрака. И все это отдал он данному (сыну), а о прочих (его детях) упомянем потом.

И так, узнав о том – приближении татар, – высокий и величайший из всех царей – хорезмшах, который в ту пору по обилию дней своих был преклонных лет, а султанство и бразды правления владениями находились в руках сына его Джалалдина, владевшего (страной) от Джеона, Хорасаном и Ираном, призвал он (Джалал-ад-Дина) со всем его войском в шестьсот тысяч человек и двинулся на Чингиз-каэна.

Тот же выступил супротив хорезмшаха. Разразилась битва мощная и жестокая, в которой с обеих сторон было побито несчетное множество (людей) и были одолены хорезмийцы.

Но престарелый хорезмшах со своим небольшим отрядом оставался в рядах (сражавшихся), и окружили его татары. Видя это, сын его – султан Джалалдин – муж доблестный и храбрый, мужественный и бесстрашный, словно бестелесный, силач отменный и дивный в боях, с малочисленным отрядом пришел на выручку к отцу, мгновенно подхватил его, и бежали оба в Хорасан.

После этого вновь и неоднократно бился Джалалдин (с татарами), а именно – трижды ввязывался с ними в бой за Джеоном и четырежды в Хорасане, по сю сторону Джеона. И так, из-за грехов наших Господь предал страну нашу татарам, был он осилен сполна и изгнан. Узнав о бегстве и сокрытии его в крепостях, Чингиз-каэн отправил (в погоню) за ним двух предводителей – Иаму и Салпиана, коих грузины именуют Себа и Джебо. Велел им пройти земли Хорасана и Ирака и, покуда хватило бы сил, разведать те страны. Двинулись же они с двенадцатью тысячами всадников, без доспехов и снеди, но только с луками и без мечей.

Прошли Туран, Джеон, Хорасан, Ирак, Адарбадаган[3] и достигли Гандзы[4]. И никто не противостоял им. Кто бы где ни явился, побеждали всех. Достигли пределов Грузии, приступили к опустошению земель Гаги. Проведали об этом Варам Гагский и атабаг Иванэ и сообщили царю Лаше о вторжении чуждых племен, чуждых языков, опустошении Сомхити. Царь же созвал войско свое и собрал девяносто тысяч конников. Двинулись на татар, стоявших в окрестностях Гаги. Затем примкнули к ним с большой ратью атабаг Иванэ вместе с племянником Шаншэ – сыном своего брата амирспасалара Захария, мсахуртухуцесом Варамом Гагским, и выступили.

Они же (татары), стоявшие лагерем на берегу Бердуджи, ныне называемой Сагимом[5], мигом оседлали коней и вступили в схватку. И разразилась битва жестокая. Половина татар бежала, а (другая) половина скрылась в засаде и нагрянула с тыла. И тут постиг нас гнев Всевышний за безверие и прегрешения наши, и бежали грузины и воины их, и сам царь Лаша[6], и погибло несметное число душ христианских. В бою этом великий атабаг Иванэ – самцхийский спасалар – еле спасся живым, и был убит сын мечурчлетухуцеса Кваркваре – отменный воин Бека. И тут постиг нас гнев Божий сполна и обрек племя грузинское из-за обилия безверия нашего, и отвернулось счастье от победоносного, великого и славного дома Давидова, ибо по сю пору многомилостивый и предопределяющий судьбы Господь даровал высоко осчастливленному дому Давидова победы, и победоносный род Давида и Горгасала не ведал поражений. Но отныне, ввиду превратности судеб племени грузинского, не далась ему победа над татарами до самой поры нашей. И они, (некогда) славные и могущественные, (ныне) беглые, достигли города. Силу и славу их сменили вздохи печальные, ибо поскольку потревожили мы Господа делами злыми, постольку наполнил он сердца наши горем и посрамил нас перед врагами нашими.

А татары достигли Самшвилде[7] и оттуда повернули обратно и содеяли нечто дивное: пошли по дороге Дарубандской[8], и потому как не смогли противостоять им ни ширваншах[9], ни дарубандцы, прошли Врата Дарубандские и вступили в Кипчакию[10] и навязали (здешнему населению) бой, и во многих местах бились с ними кипчаки, но повсюду одолели татары и так с боями удалились. И как я уже говорил, без доспехов и на некованых лошадях, проделав подобный путь, пройдя Кипчакию и обогнув море Дарубандское, достигли Каракурума и предстали пред царем своим Чингиз-каэном. И поступили они столь необычно – прошли все пути-дороги, выйдя из Каракурума, и без роздыха да на некованых лошадях вновь в него же вернулись.

Узнав о том, что татары одолели повсюду, Чингиз-каэн отправил сыновей своих на розыски хорасанского султана Джалалдина. Проведав об этом, султан Джалалдин собрал войско и многократно вступал в схватку, как о том я говорил. Но почуяв полное бессилие свое, снялся с места со всеми домочадцами своими и в сопровождении ста сорока тысяч воинов со всеми их домочадцами бежал от погони татар, и направились они в страну нашу, о чем будет поведано в нижеследующих словах.

Преставился царь Лаша, поскольку не усмирился гнев раздосадованного нами Господа многомилостивого и добродетельного.

Чуя наступление кончины, царь Лаша призвал вельмож именитых царства его и доверил им сестру свою Русудан, со слезами говоря: «Ведома мне рода царского безупречная преданность вам, присным Грузии, и, уповая на Бога, поручаю вам сестру мою Русудан, дабы по мне вы ее сделали государыней, как повелось то в обычаях ваших предков. Служите ей верно и мужеством вашим защитите престол царский от злобы вражьей. Да пусть она не мужчина – женщина, но не лишена мудрости и знаний государевых дел. Вам же знатным царства сего, ведомы и памятны милость, щедрость и почести блаженной и добропамятной, блистательной среди царей матери моей. Да и сестра моя, ежели на то будет воля Божья, удостоится вашей почести. Ныне молю вас пред Богом сделать ее царицей, преемницей моей. Сестре же моей Русудан я пред Богом во всеуслышание ваше поручаю вырастить сына моего Давида и, когда ему будет посильно править и станет воином, пусть сделает царем Давида, поставьте его государем и наследником царства

моего. Хотя он и отрок покуда, но ежели Господь даст ему взрасти, думаю, что станет достойным царения, ибо телом от статен и прекрасен ликом».

Завершив свое повеление, упокоился тот, по ком остались скорбь и печаль несказанные. И была в трауре сестра его Русудан многие дни, и понесли его в усыпальницу царскую Гелати.

II

По преставлении царя собрались все именитые царства его, имеры и амеры[11], оба католикоса и епископы, от Никопсии[12] до Дарубанда, все пребывавшие в подданстве его, и признали государыней Русудан[13], возвели ее на престол государевый и по чину поздравили ее с воцарением.

Была Русудан обличьем благозданна, как и блаженная матерь ее, незлоблива, щедра, человеколюбива, почитательница людей благонравных. Она устроила с миром все подвластное ей правление, и преисполнилось всякого блага все царство Русудан.

Но стали проявлять ненасытность и праздность люди всякого рода, ибо все обратились ко злу. И потому как запамятовали они Господа, Господь подверг их непристойным надругательствам и избиению со стороны язычников. Ибо царица Русудан восприняла обычаи брата своего и предалась праздности и развлечениям, отчего и дало всходы великое зло.

Потому как вышеназванный султан Джалалдин изменог в борьбе с татарами, обратился он к своим воинам и сказал: «Известны вам и памятны, марзпаны наши и эриставы, добро и милость пращуров моих. А ныне ведомо вам, что постигло меня и вас от чуждых татарских племен. Мы многократно вступали с ними в бой и приложили много труда, но по Промыслу Божиему нас повсюду одолели. Теперь же он (Чингисхан) подступил к реке Джеон и отправил в бой сына своего первородного. И вот решение мое: поскольку Бог одарил его победами, то по желанию вашему оставим страну сию и, взяв с собой домочадцев своих, состояние и стада, двинемся в Грецию и обоснуемся там. Ибо татары хотя и одолели нас, мы же одолеем все прочие племена. Кто же соблаговолит – да примкнет к нам, а кто не изъявит на то желания – пусть останется у себя, ибо воля каждого да пребудет во веки».

Слово это все решили принять и, забрав с собой домочадцев и все свои состояния, выступили и дошли до Адарбадагана в количестве около ста сорока тысяч человек и достигли владений Мхаргрдзели, ибо атабаг Иванэ держал (город) Двин, а Ани был отдан племяннику его по брату – мандатуртухуцесу Шаншэ. Хорезмийцы оные явились на третьем году по преставлении Лаша-Георгия с целью разорения и захвата земель и населения Двина. Проведав о том, атабаг Иванэ и Варам Гагский явились пред царицей Русудан и доложили ей о появлении хорезмийцев и лично великого султана Джалалдина на погибель христиан. Сокрушали они столь немилосердно, что не щадили ни жен, ни младенцев.

Когда же Русудан узнала о вторжении хорезмийцев в ее царство, созвала юное воинство, амеров и имеров, развернула царское знамя и призвала преклонного атабага Иванэ, в ту пору не явно, но тайно постригшегося в монахи, мужа по сю пору разумного и добродетельного. Утвердила

царица Русудан его предводителем своей рати и, вручив ему знамя свое, отправила на войну против султана Джалалдина.

Затем достигли они Двина и Амберда. Разбили хорезмийцы лагерь в селении, что именуется Гарни, и когда выступило войско царицы, двинулся султан Джалалдин. А атабаг Иванэ спешно выстроил воинов царских, имеров и амеров, определил передовым воинов из Тори и двух братьев – Шалву и Иванэ из Ахалцихе[14] – бойцов славных, в доме которых (спокон) повелось быть предводителями воинства.

Когда же сошлись воины (грузинские) и султан, атабаг Иванэ уперся. Говорят, а именно, – из зависти к ахалцихцам Шалве и Иванэ. О, зависть! – начало всякого зла, жестоко истребляющая род человеческий и ранящая всякие племена! Как некогда подвигнула иудеев умертвить Господа, ныне вновь и со злейшим упорством и с бесчувствием во зле побудила к полному истреблению Грузии и, как явствует из нижеследующих слов, побудила атабага Иванэ стоять в стороне от битвы и не пособлять сражавшимся.

Выступившие вперед бойцы послали (к Иванэ) гонца со словами: «Мы приблизились к султану и отряду его, но нас много меньше, а бой предстоит суровый. Пусть спешно придут к нам отборные царские воины и отвага твоя». Так дважды и трижды отправляли (к нему гонцов), а он не давал им ответа. Но потому как сражавшиеся в первых рядах торельцы, а паче ахалцихцы Шалва и Иванэ были отважны в боях, их не смутила многочисленность войска султана и как хищники кидались (на врагов) и показали славную схватку; пало с обеих сторон бесчисленное множество. Но сражавшиеся Шалва и Иванэ мощно сокрушали храбрых и грозных (противников). А жестокий бой продолжался. Атабаг Иванэ и войска грузинские, взирая на жаркий бой, не пожалели христолюбивых сородичей своих торельцев и с ними многих славных (соратников), но стояли поотдаль. И не изволил пособить атабаг Иванэ, как говорят, из зависти, но не из малодушия.

Во время битвы под обоими братьями ахалцихскими поразили коней, но и пешими они сражались отважно. И пало с обеих сторон неисчислимое (множество воинов), но более всего торельцев. Когда битва ожесточилась пуще и мечи ахалцихцев поломались о шлемы (хорезмийцев), бежали грузины. Тут же большая часть (неприятелей) схватила Шалву, а Иванэ, скрывшийся в скалах Гарни, был убит сброшенным сверху камнем. Шалву же представили султану Джалалдину. Нахчеванцы и адарбадаганцы опознали его и поведали султану о его мужестве и ратных доблестях[15]. Он же не казнил его, но держал при себе в большом почете и даровал ему города в Адарбадагане и чтил его наравне со своими вельможами. Спустя год, однако, был казнен за отказ отринуть веру свою.

Атабаг Иванэ вернулся в Биджниси, султан же отправился в Адарбадаган и Нахчеван. И отсюда разорял он Грузию, опустошал и похищал людей, истреблял нещадно, и не было утешителя.

Спустя два года преставился атабаг Иванэ, а мтаваром сделали сына его Авага и пожаловали ему титул амирспасалара.

После этого величайшее зло охватило род грузинский, постигло нас полное сокрушение, ввиду обильной неправедности нашей. Ибо ополчился султан походом на Грузию, возжелав сделаться ее царем, явился и разорил все земли и всю область Двина, всю Ани, Армению: Гаги до (самой) Гандзы, Шанкор. Прежде того Шанкор и прилегающие к нему земли принадлежали Вараму Гагскому, мужу разумному и в боях заслуженному. Таковые смута и бедствия бродили.

В ту же пору царица Русудан привела сына (правителя) Тогрила в качестве заложника. Был он ладно скроен, в возрасте зрелом, совершенен статью, отважен и многосилен. Приглянулся он царице Русудан, и явила желание женить его на себе, что и исполнила. И сделала сына Тогрила супругом своим, от которого родилась дева, возвышенно красивая, и нарекла ее именем блаженной матери своей – Тамар. Затем вновь народили сына и нарекли его Давидом. Кроме того, растила она племянника своего Давида – сына Лаша-Георгия.

Когда подросла дщерь ее Тамар, проведал о благородстве и благозданности ее султан греческий Киасдин, отпрыск Нукрадина, и молил, (присылая) множество даров и подношений, выдать деву Тамар ему в супружество и положил клятву не понуждать ее к отречению от веры Христовой. Вняла царица Русудан и выдала дочь свою (Тамар) султану Киасдину в замужество, непристойное для христиан, да с большими почестями дала ей в приданое Ацкури.

А вышеупомянутые оные персы хорезмийские уже почти вступили в Грузию и разоряли ее земли.

Проведав о пребывании атабага и амирспасалара Авага в Биджниси, султан Джалалдин пожелал встречи с ним. Отправил к нему посланника со словами: «Ты являешься главой царских визирей и распоряжаешься в Грузии. Встретимся лично в сопровождении (каждый) по одному воину, ибо имею слово к тебе». Аваг принял то (предложение) и согласился на встречу. И оттуда также в сопровождении одного человека и во всеоружии (явился) султан в (один из) оврагов Биджниси. Сошлись вдвоем вплотную. Тут начал султан говорить слово: «Пришел я в Грузию не из (желания) опустошать ее, но ради мира и согласия. Однако вы спешно вооружились и сурово со мной схватились, и не стало мира. Ныне же выслушай меня, ты, знатнейший среди грузин и визирь царского двора: известны ли вам род мой, племя мое, величие и обилие царства моего и то, что ни одному владыке непосильно было равняться со мною? Я – сын высокого и великого царя хорезмшаха и под властью моею была Персия от Адарбадагана до Джеона и от Джеона до Индии, (а также) Туран, Хатаети, Чин-Мачин и весь Восток. Но по промыслу Всевышнего явились в стране Чинетской, в земле неведомой, называемой Каракурум, люди некие дивные с чуждым языком и с чуждым жизненным бытом, которые подчинили весь Восток и сокрушили множество государей. Царем своим они сделали человека дивного, глубоко сведущего в делах, отважного в бою, по имени Чингиз-каэн. И как только прибрал он к рукам Хатаети, я двинулся на него с войсками из Ирана, Турана, Персии, Туркмана и многократно сражался с ним по ту сторону Джеона, а последний раз и по сю сторону Джеона. Но покинуло счастье дом хорезмшахов, и всюду я был осилен. Когда же приумножилась мощь его, и понял я, что не стало более сил у меня, покинул я царство мое и пришел в Грузию в поисках мира и союза. Ведома мне твердость страны (вашей) и боевая отвага племени грузинского, и я желаю теперь объединиться с вами в твердой клятве и совместно бороться с врагами. Слышал я, что царствует над вами женщина, сделайте меня супругом ее и вашим царем, и одолеем мы всех врагов наших. Когда же вы не примите этого, да разорится царство ваше. И пусть я даже удалюсь, но татары-то ведь пришли, а противостоять им вам непосильно и не выдержите борьбы с ними. Отправь посланника к царице вашей и поведайте ей все сказанное мною, а именно: не желаю я разорения Грузии, но защиты ее от врагов и при вашем содействии – моего усиления, и будем в мире».

Выслушав слова султана, Аваг не ответствовал ему, но сказал: «Я поведаю о словах этих царице и визирям ее». Спешно отправил к государыне гонца и сообщил сказанное (хорезмшахом). Как только достигли (царицы и визирей ее) то предложение и прочие послания, диву далась царица, необычным было для нее дело сие. Сообщили Авагу не внимать делам его и напрочь их отклонить. И Аваг тут же сообщил обо всем султану; тот же, узнав об этом, снялся с места и с боем двинулся на город Тбилиси в намерении завоевать его.

Узнав о наступлении султана, царица Русудан снялась и отправилась в Кутатиси, а защиту Тбилиси поручила войску во главе с братьями Боцо и Мемна – сыновьями Боцо. Вторгся султан в Сомхити и разорил ее сполна; пали жители ее от острия мечей. И затем (хорезмийцы) подступили к Тбилиси.

Защитники города вооружились и дали жестокий бой, показали грузины блестящую битву. Но затем (в одну) из ночей тбилисские персы отправили человека к султану Джалалдину (и обещали) предать город изнутри, отворить ворота, к которым они будут приставлены, и поднять внутри мятеж. С рассветом вновь вооружился султан в уповании на предательство персов. А защитники города – не ведавшие об этом сыновья Боцо – Мемна и Боцо, – не подозревая о том, вооружились и отправились к вратам Гандзийским и, собираясь произвести вылазку, стали надевать шлемы. (В это время) некий перс большим и плоским мечом с силой ударил Мемну по непокрытой голове, раскроил ее, и (Мемна) тут же пал замертво.

И вспыхнула внутри война, ибо в крепости восстали персы тбилисские и отверзли врата Тбилиси. И как только стало в городе (явным) предательство изнутри, бежали защитники города в Исани. Боцо-сын укрепил Исани и вступил в жестокую схватку.

Боль сердца моего не дает мне молвить о том, что натворили хорезмийцы в городе. Кто бы вынес слова, об этом сказанные, и испытания, что постигли христиан от язычников?

Здесь мне хотелось бы замолкнуть, ибо с болью в сердце повествую, как нещадно они распоясались, отрывая от грудей материнских младенцев и пред матерями разбивая их о камень; у иных вышибали глаза и мозжили головы и затем умерщвляли матерей; старцев на улицах затаптывали копытами лошадей, зарубали юнцов, и текли кровавые реки, человеческие мозги – женщин, старцев и младенцев, волосы и кровь, головы и отсеченные части тел, кишки растоптанные и затоптанные лошадьми – все было перемешано. Не являли милосердия, предавали смерти отсечением плеч, опрокидыванием навзничь и распарыванием живота.

О, вопиющий недуг да слезы зычно голосящие! Звуки криков и истошных стенаний сотрясали город, ибо большинство народа согнали, словно овец, и видели одни любимых чад, другие братьев и отцов, жены – мужей, мужья – жен, в бесчестии преданных на погибель, затоптанных конями и на улицах терзаемых псами, лишенных права на погребение. Оскверненные церкви и пречистые жертвенники, а благочинные священники, в церквах заодно с образами и крестами истребленные.

Постигла нас беда, подобной которой вовеки не писано в книгах древних, сравнимая разве только с полным сокрушением Титом и Веспасианом Иерусалима иудеев, распинателей Христа. Говорит о том хронист и повествователь Иосиф Флавий, поведавший о погибели иудеев, об истреблении тогда лишь голодом и мечами трех миллионов мужей. Подобное тому обрушилось на город Тбилиси в пору нашествия сих сарацин.

Поскольку в городе не было ни сил, ни надежды на спасение, царица Русудан отправила к Боцо и другим защитникам города повеление оставить Исани и отступить. С трудом царица Русудан убедила Боцо покинуть (Исани), потому как многократно отсылала им грамоты с разрешением того, как пишет о том Старец Мгвимели.

И так, прибрав к суровым рукам город, султан вновь начал творить супротив христиан деяния злые из злейших. Он столь нещадно сокрушал, что улицы, ущелья и рвы наполнились убиенными и большую часть трупов побросали в Куру. Это не утихомирило его, лжеверного и гнусного. Он изобрел иное зло, о котором упоминать мне постыдно, ибо скорбь и слезы одолевают меня за немилосердно разгневанного нами милостивого утешителя Господа: стал Джалалдин разрушать церкви, разворошив их до основания; дерзнул и поднял руку на Сион, дабы разрушить купол его, замыслив на его место положить гнусное свое седалище, приложив (к куполу) для восхождения помост высокий и пространный. А к этому присовокупил и то, что образы Господа нашего Иисуса Христа и Всесвятой Богородицы, что были собственностью Сиона, повелел принести и на тот помост возложить ликом ввысь. И силой понуждал всех покоренных – мужей и жен – попирать святые образы и отвергнуть веру, а тем, кто отпирался, отсекал головы. Во исполнение этой воли приводили мужей со своими женами и силой понуждали выполнять то. Многие же выказали блестящее сопротивление и неповиновение в поругании святых образов и отречении веры. Множество мужей и жен нашел (Джалал-ад-Дин) доблестными, принявшими венец мученичества, и число их по обилию не сосчитаемо, ибо мнится мне, что число то достигло ста тысяч убиенных.

Итак, опустошив Тбилиси, стали громить, полонять, побивать и истреблять Сомхити, Камбечиани и берега Иори, Картли и Триалети, Джавахети и Артани, часть Самцхе и Тао, Карнифору и прилегавшие к Аниси земли.

И длились эти беды и ниспосланный свыше гнев в течение пяти лет, ибо поначалу два года громили страну, а пять лет простояли в городе и разоряли земли вышеописанные (захватчики). Не стало строений, кроме крепостей и укреплений, ибо страна Грузинская была отдана на разор в силу того, что цари и мтавары отрешились от правосудия, милосердия, любви, справедливости, а взамен обрели высокомерие, коварство, зависть, злобность, хищение, ненависть, сребролюбие, убийство, блуд и, как глаголет апостол: «Горе тем, кто стал на стезю Валаама» и творят дела содомские, потому как люди всякого возраста, старцы и юнцы, от мала до велика обратились ко злу. Ибо наступили недуг и страдания Содома и Гоморры, и Господь Своей мощью предал их жестокой погибели, потому как обречены мы Богом, нами позабытым и справедливо нас не помнящим. Разорилась страна Грузинская, разорилась от самого Лихи, и, как говорит пророк Исайа: «О, горе роду неправедному, народу, что полон греховности, злобные племена, отпрыски безверных; отвергли Владыку и разгневали святого оного Израиля. К чему вы уязвляете себя и присовокупляетесь к безверию, подвергаете головы свои недугам и сердца стенаниям и вновь от пят и до темени; нет в том печали, жизни ни страданий, ни раны опухающей; нет елея целительного ни масла, ни повязок. Страна наша опустошена и город ваш сожжен пламенем; деревню вашу пред вами съедят люди чуждого семени и разорены они и повержены народом чуждого семени. И остались дщери Сиона, словно агнцы в винограднике и словно овощное хранилище, и словно город осажденный. Ежели бы бог Савоаф оставил нам семя, то обратились бы мы в (людей) Содома и уподобились бы (людям) Гоморры».

Но пребывавшей в горе неутешном стране Грузинской явились и иные величайшие тяготы судьбы. А потому возобновим прерванную выше повесть.

Царица Русудан, стесненная этими трудностями, пребывала в Кутатиси и во всей Абхазии[16]. И как стало сыну ее Давиду пять лет, возжелала она сделать его царем. И как заведено у любителей мирских (удовольствий), возлюбила она преходящий мир, запамятовала страх Божий и любовь брата, замыслила дела, возмутительные для всякого, потому как вышеупомянутого племянника своего Давида, что по завещанию брата ее Георгия был поручен ей и взращен ею, тайно отправила в Грецию к дочери своей и зятю Киасдину, дабы погубить племянника и оставить царство своему сыну в безопасности и безраздельно.

А как предстал Давид пред султаном и отцовой племянницей – дочерью Русудан – Тамар, которую султан называл Гурджи-Хатун, узрели его и возлюбили, держали при себе в почете, а царица Гурджи-Хатун добродетельно обращалась с юношей – своим двоюродным братом Давидом и не внимала убийственному повелению царицы Русудан. Так что, Давида чтили весьма.

И как только (Русудан) отправила племянника в Грецию, созвала воинство свое абхазское, Дадиан-Бедианов, эристава Рачинского и католикоса Абхазии. Посадили царем Давида, сына Русудан, благословили в Кутатиси и возложили ему венец; возвели на царский престол и по обычаю поздравили с воцарением, а католикос исполнил чин миропомазания.

А царству (по сю сторону Лихи) было недосуг из-за хорезмийцев, потому как мандатуртухуцес Шаншэ пребывал в Аниси, а амирспасалар Аваг – в Биджниси, а также Варам Гагский, эры и кахи, сомхитары, картлийцы, торельцы, шавшийцы, кларджийцы, таойцы – все они жили в крепостях, каждый в повиновении царице Русудан, но несподручно им было присутствовать на венчании Давида.

Тут вернемся к прежде упомянутому Чингиз-каэну. Как только татары достигли страны нашей, гонимый султан Джалалдин бежал и покинул царство свое. (Татары) легко прибрали к рукам Туран, Турцию и весь Хорасан. И поделил (Чингисхан) на четыре (части) воинство и определил четырех сыновей ханами:

первородному – Туши – вручил половину воинства и отправил в Великую Кипчакию до (страны) Мрака, Овсетию, Хазарию, Русь до боргаров и сербов, ко всем жителям Северного Кавказа, как о том говорено мною;

второму же сыну – Чагате – отпустил воинов и страну уигуров до Самарканда и Бухару до страны Алмотской; это, кажется, Туран;

третьему сыну – Окоте – дал, собственно, престол свой, а также Каракурум, Чин-Мачин, страны Эмелийскую, Кутакскую и Хатаети;

четвертого сына звали Тули; ему он выдал войско и земли к востоку (от владений) Окоты.

Сих четырех определил ханами и уведомил: раз в году братьям старшим являться к Окоте для созыва Курултая, так как престол был отдан Окоте.

Итак, устроив сыновей, пришел в Туран и отправил сына своего меньшого Тули в Хорасан для разведывания. Переправился через Джеон и вступил в Нишабур, где нишабурцы трижды вступали с ними в бой. В первом же сражении захватили город, в котором отсекли головы тремстам тридцати двум тысячам. И вот вам истина, коли не поверите в ее правдивость: свидетель разорения Нишабура

брат великого сахиб-дивана Ходжи Шамшадина говаривал. Отправился сей Тули, прошел Хорасан, Мазандаран, подступил к стране Иракской.

Проведав о том, султан Джалалдин снялся из Тбилиси и со всеми домочадцами и скарбом, отправился на войну с татарами и пришел в Адарбадаган. Отправил посланника к султану хлатскому и халифу, владетелю Багдада, дабы вспомоществовали ему, себе и своим[17]. Уведомил также и султана Ирака: «Уж коли самолично не желаешь борьбы с татарами, пришлите мне войско, ибо я сведущ в борьбе с ними. Но ежели не внемлете, то, прежде чем я преграждую им (путь), вы не окажетесь в силах (противостоять татарам)». Когда же явился посланник султана (в Ирак), не выказали желания воевать против татар.

Узнав о том, султан решил, что его и адарбадаганским войскам не выстоять против (татар), покинул Адарбадаган и вновь удалился в Тбилиси. Проведав об этом, царица Русудан созвала все свое воинство, имеров и амеров, мандатуртухуцеса Шаншэ, амирспасалара Авага, мсахуртухуцеса Варама, эров, кахов, сомхитаров, месхов, таойцев, Цотне Дадиани, человека почтенного и благонравного, абхазов, джиков и всех из имерского царства, говорить о коих порознь недосуг. И отверзла Врата Дариальские и впустила овсов, дурдзуков[18] и заодно с ними всех горцев. Собрались в Начармагеви во множестве несчетном, и отправила царица их на войну с хоремзийцами.

Однако царский стяг не сопроводила им из-из дела атабага Иванэ. Отправились и вышли из Тбилиси. А султан стоял лагерем в Сомхити, в Болнисском ущелье.

И как сторожевые султана увидели (грузин), донесли ему. Он же, будучи бесстрашным в бою, вооружился и выступил во главе (своего войска), и произошла война жестокая, и в начале схватки одолели грузины. Когда же бой разгорелся пуще, пало с обеих сторон немеренное множество людей, гневно глянул Господь на племя грузинское, ибо не утешилось сердце Господне во гневе, ибо высока длань Его и помянул Он нам безверие наше. И одолели войско царское и бежали от хорезмийцев. Султан же вновь вступил в Тбилиси. И всех, кого где-либо настигали, грабили. И разорял (хорезмшах) вышеупомянутые земли.

А главнейший из татар Тули прошел Ирак до (самого) Казвина; разорил страну, истребил непокорных, удалился и прошел Хорасан, Джеон, вернулся и предстал пред отцом своим Чингиз-каэном и братьями своими. Как только (Чингисхан) узнал о полном бегстве султана Джалалдина, позвал к себе эрисмтаваров, коих грузины называют ноинами, по имени: Чармаган – первейший, и второй – Чагата; Иосур и Бичо. Отвели им по десяти тысяч воинов со (всеми их) домочадцами и отправили на розыски султана. Четверо сих ноинов были сыновьями каэна. Каждого (из них) уведомили, что всюду, куда бы они ни пришли, ежели их начинали молить о Божьей милости, – щадить, а непокорных истреблять, и дань (подвластной им) страны делили на четыре доли и посылали (также) своему государю.

Так что отправились четверо сих ноинов – Чармаган, Чагата, Иосур и Бичо, прошли Джеон и Хорасан с сорокатысячным воинством и с их домочадцами, достигли страны Алмотской, тут же вступили с ней в сражение и сильно ей навредили. Из этой страны отправились в Ирак и разорили его. Тех, что явились к ним (с повинной), щадили. Затем пришли в Адарбадаган, который есть Тавриз, вышли их встречать всякие адарбадаганцы с несметными подношениями. Оттуда прибыли в город Арбавель, они (жители города) также (покорно) вышли их встречать. Прошли Рахс и подступили к сильно укрепленному (городу) Гандзе, и в течение трех дней татары с боем

прибрали его к рукам, ворвались внутрь города, разорили, истребили множество душ, ибо считали мерзостной веру, проповедуемую Мухамедом.

Узнав об этом, султан спешно собрал всех домочадцев и бежал в Грецию. Татары же пустились за ним вслед и настигли его в Басиани; увидя (татар, хорезмийцы) рассеялись. Таким образом, султан остался один, добрался до какой-то небольшой деревушки и заснул под деревом. Заметил его некий ничтожный человек и убил его. Кушак, седло и колчан (султана) были отделаны драгоценными каменьями, и из-за них был умерщвлен сей человек – высокий и именитый государь. Ибо полна превратностями надежда на этот суетный мир и, как гласит о том мудрый Екклесиаст: «Все суета сует и томление духа». А посему (для Джелал-ад-Дина) оказались тщетными рать и твердость выи его, мощь победная и неумеренные сокровища. И все суетно, разве только жизнь нетленная, вечная и беспредельная.

И как только рассеялись хорезмийцы, большинство их бежало в Гармиани, а султан Джалалдин был убит, и тут же сполна завершилось царство великое. Прослышав об убиении султана – сына Хорезмийца – султан Киасдин привел того человека, что принес кушак, седло и колчан султановы, разукрашенные редко обретаемыми каменьями. Дались диву глядящие, а человека того, убийцу султана, сожгли на костре.

Обратившись от погони за хорезмийцами, татары двинулись и разорили земли Хлата и Валашкерта[19]. Не в силах был противостоять султан Хлатский, но укрепился в городе. А татары удалились в Адарбадаган, ибо установилось согласие между таврежцами и татарами[20], (татары) забрали Тавреж и прилегающие к нему земли. На второй год двинулись в Бардав, Гандзу и Муган[21] и приступили к грабежу и разорению Грузии. Начали (разорять) выше Дарубанда – земли Ширвана и Кабалу[22], Эрети[23], Кахети, Сомхити и владения Двинских Аршакунианов и Аниси. И потому как через (земли) соседей они подступали к стране Грузинской, то на пределы грузинские обрушились бесподобно тяжкие испытания, паче оных, вышеупомянутых, ввиду неблагожелательности обитателей Картли, ибо всякий возраст, старцы и юнцы, цари и мтавары, великие и малые, склонились ко злу. Ибо отвергли они истину и праведность, ибо самими священниками подавался (пример) греховности, ибо всякий люд творил мерзость по образу сыновей Бениаминовых, как о том говорил пророк Исайа: «Господь, Господь Савоаф повелевает роду вооруженному прибыть из страны дальней, от всей тверди небесной, Господь и воины Его, вооруженные для разора мира сего и изничтожения грехов через Него. Стенайте, ибо близок день Господень и близится истребление через Господа». И затем вновь гласит: «Грядет день Господень неотвратимый, в гневе и ярости Его, и предаст Он всякие земли опустошению и погибели греховодников». Так и стали земли Картлийские опустошены сполна.

А как узнала царица Русудан о приближении татар, оставила Тбилиси и удалилась в Кутатиси, а (защиту) Тбилиси поручила сыну Мухи и уведомила его, что ежели татары явятся – сжечь Тбилиси за исключением Дворца и Исани и не дать хорезмийцам занять их в качестве (своего) местопребывания.

Когда же сын Мухи убедился в продвижении татар, сжег город сполна и даже Дворец и Исани, и таким образом разорился град Тбилисский. А вышеупомянутые те ноины вступили в Картли, Триалети, Сомхити, Джавахети, Самцхе, Шавшети, Тао, Кола, Артани, Аниси и налетели, словно саранча, на разор и истребление, и не было радости нигде, беспощадно разорялась наша страна.

Мандатуртухуцес[24] Шаншэ бежал в земли Аджарские, амирспасалар Аваг удалился в крепость Каен[25], а Варам Гагский сбежал в Кутатиси[26], а также эры, кахи, сомхитар-картлийцы, месхи, таойцы, торел-артан-колайцы – все бежали в крепости и горы, леса и укрепления Кавказа и Мтиулети[27].

И затянулись разор и истребление страны из-за обилия безверия нашего, ибо всякий возраст развратил страну, да и не одну Грузию, но и Персию, Вавилон и Грецию и потому предавались они горькому полону, безжалостной погибели и не было в том пощады, убиенными были переполнены города и веси, поля, леса, горы и долины, разве быть может где-либо кто и сохранился в укреплениях; были преисполнены и одержимы стенаниями и рыданиями всякие обитатели посюсторонней Грузии. Взирали отцы-матери на умерщвленных своих чад, а чада – на замертво поверженных отцов и матерей, другие – на братьев, прочие – на родню и сестер своих, похищенных жен и детей и все состояние их. Такой страх навели татары, что большинство грузин покинуло крепости и укрепленные места и бежало на Кавказ.

Облеклась страна в безутешное зло, а могущественные эриставт-эриставы и визири, сначала бывшие в согласии, отвергли друг друга, потому как царица Русудан окончательно поселилась по ту (сторону) Лихи и не возвращалась она на сю сторону Лихи, да и здешние не являлись пред ней в силу занятости, разве только беглые. И вот таким образом оставались без всяких связей и согласия, ибо сильные и прославленные грузины оказались вполне бессильны даже помышлять о мужественной схватке с татарами, а Эрети и Кахети были весьма защищены лесами. Тогда обитатели Грузии, сановные и в боях отважные эриставы, а также прочие обитатели – сверху донизу – оказались сполна отданы разору.

При виде такого зла амирспасалар Аваг, сын атабага Иванэ, отправил посланника в Бардав, где расположились лагерем упомянутые выше главари, коим Бардав служил зимним становищем, а летовкой – горы Гелакунские[28] и Араратские, потому как в ту пору Чармаган забрал Аниси; к ним отправил Аваг посланника с просьбой о мире и говорил (о желании) прийти к ним и свидеться и служить, и платить хараджу и отдать им свои земли, и просил о твердой клятве. Те же возликовали и с радостью приняли посланника Авага и клятвенно удостоверились.

Была у них вера в единого бога и поутру при восходе солнца трижды (лицом) к востоку преклоняли колена и более ничего. А для твердости клятвы чистое золото трижды окунали в воду и (затем) вынимали его, а воду выпивали. Давшего клятву обласкивали. И утвердив клятву, не преступали ее. Слово ложное не исходило из их уст; разбойников и свирепых людей истребляли безоговорочно. И много прочих добрых правил установил вышеупомянутый оный Чингиз-каэн. Сим клятвенным золотом подтвердили они, дали клятву посланнику Авага, ввиду чего он и стал уверен, что не было у них лжи и не было вероломства в их клятве.

Уведомленный об этом Варам Гагский, сын Захария, также принял (клятву) и привеченная союзом страна его также утихомирилась. А Эрети и Кахети, Сомхити, Картли и вверх до Карнуграда – все земли были преданы горькому разору, грабили их, полоняли и истребляли мужчин и лишь женщин и юнцов уводили в полон.

Также город Тбилиси они прибрали и стали его обустраивать[29], на зиму становились лагерем в Бардаве и на берегу Куры, на берегах Иори и вверх до Гаги. И полоняли и грабили Картли и Самцхе и Джавахети и далее до Греции, Кахети и Эрети – до Дарубанда.

Стесненные сей безотрадностью и горестями сановники Грузии – все предались татарам – эр-кахи и картлийцы, Гамрекели из Тори, Саргис из Тмогви – человек ученый и философ, и много (прочих). А месхи же из преданности царице Русудан, выстояли. Разгневанный этим, ноин Чагата ополчился против Самцхе, но месхи скрылись в крепостях. Так погибло и было полонено множество самцхийцев и истреблено множество люда.

Когда же иссякли силы, Иванэ Джакели из Цихис-Джвари, коего именовали также Кваркваре, доложил царице Русудан – ежели она соблаговолит спасти страну Самцхийскую от разора, то пусть и она доверится Чагате, ибо были в чести мечурчлетухуцес и мтавар страны Самцхийской. Соизволила царица и направила соизволение. Тогда отправился Иванэ и свиделся с Чагатой, который с почестью приветил его и выделил стражу его стране.

Когда же вернулись посланники Авага и поведали обо всем этом, отправился амирспасалар Аваг, готовый положить душу собственную за старну свою и предстал пред Чармаганом, Чагатой, Бичо и Иосуром; как узрели они его – почтили и возлюбили и поставили городу его охрану, которую на их языке именовали «шан».

Когда утихомирилось владение Авага и проведал Шаншэ о мире между Авагом и татарами, решил защитить и обезопасить (свое) владение, защитить в силу клятвы и Авага же просил, чтобы тот уведомил их (татар). Татары же с радостью узнали об этом и приветствовали, и потому они заверили твердо и клятвенно о безопасности на том же клятвенном золоте, и отправился также и Шаншэ и встретился с ними, которые и оказали ему отменные почести и вернули ему Аниси и все, отторгнутое ими от владений его, и поставили во владении его защитников. И кто бы ни приходил к ним из мтаваров грузинских, с почестью привечали, а непокорные владения предавались истреблению. Узнавши об этом, и Варам Гагский, сын Захария, стал тоже уповать на мир, и утихомиренная страна его успокоилась.

И так прибрав к рукам страну, поделили ее меж собой оные четыре эрисмтавара на (четыре) части, а также и эриставов – каждый свою долю и хараджу, которую взимали и отправляли. И так страна малость приутихла.

Поразмыслив, царица Русудан, лишенная татарами посюсторонней (части) страны, решила отправить сына своего Давида и доверить его татарам и взять клятву в его безопасности. И отправила к татарам посланниками Шаншэ, Авага и Варама и эретского эристава Шоту, коего из-за смуглости именовали Купари.

Но прежде чем отправить собственного сына, царица решила выступить в поход и покорить великого султана Киасдина[30], родом Сельджукида, владевшего Грецией. И отправили ноина Бичо, увлекшего с собой и сановных мтаваров[31] грузинских. И, вступив в земли Севаста и Езника, приступили к разору. Тогда султан Киасдин созвал всю свою рать, собрал воинов сорок бевров, что составляет четыреста тысяч, и поставил во главе Абхаза, – сына Шарваша по имени Дардин[32], коего за отвагу его (султан) возвел в великую честь и который твердо владел верой. В сообществе с ним – Фахрадавла, сына Шалвы Ахалцихского из Тори, который (в свое время) тайно бежал к султану, человека отважного и именитого в сражениях. Сделал их предводителями воинства. И подошел он и разбил лагерь подле них (монголов).

Как только проведали татары о приходе султана (в намерении) сразиться с ними, они столь возгордились и разгневались, что наслышанный об этом ноин Бичо пришел и поведал находившимся

при нем грузинам о прибытии султана; встретил он внука Кваркваре Джакели, по имени Саргис, человека храброго и отважного, искусного в сражениях, и молвил ему Бичо: «Покуда я явлюсь благовестником, то какой мне будет дар, ибо великий султан прослышал о прибытии нашем и он уже вблизи от нас – и се! – подле нас разбил лагерь с великим и неисчислимым воинством, и помышляет завтра же навязать нам сражение».

Услышав об этом, изумленный Саргис сказал: «Ведома мне отвага воинства и победоносность ваша, о, ноин, однако, ввиду многочисленности их я не жду (ничего) отрадного». Но Бичо усмехнулся и сказал: «Недостаточно осведомлен ты о племени нашем монгольском, потому как Господь даровал нам мощь (победную), ни во что не ставим мы многочисленность рати, так что побеждаем мы отменнее многочисленных и преисполняемся добычей преобильной. Нынче же готовьтесь узреть сражение, и поглядим, как бьемся мы с супостатами».

Вот как возгордились они над всеми народами.

Как только рассвело, султан явился с грозным войском, и было их около четырех тысяч воинов, и образовали отряды. Тут татары расставили отряды и отборных из них поставили левофланговыми. Таково было их правило – отборных ставили с левой стороны из-за того, что прочим родам, более отборным и храбрым, была (отведена) правая сторона, дабы отборнейшим противопоставить отборнейших. А красный цвет стягов их означал пролитие вражеской крови.

И все роды грузинские сделали передовыми, и как сблизились друг с другом, татары стали зычно голосить и восклицать: «Ахла, ахла, ахла!», что трудно переводимо и непонятно, но было правило у них – трижды восклицать то: «Ахла, ахла, ахла!», и стремглав бросились (вперед). Но грузины первыми и отважнее и мощнее схватились, и завязалась битва жестокая. Пало неисчислимое множество воинов султановых, среди них пал и славный сын Шарваша – Дардин Абхаз, воевода их. И бежали воины султана и стали их преследовать татары и грузины, истребили неисчислимо и полонили бойцов. А Ахалцихского убил сам султан из мести к грузинам. Грузины с начала же сражались так, что все их (монголов) полководцы были в изумлении от их мощного боя, выразили им любовь и почет и одарили, и воздавали славу.

И преисполнились грузины и татары всяким богатством, златом и серебром, чашами и прочими сосудами из литого золота и серебра, драгоценными ларями и одеяниями. Не было числа лошадям, мулам и верблюдам, коих они захватили. Так, нагруженные, в погоне за султаном, пришли в Грецию до (самой) Иконии, который есть город весьма большой и оградой твердой укрепленный, в который и вбежал султан. Затем у ворот городских произошло сражение большое, о чем подробно неповествуемо, ибо ежедневно и непрерывно выступали и таким образом сражались, и там грузины многодневно, доблестно и непрерывно воевали.

А султан, теснимый сражениями, просил мира, обещал хараджу большую и весомую и одаривание множеством подношений, бесценными каменьями, утихомирил и просил защитников так: некоторое время не видеться с султаном, покуда не решат лучшего. Принявши это, татары повернули и пришли в Хлат, а султан Хлатский просил мира и встретил их, неся дары неисчислимые и по-доброму приветив их, поставили ему во владения сторожевых, которые суть «шанан».

И удалились на место летовки в Гелакун и горы Араратские и представили посланников царице Русудан, с целью установления мира меж ними и чтобы она выдала им сына своего Давида, и дадут они ему царство и Тбилиси и всю Грузию. И как услыхала Русудан о том, стали

угодны ей слова эти, и в сердце у нее было то, что твредо блюли они клятву и доверившегося привечали. Возвернулась сама царица и отослала сына своего Давида, коего встретили Шаншэ, Аваг и Эгарслан, лишенный дара мужества и нрава, коего татары приняли с великими почестями; Шота Купари, Варам Гагский, картлийский эристав Григол Сурамский, спасалар Самцхийский и мечурчлетухуцес Кварквaре Цихис-Джварский, торельцы, тмогвельцы, шавш-кларджи и таойцы, и повели царя, сына Русудан Давида, а царица Русудан сопроводила ему мтаваров лихт-имерских сполна: Цотнэ Дадиани, человека честного и добродетельного и в сражениях именитого; Бедиани; эристава Рачинского; Гуриели и всех вельмож. Двинулись и вступили в Тбилиси, и пошли в Бардав, в котором ноины стояли лагерем. Привели Давида с великим почетом и воинством. Как только узрели Чармаган, Чагата, Иосур и Бичо, возрадовались и почтили царя и вельмож грузинских, отдали ему всю Грузию, Тбилиси, Самшвилде, которое в первой войне забрал Иосур Ангурга при участии Авага. И столь хорошо приветили Давида, коего назвали Нарин Давид, то есть главный Давид.

Тогда представили посланника пред великим каэном, который восседал в Каракуруме, на троне Чингиз-каэна, ибо Чингиз-каэн был преставлен, а каэнство прибрал к рукам сын его по имени Окота, что был человеком добрым и весьма шедрым и правосудным, да и он преставился. А в каэны возвели сына Окоты по имени Кука и он помер, а каэнство прибрал к рукам сын Куки – Мангу. Отправили к нему посланника и известили о захвате Персии, Грузии, Греции и отовсюду послали ему шапки и латы и одеяния и уведомили в следующем порядке: «Грузины явились сполна, царь и с ним заодно мтавары, которые имеют веру добродетельную и избегают лживости, и меж ними нельзя указать на отравника». А о персах уведомили так: «Персы – лживы, предатели и клятвопреступники и во множестве находятся (меж ними) отравники и бесчисленно – мужеложцы».

Посланник прежде пришел к Бато, что был сыном Туши – первородного сына Чингиз-каэна, потому как у Бато были преимущества перед всеми, овладел он Овсетией и Великой Кипчакией, Хазарией и Русью до (земель) Мрака и моря Дарубандского. А он отправил его к Мангу каэну. Увидя посланника – возрадовался, а при виде шлема его – удивился. И возвестил Мангу каэн ноинам следующим образом: «Поскольку вы убедились в доброте грузин в сражениях, и нет лживости меж ними, и знают преданность, держите их при себе для борьбы против неприятелей ваших, а персов истребите, а главарей их страны отправьте к каэну». Когда же сей посланник вернулся, Аваг, который царицей Русудан из амирспасаларов был возведен в атабаги, совместно с хлатским султаном был отправлен ноином Чагатой к каэну Бато. Пошли они по неведомым путям, никогда прежде не проходимым никем из рода грузин. Когда же дошли до Бато, который в ту пору был главнейшим из каэнов и величайшим и превосходительным по благолепию своему, то говорил атабагу Авагу взятый им с собой сын Иванэ Ахалцихского, по имени Давид, эджиб Авага: «Потому как подступил ты ко племени чуждому и неведомо тебе, что может произойти с нами, я советую тебе (притвориться) так, будто я являюсь патроном и предводителем твоим, а ты мой слуга. Ежели он волеизъявит умертвить тебя, пусть убиенным буду я, но не ты. Я не думаю, чтобы вместе с господином они убили бы и слугу». И так многократными мольбами и упорством убедили Авага поступить сим образом. Когда же вошли к Бато, (Аваг) пропустил вперед Давида, будто главного. Вот такое благоволение изъявил Давид, собственной жизнью жертвовавший за патрона своего. Узрел их Бато, возрадовался и оказывал им почести (в течение) многих дней. И как только познали

благодеяния Бато и не стало опасности смерти, то в один (из дней) Бато призвал (Давида), а Аваг выступил (и пошел впереди). Увидя это и изумившись увиденным, каэн сказал Авагу: «Ты, что – совершенно невежественный?». Но Давид с улыбкой отвечал: «Великий, великий победоносный государь! Он и есть мой патрон, а я – слуга его». И изумленный каэн спросил о причине такого (обстоятельства), на что тот ответил ему: «Я потому так поступил, великий каэн, что мы несведущи о благородстве твоем, и неведомо было нам, что ты нам уготавливаешь. И ежели бы ты изъявил казнить, то казненным прежде был бы я, а не господин мой». Изумился он этому весьма, хвалил Давида и произнес: «Ежели род грузинский таков, повелеваю, чтобы среди всех родов, которые пребывают под властью моголов, да будет он лучшим и знатнейшим и сопричислят их к воинству могольскому, вотчины и имущества их принадлежат им, и полагаться на них во всем». Волю сию он повелел начертать и выдать, и решение сие отправил великому Мангу каэну в Хатаети и Каракурум. Так было до сих пор; мы же возвернемся к оставленному нами слову.

Вышла царица Русудан из Лихи и прибыла в Тбилиси и встречала ее вся знать царства ее. И отправила сына своего Давида к каэнам, которые с почетом его приветили и отдали ему царство его сполна, всю знать и всех мтаваров Грузии. Таким образом, вновь оказалось царство под властью царицы Русудан.

И здесь вновь решил я промолчать, ибо приходит на ум повествование недостойное, хотя и не пристало говорить о царях что-либо непристойное, ибо глаголет Моисей, лицезревший Господа: «О возглавившем народ твой не говори дурного». Однако, поскольку книга сия является посредницей между добродеями и злодеями, да будут позволительны слова мои, ибо хронография есть правословие, но не повязывание чьих-либо глаз. Ибо в ту пору запамятовала она страх Божий, завет брата своего и присягу, которые заповедал царице Русудан брат ее; вынесла она решение чуждое – утвердить царство сыну своему Давиду. И направила она человека в Грецию к султану – зятю (своему) Киасдину и ее дочери Тамар, дабы племянника (Русудан), юного Давида, коего она прежде отослала к ним и коему они оказали злодеяние, но слово не было воплощено, нынче погубили его и убили, дабы беззаботно держать царство ей и сыну ее Давиду.

Однако те и слушать не стали. Затем (Русудан) послала к ним другого с той же целью. Но те не повиновались. А в третий раз она отправила другое – послание сына и племянника, полное братоубийства, но те и на сей раз не повиновались. Потому изумленная, преисполненная сердечной ярости, она запамятовала и веру и сердоболие к родне да и саму материнскую любовь, как глаголет премудрый Соломон, а именно: «Сердечная ярость человека не возымеет истину Господню», так и она – остаток доброго корня – не выказала праведности, начертала послание зятю своему Киасдину и уведомила его следующим образом, а именно: «Потому-то я замыслила умертвить племянника моего Давида, что он, племянник мой Давид, сожительствует с супругою твоею, моею дочерью и посему негоже то зло дочери моей». О, умысел, свирепее зла! О, убиение, злейшее из когда-либо слыханных и исполненных убийств, которое совершила над чадом и братом она, поправшая материнскую и братскую любовь!

И дошло до султана послание. Мгновенно взъярился он и вошел в царицины покои и, схватив ее за волосы, бесчестно выволок ее и стопами с силой побивал лицо ее прекрасное. И тело ее от побоев сильных стало кроваво багряным, и над иконами теми, которые она постоянно держала пред собою, надругался и сокрушил. И всю бывшую при ней прислугу и служителей подверг

эксории, а некоторых истребил. А супруге своей угрожал и обещал безжалостную казнь, ежели не отвергнет веру Христову и не станет мусульманкой. И подверг ее множеству пыток, после которых под гнетом многих мучений отреклась она от истинной веры Христовой, которой до сей поры твердо держалась, ибо (содержала) священников и ставила образа пред собой не тайно, но явно.

А юношу Давида схватили и подвергли многим истязаниям, чтобы признался он в правде. Но он говорил: «Невинен я, Господь свидетель, хотя тетка и вменила мне это в вину, но можно верить, что по причине греховности Грузии подвергла она меня эксории, чтобы ты уведомил ее о погибели моей. Теперь же зри, милостивый и высокий султан, что изначально в сердце своем она вынашивала погибель мою». Выслушав это, султан несколько смягчился. Тогда по Высшему Промыслу не пожелал казнить его, ибо правда и суд Господень неизъяснимы, как писано: «Кто познал промысл Господень, либо кто был Ему свидетель?». Но не утих гнев сердца султана, сердце его словно пламенем жестоким было охвачено. Поэтому призвал он кормчих и отдал Давида им в руки и повелел вывести его в море и сбросить в морскую пучину. Но ежели они не исполнят этого, да расхитят дома и домочадцев их и их же самих немилосердно истребят. А кормчие оные увели его, посадили в ладью и отправились в глубь (моря), достигли весьма большого расстояния от суши и решили сбросить Давида. Начал он умолять лодочников позволить ему малость помолиться. И они предоставили на то ему время. И встал он и вынул из пазухи образ Всесвятой Богородицы и возложил его на лицо и очи свои и, низвергая горькие слезы, (молился): «О, Святая Матерь Спасителя нашего Иисуса Христа, надежда и утешение, прими душу мою, ибо в Тебе лишь утешение горького сего сиротства моего и бессудной смерти моей, ибо никто не удостоит меня погребения в земле и могилы, но предают на съедение рыбам. И останется безвестным погребение мое, но отдавая себя на милость Твою, прошу в сей последней бездне спасти меня от страшных мук, уготованных мне подобно грешникам и обреченным».

И потому как молился он сердобольно, более того, – орошаемый горючими слезами, сбросили с него одежду и отобрали икону, а он сердечно молил их вернуть ему образ Всесвятой, чтобы держать его при себе, и лодочники вняли ему и вернули икону и повесили ее ему на грудь. И вмиг, когда он решил выброситься (в море), один из лодочников проявил милосердие по Промыслу Божьему и молитвами Всесвятой Богородицы и вложил ему в руки небольшую доску. И (лишь) затем сбросили его в море. А Давид схватился за ту доску, и задул сильный ветер и удалился он с их глаз. И несли его волны, словно Ноев ковчег, и торопливо стали гнать его к суше. И заметил его некий купец-путешественник и пособил он, ибо покамест был довольно далеко от берега, примерно, на один утеван. И извлек его купец, и спешно одели его и стали утешать. И утолил он голод и жажду, от которых с трудом водил глазами. Купец стал расспрашивать его о причинах сброса его в море. А он поведал ему обо всем вышесказанном; возрадовался купец и забрал его к себе домой и стал его уважительно и ласково выхаживать, словно родного сына. Пробыл он у того купца около шести месяцев, и стало разглашаться это дело, а именно, что купец нашел сброшенного в море грузинского царевича, и достигла молва о том и узнал о том и султан Киасдин. Преисполнившись сердечной злобы, отправил он всадников и привел к себе Давида и того купца, а лодочников оных предал заточению и грозил им казнью. Но узнав, что (Давида) из моря извлек именно купец, освободил лодочников.

Но в отношении Давида не умалил он своего сердечного гнева и, словно Ирод, присовокупил человекоубийство, ибо к убийству он вновь присовокупил убийство и учинил злейшие муки. Был глубокий колодец, в котором не было воды. В нем водились змеи и был он полон свирепыми и бешеными гадами. А прикрыт колодец был булыжником, и была в нем темень, и в нем он умерщвлял людей жестокой смертью. И султан велел сбросить в него Давида. А когда его подводили к колодцу, при нем была оная икона. И оттащили с того колодца булыжник и сбросили в него Давида. Но был он спасен, как Даниил от пасти льва, его вовсе не коснулись те столь обильно ядоносные. И прикрыли (колодец) булыжником.

С Давидом сначала же был отправлен некто, по имени Сосан, коего выдал ему отец его Лаша. Он примкнул к нему, когда его отправляли, чтобы сбросить в тот колодец. Он запомнил этот колодец, и когда люди султана отошли от того колодца, Сосан прорыл малость под тем камнем и впредь просовывал ему туда пищу необходимую. И таким образом содержал его пять лет. Когда же он укладывался, некоторые из гадов обвивали ему шею, некоторые ноги, прочие – пазуху, другие – укладывались рядом. Но однажды во сне он перевернулся на бок и боком придавил одну из змей и потому она остро ужалила его в бок. Но прочие гады схватили ту змею, ужалившую Давида, и стали жалами своими слизывать с Давида (рану) и мигом исцелили его, а змею ту сожрали эти же гады. Столь дивным образом Господь спас от всех злосчастий, которые выпали ему.

И вот царица Русудан самолично порешила этак – утвердить царство сыну своему, запамятовав слова пророка Исайи, которыми он вещает: «И обратил Господь Промысл Свой на главу великого Асурастана и на высоту величия ока Своего. Ибо говорил: создаю я руками моими, словно птенцов, и будто яйца забрал. И нет никого, кто бы избегнул меня либо противоречил. И ныне да возрастет коса моя более разве только косаря, и которая сама собой косила бы, либо возвысится ли пила более двигающего ею? И так же – кто подымет жезл либо палку? И так – да распространит владыка Савоаф на честь твою бесчестие, на величие твое огнь палящий обрушится», как и сбылось над честной царицей Русудан.

Ибо постыдно мне сметь и опять-таки не в силах я замолкнуть, ибо обесчестила себя сим злом, которое причинила она сыну брата своего. Однако промысл Всевышний развеял умысел ее, подобно (злу) Ахитофела на пророка Давида, и не внял ей, ибо «развеет Божественный замысел умысел людской», подобно (умыслу) фараона супротив Моисея, когда спас из рук его однажды бежавшего, как говорит о том хронист Иосиф, и затем как вновь спас Давида из рук Саула, ибо пустым сделался замысел его <...>

Мы же обратимся к прежнему слову.

Царица Русудан достигла Тбилиси и сына своего, Давида, отправила к ноинам. А они соизволили отправить Давида к великому каэну Бато[33], а затем в Каракурум к Мангу каэну. И как узнала царица Русудан об отбытии сына своего к иноземным народам, в далекий и неведомый путь, предалась боли и беспримерной печали и непрерывно источала слезы и вспоминала о том, что она причинила племяннику своему Давиду; как подвергла она его эксории, так же и татары отправили сына ее в эксорию, к Бато.

А потому как не было исхода, отправился Нарин Давид, а царица Русудан сопроводила ему нескольких его однокашников: сына картлийского эристава Сурамели – Бегу; сына Гурклели Мухаджага – амирспасалара Бешкена; и тайно дала ему два драгоценных камня. И затем он отбыл

по следам Авага и Хлатского султана, ибо они прежде были отправлены к татарам. И пришли они к вышеупомянутому Бато, который милосердно глянул на царя Нарина Давида, в течение двух лет держал его при себе, а затем отправил в Чин-Мачин и Каракурум к каэну Мангу, который благостно его приветил и присовокупил его к Авагу, и пребывал он (Нарин Давид) при нем.

А те четыре татарских ноина доложили о злодеяниях алмутцев, которые они причиняли моголам, и восстали они на Алмут. И определили грузин соратниками и отправили посланника к царице Русудан, дабы дать им возможность расположиться в Грузии для похода на Алмут. Но царица Русудан в эту пору горестно таяла из-за сладостного сына своего и болела и преставилась в Тбилиси. И забрали мтавары ее и с великой почестью и с воплями погребли в погребальнице пращуров ее в Гелатском монастыре.

III

И остались грузины без царя в безнадежности. Ибо один, Давид, считался умершим в Греции, и не ведали о (действительно) случившемся с ним. Поэтому всякий правил сам по себе и радел лишь о себе, ибо всякий эристав примкнул к своему ноину, а татары установили главноначальствующих – десятитысячников, коих именовали главами думанов[34]; и назначили мтаваров: первый Эгарслан Бакурцихский, личность глубокомысленная, но скудный состоянием, и отдали ему в руки воинство Эрети, Кахети и Камбечиани, от Тбилиси и выше до гор Шемахинских. И Шаншэ вручили вотчину его и Авага. Вараму вручили всю Сомхити, Григолу Сурамскому – Картли; Гамрекелу Торельскому, подобно Эгарслану, по молодости его вручили Джавахети, Самцхе и выше до Карнуграда, а Цотнэ Дадиани и эриставу Рачинскому – все потустороннее царство.

И так устроив и поделив Грузию, татары отправились в поход на Алмут и забрали с собой грузин, коих разделили надвое. Половина их была в походе на Алмут в один год, а (другая) половина – в другой год, ибо семь лет продлилась война с алмутцами, которые суть вероломные человекоубийцы и коих именуют мулидами. И неустанно воевали с ними татары Чармаган, Чагата, Иосур и Бичо – и летом, и зимой. А грузины, разделенные и распределенные по годам своим, сопровождали их и пребывали в алмутском походе, затем отправлялись другие, согласно своему жребию, и год проводили в Алмуте, затем – другие – по их же жребию. Таким образом, в течение семи лет продлилось пребывание их на Алмутской войне.

В день один снарядили алмутцы искусного мулида. Ночью он воровато проник в охрану ноинов Чагаты, прокрался в шатер его и в спящего всадил ему нож в сердце и убил его, о чем никто так и не узнал. А как только рассвело, шатровые стражники увидели убитого ноина Чагату и стали рыдать, стонать и горевать. Узнав об этом, сбежались воины ноина Чагаты и видели они такое – Чагата был мертв, и не ведали, кем он был убит.

Тогда все произнесли: «Поскольку грузины пребывают в великом стеснении от нас, моголов, то из несомненной мести грузин и был он убиен». Это утверждали все, за исключением одного – ноина Чармагана. А он говорил: «Успокойтесь, люди, ибо грузины не суть человекоубийцы и вера их не стоит за подобные деяния». Но они, подняв мятеж, разъяренные смертью своего патрона,

направились в сторону лагеря грузин, ибо был лагерь их расположен вблизи от (шатра) Чагаты. И как только обратились к ним (татары), ужаснулись грузины и лишились сил и не ведали, как быть. Однако некоторые (начали) готовиться к бою, а некоторые – оторопели, ибо было их очень мало. Тогда Григол Сурамский, эристав картлийский, сказал: «Не ко времени нам бой, ибо нас мало. И ежели с ними схватимся, то нас истребят от мала до велика. А ежели не станем с ними браниться, то, думаю, перебьют одних лишь нас, сановных. И мне представляется лучшим, чтобы убили нас, но не всю эту рать. Однако надобно уповать лишь на Господа, ибо нет никакого избавителя нашего, опричь Иисуса Христа, Сына Божьего и Всесвятой Матери Его Приснодевы Марии, Которая вечная защитница уповающих на Сына Ея и паче наша – христиан. Нынче же каждый трижды преклоним колена, припадем ко Всесвятой Богородице и, кому ведомо, воздайте славу Ей так: «Отверзни врата милосердия, благословенная Богородица» и так далее.

И как исполнили эту благодарственную молитву и славу Всесвятой Богородице, и приблизились те варвары во истребление грузин сполна, выступил из камышника человек один с обнаженным мечом, обагренным кровью. Он воскинул меч свой ввысь и зычно воскликнул: «Ман куштем Чагата», что на языке персидском значит: «Я убил Чагату».

Как только татары увидели его, кинулись к нему, но он бежал в камышник. Однако эти разожгли огонь, и пламя вызволило из камышника того человека. И представили его Чармагану, Иосуру и Бичо. Они стали допрашивать его: каким образом удалось ему убить ноина Чагату. А он уведомил их так: «Я есть мулид, между мулидами (особенно) отмеченный. Главари оных мулидов дали мне золота премного, чтобы убить кого-нибудь из вас четверых. Пришел я, убил и скрылся». Те говорили: «Какова же была причина выхода твоего (из камышника) и громогласного восклицания об убийстве великого ноина, потому как ты (ведь уже) скрылся?». И вновь мулид ответствовал: «Я проник в гущу того камышника и скрылся. (Вдруг) внезапно явилась мне некая женщина, вельми благозданная, и говорит мне: «Что ты натворил, человече? Ты убил человека и скрылся. Нынче же из-за тебя истребят множество душ невинных и погибнут они». И сказал я Ей: «Что же мне делать, Царица?». Она ответствовала мне: «Восстань и становись рядом со Мною, пойдем и скажешь, что ты убил человека того и тем спасешь неисчислимые души от погибели». Поднялся я мигом и стал рядом с Нею, и Она привела меня сюда пред вами. И как только подал я голос, и вы узрели меня, женщина та сгинула, и неведомо мне, кто это мне явилась. И се! – предстою пред вами».

И как только выслушали татары слово того человека, дались диву и мечом рассекли его надвое. И таким образом спасла народ свой Всесвятая Богородица и избавила его от неправедной смерти, как некогда спасла она великий град Константинополь в пору, когда его осадили варвары жестокие, главенствуемые Савронием, и злого умысла свирепого главаря скифов хакана, когда были поглощены морем супостаты города (с помощью) преданных ему, ибо вскипело море и расплавилась смола корабельная, и вверглись в пучину морскую споспешением Всесвятой Богородицы, и на набежников полился ливень, как некогда в древности на жителей Содома. Думаю, что не менее тех чудес произошло и нынче – спешное и стремительное избавление христиан Всесвятою Богородицею. Однако едва ли кому-либо по силам воздать славословие благодарственное сему чудотворству, которое спасло несчетные души рода грузинского, – приснонепорочное Слово Богородицы, воссоединившее слово и плоть человеческую и слиянием тем соединившее в Боге совершенном, двуприродном, двуевольном, неслиянном.

Спасенные сей Непорочностью грузины пребывали в великом притеснении татарами, ибо пребывали (татары) в беспрерывной и неустанной войне с аламутцами и забирали они с собой также и грузин, разделенных надвое, и каждый эрисмтавар был приставлен соответственно к одному ноину. Вышеупомянутый оный Эгарслан, человек дивный, но лишенный навыков военачальства, столь возвысился, что чуть было не позволил себе присвоить имя царя, и все роды грузинские повиновались воле его, (даже) сам сановный и честный мандатуртухуцес Шаншэ, и Варам Гагский, и все мтавары.

В эту же пору возникли и прочие злодеяния. Как только турки, расположенные в Шаме, прознали о бесцарствии грузин и об уходе их войска с татарами в Алмут, и занятости грузин, собрались они во множестве, человек около шестидесяти тысяч, главарем и владетелем коих был некий человек именитый по имени Кара-хан. Двинулись они на разор Грузии и достигли земли Валашкерта, который около того времени забрал Шаншэ, и стали разорять земли Валашкерта и за Рахсом до Сурмана, которые были почти завоеваны мандатуртухуцесом Шаншэ. Когда же этот увидел то разорение, созвал воинов своих и атабага Иванэ, и набрали конников около тридцати тысяч. Прошли Рахс и прибыли в Валашкерт, где разбил лагерь Кара-хан.

Когда подступили к ним, выстроились в отряды и нагрянули; прежде всех ринулся Шаншэ, который копьем своим сразил знатного турка. Произошла битва мощная, и было перебито несчетное множество воинов турок, а воины Шаншэ оказались хорошо защищены споспешением Силы Истинной, на которую он уповал.

И усугубилась битва, был осилен сей Кара-хан и бежали воины его. И стали преследовать их до самого Хлата, истребили и полонили их во множестве несчетном, и пополнились конями, мулами и верблюдами, шатрами и палатками, добычей неисчислимой. Этак славно и победно вернулся он в Аниси, в дом и на престол свой.

Однако потому как повсюду расходились вести о бесцарствии в Грузии, поднимались всякие племена на грабеж грузин. Тогда же поднялись пребывавшие в Греции турки и султан Эзинка и находившиеся в прочих городах эмиры, и собрали они несчетное множество (людей) и двинулись на Грузию. Услыхав об этом, жители Тао, Шавшет-Кларджети и Кола-Артани-Карнифоры ужаснулись и отправили они человека в Самцхе к Кваркваре Джакели Цихис-Джварскому просить помощи. А он призвал всех эриставов месхов и тадзреулов, и собрал воинов около десяти тысяч; те, уже давно прибыв, осадили Бану, ибо Олтиси и Бугатакури – все уже принадлежало им, и разорили Тао. И стал Кваркваре предводителем воинства месхов и подошли они к подступам Калмахи. Узнав о приходе месхов, приготовились к оружию турки, главарями коих были Алту-хан и Он-хан. Отсюда месхи спустились на равнину, которая именуется Авнис-ваке. И выступили друг против друга, и произошла битва мощная и жестокая, греки и турки, надеясь на (свою) многочисленность, не обращались вспять. Не бежали также и месхи, опираясь на (свою) отвагу, сражались мощно, ибо некий муж, азнаур, мечом раскроил голову со шлемом человеку туркскому и сразил его, а второго из отважных воинов Он-хана поразил в спину, рассек и разрубил его и тот пал замертво. И так продолжалась битва, и с обеих сторон истребилось немеренно. Обессилели греки и турки и бежали. Захватили (грузины) полон и добычу немеренно, коней и мулов, верблюдов, шатры, всякое добро, что только было у них, и так преисполненные и во славе прибыли в Самцхе, и столь победоносно, что в войске их не был убит ни один из известных мужей. А войну эту поименовали

Банским Скопищем, потому что такое множество (добра) с трудом вмещалось в Бане и Авнисваке.

Как только это произошло, оный эристав, спасалар из Самцхе – Кваркваре – снарядил внуков своих – Иванэ, коего именовали также Папа, и меньшого из них Саргиса. Оба они были мощными братьями и паче отважнее прочих, бесстрашные и храбрые в боях. И воевали они с олтисцами и забрали Олтиси и крепость у залива Буги, сильно укрепленную, перенесшую великие войны. Правдив сей рассказ.

В пору ту смутную собрались в Кохтастави все мтавары Грузии, имеры и амеры: Эгарслан, Цотнэ Дадиани, Варам Гагский, Кваркваре, Купари Шота, Торгай, эр-кахи, картлийцы, Гамрекели из Тори, Саргис Тмогвели, месхи, таойцы, и все они говорили: «Как нам быть? Не осталось никого из грузин царского рода, кто мог бы быть нам предводителем и идти в бой с татарами. Мы же разобщены, и не противостоять нам татарам, а они столь злодейски притесняют нас, что всякий год ходим мы в Алмут по случаю всякого зла; нет более сил. Пусть мы и бесцарственны, но соберемся и будем бороться против татар». Сговорились (вести) войну и положили договор собраться в Картли и на этом разошлись. Дальние жители – абхазы, Цотнэ Дадиани и Бедиани, человек положительный и преисполненный Божеского и мирского, да эристав Рачинский – все удалились для сборов.

Проведав о единении грузин, татары Бичо и Ангурат отправились и прибыли в Кохтастави[35]. Их встретили вельможи грузинские. Войско (последних) было в разброде, и (потому) они не могли противостоять, и отправили их в страну Анийскую, в местность, которая именуется Ширакаван. Когда же предстали пред ноином Чармаганом, тот сказал: «Что бы значили ваши сборы, коли не задумали вы отложиться?». Но предводители грузин ответствовали: «Собрались мы не для того, чтобы отложиться, но в рассуждении пособить делам вашим и определить (нашу) дань», которую они именовали «хараджа».

Слушая это, (Чармаган) не вполне им поверил и велел раздеть их, связать и обнаженных посадить на площади на солнцепеке и (в таком положении) ежедневно проводил допрос о причинах их сборищ и грозил каждому из вышеназванных предводителей, ежели они не признаются в правде, предать смерти. Однако те настаивали: «С целью определения дани». И продолжалось это много дней, ибо не верили им (татары).

А как наступило условленное время встречи, Дадиани Цотнэ явился с воинством в (назначенное) место, которое именуется Ркинис-Джвари и (расположено) оно между Самцхе и Гадо. Но был несказанно удручен, узнав, что предводителей тех отправили в Аниси и что пребывают они совместно в тяжких испытаниях. И стал (Цотнэ) воспринимать все случившееся, как личное его унижение. Отпустив войско (обратно), он в сопровождении двух человек направился в Аниси, (готовый) положить душу, исповедник заветов Господа, который глаголет: «Нет паче любви той, с которой кладет человек душу за ближнего своего»; и сей человек проявил высокое благородство, достойное всякого славословия. Прошел Самцхе и Джавахети и прибыл в Аниси.

Как только узрел Цотнэ вельмож сих, со связанными плечами восседавших на площади, обреченных на столь бесчинную казнь, прянул со своего коня, разделся наголо, повесил одежду свою, связал себе руки и сел рядом с вельможами. Взирая на это, изумились татары и мигом о том известили ноина, а именно: «Прибыл Цотнэ Дадиани в сопровождении двух человек, сорвал с себя одеяние и (сам же себя) связав, сел рядом с грузинами». Потому как они хорошо были осведомлены

об удивившем их Цотнэ, они призвали его пред ним (ноином) и спрашивали о причине его прихода. Он же говорил им, а именно: «Мы все потому-то и собрались, чтобы (окончательно) решить (вопрос) о хараджe вашей и выполнить повеление ваше, вот почему состоялось собрание наше. Нынче же вы сопричислили нас к злодеям, и потому я и предстал пред вами: ежели допросишь их и по какому-либо праву казнишь их, – то и мне заодно с ними умереть, ибо без меня они ничего не совершали; ежели же они останутся жить – и мне быть с ними». Слушая Цотнэ, ноины дивились его благородству и говорили: «Потому как племя грузинское столь доблестно и не лжесловит оно, и пришел сей муж из Абхазии, чтобы положить душу свою за товарищей и не лжет он нам, так как себя же обрекает на смерть, нет неправды в них, а потому находим их невинными. Посему освободим их сполна». Говорили они Цотнэ: «Мы-то подумали, что вы, грузины, отступники, но теперь, поелику ты выказал доблесть явную, мы даруем тебе всех грузин и на тебя же мы полагаемся». И освободили они сих вельмож.

И разобщились мтавары грузинские и вступили в междоусобицу. Тогда собрались вельможи сего царства, ибо задумали они поставить во главе Эгарслана, выходца из безупречного рода. Поэтому-то и собрались мтавары посюсторонней Грузии – Шаншэ, Варам из Гаги, Кваркваре Джакели, Саргис из Тмогви, человек умудренный, философ и ритор; Григол Сурамели, эристав картлийский; Гамрекели из Тори; Орбели и множество эрисмтаваров. И стали разыскивать сына Лаши – Давида. И осведомились у кого-то из купцов, что он все еще жив, но в заточении в глубоком колодце и заключен со змеями. Осведомившись (об этом), отправились к Чармагану, Иосуру, Бичо и Ангурату, ибо каэн еще не посещал сей страны, но сии вышеупомянутые ноины управляли страной, и доложили (ноинам): «Потому как вы отправили царя нашего, Нарина Давида к каэну, неведомо вам о случившемся с ним, и матерь его, Русудан, преставилась, и нет (более никого из рода) царского, а мы пребываем во взаимном несогласии, и не положено подчиняться кому-либо, ежели (таковой) не будет из рода царского. Нынче же мы узнали, что есть сын царя нашего Лаши по имени Давид, коего брат поручил сестре своей Русудан возвести его в цари, а царица Русудан отправила его в Грецию, к султану, чтобы погубить его, и слыхано нами, что он жив, но (султан) держит его в узилище. Ныне мы умоляем вам отправить какого-нибудь искусного человека и привести Давида и сделать его царем нашим».

Когда ноины выслушали это, дались они диву содеянному царицей Русудан. И мигом отправили посланника Ангурата, (а с ним) Варама из Гаги и Саргиса из Тмогви. (В течение) немногих дней пришли они в Грецию к султану и известили его, а именно: «Мы пришли в поисках Давида, сдайте его нам, чтобы увести его». Но его уже не предполагали в живых, и (султан) говорил, а именно: «Отрока Давида царица грузинская отправила к нам, чтобы я подверг его эксории, и уж давно я подверг его эксории. Ныне уже семь лет (прошло) и я не знаю, жив он или мертв». Они же уведомили его, а именно: «Нам ведомо, что он жив и заточен в колодец со змеями», ибо Сосана слышал о прибытии их и встретился он с Варамом и Саргисом и сообщил им, что жив Давид. Когда же (об этом) узнал султан, отправил человека и вывел Давида, еле дышавшего, и глядящим на него он напоминал бездыханного, словно живой труп, и было то зрелище нездешнее, ибо пожелтел лик его, власа его достигали бедер и ногти чрезвычайно длинные, и при этом виде изумились весьма жизни его султан и Варам из Гаги, а Саргис низвергал слезы. Султан же оказался сердобольным – помыл его и одарил множеством даров: одеяниями, отборными конями, золотом и серебром, уважил весьма

и просил снисхождения и таким образом отпустил. И как вступили в Грузию, вышли встречать его все сановники грузинские, Шаншэ и его сын – амирспасалар Захарий, человек, преисполенный добродетели; Кваркваре Джакели; Григол Сурамели, картлийский эристав; Орбелиани; Гамрекели; Шота Купари и все мтавары, за исключением Эгарслана.

И отправились к ноину. Они же узрели его и возрадовались. Царства ему не утвердили, но отправили к великому каэну Бато. И пошли заодно с ним сын Шаншэ – Захария, сын Варама – Агбуга и Саргис из Тмогви. Отбыли к каэну Бато.

Когда же они прибыли, Бато приветил их по-доброму, сына Шаншэ – Захарию, и Агбугу оставил при себе, а царя Давида отправил к каэну Мангу. И сопроводил ему в Каракурум Саргиса из Тмогви. Дошли они до каэна Мангу, коего Бато уведомил – разобраться и решить, кому из двух Давидов следует царство – пусть тому и утвердит его.

Еще до их прибытия, с Мангу каэном встретились царь Нарин Давид, атабаг Аваг, Сурамели, Гурклели, амирэджиб Бешкен. Они длительное время так и пребывали в Хатаети и Каракуруме.

Тогда соизволили ноины татарские, размещенные в Грузии, привести султана Киасдина пред собою и призвали послов и спешно отправили их. И как узрели султана со множеством ужасающих богатств, волеизъявили и его представить пред каэном Бато, и отправили его также. И где бы ни был государь, покоренный ими, отправляли его к Бато, как и этого султана Киасдина отправили к Мангу каэну. И пребывали они оба – Давид и Давид, Киасдин, султан Греческий, султан Хлатский да атабаг Аваг в Хатаети и Каракуруме, и провели там около пяти лет.

В эту пору произошло и такое дело. Было у оного Мангу каэна два сына: старший, то есть Кубил каэн, младший – Уло[36], коего именовали (также) Эджаноб. Сей Мангу каэн утвердил каэном первородного сына своего Кубил каэна и велел ему идти в поход на запад – на Вавилон, который есть Багдад, на Египет и (вообще) весь Запад. А (сыну) Уло велел отправиться в великую Индию и вести там завоевания. Однако каэну Кубилу представлялся трудным путь на Запад, а Уло – в Индию. Когда Кубил каэн услыхал об этом, с радостью воспринял предложение Уло, и поменялись они походами. И доложили Мангу каэну, отцу их, об обмене походами, об отправлении Уло в Вавилон и Египет, и тот дал на это согласие. Призвал он сына своего Уло и вручил ему войско около шестидесяти тысяч конников со всеми их домочадцами и скотом и определил главным командующим, в ту пору именуемым улус-ноином, а нынче беглярбегом, ноина по имени Элга, из рода джалаиров, человека честного и благовольного. Выделил ему воинов около десяти тысяч. Отправились Уло и главный командующий их ноин Элга, прошли Туран и Джеон, достигли пределов Хорасана, а оттуда – в Алмут.

Как только приступили к войне с Алмутом, помер Мангу каэн. И посадили на престол его Кубил каэна, коего каэном определил отец его. И остались в Каракуруме вышеупомянутые оные государи – Давид и Давид – ввиду недосуга татар.

А Уло подступил к Адарбадагану с шестидесятитысячным воинством. Проведав об этом, ноины Чармаган, Иосур, Бичо и Ангурат вышли встречать Уло и сопроводили ему всех сановников грузинских и прежде всего Эгарслана, коему, словно царю, подчинялись все мтавары Грузии. И встретили (их) в Адарбадагане. И собрались обе (части) татар – прибывшие прежде, коих именовали «тамачи», и прибывшие с Уло каэном[37].

И сановники Грузии также предстали пред Уло. Глянул он на них и по-доброму приветил их и вооружил, определил их соратниками (своими), некоторым велел (быть) улдачами, что значит меченосцы, у которых прикреплены мечи и стоят (стражниками) у врат, а иным – сукурчами, что значит (должность) носить прохладительный складной круг, чтобы разворачивать его над головой каэна, на высоком шесте – древке знамени, и развернутым держать его. И ни над кем, кто не был из рода каэна, держать его не было дозволено; другим было велено (быть) кубчадами, коим доверялись одеяния и обувь; другим – корчами – стрелоносцами и колченосцами – столь необычными почестями уважил каэн высоких сиих сановников Грузии и каждому отдал почетный чин.

Выступили и пришли в местность, которая именуется Алатаг[38], и явились к нему все подвластные его. И воссел на престоле государевом[39], и молились по обычаям своим и признали его каэном. Тут и началось каэнство Уло над ними.

Ибо спервоначала под четырьмя этими ноинами тамачей пребывала подвластная им страна. Ромгур, которая есть Хорасан, Ирак, Адарбадаган, Мовакан и Бардав, Ширван, вся Грузия, Хлат и великая Греция до (самой) Асии управлялась четырьмя сиими ноинами и были они в заботе о них, как некогда прежде в старину по смерти Ромоса ромосианова страна управлялась четырьмя ипатосами. И потому как подошел Уло, стал он радеть о стране и правил по всему чину каэнства.

В ту же пору прибыли и прочие сыновья каэнов, коих обозначают (словом) «коун»: Бато – некто Тутар; сын каэна Чагаты – Уркан; из рода Кули и Тули – Балага. Дабы доставшуюся детям каэнов страну и хараджу брали они же. И внук каэна Окоты, брат Кубил каэна, Уло, прежде пришедший, встретил их здесь. Как только узрел Уло трех сиих коунов, приветил их и дал им положенные им страны, и так в мире пребывали.

А страна царская, престол и Мцхета и прилегающие к ней земли и монастыри не были ни под чьей защитой, ибо знать страны сей пеклась лишь о собственных владениях. По этой причине отправился пред Уло католикос Николоз, муж видный, ангелоподобный, изумительный во многих подвизаниях, православный, мощный, нелицеприятный обличитель царей и мтаваров, ибо был он непорочен и никому не льстил. Узрев его, каэн изумился чину и лику его, ибо не ведал он о роде грузинском, за исключением аркуанов. И выказав ему почтение, начертал ему ярлык, который есть повеление. Создали ему и выдали кресты золотые в качестве шана, и украсил их драгоценными каменьями и перлами и пожаловал один ему, а другой – вардзийскому настоятелю, сопровождавшему католикоса. И жезл, также позлащенный и также со крестом пожаловал он, (но) только католикосу. И с такими почестями вернул его обратно и защитил все храмы и монастыри.

И пребывали оба – Давид и Давид – при Кубил каэне и каждый пекся о царстве для себя. Саргис из Тмогви упорно противостоял самому Нарин Давиду и те, кто были пред ним, воспитанники его, яко говорили: «Не след, чтобы бабье отродье заняло царство, а не сын самодержавного царя – мужчины». Но те ответствовали, а именно: «Хотя Нарин Давид и бабье отродье, но была же венценосной Русудан, наследовавшая брату ее Георгию, а (потому) и Нарин Давид является царем». И как затянулись прения, отправили амирспасалара Авага и выдали ему ярлык милосердия и деву благозданную по имени Эслом из рода знатного, и послали к каэну Уло, с тем, чтобы хорошо приветил Авага. И так предстал пред каэном, а тот почетно смилостивился и отправил в Грузию, в вотчину свою.

И как узнали грузины о возвращении Авага, амирспасалара, вышли ему навстречу всякие начальники и сановники, лично Шаншэ и Эгарслан, который едва ли не обладал именем царя. Когда Аваг приблизился к нему, он думал, что Эгарслан спешится и так будет взирать на него. Но он слишком кичился, не соизволил по чину уважительно глядеть на него и сотворить целование Авагу. Видя это, Аваг рассерчал, хлестнул его кнутом по голове и велел подручным своим бесчестно стянуть его с коня наземь, что те и исполнили.

Мы вспомним прежнее слово наше. И потому как между царями шли прения, а Кубил каэн не знал, кому должно принадлежать царство, поэтому те и оставались (в течение) многих лет в Каракуруме. А султана Киасдина и Хлатского отправили с Авагом. И прибыли в дом свой царский. И так как пребывание (обоих царей) в Каракуруме и Хатаети затянулось, соизволил Кубил каэн и отправил обоих царей к брату своему Уло. И известил так, мол, ежели соизволит, пусть отдаст царство обоим, как впоследствии Уло и поступил. И таким образом пришли они пред Уло, который узрел их и приветил и обоим утвердил царство и выдал им все царство их.

И как только грузины проведали о приходе царей, преисполнились безмерной радости, выступили им навстречу в Алагате сановные имеры и амеры, и были радость и благодарение Богу. Продержав немного времени, Уло каэн отпустил их в Картли, прибыли они в Тбилиси отрадные. И сошлись вкруг католикоса все епископы и все мтавары и эриставы, воссели на троне пращуров своих в Тбилиси Давид и Давид – оба.

Но дошли и следующие слова, кои говорит некий иной всеописатель, а именно: во (время) пребывания в Каракуруме обоих царей Гуюк каэн решил таким образом, что утвердил царство за сыном Лаши и с этим вернули его, а сын Русудан, Давид, той же ночью бежал и пришел в Абхазию[40]. Но я не верю в это. Прежде всего ведайте, что ежели бы (Гуюк) каэн их и не разъединил, то Мангу каэн – отец Кубила и Уло, каэну Уло велел отправить их, и обоим утвердил царство.

IV

И оба воссели на престоле, и потому имеется множество грамот, и лично я сам видел грамоту, во главе которой было начертано: «Цари Багратоаны» и «Волей Божиею Давид и Давид», и приложены руки обоих же: «Мною, Давидом утверждено, и мною, Давидом же, утверждено». И оба прочно воссели царями, как мною уже сказано; поэтому и стала сомнительной любовь Шаншэ к сыну Лаши, Давиду, а отношение к сыну Русудан, Давиду, – приверженность Авага. Но они не откровенничали об этом, ибо оба, Давид и Давид, с доверительной лобовью относились друг к другу и не противопоставляли себя друг другу. И были они покорны каэну Уло и платили ему хараджу. А первейшая честь и превосходство были у сына Лаши, Давида, ввиду его старшинства.

Татары не угомонились в истреблении и разорении всякого рода людского, но грузин же имели соратниками в походах, ввиду их отваги, потому цари и мтавары пребывали в великом бедствии. Неугомонно воевали с непокорными, а паче с обитателями Алмута. И потому как пребывание их в войне той длилось в течение семи лет, Уло также отправил туда ноинов и заодно с ними царя Давида, сына Георгия, с грузинской ратью, чтобы воевать против Алмута. А те же (алмутцы),

узнавши об этом, стесненные долгими войнами, всесторонне обессиленные, бежали в Египет, который есть Миср, да забрали с собой домочадцев и скот и всякое достояние свое, и султан мисрийский расселил их у себя. И ныне всякий мулид, идущий из Мисра, является тем же алмутцем, там обосновавшимся.

И так, прибрав к рукам Алмут и весь Хорасан, Уло дал себе волю воевать против всех непокорных племен, и истребил он столько людей, что пробыли в одном лагере около (всего) двенадцати дней, потому что от убиенных людей стала зловонной местность, в которой располагались. Но паче всего истреблено было персов, ибо омерзительной считал он веру мусульман, и было у него право судилища над ними.

Оба царя – Давид и Давид – постоянно пребывали при оном Уло. А был сей Давид, сын Лаши, велик ростом, статный, доблестный, дородный, простодушный, доверчив к злоумышленникам. А сын Русудан, Давид, был статью умерен и сухопар, ликом приятен и благолепен и не густ волосами, быстроногий, отменный и удачливый охотник на дичь, сладкоречивый и словоохотливый, щедрый и кроткий, храбрый наездник, в походах сметливый, правотворный и особенно – труженик. Они большую часть времени пребывали при Уло каэне. А Уло более возлюбил сына Лаши – Давида, и презрел сына Русудан – Давида. И когда сын Русудан был пред Уло каэном в Алатаге, схватили его и доставили на место зимовки в Бардав. И как подступили к Нахчевану, оттуда Давид, сын Русудан, ушел (в сопровождении) лишь трех мужей, кои были: Гурклели, Амирэджиб и Бегай Сурамский, коего татары прозвали Салим-Бегом, что значит Добрый Бег. Отправился (Давид с ними) в Абхазию, ибо сын Лаши, Давид, в ту пору был в Тбилиси. И как только достиг Нарин Давид владения атабага Авага в простецком одеянии, увидел его находившийся на охоте Сумбат Орбели.

Ибо (в пору) истребления царем (рода) Орбели некто из них по имени Липарит бежал и удалился в Нахчеван. Достиг он владений Элигуна. А Элигун же, узрев Липарита Орбели, ввел его в свой дом (в качестве) жениха и выдал ему в супруги дщерь свою, которая и родила двух сыновей, коих нарекли: одного Элигун, а второго – Сумбат. И Элигун (старший) усыновил Сумбата. Внук этого Сумбата – Сумбат – и случился Давиду и привел его в свой дом. А Давид же взмолился Сумбату не распространяться (об этом), но отправить его в Абхазию, и отдал ему же камень тот именитый, который был дан (Давиду) матерью его Русудан. И в страхе перед татарами отправил его в убогом одеянии. И достиг он Тори, Липарита из Тори, который именовался также «Драконьими ушами». И тот даровал ему коня и облачения и сопроводил его в Кутатиси. Узнавши об этом, абхазы, суаны, Дадианы, Бедианы, эристав Рачинский и (вообще) залихцы собрались в радости великой и сделали Давида царем абхазов до (самого) Лихи.

Тут-то и превратилось царство сие в двуначальное, хотя (по-прежнему) были во взаимной любви Давид и Давид. И остались посюстронние от Лихи (земли) у сына Лаши, Давида, а потусторонние от Лихи – у сына Русудан. И устроились все владения, и стяжали богатства безмерные, и управили добротно дом царский, и служили каэну.

Тогда великий каэн Бато, который владел Кипчакией и Овсетией, Хазарией, Русью, Болгарией до сербов, до Дарубанда и Хатаети, – отправил посла и призвал царя Давида. И отправился пред Бато царь Давид с дарами безмерными и оставил управительницей дома государыню Джигда-Хатун[41] и царского гостинника Джикура[42], ибо был сей сердцем предан царям паче всех людей, ибо во всем царстве не осталось воров и разбойников, если где они и случались, то вздергивали их на

древе, и не было у него каких-либо прочих достояний. И так он стал возвеличен царем Давидом за великую преданность, что тот поручил ему правление царством и Домом, и оставил его в Тбилиси при государыне. Он отстроил Исанские палаты в замечательном порядке, и сделал данниками пховельцев и обратил их в мулопасов, людей оных звериной природы.

И пошел царь пред Бато, почетно принял он (Бато) его и исполнил ему все желания. И пребывал царь пред Бато долгое время. И местности каждой из областей пожаловал каждому человеку, потому и пожаловал Кахети Торгуа Панкийскому и уведомил его повиноваться воле государыни. Подумалось Торгуа, что не вернуться царю, отступился в Панкийской крепости, присвоил Кахети, не стал повиноваться государыне и гостиннику Джикуру.

Тогда смилостивился каэн над царем Давидом и поднес ему опахало теневое, коим никто (не мог) обладать, разве только каэн и родня его. Уведомил он Уло, дабы никто, кроме улусского ноина, при вступлении в Орду не возвышался над царем, ибо таково было правило татар, что прежде каэна никто не приседал, также и во время трапезы. Таким образом, он почтил царя и отправил его в царство Картлийское. И когда он достиг Эрети, вышла навстречу ему вся знать царства его. А оробевший же Торгуа удалился в Панкиси. И царь вступил в Тбилиси, и была радость у всех обитателей Грузии. А царь же Давид призвал Торгуа к себе, но тот из страха не явился ко двору царскому. И многократно он призывал его, но тот не решался появляться. Тогда по совету Джикура (владетель) Хорнабуджский пришел в дом Торгуа, чтобы войти к нему в доверие с твердой клятвой. А Торгуа говорил ему: «Пойдем в Алаверди пред Георгием и там мы поклянемся и там поручись». И отправились оба, и Торгуа припал к краю облачения Алавердского архимученика. Подошел и Хорнабуджский и поклялся и отвел его от подола (облачения). И Торгуа говорил ему: «Что содеешь ты со мною, да отплатит тебе тем же сей святой Георгий, ибо я одинок и с погибелью моею останется вотчина моя без преемника и да оставит также и дом твой без преемника святой архимученик». И повел его Хорнабуджский, связанный твердой клятвой, в Табахмелу, и попрал он мольбу и клятву данную, и схватил его Джикур по наущению государыни, без ведома царя, и забрали его в Клдекари и сбросили оттуда.

А как отплатилось злому Хорнабуджскому посрамление мольбы и клятвопреступление, зрите (сами), ибо был у него сын по имени Шалва, исполненный добра. У сего Шалвы были дети и вскорости вымерли, и престарелый также помер от тоски, и вам ведомо безлюдье дома его. И остался сын их по имени Шалва, который, наконец, был убит татарами. И обезлюдел дом его. Таким образом отомстил Алавердский архимученик.

И как устроил царь Давид царство свое, предстал пред каэном Уло с дарами великими, увидев которые, (каэн) приветил его с почтением и учредил его предстоящим и предвосседающим, судией и советником (наравне) с ноинами.

В эту же пору соизволил Уло каэн идти в поход на Вавилон, который есть Багдад, и на царя вавилонян – халифа. И созвал он всю рать свою и отправился в Багдад. И каэн обступил и осадил его. С одной стороны приступил сам каэн с этого (берега) реки, а с другой – Элга ноин, а со стороны одной – царь Давид, потому как при нем была вся именитая знать грузинская. И воевали мощно и немного дней, и примерно, через дней двенадцать забрали Багдад.

Царь Давид велел воинам своим вырыть (проход) под оградой (города). И они прорыли его, проникли сквозь стену грузины и произошла мощная схватка, и истребляли воинов багдадских, и

жуткий страх обуял багдадцев. И так отверзли грузины врата городские, и (затем) вторглись татары. Узнав о том, что татары ворвались в город, халиф бежал на судне по той же реке, которая течет через город. Заприметил его Элга ноин, что был по ту сторону реки, ринулся на него, но не в силах был бежать и вернулся в свои палаты. И так легко прибрали к рукам прославленный оный город, но кому под силу поведать об испытаниях и бедствиях, которые выпали Багдаду? Истребили мечами такое множество, коему не было меры, кварталы, улицы и дома были переполнены трупами. А о богатствах и добыче, найденных тогда, кто бы мог рассказать? Ибо преисполнились татары и грузины злата и серебра, каменьев и жемчугов честных, тканей и облачений, сосудов золотых и серебряных емкостей, так что никто не брал ничего кроме золота, серебра, благородных каменьев, тканей и одеяний. Прочие сосуды, созданные в Китае и Кушане и оттуда привезенные, красная медь и железо валялись без призрения. И так нагрузились воины, что битком набили седла и курданы и прочие дешевые емкости каменьями и жемчугами и червонным золотом, некоторые отламывали рукоятки от мечей и ножны набивали червонным золотом и сверху прикрывали отломанной рукоятью. Некоторые потрошили убитого багдадца и запихивали в него червонное золото и каменья и под видом собственного покойника вывозили за город. И так грабили, истребляли и полоняли.

Вступили во дворец халифа, вывели халифа и сына его и все сокровища их дивные и представили каэну Уло. И как представили их пред ним, говорили халифу, чтобы поклонился он каэну, но тот не снизошел, предстал и сказал: «Я – царь самодержавный, никогда никому я не бывал в покорности. Ежели отпустишь меня – покорюсь, а ежели не отпустишь – умру, не став ни у кого в покорности». Но те понуждали его поклониться, сбили его с ног, и пал он навзничь и не поклонился. (Хулагу) велел вывести его вон в сопровождении Элга ноина, чтобы казнить халифа и сына его. И сказал халифу, мол, «каэн пощадил тебя»; обрадовались они, и говорил (халиф): «Ежели помилует, пусть отпустит и отдаст мне Вавилон». Но Элга ноин сказал: «Нет, но каэн сам собственными руками и мечом своим казнит тебя, а сын каэна Абаги казнит сына твоего». И произнес изумленный (халиф): «Ежели казнить, то пусть убьет меня хоть пес, хоть человек». Таким образом был казнен халиф со всеми домочадцами его. Но помиловал оставшихся багдадцев и велел (приступить) к строительству, и разбросали монеты с икон. И так, обогатившись пленниками и добычей, вернулись (к себе) на стойбище.

В эту пору произошло и следующее: потому как каэн Бато, что был величайшим среди всех каэнов, соизволил высчитать и переписать все страны[43]. Он и разыскал некоего человека, из рода оирдов по имени Аргун, правотворца и праворечивого и глубоко сметливого и разумника избранного. Его и отправил он по всей подвластной ему державе – Руси, Хазарии, Овсетии, Кипчакии, до (самого) Мрака, и на Восток до Чина и Хатаети, чтобы высчитать и установить всадников и воинов, (способных) идти в поход с ноинами, великих и малых, в соответствии с их улупой, что суть подношения путникам, цена коням и вьюкам.

Как только упорядочил он державу Бато, (этот) отослал его в Каракурум к каэну Кубилу, дабы он навел у себя порядок руками Аргуна. И каэн Кубил тоже изволил поступить так же и отправил того же Аргуна упорядочить государство свое. И определил ему тот же порядок. И (затем) явились пред престолом каэна Чагата и Уркан. И этот изволил также и ввел тот же порядок в Туране и уладил тамошние (дела) сполна. И прошел он Джеон и прибыл в Хорасан, Ирак и Ромгур, и также все там обустроил.

И прибыл он пред каэном Уло, а он приветил его с почестью и отправил в Грузию, к царю Давиду, и в Грецию и во все подвластные ему земли, произвел перепись и правление. И когда он прибыл в Грузию, предались великому бедствию все жители царства Давида. И стали переписывать от людей до скотины, от нив до виноградников, от садов до огородов. И из девяти зажиточных крестьян одного отбирали для военных походов. И вышло из царства Давида девять думанов всадников, сопутствующих татарам, что составляет девять бевров. И установили (размеры) подношений – от одного селения для предводителя тысячи всадников одного ягненка и один драхкан, а для главаря бевра – одного барана и два драхкана, а плата за коня – три тетри ежедневно. И упорядочив таким образом, отбыл в Грецию и Багдад и (далее) повсюду.

Наведя порядок в четырех каэнствах, сей Аргун остался доволен, ибо был он человек правотворный. Но в учреждения священников и монашества и церкви не ввел подати, ни калан, а также шейхов и дервишей и людей всякой веры, чина Божеского – освободил.

А в эту пору каэн Уло изволил двинуться в Египет и призвал (грузинского) царя со всем его воинством, и отправился воевать против султана. И достигли Междуречья и Шама. Узнав об этом, султан египетский вооружился для противостояния татарам и подступил к реке Евфрат со всеми всадниками его. И прибыли татары и переправились через реку, ибо султан покуда еще не достиг берегов реки. И сошлись. Султан расположился в передовых (рядах), и произошла битва великая, в которой царь Давид и воины его мощно сражались в передовых. И пало с обеих (сторон), и бежали египтяне, а воинов султановых погибло множество. И каэн на много дней разбил лагерь на берегу Евфрата, где он и увидел, на реке Евфрат, городок небольшой, но сильно укрпленный, который с одной стороны (примыкал) к скале, а с другой стороны – был защищен рекою Евфрат. Когда же каэн увидел твердость города, не в силах ему стало брать его, но изобрел дивный прием, ибо говорил он расположившимся под ним: «Нет никакого способа для завоевания города. Повелеваю двинуться и осадить город и начать по-песьи выть и рычать». Услышав это, (воины) подивились, оседлали коней и стали рычать по-собачьи. Когда же звуки эти достигли города, произошли удивительные дела, ибо город раскололся надвое, половина обрушилась со скалы в реку, и погибли несчетные души. Так он захватил (город) и двинулся в Шам и Междуречье. И вышли ему навстречу все жители Междуречья и Шама, полные немеренных даров.

А царь Давид и грузины ушли от каэна, чтобы вернуться, ибо с давних пор находились они в походах. Тогда каэн Уло дал им свободу, и они стали возвращаться. И так, преисполненные бесчисленных даров и добычи и обогащенные, царь Давид и грузины дошли до Адарбадагана и оттуда, полные радости, вступили в Тбилиси.

В это время царская знать пребывала в печали, потому как Джигда не рожала сына. По причине этого царь решил привести в супруги, чтобы родить дитя, Алтун, из племени овсов, зарекшись, что ежели она даст ему младенца-сына, не оставит ее (при себе), а отправит обратно. И как прошло немного времени, зачала Алтун и родила сына, и нарекли его именем Георгий, коего царица Джигда-Хатун ввела в дом в качестве сына. (Затем), спустя немного, зачала и родила дщерь и нарекла ее именем Тамар. И тут удалил он полюбовницу свою Алтун, что была весьма благозданна. А спустя малость (времени) преставилась царица Джигда-Хатун и понесли ее в усыпальницу цариц во Мцхету и погребли.

В ту пору царь Давид отбыл к Уло каэну в Муган, ибо там было у (татар) зимнее стойбище, оттуда (Давид) сопровождал его на летнее стойбище, а оттуда (Уло) отправил царя в Картли, дабы быть ему готовым к походу в Египет[44], который есть Мисрети. И обошел он владения атабага Авага, сына атабага Иванэ. А в ту пору Аваг был преставлен и не оставил он сына юного, но одну (лишь) деву по имени Хуашак. И прибыл царь на похороны в Биджниси и заметил там благозданную вдову Авага из рода Кахабера, дщерь эристава Рачинского, по имени Гванца. Возлюбил он ее, и спустя малость, взял ее в жены и государыни, и привел в царство свое. А деву оную Авага оставил (правительницей) ее вотчины и поручил ее Садуну Манкабердскому, что был мудрым и разумным человеком и добронамеренным, прекрасным, силою весьма мощным, видный и отменный единоборец, стрелок искусный, который, став пред Уло, поклонился и, сложа руки, говорил ему: «Потому как Господь ниспослал вам победы над всеми супротивниками вашими и выделил превосходящими над всякими людьми, и нынче здесь присутствуют сто тысяч всадников, и я готов (состязаться) с любым (из них) в единоборстве, либо вступить в схватку, либо стреляться». И не нашлось никого, подобного ему, борца, а кто и нашелся, одолел каждого. Так он стал любимцем каэна Уло. И стал он возвеличиваться. А ввиду рузмности его и царь Давид почитал его и поручил ему дом Авага. А государыня Гванца зачала и родила младенца и нарекла его Димитрием, который стал царем после Давида, о чем и явствуют нижеследующие слова.

Гостинник Джикур тяготился царением оной Гванцы, ибо были они недругами. Ввиду этого по умыслу Сумбата Орбели, (царю) было внушено, а именно: «Джикур отправит людей пред Аргуном, дабы осведомить каэна Уло о богатствах царя и о замысле его об отступничестве». А ввиду того, что был он (царь) непорочен, к тому же непорочный верит всему, спешно отправил он приближенных и велел им представить его (Джикура) пред ним и разорить дом его. И как только служители царские исполнили то и представили Джикура ночью царю, ибо царь сидел в Исани и (сверху) взирал на Куру, он не обменялся с ним словом и без допроса велел сбросить его в Куру. Когда же рассвело, увидели Джикура, выброшенного на песчаный берег, и все дивились его неожиданной смерти, и не нашлось никого, кто бы его похоронил, ибо не было у него детей. И собрались все убогие, сирые и вдовы и молили царя выдать им прах Джикура, ибо много добра было им сделано для них. Внял Давид и выдал им тело его, и с великим плачем забрали его в церковь святой девы Христины, которая, разрушенная хорезмийцами, была заново отстроена, и там погребли его с большими почестями, насколько это было под силу убогим.

А после этого каэн решил вооружиться на султана мисретского и собрал всех главарей и воинов своих и призвал царя Давида и воинство его в Египет. Но царь Давид с подвластною ему (страной) были стеснены переписью Аргуна, который установил, что за вырученные в Тбилиси сто тетров три тетри откладывались для каэна. Помимо того, он оставил и утвердил в Тбилиси некоего Ходжу-Азиза, родом и верой перса, который опустился до такого бесчинства, что за покупку овцы либо ягненка (даже) для царской кухни была им установлена хараджа, которую они называли тамгой. Стесненный этим обстоятельством, царь рассуждал: «Идти мне в Египет или отступиться от каэна» – и ни на что не решался. Однако он отправился в поход и как только достиг земель Джавахетских, решил отступиться и, призвав советников своих, говорил им: «Буде кто изъвит желание, пусть оставит свои владения и пойдет за мною. Ежели кто не изъявит (на то) желания, пусть он служит каэну и идет на Миср, чтобы защитить державу его, ибо воля человека да будет

за каждым человеком, а у меня нет желания служить татарам ввиду произвола Ходжи-Азиза, коего поставил надо мною Аргун, ибо не позволю я в отношении себя подобного посрамления». И некоторые из царской знати поддержали его, а некоторые – нет, хотя он и так решил отложиться. А большинство отбыло к каэну: сын Шаншэ Иванэ, Григол Сурамский, Каха из Тори, эристав Ахалкалакский, главные и основные отправились к каэну и большинство эр-кахов. Когда царь убедился, что вельможи примкнули (к каэну), он также дал себе волю, отложился и обратился к Саргису Джакели из Цихис-Джвари, у которого был чин амирспасалара Самцхийского, и призвал его отложиться от каэна. Саргис поддался и привел (царя) в Самцхе, в дом свой, и содержал его в большом почете и покое превыше всех обычаев царских, и вызвался для содержания царя и воинства его выдать все свои города-крепости и владения, но царь не позволил себе (этого). И оставался у него небольшую (часть) лета в единодушии, которое установилось меж ними, и так пребывали они в Самцхе. А царицу Гванцу и сына ее малого оставил в доме Авага в Биджнисе.

Тут-то и вернулся победно Уло с войны против султана египетского, коего он одолел и обратил в бегство, где мощно сражались случившиеся там грузины. И когда он прибыл в свое летнее стойбище Алатаг, а оттуда в Сиаку, а затем в местность зимних стойбищ, которую ныне именуют Карабагом и Муганом, расспросил он о делах Давида и узнал о его отступничестве. Призвал он Аргуна и двести начальников (мтаваров) и поставил его командующим и дал ему двадцать тысяч конников и повелел тем из грузин, что были ему подвластны, сопровождать Аргуна Оирда и идти в Самцхе на царя и воевать против него. Двинулся Аргун с двадцатью тысячами всадников, прошел Гандзу и Сомхити и подступил к Тбилиси, здесь к нему примкнули все вышеупомянутые вельможи Грузии и отправились с ним в Самцхе воевать против царя. И как узнал царь Давид о появлении Аргуна и всех вельмож картлийских, призвал он месхов, шавш-кларджей и (прочих), кто был с ним единодушен; собрал он немного людей, всадников восемь тысяч и назначил командующим Саргиса Джакели, человека отважного и мужественного, многократно испытанного и прославленного в боях, статью доблестного, искусного верхового бойца, отменного стрелка, меткого и безупречного в охотах на дичь. Царь был в надежде на него, и велико было единодушие его к царю. И отправил его (царь) противостоять и сражаться против Аргуна; двинулись и стали в ущельях. А Аргун прошел Картли и стал в Сурами и направил передовых бойцов – шесть тысяч всадников. И стал Аргун в Шиндари, а передовые (всадники) прибыли в Тасискари и стали в бассейне той реки, которая есть Шола. А Саргис же двинулся в долины и отправил передовых бойцов – тысячу пятьсот всадников – людей отборных и испытанных в боях; не ведали они о приближении Аргуна. И двинулись и прошли Ахалдабский мост. Была студеная зима, как это положено в декабре. Вышли из теснины передовые грузины и увидели отряд татар, приготовились грузины (к бою). И нагрянули стремглав месхи и в первой же схватке обратили в бегство татар при виде вновь наступающего грузинского войска и перебили множество славных из них. И так мощно сражались месхи, что лишь немногие из неприятелей спаслись, сокрывшись в отрядах Аргуна на Шиндаранском холме. И гнали их и истребляли, не дождавшись воеводы Саргиса и войска царского, потому как отряд татар стоял неподалеку. И так со славною победою вернулись с головами многих славных татар и встретились они с Саргисом и войском. Как только Саргис узрел ликование и надежную защиту, возрадовался, однако тяжело было ему, ибо не участвовал в сражении, а был он человеком мощным и отважным. Вновь возжелал он выстроить месхов, пошел на Аргуна с сердцем доблестным. Но Аргун созвал

рать свою и снова бежал при виде вновь наступающего грузинского войска, но знатные грузины, коими предводительствовал Каха из Тори, не дали ему бежать, и говорил (Каха) ему, а именно: «Мы, грузины, сведущи в их войнах, вместо вас мы будем с ними сражаться». И таким образом с трудом его убедили, и снова выстроил (Аргун) своих всадников. И так сблизились друг с другом, нагрянули на (противника) дерзостные месхи. А Саргис Джакели прежде всех сошелся с отрядом (татар) и самого отважного их них – Чинбаадура – копьем своим низверг с коня наземь. И произошла битва мощная, и было перебито множество ратников Аргуна, и обратились они в бегство. И первые же ряды войска царского одолели, и как заведно в обычаях бегства и отступления татар, внезапно бежали они вон. Тогда-то малодушные царские воины спешно обратились вспять. Так, обреченные и рассеянные, они истреблялись татарами. За множество грехов наших обрек их Господь и отдал в руки язычникам. Они же немилосердно их истребляли, и перебили татары множество знатных (грузин), из коих лишь немногие с трудом спаслись. И преследовали до Ахалдабского моста, а то и далее. А некоторые были уведены в полон – Гурклели Мурван и многие другие.

Таким образом победно предстал Аргун пред каэном Уло, а Саргис и месхи прибыли пред царем в Ацкури со стенаниями по близким своим, ибо большинство было перебито, а осталось их немного.

В Самцхе царь провел половину зимы, и (затем) перешел в Шавшети и Кларджети и (затем) отбыл в Нигалисхеви. И как только наступил месяц май и появилась трава, каэн отправил в погоню на розыски царя того же Аргуна, с которым были и грузины, приспешники каэна, и в июне месяце прибыли в Самцхе. Некоторые из месхов вышли навстречу Аргуну, а некоторые примкнули к царю. И так-то начал он (Аргун) разорять и полонять Самцхе и подступил к Цихис-Джвари, и стал мощно его отвоевывать, ибо не была она ограждена стеною незыблемой. А защитники крепости сражались мощно и множество мужей перебили и весьма теснили осаждавших, денно и нощно (устраивали) вылазки и в отдельных местностях истребляли (неприятеля). Видя твердость Цихис-Джвари, что значит Крепость Креста, (Аргун) снялся и удалился, к тому же получил письмо от каэна, торопившего его с возвращением, потому как каэн, будучи на войне против страны Туран, (уже) прибыл в Хорасан. Таким образом, оградил Господь страну Самцхийскую от бед, потому как Аргун был в Самцхе едва ли двадцать дней.

А царь Давид вновь вошел в Шавшети и Самцхе и как увидел разоренную Самцхе, созвал советников своих и спросил, что делать, ибо вести войну с татарами не (представлялось) возможным. Тогда Саргис Джакели – Цихис-Джварский доложил, а именно: «Самцхе невелика и неладна для царского стойбища. Теперь советую тебе идти в Залихскую (сторону) к сыну Русудан Давиду, ибо вам, именно вам обоим принадлежит царство: и то, и это. Я же приношу тебе голову мою и все состояние мое и войско мое, и пользуйся всем этим, как тебе угодно. И ежели по-доброму будет гостевание у Давида, – хорошо, а ежели нет – се! – сокровища мои готовы к вашим услугам. И ты также не жалей сокровищ своих и договоримся с тавадами имерскими и раздадим им казну и поставим их подле нас».

Благоволил (Давид) всем этим советам, и отправили гонца пред сыном Русудан, дабы тот уважил ему, бежавшему от татар, и он обещал. И отбыли и прибыли в Кутатиси, где его встретил и предстал сын Русудан и милостиво (принял) в гости, и провели они совместно один год. То, что сын

Русудан (принимал) его в гости – это так и положено было (приветствовать) сына Лаши, Давида. Но этот вращался между ними словно чужак.

Тогда посовещавшись, (решили) с эриставом Рачинским, сыном Кахабера из рода Кахаберисдзе, с сыновьями Квабулелисдзе, Фарнаджанианом Саргисом сделать царем сына Лаши – Давида, коего они предпочитали, и произошло отложение Залихской (Грузии); и некоторые поддержали сына Лаши, а некоторые – сына Русудан. Дадиан-Бедиани, сын Джуаншера, стал верным сыну Русудан, ибо был сей Бедиани мужем, преуспевшим в нравственности, щедрым паче всех людей, преисполненным разума. Он упорядочил Одиши, в которой нельзя было сыскать воров и злодеев; и сваны разделились надвое. Но оба – Давид и Давид – не вредили друг другу, хотя войска им не повиновались. Таким образом, в Имерии был разброд и много беспокойства.

Тогда не стало выхода, и постановили разделить царство и казну надвое. И определили (для этого) главарей царства и поделили надвое: Тбилиси – надвое, Кутатиси – надвое и тавадов и эриставов от Никопсии до Дарубанда разделили на равные части[45]. И поделили царскую казну, но из той, что хранилась в Хуамлинском Гроте, взяли малость и поделили, а большую же (часть) оставили в Гроте. А цепь оная особой ковки и камень оный благородный, наковальня и жемчуг оный крупный, равного которому никто нигде не ведал, все три (этих предмета) достались сыну Русудан – Давиду. Тут-то и произошло разделение царства, и отныне возникли два царства. Было тогда посюстороннее царство Грузии бесцарственно. И распалось войско. И прекратились походы с татарами и служба им.

Затем каэн решил (установить) союз с царем. Позвал он Аргуна, (велел) ему отправить к царю посланника (с целью) установления союза и клятвенно подтвердил безопасность. Ибо государыня Гванца, Авагова вдовица, и сын ее, отрок малый, коих пленниками забрали в Орду, оставались в руках Уло ввиду того, что (он) подумывал сотворить над ними злодеяние; супруга некоего ноина взяла его (отрока) и усыновила, ибо она была бездетной. Но поговаривали и об этом: вскормив младенца Димитрия грудью, мгновенно отверзлось ее чрево, и зачала она и родила себе дитя – сына. И в силу этого супруга ноина оказывала милости Гванце и ее отроку. Аргун велел представить человека пред царем для установления союза. И отправили для союза гонца, дабы отдать ему все царство и вернуть изначальные царские почести. Когда же послы каэновы явились пред царем и доложили ему (об этом), тот уведомил их так, а именно: «Причиной моего ухода и удаления из царства был Ходжа-Азиз. Ежели каэн соблаговолит приветить меня, я представлю ему моего первенца, сына Георгия, и пусть он дарует ему царство мое. А государыню Гванцу и сына моего Димитрия пусть отправят ко мне, и Ходжу-Азиза пусть выдаст мне, дабы смертью его отомстить ему за дела его, причиненные им мне».

Когда те вернулись и предстали пред каэном, благоволил он словам царя, и выпросили они сына его, Георгия, и утвердили ему твердо и клятвенно, испитием из клятвенного золота, что (каэн) надежно защитит сына царского и отдаст ему царство его. Ежели царь Давид свидется с каэном Уло, коего именовали и Эджаном, то он и выдаст в руки царские Ходжу-Азиза, коли пожелает – пусть казнит, коли же пожелает – пусть помилует. Посредником в это дело он ввел Энука Аркуана, человека справедливого и честного верою и почитанием Креста Христова. И он взялся просить каэна не вредить Давиду и сыну его Георгию. (Затем) Энук сам пришел к Давиду, дал клятву и забрал с собой сына его Георгия. Вошли в Тбилиси, и там встречали их все мтавары и эриставы

грузинские и некий Шадин, родом армянин, которому Аргун даровал Тбилиси и само царство. Поднес бесчисленные дары Георгию. И провели в городе малость времени, а затем отбыли к Эджану и достигли Орды. Спервоначала представил он (Георгия) жене Эджана, Тонгуз-Хатун, ибо была она дщерью высокого государя Константинопольского, верой христианка и православная. Потому-то и выказывала Тонгуз-Хатун почести Энуку Аркуану, что и он тоже был христианином. Как только она узрела отрока того, возлюбила его за добродетели его, да и сама она была благозданна. Затем представили его каэну, и он по-доброму приветил его и оказал ему большие почести. И в сих почестях высоких провел он там один год и даровал ему каэн все царство его. И снарядил посланника, чтобы представить царя Давида Эджану, но царь привередничал из-за невыдачи ему Ходжи-Азиза: «Ежели не выдадите мне его на казнь, я не явлюсь в Орду». Узнавши об этом со слов Аргуна, каэн разгневался, ибо тяготила его (мысль) о казни Ходжи-Азиза. Поэтому говорил (Аргун) каэну, а именно: «Царь не явится к тебе на службу, но вновь ложью утешает тебя. Нынче же я тебе советую уничтожить сына царского, и отправь меня в поход на (самого) царя. Я связанного доставлю его тебе».

Каэн поверил и назначил людей, которые должны были уничтожить сына царского и всех, кто были в сопровождении царевича[46]. Проведал об этом Энук Аркуан, встал и стремглав бросился к Тонгуз-Хатун и поведал ей все эти слова. Она же спешно, взяв с собой Энука Аркуана, предстала пред каэном и доложила: «Великий, высокий государь каэн, что за неправедный приказ ты отдал – умертвить сына царского и служителей его? Неведомо ли тебе, что он из потомков блестящего и благородного рода, как глаголет Пророк пророков, к коим обращался Господь. А затем ведь ведомо тебе, что привел ты его к себе, (дав) клятву. И я, и Энук Аркуан изберем себе смерть, и вот! – головы наши да будут за сына царского. Да ведай и о том же, что брат твой, сын великого каэна, шлет ему множество посланников и подносит ему большие дары, чтобы тот предоставил ему дорогу Дариалана и Двалети, ибо обе они в его руках. Да (позволю) дать тебе совет: пошто ты из-за одного престарелого персидского купца гонишь великого государя к твоим же врагам, ибо ежели объединятся улус Бато и царь, они возбудят великое смятение».

Как только выслушал это Уло, дался диву, стремглав призвал Георгия, ввел его (к себе) и выказал ему уважение и облачил его в одеяние блестящее. И поручил его Тонгуз-Хатун и Энуку Аркуану и говорил им: «Вот вам, (примите) от меня клятвенно сына царского. Не причиню я Давиду ничего, опричь почета. И ты, Энук, бери обоих детей – сыновей царских, Георгия и Димитрия, и государыню Гванцу и поступай с ними по волеизъвлению Тонгуз-Хатун и твоему, и приведите Давида». Выслушав это, они возрадовались, поклонились ему и доложили: «Да станут головы наши залогом (на случай), ежели отдашь ты нам Ходжу-Азиза, а мы не приведем Давида. Но ежели не дашь нам Ходжу-Азиза, (Давид) не явится». Хотя тяжко было Аргуну выдать Ходжу-Азиза, он уступил его, и забрал его Энук. И начертала Тонгуз-Хатун клятвенное письмо царю: «Да не причинит каэн ему страданий, ежели явится он в Орду, но весьма уважительно почтит его и выдаст ему царство без ущерба».

И отправился Энук Аркуан и прибыл в Тбилиси и привел обоих царских сыновей. И отправил гонца к царю и известил его обо всем. И отправился царь и пришел и стал на краю Квишхети, в центре Сурами, и призвал Энука Аркуана. И тот явился и привел ему обоих сыновей и поднес послание клятвенное и вручил ему Ходжу-Азиза. Как только царь глянул на него, велел отсечь

ему голову. И отсекли, а голову отослали в Тбилиси, воздвигли шест и наколили на него голову Ходжи-Азиза.

Итак, царь отбыл с Энуком в Орду. И проводили его все (жители) царства его, и отправились. А сопровождал царя Саргис Джакели из Цихис-Джвари, весьма заслуженный, который выказал и такое благородство, ибо во время пребывания царя в Тбилиси явился посланник каэна и говорил, а именно: «За царя я ручаюсь, но не ручаюсь за Папу Саргиса». Неприятно стало Саргису от этого, а царь уговаривал его вернуться обратно, но тот не повиновался и говорил ему: «Не понуждай меня делать этого – вернуться восвояси. Ежели по греховности моей татары причинят тебе зло, скажет всякий человек, что по наущению Саргиса царь отступил от татар, а теперь же, мол, вернулся восвояси, а царя отправил к каэну на погибель. Не дай того Бог, ибо из-за этого посрамится род мой; наоборот, ежели меня казнят, да случится это за вас, ежели же жив останусь – останусь с вами». Царь остался ему столь признательным, что (особой) грамотой даровал ему (в качестве) вотчины одну общину в Самцхе и Тбетский храм в Шавшети.

И двинулись в Орду и предстали пред каэном Уло в Бардаве, ибо там было его зимнее становище, и не ведали они о его намерениях в отношении них. Спустя немного дней, каэн призвал на прием царя и мтаваров, начал расспрашивать о причинах отступничества царя. И все ожидали осуждения царя и вельмож его, и молили Бога и Всесвятую Метехскую Богородицу, которой были препоручены. И предстали пред каэном, а он собстверучно преподнес им вина в большой золотой чаще, ибо таково было правило каэново. И когда царь восседал с подобранными ногами, а заодно с ним все мтавары, каэн вопросил, а именно: «Ты почему дерзнул отступиться от меня и почему воспротивился указу моему и повздорил с Аргуном? Или я мало добра сотворил тебе. Пропащего и на смерть обреченного, я вытащил тебя из колодца и спас тебя от гадов и посадил царем». И тогда не имея дать ответ, царь оглянулся назад в сторону Саргиса Джакели, будто он был причиной брани с Аргуном и избиения татар.

И видел Саргис, как царь, с львинным рыком, напустился на него за то дело, но не сробел (Саргис), а бесстрашно встал пред каэном, (готовый) положить собственную голову в жертву царю, согласный быть казненным вместо царя, и коленопреклоненно говорил: «О, великий каэн, это я тот, который схватился с Аргун-агой». А он спросил: «Это ты Папа Саргис?», потому как Папой Саргисом именовали его татары. Он ответил: «Тот самый». Сказал: «Почему ты ослушался царя и повздорил с Аргуном?». Но Саргис не был научен в языке их, толмачом выставили Садуна, как искусного говорить пред каэном и которого Уло возлюбил весьма и весьма его чтил, ибо был он человеком разумным и благоязычным. Тогда Саргис ответствовал: «О, великий каэн, не было иной причины, кроме как (той, что) он взял царство Давида, он прибрал города и веси, церкви и крепости разрушил. О, осчастливленный каэн, никто не давал тебе знать об этих несправедливостях, он запер двери ваши мздоимством. По этой причине повел я царя, дабы каэн узнал и рассудил это дело. Поскольку ныне он дал мне честь говорить, то ведай и о том, о, каэн, что персы издавна являются нашими, грузин, неприятелями. Поэтому и стал я бояться и воевать с Аргуном, ибо несправедливости Ходжи-Азиза в отношении царя мы не допустили. О, каэн, царь здесь неповинен, это я тот, который отвел царя от двора вашего». И умножились слова и многообразные прения между ними, о чем нет времени молвить и писать. И царь также говорил много чего. И Энук Аркуан и

великий оный каэн восседали в центре, и Садун ловко переводил и украшал царские слова, потому как царь на слова был несколько тяжеловат, Манкабердский же Садун был прекрасноречив.

И каждый ждал свершения зла над царем и казни Саргиса. Тогда и ниспослал Господь милость уповающим на Него, и нынче же защитил их. И когда царь и каэн обменялись друг с другом словами, появился человек из Дарубанда, (один) из путевых сторожевых каэна, коих именовали караулами, и пока еще не были завершены переговоры, вошел сей человек каэна в Орду и доложил каэну: «Нет времени для словопрений, ибо тронулся улус великого из великих каэнов Бато, и сын его великий каэн Берка ступает по пути Дарубандскому с бесчисленным и великим полчищем воинов»[47].

Услыхав об этом, каэн спешно созвал свою рать, и она спешно собралась пред ним. Тут же отправились первыми вступить в бой, и когда обе рати сблизились друг с другом, царь взмолился каэну, дабы определить царя и воинов его, да и в обычае грузин – биться в передовых. Внял ему Уло и назначил царя передовым, стоящим подле него. А Саргиса Джакели расположил лично пред собою, и установил справа и слева. Организаторы отрядов отправились.

Но случилось и такое. В отряд вторгся олень, которого Саргис Джакели, одетый в доспехи, поразил. Прошли немного, и тот же Саргис стрелою сразил лису. (Затем) вновь попутно убил зайца. Свидетелем всех трех (случаев) был каэн Уло и весьма хвалил Саргиса и много доброго говорил ему.

Тогда оба войска сблизились друг с другом, и среди них показался некий именитый человек, коего отправил великий каэн Берка, ибо сам каэн не выступил. Сей приблизился к царю Давиду, что весьма смутило царских воинов, ибо был тот человек могуч и мощен и беспромашный стрелок. Но царь выхватил стрелу из колчана, поразил коня его в грудь, вонзил и пронзил воину сердце. А возликовавшие грузины воспряли и устремились вперед.

Произошла сильная и жестокая сеча на поле Шабаранском. Мощно сражались царь и воины его, среди коих Саргис совершил столь славный подвиг пред Уло, что изумился каэн. И затянулась битва повсюду, и с обеих сторон погибло бесчисленное (множество). Бежало войско Берки, и начали стремительно его преследовать. Но случилось и такое: во время сего преследования Уло продолжал стоять, примерно с четырьмя людьми, на каком-то малом холме. И когда те белгецы увидели его, то семеро (из них), отборных воинов, ринулись на каэна. Видя это, проходивший (тут же) с тремя людьми Саргис, напал на тех семерых воинов и с тремя бойцами схватился с ними, и четырех тут же перебили Саргис и азнауры его, а трое (оставшихся) бежали. Тут (Уло) узрел собственными глазами Саргиса и слуг его и возрадовался. И вновь продолжали преследовать воинов Берки до Врат Дарубанда, прошли Дарубанд и в течение трех дней преследовали прочих.

И так победно и славно вернулись в свою ставку в Бардаве. И царя Давида и воинов его отменно уважил и одарил их премногими дарами да такими, что Саргису Джакели выдал ярлык на Карнуград и окрестные его земли. Тогда возревновали некие его недруги и наговорили царю: «Ну, теперь отдай и царство Саргису. Потому как каэн возвысил его, он перестанет быть покорным вашему царению». И тогда поверил царь, ибо он сам был нетвред и легковерен и легко доверчив к словам равно добрым и злым. И пошел он ночью к Элга ноину и доложил: «Ежели каэн отдаст Саргису Карнуград, пусть отдаст он ему и царство». Подивился Элга ноин и сказал: «Каэн дал ему за его приверженность тебе, но ежели это тебя тяготит, то не даст. Вы, грузины, не делаете

ли добра отважно сражавшимся в боях? Не ведомо ли тебе, что Саргис спас каэна от врагов и совершил отважный и славный подвиг?».

Пошел ноин и поведал все сказанное каэну, и не выдали (Саргису) Карнуграда. Узнав об этом, Саргис огорчился и начал обидчиво взирать на государя. Но в ту зиму царь держал его при себе в Бардаве. А разобиженный Саргис удалился в Самцхе.

В ту пору отпал от каэна сын Шаншэ – амирспасалар Захария, человек, одаренный всякими добродетелями и замечательный, и бежал он в Кутатиси к Нарину Давиду, ибо ему вменяли в вину вторжение войска Берки. А царь же доброжелательно его приветил, провел (с ним) немного времени. Затем каэн клятвенно привел его к себе, хотя и этим не утихомирилось сердце Уло и казнил он амирспасалара Захария, человека честного и именитого. И узнал (об этом) отец его – великий Шаншэ и, омраченный тоской, преставился.

А государыня Гванца, вдовица Авага, будучи у татар, была ими убиена. Поговаривают, что ее убили по навету дочери ее Хуашак, которая была супругой сахиб-дивана Ходжи Шамсадина. И потому как царь остался неженатым, сочетался браком с Эсукан, дочерью великого ноина Чармагана. И отбыл в Тбилиси и отпраздновал славную свадьбу.

В эту же пору прибыли бежавшие от каэна Берки овсы, (среди них) женщина дивная, по имени Лимачав, и привела она детей малолетних из рода Ахасарфакианов – первенца Фареджана и меньшого Бакатара и много прочих главарей. Прошли они Врата Дарубандские и явились пред царем. Он же приветливо принял их в гости и отправил к каэну Уло. И уважил их Уло весьма, преподнес хараджу, утвердил их в воинстве и соратниках и таким образом отправил их обратно к царю. А царь расселил их, коих в городе, некоторых в – Дманиси и прочих – в Жиновани.

И как наступило (время) сбора урожая, отправился каэн в страну Ширванскую, к рубежам Грузии, в местность которую именуют Чаган-усун, то есть Белая река. И оградили берег реки оградой и назвали это «Сиба», ибо подумывал он о вторжении каэна Берки. И с этой поры стояли в Сибе татары и грузины от (времени) сбора урожая до весны. А весной удалялись на летнее становище.

Но случилось и такое: вышеупомянутые дети каэновы – Тутар, Кули и Абага, отправленные к Уло, были им схвачены и казнены. И захватил страну их и все их сокровища. И узнали об убиении владетеля своего домочадцы его, стоявшие в Греции и главным у которых был некий Ала-Темур, человек именитый; снялся он со скарбом (своим) и домочадцами и бежал в сторону Самцхе.

Узнавши о бегстве Ала-Темура, татары Уло каэна приступили к погоне и настигли их. Те же повернули и схватились с ними и перебили множество людей Уло каэна. И чтобы не продолжать далее слова, (скажем), что до вступления в Колайские горы двенадцать раз настигали их и двенадцать раз Ала-Темур одолевал и прогонял их. И таким образом достигли Нижней Артани, деревни, которую называют Глинави. И там им повстречался Мурван Гукрлели, сын Мухаджага, идущий на охоту, и схватили его татары и чуть было не убили. Он же взмолился и обещал повести их в Залихье (Лихтимери) и представить их каэну Берке. Они же поверили ему. Повел он их и впустил их в Самцхе, напустил в Гурклисчалу и так всех выдал. Отправили человека и уведомили Саргиса Тмогвели и Шалву – сына Боцо и всех месхов и воинов Саргиса Джакели собраться воедино и схватить Ала-Темура и сдать его Уло каэну. И отправились, но об этом проведал Ала-Темур, снялся со всем скарбом своим и домочадцами, переправились через Куру и двинулись в сторону

Джавахети. Прошел местечко Эласи под Ошори и прибыл в местность, именуемую Лердзави, ибо там предстал ему Тмогвели, увидя коего, он уклонился. Саргис и сын Боцо и их воинство преследовали их совместно, а за ними по пятам их верно преследовал Мурван Гурклели. И настиг их Гурклели с малым войском, ибо ни воины сына Боцо и Саргиса, ни Тмогвели не явились на помощь к Гурклели. Схватились мощно, одолели татары и множество придворных азнауров было перебито, и бежал Гурклели.

А татары прошли Джавахети и Триалети и переправились через Куру у Рустави. И повсюду сталкивались войска татар и сомхитаров, повествовать о чем нет времени. Ала-Темур повсюду оставался победителем. И прошли Камбечиани, Кахети, Эрети и повсюду с боями, и удалились по пути Белаканскому, вторглись в Хундзети, ибо противостоял им царь хундзский, но победили снова татары и победно вернулись к Берке каэну. И сотворили они столь дивные дела, что тех из татар, которые там остались, именовали агнарами, то есть старшими или стрейшинами. Разгневанный этим Берка стал готовиться к выступлению. И эти татары соорудили ограду у реки и там зимовали они, как я уже говорил.

И потому как из-за сих дел царю было недосуг, возвысился Басилий Чкондидский и Уджармийский и стал самоуправствовать, не считаясь с царем. И в ту пору пребывания царя в Имерии весьма навредил царским владениям, ибо рассматривал их как свою (собственность), и слова ходили такие, что, мол, был близок с Эсукан. И так Басилий был оговорен пред царем, что царь вскоре привел его к себе и велел вздернуть на древе. Повесили его на древе в центре города, потому как царь был легковерен и простодушен.

И как наступило время сбора винограда, вновь отбыл каэн на Сибу, а заодно с ним и царь. С наступлением весны каэн двинулся в Сиаку, а сын его Танкуш отправился в Гелакун, ибо Гелакун имел (в качестве) летнего стойбища, и царя забрал он с собой и пребывал он там. Тогда молил царь Танкуша походатайствовать пред отцом своим, каэном Уло, отпустить его в царство свое. И внял он и отправил человека. Но когда пришли в Сиаку, каэн Уло уже преставился. Тогда хатуны и ноины велели Танкушу отпустить царя в его царство. Отпустили, и он пришел в Тбилиси и во всю Картли и Сомхити и устроил тамошние дела.

А ноины возвели на престол старшего сына Уло по имени Абага, человека доброго, щедрого, милостивого, сострадательного, угодного, кроткого, правосудного, правотворного, милосердного к убогим и столь всепрощающего, что не корил даже отпетого злодея, но говаривал следующее: «Господь поставил меня владыкой всего мира, и чего я сам не дам (человеку), того не отберу у него». И многократно воры похищали казну его, и он не казнил их, но говаривал: «Не станет у меня сокровищ, пусть заберут их убогие, ибо малоимущи они и потому хищают». И обладал он незлобливым разумом. Тогда Абага назначил военачальником замечательного в боях человека по имени Абата, а управителем Орды и дома своего поставил сына вышеупомянутого Чармагана – Сирмона, человека победоносного и замечательного в боях. Поскольку всяк, предстоявший пред ним, был тяжким мздоимцем, он отобрал одного мужа, по имени Агубага, милосердного правотворца, постника и богомольца, возлюбившего уповавших на христиан, церквей и Господа. Его он поставил судиею немощных и убогих. И сменил он уважаемых каэном ноинов Уло каэна, а многие из них уже были преставлены, как, например, Элга ноин и многие прочие.

Пред этим к Абаге и отправился царь Давид, и тот приветил его весьма почтенно и премного уважил. И подчинились Абаге всякие татары отца его Уло.

В ту пору выступил по дороге Дарубандской великий каэн Берка с несметным воинством мстить за дела Тутура, Балаги и Кули. Узнав об этом, каэн Абага созвал воинов своих и царя Давида и двинулся навстречу[48]. Но, узнав мощь и размеры войска Берки, не решился перейти Куру, но прошел по берегам и всем проходам. Занял все высокие места и поставил воинов там, где сливаются Кура и Рахс – отсель и до Мцхеты.

Берка разорил земли Ширвана, Эрети, Кахети и все побережье Иори, и рать его дошла до Тбилиси, и истребили множество душ христианских. А каэн Берка стал в горах Гареджийских. Тогда глянул Господь милостиво на страну и каэна Абагу, занедужил Берка, и помер он. Когда же воины его узнали о смерти каэна своего, забрали тело его и прошли Ворота Дарубанда. Так утихомирилась страна сия.

В сердцах же татар (продолжал) пребывать страх пред нашествием войск Берки и каждый раз (во время) сбора урожая (царь) уходил в Сибу. Когда же наступала пора ухода в Сибу, царь созывал воинов своих и Саргиса Джакели Цихис-Джварского. Раз, как только явился Саргис пред царем Давидом в Тбилиси, ему подумалось об отложении Саргиса к каэну и, по наущению, запамятовал он о заслугах его, пригласил его в палату, схватил и заточил в кладовую. Узнали об этом сопровождавшие его азнауры, бежали и ушли к каэну и доложили Абате ноину, дабы рассудил он о захвате царем Саргиса; и доложил (об этом Абата) каэну Абаге и вызволил у него Саргиса. (Абага) внимательно выслушал просьбу ноина Абаты, дал ему посланника, и отправили его, и пришел он в Тбилиси и забрал Саргиса и привел его к ноину Абате. И отныне оставались Джакели в подданстве Улосоидам вплоть до времен блистательного и замечательнейшего меж царей Георгия.

А царь на этот раз не отбыл в Сибу по причине недуга живота сына его первородного, Георгия, преисполненного высокой добродетели. Недуг столь затянулся, что думали едва ли не о кончине его, и возлежал он беззвучно, неподвижно, тяжело дыша, и лишь этим держался. Охватили печаль и бессилие царя и всех жителей Грузии. Вспомнилась царю Дманисская Богородица и пошел он пред Нею. И сам видел, как шествовали за ним и встречали его всякие босоногие, в слезах жгучих молясь. И вняла тогда мольбе их Святая святых Богородица, и тут же (от одного лишь) прикосновения к Ней и приложения к Ее устам мгновенно отверз он (Георгий) очи и, словно исцеленный, воспрял. Узрели это царь и все жители Грузии, изумились этому чудодеянию Всесвятой, и всякий взывал к Господу.

И снова отправился царь в Сибу и во время пребывания там и ко времени возвращения (оттуда) занедужил царь Давид тем же недугом живота, и не исцелили его лекари его, и отошел в ложе. И когда принесли его к отшельнику, подступил к образу тому нерукотворному, самозданному на ризе, который самоизобразился на холсте скудельном. Повелел он привести к себе икону отшельника, и в слезах припал к ней и молил, и она исцелила его, как Господь Врачеватель, возлежавшего на одре. И таким образом исцеленный прибыл во дворец свой в Тбилиси и предался отдохновению, мтавары и эриставы берегли его от страха пред каэном. Но сказано и то, как писано о мудром Соломоне, в пору старости его, (Давид) неправедно ступал пред Господом и досужий от татарского засилия стал разорять престолы епископские, роздал прибыльные деревни, которые были ему, а

также монастырям дарованы блаженными царями. Наряду с этим злом супостат возбудил и прочую злобу, говорить о чем неприлично, и одолел его в старости, как Соломона. Поэтому лелеял Господь не лик, но благолепие, стеная о смерти сына своего, и мы, род Адама, пребываем в безумии, и с прилежением склоняется сердце человека ко злу, как писано: «Не возжелали вразумиться, но преступили жизнь нашу и все пребываем в суете», и как вещает мудрый Екклесиаст: «Суета сует и все суть суета» и все зримое под солнцем сим предается суете.

Мы же, несколько свернувшие со стези, вновь станем идущими по ней. И как наступила неделя отправки в Сибу, царь вновь отбыл туда. А во время пребывания его там занедужил сын его Георгий и от кровотечения преставился и оставил печаль несказанную всякому жителю царства от мала до велика. И прах юного Георгия упокоили в храме Сиони, чтобы дождаться царя, ибо наступало время его прибытия.

Когда же прошло немного времени, царь прибыл в Тбилиси. Потому как его никто не встретил, разве только немногие горожане, с тревожным (предчувствием) устремился во дворец, где его встретили воины, в трауре скрывавшиеся визири, и когда ему сообщили о кончине сына его, Георгия, тут же свалился и едва не помер. И так, неся на руках, внесли его в палаты и с трудом привели в чувство, ибо ежели истребится душа, мгновенно угасает сознание, а ежели исчезнет сознание – душа заодно с ним не истребляется – вещает словотворец. И боль, охватившая его к сыну возлюбленному, к тому же возвышенно прелестному восемнадцатилетнему, отважному, совершенному в воинских правилах – усугубляла боль, на него павшую. В печали большой стеная, желал он смерти себе при виде сына своего, Георгия, покойного во цвете лет, покоившегося мертвенно бледным, коего оплакивал весь народ. И в рыданиях повели его во Мцхету и там погребли и возвернулись, преисполненные горя. А любовь к сыну столь приумножила ему боли, что отныне не стало у него радости, и пристали к нему недуги многие и большую часть времени был постоянно немощен телом, и служить каэну Абаге не было более мочи.

Тут-то и начал возвышаться Манкабердский Садун, которого миловал спервоначала Уло (за его) борцовскую силу, и каэн Абага проявил к нему уважение, и великий сахиб-диван оказывал ему благоволение тем, что имел должность эджиба жены его Хуашак, дочери Авага. И царь Давид даровал ему множество земель.

В эту пору возникла взаимная распря среди татар, ибо отступил от каэна Абаги Тегутар, младший брат каэна Барахи, который был из рода вышеупомянутого сына Чингиз-каэна – каэна Чагаты, что владел страною Туран и великой Турцией. Сей Бараха-каэн пребывал в Туране и отправил брата своего, Тегутара, дабы хараджа, (взимаемая) со страны и которая (по закону) взималась с нее, как об этом сказано выше, доставалась бы Тегутару. С этим явился он, владея двумя тьмою воинов. Уважил его Абага и выделил ему летнее стойбище в горах Артанских, а зимнее – на берегу Рахса и в Нахчеване. Так пребывал Тегутар. Возревновал он к каэнству Абаги и уведомил брата своего, каэна Бараху, находившегося по ту (сторону) Джеона, а именно: «Пошто отдали мы каэнство и страну великую Абаге. Нынче же он выступил оттуда, а отсюда – я, и оба сокрушим Абагу и завладеем мы его страной». А прибег он и к такой уловке: снял наконечники с деревянных стрел и слоновыми костями скрепил три стрелы и вложил в них записки, ибо повсюду путевыми сторожами были татары. И прочитывали (эти записки) путники и гонцы.

И как предстал посланник Тегутара пред братом его Бараха-каэном, благоволил он словам и замыслу Тегутара, а также предложил ему договориться о совместном сборе и свергнуть Абагу каэна и захватить государство. И написал об установленном сроке – в какое время отложиться Тегутару, в какое время переправиться Барахе через Джеон с войском его. Но Вышний промысл развеял замысел их и защитил Абагу за непорочность его, правоту и справедливость. И ошибся писарь его, заранее на две Луны написал об отложении Тегутара, ибо месяцы их исчисляются по Луне. И он также вложил в наконечник сие послание и отбыл посланник и прибыл в Нагалисвели к Тегутару и передал ему стрелы, и вскрыл наконечник стрелы и извлек письмо брата его Барахи. И выведал из этого послания о приближении встречи, и спешно собрался со всем скарбом, домочадцами и бойцами – около одного бевра и пятисот человек, ибо из-за спешки прочие воины не сумели присутствовать, (опасаясь) разглашения вести о готовившемся злодеянии против Абаги. Снялся и направился к горам Гадо, в Карчхали и Кари, что расположен между Шавшети и Пичуте, и стал в Пичуте и обратился к Саргису Джакели, чтобы тот предоставил путь, потому как намерен идти предстать пред царем Абхазии Давидом и (просить его) быть посредником между царем и Тегутаром, и ежели он выиграет, то весьма возвеличит Саргиса. И покуда совещались об этом, Саргис благоволил словам Тегутара.

Абага созвал рать свою и сына великого Шаншэ, Иванэ мандатуртухуцеса, и велел им преследовать Тегутара. И поставил им командующим сына ноина Чармагана – Сирмона, славного в сражениях и отважного мужа, и многих прочих ноинов. И прибыли они в горы Артанские и стали там лагерем.

А случилось диво, диво, превосходящее все рожденное матерями, которое есть слово Божие. Христа Бога нашего, рожденного Девой, своими руками крестил и слышал с Небес глас Отца и узрел Святой Дух в образе голубя и единоначалие Святой Троицы сделал явным и научал Креститель Иоанн – сия пустыня обустроена и не беззвестна в горах Гадо, Опиза – первейшая в двенадцати пустынях. Здесь находится гортань превосходящего всех Пророков и учеников величайшего Крестителя Иоанна, которая не умолкала в славословии явленного Бога и обличителей беззаконий Ирода. И так, украшенное дорогим сокровищем и преисполненное Божественным сонмом, сие есть жилище Крестителя и подлинное жилище самого Князя, как о том и будет слово.

Прослышав о величии пустыни Опиза, о роскоши ее почестных икон и наполненности лампадами, возжелал Тегутар захватить ее и отправил на нее около тысячи всадников, дабы разорить ее. Двинулись они по горной дороге, которая вела к Карчхали. Но не презрел Вышний Судия и не обесчестил Господь такого числа святых отцов, которые в ту пору блистали в Опиза, осиянные чудесными знамениями и поручившие себя Предтече Иоанну, побиением язычниками, и гортань оную, неумолчную вестницу Господню, не предал Он бесчестию. Поэтому защитил Он жилище свое и наслал на них туман и тьму, и не двигали они ног своих поганых, ибо приблизились они к пустыне и стали у подножия горы, которая именуется Дзегли, на которой воздвигнута церковь святого Георгия, что стоит между Опизой и Мидзнадзором. Тогда глянул милостиво Иоанн Просветитель на жилище свое, подобно Всенепорочнейшей Влахернской Богородице, и напустил жестокий ветер на гору Гадо, и зной, и град, и ливень страшный, и начались волнения, как посреди моря, и хлынула бурная вода, и обильно разлилась река, которая сравнялась с вершиной Дзегли так, что и ныне видны (следы) того великого потопа, и которая впадает прямо в реку Шавшури. Нагрянула

река и забрала татар сполна, людей и лошадей, не осталось никого, кроме одного человека, и пошел он к Тегутару поведать, как вестник к Иову, а именно: «Место оное – Дом Господень, жилище слуг Господних, опасайтесь идти туда». И стоял (Тегутар) на высокой вершине Арсиани, пришли и сказали, а именно: «Пришла великая рать Абаги и стала в горах Артанских, а завтра явятся сюда». Тегутар услыхал это, и как только рассвело, поднялся со скарбом и домочадцами своими и скрыл их за сильной горой Карской, к которой ведет дорога лишь с одной стороны, а сам с войском и бойцами прошел Арсиани. Тут и Сирмон прошел гору Куели. И пришли оба к подступам Куели; Сирмон, который был прославлен в боях, выступил впереди, точно так же и бойцы Тегутара: Сегзи, Джолак, Абишха, Толак-Демур, которые и произвели великую битву, и пало обоюдно неисчислимо. И продлилось сражение, одолели Тегутара, и бежал он к домочадцам своим, в сторону Гадойских гор Джналистави, и последовал за ним Сирмон, но Тегутар противостал ему в надежде на силу гор.

И вновь произошло мощное двухдневное сражение. Попав в бедствие, Тегутар тайно бежал, некоторые (удалились) в Атчару и некоторые – в Нигалисхеви, которая была сплошь непроходима. И не понять никому, кто видел те горы, как они прошли, ибо совершенно невозможно человеку в них пробраться, не говоря о лошадях, прежде из-за крутизны, а затем частоты леса, чертополоха и колючек, которые называются бурцурмел; покрытые плющом места, в которые вступили (татары), даже для дичи были непролазны. Но произошло и такое: прошли одну гору, у подножия скалистую, а на вершне несколько покрытую почвой, и на ней произрастал лес; на переходящих через нее людей – человек около тысячи – обвалилась гора, словно снежный обвал, погребла лошадей и всадников, и они совершенно затерялись, и так несчастные погибли. И сегодня атчарийцы роют то место и находят золотые и серебряные женские украшения.

Прошли Атчару и Нигалисхеви, а затем прошли Гурию и предстали в Кутатиси пред царем Давидом. Он же встретил их с радостью и устроил им обильный ужин: поставил им пятьсот сваренных коров, не считая, кроме того, свиней и баранов. И в тот же день (выдал) для содержания войска шестьсот лошадей, (крупного рогатого) скота – тысячу пятьсот, овец – две тысячи, свиней. Все это в сей же день поднес он Тегутару, он же поделил между воинами, что удивило Тегутара и воинов его, а винам не было меры, привозили их на арбах в емкостях и разливали.

Так привечал гостей царь Давид, будучи шедрым и кротким, умудренным во всех делах, стяжатель (доброго) имени. И так, словно слуга, стал он на службу Тегутару. Также и царица, дщерь Константинопольского царя Палеолога, уважила жену Тегутара, и стали они своими и доверенными, и царь Давид постоянно представлялся Тегутару и отправлял ему всякий чин и порядок его и таким образом предстоял пред ним.

И как только Сирмон победно возвернулся к каэну Абаге, прибыл из Хорасана человек из путевых караулов, сообщивший, что «поднялся великий улус Туран и великий каэн Бараха перешел Джеон с несчетным войском», ибо Бараха выступил в условленное время, и уведомили его об уходе Тегутара. Абага удивился, и призвал соратников своих и всех грузин. Хотя царь Давид и был обессилен кончиной сына, также отбыл в Хорасан со всем своим войском, и пришли в Эри, а оттуда в поле Амоси, и сблизились друг с другом. И двинули вперед царя и воинство его, дабы защитить войско их от нападения Барахи и разведать улус и войско его. И прочих ноинов также отправил вперед на четыре или пять милей. Поручил им разведать рать Барахи, которую им же

поручил преследовать, и стали обходить извне. Таковых, стоящих далеко впереди, на их языке они именуют караулами.

И отправились царь и татарские караулы Абаги и, пройдя два дня, (с наступлением) сумерек стали в местности некой, а с восходом зари заметили пыль, словно туча взвившуюся над Амосийским полем. Поняли, что это от Барахи и войска его. Оседлали коней царь и Сикдур, и волеизъявил он, согласно желанию Абаги, отступить и говорил царю: «Мы – караулы и войска у нас немного, да мы разведали их войска и пойдем и предстанем пред каэном и сообщим ему о прибытии его (Барахи)». Но царь говорил: «Не в наших, грузин, обычаях, чтобы увидя идущего на нас врага, повернуться к нему спиной, не дав сражения, хотя бы и ожидала нас погибель». Услыхав это, татары удивились и возмутились и, ополчившись на царя, говорили ему: «Не ведаешь, что говоришь! У тебя нет повеления Абаги без него вступать в бой с великим каэном. Вы, грузины, безрассудны и не знаете дела», и многократно молили царя и воинов его и грозили ему гневом Абаги, но так и не убедили его отступить. Тогда спешно отправили человека к каэну и уведомили: «И се – прибыл Бараха с великим воинством, и видим мы пыль тьмущую и поле Амоси, пылью совершенно затемненное, а мы, согласно воле вашей, желаем отступить и предстать пред тобой, но грузины, несмышленные создания, не идут с нами и говорят так, а именно: «У нас нет обычая, видя воочию врага, отступать». Нынче же ты, каэн, ежели не придешь и не распорядишься, мы обречем головы наши на погибель, и торопись к нам на помощь».

Когда же явился посланник и (Абага) узнал о прибытии Барахи и неотступность караулов, удивился и со своим воинством спешно оседал коней и поспешил и подоспел к готовым (к бою) отрядам и призвал царя и говорил ему: «Я знаю о воинской отваге вашей. Вы, грузины, ослушливы и сумасбродны. Ежели бы этак поступил кто-либо из ноинов, я бы казнил его. Но тебя я не виню, вы несведущи в наших правилах. Теперь же стань передовым со своим войском». Царь прянул с коня, поклонился ему и говорил: «О великий каэн, не в правилах грузина, чтобы увидя врага, повернуться к нему спиной. Теперь пусть счастливые очи каэна узрят, как мы предадим смерти головы наши».

И ступил царь и расположился впереди. А великий и отважный оный Абата ноин, что был предводителем, т. е. амиспасаларом, (стал) по левую сторону, по левую же сторону (стали) Сирмон и великий Буга; Сикдура, Тоган-Буга, Джинилиса, Аргун-агу и Иас-Буга и прочих ноинов поставил справа и слева. Столь же стройными отрядами явился и Бараха.

Тогда явился некий муж по имени Алинак, главарь сотни из незнатного рода, но величественный статью и доблестный, мощный силой, бесстрашный, обаятельный, пригожий и замечательный. Он просил Абату ноина дать ему право, когда это будет угодно, воевать (в качестве) передового отряда. И Абата ноин предоставил ему просимое. В это время обе рати приблизились друг к другу, и произошло сражение великое и страшное. Сей вышеупомянутый Алинак врезался в их ряды и рассек их и вместе со всеми своими дружками прошел сквозь их ряды, созвал их и стал произносить «Ала, Ала», и обратился и вновь рассек отряд их и вышел вон. И вновь приступил, сокрушил отряд и вышел оттуда и начал произносить «Ала, Ала». И завязали грузины жаркое сражение, ибо каэн самолично видел, как царь и воины его первыми, напирая на предстоявших (неприятелей), склонили их к бегству. Также и Абата ноин столь мощно трудился, что во время жестокого боя свалил с седла вполне вооруженного всадника и взвалил его к себе в седло и в течение всего сражения держал

его в руках, как орел рябчика. Также и Сирмон действовал отважно, и все противники обратились в бегство. А каэн Бараха случился справа от (ноинов) Абаги – Сикдура, Тоган-Буга, Джинилиса и Аргун-аги. Бараха мгновенно обратил их в бегство и до второго дня преследовал их, а Абага два дня следовал за ними и не знал из-за растянутости отряда, что произошло. Когда же Бараха узнал о бегстве и поражении рати его, вернулся, и вновь сошлись друг с другом и приготовились (к бою). Как только ноин Абата увидел Бараху, вскинул копье и один пошел на его отряд, ибо был сей ноин человек благообразный, видный и доблестный. В плечах и груди подобен льву, бесстрашный, мощный, отважный и прекрасный, весьма редкостный. И как приблизилась к нему рать его, стали преследовать (неприятеля) и истребили и полонили неисчислимое количество душ и так победно возвернулись в свою орду.

И когда каэн Абага находился в Хорасане на войне с каэном Барахой, тогда вышеупомянутый Тегутар отправил трех своих командующих с их домочадцами и скарбом – Сегзи-Бадура, Абишху и Толак-Демура, и четвертого – Джолака. Отправились и прибыли и стали в горах, которые исходят ветвью с Кавказа и которые суть Лихи. И как отправились на запад (в горы), которые именуют Гадо, в их ответвление Демоти, стали татары в местности, которая именуется Ломистави. И отсель разоряли Джавахети до Фаравана. Тогда стоявшие там татары прошли Экерисхеви и в Ацкури вброд преправились через Курумчи и вышли в Джавахети. Натолкнулись они там на стадо Кахи Торели, который имел чин мечурчлетухуцеса, а также стадо некоего Курумчи, предводителя тысячи всадников, не сына Алинака Кумчи, но кого-то другого. И забрали их и направились на свое стойбище Ломистави. Узнав об этом, Курумчи-Бадур призвал Каху из Тори, и погнались за ними. Но тегутарцы уже успели переправиться через Куру, там, где в нее впадает река Гуркли; и эти прибыли к берегу Куры. И так как численность войска татар была велика, а грузин-то было мало, они прибегли к уловке. Толак-Демур с тридцатью мужами незаметно переправился через Куру, а прочие остались стоять на берегу Куры. Толак-Демур вышел из ущелья и взошел на хребет и поднял флаг, подобный якобы знамени и устремился, зычно голося. И как увидел Курумчи-Бадур спереди и сзади войска, ему почудилось, что оно многочисленно и оробел и испуганно стремительно бежал, и было там перебито множество добрых мужей, и оба кохтийца обрели конец. И Самдзивари, (под которым) убили коня, пустился вплавь и вступил в Ацкури. Был убит предводитель татар Курумчи-Бадур и, беспорядочно рассеянные, не в силах одолеть дорогу бегства, пошли по труднопреодолимому подъему, который именуется Квирикецмида. Вернулись и победно прибыли к брату каэна Тегутару. А распоясанный Тегутар вторгся в Картли и разорял всю Картли.

Тогда взмолился каэн Абага царю Давиду, сыну Русудан, чтобы тот не вспомоществовал и не впускал к себе Тегутара, и сулил ему великие дары. Ибо подозревая в предательстве и явно зная от подданных Тегутара, царь Давид без ведома Тегутара повиновался Абаге; и перекрыл он дороги так, что всадникам нельзя было по ним пройти. А Тегутар ничего о том не ведал.

И тогда понял Абага, что не пособляет ему царь Давид. Узнал Абага каэн и направил своего командующего Сирмона-Бадура и прочих главных ноинов и множество рати. И прибыли в Триалети и призвали царя Давида и воинов его. Но потому как в ту пору царь хворал, он отправил к Сирмону всех своих мтаваров, и вступил Сирмон в Картли.

И узнал Тегутар о приходе Сирмона, выстроил свою рать, и произошло сражение, и посекли с обеих сторон множество, но наступила ночь, и разошлись. Когда же рассвело, приготовились и

выстроились лицом к лицу. Произошло сражение жаркое, и рать царская сражалась в передовых. И когда они смешались друг с другом, бежали воины Тегутара, рассеялись, погибли и исчезли. Остались Тегутар и сын его – малыш, беспомощное создание. Пришли они к Сирмону, и взмолился (Тегутар), прося увидеться ему и сыну его с каэном Абагой. Выслушал его Сирмон, но схватил и забрал в полон домочадцев его и все состояние его, со всем скарбом и имуществом и стадами, и пришел пред Абагой, и привел ему Тегутара и сына его. Но Абага не обидел его, ибо был человек милостивый и терпимый, как о том мы говорили выше, и отправил его в страну Иракскую, и дал ему и сыну его двенадцать человек, щедрое пропитание и одеяние, соколов, ястребов и барсов, и определил ему содержание, чтобы не было ему недостатка, и приставил к ним стражу, дабы не дать ему уйти в свою вотчину. И пребывал он в таковом отдохновении и преставился.

А каэн Абага отправил царю множество даров и подношений и многие деревни в Картли и дал (также) Атени.

Тогда отправился каэн в Сибу и забрал с собой царя Давида. Он там провел зимнее время и с наступлением лета вернулся. По пути царь захворал животом, и когда лекари оказались не в силах его врачевать, взмолился он образу Марткопскому и пришел пред ним, как было то в обычае, ибо до того, будучи схваченный недугом живота и, словно покойник, лежа безмолвно, был он подъят образом воплощенного Бога. Но нынче не обрел он отрады, потому что убавил в богослужении и начал разорять и рушить престолы. Ввиду этого Господь отказал в милости и в первый год помер сын его первородный, Георгий, высокоблагородный, а тут преставился и Давид в тоске по сыну. Но был у него и другой сын добропамятный, храбрый и отважный, по имени Димитрий, который впоследствии стал царем. Когда же сей Давид завершил жизнь свою, погребли его в царской усыпальнице во Мцхете. Но говорилось и о том, что преставился он от отравления ядом, данным ему женою его Эсукан; Эсукан мстила за Басилия Уджармийского, коего умертвил царь за бесчиние: прелюбодействовал Басилий с Эсукан и обесчестил ложе государство, и рясу сбросил, и правление похитил. За это бесчестие и был казнен Басилий.

Поскольку преставился царь Давид и охватила печаль безутешная всех жителей Грузии, оплакали его по чину, и множество даров выдали церквам, храмам, убогим на помин (души) его. Но были опечалены мтавары, ибо царь Димитрий был еще мал, и не по силам ему было царение. Поэтому большинство ушло и стало служить каэну, ибо царь Давид не сумел образумить эриставов из страха перед каэном.

Тогда вышеупомянутый Галгур и рачинский эристав Кахабер сговорились меж собой отложиться от царя Давида, сына Русудан, и отбыли к каэну Абаге. И уведомили они о том Алинака Бадура, который стоял в горах Джавахетских, а он оповестил об этом каэна. Этот поднес ему великие дары. И отправились Галгур и сын Кахабера – Кахабер, который был злостен по семени, как нас об этом уведомляет Книга царей о Багвашах и сродственниках их. Потому как предстали они пред каэном, он приветил их и призвал Сирмона ноина и говорил: «Царь Давид творит такое отступничество, что и это его не удовлетворяет, всем отступникам нашим пособляет, как (например), Тегутару, а теперь Галгуру. Я же преподнес ему большие дары и (оказал) почести из-за Тегутара, но он затем приветил Галгура. Теперь же я изволю мстить ему». И услышав то, Кахабер предстал и говорил: «Ежели каэн желает мстить царю Давиду, то потому я и прибыл, я знаю пути для вторжения и

напущу на него войска и, думаю, что приберу к рукам царя. И Галгуру ведомы дороги и силы страны их».

Тогда повелел каэн Абага Сирмону и Алинаку, и Тамче, и Абчи идти походом на царя Давида. И собрали войско количеством в три бевра, и прошли Триалети, и перевалили через гору Лихи, и напали на Кутатиси и находившегося в бане царя. С трудом он успел (вскочить) на коня и бежал в одной рубахе. А татары разорили церкви, и было убито и полонено множество душ христианских. И невредимо предстали пред каэном. А царь же чудом, огражденный Господом, спасся. Не успел царь дать им бой, потому как татары стремительно отступили.

На третий год вновь отправились Сирмон и Алинак по указу Абаги схватить царя, но Кахабер и не подумывал о приходе татар. Вновь напали, но царь уклонился от них, а (татары) разорили земли И как только татары узнали о сборах царя и его походе на них, в тот же день бежали стремглав с пленными и добычей.

В ту пору Садун Манкабердский возвысился паче всех мтаваров его времени, потому как возлюбил его каэн Абага, и стал радеть о делах грузинских, ибо дочь его патрона, атабага Авага, молила Садуна, и Хуашак дала ему также (звание) эджиба.

Тогда собрались грузинские главари и вельможи и забрали царевича Димитрия в Орду. И пришли они к сыну Шаншэ – мандатуртухуцесу Иванэ, и он также отправился с ними в Орду. И представили его в Орде каэну и вручили ему царство. И когда каэн узрел Димитрия[49], смилостивился над ним, ибо был он благозданен и прекрасен видом, и дал ему его царство, кроме (владений) Саргиса Джакели, и сопроводил ему Садуна, коему царь Димитрий пожаловал (чин) атабага. И прибыл он в Тбилиси, и возвели его на престол отцов его, и отправили чин благословения католикос и епископы и все мтавары Грузии – из Эрети, Кахети, Сомхити, Картли и Джавахети, и Тао, каковые все были в сборе. И было благодарение Богу и великая отрада, подношения убогим и сирым, дабы стало успешным царение Димитрия и доброе его правление Грузией.

V

В ту пору каэн Абага начал войну против правителя египтян – султана Фундукадара Мисрийского и направил на него мощную рать и заодно с нею – рать грузинскую, и поставил главным командующим некоего бадура Тодана, из рода Салдуха – предводителя гератцев, и отправил их по пути, ведущему из Греции в Шам. И уведомил султана греческого Пармана, что пред этим временем преставился великий султан сельджукид Киасдин, а раб его (Парман) похитил султанство, а также супругу его – дщерь Русуданову – Гурджи-Хатун забрал себе в супружницы, и заимел он весь Понт, Асию и Каппадокию. Уведомил его каэн, чтобы тот вспомоществовал ратью своею.

И отправились рати Абаговы и предстали пред Парманом и расположились лагерем в Евхаитии, которая есть Асурастан. И как только узнал султан Фундукадар о появлении татар, противостоял им со своим египетским воинством и на рассвете нагрянул на них, и произошла сеча великая, в которой грузины проявили изумившую татар боевую отвагу. Тогда некий татарин по имени Моргул один устремился в строй арабов, ворвался в него и прошел сквозь, а некий пеший (воин) отрубил коню его на скаку заднюю правую ногу у копыта. Случилось дело дивное: бежала рать Абаги, а

Тодан был убит. А тот ускакал на безногом коне и скакал он три дня и три ночи. И так околела та лошадь.

Узнав об истреблении своей рати, а паче грузин, Абага опечалился весьма. И стали наговаривать на султана греческого Пармана, якобы по его совету произошло нашествие султана Фундукадара. Ввиду этого схватили Пармана, и хотя Абага не желал умерщвления его, однако ноины умертили Пармана и присвоили все его имущество и определили в Греции великого и доброго ноина, потомка первых каэнов – из рода Он-хана, по имени Еринджи. Ему и дали в руки главенство в Греции. Отобрал Ацкури у (края) Самцхе, которая принадлежала Парману по супружеской родне, и даровал ее Саргису Джакели и сыну его – Беке.

Вместе с тем, подрос царь Димитрий и приступил к заботам о делах благих, ибо был сей Димитрий отважен статью, прекрасноликий, очаровательный видом, красавец с ладной бородой и волосами, кареглазый и ладноскроенный, преисполненный воинских навыков, наездник и лучник отменный, щедрый, милостивый к убогим, кроткий, подобного ему не было ни в среде рода царского, ни среди прочих людей. Ибо было им заведено правило: стяжав богатство, поднимался ночью и выходил в город, обходил нищих, убогих и сирых и собственными руками одаривал их. И была всем ведома милость царская, и нищие по ночам бродили по улицам, в надежде повстречаться с царем. Кроме того, он блюл посты, ночные бдения и частые коленопреклонения: тысячу пятьсот раз преклонял он колена приземисто. Так всячески он был одарен, однако, будучи таковым, он пребывал в руках Садуна, ибо каэн весьма возвысил Садуна. И пекся он при царе Димитрии о Телави и Белакани и множестве (прочих) землях. И отменно правил Садун делами Грузии, ибо во дни его не было насилия и беззакония татар, ни великих ноинов, ни посланников их. И так возродилась Грузия.

Царь начал посещать Сибу и восстановил разоренные земли. Он же выстроил во дворце Исани монастырь для пребывания в нем Метехской Богоматери и пожертвовал ему деревни и виноградники и украсил его Уставом. И отправился в Орду; а во время пребывания царя у себя просили у него неисчислимые ценности по совету Садуна. Садун говорил царю: «Ежели ты дашь мне Дманиси, я дам каэну выкуп». Царь выслушал и невольно отдал ему Дманиси и окрестности ее, и паче возвысился Садун. Но сотворил он добрые дела в отношении монастырей и нищих, коим он во дни жизни своей отдал калани и мали двенадцати пустынь Гареджийских и освободил землю Гареджийскую и служил царю Димитрию. Обзавелся воинством и казною – золотом и серебром, а стадам его и сокровищам его не было числа, ибо был сей человек праздный, но чуткий к советам и мудр, а каэн Абага и великий сахиб-диван прислушивались к словам его; вотчина атабага Авага принадлежала ему, а на дочери его Хуашак женил сахиб-дивана. Сей сахиб-диван был возвышен каэном Уло, и Садун также был возвышен им. И вся держава каэна пребывала в его руках и повиновалась велениям его. И скупил Садун множество земель, и одарили государи его (городом) Кари, и сел он в Кари и порубежные земли хитростью отобрал у ахалцихцев, привел себе в жены дочь Ахалцихского (правителя). И каэн отдал ему в руки дела и правление войском Грузии, и придворные грузины и армяне, и эр-кахи пребывали пред государем.

В эту пору возвысились самцхийский спасалар и мечурчлетухуцес Саргис Джакели и сын его Бека, которые правили в Самцхе. Однако дела Саргиса описаны нами выше, а далее упомянем о сыне его Беке. Был Бека статью ладен, прекраснолик, благообразный кареглазый брюнет,

плечами и грудью полон, силой мощен, в сражениях боец отважный, храбрый наездник и искусный на охоте стрелок, осторожен разумом, устроитель земель, церквей и монастырей и уважителен к людям боголюбивым, молитвослов, не позволявший себе отсутствия на предрассветных службах, обеднях и вечерях по Типику, дающему чин молитвословия. Потому и уважил его Господь и одарил его также супругой достойной, возлюбившей молитвы и посты, милостивой к нищим, уважительной к монастырям и иконам, кормилицей сирых и немощных.

Тогда овладел Бека страной от Тасискари до Карнуграда, (а также) Самцхе, Атчарой, Шавшети, Кларджети и большею частью Тао, Вашловани, Нигалисхеви, Артануджи, двенадцатью пустынями, Кола, Карнифорой и обоими Артани и множеством поселений Джавахети. И таким образом день ото дня возрастал и служил каэну Абаге и повиновался царю Димитрию. А царь же Димитрий преуспевал в боголюбии и человеколюбии, и каэн все больше почитал к нему. И хотя он покуда был отрок, но изъявили и отправили человека в Понт к царю греческому Комнианосу, который был из семени Великого Константина, и привели дщерь царя Комнианоса Трапезунтского во славе и с сокровищами великими и справили свадьбу по чину царскому. И спустя немного времени царица зачала и родила сына, и нарекли его именем Давид, который (впоследствии) стал последним царем Картли.

В эту пору вновь явился оный Аргун, что (составил) полную опись подвластных каэнам (владений) с целью описания областей и выявления, насколько восстановились или разорились земли. Заново вычислил и заключил, что большинство их было разорено, но более всего Эрети и Кахети, ибо долины Камбечиани были разграблены (в пору) того прихода татар, когда явился великий каэн Берка. Тогда, (в пору) пребывания в Тбилиси Аргуна Оирда, обратился он к царю и выпрашивал у него Тамар, которая была единородной (дочерью царя), и говорил, а именно: «Добропамятный отец твой выдал мне в невестки дщерь свою, твою сестру, в жены сыну моему, но не дожил до этого. Нынче же прошу не считать недостойной просьбу мою – дай мне сестру твою для сына моего». Услыхав это, огорчился он весьма и впал в великую печаль и взболевшей душой искал силы, потому как презирал брак исповедующей Христа сестры своей с язычником, однако сил не стало, ибо сам отец выдал ее. И отдал ее в жены сыну Аргуна и справили свадьбу по чину. И вернулся Аргун в Орду, а сына своего оставил при царе.

В ту пору вновь зачала царица и родила сына и нарекли его именем Вахтанг.

И вновь в ту пору умиротворились земли Залихские. И устроился царь Давид, который был прежде всего мужем добрым и разумным, щедрым, кротким и хлебосолом паче прежних царей и пребывал в премногом мире.

А рачинский эристав Кахабер находился в Картли и владел окрестностями Атени, и не было ему почести ни от каэна, ни от царя Димитрия, из-за двуличия по отношению к царям. Потому, стесненный, он молил царя, дабы тот смилостивился над ним и даровал его же вотчину. А благий и милостивый государь снизошел и помиловал его и дал клятву твердую, что не вменит ему прежние прегрешения, и требовал единодушия к себе и даровал ему вотчину его сполна. И после этого обрел он владение свое Рачу; но как только прошло немного времени, начал ступать по следам отцов и дедов своих, и, словно свинья, устремился к грязи и, словно ехидна, исторгал яд. От рода своего наследовал он двурушничество. Забыв клятву страшную, стал предавать царя и направил человека с посланием к тысячнику Алинаку, что стоял в горах Джавахетских и Колайских, чтобы

тот, как и прежде, нагрянул на царя, дабы легко ему прибрать его (царя) к рукам. Но Господь сделал тщетным умысел его, подобно (умыслу) Акитобела в отношении Давида, и послание было раскрыто. Поэтому обрел он заслуженное им зло, и лживость его обрушилась на темя его. Схватил его государь и спервоначала выжег ему глаза, затем отсек ему одну руку и одну ногу, а двух сыновей его подверг эксории, выслал в Константинополь, потому как царица, супруга его, была дщерью великого императора Палеолога. А Кахабер, недолгожитель, ушед из жизни, помер. И истребился весь род его – Кахабера Багваша, исторгся и вымер род его и память о нем (исчезла).

В эту же пору изволил каэн ополчиться на страну Гиланскую, ибо отбилась она от рук и не повиновалась и дани не платила. Отправил он рати татарскую и грузинскую, но царя не сопроводил им. И поставил во главе рати Сирмон-Бадура, и отправились и вторглись в Гилан. Собрались гиланцы и противостали им в крепостях. А страна же их была защищена с одной стороны горами скалистыми и лесами с узкими тропами, а с другой стороны – морем. В таком укреплении они выстроились, и случилась битва мощная. Гиланцы обрушили на них ливень стрел. Спешился Сирмон и присел и повернулся спиной к своим бойцам, и вся рать его спешилась. И как только поубавились стрелы, вскочил Сирмон и ринулся, словно барс, и заодно с ним отважно ринулись и грузины, и обратили в бегство гиланцев, и отсекли они Сирмону (лишь) два пальца, а рати татарские и грузинские (остались) без потерь. И как только узрели, что твердыни страны (этой) были неприступны и не поддавались захвату, ушли к каэну Абаге.

Таким образом, умиротворилась страна и повсеместно стало спокойно. Глянул Господь милосердно на уповающих на Него, и наступило изобилие хлеба и вина. Царь Димитрий правил делами царства. Когда же беды несколько отступили, стали праздничать, свернули со стези Господней, ибо царь привел трех жен, и Садун также привел себе трех жен. И вельможи стали прикладывать руки к храмам и монастырям, стали расхищать села и поместья, но особенно Месхийский храм – великолепный Ацкури. И хотя на это бесчинство строго указывали католикос Николоз и Николоз Мацкурский – сын Джуаншера, – никто не внимал их словам.

Затем снова возникло зло, приступили к произволу и хищениям, и нигде не было правотворца, ибо были архипастыри и священники своевольны, высокомерны, корыстны, злонамеренны, бесчинны. Как же продолжать слово, ежели повсюду были злыдни.

Тогда грянул суд правый из-за грехов наших, потому как тот же вышеупомянутый Аргун направился в Самцхе проведать Саргиса Джакели, ибо одряхлел этот от недугов старческих, ослаб всеми членами своими. Обошел (Аргун) Сомхити, Тбилиси и Картли с двенадцатитысячным воинством и причинил великие бедствия стране, хотя и не от зловредности, но от насильственного побора пропитания стало стране весьма бедственно. И пришел он в Самцхе незаметно и стал в Ацкури. Узнал Саргис о приходе Аргуна и явились к нему он и сын его Бека. Тот удивился их приходу и забрал Саргиса в Орду, а Беку оставил в Самцхе, ибо была пятая неделя святого поста. И выйдя из Самцхе, пришли в Сомхити.

И наступила страстная неделя, а в великую среду жестоко сотряслась земля ввиду безверия нашего. Затем в четверг (земля вновь) слабо сотряслась, и никто не уразумел, по чьей милости восстал Господь милосердный. И как только наступила суббота и стало три часа дня, а завтрашний был отведен для радости по случаю Воскресения Господня и все были в ожидании ликования, с

таким гневом глянул Господь на землю ввиду неправедности нашей, что до оснований дрогнула земля, сотрясаясь, от чего рухнули храмы и монастыри, церкви и крепости, жилища, разорились строения, рухнули горы и холмы, и словно пыль, рассыпались скалы. И разверзлась земля и черные потоки, напоминавшие деготь, вырвались, падали дерева высокие и сгибались от землятрясения, от чего и рухнул Ацкурский храм, и потому как Всесвятая Ацкурская Богородица покоилась в середине храма, скошенная башня, словно шапка, накрыла Ея главу, но осталась Она невредима в силу мощи Своей. Рухнул также и Мцхетский храм, погибло бесчисленное множество душ самцхийских, и повсюду не стало храмов и церквей и крепостей; и были стенания и скорбь безмерная.

А вышеупомянутый Аргун-ага находился при каэне, и проник в него недуг, от которого он и помер. Узнав об этом, сын Аргуна пришел к великому царскому Двору, а супругу свою оставил в Тбилиси. А сестра царская Тамар сбежала в горы, ибо был супруг ей ненавистен, как безверный и язычник. Тогда Садун, узнав, что сестра царская не желала супруга, сына Аргуна, сговорился и выторговал сестру царскую и просил об этом каэна Абагу. А тот уступил и продал ее. И царь отдал свою сестру Садуну. Так бесчинно поступил Садун, ибо привел он себе третью жену. Ввиду этого разгневался католикос Николоз, старец правосудный. Но из-за произвола Садуна не был в силах перечить, хотя весьма его порицал.

В ту пору, ввиду каких-то дел, отступились от татар Саргис и сын его Бека, ибо Саргис состарился от недуга ног. И в Самцхе ноином Буги, именуемым Туалом, был направлен брат Арухи с целью разорения Самцхе. Явился сам Аруха с двадцатитысячною ратью. Но Бека уклонился в горы, что пролегли между Гурией и Атчарой. И месхи ушли в гроты и леса. И прошла рать Самцхе, но не навредила ей. Постояли двадцать дней и удалились, и осталась страна с миром.

А с истечением года Абага соизволил отправиться против Египта: либо захватить его, либо обложить данью. Созвал он всю свою рать и царя Димитрия с его воинством в поход и войну супротив египетского султана, который именовался Насир Мелик, ибо Фундукадар был уже преставлен. И призвал (Абага) брата своего меньшого и определил его военачальником и вручил ему всю рать и повелел воевать против султана. Тогда Мангу-Демур призвал мтавара самцхийского Беку, дабы (обязать) его идти с ним совместно, но тот ответствовал: «Из-за наветов недругов моих твой брат, каэн Абага, разгневался на меня и направил на меня Аруху и разорил страну мою. Однако я избежал (неприятностей) ввиду безгреховности моей, и нынче побаиваюсь каэна, но ежели ты убедишь меня своей клятвой, что он не станет преследовать меня и с миром защитит страну мою и вотчину, я предстану пред тобою с войском».

Услыхав это, Мангур-Демур возликовал и испитием золотоой влаги поклялся и выразил нерушимую твердость и даровал ему перстень со своего перста, потому как это считалось признаком твердой клятвы. И посланцы уведомили обо всем этом Беку, и он спешно созвал всех месхов и отправился к Мангу-Демуру и предстал пред ним. И тот возрадовался весьма и оказал ему почести и обильно одарил и представил его Абаге, который (также) оказал ему большие почести и возлюбил за благозданность его.

И таким образом двинулись в Миср. Шли они множество дней и достигли одного города, который назывался Дарбузак. Выступили из него горожане и произошел бой, в котором Бека и сопутчики его – месхи – более прочих отменно потрудились. Татары и грузины (были втянуты) во

внутрь града, и месхи преимущественно напирали. И разгорелась страда ратная, и тогда оказал (Мангу-Демур) большие почести Беке подношениями одеяния и дивных коней, а также вельможам Беки и азнаурам.

Снялись отсель и отправились в сторону Египта и подступили к городам, которые называются Амаси и Амо, разбили лагерь подле сих городов. И узнал султан Насир Мелик о появлении татар, и тотчас явился со всеми силами своими. И как узрел Мангу-Демур султана и рать его, приготовился к бою и выступил вперед. А царь Димитрий, хотя и не был покуда полнотою дней своих готов для сражений, все молил Мангу-Демура определить его и воинство его в передовые бойцы, чему тот и внял. И случилась битва жестокая и мощная, величайшая из всех, когда-либо случавшихся сражений. И поскольку ведомы были султану отвага и неодолимость в сражениях царя и его воинства, потому-то и сам он возглавил двенадцать тысяч отборных всадников и поставил им двух отважных предводителей, чтобы в случае усиления и усугубления битвы одолеть неприятелей и (таким оразом) обратить грузин вспять. Разразилось сражение и пало с обеих сторон множество. Тогда на царя стремглав нагрянули Кара-Сангур и Иакуб Афраш с двенадцатью тысячами отборных всадников. Затем вновь случилась такая жестокость, что выделенные царем двести отборных передовых всадников были полностью перебиты, кроме царя и трех конников. Пал от копья Кара-Сангура царский конь, а видевшие это грузины вступили в жестокую схватку, и большинство египтян было перебито и царь, под которым сразили коня, сражался мощно. Увидя царя, Абаш, сын Сикдура, мгновенно посадил его на своего коня. Как только грузины увидели своего царя верхом, тут же все воспряли духом, и были обращены в бегство Кара-Сангур и Иакуб со всеми своими двенадцатью тысячами. Но вначале бежали и ноины, и татары, сам Мангу-Демур и ноины его обратились вспять. Тогда обессиленные грузины (также) отступили. Промыслом Господним царь был сбережен, но большинство грузин было перебито. Предстали Мангу-Демур и царь пред Абагой.

А Абага, пребывая на охоте, в ожидании вестей о ходе войны, повстречал некоего беглого татарина. И он, вопрощенный, изложил на языке их сладкими стихами мольбу начальника. Об Алинаке сказал: «Нападал, подобно высокопарящему соколу». Мангу-Демура уподобил тарану, Эбагана, сына Сирмона, – бросающемуся тигру, а Иас-Бугу – быку, Бугу – буйволу, а Тигна – самке-козе. А о царе же грузинском говорил следующее на языке своем: «Тенгри мегу кауркурба, бугар мету буилгаджи», что значит: «Гремел как Бог, рвал и метал, подобно верблюду».

Когда грузины предстали пред каэном, он оказал почести царю и отправил его восвояси. Затем вновь замыслил Абага поход в отмщенье султану. Помер брат его Мангу-Демур, спустя малость помер атабаг Садун и царь пожаловал его вотчину сыну его Хутлубуге и возвел его в чин спаспета.

А спустя малость, помер и Абага, а каэном ноинов посадили брата Абаги Ахмада, не обладавшего даром, (необходимым) для царения. Тогда отправился царь в Орду, чтобы предстать пред Ахмадом, тот же его уважил и приветил. И во время тамошнего пребывания царь выдал дщерь свою Русудан за сына великого Буги, из-за чего весьма разгневанный католикос Николоз сурово порицал его и обещал ему обильное и справедливое Господнее наказание. Ибо в пору тамошнего пребывания Димитрия Ахмад каэн сотворил зло – повелел умертвить приведенного из Греции

брата своего Конгарда. Обоих братьев – сыновей Абулета, бежавших (в свое время) от Садуна, умертвили заодно с Конгардом; умертвил их Хутлубуга, сын Садуна.

А царь Димитрий, до сей поры правитель добрый и возвышенный, украшенный скипетром царским, милостивый и правосудный, устроитель монашеств и церквей, всякого чина Божеского и людского, несколько отклонился от полноты совершенства, смешался с язычеством и усвоил их дела. Приобщаясь к ненасытности и прелюбодеяниям, помыслам сердца своего, привел трех жен: одну – дщерь Беки, и других, соблазненный, как Соломон женщинами; преисполненный бесчисленных добродетелей, он так-то склонился ко злу, а разгневанный католикос Николоз назидал его и указывал неоднократно, но так и не убедил его. Сложил он с себя сан католикоса и сам же благословил в католикосы (свадебного) дружка царя – Абрахама. И удалился старец в вотчину свою и там пребывал во многих трудах, постах, ночных бдениях и в молитвах за нищих.

В те же времена явился со Святой Горы монах Басилий, дядя католикоса Евфимия, исполненный Божественного чина и одаренный благодатью предречения. Стал он пред царем Димитрием с откровением Святой Богородицы и, подобно апостолу, страстно обличал царя и противился его бесчинным бракам и научал святости, и напоминал о пребывании нашем в храме Божием, непорочии плоти, привнесении им прелюбодеяния в непорочный храм Божий и об обретении убогими бесценных жемчужин, молитв, постов, милостей к неимущим, милосердии и щедрости, несовместимых с навозным потоком и грязной топью. И говорил ему в таковом поучении: «Ежели отречешься от бесчинного брака, быть мне порукой тебе, дабы преуспеть тебе в добром царении твоем». И увещевал вельмож в бесчинстве и многих обличал, ибо знал о тайных их страстях. И в таковой добродетели сиял блаженный оный монах. И потому как не убедил царя, презревшего слово его, сызнова стал он пред царем и вельможами его: «Ежели я по-своему выскажу, подобно лжепророку, совращающему Божьего человека, который явлен Ровоамом, сыном Наботия, а не Всесвятою Богородицею, сочтите меня обратившимся в лжеверу. Но ежели я явлен Всесвятою Богородицею для поучения тебя, прежде не станут дурными дела твои, молитвы и поступь твоя. И ежели не отринешь беспутные бракосочетания и оскорбишь слова мои – да погибнуть тебе злостно и бесславно от рук насильника и будешь отдален от царства твоего, и рассеятся дети твои, и завладеет другой царством твоим, расхитятся сокровища твои. И се! – я удаляюсь». И удивленный царь не ответствовал ему, ибо был он уважителен к святым людям.

В те же времена блистал Пимен блаженный, что удалился из Гареджи и поселился в одном из гротов в Белакани; обратил из язычества (в христианство) племена леков, которые и пребывают в вере Христовой[50]. Вместе с ним блистал также великий оный подвижник Антон Наохребелис-дзе, родом месх.

Мы же вернемся к вышеупомянутому Ахмаду. Потому как по воле Ахмада был умерщвлен брат его Конград, сидевшие в Хорасане ноины узрели бесчиние Ахмадово, отступились они от него и посадили каэном сына каэна Абаги по имени Аргун. Узнав об этом, Ахмад каэн собрал рать свою, призвал царя с его воинством с целью забрать его с собой в Хорасан против Аргуна каэна. И отправился царь и забрал с собой все силы свои и мандатуртухуцеса, сына Шаншэ – Иванэ, и сына Садуна – амирспасалара Хутлубугу. И отправились они и прошли Ирак и вступили во владения Аргуна. Увидя многочисленность (вторгшегося) войска, Аргун не решился противостоять, но бежал и вошел в крепость, именуемую Калас, которую каэн Абага обогнул с тыла и осадил.

Оказавшись беспомощным, Аргун взмолился, дабы (Ахмад) не винил его и пощадил и дал клятву невредимости, чтобы предстать пред ним. И выслушал Ахмад и клятвенно уверил в безопасности его, ибо Ахмад принял веру персов. И вышел Аргун из крепости и предстал пред дядей своим, и таким образом сошлись. Когда же они шли по Хорасану, собрались какие-то отряды бесчинных и дурных людей, врагов христиан, у коих убиение христианина почиталось за великий подвиг, ибо таково было учение безбожного оного Мухамеда, вписавшего дурные слова в свою книгу Коран: «Ежели ли вы убьете христианина, вам уготовано сошествие в рай, а ежели будете убиены ими, также сойдете (в рай)». Потому-то безбожное сборище сколотилось и где бы они ни находили грузина, одного или более – истребляли.

Узнал об этом сын Беги Сурамского – Рати, и потому как был он юный молодец, отправился с шестидесятью людьми и обнаружил в неких горах находившихся там укрепленных около трехсот человек, нагрянул на них, и завязалась горячая схватка. И в первом же столкновении обратили их в бегство и большинство их было истреблено, прочих привел к царю, из-за чего царь весьма его почтил и выдал ему множество даров. Оттуда пошли они и достигли Хере и Казвина. И каэн остался весьма благодарен царю за сопутствие по Хорасану и выказал ему большое уважение и выдал ему всех мтаваров грузинских. А каэн удалился восвояси, чтобы победно явиться к супруге своей. Забрал он с собой царя, а племянника Аргуна оставил в Хере и ноинов всех оставил при Аргуне и упросил Алинака и прочих ноинов повременить немного дней и лишь затем умертвить Аргуна. И ноины находились при Аргуне; великий Буга и Иас-Буга, из рода оирдских, вынесли решение: поставить каэном Аргуна, сына Абаги, а Ахмада умертвить. Так и решили. Спешно явились ночью и вывели спавшего в шатре Алинака и умертвили его. И как только рассвело, провозгласили Аргуна каэном и отправились в погоню за Ахмадом. Он же пришел в Орду свою в Ужан; (те же) настигли его и удавили его вервиями.

А царя Димитрия прежде всего уведомили, чтобы он порвал с Ахмадом; царь так и поступил – вернулся и пришел и предстал пред каэном Аргуном. Он же благодарно его приветил и отдал ему все царство его и дом атабага Авага, коим владел сахиб-диван, ибо каэн находился в руках Буги, а Буга приходился царю другом и сватом. И вернулся к себе победителем с миром и отправил сына своего Давида младшего в дом атабага на воспитание и приготовление в царевичи. Да таким образом день ото дня приращалось к царствованию его, и католикос Абрахам добропорядочно правил кормилом церкви католической, ибо был он человек превосходный в делах добрых и добрый в отправлении забот царства.

А у царя Димитрия народилось детей от царицы – дочери трапезунтского (императора) – первенец Давид, (затем) Вахтанг, Лаша и Мановел и дочь Русудан; а от девы татарской – два сына: Байду, Иадгар и дочь Джигда. А дочь Беки – Нател – родила ему единственного сына Георгия, который после братьев его стал царем и превзошел всех последующих царей, ибо был единородным сыном матери. Как сказано, жемчуг украшен одиночеством, так и Георгий обрел превосходство над всякими из людей его поры, и не только государями, но и людьми вообще. Оный Димитрий стяжал огромные сокровища, превзошедшие те, что достались ему от отца его, и служил он каэну Аргуну, ибо споспешествовал ему великий ноин Буга, коему каэн присвоил честь быть Чингизидом, что (у них) почитается превыше всякой почести.

Тут от каэна отступились дарубандцы[51], и каэн двинулся на Дарубанд, призвал царя Димитрия, тот выступил заодно (с ханом, и совместно) вступили в Дарубанд, и не устояли дарубандцы и бежали в крепостной акрополь, который именовали Алик[52]; окружили (осажденных) извне, но не причинили им ущерба. Тогда каэн Аргун повелел царю дать бой, потому как была крепость весьма стойкой. И вооружились царь и воины его, окружили крепость и ворвались в нее, потому как Рати – сын Буги – прежде других вступил (в крепость), и захватили крепость, перебили тамошних главарей, полонили жителей, сокровища и множество их семейств, а крепость сожгли. Все это видел каэн. К самому царю он питал вражду, велел подать цепь именитую, и царь тут же подал ее ему, и ушли восвояси.

По прошествии многого времени, когда наступило начало года, которое они называют урдисингом, так это на языке их, и приходится оно на пятнадцатое марта, отправил каэн ноинов, напали они на Бугу и схватили его, и захватили все его сокровища и представили его каэну, а он велел его и сына его казнить без допроса. И умертвили Бугу и всю родню его. Отправили повсюду людей – в Грецию, Шам и Хорасан, и истребили множество вельможных ноинов. Таким образом происходили казни и истребление ноинов.

И отправил каэн посланника, чтобы призвать царя, и царь посетил Орду. Когда царь узнал о казни Буги, это весьма его огорчило. И созвал царь католикоса Абрахама и епископов, священников и монахов пустынь Гареджийских и всех начальников царства его. Собрались они пред ним, воссел он на троне, и присели все. И отверз царь уста свои и изрек: «Слушайте меня все – католикос и епископы и чиновные царства моего. Когда опочил отец мой, был я отроком малым в то время татарского засилия. Но Господь Вседержитель и Владыка наш Иисус Христос и Всесвятая Богородица, уделом Коей мы являемся, и Почестной Крест, дарованный нам, царям, защитили меня и привели в возраст полный и даровали царство, и споспешением вашим отправляю я царение, до сей поры с миром устрояю царство мое. Ныне разгневан каэн и истребил он всех своих начальников и теперь зовет к себе меня. Я думаю о его злодеянии и ежели мне не отправиться в Орду и скрыться в горах и твердынях и отстоять голову свою, то вот! – все царство мое распласталось пред ним. Взгляните, сколько душ христианских будет предано погибели и отдано в полон, и осквернятся церкви и разорятся, и перебьют иконы и кресты. Но ежели отправиться мне к каэну, то доподлинно знаю – убьет меня. А теперь мудростью вашею рассудите сие дело. Я думаю так: многобурна жизнь сия, непостоянна и преходяща, дни наши исчезнут, как сон и привидения, и непременно и спешно предстоит уход из мира сего. Какая польза в жизни моей, ежели из-за меня погибнет множество душ, а я из мира сего уйду отягченный грузом грехов. Нынче я желаю предстать пред каэном, и да будет воля Божья. Ежели казнят меня, то думаю, страна минует беды».

Выслушав это, католикос и епископы, духовники и вельможи, дивились тому, как положил царь душу свою за народ свой, и дали следующий ответ: «Царь! Тебя некем заменить. Не позволит Господь татарам убить тебя. Разорится страна и дети твои рассеются. Да ежели и останется страна, кто заменит тебя? Теперь же советуем тебе уйти в укрепления мтиулетские, либо абхазские, как поступил твой отец, и ни к чему тебе приносить себя в жертву. Мы все в этом твердо убеждены»[53].

Выслушав все это, царь сказал: «Вы говорите из единодушия и любви ко мне, но мне жаль невинный народ, словно агнцы обреченный на смерть, и нет им утешения. Я положу душу мою за народ мой и не откажусь идти в Орду».Тогда изумленные поднялись, и говорил католикос Абрахам:

«Это не дело, о царь, жертовать душою твоею, ибо многим царям случалось избежать и защитить себя. А теперь, коли ты положишь душу твою за народ, мы, все епископы, возложим на себя грехи твои и пред Господом свидетельствуем сопричислить тебя к святым, как о том Владыка глаголет в Благовествовании: «Нет любви большей, чем положить человеку душу свою за ближнего своего». И ежели благо положить душу за одного ближнего, то сколько же пользы в спасении неисчислимых душ».

Выслушав слова католикоса, царь возрадовался и (твердо) решил идти в Орду в великой славе и с сокровищами, и сопроводил его католикос Абрахам. И определил детям своим (места) для пребывания. И всем мтаварам, которые не сопровождали его, поручил детей своих и отправил некоторых из них в Мтиулети, а других – в Кахети. А отрока меньшого, Георгия, отправил в Тао – в Ишханскую крепость, в Аскарашен, а сам же двинулся в Орду. И как вступил в земли Хушак – дочери Авага – встретил его там сын его Давид, которого он и забрал с собой потому, чтобы не было сомнения у каэна и внушить ему свое к нему благорасположение.

И пройдя немного, приблзились к Орде. А каэну подумалось, что царь не явится и (поэтому) отправил некоего ноина по имени Тукал, сына вышеупомянутого Иас-Буги, чтобы привести царя. И случился он царю, ступавшему по пути, и стремглав забрал у него все его вещи и достояния, а царя схватил и представил его каэну Аргуну. И он его заточил в узилище. И рассуждал каэн: ежели оказать царю зло, никто (из прочих) не достоин воцарения, но если не причинить ему зла, как же выпустить сторонника и сговорщика Буги.

Но Хутлубуга говорил каэну: «Не тужи об этом, ибо я приведу сына царя абхазов Давида по имени Вахтанг, и ему пожалуй царение, чтобы оба царства стали под властью твоей». Благоволил каэн словам этим и отправил Хутлубугу в Имерети к царю Давиду и сулил сыну его воцарение и сестру свою, Олджат, в супруги.

Когда же отправился Хутлубуга (в Имерети), велели царю Димитрию описать все богатства его, кладовые, (крупный рогатый) скот и овец, и все состояние его. Ибо были заточены сам царь и мтавары его, опричь католикоса Абрахама. И не было мочи, пересчитал все, что имелось у него – состояние обильное. Отправили человека и забрали все, не оставив ничего, ибо и горожанам было ведомо о сокровищах его, и стали ему предателями, но говорят и о том, что сын Ходжи-Азиза, отца которого убил царь Давид, Хутлубуга и он – оба – сговорились против царя и доставили каэну всю царскую казну, и удивился он, несколько утихомирилась ярость его, и уж подумал не причинять ему зла. Видя это, визири царские говорили ему: «Ну, вот – твоя судьба в твоих же руках. Ночью подведут тебе скаковых лошадей и уходи, беги из рук их, ибо душе твоей нет замены». Говорил царь: «Слушайте меня. Спервоначала я думал о смерти моей и положил я голову мою и душу мою за народ мой. Но ежели я теперь уйду, истребиться народ невинный. Какая польза в том, ежели приобрету я весь мир и тем самым душу мою погублю». Не внял он советам мтаваров своих.

И прибыл Хутлубуга из Лихт-Имерети и доложил каэну, а именно: «Царь Давид пришлет сына своего и рать абхазскую в услугу тебе, для прислуживания тебе». Понял каэн, и вновь взяли под стражу царя Димитрия, и как только прошло два дня, вновь схватили царя и отдельно – сына его, отрока юного Давида, и сопровождал его взращенный с ним иеромонах Мосе. И палкой били царя, потому все думали, что не казнят его, потому что было у них в обычае, ежели побьют кого-либо палками, того не казнят. Однако не смирилось сердце его в ярости. Поволокли на судилище, в

дом, который они именуют диванханом, и вопрошали – был ли осведомлен в намерениях Буги Чингишана, но не обнаружили вины. К каэну явился некий Тоган ноин с просьбой не казнить царя, но тот не внял его просьбе. И пришли двенадцать всадников каэна, чтобы забрать (Димитрия) и предать его смерти. Понял (царь) все, однако радостно приветствовал мтаваров Грузии, ибо все были явлены для воодушевления царя, и Хутлубуга присутствовал тут же. Говорил царь ему: «Коли в силах, походатайствуй за меня перед смертью моей. Ежели же не желаешь, то (хотя бы) о сыне моем малом Давиде попещись, чтобы не убили его в переполненном гневом сердце каэна». Он же и все мтавары стали рыдать и вышли вон. Молился он и причащался к крови и плоти Владыки нашего Господа Иисуса Христа. Итак усадили его на лошадь и увели на одну милю. И просил он супостатов дать ему малость помолиться. И молился он в слезах, потоками хлынувших на землю, и затем подставил выю. Вот – день страшный, ужас ниспровергшийся, как позволили себе сии нечестивцы над Божьим помазанником. И отсекли голову царю Димитрию.

Но в то же время явилась слава Божия на помазанника Его, ибо солнце совершенно затмило диск свой и возникла тьма великая, и дались диву все язычники. Был час десятый и (земля) облачилась в темень до вечера, как во имя Господа, пострадавшего за жизнь мира сего, так же и сего блаженного, за Грузию убиенного царя, дабы ведомо было, что славны помазанники Божии. А была третья суббота святого поста и двенадцатое (число) месяца, евреями именуемого нисаном, а нами – мартом.

И исполнили они гнев сердца своего, и не унялась ярость сердец их ни к кому, ибо схватили они и отрока Давида и привели его к ноину Тогачару, коему принадлежало предводительство войском. В ту ночь, в сердечной тоске, водворили отрока Давида в шатер для заклания, но не случилось. И как только рассвело, тайно вышел священник Мосе, который ни разу не отлучался от Давида, вошел к Тогачару и уведомил его: «Задумали казнь Давида». Он же встал стремглав и кинулся к каэну и говорил ему о неповинности Давида: «К чему тебе убиение безгрешного отрока? Даруй его мне». Тот выслушал и отдал, и забрал он его в свой дом и вручил своему ходже, который впоследствии сделался сахиб-диваном.

А честной прах царя Димитрия стерегли много дней, чтобы не забрали его грузины. И так исполнилось предречение Басилия Святогорского. А было множество вельмож грузинских, и никто не дерзнул похитить прах царя. Тогда католикос и Мосе подкупили людей и Мосе сам их сопроводил, и ночью выкрали (прах). Тогда по Промыслу Всевышнему появились люди тбилисские, несшие рыбу, и вместе с рыбой понесли они (и прах царя) и принесли его во Мцхету и погребли там в усыпальнице их.

И как только все это случилось, ноин Тогачар надежно сберег Давида, сына Димитрия, а царицу и других жен царских скрыли. А Сограл ушел в отчий дом в Татарию, а дочь Беки удалилась с отцом своим в Самцхе, а Вахтанг пребывал в Мтиулети. Каэн же выдал царице на содержание Скоретисхеви, а при ней оставил двух ее малолетних сыновей: Мановела и Лашу. А с Соргалом в отчий дом ушли два сына – Байду и Иадгар. И осталась страна сия в бесцарствии.

Призвал каэн Хутлубугу и говорил ему: «Ну, вот, истребил я всх врагов моих, также врага твоего Димитрия, и ныне нет царя (в Грузии). Исполни тобой обещанное мне – приведи сына царя Абхазского и да станет он царем. Тебе я выдам всю Грузию и правь ею по своему усмотрению»[54]. Предстал Хутлубуга пред царем Давидом. И как узрел царь Давид Хутлубугу, призвал воинство

свое, поспешил к нему и взял с собой сына Вахтанга, перешли и стали в Тасискари, на Квишхетской поляне. Сюда же пришли дети ноина Сирмона, Корчибал, сын Алинака Курумчи, что стоит в горах Джавахетских, расположенных между Артани и Самцхе, и созвали всех вельмож грузинских, и положили клятву твердости и согласия. И отдал царь сына своего и многих тавадов своих привел к нему. И спешно удалились, а царь Давид скрылся в Кутатиси. И явились пред каэном Аргуном. Глянул каэн на Вахтанга, возлюбил его за благозданность его, ибо был он телом совершенен, прекрасен ликом, благий, милостивец, добрый советчик, сведущ во всех делах. Этому Вахтангу дал он все Грузинское царство и собственную сестру Олджат в жены и отправил их, и вступили они в Тбилиси.

VI

И собрались католикос и епископы и мтавары и возложили на главу его венец царский и возвели на престол царства и исполнили чин благословения. И овладел он всей Грузией от Никопсии до Дарубанда, за вычетом (владений) Джакели Беки Цихис-Джварского, и возликовали все жители Грузии, коим достался (в правители) почестной из рода царского, боголюбивый, праведный судия, доблестный и мужественный, преисполненный воинского нрава. Он присвоил честь атабага и амирспасалара Хутлубуге и даровал ему обе власти и правление царством.

А Давид остался в Татарии у ноина Тогачара, в беде и притеснении; царица, матерь его, осталась в Скорети, а прочие братья его рассеялись. А самого меньшого брата его, Георгия, которого родила дочь Беки, забрал дед его Бека и вырастил его на диво и прелучше всех мужей, как засвидетельствуют о том нижеследующие слова.

И по прошествии двух лет вошел злой недуг в каэна Аргуна, ибо отсохли все члены его, и стала гнить плоть его, и рассыпались кости, и разложилось тело его, и был вид его омерзителен и страшен и едва ли не был подобен покойнику. Когда недужил Аргун, возжелал он (увидеться) с Хутлубугой, дабы тот воцарил Давида и преемников его и ходатайствовал пред ноинами о лишении Вахтанга царства. Тогачар пособлял Давиду, да царевич овсский по имени Фареджан также весьма содействовал Давиду. По этому же делу – кому надлежало бы царствовать – был созван совет. Но иным вельможам грузинским неугодно было воцарение Давида, ибо твердо были преданы Вахтангу и потому не дали царства Давиду, но уступили ему некоторые селения и земли.

И потому как продлился вышний гнев на Аргуна, и недуг тот протянулся на четыре месяца, разложившийся с головы до ног надоел он ноинам, сговорились они и напали на него и в собственном его шатре задушили его в то же время и в тот же день и число месяца – двенадцатого марта, – когда был казнен честной и блаженный Божий помазанник, светлый мученик Димитрий. Случилось чудо: потому-то и настиг злой недуг Аргуна, что пролил он много крови невинной и дерзнул поднять руку на Божьего наместника.

И помер Аргун, и все сподвижники его, что были соучастниками в убиении царя (Димитрия) – все были истреблены. И отныне далась власть Давиду, и ноины были на стороне Давида. Так же твердо владел царством и Вахтанг.

Отправили ноины человека и привели (в качестве) каэна Кетагу-коуна, брата Аргуна, и посадили на престол и вручили ему каэнство. Он по-доброму возлюбил Вахтанга, ибо считал, что из-за него постиг Аргуна тот гнев жестокий. В то время, когда все это происходило, проникла в царя Вахтанга какая-то незначительная хворь, из-за которой он и помер после трехлетнего царения, преисполненный и украшенный делами Божескими и человеческими, и воспитатель к нему был приставлен добрый и мудрый – сын Фарсмана. Узнал об этом Давид, огорчился ввиду его доброты и юности, и оплакал по чину и оказал ему высокие почести и отправил в Гелати, в усыпальницу царскую. Когда узнал царь – отец его Давид – о кончине желанного и всеми возлюбленного сына своего Вахтанга, обуяли его безмерная боль и стенания, говорить о чем обстоятельно невозможно. Однако печаль настолько объяла его, что не находил он ни в чем радости и спустя несколько лет опочил и он, преисполненный честной старости. Оставил трех сыновей, прежде (всего) первенца Константина, второго – Микаэла и меньшого Александра, которого родила ему царица, дочь великого Палеолога, держащего Константинополь и Грецию. Царство же принял Константин по праву старшинства, но воцарению его воспрепятствовал брат его Микаэл и захватил он земли Рачи и Аргвети. И не допустили они мира, прежде чем не преставились, ибо стоило им (положить) договор о мире, как тут же расстраивали его.

Мы же спервоначала вернемся малость на путь в сторону отступивших. Как только воссел на троне Кетагу, отступился город Тунгузало. Потому как Кетагу вышел из Греции, возомнили, что каэну недосуг, и отложились. Тогда он призвал все свое воинство и Давида – сына Димитрия – и мтаваров картлийских, поручил ноину Сикдуру трон, жену и наложниц своих. А Хутлубугу и прочих вельмож Грузии поставил в Мугане, потому как побаивался вторжения воинства Берки. Сам же лично отправился (дальше) и забрал с собой сына Димитрия – Давида. И как достигли города Тунгузало, осаждали его (в течение) четырех месяцев, но не навредили ему. И как только нужда возросла, на пятый месяц приступили к яростному бою, ибо воевали Давид и немногочисленные (воины) грузин. Забрали город и вступили в него. В одном из переулков сошлись христиане и в мольбах просили Давида смилостивиться, и чтобы каэн не причинял им зла. Выслушал (Давид) и приставил к ним защитников и защитил их, взял хараджу и кладовые бесчисленные, и затем вернулся.

В пору пребывания там Фареджана стали овсы разорять, побивать и полонять (население) Картли. Полонили овсы и город Гори и оставили его при себе. Тогда собрались все картлийцы пред Хамадой, сыном картлийского эристава Беги, и осадили Гори. И многократно сражались, в городе померло множество люда – и овсов, и картлийцев, и сожгли город дотла. И когда овсам стало невмоготу, спустили (со стены) крепости по канату человека и отправли его к расположившимся в Мухрани татарам (с просьбой) о помощи. Прослышав о том, (татары) выступили посредниками, пособили и положили мир. Вот так отныне возникла вражда между картлийцами и овсами, покуда блистательный среди царей, великий и прославленный Георгий не прогнал и не истребил их[55]. И как только вернулись к себе, каэн призвал Давида и говорил ему: «Потому как положил ты голову свою на службу мне и преданно стоишь за меня, я дарую тебе царение и царство твое». И отправил его в Тбилиси и посадил на трон отца его. И сопроводил ему рать грузинскую, Шаншэ и Хутлубугу и всех (прочих) вельмож. И призвал Беку из Самцхе, но он не изъявил (желания) предстать, ибо был весьма возвеличен и сам не являлся ни пред каэном, ни к царю. Отправил он к нему сына

своего, первенца, – самцхийского амирспасалара Саргиса, и все сбережения, которые молитвенно доверил ему царь Димитрий, а также пояс драгоценный. Пришел Саргис, предъявил царю все без недостачи. Возвели царя на трон и благословили его католикос Абрахам и епископы.

И выдал каэн ему (в жены) сестру свою Олджат, что была замужем за Вахтангом. Овладел он всем царством отца своего Димитрия, кроме Самцхийского княжества – владения Беки. Но этот почитал царя Давида отправлением ему множества даров и подношений. А Давид большую часть времени проводил при каэне. Хотя мтавар овсов Фареджан преданно служил царю, но была вражда меж картлийцами и (овсами) и были они взаимно столь непримиримы, что каждый из них при случае убивал другого. И вот, отправились овсы в город торговать, а возвращаясь, повстречался им нищий. И подали ему милостыню овсы, из коих одного звали Сахтис, а другого Узурабег, и сказали: «Бедняга, моли Бога, чтобы нынче сошлись наши мечи с мечами сына Беги Сурамского». (Далее) пройдя немного, повстречался им безоружный Рати с малочисленными приближенными, находившимися (с ним) на охоте. Стремглав напали (овсы) на него; тот выставил щит и стал в узкой теснине речки и первым обрушил меч на шлем (овсу), раскроил и свалил насмерть. Затем вступил Узурабег, но (Рати) вонзил ему меч в одетый в кольчугу бок, вспорол ему бок, свалил, а слуги Рати добили его; при виде этого бежали прочие овсы. Потому говорит Пророк: «Господь истребит гордецов», а также другие вещают: «Да истребит Господь уста коварные и язык велеречивый».

И предстал глашатай (каэна) Тукал пред царем Давидом. И предстал Давид пред Тукалом, который стоял в горах Арарата. Как увидел Тукал царя Давида, с почтением возлюбил его. Изъявил (желание) клятвенно положить верность в любви. Установили единство, и вернулся царь восвояси и отдал Дманиси, которым владел Хутлубуга, брат Мангасара.

И как прошло немного времени, ушли ноины, которые бежали от Тукала, как то: Навроз, сын великого Аргуна, что был человеком мужественным, отважным, деятельным и паче храбрым; Курумчи, сын Алинака, брата которого Бугу умертвил Тукал. Явились эти в Хорасан к сыну Аргуна Казан коуну, которому принадлежал по отцу его в качестве удела Хорасан. Собрались все они и двинулись в бой против Байду. Но узнав о приходе Казана, тот также созвал рать и также стремглав отправился и Тукал, не дожидаясь царя (Давида). И здесь также сберег его Господь, ибо не случился. Сошлись у небольшого города Зангана, сошлись лицом к лицу, и был успех равный, опрокинули обоих и разошлись, ибо не было там Казана, а направили Навроза и Хутлубугу. Навроза схватили, и Джалаир произвел мощную битву. И ушел Казан их Хорасана.

А Навроз взмолился отпустить его и клятвенно заверил, что выдаст Казана связанного. Тот поверил и отпустил. И как только вернулся к Казану, перевязал медный котел и отправил его Тукалу, ибо на языке турецком котел называется «казан». Пришел котел, опоясанный вервиями, изумился Тукал, и стало ему тягостно, ибо (уже) достиг гор Арарата.

Тогда вновь тайно двинулся Казан с (еще) большей ратью и в Ужане напал на Байду, схватили его и приволокли к нему и удавили, а заодно с ним и многих ноинов. И здесь защитил Господь царя (Давида). Узнав о смерти каэна Байду, Тукал бежал и пришел в Самцхе к Беке, который княжил от Тасискари и до Карнуграда. А сына отправил к царю Давиду и поручил его ему. И как только Казан вступил в Адарбадаган, который есть Тавреж, раз и дважды отправил посланника царю (Давиду) и Беке, дабы выдать ему Тукала и сына его. Но те не выдали, но (приложили) усилия, чтобы простил им. И дал он слово и печать их безопасности, и те выдали Тукала. Узнав об отправлении Тукала в

Орду, Курумчи предстал пред послом Казана в Нахидури и, отняв у него Тукала, убил (в отместку) за казнь брата его Буги. А царь Давид выдал ему сына своего и многие богатства, которые милостиво (доверил) овсскому мтавару Фареджану и которые хранились в крепости Атенской. Каэн Казан был благодарен за это, но царь не решился идти в Орду, ибо вышеупомянутый Навроз, сын Аргун-аги, был врагом вообще христиан, кто же замышлял бросить веру, того приглашал (к себе) и обращал в мусульманство без уведомления о том каэна Казана. И опять-таки был обессилен злобой и потому помер, и помер злостно, о чем и свидетельствуют нижеследующие слова.

Сей Навроз возвысился и помимо каэна правил делами и заботами и находился во вражде с христианами, готовясь полностью истребить и разрушить церкви в Тавриже и во (всех) прочих городах. И привел он епископа города Марага, родом и верой насрани, что был человек благообразный, почитаемый первыми каэнами и прозванный отцом. Он был схвачен и перенес множество побоев и надругательств, понуждаемый оставить веру. Но он противостоял и терпел оскорбления Мухамедом и проповедуемой им верой. Поэтому он был подвергнут наказанию эксорией, ибо был весьма стар. К этому Навроз присовокупил и следующее зло: отправил человека-негодника из своего племени разорить церкви по всей Грузии, сначала разорить храм местопребывания Всесвятой Вардзийской Богоматери, и все, что будет по всей Грузии, – забрать. Он предполагал в Вардзии безмерные сокровища – золото и серебро, драгоценные каменья и множество жемчугов. Тот выступил и достиг Нахчевана, начал грабить и разрушать церкви. Настиг его гнев Всесвятой Богородицы Вардзийской. Потому как шел он глумиться над Вардзийской Богородицей и покорить Пречестной Крест, потому-то и был поражен громом и громовой удар испепелил его сполна и сгорел он с костями. И так чудесным образом защитила Вардзийская Богородица место Своего пребывания.

И Навроза также постиг гнев Господень, ибо разгневался каэн Казан из-за неправедности и злые дела его. Был Казан довольно добродетелен и незлобных помыслов и правотворец паче всех прежних каэнов и настолько, что он подвесил на двух шестах цепи и обвесил их множеством погремушек, дабы убогие и немощные, жалобщики и не удостоенные предстать пред ноинами, приходя к нему, трясли шесты и цепи, а каэн, слыша звуки погремушек, понимал, какого наказания заслужили убогие и презираемые люди, коих он сам судил лицом к лицу. Он так лелеял правый суд, что во дни его не творились произвол и неправосудие ни большими, ни малыми. Потому-то окаянный Навроз и бежал в Хорасан. Его-то и преследовал каэн Хутлуша, нагнал его и (велел) умертвить его и сына его и весь род его. Вымерла на земле память о нем, как писано: «Да истребится безбожник, дабы не видеть ему славы Божией». И затем погибла память о нем. И таким образом умиротворились татары. Начал каэн Казан править страной справедливо и по доброму суду.

В те же времена отправил каэн Казан гонца и призвал к себе царя Давида[56]. Он же спешно собрался и подступил к Кахети и Эрети. Вельможи эр-кахские и азнауры явились к царю Давиду, (а также) эристав Самадавла, муж, одаренный всеми воинскими доблестями и лучник избранный, подобно иудею Мосомаху, либо избраннику Неоптолемеосу Пигасу, славному наставнику мирмедонидов. Оставался (царь) в Эрети немного времени и совещался с визирями: «Идти мне в Орду или нет». Визири положили идти, но царь и слушать не желал их и вышел вон, потому что опасался свидания с татарским каэном. И пришел в Мтиулети, скрылся в Жиновани, выгородил укрепление и поставил защитников. А сам царь Давид стоял в Мтиулети и отправил брата своего меньшого Вахтанга посланником к внуку великого каэна – Бато, и по обещанию указал дорогу,

ведущую к каэну, а тот благожелательно его приветил и сулил ему владения и множество сокровищ. Как только понял Казан отступничество Давида, направил (на него) главного командующего Хутлушу, коего они именовали бегларбегом, с войском великим. Пришли и стали в Тбилиси. Отправили гонца к царю Давиду и спросили людей, верно благонадежных, – предлагали союз и просили верности Казану и не примыкать к неприятелям. А он отправил католикоса Абрахама, Иванэ Бурсского, тбилисского кадия, и просил заложников и клятвенно обещал. А они поклялись по чину их веры и дали в заложники сына Хутлуши – Сибучи, и твердость в верности. И пришел он проведать их и обещал явиться в Орду. А Хутлуша уважил его по-доброму и выдал заложникам обильные дары и отпустил их.

И как наступила пора весенняя, вновь призвали царя Давида в Орду, но, пребывая в страхе, он не соизволил идти туда. Поэтому он отправил брата своего Байду к каэну Тохта. Как узнал об этом каэн Казан, вновь отправил он с войском бесчисленным главного командующего Хутлушу. Пришли они в Сомхити и обратились к царю с (предложением) явиться и сулили ему великих даров. И вновь (Давид) отправил к ним католикоса Абрахама, тбилисского кадия и Иванэ Бурсского, и обещал явиться. Поняли татары, что он привередничал, схватили Иванэ Бурсского и убили его, а католикоса и кадия отпустили невредимыми, и обратились ко вторжению в Мтиулети. Разорили Сомхити, Картли, Триалети, Эрцо и стали в Мухрани, Херки, Базалети, Эрцо и Тианети, и нехватало им (пространства) для стойбища своего, грабили Картли и вышеназванные земли. Произвели полон, которому не было числа, и истребили острием меча всех, кого обнаружили, и была предана страна поруганию из-за греховности нашей.

В том же году со стороны Северной показалась звезда недобрая копьевидная и стояла она, примерно, четыре месяца и каждую ночь виднелась звезда эта копьевидная, и говорили: «Она предзнаменует истребление от копья».

И вновь соизволили татары положить (мирный) договор с царем и отправили посланника к царю (с предложением) дать клятву верности каэну и не предоставлять дорогу внуку Бато – великому каэну Тохте, и пусть в сию пору пребудет у себя и защитит царство свое. И положили клятву и заверения во взаимном согласии, и отправил (Давид) матерь свою – царицу и брата своего меньшого – Мановела и католикоса Абрахама и царицу – супругу царскую Олджат, чтобы уладить дела его; и вновь утихомирилась страна.

И как только прошла зима и настала пора весенняя, отправили посланника к царю, чтобы узнать, остается ли он верным каэну или нет. И узнал сей человек, что Давид отправил Баиду к каэну Тохте и предоставил ему дорогу для продвижения. Уведомил об этом Казана, он же разгневался и направил на него Курумчи и некоего Эринджа, из дома своего, и Шаншэ Мхаргрдзели. И призвали младшего брата Давида – Георгия, им же взращенного, которого родила дочь Беки, единородного ее сына, ибо не в силах природа материнская породить ему подобного, о чем завсидетельствуют нижеследующие слова.

Пребывал он в доме Беки, ибо был сей Бека возвеличен и владел он (землями) от Тасискари до Спери и до моря, Самцхе, Атчарой, Шавшети, Кларджети, Намглисхеви; и Чанети полностью отдал ему царь греческий Комнианос Кир Михаил, а дочь Беки он привел в супруги. Он же владел и большей (частью) Тао, Артани, Колы, Карнифоры и Кари, а в них земли и крепости, Артануджи и двенадцать пустынь Кларджийских, и именитые азнауры и монастыри – все было при нем. И

платил он Казану хараджу и вспомоществовал войском. И просили у него отрока Георгия, чтобы сделать его царем в Картли вместо Давида, брата его, что он и исполнил и отдал и сопроводил ему большое войско. Забрали его и посадили царем. И хотя он был малолетен, сподобили его царственного всесилия и предзнаменовали ему его.

И был царем в Тбилиси отрок малолетний Георгий. И как только наступила весна, вновь отправил каэн Казан того же Хутлушу с войском мощным, а (также) множеством прочих ноинов. И стали в вышеназванных местах. Разорили Картли еще более злостно.

А царь Давид стал в Хада. Тогда Шалва из Квениплеви сбежал от царя, преисполненный великих даров, которые были ему пожалованы в ту пору. Позабыл он о милостях сих и явился к ноину Хутлуше. А этот же возрадовался и принял его с почестями и поставил путеводителем. И вступили на дорогу Цхразмисхевскую и прошли через гору между Цхавати и Цхразмисхеви, которая и есть Ломиса. Из (стана) татар явились Шалва из Квениплеви и мтавар овсов Бакатар и стоявший в Мухрани татарин Баан Тангут. И как только они поняли, что не одолеют стефанийцев и царя там также нет, попросили (у осажденных) малость пропитания. Стефанийцы выдали его им. И снялись и взошли на Хада. А царь пребывал в Цикаре. Постановили и положили верность царю Хамада Сурамский, сын амирэджиба Абаза – Чила, и азнауры картлийские и сомхитары, и выказали ему великое единодушие.

Как только проведал Хутлуша о пребывании царя в Цикаре, разделил войско. Некоторых отправил из Цхавати по трудному пути, чтобы таким образом обойти и вторгнуться в Цикаре, что, собственно, было невозможно. Тогда спустившаяся (с гор часть) войска прошла дорогу Цхаватскую и прошла Цхавати. Узнав об этом, царь отправил немного войска, и произошел жестокий бой, и было истреблено татар неисчислимо, ибо вступили в узкий проход около пятисот воинов, которые не успели уйти из-за узости прохода. Схватили пятьсот (татар) полностью, одних убили, а тех, что остались, отправили к царю (Давиду), а прочие бежали. И воины царские перевалили гору, которая находится в центре Хада, насупротив Цикаре, и произошел мощный бой. Отменно сражались собственно царские (воины), хадайцы и пришедшие из Хеви отменные бойцы. И погибло татар больше, ибо сильно побивали их мтиульцы; были (татары) быстроноги, всадники не могли вступать в бой, и татары воевали пешими, пособниками их были Шаншэ – сын Иванэ, и овсы, что осели в Гори, месхийские воины, отправленные самцхийским мтаваром Бекой – торельцы, тмогвельцы и таойцы. И длилось сражение до сумерек. Ввиду узости прохода не смешались (противники), разделились и обратили татар в бегство от Хада.

И пособил Господь царю, ибо рать, пришедшая из Цхавати, (после боя) удалилась. И когда же собралось около пятисот человек, Хутлуша тоже весьма страдал. Убедился он в твердости страны и понял, что не следует ему вторгаться в Цикаре. Ночью двинулся по дороге Ломиставской, нагрянул на Картли, и если кто там еще оставался, перебил и забрал в полон. И разорили Картли и удалились к Казан-каэну.

И наступила пора весенняя, направился тот же Хутлуша, согласно распоряжению каэна, с войском, (еще более) превосходящим, и подступил к Тбилиси и полагал вторгнуться в Мтиулети. И как узнали об этом вельможи сего царства, ужаснулись и стали искать способа избежать встречи с татарами. И если где и осталась (свободная) земля – собрались пред царем Давидом и напомнили ему идти к каэну и получить твердую клятву в невредимости. Выслушал царь и решил идти в Орду,

просил (у него мирный) договор и клятву, а тот весьма возрадовался и выразил ему (обещание) невредимости и защиты страны. И ежели он как-нибудь увидится с каэном, то вернет его обратно с миром и невредимо. В этой уверенности пребывал Иванэ из Бурсы. Взяв твердое слово, предстал пред царем. Поняв твердость слова картлийцев, эр-кахов, возрадовались и упрашивали идти и давали также заложников: «Хутлуша – человек верный и не оболжет (своего) обещания, я предлагаю положительного устройства».

Однако царь и слышать не хотел, ибо страшился татар, и стали в Гуелети. Видя разорение, большинство вельмож испросили (позволения) у царя и пошли в (Орду) для защиты страны, а Хутлуша милостиво принимал прибывавших к нему. И вновь разорили вышеупомянутую (часть) земель Картлийских, за исключением Мтиулети, и удалились в Орду.

Когда наступила пора сбора урожая, царь Давид вступил в Цхразмисхеви и приступил к разору вотчины Шалвы из Квениплеви за его двурушие. Стало тогда невмочь Квениплевскому (владетелю), взмолился он мсахуртухуцесу Сурамскому, картлийскому эриставу Хамаде позаботиться о нем пред царем. Поведали царю, но он не изъявил желания прибрать к своим рукам его вотчину, но (наоборот), даровал ему вотчину его. Шалва посыпал пеплом главу и молвил: «И се! – возмездие двурушникам царя». И так простил царь Шалве.

В то же время выступил брат царя Вахтанг, ибо поубавил он в любви и добре, ибо был он схвачен и схвачен братом своим Давидом и заточен в крепость Жинованскую. Ушел тайно и прибыл к Иванэ из Бурсы и говорил ему: «Не нанес я брату моему никакого зла и оскорблений. Нынче не пойду в Орду к его врагам. Сейчас ты пошли человека и уведоми его о моем к тебе приходе. Коли изволит и убедит клятвенно, что не повредит мне, не схватит меня, предстану пред ним, и пусть выдаст мне также немного содержания». Он же отправил человека и доложил обо всем этом. Царь же возрадовался и клятвенно подтвердил и забрал брата своего и предупредительно его обхаживал. Ему казалось, что он отступил в силу того, что Вахтанг привел себе в супруги дочь сына Шабура. И не желал Вахтанг пребывания без почестей и отправился он к Казану в Орду. Тот же милостиво его приветил и дал ему царство. И сопроводил ему Хутлушу с сильнейшей ратью, и пришел в Тбилиси. Там к нему примкнули все татары и грузины, и сын владетеля Самцхийского Беки – спасалар Саргис, таойцы, торельцы, тмогвельцы и армяне, ибо Шаншэ был первейшим.

Как узнал царь Давид, что Вахтанга возводят в цари, направил того же Бурсского (владетеля) для (заключения) перемирия и обещал явиться в Орду, ежели клятвенно удостоверят и выдадут заложника. Хутлуша поклялся и удовлетворил все просьбы. И отправился (владетель) Бурсский к царю. Он же возрадовался, отправил к нему царицу Олджат и католикоса Абрахама, и Бурсского (владетеля), и пришли они в Мухрани. Хутлуша и прочие ноины встретили Олджат в Базалети, и почтили ее, словно каэна, и дали слово твердое и печать каэна и наручный плат, ибо этим выражали они твердость клятвы, и выдали в заложники сына Хутлуши Сибучи. Однако не отпустили Олджат, но отправили к царю, чтобы привести его, католикоса, кадия и Бурсского (владетеля). Как только те предстали пред царем, он отметил отсутствие Олджат и по этой причине не соизволил увидеться с татарами, на то были у него большие опасения и страх. Отправил он тех же католикоса, кадия и Бурсского (владетеля), просил вернуть Олджат и (после этого) обещал встретиться. Когда же эти пришли к Хутлуше и он узнал о неприходе царя, говорил Бурсскому (владетелю): «Человече, что же тут обманного? Я дал ему твердую клятву, а он не явился. Так получай наказание за вранье».

И во гневе повелел казнить Бурсского (владетеля), тело которого Шалва забрал и отправил в усыпальницу его. Вахтанга утвердили на царство, а Олджат отправили в Орду.

А татары вновь направились в Мтиулети и перевалили в Гуелети, ибо там обосновался царь и весьма вредил татарам, (последних) ввиду их многочисленности не убывало. Когда же они убедились в твердости и неприступности Гуелети, снялись и удалились, ибо задули ветры и начался снегопад. Настигли их горцы и перебили множество. Также было перебито множество татар, вступивших в Зандукисхеви. И вступили они в Картли и ушли к Казану, привели ему Олджат и не вернули ее царю. Узнав об этом, царь вступил в брак с весьма благозданной дочерью картлийского эристава Хамады.

Ввиду такого смятения, во всей Картли в ту пору не было ни посевов, ни строительства в течение трех лет и шести месяцев, как во дни царя Ахава через Элию, хотя тут пять лет длился разор, ибо на вступивших в содомский грех разгневался Господь, и спервоначала мы оказались в горьком полоне, затем – в истреблении и избиении через варваров, потом стал убывать хлеб, и негде было его раздобыть для закупки ни за какие великие цены. Голод настолько разбушевался, что (люди) беззастенчиво поедали падаль. Наполнились трупами кварталы и площади, пути и поля, города и села, младенцы губами сосали окаменевшие груди мертвых матерей. И большая часть народа картлийского ушла в земли Самцхийские (владетеля) Беки, где только и можно было раздобыть и купить хлеб. В великом и неизмеримом милосердии пребывала супруга Беки – Вахахи, которая одарена была многими добродетелями.

Утвердилось царение Вахтанга. Потому как Казан вручил ему царство, овладел он (городом) Тбилиси и Сомхити, Дманиси и Самшвилде, но противостоял он брату своему Давиду, ибо был Вахтанг полон стати, тверд в вере, к церквам уважителен, покоен и кроток, немстительный, тихий и безмятежный.

В эти времена паче возрос мтавар самцхийский Бека. В эти же времена появились пребывавшие в Греции турки, которые летом обосновывались в горах Пархальских, зимою – подле Понта. И собралось (их) шестьдесят тысяч, главарем коих стал Азат-Мосе, человек отважный. Выступил сей Азат-Мосе со всеми силами его с целью разорения всей Грузии. И так только достиг Басиани и Тао, стал нещадно грабить, побивать и истреблять. И было истреблено и полонено столько душ, что не в силах о том повествовать, как безжалостно были перебиты старцы, отроки, юноши, дети-младенцы умерщвлены на грудях матерей. Ибо не ожидали они вторжения турок, и потому все деревни Тао были застигнуты врасплох, и никто нигде не скрылся. Потому-то и было перебито неисчислимое (количество людей). И Тао так разорилась, что турки, ушед из Вашловани, вторглись в непроходимые места Мургули и Нигалисхеви, где они и были биты сыновьями азнаура Херхемели. Тогда эристав таойский Така Панаскертский, который, ввиду малочисленности своего воинства, был слаб, но и в таком слабом (положении) дал бой у подступов к Тотромской крепости, весьма им навредил, однако, ввиду многочисленности турок, не смог изгнать их из земли своей, а турки пуще рассвирепели и разоряли Тао.

И достигла весть (об этом) мтавара Бека, для которого она оказалась весьма болезненной, как и должно было быть для его ума и разума. И призвал он всех своих подданных и двинулся против турок. Когда же он достиг Тао и Басиани, узнал, что турки удалились на свое зимнее стойбище. И не поспел. Печалился Бека по поводу разорения Тао, но обратился (в путь) к своему дому.

Пребывание в Тао тяготило душу его, он горел (желанием) оказать боевое сопротивление туркам. Созвал он знатных людей самцхийских, шавшетцев-кларджетцев, собрал всех и говорил им: «Услышьте слово мое, вы, начальствующие Грузии, братья и сородичи мои, паче прославленный среди скиптро- и порфироносцев, царь Давид сокрушил и ниспроверг мощь племени турецкого и отринул их от царства его. С той поры и поднесь не появлялись (у нас) турки. Ныне по греховности нашей сызнова восстали они и жестоко разорили Тао и полонили и истребили острием меча неисчислимые души, разгромили церкви и осквернили святыни и вновь приготовились они к злодеянию над христианами и разорению их, потому как царь ущерблен от татарского засилия и вновь уста и главы Грузии отступились и нет никакого противостояния туркам. Так внемлите, племена и единая воля, соберемся со всеми силами нашими и пойдем на турок, и не дадим им голов наших и детей, и не обречет Господь уповающих на Него и исповедующих Его и ниспошлет Он нам победу над ними, как дал Он победу над ними отцам нашим. Сложим головы наши за веру безупречную и братьев наших, и нет сомненья – Господь, Господь дарует нам жизнь».

И как только выслушали мтавары и воины Беки, радостно засвидетельствовали и договорились о походе на турок, (на этом) разошлись. И наступила пора летняя. Турки начали лезть ввысь и собрали множество (воинов) до шести беввров, ибо из всех городов примкнули к ним люди сарацинской веры на погибель христиан, и были не одни турки, но и персы. И узнав о приходе турок, Бека созвал всех своих подданных от Тасискари до Басиани: месхов, шавшей, кладржей, кола-артан-карнифорцев и большинство таойцев, ибо все эти земли принадлежали ему, а заодно с ними тмогвельцев и торельцев. И собрал количеством в один беври и две тысячи, и пошли на турок. Они вступили в горы Пархальские, разбили лагерь, и отправились военачальники полонять Вашловани и рассчитывали на приход Беки в земли Самцхийские, Картли и Сомхити. Как только турки пришли в Вашловани (человек, примерно, тысяч десять), им преградили путь воины Беки – человек пятьсот, что были отправлены защитниками, и стали в твердынях. Завязался жаркий бой, и бежали турки, и было их истреблено великое множество в укрепленных местах. Так предначертал Господь победу Беке над турками.

Узнав о бегстве турок из Вашловани, Бека возрадовался и спешно двинулся вперед и направился в Спери и Баберд, где стояли турки. Когда турки узнали об истреблении их войска малым воинством, раззлобились и стали скрежетать зубами. Их главарь Азат-Мосе призвал воинов турецких, отобрал из них тридцать тысяч мужей и двинулся на Вашловани мстить за кровь своих воинов. Ибо идти и сойтись с Бекой его не устраивало; другие тридцать тысяч направил в Тао и говорил: «Я пойду и разорю Вашловани и взыщу за кровь моих, а вы идите на Тао и сокрушите ее, если она еще где осталась, и станьте в Бана. А вернусь я победно и приду в Бану, и соберемся и двинемся на всю Грузию». Итак, направился в сторону Вашловани.

Тогда вооружились мандатуртухуцес и Бека и вся рать его и двинулись в сторону турок, ибо не ведали о движении турок на Вашловани. Пройдя немного, схватили они четырех турок-путников и представили их Беке. Он же допросил их о делах турок, где они находятся. Он разъединил их всех четверых, и все четверо говорили одно и то же: «Азат-Мосе с тридцатью тысячами всадников двинулся на Вашловани, а сорок тысяч оставил и направил их в Тао, либо завтра, либо послезавтра придут туда». (Бека) поверил словам их и разделил свое войско надвое. Большую часть отборных

воинов своих поручил он сыну своему первородному Саргису, который некогда был воспитан оруженосцем, и направил его в Вашловани против Азат-Мосе.

А Саргис потарапливался и на горе Вашлованской настиг некоего шедшего турка. Когда же (турки) увидели за собой воинов, изумились и мигом повернули скакунов своих на Саргиса. Узрели они малочисленность воинов, ибо месхов было пятьсот, а турок тридцать тысяч, возрадовались они, замыслили истребить всех. Всадники устремились бесстрашно, а Саргис выступил вперед, и воины его отважно ринулись. Произошел жестокий бой. В начале же схватки подались вспять и стремительно бежали, и было их перебито столько, что преследователи посчитали на поле боя павших турок и насчитали пятьсот тринадцать, помимо тех, что погибли от погони. И преследовали их до поры захода солнца. А Господь глянул милостиво на крестоносных. Дивно слышать, что в таковом бою из воинов Беки не было убито более пяти человек, да и то незнатных. Вот так ниспослал Господь силу и победу. А Саргис хоть и был юн, воевал отважно, ибо из рода своего вынес он отвагу и мужество по примеру пращуров его.

А Бека направился на семейства турок, (которые), встретив его и видя идущих в горах на турок Беку и воинов его, мигом отошли в сторону и бежали. И семьи те направились в горы, и не было при них имущества, стоящего чего-либо, и побросали все. А Бека и воины его стали их преследовать, хватали их и убивали, и не было тому числа. И лишь немногие из турок бежали в город и крепости сперские и некоторые – в Норкалак. Подоспели воины Беки, преградили тесные дороги и множеству семейств (турок) не было пути для бегства. Столпились турки и словно столпившихся баранов хватали их и уничтожали. Кроме того, произошло и следующее: обращенные в бегство сыном его (Беки) Саргисом настигли тыл мандатуртухуцеса Беки, где противостали месхи, и вновь их истребили и окружили город Спери. И с первого же боя взяли город, кроме крепости, наполнились имуществом, золотом, серебром, тканями, стадами, табунами, верблюдами, (крупным рогатым) скотом и баранами, число которых некому (было) установить. И сами же они навьючили ослов и с трудом (все это) забрали. Господь ниспослал такую победу Беке, что воинство его не убавилось ни на одного мужа.

Осадил Бека город Спери, и двести бежавших турок удалились в сторону Понта. После своей победы Саргис отправился к отцу, попутно разгромил Норкалак и предоставил воинам добычу и пленников и так победоносно предстал пред отцом. Когда сасперцам стала невмоготу осада Беки, прислали ему гонца, а именно: «Мы принадлежим каэну Казану, и турки с трудом убрались к Понту, а нынче мы умоляем тебя, снизойди и отступи, и мы дадим тебе безмерное золото и серебро, мулов и коней». Выслушал это Бека, забрал из Спери и Бабиберда неисчислимые сокровища и победоносно вернулись. И вышли ему навстречу мтавары из Карнуграда, пожаловали и они ему подношения и дары, и не навредил он им ничем. И таковой блистательной победой одарил Господь и вернулся он восвояси с имуществом превеликим. Ибо был Бека созидателем монастырей и церквей. Уважителен к монашествующим и старцам и благочинным, и не убывало в его церквах распорядка молитв заутренних, обедних и вечерних. И воины его блюли сии три службы. И потому-то Господь споспешествовал ему, и отдал каэн Казан ему Кари и окрестные его земли.

Мы же обратимся к начальному слову нашему. В ту пору Казан-каэн стал седлать коней против египтян и призвал он царя Вахтанга, и Бека также предоставил ему отборное свое воинство,

которое полагалось ему по службе. Двинулся Казан, вступил в страну Асурастанскую и Шамскую и стал разорять, ибо было воинства у него сто тридцать тысяч. И как проведал (о том) султан Мисры, коего именовали Насир Мелик, собрал он всю свою рать и прибыл и приготовился преследовать (врагов). И случилась война столь жестокая, что ноин Хутлуша с тысячью всадников стал впереди Казана против тех, которые в большинстве выступили против Казана, и из тысячи человек истребили шестьсот, и осталось около четырехсот, коими он одолел и обратил в бегство, и выступил ему пособником Чопан Сулдус с пятьюстами людей, среди коих отважно сражались Вахтанг и воины его. И потому как с обеих сторон истреблялось неисчислимое (множество), бежали египтяне и султан Насир Мелик. И вернулся Казан из погони и передохнул три дня, а на день четвертый (вновь) стали их преследовать и настигли немногих и перебили. И рассеялись татары, похватали их, и гнала их рать до святого града Иерусалима, места погибели многих душ христианских, а более персов. А Казан пошел на Диамушк, который есть Дамаск. А они, поклонники Всевышнего, сдали город и имущество бесчисленное, и укрепил Казан Дамаск и прилегающие к нему города и провел там около четырех месяцев. И оставил им защитников городских, и отправились в собственный дом – Тавриж.

И как настало лето, отступились дамаскинцы и прогнали защитников, (поставленных) Казаном. Узнав об этом, Казан призвал спаспета своего Хутлушу и царя Вахтанга и всех мтаваров Грузии и отправил их в поход на султана. Пришли и вступили в Шам и Дамаск и разорили Дамаск, но не сумели его взять. Прошли великую Антиохию и дошли до Газы. Но султан не осмелился воевать с ними, которые грабили (в течение) шести месяцев. И затем обратились и победно предстали пред Казаном.

И потому как царь Давид не доверился татарам, лето он проводил в Мтиулети, а зиму в Картли[57], потому и разлагалась страна Картлийская. А мтавар Бакатар усилился и разорял Картли, Триалети и сгонял с вотчин азнауров, и были беды великие среди жителей картлийских. Царь Давид собрал всех мтиулов, выступил и прибыл в Тбилиси, имея при себе воинство конное и пешее около пятнадцати тысяч, и сразился с кипчаками, шедшими на летние стойбища. Но часть кипчаков отошла в город, часть же бежала вдоль берегов Куры.

Узнав об этом, Вахтанг, стоявший в Табахмеле, пришел с немногими мужами, прошел мост и Сахидабели и прибыл в Махату, потому как Давид со своим войском стоял в Махате, на гребне хребта. И подступил Вахтанг с подножия (гор) и стал, но не схватился из-за превосходства войска Давида. Тогда некоторая малость (воинов) спустилась и здесь немногие (из воинов Вахтанга) пошли на них, схватились и обратили в бегство сторонников Давида, и убили двух братьев и детей их. Когда же бой усугубился, отряд из тысячи беглых кипчаков собрался при Вахтанге. Тогда постиг гнев Божий, и бежал Давид и рать его огромная осталась вне боя. Ушел Давид, не давший боя, по следам его ступали кипчаки и грузины и преследовали его до (самого) Джачуа, истребили людей неисчислимо. Но Вахтанг не был врагом Давиду, а схватился с ним из страха пред татарами.

Узнав, что Давид бежал, Бакатар стал нещаднее разорять Картли, а царь Давид не мог сопротивляться. Тем временем вошел в него злой недуг – подагра рук и ног, и стал он недееспособным. Был он человеком неверным и небогобоязненным, потому и, впав в злой недуг, обессилел. А Бакатар грабил страну, истреблял жителей, хотя Хамад Сурамский и Рати упорно

сопротивлялись. Тогда Бакатар отвоевал у Гамрекели, сына Кахи, крепость Дзами[58]. Узнав об этом, Бека с обширным войском выступил против Бакатара. Но Бакатар, выйдя из крепости, стал пред передовыми воинами Беки. Завязался жаркий бой, и в первой же схватке бежал Бакатар и скрылся в крепости. Отправился Бека (вслед) и упорно осаждал крепость. И когда ожесточилась осада, просили овсы милостью Божьей пощады и обещали не вредить; с тем и явился непосрамленный Бакатар пред Бекой, и затем помер.

Теперь же начнем повествовать о татарах. Ввиду того, что египтяне прогнали стражников Дамаска, разгневанный Казан выставил того же Хутлушу с сильной ратью и Вахтанга с войском Грузии. И как только султан узнал об их прибытии, он встретил их с боем. И прозошла битва сильная, погибло с обеих сторон множество. Но в этот день не выявилось победителя, и ночь их разъединила. И как только татары отступили, они увидели высокий хребет, и вступил на него Хутлуша с воинами своими, (а также) – Усейн и Севинджи. Только Сибучи, сын Хутлуши, прибыл и стал на равнине вблизи султана. А при нем были воины Беки, и все они держали коней наготове. Схитрил султан, ибо пустил вслед за татарами воду, и в ту ночь возникло такое болото, что кони и воины беспорядочно исчезли в этой тине. Когда же рассвело, татары обнаружили за собой болото илистое, а пред собою множество воинов, и обессилели они. Нашли в том болоте илистом узкое место, и в нем погибло множество воинов и коней. Когда (это место) наполнилось воинами и конями, бежавшие вспять воины стали их топтать. Хотя и бесчисленно погибли татары и грузины, но Вахтанг и ноины остались с миром и предстали пред каэном, который, однако, разгневался и заточил в темницу всех ноинов. И стал вновь снаряжаться против султана, однако занедужил хворью живота и помер. И был плач по нем всякого люда за правдивость его, при каэнстве которого не было злодеев и разбойников и неправедных людей, и поэтому (смертью своею) оставил людям печаль.

А после него на престол каэна посадили брата его по имени Харбанда, коего впоследствии именовали султаном Олджат, был он кривой на один глаз. И насколько мог, он держался по чину брата своего Казана, ибо и он был добрый человек. Он обустроил всю державу свою и много добра сделал Вахтангу.

Сей Харбанда изъявил волю отправиться в Гилян и созвал всю татарскую рать и самого царя Вахтанга и на четверо разделил (всю эту) рать свою: лучшую и наизаслуженнейшую (часть) рати он оставил при себе, а также царя Вахтанга. Одну (часть) рати дал Сулдусу Чопану. И каждого из них отправил по предначертанному им пути, а на собственный путь со всеми выступил в Гилян сам каэн Харбанда, и предводителем поставил царя Вахтанга. Однако гилянцы, хотя и были малочисленны, не дрогнули, ибо было в Гиляне четыре главноначальника, коих звали Эркабазн и Убаш, Ростан и Асан. Сей (последний) лично стоял в твердыне, расставил заграждения, и предстал Эркабазн пред каэном Харбандой и схватился с ним, и произошла битва мощная, ибо предводительствовал (сам) Вахтанг. Из-за тесных дорог и частоты леса пешие не двигались, на небольших же равнинах были илистые (топи).

Когда битва усугубилась, татары и грузины вначале сражались стрелами, а затем мечами, а Харбанда наблюдал лично. Немногие приходили на помощь и воодушевляли голосами. С ожесточением битвы царь Вахтанг ни разу не повернул спины, а также рать его, однако, ввиду

тесных дорог, было побито столько, что из десяти в живых оставалось едва ли двое. При нем находились сомхитары, и все они были всадниками. И была погибель, многие азнауры остались без наследников, ибо отцы, сыновья и братья – все были вместе. Но некоторые из них все-таки спаслись. Сам Вахтанг не покидал поля, но мощно и отважно бился. Изумила татар отвага грузин, ибо был Вахтанг бесстрашен в бою и отважно сражался. И был он легко ранен в бедро. И стало солнце заходить, и близилась ночь, и разошлись.

Узрел каэн мощь лесов и скал этого края, и ночью полностью удалились. Проведали об этом гилянцы и стали преследовать и настигали их и весьма им навредили.

Но предстал пред (гилянцами) с другой стороны сын Хутлуши. А главарь гилянцев Убаш сплел плетни, подвесил врата и оградил ими тесные проходы и противостал Хутлуше. Но тот прянул с коня, присел на стул и велел воинам Беки пройти (под оградой), и те последовали. Проникли из-под плетней и прошли, и произошла тут битва мощная с грузинами и месхами. Но они не повернули спины и отважно бились, и большинство гилянцев было истреблено. Тогда кто-то метнул стрелу и попал в непокрытую голову ноина Хутлуши и он мигом замертво свалился со стула. Как только увидел гибель своего отца, сын его Сибучи стремглав бежал и также войско его, а месхи остались за плетеной (оградой). (Лишь) немногие (спаслись) бегством, а большинство пало. И постиг неизмеримый гнев Господень татар и месхов, ибо там, где стояло дерево акации на равнине, ночью накопилась вода. И возникли такие илистые топи, что не могли продвинуться ни кони, ни пешие, и была погибель великая.

Но и с Чопаном схватился Ростан Мелик в равнинной местности, но Чопан одолел и тот спешно удалился в твердыню. Не стал (Чопан) следовать за ним, но спешно велел всадникам своим следовать за ним. Сын Джаваха Гамрекели отважно сражался в той войне и вернулся с миром.

Асан сразился также с Усейном и овсами, (бой был равный) и победы не было ни за кем, и они бежали и прибыли и собрались в Ужане пред каэном Харбандой.

Сулдуса Чопана определили главным командующим взамен Хутлуши, а царя Вахтанга почтили и всех вельмож его в награду за отважные подвиги отправили восвояси с обильными дарами.

Как только ушел Вахтанг, случились каэну Харбанде люди из хадриса, сарацины верой и супостаты христославов, и говорили ему: «Ежели ты не отречешь всех христиан от веры их и не разрушишь церкви, не одолеть тебе неприятелей твоих и не преуспеть царству твоему и правлению». И эту мерзость вытошнили зловерные. Поддался каэн насилию их и приступил к погрому церквей. И направил войско и одного из главных ноинов вторгнуться в Грузию, понудить царя и всех грузин отречься от веры и обратить их в сарацицы, и по всей Грузии громили они церкви. И настиг сей отправленный ноин идущего в Нахчеван Вахтанга. Но царь Вахтанг не оробел, наоборот, взбодрился и более – вселял (воинам) отвагу на подвиги за Господа Христа и говорил воинам своим: «Люди, братья и единоверцы и истинные исповедники Христа! Помятуйте веру отцов ваших, услышьте глас святых апостолов, вспомяните подвиги и отвагу мучеников и узрите очами вашими во храмах чудодеяния их бесчисленные и услышьте из уст неложных благовествование, а именно: «Кто примет Меня пред людьми, того приму и Я пред Отцом Моим Всевышним» и вновь: «Ступайте ко Мне все страждущие и обремененные, и Я дам вам отдохновение». Ныне не дрогнув, пойдем к каэну и положим души наши за Того, Кто положил душу Свою за нас. Прежде предадим мы головы наши погибели, а затем да будет воля Божия и Он защитит паству Его».

Выслушав это, воины Вахтанга радостно приняли повеление его, спешно отправились в Орду и предстали пред каэном. Каэн не изумился прибытию царя. И пришли ко двору каэна и пали на колени, говорил (царь) голосом высоким: «Слушай, о, высокий и многосильный каэн. Дано повеление всем христианам отречься от веры нашей. Так слушай: осчастливленным дедам и отцам вашим повиновались и служили отцы и деды наши с этой верой, и не было ими слыхано, чтобы вера грузинская была скверной, но были мы наизаслуженнейшими повсеместно. А вера персидская паче омерзительной почиталась первыми же каэнами. Потому-то их и истребили, что были они ядоносны, мужеложцы и человекоубийцы. И ежели внемлешь словам персов, о, каэн я, царь грузинский и все мтавары грузинские предстоят пред тобой, и я готов умереть за веру христианскую, а затем и все они, пред тобой предстоящие христиане. И се! – отсеки наши головы». И подставил выю свою. Выслушав слово сие, изумился каэн и уважил царя, и со словами сладкими поднял его и поклонился и стал хулить виновников.

Но случилось и то, что разрушили церкви в Тавреже, а в течение четырех дней истребили четырех сыновей Харбанды. И этим своим предстоянием царь спас Грузию от надвигавшегося на нее зла и смятения.

И ушел Вахтанг, уваженный, и прибыл в оный же Начхеван. Но проник в него недуг живота и преставился, украшенный царским венцом. И увезли его и погребли в Дманиси. Осталось у него два сына: Димитрий и Георгий. Димитрий владел Дманиси, а Георгий – Самшвилде.

И как вручили военачальство самого Хутлуши Чопану, выступил Чопан с воинством бесчисленным. Вначале вступил в Кола-Артани до Арсиани и оповестил Беку, дабы встретиться с каэном, то есть Чопаном, чего Бека не взял на себя, но сопроводил ему сына своего меньшого по имени Шалва. Отбыл он, прошел Сомхити, и остались владения Беки с миром.

И тут стала восходить заря царевича Георгия, что был взращен дедом его великим Бекой и коего Бека сопроводил Чопану, а тот представил его каэну. И он милостиво почтил его, наперед предопределил ему царские знаки. Сей каэн отправил посланника и просил у (Давида) сына, чтобы сделать его царем. Тогда сей Георгий был малолетним, и его отдали и отправили в Орду, и каэн дал ему царство и Тбилиси и определил ему наставником и устроителем дел великого Георгия, и пришли в Тбилиси.

В том году преставился мтавар самцхийский Бека, человек, преуспевший во всем, высокоблагородный в делах Божеских и людских, правотворец, созидатель церквей и монастырей, в миру благородный, безмерно щедрый к убогим. А возлюбленная супруга его была столь щедра к епископам и монахам, что стоило узнать ей о добром деятеле и ученом епископе либо монахе, она призывала и приводила такого пред собою и содержала его во множестве даров и почестей. И был дом ее полон монахами и старцами. Вместе с тем привечала она сирых и вдовых, а в доме ее не прекращались троекратные моления. Потому-то Господь и споспешествовал ей в одолении неприятелей во дни жизни ее. В мире и покое преставилась она семидесяти лет и оставила по себе траур и печаль безмерную населению самцхийскому. И овладели Самцхе трое сыновей ее: старший Саргис, затем Кварквaре и меньшой – Шалва.

А на третий год скончался царь Давид, утружденный горьким недугом, и упокоили его в усыпальнице царской во Мцхета, а заменили его сыном его малолетним Георгием, царем в возрасте двух лет.

После этого каэн изволил вооружиться против страны Шамской, крепости, которая называется Рабам и коею владел султан Мисрийский. Отправился с силами своими и забрал с собой войско великое и осадил Рабам на пять месяцев, но не навредил ей, снялся и удалился. И было у него с собой шесть орлов, обученных с прочими птицами, и также барсов, столь велика была сила его. Вернулся каэн восвояси и впредь во все дни свои никуда не выступал походом, пребывал в мире и беззаботности и владел каэнством тринадцать лет.

А султан Олджат отправил малолетнего Георгия царем, и мелика Заала – некоего перса хорасанского и Ахруча – дядю Чопана отправил с ними, дабы собрать всю Грузию под царение Георгия. И приставили они к нему Шаншэ Мхаргрдзели и Захарию, рожденного дочерью Авага – Хуашак. Прибыли в Джавахети, затем Кохтастави и приглашали Саргиса и Кваркваре посетить их, но те не изволили.

В эту пору произошла смута в Греции, отступились от Олджата дети Пармана и великий город Конийский. Тогда каэн отправил Чопана во главе своего войска в Грецию и сопроводил ему также грузин. И Георгий отправился с Чопаном, а Георгий (младший), мелик Заал, Шаншэ и Захария не пошли с ним; снялись и двинулись, и вступили в Тбилиси. И забрали с собой в Грецию царя Георгия, и не смогли противостоять парманцы их войскам (в течение) одного года. И пребывавших здесь грузин выдали царю Георгию. Примкнули к нему джавахи и торельцы, сколько их было, и куда бы ни вторгались и где бы ни схватывались, проявляли мужество бойцы, царь Георгий и все грузины. Таким образом подчинили они всех отступников и непокорных и, спустя год, прибыли к себе. И в пору жатвы, когда Чопан предстал пред каэном и немного, примерно, месяц пробыл у него, помер султан Олджат и оставил он малолетнего, семи лет, сына, по имени Абусаид. А того же увезли и погребли в городе, который именуется Коргоиланг, который он основал и расширил паче Таврежа и дал ему название Султания.

Узнал царь Георгий о смерти каэна и о замене его Абусаидом и отправился в Орду. Приветили его, и возрадовался Чопан и возлюбил его как сына и отдал ему всю Грузию и всех мтаваров грузинских, и сына царя Давида, и месхов – детей Беки.

И засияли светила, а дар речи изменяет мне, чтобы повествовать о дивах чудесных, наводящих страх.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Коренное население Сомхити, как называют древнегрузинские авторы, с одной стороны, южные области Грузии – Нижняя (Квемо) Картли, и, с другой, Армению. В данном случае мы имеем дело с явлением, аналогичным названию «Абхазети», которое значило и Абхазию в узком ее значении (абх. Апсны), и всю Западную Грузию, а порой даже и Грузию в целом. Население Сомхити нередко выступало под двойным этнонимом: сомхитары-картлийцы. (ср.: Меликсет-Бек Л. М. Армяне в Грузии. – В кн.9: Кавказ и Византия. Ереван, вып. 1, 1979, с. 175-176, на арм. яз.).
2. Очевидно искаженное написание какого-то антропонима.
3. Имеется в виду нашествие монгольских отрядов на Азербайджан, преследовавших хорезмшаха Джалал-ад-Дина (1220-1231).

4 Гандза основана в середине IX в., вторая после Бардава столица древней Кавказской Албании; росту Гандзы способствовали тесные военные и экономические связи с Грузией и Арменией. Гандза была важным пунктом, связывавшим Грузию с Восточным Закавказьем, о чем свидетельствует наличие в средневековом Тбилиси «Гандзийских Ворот».

5 Существует разноречивая идентификация названия реки Бердуджи с реками: Дебед, Дзегам-чай (=Сагим), Акстафа.

6 Имеется в виду первое столкновение грузин с монголами в 1222 г. Георгий Лаша был сыном царицы Тамар.

7 Юго-восточная область исторической Грузии.

8 Грузинская форма названия Дербентского прохода, одной из важнейших стратегических артерий, связывавших Закавказье с северо-восточным Кавказом.

9 В древнегрузинских источниках чередуются арабская и персидская формы данного названия, соответственно: Шарван и Ширван. В. Ф. Минорский (см.: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963, с. 34) с ссылкой на древнегрузинские источники писал, что персидская форма – Ширван – окончательно утвердилась лишь в XVI в.

10 О кипчаках на Северном Кавказе см.: Анчабадзе З. В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей. – В кн.: О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960, с. 115, 120-121. В Грузии вплоть до конца XIII в. существовала государственная должность «ме-са-кивчаке» (дословно: «собирающий [подать] для кипчаков»), в ведение которого входили сборы специальной подати на содержание половецкого наемного войска.

11 Древнегрузинские названия населения к западу и востоку от Сурамского хребта (древнегруз. «Лихи»). Кроме того, есть данные, свидетельствующие, что имерами (дословно «потусторонними жителями») назывались также народы Северного Кавказа в целом.

12 Укрепленный город на северо-западе Кавказа.

13 Сестра и преемница Георгия IV, правила в 1223-1245 гг.

14 Видные грузинские военачальники в период борьбы с хорезмийцами.

15 Речь идет о поражении грузин от войск Джалал-ад-Дина у города Гарни (1225 г.). Случай опознания Шалвы «нахчеванцами и адарбадаганцами», подчеркиваемый летописцем, свидетельствует о непосредственных контактах деятелей Южной Грузии (смежной с Арменией) и Азербайджана.

16 В данном случае под Абхазией подразумевается вся Западная Грузия с включением собственно Абхазии.

17 Отступление Джалал-ад-Дина из разоренного им Тбилиси в Адарбадаган, где хоремзмшах спешно стал готовиться к отпору монголам, свидетельствует о непрочности его положения в Тбилиси.

18 Предки вайнахской группы народов (чеченцев, ингушей, бацбийцев); упоминаются также в ранних частях КЦ и армянской «Географии» VII в. В поздних грузинских материалах этот народ известен под названием «кисти», в котором смысл старого термина «дурдзуки» сузился до пределов представления в нем только ингушей.

19 Города в средневековой Армении.

20 Ср. сообщение Себастаци об установлении мира между кипчаками, появившимися в Тебризе после первого нашествия монголов, и тебризцами (Галстян А. Г. Армянские источники о монголах. М., 1962, с. 23, и там же примеч. 13).

21 Тавриз монголы забрали, как предполагают, ок. 1232 г., в связи с этим вторжение их в Грузию датируют 1233 г. Местность Муган была плацдармом монголов в Завкавказье.

22 Город и округ в Ширване.

23 Древнегрузинское название западной окраины Кавказской Албании. Падением названных областей (ок. 1235 г.) завершилось завоевание монголами Кавказской Албании.

24 Придворная должность в феодальной Грузии («министр двора»).

25 Город в исторической Армении. В борьбе против вторгшихся монголов феодальные владетели, естественно, не могли выдвинуть достаточно монолитную силу. Поэтому они и прибегли к тактике индивидуального сопротивления – обороны отдельных городов, крепостей, замков и т. д.

26 Современный г. Кутаиси.

[27] Под термином «Кавказ» в грузинских летописях традиционно подразумевается Северный Кавказ в целом без включения в него Дагестана. Последний обычно выступал под различными названиями соответственно различным его регионам (Дидоэти, Лекети и др.). Северный Кавказ и северные области Картли – Мтиулети, население которой было родственно этнически как вайнахам, так и горцам-грузинам, часто служили надежным убежищем для скрывавшихся от врагов жителей различных областей Закавказья.

[28] Одна из областей исторической Армении.

[29] Монголы предпринимали набеги на Грузию и Армению весной и летом, а с началом холодов удалялись на территорию Азербайджана.

[30] Гийас-ад-дин Кайхосров II, правитель Румского султаната в 1236-1245 гг., супруг Тамар – дочери Русудан.

[31] Категория средневековых грузинских феодалов.

[32] Это единственное сведение об абхазском эриставе Шарвашидзе Дардине и его связях с Румским султанатом. Абхазский феодальный род Шарвашидзе, представители которого играли видную роль в культурной и политической жизни Грузии в течение всего средневековья и нового времени (см.: Джанашиа С. Н. Георгий Шарвашидзе. – В кн.: Шарвашидзе Г. Соч., Тбилиси, 1946; на груз. яз.), впервые упоминается в «Истории и восхвалении венценосцев». Родоначальников Шарвашидзе не без оснований считают выходцами из рода Ширван-Шахов (Гулия Д. И. История Абхазии. Тифлис, 1925, т. 1, с. 138; Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, с. 192), владения которых были присоединены к Грузии при Давиде Строителе (1089-1125). (С. Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Пер. с англ. и причем. В. В. Бартольда. СПб., 1899, с 295).

[33] Отправка сына Русудан к Бато в Сарай имела место ок. 1243 г. В августе-сентябре 1246 г. его вместе с русским князем Ярославом Всеволодовичем (1190-1246) видел в ставке хана Гуюка Плано Карпини (см.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 34).

[34] Сразу же после смерти Русудан (1245 г.) монголы превратили Грузию в свое наместничество, разделив ее на восемь думанов.

[35] Речь идет о раскрытии заговора, участники которого готовили антимонгольское восстание. Заговор был организован ок. 1245 г. в местечке Кохтастави (историческая Месхети, к юго-востоку от г. Ахалцихе); в нем принимали участие представители как Восточной, так и Западной Грузии, в источнике называемой «Абхазети» (Абхазия). Монголы в итоге амнистировали виновников, что говорит о политической осторожности завоевателей в отношении отдаленных провинций.

[36] Грузинская форма имени ильхана Хулагу (1256-1265).

[37] По пути на запад Хулагу остановился в Азербайджане, где намеревался пополнить свое войско.

[38] Местность в Армении.

[39] После разгрома исмаилитов (1256 г.) Хулагу принял титул ильхана. В обширной империи Хулагу христианским народам Закавказья принадлежала важная роль, о чем свидетельствует его покровительство им даже в ущерб мусульманам.

[40] Рашид-ад-дин (Собрание летописей. М., 1960, т. II, с. 118, 120) сообщает, что среди первых мероприятий хана Гуюка, на избрании которого в 1245 г. присутствовали «из Гурджистана – оба Давуда», хан «Давуда, сына царицы, подчинил другому Давуду».

[41] Джигда-Хатун – первая супруга Улу Давида, по происхождению монголка. Бракосочетание состоялось из политических соображений Улу Давида. В отсутствие супруга Джигда-Хатун с помощью Джикура исполняла роль правительницы Грузии. Но уже в 1259 г. сын Улу Давида Георгий, рожденный от Алтун, в документах ставит подпись вслед за отцом, что свидетельствует о падении ее роли в государственных делах. Очевидно, в этот же период был оттеснен от активной деятельности и Джикур. Причины этого смещения неизвестны по первоисточникам, но они, вероятно, заключались в ослаблении монгольского контроля. В этой связи не случайно сообщение летописца о признании Джигдой-Хатун адюльтера ее супруга с аланкой Алтун, которая, вероятно, являлась представительницей влиятельной прослойки осетинского общества, никогда не подчинявшегося монгольским властям. Обращает на себя внимание тюркское имя этой аланской дамы, что

должно свидетельствовать об уровне влияния тюркоязычного элемента на Северном Кавказе в описываемое время.

42 После разделения Грузии «на два мтаварства» «страна благоустроилась». Это не входило в планы монголов, и потому они держали грузин под постоянным контролем. При дворе правителя Восточной Грузии в этот период выдвинулся некий Джикур (даты рождения и смерти неизвестны). Будучи гражданским администратором при дворе Улу Давида (в должности гостинника, груз. «местумре», в обязанности которого входило соблюдение протокола приема послов, «гостей»), Джикур благодаря своим выдающимся личным качествам приобрел большое влияние на царя, который на время своего пребывания в стане монголов давал ему фактически неограниченную власть в Грузии. Летописец ничего не говорит об его этническом происхождении, но имя «Джикур» (что значит «Джикский») должно указывать на его джикское происхождение. Очевидно, это был один из тех многочисленных представителей народов Северного Кавказа, чьи имена встречаются на страницах грузинских летописей среди видных государственных деятелей и крупных феодалов Грузии.

43 Согласно армянским историкам (Гандзакеци, Себастаци и др.), монголы провели перепись подвластного населения и опись его имущества в 1254 г., что было вызвано прежде всего экономическими затруднениями завоевателей.

44 Речь идет о войне монголов против Египта и об участии в ней грузин.

45 И. А. Джавахишвили со ссылкой на Анийскую надпись Абусаида пишет, что в описываемое летописцем время существовало двоякое понятие о «рубежах Грузии» – этническое и государственное (сферы влияния и зависимости). Для сравнения можно сослаться на сведение армянского историка Степаноса Орбеляна о передаче монголами Димитрию II «сполна страны Армянской, дома Авага, дома Шаханшаха и сыновей Гагели и атабека Садуна» (С. Орбелян. История, с. 426). Во всяком случае, летописец отразил пока еще жившую местную домонгольскую летописную традицию, в описываемое время переставшую соответствовать реальному положению вещей. В конце XIII в. восточные рубежи Грузии проходили вдоль р. Агсу. Номинальной была власть зависимых от монголов грузинских правителей и в Никопсии. Что же касается самого Димитрия, то его власть вообще не распространялась на Западную Грузию. Относителъно Дербента следует обратить внимание на следующее обстоятельство: не имеем ли мы в комментируемом контексте употребление данного названия в широком смысле, столь часто применяемом грузинскими летописцами? Известна историческая традиция, согласно которой территория Дербента простиралась далеко на запад (см.: Бартольд В. В. Соч. М., 1965, т. III, 424).

46 Сообразуясь с ситуацией, монголы не пошли на расправу с заговорщиками. Озабоченность придворных Хулагу о безопасности со стороны Северного Кавказа вполне понятна: в упорной борьбе между джучидами и хулагуидами, одинаково стремившимися к полному овладению Закавказьем, важное значение отводилось Дербенту и Северному Кавказу. При этом особое внимание обращалось на то, что вассальная от хулагуидов Восточная Грузия задабривалась джучидами, и это могло иметь нежелательные для ильханов последствия. Между Золотой Ордой и Грузией существовали торговые сношения, связи осуществлялись по Дербентскому проходу и Дарьяльскому пути.

47 Успеху хулагуидов в их длительной борьбе с золотоордынцами во многом содействовала поддержка со стороны христианских народов и особенно – грузин, армян и алан. Важной ареной военных действий между соперниками были Кахети и области древней Кавказской Албании – Эрети и Камбечиани. На этой территории, которая задолго до описываемых событий составляла часть Картлийского царства, комплектовались основные контингенты войск грузинских правителей, союзников ильханов. В связи с этими войнами монголы вновь провели перепись местного населения и опись их имущества.

Как и в египетских источниках (см.: Бартольд В. В. Соч., т. V, с. 503), Берка в «Столетной летописи» назван сыном Батыя, которому он в действительности приходился братом. В рассказе египетского автора XIII в. о начале военных действий между Беркой и Хулагу в качестве дипломатического курьера египетского султана фигурирует некое лицо «из аланских купцов» (цит. по: Тизенгаузен В. Г. Материалы, относящиеся до истории Золотой Орды. М., 1886, т. I, с. 55-56). Но он вряд ли был из кавказских алан. В упомянутом египетском источнике говорится, что послы султана, направляясь к Берке, побывали «в местечке Крым, которое населяют

люди разных наций, как то: кипчаки, русские и аланы» (там же, с. 63). По сообщению Киракоса Гандзакеци, кавказские аланы поддерживали Хулагу: во время войны против Берки один из отрядов наемников «он собрал у аланских ворот».

48 По словам Киракоса Гандзакеци, преемник Хулагу – Абага (1265-1282), «собрав большое войско, пошел воевать против войск Берки, выступившего за Дербентские ворота и раскинувшего свой стан на берегу Куры». Грузинский и армянский историки дают ряд важных топографических подробностей.

49 После смерти Улу Давида (1272 г.) на престол Восточной Грузии вступил его малолетний сын Димитрий Самопожертвователь. В политической жизни Грузии в этот период все более активную роль играют иноплеменные элементы. Если в прошлом они настолько «огрузинивались», что летописец считал нужным относить их «к роду-племени грузин», то теперь из-за культурного и политического ослабления грузин в этих племенах начинается тяга к денационализации. Это видно на примере Садуна Манкабердели, одного из могущественных временщиков Грузии и Армении времен монгольского владычества, родом курда. Источники свидетельствуют о его умении адаптироваться в среде грузинской, армянской и монгольской знати. Отличался особой приверженностью к монгольским властям, с помощью которых получил высший воинский чин в Грузии и ряд крупных владений в Армении. Известен как искусный шантажист, державший местную знать в постоянном страхе перед монголами.

50 Представители высшего духовенства Грузии не преминули воспользоваться теми льготами, которые давали монголы некоторое время христианам. Епископ Гареджийский Пимен восстановил среди дагестанцев, населявших смежную с Грузией территорию, христианство, забытое здесь в тяжелый период монгольских завоеваний.

51 В конце XIII в. население Дербента подняло антимонгольское восстание. В подавлении «мятежа» принимал участие Димитрий II (участвовавший во всех военных мероприятиях монголов), вероятно, не без видов на собственные выгоды. Неслучайно грузины в этот период активизировали миссионерскую деятельность в соседних регионах Дагестана, не встречая при этом каких-либо возражений со стороны монголов.

52 И. А. Джавахишвили предположительно корректирует: Ану (?); местоположение крепости не установлено.

53 Заподозренный в участии в заговоре монгольской знати против хана Абаги, Димитрий II был вызван им в ставку (1289 г.). В связи с этим грузинская знать созвала совет, на котором царю предложили бежать в «укрепления мтиулетские, либо абхазские». Под этими названиями надо подразумевать в первом случае горные области южных отрогов Главного Кавказского хребта, населенные предками современных бацбийцев, тушин и хевсуров; во втором – труднодоступные районы Северной Абхазии или Сванетии.

54 После гибели Димитрия II в ставке ильханов возникла борьба вокруг вопроса о престолонаследии в Восточной Грузии. В связи с этим обстоятельством и упоминает летописец «овсского царя» Фареджана, одного из участников совета, состоявшегося при ханском дворе, активного сторонника Давида и противника Вахтанга (сына Давида Нарина), ставленника большей части грузинских феодалов. После смерти хана Аргуна (1291 г.) эта борьба приняла особенно острый характер, и сторонники Давида, среди которых овсская группировка, возглавляемая Фареджаном, играла важную роль, одержала верх.

55 И. А. Джавахишвили считал, что активизации овсской экспансии в Картли на рубеже XIII-XIV вв. способствовали частые отлучки Давида в ханскую ставку, а также ослабление Грузии в результате тяжелых войн.

56 С приходом к власти ильхана Махмуда Газана (груз. Казан-хан) в 1295 г. (Босворт К. Э. Мусульманские династии, с. 200) в государстве ильханов окончательно восторжествовало мусульманство и начались активные гонения на христиан. Это привело к разрыву между ильханами и их недавним союзником и сотрудником Давидом VIII. Последний действует против Газан-хана уверенно и самонадеянно; он отверг решение собственного совета явиться в ставку ильханов по требованию Газана; на его стороне были многие из племен и народов Закавказья. Очаг его мятежа – Мтиулети – область, расположенная на южных отрогах Главного Кавказского хребта. Этот регион, не входивший в этнографическую Картли, был населен родственными вайнахам племенами, находившимися под культурным влиянием и в политическом союзе с картлийцами. Будучи естественным союзником картлийцев, Давид мог свободно распоряжаться проходившими по их территории стратегическими путями, связывавшими значительную часть Северного Кавказа с Закавказьем.

[57] Положение Давида VIII на первых порах было прочным, он безбоязненно мог проводить зиму в долинной Картли. Не дождавшись золотоордынских ханов, выступавших против Газана, Давид стал действовать самолично, опираясь в основном на составленное из мтиулов и местных картлийских феодалов войско, которых он привлек, очевидно, не без усилий. Основная цель его – отвоевание Тбилиси у Вахтанга III (воцарился в 1304 г.). На стороне последнего участвуют овсы со своим правителем Бакатаром, преемником Фареджана. Овсы, по словам летописца, были наиболее активной силой, выступавшей против Давида VIII.
Бакатар умер 1304 г. После его смерти овсы упоминаются всего один раз в составе монгольского войска во время похода Мухаммада Худабанда в Гилян в 1307 г.

[58] Крепость Дзами была расположена в одноименном ущелье во Внутренней (Шида) Картли.

დიმიტრე თავდადებული:

მე მომადლე ; ლმინა და მოიხუცა, და წარიყვანა სახლსა თჳსსა, და შეიყვა
რა ხოჯას თჳსსა, რომელი უკანასკნელ სიმდიდრე იქმნა:
ხოლო ყრმა იგი პატივსანი დიმიტრი მეფისა დავითის მოაგონდეს, რათა
არა წარიღონ ქართველთა, და ესოდენ სასოწარკუეთილ იქმნა წ̃რ თქმული, ვასილი მის
წმიდისა: ხ̃ იყვნეს მოაგონი წარჩინებულნი საქართველოსანი, და ყ̃ო
ვნ იგავდეს ყრმა თვისი ყრმა მეფისა: მაშინ ჴ̃ნმან, და მოს̃ე იყვნეს ყუცნი
და მისუცა თანა წარიყვა, და მიიყვანეს ღამით ყრმა დიმიტრე მეფისა: მაშინ
განვემითა შეეყარდეს ყრმა ჩინდეს ყუცნი ცთვალისანი, რომელთა აქუნდა
თუალნი წარსალმეულად, და თუალსთათანა იტყვოდნეს, და მიიღეს მცხეთას,
და დამარხეს სამარხოსა მამათა მათთასა, ვითარცა იქმნა ესე უწყალო და
ვთ მე დიმიტრესი შეიწყნა ყუთილად ტაძარ ნოირმან: ხ̃ დიდოთაველი, და ესე
ნი ცოლნი მეფისანი დამალნეს: ... წარვიდა, სახლსა მამისა მისისა
თათარში: ხ̃ ქალი მეფისი, წარვიდა მამისა მისისათანა სამცხეს, და ვა
ხტანე იყო მთიულეთს: ხ̃ ყრმამან მისცა დიდებულსა სარჩოდ სპარეთს
ჭუვ, და ეახლნეს ორნი მეკვირდნი ძენი მანოდლ, და ღამის: და სხვადასხვა წა
რაყვეს ორნი შვილნი ბადური და ილდგარ სახლსა მამისა მისისასა, და დარჩ
ქმყვნა ესე უბედლ:
ხოლო მოუწოდა ყაინმა ხუცლოსუბულის და პარქუ, აბა მივიწონ უწყალ
ნი მტერნი ჩემნი, და მეჭირვებოდა შენი მეფე დიმიტრე, და აწ მეფე პოლატის ძ
მისოული, რომელი ალმითქვ, მოიყვანე მე ათეხანთა მეფისა, და იყოს იგი მე
ფედ, მაშინ მივიდა ხუცლოსუბულთ საქართველოს უწყალო, და განაგებდა ვითარ ვნე
ბავს, და წარიღო ათეხანმე, და წარვიდა ხუცლოსუბულა მეფისა დავითის წ̃ე:
და ვითარ იხილა ხუცლოსუბულა, მეფემან დავით, მოუწოდა სპათა თჳსთა
წარმოემართა, და თანა წარმოიტანა მე მისი ფხეტანე: განდგომილეს და და
ვეს ტაბის კარს ქუმხეთის მინდორსა: აქათ მოვლეს სიომონ ნინის შვი
უწყინა ალიყანის შვილი ყუროუმჩი, რომელი დგას მთათა ჯავახეთისათა,

ოკ̃ ან

Анонимный летописец, Столетняя летопись. Картлис Цховреба, дадиановский список (середина XVIII в.), Национальный Центр Рукописей, Тбилиси, S-354, 466v.

[illegible]

Анонимный летописец, Столетняя летопись. Картлис Цховреба, палавандишвилевский список (середина XVIII в., добавлен в 1761 г.), Национальный Центр Рукописей, Тбилиси, H-988, 186v.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

А

В

Г

Д

Ж

З

И

Л

М

Н

О

П

Р

С

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН

А

Г

Д

Е

М

Н

О

П

Р

С

Т

Ф

Х

Ц

Ю

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ИМЕН

А

Б

В

Г

Д

Е

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор

Лина Абуашвили

Указатели составила

Нестан Багаури

Издательская группа

Этер Баидошвили
Ирма Беридзе
Александр Джикуридзе
Виола Тугуши
Марта Циклаури

Издательство **АРТАНУДЖИ**

Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе, 17 б. 25-05-22, 91-22-83, 8(93) 25-05-22.

www.artanuji.ge artanuji@artanuji.ge